M 54/81
188

ВЪ ГОСТЯХЪ

У ЭМИРА БУХАРСКАГО

В. В. КРЕСТОВСКАГО

СЪ ТРЕМЯ ПОРТРЕТАМИ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Изданіе А. С. СУВОРИНА
1887

ВЪ ГОСТЯХЪ У ЭМИРА БУХАРСКАГО

81

ВЪ ГОСТЯХЪ

У ЭМИРА БУХАРСКАГО

В. В. КРЕСТОВСКАГО

СЪ ТРЕМЯ ПОРТРЕТАМИ

ПУБЛИЧ. и РУМЯ[НЦ.] БИБЛ[ИО]ТЕКА

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Изданіе А. С. СУВОРИНА
1887

1509-0

2007052526

Типографія А. С. Суворина. Эртелевъ пер., д. 11—2

Эмиръ Бухарскій Музафаръ-Ханъ.

Дозв. ценз. Спб., 2 окт. 1886 г.

I.

Отъ Ташкента до Самарканда.

Посольство въ Бухару, причины его отправленія, его составъ и подарки эмиру Бухарскому. — Выѣздъ изъ Ташкента. — Дорога ташкентскими предмѣстьями.— Старый Ташкентъ и фортъ Чиназъ. — Переправа черезъ Сыръ-Дарью. — „Голодная степь" и ея обитатели. — Степные курганы. — Станція Малекъ. — Орелъ-стервятникъ. — Цистерна Тамерлана. — Соленая вода и жизнь на степныхъ станціяхъ. — Ливень и морозъ. — Обмерзлые шакалы. — Городъ Джизакъ и укрѣпленіе Ключевое. — Джизакское ущелье и Тамерлановы ворота. — Яны-курганъ.— Теплый вѣтеръ и буря. — Перекати-поле. — Ямщики-туземцы. — Каменный мостъ. — Зарявшанская долина.—Абдуллаховы арки и переправа черезъ Зарявшанъ. — Общій видъ города Самарканда. — Афросіабъ и самаркандскія кладбища. — Легенды объ основаніи города и о происхожденіи имени Самаркандъ.

По пріѣздѣ въ Ташкентъ, 5 октября 1882 года, М. Г. Черняевъ засталъ тамъ бухарскаго посланника, токсабу [1]) Рахметъ-Уллу, нарочно присланнаго эмиромъ, чтобы отъ лица бухарскаго властителя привѣтствовать новаго ярымъ-падшаха [2]), вручить ему собственноручное письмо эмира, исполненное всякихъ благихъ пожеланій и надеждъ, что дружба Россіи къ Бухарѣ не измѣнится и впредь, и поднести по-

[1]) Чинъ, соотвѣтствующій полковнику. Произносится токсаба, но пишется тугсаба (отъ слова тугъ, что значитъ знамя съ конскимъ хвостомъ, бунчукъ). Этому чину присваивается, какъ знакъ отличія, тугъ, возимый въ военное время и въ строю особымъ знаменосцемъ за токсабой.

[2]) Такъ обыкновенно величаютъ туркестанскихъ генералъ-губернаторовъ всѣ средне-азіятцы. Ярымъ-падшахъ собственно значитъ половина государя и выражаетъ наивысшую степень власти, какою можетъ быть облеченъ подданный довѣріемъ своего монарха.

четную саблю и прочіе подарки, которые повелитель Бухары посылаетъ во свидѣтельство своей дружбы.

По азіятскому обычаю, любезность необходимо требуетъ равносильнаго отвѣта. Поэтому въ Ташкентѣ было снаряжено особое посольство въ Бухару, въ составъ коего вошли: свиты Его Величества генералъ-маіоръ свѣтлѣйшій князь Витгенштейнъ и подполковникъ Крестовскій въ качествѣ пословъ, маіоръ Байтоковъ въ качествѣ толмача, докторъ медицины Эрнъ въ качествѣ врача посольства. Кромѣ этихъ лицъ, посольству сопутствовалъ хорунжій кавказской милиціи Асланбекъ Карамурзаевъ, какъ частный ординарецъ князя Витгенштейна. Двадцать два уральскихъ и оренбургскихъ казака съ урядникомъ и трубачемъ и десять вооруженныхъ джигитовъ составляли почетный конвой посольства, члены коего должны были передать эмиру отвѣтное письмо главнаго начальника края, вложенное въ сумку изъ дорогой шелковой матеріи, и отвѣтные подарки, состоявшіе изъ слѣдующихъ вещей:

1) Портретъ Государя Императора въ рамкѣ изъ серебра, сдѣланной въ видѣ фронтона русской избы.

2) Двѣ большія хрустальныя вазы въ роскошной серебряной оправѣ для фруктовъ.

3) Два хрустальные кувшина въ серебряной оправѣ для шербетовъ и прохладительныхъ напитковъ.

4) Серебряная сухарница съ изваяннымъ на ней видомъ Московскаго Кремля.

5) Серебряный самоваръ массивной работы.

6) Полный обѣденный фарфоровый сервизъ на двадцать четыре особы.

7) Полный хрустальный сервизъ на то же число особъ.

8) Два куска роскошнаго бархата на халаты.

9) Кусокъ дорогого плюша.

10) Кусокъ парчевой, золотомъ затканой, матеріи.

11) Телефонъ системы Белля съ полнымъ приборомъ къ установкѣ его для дѣйствія.

Двѣнадцатымъ подаркомъ предполагались двѣ большія

фарфоровыя вазы, работы Александровскаго завода старыхъ временъ, съ превосходными рисунками, орнаментовкой и позолотой; но, къ сожалѣнію, по вскрытіи въ Ташкентѣ ящиковъ, въ которыхъ онѣ лежали, обѣ вазы оказались разбитыми.

Подарочныя вещи вмѣстѣ съ конвойными казаками, джигитами и верховыми лошадьми членовъ посольства были отправлены за нѣсколько дней до нашего выѣзда въ Самаркандъ, гдѣ и надлежало имъ дожидаться нашего прибытія.

Задержанное на нѣкоторое время тяжелою болѣзнью князя Витгенштейна, посольство выѣхало изъ Ташкента только 14 декабря къ вечеру.

Дорога до первой попутной станціи Ніязбашъ, на протяженіи девятнадцати верстъ, идетъ вдоль рѣчки Саларъ почти непрерывными садами, которые подступили къ ней съ обѣихъ сторонъ густыми аллеями пирамидальныхъ тополей, карагача и тала.

Глинобитныя стѣнки, обрамляющія эти сады, огороды и небольшія пашни, тянутся справа и слѣва почти непрерывнымъ рядомъ вдоль пути, придавая ему скорѣе характеръ улицы, чѣмъ дороги; да это, если хотите, и дѣйствительно улица, потому что широкое кольцо садовъ и огородовъ, охватившее Ташкентъ со всѣхъ сторонъ, является непосредственнымъ продолженіемъ самого города и составляетъ его своеобразныя предмѣстья.

Вторая станція, въ 15 верстахъ отъ первой, называется Старымъ Ташкентомъ — Эски-Ташкентъ. Это не болѣе какъ обыкновенный сартовскій кишлакъ съ двумя-тремя караванъ-сараями, предлагающими свое гостепріимство, за извѣстную конечно плату, проходящимъ по пути караванамъ. Но когда-то, въ глубокой древности, какъ указываютъ сартовскія преданія, городъ Ташкентъ (ташъ — камень, кентъ — поселеніе) стоялъ здѣсь, на этомъ мѣстѣ, и только уже впослѣдствіи, постепенно занимая предмѣстьями и садами все новые и новые участки земли въ сѣверо-восточномъ направленіи, будто бы передвинулся незамѣтно въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ

на свое нынѣшнее мѣсто, оставивъ прежнему запустѣлому городищу одно лишь имя Стараго Ташкента.

Ночь стояла тихая, съ легкимъ морозцомъ, и ѣхать намъ было свѣтло, даже вдвойнѣ свѣтло: и отъ луны, и отъ снѣга, сверкавшаго отраженными лучами. Снѣжныя поляны, озаренныя полною луной, позволяли еще издали различать чернѣвшіеся попутные предметы: мостки, насыпи арычныхъ рвовъ, отдѣльно стоящія деревья, тамъ и сямъ кишлаки въ сторонѣ отъ большой дороги, изрѣдка фигуру какого нибудь запоздалаго всадника-туземца верхомъ на конѣ или верблюдѣ. Благодаря этому свѣту, мы живо отмахали двадцать верстъ, проѣхали чрезъ сартовское мѣстечко Чиназъ, или вѣрнѣе чрезъ его базаръ, крытый сверху поперечными жердями и цѣновками, и къ третьемъ часу ночи добрались до русскаго Чиназа, гдѣ и заночевали.

15 декабря, вмѣстѣ съ разсвѣтомъ, пара колокольчиковъ подъ русскою дугою дала намъ знать своимъ позвякиваньемъ, что лошади уже запряжены, и мы тронулись далѣе. Русскій городъ Чиназъ если и представляетъ собою городъ, то развѣ въ зачаткѣ: пять-шесть глинобитныхъ домиковъ съ садиками гдѣ живетъ нѣсколько служащихъ, казармы мѣстной команды, почтовая станція, церковка, снаружи похожая болѣе на провіантскій складъ, чѣмъ на церковь, кладбище, обнесенное глинобитною оградой, гдѣ торчитъ нѣсколько деревянныхъ крестовъ, и въ сторонѣ — укрѣпленіе, построенное русскими на сартовскій ладъ изъ глины, прямыми, невысокими зубчатыми стѣнками,—вотъ и все, что носитъ имя Чиназа. Стоитъ онъ на совершенно открытой плоскости, верстахъ въ пяти отъ Сыръ-Дарьи, чрезъ которую здѣсь существуетъ паромная переправа. Между городомъ и берегомъ рѣки раскинулось нѣсколько убогихъ киргизскихъ зимовниковъ, отчасти оживляющихъ видъ пустыннаго побережья. На переправѣ, у разработаннаго землянаго спуска къ пристани, торчатъ два фонаря и столбъ съ прибитою къ нему таксой, а немного въ сторонѣ — двѣ камышевыя сторожки, смастеренныя на подобіе

киргизскихъ юртъ и служащія жилищемъ паромному старостѣ и нѣсколькимъ перевозчикамъ. Въ этомъ районѣ своего протяженія, Сыръ-Дарья съ замѣчательною для степной рѣки быстротой катитъ свои мелкія мутно-свинцовыя волны по совершенно плоской, со всѣхъ сторонъ открытой равнинѣ. Оба ея берега падаютъ къ уровню воды невысокими, около сажени, отвѣсными обрывами, которые во время разливовъ совсѣмъ покрываются водой. Общій видъ довольно широкой рѣки и этихъ плоскихъ береговъ унылъ и однообразенъ, и лишь суетливая дѣятельность на переправѣ вноситъ на минуту въ эту монотонно-скучную картину нѣкоторое оживленіе.

Паромы были на томъ берегу, когда мы подъѣхали къ переправѣ. Изъ камышевой сторожки тотчасъ же выбѣжало нѣсколько киргизовъ, и пока одни изъ нихъ, махая руками выкрикивали съ того берега паромъ, другіе живо принялись выпрягать лошадей изъ нашихъ тарантасовъ. Нагруженный развьюченными верблюдами, которыхъ на томъ берегу оставался еще цѣлый караванъ, одинъ изъ трехъ паромовъ вскорѣ отвалилъ отъ пристани и быстро сталъ спускаться внизъ по теченію, такъ что гребцамъ видимо приходилось употреблять немалыя усилія, чтобы преодолѣть силу теченія и направить къ нашей сторонѣ свою неуклюжую посудину. Здѣшніе паромы, это просто плоскодонныя двуносыя барки по мѣстному „каюки", поверхъ которыхъ положена досчатая настилка. Барка спускается внизъ по теченію, затѣмъ, когда наконецъ гребцамъ удастся подвести ее къ другому берегу, съ нея бросаютъ на берегъ конецъ каната, который тамъ прикрѣпляется къ лямкѣ, надѣтой на лошадь, и эта послѣдняя, понукаемая сидящимъ на ней киргизенкомъ, шажкомъ дотаскиваетъ паромъ до пристани. Съ праваго берега на лѣвый переправа уже значительно легче, такъ какъ пристань того берега расположена ниже по теченію, благодаря чему мы вмѣстѣ съ экипажами и лошадьми перебрались на ту сторону минутъ въ десять.

Здѣсь уже сразу пошла „Голодная степь", вполнѣ оправ-

дывающая свое суровое названіе. Залегая между лѣвымъ берегомъ Сыра и Нуратинскимъ горнымъ хребтомъ, она тянется верстъ на двѣсти въ сѣверо-западномъ направленіи и сливается наконецъ съ Кизылъ-кумами. Намъ предстояло въ этотъ день пересѣчь ее поперегъ, на протяженіи 120 верстъ отъ Чиназской переправы до города Джизака.

Лѣвый берегъ Сыра покрытъ высокими густыми камышами, заросли коихъ тянутся версты на полторы въ глубь степи. Камышъ этотъ съ виду щетиноватъ и растетъ какъ бы снопами, сплошь покрывая собой отдѣльныя кочки, усѣявшія все видимое пространство берега. За полосой камышей, влѣво отъ дороги, на берегу болотистаго плеса или озера, называемаго Чибынтай, высятся развалины чего-то въ родѣ укрѣпленія съ наугольными круглыми башнями. На вопросъ, что это за развалины, ямщикъ-киргизъ, очень порядочно говорящій по-русски, объяснилъ, что въ народѣ мѣсто это называютъ Урумбай-курганъ, но что тутъ не было крѣпости, а просто лѣтъ пятьдесятъ назадъ одинъ богатый человѣкъ Урумбай построилъ себѣ такой дворъ въ свое удовольствіе.

Миновавъ Урумбай-курганъ, вы уже окончательно вступаете въ область Голодной степи. Напрасно взоръ вашъ, блуждая по ея пространствамъ, будетъ искать хотя малѣйшаго естественнаго возвышенія почвы, малѣйшаго деревца или кустика, малѣйшаго намека на человѣческое жилье,—ничего этого нѣтъ: все пусто, однообразно, мертво... Степь во всѣ стороны раскинулась идеально ровною гладью, словно море въ глубокій штиль, и какъ море же, она почти незамѣтно сливается съ чертой горизонта. Ѣдешь часъ, ѣдешь два, и все будто на одномъ и томъ же мѣстѣ. Куда ни глянь—повсюду стелется предъ глазами безконечный коверъ изжелта-бураго и рыжеватаго цвѣта. Это засохшіе стебельки степныхъ травъ, торчащіе изъ-подъ снѣга. Говорятъ, что весной, во второй половинѣ апрѣля мѣсяца, эта самая Голодная степь чудо какъ хороша. Тогда она представляется сплошнымъ изумрудно-зеленымъ ковромъ, испещреннымъ безчисленными цвѣтами,

среди которыхъ первое мѣсто принадлежитъ тюльпану, подснѣжнику и солянкѣ; не мало встрѣчается и красивыхъ на видъ, но отвратительныхъ по запаху, толстыхъ стеблей ассафетиды, покрытыхъ шарообразною шапкой зонтичныхъ изжелта-зеленовато-бѣлыхъ цвѣтовъ, — растеніе, которое здѣсь почему-то прозвали „бухарскою капустой". Наземныя черепахи (Testudo) разгуливаютъ тутъ въ это время цѣлыми тысячами; множество пѣвчихъ птицъ и блестящихъ насѣкомыхъ рѣютъ въ воздухѣ, оглашая пустыню своимъ щебетаньемъ, трескотней и жужжаньемъ. Это истинно весенній праздникъ, весеннее ликованье Голодной степи, но увы! длится оно недолго. Едва пройдетъ двѣ недѣли, какъ немилосердно палящее солнце уже окончательно вытянетъ изъ земли всю влагу, скопившуюся въ ней за зиму, и превратитъ почву въ сухой камень; изумрудно-пестрый коверъ быстро начинаетъ блекнуть, желтѣть и едва минуютъ первыя числа мая, какъ степь уже умерла, вся ея растительность окончательно выгорѣла, изсохла и, глядя на жалкіе рыжеватые стебельки, уныло торчащіе, какъ щетинистая щетка, на пепельно-сѣрой поверхности почвы, трудно даже вѣрить, что не далѣе какъ дней десять назадъ все это здѣсь такъ энергично развивалось, росло, цвѣло, благоухало и живмя жило съ такимъ, повидимому, богатымъ запасомъ жизненной силы. Однѣ только большія фаланги, красивые хамелеоны и иныя мелкія и крупныя ящерицы, въ аршинъ и болѣе длиной, разнообразныя змѣи (есть и большія, въ родѣ удавовъ) да отвратительные клещи остаются неизмѣнными обитателями Голодной степи на все остальное время убійственныхъ жаровъ, продолжающихся при полномъ бездождіи почти до октября мѣсяца. Даже черепахи въ эту пору исчезаютъ въ своихъ норахъ и появляются сравнительно рѣдко. Между тѣмъ самая роскошь и изобиліе этой растительности видимо свидѣтельствуютъ, что почва степи сама по себѣ очень хороша и сторицей окупила бы труды земледѣльца, будь лишь въ достаточномъ количествѣ вода... Еслибъ удалось искусственнымъ путемъ, посредствомъ ли арыковъ, или посредствомъ

артезіанскихъ колодцевъ, оросить хотя бы часть Голодной степи, то тутъ мы имѣли бы лучшія, можетъ быть, пашни этого края. Что орошеніе этой степи дѣло далеко не невозможное, о томъ свидѣтельствуютъ и понынѣ мѣстами замѣтные на ней слѣды и остатки древнихъ арыковъ. Когда-то энергіи человѣка удалось уже здѣсь побѣдить сопротивленіе природы и обратить мертвую пустыню въ населенный и цвѣтущій оазисъ, но это было въ очень отдаленной древности, и можно думать, что какія нибудь войны или нашествія иноплеменниковъ вынудили культурныхъ обитателей степи удалиться изъ нея, бросивъ на произволъ судьбы свои арыки и пашни, и съ тѣхъ поръ она снова обратилась въ „голодную". Относительно этихъ древнихъ арыковъ, судя по сохранившимся слѣдамъ ихъ направленія, имѣются всѣ основанія думать, что одни изъ нихъ, и именно тѣ, что встрѣчаются въ восточномъ концѣ степи отъ Урумбай-кургана до станціи Малекъ, истекали изъ Сыръ-Дарьи и въ нее же впадали, то есть были какъ бы ея искусственными рукавами; другіе же, орошавшіе степныя пространства ближе къ ихъ центру, направлялись не отъ Сыра, а отъ горъ, со стороны Джизака, что и подтверждается слѣдами арычныхъ сооруженій, которыя преимущественно попадаются въ южной и западной частяхъ степи, имѣющей въ общемъ пологій склонъ къ востоку, въ сторону Сыра. И вотъ почему было вполнѣ безполезно продолжать начатыя въ 1871 году гигантскія работы по сооруженію большого арыка для орошенія Голодной степи со стороны Ходжента: казенныхъ денегъ и землекопнаго труда похоронено въ этомъ дѣлѣ цѣлая бездна, а результатовъ никакихъ, такъ что генералъ-губернаторъ нашелъ нужнымъ прекратить дальнѣйшее сооруженіе широко, но непрактично задуманнаго арыка. Не успѣшнѣе ли былъ бы опытъ съ артезіанскимъ колодцемъ? Повидимому, сѣверо-восточные склоны Нуратинскаго хребта своею достаточною пологостью подаютъ надежду, что устройство артезіанскаго колодца могло бы увѣнчаться полнымъ успѣхомъ. Будь лишь вода, и степь въ три-четыре года покрылась бы рос-

кошными садами, рощами и аллеями. Солнце здѣсь безъ воды убиваетъ; съ водой же оно въ самый непродолжительный періодъ времени, отъ трехъ до пяти лѣтъ, дѣлаетъ просто чудеса въ растительномъ мірѣ: глядя на иное дерево, въ родѣ напримѣръ павлоніи, и прикидывая къ нему глазомѣромъ нашъ сѣверный масштабъ, вы думаете, что оно растетъ по крайней мѣрѣ лѣтъ тридцать, и не рѣшаетесь повѣрить, когда вамъ говорятъ, что нѣтъ еще и пяти лѣтъ, какъ оно посажено.

Но вотъ впереди на горизонтѣ прорѣзался силуэтъ высокаго кургана. Влѣво отъ него, верстахъ въ трехъ, начинаетъ показываться другой, подобный же, еще лѣвѣе—третій. Это урочище извѣстно у кочевниковъ подъ именемъ „Учъ-Тюбе", то есть три бугра; по нимъ оріентируются проходящіе караваны. Почтовая дорога пролегаетъ какъ разъ мимо крайняго кургана, такъ что я могъ осмотрѣть его довольно обстоятельно. Происхожденіе его, равно какъ и двухъ сосѣднихъ, несомнѣнно есть дѣло рукъ человѣческихъ: всѣ они искусственные, то есть насыпные, въ чемъ убѣждаетъ одинаковость основныхъ формъ не только этихъ трехъ, но и прочихъ кургановъ, встрѣчавшихся намъ на дальнѣйшемъ пути до самой Бухары и далѣе. Вообще всѣ курганы, видѣнные мною въ степяхъ Средней Азіи, мнѣ кажется, можно подраздѣлить на три рода: военные, могильные и молотильные (для молотьбы пшеницы). Я еще не разъ буду имѣть случай возвратиться къ этому предмету, а потому, оставляя пока рѣчь о курганахъ могильныхъ и молотильныхъ, скажу нѣсколько словъ о военныхъ или стратегическихъ, къ числу которыхъ относятся и три кургана (Учъ-Тюбе) Голодной степи. Они, какъ и всѣ прочіе военные курганы, имѣютъ продолговатую форму съ уклонами скатовъ около 45°, и у всѣхъ одинъ конецъ (въ данномъ случаѣ восточный) значительно возвышается въ видѣ четырехсторонней усѣченной пирамиды надъ остальною поверхностью кургана. Если вы начертите профиль обыкновенной полевой батареи съ нѣсколько болѣе возвышеннымъ брустверомъ, но безъ рва, то это будетъ типичнѣйшій силуэтъ

здѣшнихъ боевыхъ кургановъ. Въ степи, гдѣ очень мало движенія и жизни, они сохранились лучше, цѣлѣе, чѣмъ въ мѣстахъ населенныхъ. Подъ Самаркандомъ, напримѣръ, и вообще въ непосредственномъ сосѣдствѣ густо населенныхъ мѣстъ и даже среди самыхъ селеній Зарявшанской и Шахрисябской долинъ, или подъ Бухарой, гдѣ на подобныхъ курганахъ и ребятишки играютъ, и скотъ пасется, и вообще происходятъ разныя отправленія житейскаго осѣдлаго быта, эта рѣзкая очерченность курганныхъ формъ, подъ вліяніемъ постоянной непосредственной близости человѣка, уже значительно скругляется и сглаживается, такъ что во многихъ курганахъ вы встрѣчаете лишь два рядомъ стоящіе бугра, одинъ побольше, другой поменьше и подлиннѣе, которые соединены или спаяны между собою какъ бы возвышеннымъ сѣдлистымъ перешейкомъ. Эту послѣднюю сглаженную форму мнѣ неоднократно доводилось встрѣчать въ нашихъ новороссійскихъ и бессарабскихъ степяхъ у многихъ изъ такъ называемыхъ „сторожевыхъ“ кургановъ, и это наводитъ меня на предположеніе, что происхожденіе тѣхъ и другихъ одинаково; быть можетъ даже, что и средне-азіятскіе и новороссійскіе курганы суть произведенія одного и того же народа. Фронтъ ихъ, то есть наиболѣе возвышенная часть, какъ уже сказано, обращенъ на востокъ къ Сыръ-Дарьѣ, а въ другихъ на юго-востокъ къ великой горной странѣ Центральной Азіи, и если они служили въ качествѣ сторожевыхъ и опорныхъ пунктовъ, то стало быть врагъ народа ихъ соорудившаго надвигался съ востока, отъ Памира, и оттѣснялъ аборигеновъ страны все дальше и дальше къ сѣверо-западу. Преданія мѣстныхъ жителей считаютъ всѣ эти курганы произведеніемъ рукъ человѣческихъ и относятъ ихъ происхожденіе къ глубокой древности, „много, много раньше Тимура“. И надо замѣтить, что, по тѣмъ же преданіямъ, курганы эти имѣли значеніе военное, въ чемъ и самъ я, впрочемъ, имѣлъ случай отчасти убѣдиться на станціи Яны-курганъ, гдѣ на подобномъ же бугрѣ сохранились еще слѣды недавняго бухарскаго укрѣ-

пленія въ видѣ разрушенной глинобитной стѣны съ зубцами. Это послѣднее укрѣпленіе хотя и принадлежитъ новѣйшему времени, но основныя начертанія и формы его, какъ и всѣ вообще формы жизни и быта Средней Азіи, остаются неизмѣнно все тѣ же, что и во времена глубокой древности.

Первая станція въ Голодной степи (20 верстъ отъ Сыръ-Дарьи) называется Малекъ. Станціонный домъ и дворъ съ постройками обнесены съ четырехъ сторонъ глинобитною стѣной, въ родѣ редута, который фланкированъ съ двухъ противоположныхъ по діагонали угловъ круглыми башнями съ бойницами внутри и съ зубчатыми стрѣльницами на кронахъ. Хотя башни эти служатъ не болѣе какъ складочнымъ мѣстомъ для фуража и сѣна, но въ случаѣ надобности могли бы послужить и защитой противъ степныхъ хищниковъ, барантачей, которые еще нѣсколько лѣтъ назадъ хозяйничали около Мурза-Рабата, служившаго имъ притономъ, да и теперь не вполнѣ можно сказать, что пора ихъ безвозвратно миновала. Около того же Мурза-Рабата взятъ былъ ими въ плѣнъ покойный поручикъ Служенко, испытавшій въ Бухарѣ всѣ невзгоды клоповника; попадались одиночные казаки или солдаты, а особенно жутко приходилось обратнымъ ямщикамъ-киргизамъ.

Подъѣзжая къ станціи, не далѣе какъ въ десяти шагахъ отъ жилья, замѣтили мы большого бурокрылаго орла-стервятника съ неоперенными головой и шеей бѣлаго цвѣта, сидѣвшаго на кучѣ стараго мусора и навоза. Общій видъ этой гологоловой птицы совершенно напоминалъ африканскаго грифа. Мы проѣхали мимо нея шагахъ въ пяти не болѣе, но, къ удивленію, орелъ не выказалъ ни малѣйшаго безпокойства при видѣ нашего экипажа въ столь близкомъ отъ себя разстояніи и продолжалъ какъ ни въ чемъ не бывало сидѣть на своемъ мѣстѣ, оглядывая насъ серьезными зоркими глазами. Мы было подумали, что онъ ручной и проживаетъ на здѣшней станціи, но изъ разспросовъ оказалось, что „вольный“ и что на Голодной степи живетъ ихъ много, равно

какъ и дудаковъ (дрофъ), а смѣлы они и довѣрчивы такъ оттого, что никто ихъ не стрѣляетъ.

Вторая станція въ степи Мурза-Рабатъ безъ малаго въ 34 верстахъ отъ Малека, а третья Агачъ-Та-Рабатъ въ 31 верстѣ отъ второй. Всѣ построены совершенно такъ же, какъ и Малекъ, то есть редутомъ съ фланкирующими башнями. За Агачъ-Та-Рабатомъ въ 22 верстахъ, четвертая станція Учъ-Тюбе (Три Бугра), а за этою послѣдней въ 15 верстахъ укрѣпленіе Ключевое или Русскій Джизакъ, гдѣ и конецъ Голодной степи.

На половинѣ разстоянія между Малекомъ и Мурза-Рабатомъ высится близь дороги круглое кирпичное зданіе съ куполомъ. Въ общемъ оно имѣетъ форму кочевой киргизской кибитки и даже въ вершинѣ купола оставлено круглое отверстіе, какъ въ римскомъ Пантеонѣ, или все равно какъ тюндюкъ у кибитки.

Спускъ подъ стрѣльчатыми воротами ведетъ во внутренность этой ротонды; семь стрѣльчатыхъ оконъ симметрично расположены по окружности массивной стѣны; но время наложило свою руку и на это прочное зданіе: въ куполѣ сквозятъ уже двѣ-три дыры, и около нѣкоторыхъ оконъ кирпичи пообились и повывалились; но въ цѣломъ зданіе все-таки поражаетъ прочностью постройки, и въ особенности замѣчателенъ въ этомъ отношеніи куполъ, съ основанія и до вершины сложенный изъ безчисленныхъ кольцеобразныхъ рядовъ плоскихъ кирпичей квадратной формы, горизонтально положенныхъ рядъ надъ рядомъ такимъ образомъ, что кирпичъ каждаго вышеидущаго ряда нѣсколько выдвигается внутрь купола надъ кирпичемъ подъ нимъ лежащимъ; въ цѣломъ весь этотъ куполъ образуетъ собой какъ бы опрокинутую верхомъ внизъ лѣстницу круглаго амфитеатра. Этотъ своеобразный способъ постройки, при всей его первобытности, болѣе всего удивляетъ именно своею прочностью. Въ то время какъ въ Европѣ, при всѣхъ усовершенствованныхъ средствахъ современной техники, провалъ куполовъ и сводовъ есть явленіе

далеко не рѣдкое, эти первобытные куполы средне-азіятскихъ пустынь стоятъ себѣ цѣлые вѣка нерушимо, да повидимому простоятъ и еще столько же. Впослѣдствіи намъ приходилось въ нашемъ странствіи по бухарскимъ владѣніямъ видѣть не мало совершенно такихъ же построекъ и съ точно такими же куполами, но ни одного изъ нихъ не нашли мы провалившимся. Эти степныя зданія извѣстны подъ именемъ „сардоба“, что значитъ водовмѣстилище, цистерна. И дѣйствительно, попутная намъ ротонда нѣкогда, и даже еще въ недавнее время, была большою цистерной съ глубокимъ колодцемъ, который былъ полонъ студеною хорошею водой. Колодецъ былъ обложенъ жженымъ кирпичемъ, такимъ же, изъ какого построена и вся эта ротонда, сооруженіе которой мѣстное преданіе приписываетъ самому Тимурленгу, что впрочемъ едва ли основательно, такъ какъ извѣстно, что большая часть степныхъ сардобъ Центральной Азіи построены ханомъ Абдуллахомъ въ XVI столѣтіи нашей эры. Подобныя постройки разбросаны по всѣмъ безводнымъ степямъ нынѣшнихъ и бывшихъ бухарскихъ владѣній, и главнымъ ихъ строителемъ дѣйствительно былъ Абдуллахъ-ханъ, который, если вѣрить преданію, построилъ на своемъ вѣку тысячу сардобъ и тысячу рабатовъ (убѣжищъ). На мѣстахъ своихъ путевыхъ приваловъ, онъ воздвигалъ сардобы, а на мѣстахъ ночлеговъ — рабаты. Типъ этихъ сардобъ вездѣ одинъ и тотъ же, и разнообразится иногда только тѣмъ, что съ сѣверной стороны къ ротондѣ примыкаетъ постройка, въ видѣ возвышеннаго параллелограмма, служащая порталомъ. Постоянная тѣнь и прохлада царствуютъ подъ высокими въ нѣсколько саженъ каменными сводами, и какимъ утѣшеніемъ, какою отрадой служатъ они истомленному путнику въ знойное время года, а зимой являются убѣжищемъ отъ страшныхъ снѣжныхъ бурановъ.

Когда вы спуститесь внутрь такого зданія, то увидите, что окна, которыя снаружи приходятся какъ разъ на уровнѣ окружающей почвы, прорѣзаны на высотѣ около трехъ саженъ отъ вымощеннаго дна цистерны, такъ что самая зала оказы-

вается вырытою въ землѣ. Этимъ объясняется необходимое присутствіе при каждой сардобѣ двухъ-трехъ насыпныхъ кургановъ. Такое углубленное устройство залы вызывалось тѣмъ обстоятельствомъ, что колодецъ самъ по себѣ не всегда въ состояніи удовлетворить большое количество каравановъ и служитъ для нихъ уже какъ бы послѣднимъ запасомъ живительной влаги. Надо быть жителемъ безводныхъ пустынь, чтобы вполнѣ постичь, какая драгоцѣнность каждый глотокъ, каждая капля прѣсной воды, и потому понятна забота этихъ степняковъ, чтобы по возможности ни одна капля годной воды не пропадала у нихъ даромъ. Во время весенняго таянія снѣговъ вся окрестная вода стекаетъ къ сардобѣ, проникая внутрь ея чрезъ порталъ и окна, для чего и старались всегда сооружать такіе водоемы въ пологихъ котловинахъ, если только мѣстность представляла къ тому малѣйшую возможность. Если зима обильна снѣгами, то вешняя вода можетъ наполнить внутренность залы до высоты около двухъ саженъ; нѣсколько горизонтальныхъ, въ различной мѣрѣ сыроватыхъ чертъ, идущихъ параллельно одна надъ другой внутри ротонды, на углубленной части ея стѣны, наглядно показываютъ вамъ какъ высока была вешняя вода въ водоемѣ за нѣсколько послѣднихъ годовъ; наиболѣе темная и сырая черта опредѣлитъ ея уровень въ послѣднюю весну.

Такова была и наша первая попутная сардоба̀. Вода въ ея колодцѣ, по разсказамъ, отличалась очень хорошими качествами и изобиліемъ; но въ 1866 году, когда русскій отрядъ шелъ на Джизакъ, эмиръ Бухарскій приказалъ засыпать колодецъ, и съ тѣхъ поръ ротонда служитъ только ночлежнымъ пріютомъ для проходящихъ каравановъ.

— Хотѣли русскихъ потомить безъ воды, объяснялъ намъ ямщикъ, — а русскіе все же дошли и Джизакъ взяли, хотя и безъ воды, а взяли... Божья воля на то была... А теперь сами же вотъ сарты плачутся, что нѣтъ въ степи воды хорошей.

И дѣйствительно, у всѣхъ здѣшнихъ станціонныхъ ста-

ростъ вы услышите одну общую жалобу на воду: больно ужъ солоновата на вкусъ, такъ что и люди, и лошади нерѣдко страдаютъ отъ нея желудкомъ. Между тѣмъ чай, поданный намъ на Мурза-Рабатѣ, не имѣлъ ни малѣйшаго солоноватаго вкуса.

— Какъ же это такъ? спрашиваю старосту. — Стало быть вамъ доставляютъ сюда изъ Чиназа не только фуражъ и продуктъ, но и прѣсную воду?

— Нѣтъ, говоритъ, — воды не доставляютъ, мы ее сами дѣлаемъ. Вотъ, какъ ежели дождикъ, сейчасъ кадушки да ведерки на дворъ, и вода готова. А нынче далъ Богъ снѣжку. Какъ только его подвалило малость, мы сейчасъ на степь, кто съ кувшиномъ, кто съ ведеркой, кто съ чѣмъ, и давай сбирать снѣгъ, какъ можно больше, чтобы, значитъ, подолѣе хватило въ запасъ, и даже ледничекъ понабьемъ снѣгомъ вплотную. А потомъ по малости таемъ его и пьемъ, да вотъ и господамъ проѣзжающимъ чайкомъ угождаемъ.

Староста, мурза-рабатскій мужикъ, очень толковый, пожилой и хозяйство станціонное держитъ въ большомъ порядкѣ.

— Скучно жить на степи-то? спрашиваю у него.

— И какъ же не скучно, сами посудите! Еще который староста женатый, ну баба тамъ, ребятишки, все же имъ веселѣе, всѣмъ-то вкупѣ, хотя и промежъ узбекскаго народа. А я вотъ холостой, одинъ какъ перстъ, самъ себѣ и кухарка, и прачка, и все что хочешь, да еще въ степи, на безлюдьи, какъ не соскучиться!

— Ямщики-то у васъ все киргизы что ли?

— Всякіе, есть и русскихъ малость. Казаки вотъ тоже па станкахъ живутъ малыми командами; эти, значитъ, для сопровожденія почты, потому на степи иной разъ случается, что и грабятъ.

— По-каковски же, спрашиваю его, — объясняешься ты со своими ямщиками, ежели который изъ сартовъ или киргизовъ?

— А по-ихнему, говоритъ, — завсегда по-ихнему. Потому какъ всѣ мы, станціонные, живучи промежъ ихняго брата, понаторѣли современемъ и теперь насчетъ разговору ничего себѣ, маракуемъ. Ну и они тоже по-нашему малость выучились. Такъ и объясняемся.

И дѣйствительно, сколько ни попадалось мнѣ потомъ ямщиковъ изъ инородцевъ, всѣ они болѣе или менѣе сносно говорили по-русски.

Станція Мурза-Рабатъ лежитъ на половинѣ пути между Чиназомъ и Джизакомъ, стало быть почти въ центрѣ Голодной степи. Здѣсь есть точно такая же сардоба̀, какъ и вышеописанная, а сверхъ того неподалеку особо высится четырехстороннее зданіе, съ рядами сферическихъ куполовъ, наугольными башнями, высокимъ порталомъ и фронтономъ. Вся эта обширная постройка выведена изъ жженаго кирпича и нѣкогда была украшена эмальированными узорчатыми кафлями. Внутри ея находится просторный дворъ, обрамленный арками крытыхъ галерей, подъ сѣнью которыхъ ютятся ряды комнатокъ. Теперь все это уже въ полуразрушенномъ видѣ, а лѣтъ двѣсти тому назадъ блистало истинно царскимъ великолѣпіемъ. Впрочемъ, зданіе это и нынѣ, какъ въ старину, все еще продолжаетъ, пока не рухнуло, служить путевымъ дворомъ для путешественниковъ и торговыхъ каравановъ, и подобныхъ построекъ, какъ уже сказано, немало разсѣяно по степнымъ дорогамъ бывшаго царства Бухарскаго. Строили ихъ и великіе правители какъ Тимурленгъ, Улугъбегъ и Абдуллахъ-ханъ, строили и частныя лица, въ силу какого либо благочестиваго обѣта, на пользу общественную, ибо одна изъ самыхъ высокихъ добродѣтелей Востока — это дать безвозмездный пріютъ и покой страннику. Всѣ подобные дворы, которые приличнѣе было бы называть дворцами, носятъ названіе рабàтъ, что значитъ пріютъ, убѣжище. Иногда къ слову рабàтъ присоединяется названіе мѣстности, иногда имя благочестиваго строителя или же его званіе. Такъ напримѣръ, Мурза-Рабатъ значитъ убѣжище писца или грамо-

тѣя [1]). Въ данномъ случаѣ строитель изъ скромности скрылъ свое имя, обыкновенно помѣщаемое въ числѣ узорчатыхъ надписей фронтона [2]). Зданіе это все болѣе и болѣе приходитъ въ упадокъ; пройдетъ еще десятокъ, другой лѣтъ и отъ него быть можетъ останутся лишь груды мусора, а это жаль, и нашему правительству стоило бы поддержать (хотя бы на суммы земскихъ сборовъ) не только какъ памятникъ прошлыхъ блестящихъ временъ, но и какъ убѣжище всегда необходимое для каравановъ, особенно въ такой непривѣтливой голой пустынѣ.

Слѣдующая за Мурза-Рабатомъ станція, какъ уже сказано, носитъ имя Агачъ-Та-Рабатъ или просто Агачъ-та. Въ переводѣ это значитъ „убѣжище, маленькій садъ". И дѣйствительно, говорятъ, что еще лѣтъ тридцать назадъ здѣсь почти на мѣстѣ нынѣшняго станціоннаго домика, находился небольшой, но тѣнистый садикъ, орошавшійся водой изъ Джизака посредствомъ арыковъ, которые и въ настоящее время еще врѣзаются на протяженіи около сорока верстъ въ степное пространство; стало быть вопросъ объ орошеніи Голодной степи никакъ нельзя отнести къ числу неразрѣшимыхъ. Затратьте сюда сотню, другую тысячъ — и менѣе чѣмъ черезъ десять лѣтъ вы вернете себѣ изъ этой почвы милліоны.

[1]) Мурза по-киргизски, мырза по-татарски и мирза по-таджикски значитъ вполнѣ грамотный и письменный человѣкъ.

[2]) Впрочемъ, есть и иное объясненіе, почему такое названіе дано этому рабату. Покойный А. П. Хорошхинъ говоритъ (стр. 67), что по темнымъ преданіямъ края, теперешняя Голодная степь была когда-то, въ особенности по южной окраинѣ своей, хорошо орошена и обработана. Она питала въ ту пору много скота и производила хлѣбъ, такъ что администрація нелишнимъ находила высылать въ степь своихъ агентовъ, въ лицѣ сборщиковъ податей, которые будто бы жили и писали, что имъ было нужно, въ мирза-рабатѣ. Можетъ быть оно и такъ, но противъ этого мнѣнія, мнѣ кажется, свидѣтельствуетъ то обстоятельство, что рабаты и сардобы обыкновенно являются только въ мѣстахъ безводныхъ, и что едва ли была надобность воздвигать такія обширныя и роскошныя палаты для жительства обыкновенныхъ зякетчей, для которыхъ, при тогдашней населенности степи, не могло быть недостатка въ помѣщеніи.

Уже давно свечерѣло и погода стояла мягкая, теплая, такъ что не будь тутъ снѣгу, можно бы было подумать, что ѣдешь не въ декабрѣ, а въ концѣ апрѣля. Но вдругъ небо заволокло густыми тучами, и моментально хлынулъ сильный, совершенно лѣтній ливень, застлавшій всю окрестность молочно-бѣлесоватымъ туманомъ. Черезъ четверть часа дождь прошелъ; зато тутъ же сразу хватилъ здоровый морозецъ, градусовъ въ десять по крайней мѣрѣ, и въ нѣсколько минутъ заледенилъ всю дорогу съ ея колеями и лужами, и фартухъ нашего тарантаса, и сбрую, и шерсть на коняхъ. Небо совершенно прояснилось, и полная луна засіяла всѣмъ своимъ блескомъ. Удивительно быстрыя и рѣзкія перемѣны температуры! Переходъ отъ теплой, почти лѣтней ночи къ десятиградусному морозу совершился менѣе чѣмъ въ полчаса, и надо думать, что такой неожиданный сюрпризъ подѣйствовалъ удручающимъ образомъ даже на голодныхъ шакаловъ. Насъ предупреждали на станціи, что теперь ихъ появилось въ степи очень много и что иногда они даже рѣшаются нападать большою стаей на проѣзжающихъ, а потому коли нѣтъ съ собою ружей, то не мѣшаетъ-де имѣть при себѣ на всякій случай револьверъ на-готовѣ. Мы изготовились въ ожиданіи, что авось-либо придется и поохотиться; но шакалы обманули наши ожиданія: они только заливались своеобразнымъ воемъ, напоминающимъ то истерическій смѣхъ, то плачъ больного дитяти, а на насъ не напали. Одинъ изъ нихъ перебѣжалъ черезъ дорогу между экипажами, а трое или четверо другихъ, подпустивъ къ себѣ нашъ тарантасъ довольно близко, вдругъ сорвались съ мѣста и, поджавъ хвосты, трусливо какъ-то, вихлявою побѣжкой пустились удирать въ сторону отъ дороги. Хоть и привычный ко всякимъ невзгодамъ звѣрь, а какъ заледенило въ сосульки мокрую шерсть, такъ видно очень не по себѣ пришлось.

Въ пять часовъ утра въѣхали въ сартовскій городъ Джизакъ. Насколько можно судить въ темнотѣ, городъ, кажись, немалый, улицы и площади довольно просторны, садовъ до-

статочно, лавокъ тоже. Въ особенности эффектны при лунномъ освѣщеніи были высокія зубчатыя стѣны и круглыя башни прежней бухарской крѣпости. Русскій Джизакъ находится дальше, въ трехъ верстахъ за городомъ, у подножія Нуратинскаго хребта и въ ближайшемъ сосѣдствѣ съ укрѣпленіемъ Ключевымъ, которое построено русскими послѣ взятія въ 1866 году Джизака. Это, такъ же какъ и Чиназъ, городъ пока еще въ зачаткѣ, и выйдетъ ли изъ него когда что либо путное въ смыслѣ города — сказать трудно. По крайней мѣрѣ, за первыя пятнадцать лѣтъ его существованія ничего еще не вышло.

Почтовая станція, телеграфная станція, строющаяся церковка, прекрасныя хоромы начальника района, то есть помощника уѣзднаго начальника, построенныя для него на казенный счетъ, и рядомъ тѣсная мазанка, гдѣ по вольному найму отъ себя ютится съ семьей воинскій начальникъ (онъ же и комендантъ), затѣмъ еще двѣ-три такія же убогія мазанки, изъ которыхъ въ одной помѣщается неизбѣжный „ренсковый погребъ", вотъ и весь русскій Джизакъ. Невольно кидается въ глаза рѣзкая и даже странная разница между роскошнымъ казеннымъ помѣщеніемъ начальника района и вольнонаемною лачугой коменданта. Что за причина такой разницы? Почему тамъ роскошь, а здѣсь убожество? Почему для одного все и ничего для другого? Объяснили мнѣ это тѣмъ, что военно-народное управленіе у высшей туркестанской администраціи, какъ ея созданіе и любимое дѣтище, всегда будто бы было въ „фаворѣ", а строевая часть оставалась въ загонѣ, въ черномъ тѣлѣ, и потому-де для перваго не жалѣли средствъ, благо они шли изъ народныхъ сборовъ, а у послѣдней усчитывали каждую копѣйку, такъ какъ отпуски на нее идутъ изъ общаго бюджета военнаго министерства. Не берусь судить, такъ ли оно или не такъ, но повторяю, разница между палаццо одного и мазанкой другого кидается въ глаза не только русскимъ, но и туземцамъ.

16 декабря.

Отдохнувъ на станціи, тронулись въ одиннадцатомъ часу утра въ дальнѣйшій путь, къ горному ущелью, мимо русскаго кладбища, поддерживаемаго въ большомъ порядкѣ.

Справа тянется Нуратинскій хребетъ; вершины его невысоки и большею частью совершенно голы; каменистая почва на склонахъ отличается черно-бурымъ цвѣтомъ, отчего и произошло мѣстное названіе сего хребта „Кара-тау", то есть черныя горы. По лѣвую же сторону ущелья грозно и сурово вздымались къ небу скалистыя, зубчатыя вершины Мальгусара, одного изъ большихъ отроговъ хребта Туркестанскаго. Склоны Мальгусара въ нижней своей части казались сизыми, затѣмъ средняя часть ихъ была подернута хлопьями блуждающихъ жемчужно-бѣлыхъ облаковъ, а заоблачныя, покрытыя снѣгами выси блистали въ солнечныхъ лучахъ ослѣпительнымъ свѣтомъ.

Послѣ двухъ короткихъ и невысокихъ переваловъ, находящихся въ предгорьяхъ, мы втянулись въ ущелье, отдѣляющее Мальгусаръ отъ Кара-тау. По ущелью извивается быстрая горная рѣчка Санзаръ, названная русскими Змѣйкой. Мѣстами она течетъ между отвѣсными и довольно высокими обрывами, мѣстами же въ совершенно плоскихъ пологихъ берегахъ, усѣянныхъ мелкою разноцвѣтною галькой. Дорога нѣсколько разъ пересѣкаетъ Змѣйку по неглубокимъ бродамъ, не выше какъ по ступицу.

Чѣмъ дальше, тѣмъ тѣснѣе становится ущелье. Горы, сдвигающіяся вокругъ, состоятъ изъ сплошныхъ каменныхъ глыбъ аспиднаго и бураго цвѣта. Въ иныхъ мѣстахъ выщербившійся и вывѣтрившійся камен имѣетъ видъ наваленныхъ въ кучу щепъ, досокъ и трухлявыхъ бревенъ; въ другихъ каменныя плиты стоятъ торчмя, словно намогильные турецкіе памятники, въ третьихъ отвѣсы горъ представляются какъ бы остатками разрушенной гигантской стѣны, въ которой массивные пласты камня лежатъ одинъ на другомъ, въ родѣ кирпич-

ной кладки, почти правильными кубами. Общій видъ этихъ горъ отчасти напоминаетъ мнѣ суровыя скалы Адена: какъ тамъ, такъ и здѣсь, ни на вершинахъ, ни по склонамъ не замѣчается ни малѣйшей зелени, все голо и мертвенно-угрюмо, и тотъ же самый колоритъ лежитъ на скалахъ, тотъ же черно-бурый камень, какъ бы опаленный и закопченный дымящимися языками большого пламени. Но этимъ сходство и кончается. Въ Аденѣ смерть царитъ и на долинахъ, гдѣ точно такъ же какъ и по горамъ не встрѣтите вы ни малѣйшей травинки; здѣсь же, напротивъ, дно ущелья, вьющееся въ видѣ узкой долинки, представляетъ почти сплошь окопанные участки воздѣланной почвы, на которой торчатъ сухіе стебли сорго и остатки другихъ хозяйственныхъ растеній. Тамъ и сямъ ютятся подъ склонами горъ то небольшіе кишлаки, то отдѣльныя сакли; видна жизнь, и дѣятельный трудъ сказывается всюду, гдѣ лишь успѣлъ человѣкъ отвоевать у камня клочокъ удобной и доступной орошенію почвы.

Въ двѣнадцати верстахъ отъ Ключеваго съузившееся ущелье какъ бы совсѣмъ запираетъ вамъ выходъ; но это только такъ кажется, а когда подъѣдешь ближе, то видишь, что тутъ выступили впередъ, одна къ другой навстрѣчу, двѣ громадныя отвѣсныя скалы, толща коихъ состоитъ изъ одного сплошнаго камня. Здѣсь, очевидно, произошла нѣкогда грандіозная геологическая драма, когда единый горный кряжъ разорвался надвое, раздвинулся нѣсколько въ обѣ стороны и образовалъ узкій проходъ, орошаемый нынѣ Санзаромъ. Это и есть знаменитыя Тамерлановы ворота, носящія, по мѣстному, довольно загадочное названіе „Илянъ-Оти“, что въ переводѣ значитъ: змѣя прошла.

Правая скала нѣсколько наклоняется надъ самою дорогой, такъ что когда стоишь подъ нею, то даже жутко становится, и невольно думаешь себѣ: „а ну какъ вдругъ въ этотъ самый моментъ хватитъ землетрясеніе и съ этой вершины посыплются внизъ вывѣтрившіеся осколки и еле-еле держащіяся пока отслойки въ нѣсколько сотъ пудъ вѣсомъ каж-

дая?!...“ Внизу, у подошвы скалы, валяются цѣлыя груды такихъ оторвавшихся отслоекъ и осколковъ, начиная отъ громадныхъ глыбъ и до мелкой щебенки, а каждое землетрясеніе подбавляетъ къ этимъ грудамъ все новые и новые камни. На высотѣ около полуторы сажени отъ подошвы правая скала сошлифована, и въ этомъ мѣстѣ рельефомъ высѣчены рядомъ двѣ персидскія надписи, изъ коихъ болѣе древняя гласитъ:

„Съ помощію Господа Бога, великій султанъ, покоритель царей и народовъ, тѣнь Бога на землѣ, подпора постановленій Сунны и закона божескаго, государь вспомоществующій вѣрѣ, Улугъ-Бегъ-Гуруганъ (да продлитъ Богъ время его царствованія и его правленіе!) предпринялъ походъ въ страну Джеты [1]) и Монголовъ, и отъ того народа возвратился въ эти страны невредимымъ въ 828 новолунномъ году“ [2]).

Вторая надпись слѣдующаго содержанія:

„Да вѣдаютъ проходящіе пустыни и путешествующіе по пристанищамъ на сушѣ и водѣ, что въ 979 году [3]) здѣсь происходило сраженіе между отрядомъ Вмѣстилища калифатства, Тѣни Всевышняго, великаго хана Абдуллахъ-хана, сына Искандеръ-ханова, въ 30,000 человѣкъ боеваго народа, и отрядомъ Дервишъ-хана и Баба-хана и прочихъ сыновей. Сказаннаго отряда (было) всего: родичей султановъ до 50,000 человѣкъ и служащихъ людей всего до 400,000 изъ Туркестана, Ташкента, Ферганы и Дешта-Кипчака. Отрядъ обладателя счастливаго сочетанія звѣздъ одержалъ побѣду. Побѣдивъ упомянутыхъ султановъ, онъ изъ того войска предалъ столькихъ смерти, что отъ людей убитыхъ въ сраженіи и въ

[1]) Джетами, по толкованію Вамбери, назывались тѣ турецкіе народы, которыхъ родина граничила съ собственною Монголіей и остатками которыхъ въ настоящее время считаются только Буруты, и теперь еще называемые Чете-Могулъ, то есть крайніе Монголы, отъ турецкаго четъ—край, сторона и Могулъ—Монголъ.

[2]) 828 годъ у мусульманскаго лѣтосчисленія соотвѣтствуетъ нашему 1424 году.

[3]) 979 годъ=1571 году.

плѣну въ теченіе одного мѣсяца въ рѣчкѣ Джизакской [1]) на поверхности воды текла кровь. Да будетъ это извѣстно!“

Итакъ обѣ надписи не имѣютъ съ Тимурленгомъ ничего общаго, хотя нѣтъ сомнѣнія, что и этотъ всемiрный хромой завоеватель проходилъ, и быть можетъ даже неоднократно, черезъ Джизакское ущелье со своими полчищами. Названіе Илянъ-Оти, данное воротамъ, вѣроятнѣе всего перешло на нихъ отъ имени рѣчки, которую и русскіе, независимо отъ туземцевъ, тоже называли Змѣйкой, характеризуя тѣмъ ея извилистое и какъ бы змѣящееся теченіе. Что же касается названія „Тамерлановы ворота“, то оно дано русскими же, на основаніи разсказовъ туземныхъ жителей, которые уже издревле привыкли пріурочивать многіе памятники своей старины и достопримѣчательныя мѣстности къ имени своего наиболѣе популярнаго великаго государя. Спросите любого ямщика-узбека, какъ называется эта мѣстность, онъ едва ли отвѣтитъ вамъ „Илянъ или Джилянъ-Оти“, а вѣроятнѣе всего скажетъ „Тимуровы ворота“. Спросите его также, что такое гласятъ эти надписи, и онъ безъ запинки отвѣтитъ, „что здѣсь прошелъ де Тимурленгъ“. Такъ оно уже сложилось въ народномъ преданіи, быть можетъ оттого, что изъ всѣхъ своихъ царственныхъ династій и длиннаго ряда государей народъ удержалъ въ памяти одно лишь блестящее имя Тимура хромого [2]). Большинство русскихъ также убѣждено, будто надписи гласятъ, что здѣсь прошелъ Тамерланъ [3]). Вѣроятно поэтому нѣкто, желая обезсмертить и свое имя рядомъ съ

[1]) Джизакская рѣчка это тотъ же Санзаръ, или иначе Илянъ-Оти, а по-киргизски—Джеланъ-Ута.

[2]) Тимуръ значитъ желѣзный, а ленгъ—хромой.

[3]) Да не только русскіе, но и самъ Вамбери убѣжденъ почему-то, что болѣе древняя надпись была высѣчена по повелѣнію Тимура, во время его похода противъ Тохтамыша, хотя этотъ ученый рѣшительно ничѣмъ не подкрѣпляетъ своего мнѣнія. Точный переводъ обѣихъ надписей сдѣланъ лишь въ 1869 году и находится въ книгѣ Лерха „Археологическая поѣздка въ Туркестанскій край“. Спб., 1870.

Тимуромъ, нацарапалъ ножемъ пониже одной изъ надписей: „здѣсь и коллежскій секретарь Пальчиковъ проѣхалъ". Прелестно!

У самой подошвы лѣвой скалы катится звонкая Змѣйка, и прямо изъ ея мелкаго русла небольшой подъемъ приводитъ къ темной щели, пробитой природой въ толщѣ этой скалы. Щель служитъ входомъ въ довольно просторную пещеру, въ которой, по народному преданію, обиталъ какой-то змѣй или драконъ, будто бы побѣжденный все тѣмъ же Тимурленгомъ; но въ наши дни, въ ней иногда находятъ себѣ временной пріютъ караванщики въ бурныя ночи.

Послѣ Тамерлановыхъ воротъ, представляющихъ самое суровое и вмѣстѣ съ тѣмъ дико-величественное мѣсто ущелья, горы начинаютъ раздаваться и понижаться; долина становится просторнѣе. Толща праваго утеса воротъ тянется на нѣкоторомъ разстояніи въ видѣ сплошнаго каменнаго кряжа, изборожденнаго глубокими морщинами и трещинами, наложенными на его поверхность атмосферическими вліяніями и временемъ. Не могутъ не остановить на себѣ вниманія темные, какъ бы маслянистые слѣды какихъ-то потековъ, выходящіе во множествѣ изъ поперечныхъ пластовыхъ разсѣлинъ на различной высотѣ и ясно замѣтные на глыбахъ праваго кряжа. Вѣроятно, это слѣды горнаго масла, а впрочемъ про то знать спеціалистамъ горнаго дѣла.

Еще нѣсколько верстъ пути по ущелью, и вы, наконецъ, выѣзжаете на широкую заселенную долину, по которой протекаетъ все тотъ же Санзаръ, вѣтвящійся на множество мелкихъ рукавовъ и доставляющій всей этой мѣстности изобильное орошеніе. Горы со всѣхъ сторонъ отодвинулись на дальніе планы, а среди самой долины замѣтенъ высокій курганъ искусственнаго происхожденія. Это Яны-курганъ, по имени котораго называются близъ лежащее торговое сартовское мѣстечко и русская почтовая станція, гдѣ до взятія Самарканда стоялъ нашъ передовой отрядъ подъ командой полковника (нынѣ артиллеріи генералъ-лейтенанта) Абрамова. На

этомъ курганѣ, какъ уже сказано раньше, сохранились слѣды укрѣпленія, въ видѣ разрушенныхъ глиняныхъ стѣнъ, и хотя онъ носитъ имя „Яны“, то есть новый, что прямо указываетъ на его относительно недавнее происхожденіе, тѣмъ для насъ замѣчательнѣе, что въ основныхъ его формахъ всецѣло сохраняется характеристическій типъ древнѣйшихъ кургановъ Голодной степи. Стало быть, начиная со временъ незапамятныхъ и до времени, можно сказать, послѣдняго, нашего, небольшія степныя укрѣпленія въ южной и среднихъ частяхъ Трансоксаніи сооружались по одному и тому же неизмѣнному типу.

Подъѣзжая къ станціи, мы испытали одно изъ не совсѣмъ для насъ обычныхъ атмосферическихъ явленій. Около получаса уже тому назадъ горизонтъ сталъ покрываться желтовато-мглистыми тучами, которыя вскорѣ заволокли все небо. Вдругъ съ юго-запада повѣялъ неровными, какъ бы судорожными порывами замѣчательно теплый, почти горячій и какъ бы влажный вѣтеръ, который чрезъ минуту смѣнился рѣзкимъ холодкомъ вѣтра восточнаго, но вслѣдъ затѣмъ повѣялъ опять, и опять уступилъ мѣсто восточному. Такъ продолжалось до трехъ разъ въ теченіе какихъ нибудь пяти минутъ, и вслѣдъ затѣмъ хлынулъ вдругъ ливень, и разразилась буря безъ грозы, но съ очень сильными порывами юго-западнаго вѣтра и продолжалась почти цѣлые сутки. Это былъ такъ называемый „гаримсель“, мѣстный теплый и гнилой вѣтеръ.

На Яны-курганской станціи староста объявилъ, что ему дано знать о предстоящемъ проѣздѣ начальника штаба Туркестанскаго военнаго округа, а кромѣ того ожидается еще и почта, слѣдующая въ Самаркандъ, а потому лошадей онъ дать намъ не можетъ. Пришлось покориться обстоятельствамъ и скоротать на станціи почти цѣлые сутки.

17 декабря.

Въ шестомъ часу утра было легкое землетрясеніе, волнообразное и дрожащее, которое ощущалъ я очень ясно, про-

снувшись минутъ за десять до его начала. Выѣхали мы изъ Яны-кургана въ девятомъ часу утра, такъ и не дождавшись начальника штаба, который (какъ оказалось потомъ при встрѣчѣ съ нимъ на дорогѣ) ночевалъ по случаю бури на станціи Каменный Мостъ.

Въ часъ нашего выѣзда небо было совсѣмъ еще пасмурно, и задувалъ сильный, чисто штормовой вѣтеръ, такъ что казалось и на весь нынѣшній день надо было ожидать продолженія вчерашней погоды. Слѣва высокія горы выказывали свои каменныя снѣжныя выси, вырѣзывавшіяся въ небѣ гораздо выше линіи быстро мчавшихся и клубившихся облаковъ, и эти выси очень эффектно были облиты сверкающими лучами невидимаго для насъ солнца.

Вскорѣ поднялись мы изъ котловины на приподнятое пространство земли, которое обыкновенно принято называть возвышенною плоскостью; но въ данномъ случаѣ это вовсе не была плоскость въ буквальномъ смыслѣ, и если могла назваться таковою, то развѣ сравнительно — по отношенію къ окружавшимъ ее вдали съ трехъ сторонъ горнымъ кряжамъ. Это была обширная, весьма волнистая долина, съ пологими скатами и нерѣдко довольно глубокими падями, и на всемъ пространствѣ этой возвышенной долины, впродолженіи нашего пути, извѣстное „перекати-поле“ задавало намъ оригинальное зрѣлище отчаянной steeple-chase, въ которой принимали живѣйшее и какъ бы одухотворенное участіе миріады клубковъ этого растенія. По возвышеннымъ выпуклостямъ холмовъ просто рябило въ глазахъ отъ его быстраго и непрерывнаго движенія съ запада къ востоку, а въ лощинахъ и придорожныхъ рвахъ съ подвѣтренной стороны клубки его задерживались громадными кучами, вровень съ краями лощинъ, имѣвшихъ нерѣдко до двухъ, трехъ и болѣе саженъ глубины. Сколько ни странствовалъ по разнымъ степямъ южной Россіи, Молдавіи и Азіи, но никогда и нигдѣ еще не видывалъ я такого поражающаго множества „перекати-поле“. Это совсѣмъ не то, что въ нашихъ новороссійскихъ степяхъ,

характеризуя которыя А. А. Фетъ, въ одномъ изъ своихъ задушевныхъ стихотвореній, выразился:

Смотришь, черезъ поле
Перекати-поле
Прыгаетъ какъ мячъ.

Нѣтъ, это цѣлые легіоны, одухотворенные и несчетные, стремительно и бѣшено мчатся и прыгаютъ въ одномъ и томъ же направленіи, настигая и перегоняя другъ друга, какъ волны разыгравшагося моря. И цѣпляются они одинъ за другой, другой за третій и т. д., чрезъ что образуются очень большіе клубки, цѣлыя гряды клубковъ, и мчатся такъ эти гряды, пока не скатятся въ ровъ или лощину, не заполнятъ ее собою до верху, и тогда новые легіоны, новыя волны и валы перекатываются черезъ нихъ какъ по ровному мѣсту. Для мѣстныхъ сельчанъ и полуосѣдлыхъ узбековъ это просто праздничный подарокъ: утихнетъ вѣтеръ, и они понаѣдутъ сюда со своими широкими, помѣстительными арбами со всѣхъ окрестныхъ кишлаковъ и зимовокъ, и насбираютъ по лощинамъ этого „перекати-поля“ сколько душа пожелаетъ, навалятъ его на арбы цѣлыя горы, и радостно посвозятъ домой на топливо, въ подспорье мѣстному бурьяну да полыни.

Ѣзда на почтовыхъ отъ Джизака до Сарайлыка просто отвратительна, благодаря тому, что здѣсь большинство ямщиковъ таджики, которые, надо отдать имъ справедливость, и понятія не имѣютъ о томъ, что значитъ править лошадьми и какова бываетъ настоящая ѣзда. Тутъ ни ласковая просьба, ни понуканія, ни брань, ни даже обѣщаніе дать хорошо „на чай“, ничто не помогаетъ, ничто не расшевелитъ халатника-таджика, и онъ продолжаетъ себѣ флегматично трусить скучнѣйшею мелкою, маленькою рысцей, безъ размашистаго движенія кнутомъ, безъ посвиста и поощрительнаго покрика на лошадей, безъ „разговора“ съ ними, такъ что, наконецъ, даже безъисходную тоску наведетъ вамъ на душу. Перегонъ въ семнадцать верстъ отъ Яны-кургана до Сарайлыка волокли

насъ ровно три съ половиной часа по прекраснѣйшей ровной и твердой дорогѣ.

Отъ станціи Сарайлыкъ до Каменнаго Моста (разстояніе пятнадцать верстъ) дорога идетъ все по той же всхолмленной плоскости, справа и слѣва ограниченной вдали горами. Этотъ послѣдній перегонъ везъ русскій ямщикъ и потому доставилъ насъ въ одинъ часъ времени. Станція Каменный Мостъ получила свое названіе отъ дѣйствительнаго каменнаго моста, построеннаго русскими чрезъ одинъ изъ притоковъ Зарявшана, берущій свое начало въ горахъ Годунъ и протекающій близь этой станціи въ глубокихъ, сильно рытвистыхъ берегахъ. Здѣсь неподалеку находится русское укрѣпленіе, построенное среди рытвистыхъ излучинъ того же потока. Прежде оно служило для защиты моста отъ хищниковъ и бухарцевъ, но съ тѣхъ поръ, какъ наши границы значительно продвинулись впередъ, совсѣмъ покинуто за ненадобностію, и глиняныя прямыя стѣны его съ зубцами и бойницами представляютъ уже развалины.

Не доѣзжая верстъ четырехъ до Каменнаго Моста стоитъ на межѣ пограничный столбъ, отдѣляющій Сыръ-Дарьинскую область отъ Зарявшанскаго отдѣла. Едва переѣхали вы эту границу, какъ сразу же замѣчаете, что вступили въ страну упорядоченную несравненно болѣе той, которую только что оставили за собою. Уже первое, что пріятно встрѣтить путнику, это верстовые столбы: видишь и знаешь по крайней мѣрѣ сколько проѣхали и сколько еще остается до слѣдующей станціи. Дорога достаточно расширена, уравнена, окопана канавами. Поля по сторонамъ ея изрѣзаны арыками и воздѣланы. Это такъ называемыя „ляльми", поля засѣваемыя исключительно яровыми („кокъ") ячменемъ и пшеницей. Нѣсколько арыковъ пересѣкаютъ и самую дорогу, но мосты на нихъ исправны, такъ что вы ни на одномъ не рискуете провалиться въ канаву. Тамъ и сямъ виднѣются вдали кишлаки, осѣненные фруктовыми деревьями и тополями.

Но вотъ на восьмой верстѣ за Каменнымъ Мостомъ воз-

вышенная плоскость, по которой ѣхали до сихъ поръ, какъ-то сразу обрывается крутоватымъ спускомъ, и съ ея гребня вдругъ открывается предъ вами широкій и пріятный видъ на сокрытую до сего момента Зарявшанскую долину, съ ея сверкающими змѣйками многочисленныхъ ручьевъ и арыковъ, обсаженныхъ по берегамъ густыми и длинными рядами деревьевъ. Это Согдіана древняго міра, цвѣтущая страна, орошаемая водами Согда, называвшагося впослѣдствіи Когикомъ, а нынѣ Зарявшаномъ, имя котораго въ буквальномъ переводѣ значитъ разсыпатель золота или златоносецъ. Долина эта покрыта рощами, садами, огородами, пашнями и луговинами, среди которыхъ бѣлѣютъ издали хутора и селенія. Долинныя пашни называются „оби“, и на нихъ, какъ на болѣе орошаемыхъ, сѣютъ осенью макъ, ленъ, марену и озимые хлѣба, а весною рисъ, просо, кукурузу, кунджутъ, табакъ, хлопокъ и др. Система засѣва плодоперемѣнная; почва суглинистая. Дорога — прекрасное шоссе, устроенное русскими — весело идетъ все время длинною аллеей между четырьмя рядами высокихъ тѣнистыхъ деревьевъ, преимущественно таловъ, склоняющихъ свои вѣтви надъ журчащими съ обѣихъ сторонъ протоками. И такія же аллеи тянутся вдоль боковыхъ, проселочныхъ дорогъ. Тутъ перемѣшаны между собою тополь, талъ (родъ вербы), шелковица (тутовое дерево), джида (дикая маслина), чинаръ или платанъ, карагачъ (вязъ) и плодовыя: урюкъ, слива, яблоня и груша. Въ общемъ пейзажъ очень напоминаетъ благодатные уголки Малороссіи. Эта часть Зарявшанской долины составляетъ особый участокъ, сохранившій и донынѣ свое древнее названіе Согдъ, измѣненное узбекскимъ произношеніемъ въ Согудъ [1]).

Первый встрѣчаемый по дорогѣ большой кишлакъ Зарявшанской долины, это Акъ-Тюбе (бѣлый бугоръ), гдѣ про-

[1]) При Бухарскомъ правительствѣ Самаркандское бекство (губернія) дѣлилось на пять тумановъ или тюменей (участковъ), а именно: Шандаръ (куда причислялся и городъ Самаркандъ) и Анхоръ — по лѣвому берегу Зарявшана и Ширазъ, Согудъ и Афринкендъ — по правому берегу той же рѣки.

изошло первое боевое столкновенiе русскихъ съ бухарскими войсками 1 мая 1868 года. Онъ весь какъ бы тонетъ въ садахъ. Дворы и сакли, выходящiя лицевою стороной на дорогу, ясно показываютъ зажиточность своихъ обитателей. Глиняныя стѣны ихъ нерѣдко покрыты тиснеными и лѣпными узорами, въ видѣ розетокъ и бордюровъ; деревянныя колонки и карнизы на верандахъ и лавочныхъ навѣсахъ изукрашены рѣзьбой. Все это даетъ нѣкоторое понятiе не только о зажиточности, но и о степени изящнаго вкуса таджиковъ и осѣдлыхъ узбековъ. Въ селенiи замѣчается не мало лавочекъ и чайныхъ (нѣчто въ родѣ нашихъ харчевень), которыя торгуютъ довольно бойко, удовлетворяя потребностямъ мимохожихъ верблюжьихъ каравановъ. Тутъ же ютятся кузнецы, сапожники, точильщики и баккалы (мелочные торговцы), и выставлены на продажу войлоки, верблюжьи и конскiя сѣдла, подпруги, куржумы (переметныя сумки изъ ковровой ткани), маты, арканы и тому подобный товаръ, необходимый въ дорогѣ.

Слѣдующая за Каменнымъ Мостомъ станцiя Джамбай (разстоянiе 200 верстъ) расположена среди садовъ торговаго и весьма зажиточнаго селенiя Джамбай-Базаръ, жители коего, между прочимъ, промышляютъ и рыболовствомъ. У многихъ изъ нихъ мы замѣчали у сакель и во дворахъ сачки, растянутые неводы и другiя рыболовныя снасти. Самое зданiе станцiи является вполнѣ благоустроеннымъ, чистенькимъ и даже, въ своемъ родѣ, красивымъ. А почтовыми станцiями на всемъ протяженiи Сыръ-Дарьинской области, надо замѣтить, мы далеко не избалованы. Поэтому невольно бросается въ глаза и разница между тѣми и этою станцiей Зарявшанскаго округа.

За Джамбаемъ шоссе точно также идетъ между тѣнистыми аллеями, которыя прекращаются лишь въ томъ мѣстѣ, гдѣ дорога непосредственно подходитъ къ предѣльной чертѣ широкихъ перiодическихъ разливовъ Зарявшана. Здѣсь надо переѣхать въ бродъ черезъ правый или сѣверный рукавъ

рѣки, называемой по-узбекски Акъ-Дарья, а по-таджикски Дарья-Сафитъ, что одинаково значитъ Бѣлая Рѣка, и затѣмъ уже ѣдешь далѣе естественнымъ шоссе, по мелкимъ валунцамъ, составляющимъ грунтъ обширнаго русла разлива. Здѣсь съ обѣихъ сторонъ открылся видъ на горы: справа виднѣлся голый хребетъ Годунъ, а слѣва снѣжныя вершины Чумкаръ-Тау, Магіана и Ургута, принадлежащихъ къ системѣ хребта Зарявшанскаго. Обрамленный этими горами, пейзажъ становится очень красивымъ.

Ѣдучи по руслу разлива, мы приближались къ отдѣльно лежащей скалистой грядѣ Чупанъ-Ата [1]), гдѣ на центральной вершинѣ стоитъ мавзолей, въ видѣ четырехъугольной часовни съ яйцеобразнымъ куполомъ, надъ могилой мусульманскаго святого Чупана [2]), покровителя бараньихъ пастуховъ, который, по мѣстному преданію, прилетѣлъ сюда вмѣстѣ съ этими высотами изъ Аравіи. Для русскихъ же высоты Чупанъ-Ата памятны штурмомъ ихъ 1 мая 1868 года, порѣшившимъ участь Самарканда и съ нимъ всей древней Согдіаны въ пользу Россіи. У самой подошвы этихъ скалъ протекаетъ лѣвый рукавъ Зарявшана — таджикская Дарья-Сіобъ и узбекская Кара-Дарья, то есть рѣка Черная. Оба рукава, Акъ и Кара, раздѣляясь подъ Самаркандомъ, у начала высотъ Чупанъ-Ата, соединяются уже въ предѣлахъ Бухарскаго ханства, у города Хатырчи, образуя въ среднемъ теченіи Зарявшана обширный продолговатый островъ, извѣстный подъ именемъ Міанкаля, то есть Серединной земли, и сплошь покрытый прекрасною растительностію при наибольшей густотѣ узбекскаго населенія.

Надъ лѣвымъ рукавомъ, у самой подошвы сѣвернаго мыса Чупанъ-Ата, высятся двѣ грандіозныя кирпичныя арки, расположенныя подъ прямымъ угломъ одна къ другой и соединенныя между собою каменною перемычкой, въ видѣ стѣны

[1]) 2639 фут. надъ уровнемъ моря.

[2]) Чупанъ или чапанъ то же что и южно-русскій чабанъ, значитъ пастухъ.

со ступенями. Одна арка прислонилась къ скалѣ, другая же смотритъ своимъ пролетомъ на русло разлива. Это остатки древняго моста Шадманъ-Маликъ, построеннаго Абдуллахъ-ханомъ [1]). Изъ шестнадцати арокъ сего моста до нашихъ дней сохранились только двѣ, остальныя же давнымъ-давно уже снесены безъ остатка напоромъ сильнаго теченія. Грандіозный мостъ этотъ нѣкогда былъ перекинутъ поперегъ всѣхъ ручьистыхъ развѣтвленій рѣки, заполняемыхъ водой свыше своихъ обычныхъ береговъ во время разливовъ, когда всѣ эти развѣтвленія временно исчезаютъ подъ высокимъ уровнемъ одной сплошной массы стремительно несущейся воды, и вѣроятно строитель моста разсчитывалъ посредствомъ зигзагообразнаго расположенія арокъ, подъ прямыми углами другъ ко другу, уменьшить силу напора разливныхъ водъ на все сооруженіе, подобно тому какъ достигается это въ наше время остроносыми каменными быками-водорѣзами.

Невдалекѣ отъ моста Шадманъ-Маликъ, Дарья-Сіобъ раздѣляется на нѣсколько побочныхъ постоянныхъ рукавовъ, чрезъ которые необходимо переправиться, чтобы достичь Самарканда. На мѣстѣ переправы, у крайняго къ намъ рукава, стоитъ юрта и предъ нею два жестяные фонаря съ цвѣтными стеклами на казенныхъ форменныхъ столбахъ, и здѣсь же постоянно присутствуютъ конные джигиты, обязательно служащіе проводниками почты и проѣзжающихъ. Ѣдучи съ обѣихъ сторонъ на нѣсколько саженъ впереди экипажа, джигиты въѣзжаютъ въ рѣку и указываютъ вамъ направленіе пути по водному пространству въ бродъ. И надо знать, надо изучить очень хорошо прихотливыя излучины этого брода, и кромѣ того имѣть весьма вѣрный глазъ, чтобы не ошибиться направленіемъ, которое приходится измѣнять въ водѣ нѣсколько разъ, а ошибиться такъ легко, благодаря дѣйствующей на глазъ стремительности теченія: свернулъ шагъ или

[1]) Род. 940 (1538 года), царствовалъ съ 963 (1555), а какъ неограниченный государь всего Турана съ 986 (1578) года, умеръ въ 1006 (1597) году геджры

два въ сторону — и экипажъ рискуетъ опрокинуться на-бокъ или застрять въ какой нибудь подводной яминѣ. Въ настоящее время года высота воды въ Зарявшанѣ не велика, около аршина съ четвертью, но стремительность теченія даже и при такой, относительно говоря, мелкости все же чрезвычайно сильна и поражаетъ своею быстротой. Во многихъ мѣстахъ вы видите, какъ играетъ, булькаетъ и кипитъ водная зыбь, словно кипятокъ въ котлѣ надъ жаровней. Въ половодье же вода покрываетъ настилку очень высокихъ мѣстныхъ арбъ и достигаетъ лошадямъ до ушей, такъ что мѣстами имъ приходится плыть; поэтому нерѣдко переправа становится очень затруднительною, если не вовсе невозможною. Построить черезъ разливъ деревянный мостъ было бы безполезно потому, что его будетъ сносить каждую весну, а сооружать каменный слишкомъ дорого; здѣсь, въ особенности при нашихъ инженерныхъ смѣтахъ, гляди, потребовались бы милліоны.

Переправясь, наконецъ, черезъ всѣ рукава, мы повернули направо, вдоль подножія Чупанъ-Атинскихъ высотъ, и вскорѣ поднялись на ихъ западный, болѣе пологій скатъ, гдѣ справа виднѣлись глиняныя стѣнки и сады какого-то подгороднаго селенія. Скоро съ одного изъ возвышенныхъ пунктовъ открылся предъ нами роскошный и, въ своемъ родѣ, единственный въ мірѣ видъ на яйцеобразные и дыневидные лазоревые купола мечетей съ гигантскими куфическими надписями вокругъ тамбуровъ, на высокіе мозаичные порталы и стройные, но стоящіе нѣсколько вкось, какъ бы падающіе минареты Самарканда. Всѣ эти полуразрушенные свидѣтели древняго величія и царственной роскоши города временъ Тимуридовъ и Шейбанидовъ подымались надъ цѣлымъ лѣсомъ старыхъ садовыхъ деревьевъ, роскошныхъ ивъ, пирамидальныхъ тополей, раскидистыхъ вязовъ и платановъ, изъ-за которыхъ проглядывали однѣ надъ другими плоскія кровли мусульманскихъ глинобитныхъ жилищъ. И вся эта общая картина Самарканда впервые предстала намъ при косвенномъ, но яркомъ освѣщеніи золотисто-багряными лучами заходящаго солнца.

Вскорѣ миновали мы сады сѣвернаго предмѣстья, примыкающаго къ крутому шоссированному спуску, что ведетъ въ очень красивый, обильный растительностію оврагъ. Въ глубинѣ этого оврага, переѣхавъ по хорошему мосту черезъ потокъ Сіобъ, одинъ изъ древнѣйшихъ въ мірѣ арыковъ, мы по неменѣе крутому подъему, просѣченному въ толщѣ глинистаго массива, поднялись на Афросіабъ. Теперь это не болѣе какъ покинутое голое городище, около версты въ поперечникѣ, а нѣкогда, въ сѣдой доисторической древности, тутъ былъ цѣлый городъ, отъ котораго лишь мѣстами уцѣлѣли нѣкоторыя развалины и остатки городскихъ валовъ, а подъ ними вся мѣстность Афросіаба изрыта на глубинѣ подземными ходами, пещерами и погребами. Городище и до нашихъ дней сохранило имя своего полумиѳическаго властителя, царя Афросіаба (современника сказочнаго иранскаго богатыря Рустема), царствовавшаго болѣе чѣмъ за 1700 лѣтъ до Магомета, стало быть почти за 3000 лѣтъ до нашего времени [1]). По словамъ мѣстной легенды, Афросіабъ, сдѣлавшійся впослѣдствіи даже предметомъ обожанія въ религіозномъ культѣ языческаго Турана и Мидіи подъ именемъ „змія Афросіаба“ [2]), столь великъ былъ и силой и ростомъ, что, сидя на стѣнѣ своего замка, полоскалъ въ арыкахъ Сіобъ и Сіобчи свои гигантскія ноги. А замокъ царя Афросіаба вамъ укажетъ и теперь любой житель Самарканда: это холмъ вышиною около 15 саженъ, съ крутыми, почти отвѣсными боками. Тутъ же, на крутомъ берегу арыка Сіобъ, въ сѣверной части Афросіаба, укажутъ вамъ и другую гигантскую могилу, въ которой погребенъ библейскій пророкъ Даніилъ, по мѣстному произношенію Даніаръ [3]). Въ срединѣ отвѣсной крутизны того же

[1]) По Тарихи Наръ-Шахи, время царствованія Афросіаба относится за 1700 лѣтъ до начала магометанской эры, а по зороастрической Бунъ-Дехешъ, онъ, какъ современникъ иранскаго царя Миночеера, былъ современникомъ Моисея (1500—1460 до Р. Х.).

[2]) См. г. Властова Священную лѣтопись, ч. I, 37 и ч. II, 126.

[3]) Въ головахъ этой могилы выведенъ четырехъ-угольный фронтонъ,

берега, но нѣсколько болѣе къ западу, показываютъ отверстіе въ малый ростъ человѣка, служащее выходомъ изъ обширныхъ подземелій, существующихъ подъ бывшимъ дворцомъ Афросіаба. Русскіе не проникали въ нихъ далѣе двухъ или трехсотъ шаговъ по длинному корридору, гдѣ кромѣ змѣй и множества нетопырей они ничего не находили, опасаясь идти далѣе, по причинѣ спертаго воздуха; туземцы же увѣряютъ, что корридоръ этотъ приводитъ въ подземную залу, изъ которой будто бы двѣнадцать подобныхъ же ходовъ расходятся радіусами во всѣ стороны къ побочнымъ подземнымъ комнатамъ, служившимъ кладовыми для сокровищъ царя Афросіаба, а въ центральной залѣ стѣны будто бы украшены рельефными изображеніями тигровъ, львовъ и многихъ другихъ животныхъ. Насколько все это справедливо — пока еще ничего сказать невозможно. Несомнѣнно лишь одно, что все городище Афросіабъ требуетъ серьезныхъ археологическихъ изслѣдованій.

Во время пребыванія моего въ Самаркандѣ познакомился я съ однимъ мусульманскимъ ученымъ, бывшимъ городовымъ казіемъ (судьей), по имени Низамъ-Эддинъ ходжа Абдулъ-Аффаръ Ходжеевымъ, который, при посредствѣ самаркандскаго судебнаго слѣдователя Николая Петровича Султанова, отчасти посвятилъ меня въ первобытное прошлое города Самарканда. Руководствомъ для Ходжеева служила при этомъ старая рукописная книга подъ заглавіемъ Самарія, то есть полезная или плодовитая, сочиненіе тюря ходжа Агляма.

около сажени вышиной, украшенный мараловыми, козьими и иными рогами; къ нему примыкаетъ съ задней стороны длинная кирпичная стѣнка, вышиной въ полчеловѣческаго роста и шириной около полутора аршина. Сначала длина ея простиралась до трехъ саженъ, но года три тому назадъ какіе-то благочестивые радѣтели удлинили ее еще сажени на четыре, и мѣстные моллы, хранители могилы и находящейся при ней мечети, непремѣнно будутъ васъ увѣрять, что длина могилы соотвѣтствуетъ гигантскому росту пророка. У фронтона вдѣланъ дикій темно-сѣрый камень съ какою-то надписью.

Тамъ, напримѣръ, приводятся слѣдующія свѣдѣнія объ основаніи города и происхожденіи имени Самаркандъ:

1) Въ книгѣ Бурханы-Катыгъ говорится, что въ глубокой древности нѣкто, по имени Самаръ, поселился въ данной мѣстности и первый изъ обитателей страны сталъ заниматься земледѣліемъ. Увлеченные благимъ его примѣромъ вскорѣ около него стали селиться и другіе люди, среди которыхъ Самаръ былъ старшиной, и отсюда пошло названіе селенія Самаръ-Кентъ, что на иранскомъ языкѣ значитъ селеніе Самара; когда же арабы завоевали это мѣсто, то переиначили кентъ въ кандъ.

2) Въ книгѣ Маликуль Мамалюкъ (космосъ) неизвѣстнаго автора разсказывается, что властитель Ферганы и Кашгара, по имени Самаръ, прибылъ въ Согдъ со своимъ войскомъ и на данномъ мѣстѣ нашелъ большой, богатый и хорошо укрѣпленный городъ, который отказалъ ему растворить свои ворота. Тогда Самаръ, осадивъ городъ, подкопалъ его стѣны и такимъ образомъ взялъ его. На иранскомъ языкѣ канданъ значитъ копать, а кандъ — вскопанный, и стало быть Самаркандъ въ буквальномъ переводѣ будетъ Самаромъ вскопанный.

3) Въ книгѣ Тарихи Табари (исторія Табары) повѣствуется, что основателемъ сего города былъ царь Самаръ, который поселилъ въ немъ тюркское племя Кандъ, отсюда-де и происходитъ названіе Самаркандъ.

4) Нѣкоторый человѣкъ, по имени Самаръ, придя на мѣсто нынѣшняго Сіоба, нашелъ подъ скалой родникъ, раскопалъ его (копать — канды), углубилъ и провелъ изъ него арыкъ, на которомъ и поселился, а близь него стали селиться и другіе люди. По немъ получило названіе и поселеніе, обратившееся впослѣдствіи въ городъ.

5) Въ книгѣ Хафтъ-Иклимъ (семь частей свѣта) сказано, что Самаръ, родомъ изъ Ямана Іеменъ (въ Аравіи), царскаго происхожденія, пришелъ въ Согдъ со своимъ войскомъ, нашелъ тутъ древній городъ, отказавшійся впустить его въ во-

рота. Тогда Самаръ осадилъ этотъ городъ, взялъ его приступомъ, истребилъ его зданія и вскопалъ или срылъ городскія стѣны, послѣ чего основалъ на томъ же мѣстѣ новый городъ и назвалъ его Самаръ-Кандъ, то есть Самаромъ вскопанный [1]).

6) Великій „джемшидъ" (патріархъ) Феридунъ имѣлъ трехъ сыновей: Тура, Сальма и Ираджа (или Ируди), между которыми еще при жизни своей раздѣлилъ все свое царство. Туру отдалъ Туранъ (Туркестанъ съ Китаемъ и Монголіей), Сальму Румъ (Малую Азію), Магребъ (Африку) и Френгистанъ (Европу), а Ираджу — Иранъ (то есть всю страну отъ Персидскаго залива до Инда) и при этомъ дѣлежѣ опредѣлилъ границей между Тураномъ и Ираномъ рѣку Джи-гхунъ (Аму-Дарью) [2]), которую будто бы самъ и прокопалъ. Затѣмъ, желая для своего сына Тура укрѣпить какой-нибудь городъ, Феридунъ пришелъ на Зарявшанъ, гдѣ по близости нашелъ развалины какого-то древняго города, на которыхъ и основалъ Самаркандъ [3]).

[1]) Самаръ-Ярашъ Абу-Карибъ, современникъ персидскаго царя Дарія Гистаспа (529 лѣтъ до Р. Х.), покорилъ его и изъ Персіи пошелъ въ землю Синовъ (Монголію или Китай). Жители Согдіаны, окопавшись высокимъ валомъ, вздумали преградить путь побѣдителю, но за эту дерзость были всѣ перерѣзаны, а городъ ихъ разрушенъ. Въ память этого событія вся область Согдіаны была названа Самаръ-Кандомъ (разгромъ Самара). Герой, перешагнувъ черезъ трупы и развалины, вступилъ въ землю Синскую. См. Религіи древняго міра, соч. архимандрита Хрисанѳа (т. IV, 236), который заимствуетъ это сказаніе изъ Исторіи Араспа въ Персіи.

[2]) Джи-гхунъ, джо-гхунъ и джай гхунъ въ туркестанскихъ нарѣчіяхъ употребляется въ значеніи міровой, всемірный, всесвѣтный. И у насъ въ Сибири джиганомъ называется бывалый бѣглый каторжникъ, въ смыслѣ пройди-свѣтъ. Относительно же Аму-Дарьи, ея древнѣйшее названіе Джигхунъ достаточно указываетъ на великое международное и, такъ сказать, міровое значеніе этой рѣки въ исторіи древнѣйшаго періода Азіи.

[3]) О древности этого послѣдняго преданія можно судить уже по тому, что Феридунъ былъ шестой царь-патріархъ отъ сотворенія міра. По Зороастровской космогоніи (книга Бунъ-Дехешъ, начало которой писано самимъ Зороастромъ), первымъ царемъ міра и, разумѣется, Персіи былъ Кайоморотсъ (сынъ персти), первозданный человѣкъ, жившій десять

7) Въ Тарихи Наръ-Шахи (исторія Бухары) сказано, что Самаркандъ былъ основанъ Кай-Коусомъ, сыномъ Кай-Кобада, и къ этому примѣшивается очень драматическая и трогательная исторія приключеній Сіауша, сына Кай-Коуса,

столѣтій, изъ коихъ царствовалъ лишь послѣднія тридцать лѣтъ своей жизни, научивъ человѣчество земледѣлію, ткацкому мастерству и законовѣдѣнію, и умеръ въ своемъ первопрестольномъ городѣ Балхѣ. Надо замѣтить, что Бунъ-Дехешъ ни единымъ словомъ не упоминаетъ о всемірномъ потопѣ и выводитъ первую династію персидскихъ царей (династія Песшдадіановъ) непосредственно отъ первозданнаго человѣка, общаго прародителя. Вторымъ царствовалъ Гусшенкъ, внукъ Кайомортса, отъ сына его Сіамека, убитаго на войнѣ съ дивами (демонами), еще при жизни Кайомортса. Этотъ въ теченіе своего тридцатилѣтняго царствованія научилъ людей кузнечному и плотничному дѣлу и первый добылъ огонь посредствомъ удара кремнемъ о желѣзо (кстати: Бунъ-Дехешъ не говоритъ ничего о бронзовомъ періодѣ, а открытіе желѣза и пользованіе имъ относитъ, какъ видно изъ приведеннаго свидѣтельства, къ началу второго тысячелѣтія жизни человѣчества). Третьимъ царемъ былъ Тахмурасъ, сынъ Гусшенка, прозванный Дивбендомъ (побѣдителемъ дивовъ). Онъ научилъ людей грамотѣ, верховой ѣздѣ и вообще прирученію полезныхъ животныхъ, царствовалъ тоже тридцать лѣтъ. Четвертымъ царемъ цѣлыя семьсотъ лѣтъ былъ сынъ Тахмураса, Джемшидъ, основавшій городъ Персеполисъ и учредившій первые оружейные заводы, ткацкія фабрики и бани. Онъ раздѣлилъ Персидскій народъ на четыре касты: жрецовъ, воиновъ, пахарей и ремесленниковъ и установилъ первый священный праздникъ весны „наурузъ". То былъ золотой вѣкъ человѣчества. Но за обоготвореніе самого себя Джемшидъ подвергся нашествію иноземнаго царя Дзогака, который его казнилъ, послѣ чего царствовалъ въ Персіи цѣлую тысячу лѣтъ, введя въ ней новую религію (поклоненіе Ваалу) и всячески тиранствуя надъ народомъ. Но народъ наконецъ возмутился подъ предводительствомъ кузнеца Кавеха и, свергнувъ Дзогака, возвелъ на престолъ Персіи Феридуна, князя изъ рода прежнихъ царей, Песшдадіановъ, который отличался мудростію, правосудіемъ, военнымъ искусствомъ и любовью къ наукамъ, особенно къ медицинѣ и астрономіи, бывъ первымъ ихъ насадителемъ въ Персіи. Отъ первой жены своей, дочери Дзогака, Феридунъ имѣлъ двухъ сыновей—Тура и Сальма, а отъ второй, знатной персіянки—Иради или, по-узбекски, Ираджа. По раздѣленіи между ними всего тогдашняго міра, Туръ и Сальмъ, позавидовавъ удѣлу любимца Феридунова, Иради, убили его, за что и были прокляты отцомъ своимъ. По смерти Иради, его любимѣйшая наложница, которую онъ оставилъ беременною,

который, женясь на дочери Афросіаба, принцессѣ Френгисъ, получилъ отъ тестя въ удѣлъ обширную область съ главнымъ городомъ Самаркандомъ, и этотъ городъ былъ имъ изукрашенъ дивными произведеніями архитектурнаго искусства. Персидскіе источники (Шахъ-Наме, Бунъ-Дехешъ и проч.), говоря то же самое, только еще пространнѣе, не сходятся съ

родила дочь, и эту дочь Феридунъ отдалъ замужъ за сына Турова, Песшенга. Отъ этого брака родился Миночееръ (по-узбекски—Манучиръ). воспитанный Феридуномъ въ чувствахъ ненависти къ убійцамъ Ирадж. Миночееръ отомстилъ Туру и Сальму, убивъ на войнѣ обоихъ, и тогда, получивъ благословеніе дряхлаго Феридуна, сѣлъ на престолъ Ирана. Но у Песшенга былъ еще одинъ сынъ, отъ другой жены, его первенецъ—Афросіабъ, сидѣвшій на престолѣ Турана, который съ первыхъ же дней воцаренія Миночеера пошелъ на него войной, длившеюся десять лѣтъ, послѣ чего между Афросіабомъ и Миночееромъ былъ заключенъ мирный договоръ, по которому рѣка Джейхунъ (Аму-Дарья) признана границей между Ираномъ и Тураномъ. Затѣмъ войны Афросіаба противъ Ирана продолжаются съ нѣкоторыми перерывами въ теченіе послѣдующихъ шести царствованій: Невдера, Зава, Гершаспа, Кай-Кобада, Кай-Коуса и Хосру (Кира), пока, наконецъ, не завершились казнію Афросіаба и совершеннымъ порабощеніемъ Турана Ирану. Но тутъ, мнѣ кажется, подъ Афросіабомъ надо понимать просто Туранъ (Трансоксанію), какъ государство. Думаю я такъ потому, что, по свидѣтельству Бунъ-Дехешъ, Персія, послѣ заключенія перваго договора съ Афросіабомъ, наслаждалась миромъ и тишиной цѣлыя 35 лѣтъ подъ мудрымъ правленіемъ Миночеера, а на 36 году сынъ умершаго царя Туранскаго (Афросіаба?) захватилъ у Миночеера нѣсколько областей, вслѣдствіе чего началась новая война, которая окончилась блестящею побѣдой Миночеера надъ врагами. Извѣстно, что Афросіабъ попалъ въ число божествъ туранской религіи, и что его столица, нынѣшній Самаркандъ, называлась Афросіабомъ. Все это, мнѣ кажется, могло служить поводомъ, въ особенности для народныхъ легендъ, записанныхъ Зороастромъ, къ отождествленію туранскаго государства съ личностію его наиболѣе блестящаго представителя. Теперь, что касается хронологіи нѣкоторыхъ изъ этихъ событій, то, по даннымъ Тарихи-Шаханъ (исторія Шаховъ), сообщеннымъ мнѣ почтеннымъ Хаджи-Юнусовымъ (за что приношу ему мою сердечную благодарность), низверженіе Дзогака и возведеніе на престолъ Феридуна относится ко времени рожденія Аврама, то есть къ 2075 году до Р. Х. Далѣе Тарихи-Шаханъ говоритъ, что Манучиръ (Миночееръ), внукъ Феридуна, былъ современникомъ Моисея

мусульманскими (туранскими) источниками лишь въ названіи удѣльнаго города Сіауша и называютъ его Шарсаномъ. Что же до Афросіаба, который является дѣйствующимъ лицомъ въ исторіи приключеній Сіауша, то, по естественнымъ законамъ человѣческаго существованія, онъ уже не могъ быть въ живыхъ во времена Кай-Коуса, и очевидно, что народная легенда приписала своему любимѣйшему герою дѣянія совершонныя во времена уже значительно позднѣйшія какими либо другими дѣятелями.

8) Затѣмъ авторъ Самаріи говоритъ, что по другимъ (?) источникамъ основателемъ Самарканда былъ царь Каршасыбъ, открывшій здѣсь алебастръ, который онъ и приказалъ употреблять на украшенія городскихъ стѣнъ [1]). Про него же повѣствуютъ, что онъ воздвигъ большую стѣну между городомъ Туркестаномъ и Маверо-ун-нагромъ [2]).

9) Наконецъ покойный А. П. Хорошхинъ [3]) приводитъ (стр. 202) слѣдующія слышанныя имъ преданія о происхожденіи названія города: 1) „Жилъ-былъ царь; звали его Са-

(1500—1460 до Р. Х.), и что Афросіабъ пошелъ на него первою войной, когда Манучиру исполнилось уже шестьдесятъ лѣтъ. За симъ Тарихи-Шаханъ, разсказавъ о заключеніи между Манучиромъ и Афросіабомъ мирнаго договора относительно разграниченія Ирана отъ Турана рѣкой Джигхуномъ, прибавляетъ, что въ это время Богъ послалъ на землю пророка Ішуаибъ (Іисуса Навина?), а имя египетскаго Фараона того времени было Вялидъ сынъ Мусааба.

Такимъ образомъ Афросіабъ, третій царь туранскій (Туръ Песшенгъ, Афросіабъ), какъ современникъ Миночеера и стало быть Моисея, могъ жить и царствовать, самое позднее, за 1400 лѣтъ до Р. Х. Вотъ стало быть какова древность Самарканда, и притомъ древность уже несомнѣнная, такъ какъ городище и до сихъ поръ сохранило имя Афросіаба.

[1]) И дѣйствительно, на Афросіабѣ нерѣдко находятъ въ почвѣ, разрытой водомоинами, остатки лѣпныхъ орнаментовъ совершенно оригинальнаго стиля, сдѣланныхъ изъ алебастра.

[2]) Арабское названіе Трансоксаніи или собственно страны, лежащей между рѣками Аму и Сыромъ.

[3]) См. его Сборникъ статей, касающихся до Туркестанскаго края. С.-Петербургъ, 1876 года.

маръ, а царицу звали Кандъ, и они основали Самаркандъ". 2) „Жили-были два брата, Самаръ и Камаръ, люди добродѣтельные. Они подвизались въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ теперь Самаркандъ, и основали этотъ городъ, который и зовется по ихъ имени, а сами попали въ святые, и могила ихъ доселѣ находится въ Самаркандѣ, въ медрессе Разынъ-Суфи". И дѣйствительно, самаркандцы показываютъ въ данномъ мѣстѣ древнюю могилу, на которой читается имя Самара, начертанное куфическими письменами, и убѣждены, что тамъ погребенъ святой основатель ихъ города.

По объясненію моего ученаго знакомца, Абдуллъ-Аффаръ Ходжеева, слово самаръ, общее всѣмъ туранскимъ нарѣчіямъ, употребляется въ смыслѣ плодовитый, плодоносный, полезный, а кендъ, переиначенное арабами въ кандъ, значитъ поселеніе, городъ, и такимъ образомъ Самаркандъ или по-узбекски Самаркендъ въ наиболѣе близкомъ переводѣ, будетъ Плодоносный городъ, какъ Ташкентъ — Каменный городъ, а Чимкендъ — Зеленый городъ, Яны-кендъ — Новый городъ и т. п. А. П. Хорошхинъ тоже говоритъ, будто и по-арабски слово сямяръ значитъ плодъ, а кандъ — сладкій, сахарный, равно какъ и по-узбекски кандъ значитъ сахаръ. Мнѣ кажется, что объясненіе Абдуллъ-Аффаръ Ходжеева, въ особенности если принять во вниманіе положеніе Самарканда близь Міанкаля, плодоноснѣйшей части богатой Зарявшанской долины, будетъ всего проще и всего ближе къ истинѣ, безо всякихъ царей или братьевъ Самаровъ, составляющихъ прямой продуктъ мѣстной легенды. Во всякомъ же случаѣ, несомнѣнно то, что Самаркандъ есть одно изъ древнѣйшихъ въ мірѣ человѣческихъ поселеній, и уже во времена Александра Македонскаго, въ 329 году до Р. Х., находился на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ и теперь находится собственно мусульманскій городъ, а Миранда, или Мараканда грековъ, примыкала къ туземному городу съ западнаго и юго-западнаго конца его, то есть стояла тамъ, гдѣ теперь находится русская часть Самарканда. Въ этомъ убѣждаютъ и нѣко-

торые предметы греческаго происхожденія, находимые въ землѣ на русскомъ участкѣ, и свидѣтельство Тюря-Ходжа-Агляма въ его Самаріи, гдѣ говорится, что стѣна Кіаматъ-Диваль, существующая и понынѣ близъ лагернаго мѣста нашихъ войскъ, въ восьми верстахъ отъ сартовскаго города, составляла при владычествѣ грековъ крайнюю черту ихъ Мараканды. Да и самое имя „Мараканда“, мнѣ кажется, есть не что иное, какъ все то же восточное „Самаркандъ“, искаженное произношеніемъ грековъ, подобно тому какъ и мы теперь, принаравливаясь къ особенностямъ своего выговора, искажаемъ многія названія туземцевъ и передѣлываемъ, напримѣръ, Дизагхъ въ Джузакъ и т. п. Что же до древняго Афросіаба, то есть основаніе предполагать, что уже во времена Александра Македонскаго онъ составлялъ либо одну изъ крайнихъ частей города, либо, еще вѣрнѣе, его сѣверное предмѣстье; иначе, конечно, не сохранилось бы и его имя, пережившее цѣлыя тысячелѣтія. Во времена же Тимура (XIV вѣкъ) Афросіабъ былъ тѣмъ же, что и теперь, то есть забытымъ пустыремъ и кладбищемъ.

Вообще, на основаніи даже тѣхъ немногихъ археологическихъ разслѣдованій, какія были произведены здѣсь русскими, можно со значительною долей вѣроятія сказать, что городъ давнымъ-давно, еще не на исторической памяти, передвинулся съ Афросіаба болѣе къ западу и къ югу, и что съ тѣхъ поръ Афросіабъ, въ своихъ южныхъ окраинахъ, уже много и много вѣковъ служитъ для Самарканда мѣстомъ погребенія мертвыхъ. Да и весь нынѣшній Самаркандъ вообще стоитъ на сплошномъ великомъ кладбищѣ, гдѣ въ теченіе тысячелѣтій погребались и коренные обитатели города и наплывные, пришлые, въ числѣ коихъ уже на исторической памяти прошло столько разнохарактерныхъ, разноплеменныхъ завоевателей этого прелестнаго уголка, этого, по выраженію восточныхъ поэтовъ, „рая земли“, который издревле служилъ одною изъ первыхъ станцій на пути великихъ переселеній первобытныхъ народовъ съ плоскихъ возвышенностей Па-

мира, и къ которому испоконъ вѣковъ тянуло инстинкты завоевателей, благодаря его красотѣ и крѣпкому отъ природы положенію за грядой Чупанъ-Ата съ одной и съ Шарсабизскимъ хребтомъ съ другой стороны, въ плодоноснѣйшей долинѣ Зарявшана.

Миновавъ пустыри и кладбища Афросіаба, мы снова спустились съ его возвышенностей уже въ настоящій городъ, мимо небольшой каменной часовни надъ могилой Хазряти-Хызра (Хозрой), покровителя и заступника всѣхъ странствующихъ и путешествующихъ, и мимо какой-то бѣлой мечети, расположенной справа на спускѣ, рядомъ съ какими-то большими, сложенными изъ кирпича саркофагами, надгробными плитами и мазарками [1]). Но становилось уже темно; разсматривать предметы было затруднительно, и потому пришлось умѣрить свое любопытство до завтра.

Въ шесть часовъ вечера мы подъѣхали къ дому начальника самаркандскаго округа, генералъ-маіора Н. А. Иванова, который радушно предложилъ намъ свое гостепріимство.

[1]) Такъ называются въ Средней Азіи небольшія глинобитныя или кирпичныя часовни-мавзолеи надъ чьими либо могилами. Въ киргизскихъ степяхъ такія мазарки, называемыя тамъ еще муллушками, служатъ для путниковъ опознательными пунктами въ дорогѣ.

II.

Въ Самаркандѣ.

Самаркандъ въ картинахъ Верещагина. — Хазрятп Шахи-Зинда, усыпальница Тимуридовъ. — Братья-ревуны и дервиши-дувана. — Нижній порталъ Шахи-Зинда, ея лѣстница и мавзолеи. — Рѣзныя двери мечети Кусама.—Часовня и гробъ св. Кусама.—Замо́къ-рыба и его эмблематическое значеніе.—Легенда о св. Кусамѣ и пророчество Хазряти-Езеви о пришествіи русскихъ. — Бунчукъ Кусама, какъ талисманъ противъ неплодія.—Покаянное подземелье и кающійся добровольный заточникъ. — Коранъ, писанный рукой отца нынѣшняго эмира бухарскаго. — Священное дерево Камчинъ. — Мечеть Биби-ханымъ и падающіе минареты Улугъ-бека. — Эстетическій вкусъ средне-азіятовъ, ихъ страсть къ грандіозному и ихъ художественныя традиціи.—Кладбище Чиль-Духтарамъ.—Куфическія, сульсскія и магалинскія надписи Самарканда.—Слои цивилизацій древняго и новаго міра, погребенныхъ на почвѣ Самарканда.

Съ 18 по 25 декабря мы прожили въ Самаркандѣ, по причинѣ возобновившейся болѣзни князя Витгенштейна.

Описывать этотъ городъ во всей подробности я не стану, во-первыхъ, потому, что семи дней, проведенныхъ нами въ его стѣнахъ, далеко недостаточно, чтобы хорошо осмотрѣть въ подробности всѣ его части, предмѣстья, зданія, развалины и историческія достопримѣчательности. Да еслибъ и приняться за ихъ описаніе какъ слѣдуетъ, то это потребуетъ цѣлаго тома, при чемъ пришлось бы вооружиться многоразличными и многоязычными (преимущественно арабскими и персидскими) учеными источниками, чего, по незнакомству съ восточными языками, я и сдѣлать не могъ бы безъ посторонней помощи. А во-вторыхъ, въ нашей литературѣ уже есть нѣ-

сколько поверхностныхъ описаній современнаго Самарканда, изъ которыхъ лучшія и наиболѣе полныя сдѣланы покойнымъ А. П. Хорошхинымъ и г. Д. Ивановымъ. Самаркандъ еще ждетъ своего изслѣдованія и описанія, и эти достойныя задачи должны принадлежать, безъ сомнѣнія, русскимъ ученымъ. Скажу только, что когда я увидѣлъ вблизи и при дневномъ освѣщеніи всѣ эти остатки древняго величія столицы Тимура, то бо̀льшая часть изъ нихъ, какъ напр., Гуръ-эмиръ, регистанъ съ его мозаично-узорчатыми медрессе Улугъ-бекъ, Тилля-кари и Ширъ-даръ, галлерея Кокъ-ташъ и проч. [1]) показались мнѣ какъ будто старыми знакомыми, не смотря на то, что еще пятнадцать лѣтъ назадъ этотъ самый Самаркандъ представлялся воображенію, какъ нѣчто чуть не сказочное, фантастическое, словно бы заколдованное для всего цивилизованнаго міра по своей недоступности. И дѣйствительно, всѣмъ вамъ болѣе или менѣе знакомы теперь эти уцѣлѣвшіе остатки великолѣпныхъ сооруженій, если только вы имѣли случай любоваться ихъ воспроизведеніемъ на картинахъ В. В. Верещагина. Эти картины, — сама дѣйствительность, сама жизнь съ ея плотью и кровью, перенесенная на полотно, и ближе подойти къ ея правдѣ, къ ея краскамъ и воздуху, чѣмъ подошелъ нашъ художникъ, просто невозможно. Вспомните эти картины, и вы получите самое полное представленіе о наиболѣе выдающихся историческихъ достопримѣчательностяхъ столицы Тимуридовъ.

[1]) Гуръ-эмиръ—прекрасный мавзолей надъ могилой Тимура, регистанъ—городская площадь, медрессе—мусульманскія высшія школы, университеты, Кокъ-ташъ—галлерея въ бывшемъ дворцѣ бухарскихъ эмировъ, находящемся въ Самаркандской цитадели. Въ ней находятся извѣстный тронный камень, кокъ-ташъ (синій камень), на который сажали бухарскихъ эмировъ при восшествіи ихъ на престолъ, какъ того требовалъ древній обычай коронованія. Это обтесанная, въ видѣ плоскаго саркофага, глыба сѣроватаго мрамора, съ боками украшенными рельефно-узорчатою рѣзьбой. Сидя на кокъ-ташѣ, эмиры торжественно принимали отъ духовенства, войскъ, чиновниковъ и народа присягу на вѣрноподданство.

Самаркандъ — это Москва Средней Азіи, „лицо земли", „городъ святыхъ", „садъ угодниковъ Божіихъ" — „чарбаги бузрукоонъ". — И точно: этихъ святыхъ, погребенныхъ какъ въ городѣ, такъ и въ его ближайшихъ окрестностяхъ, насчитываютъ болѣе двухсотъ; но изъ нихъ наибольшимъ почитаніемъ пользуются трое ближайшихъ патроновъ „Вѣчнаго города" Средней Азіи. Это именно: Кусамъ, Хызръ и Ахраръ. О Хызрѣ я упоминалъ уже; объ остальныхъ же двухъ еще рѣчь впереди. Что же касается самаркандскихъ достопримѣчательностей, то изъ нихъ менѣе прочихъ описана Хазряти Шахи-Зинда, хотя она, по своимъ художественнымъ достоинствамъ, полагаю, заслуживаетъ вниманія никакъ не менѣе, если не болѣе, прочихъ.

Въ Описаніи Бухарскаго ханства, изданномъ въ 1843 году нашимъ путешественникомъ Н. Ханыковымъ, Хазряти Шахи-Зинда названа дворцомъ Тимурленга. То же самое повторяетъ и Л. Ѳ. Костенко [1]), но это ошибочно: Шахи-Зинда (въ переводѣ—живой царь) вовсе не дворецъ и никогда дворцомъ не бывала. Это собственно мечеть, построенная надъ могилой Кусама (по-татарски Касимъ), сына Абу-Аббаса, двоюроднаго брата пророка Магомета. При мечети имѣется небольшой монастырекъ (шанкахъ), гдѣ, между прочимъ, разъ въ недѣлю собираются для „радѣній" ревущіе дервиши, и тутъ же находится рядъ великолѣпныхъ усыпальницъ, гдѣ погребены нѣкоторые члены семейства Тимура, нѣсколько лицъ близко къ нему стоявшихъ и нѣкоторые его потомки. Была нѣкогда при этой же мечети и медрессе, построенная эмиромъ Улугъ-бекомъ, но въ стѣнахъ ея давно уже не раздается слово мусульманской науки. Все это вмѣстѣ взятое, то есть могила Кусама, мечеть, монастырекъ, бывшая медрессе и усыпальницы, составляетъ то, что извѣстно подъ именемъ Хазряти Шахи-Зинда. Впрочемъ, Ханыковъ со-

[1]) Туркестанскій Край, т. I, стр. 439.

знается, что самъ не видалъ ея, а положился на слова своего спутника Лемана.

Я настолько заинтересовался художественною стороной этихъ усыпальницъ, что въ теченіе кратковременнаго пребыванія своего въ Самаркандѣ посѣтилъ ихъ три раза, въ сопровожденіи двухъ обстоятельныхъ переводчиковъ, рекомендованныхъ мнѣ И. А. Ивановымъ, и это подаетъ мнѣ нѣкоторую смѣлость остановиться нѣсколько подробнѣе на Хазряти Шахи-Зинда, какъ на одномъ изъ самыхъ изящныхъ и наиболѣе сохранившихся памятниковъ Самарканда, тѣмъ болѣе, что въ извѣстныхъ намъ описаніяхъ города о ней почему-то упоминается менѣе, чѣмъ о прочихъ подобнаго рода зданіяхъ.

Хазряти Шахи-Зинда находится на сѣверо-восточной окраинѣ Самарканда, между Афросіабомъ и нынѣшнимъ городомъ, и занимаетъ своими зданіями подошву, южный склонъ и вершину небольшого холма, сплошь покрытаго древними могилами. Немощеная дорога, ведущая къ ней изъ города, пролегаетъ во второй своей половинѣ по узкой лощинкѣ, среди древнихъ кладбищъ и, слѣдуя по ней, вы мѣстами проходите, какъ бы корридоромъ, между двумя стѣнками, въ которыхъ проглядываютъ наружу, одни надъ другими, то уцѣлѣвшіе, то полуразрушенные отъ времени склепы, кирпичные стрѣльчатые и полукруглые своды и намогильныя плиты. Эти какъ бы наслоившіяся другъ на другѣ кладбища уже сами по себѣ, мнѣ кажется, представляютъ не малый интересъ для археолога.

Но вотъ мы подходимъ къ Шахи-Зинда, которая уступами высится по лѣвую сторону нашего пути. Главный фасадъ зданія, расположенный у подошвы холма, представляетъ въ своемъ центрѣ высокій, продлинноватый кверху четырехъугольникъ, въ которомъ, въ видѣ глубокой ниши, прорѣзанъ стройный стрѣльчатосводный порталъ. Къ нему примыкаютъ боковыя пристройки, изъ коихъ правая, о трехъ большихъ узорно-рѣшетчатыхъ окнахъ, вмѣщаетъ въ себѣ бывшую боль-

тую аудиторію Шахи-Зинданской медрессе. Боковые бордюры фронтона и ниша портала украшены куфическою вязью стиховъ и благочестивыхъ надписей, бѣлѣющихъ среди мелкоузорчатыхъ пестрыхъ арабесокъ, и все это вмѣстѣ представляетъ хорошій (но не изъ лучшихъ однако) образецъ мозаики изъ поливчатыхъ кафлей, гдѣ преобладающимъ цвѣтомъ является лазорево-голубой, а затѣмъ слѣдуютъ въ разнообразныхъ сочетаніяхъ синій, охристо-желтый и зеленый. Несмотря на то, что всѣ красочныя средства [мозаиста ограничивались только четырьмя колерами, подборъ цвѣтовъ въ этихъ арабескахъ исполненъ съ большимъ вкусомъ, и въ общемъ рисункѣ они не только не докучаютъ глазу своею монотонностью (да позволено будетъ такъ выразиться), но напротивъ представляются произведеніемъ вполнѣ гармоничнымъ, пріятно оригинальнымъ и изящнымъ. И тоже самое должно замѣтить относительно всѣхъ вообще древнихъ кафельныхъ мозаикъ Средней Азіи. Среди такихъ-то арабесокъ, на одной изъ щекъ портальной ниши, выставленъ годъ сооруженія—838 геджры, что соотвѣтствуетъ 1434 году христіанскаго лѣтосчисленія. Стало быть главный фасадъ нижняго зданія Шахи-Зинда былъ построенъ спустя 31 годъ послѣ смерти Тимурленга [1]), въ царствованіе его внука Улугъ-бека, который оставилъ по себѣ память просвѣщеннѣйшаго и симпатичнѣйшаго между государями Средней Азіи.

Пройдя подъ нижнимъ порталомъ мимо чьихъ-то бунчуковъ и стяга, вы вступаете на мощеную плитами внутреннюю площадку съ предмечетнымъ айваномъ (родъ веранды), подъ навѣсомъ котораго, у рѣзныхъ деревянныхъ колонокъ и рѣшетчатой баллюстрады, всегда сидятъ на цѣновкахъ, поджавъ подъ себя ноги, нѣсколько муллъ и „дувана“ [2]), погруженные въ благочестивое бездѣлье, если этимъ словомъ можно передать то, что въ совершенствѣ передается италіян-

[1]) Тимурленгъ умеръ въ 1405 году нашей эры (807 геджры).

[2]) Нищенствующіе монахи ордена Накшбенди.

скимъ „dolce far niente“. Съ правой стороны площадки выходъ на небольшой квадратный дворикъ съ нѣсколькими деревцами и сухимъ, выложеннымъ плитами бассейномъ посрединѣ, окруженный кельями (худжра), гдѣ помѣщается монашествующая братія, а налѣво изъ-подъ айвана входъ въ обширную залу, бывшей медрессе, гдѣ нынѣ братья-ревуны совершаютъ свои благочестивыя, но далеко не благозвучныя радѣнья подъ руководствомъ ишана Гайдеръ-ханъ-сеида и его брата Гассанъ-хана.

Съ этой площадки открывается красивый видъ на высокую и широкую каменную лѣстницу, ведущую на вершину Шахи-Зинданскаго холма, гдѣ она заканчивается другимъ стрѣльчатосводнымъ порталомъ, за которымъ начинается небольшой ширины проходъ, въ видѣ открытаго сверху корридора, обставленный съ обѣихъ сторонъ намогильными мавзолеями и ведущій къ мозаичной осьмиугольной ротондѣ (чааръ-тагъ), которая служитъ входомъ въ мечеть Кусама, называемую „Рауза“, и во внутренній верхній дворикъ Шахи-Зинда. Говорятъ, что нѣкогда эта лѣстница была облицована мраморомъ, котораго теперь и слѣдовъ на ней не осталось, а широкія и высокія ступени ея сложены изъ большихъ, ребромъ поставленныхъ, плитокъ жженаго кирпича. Съ правой стороны примыкаетъ она къ подымающейся уступами кирпичной стѣнѣ, тоже облицованной нѣкогда мраморомъ и служащей опорой вертикальному срѣзу холма, поверхность коего усѣяна намогильными плитами и саркофагами, а съ лѣвой стороны лѣстницы высятся два мавзолея, въ видѣ часовень или павильоновъ, украшенныхъ куфическими надписями вокругъ тамбуровъ, надъ которыми подымаются куполы, напоминающіе своею формой азіятскій шишакъ или наши древне-русскіе шеломы. На этихъ куполахъ еще видна кое-гдѣ лазоревая облицовка. Въ общемъ все это являетъ чрезвычайно своеобразную, полную красоты и не лишенную даже нѣкотораго величія картину, на которую достаточно только взглянуть, чтобы никогда уже потомъ не относиться

свысока, съ самоувѣренною легкостью „цивилизованнаго“ европейца къ изящному вкусу и художественному генію средне-азіятскихъ „варваровъ“.

Первый изъ упомянутыхъ мавзолеевъ, стоящій при самомъ началѣ подъема на лѣстницу, называется Ольджà-Инагà и былъ воздвигнутъ Тимуромъ надъ прахомъ Ольджи-Аймъ, его кормилицы и няньки. Хальфà и мутевали (настоятель и экономъ монастыря), любезно предложившіе мнѣ свои услуги въ качествѣ путеводителей и пояснителей достопримѣчательностей Шахи-Зинда, обратили мое вниманіе на куполъ этого мавзолея: онъ выше остальныхъ настолько, что макушка его равняется съ макушками мавзолеевъ, стоящихъ на вершинѣ холма.

— Это для того, пояснилъ хальфа,—чтобъ ей (мамкѣ) не обидно было предъ тѣми, что̀ покоятся выше ея. Для того ей и куполъ высокій. Такъ повелѣлъ великій Тимуръ. Онъ чтилъ ее, какъ родную мать, за то, что Ольджи-Аимъ его вскормила и вынянчила.

Черта во всякомъ случаѣ достойная вниманія въ характерѣ человѣка, имя котораго для европейцевъ служитъ синонимомъ „кровожаднаго тирана“, „дикаго варвара“ и т. п.

Второй мавзолей слѣва, нѣсколько меньшихъ размѣровъ, находится уже на подъемѣ въ гору. Онъ воздвигнутъ надъ прахомъ молочной сестры Тимура, дочери Ольджи-Аимъ, по имени Биби-Зинéтъ, и также украшенъ наружною мозаикой, а внутри расписанъ узорами al fresco.

Поднявшись по лѣстницѣ входимъ на верхнюю площадку. Здѣсь высятся одинъ противъ другого два мавзолея надъ могилами братьевъ Тимуровыхъ: слѣва Амиръ-Гассана, справа Амиръ-Хусейна [1]). Въ нихъ особенно замѣчательны боковыя

[1]) Спѣшу оговориться: называя эмира Хусейна братомъ Тимура, я слѣдую лишь показаніямъ моихъ путеводителей, хальфы и мутевалія. Но точно ли у Тимура были родные братья Гассанъ и Хусейнъ, этого не видно изъ его исторіи, насколько она извѣстна мнѣ по сочиненію Вамбери. О Гассанѣ, напримѣръ, названный историкъ не упоминаетъ вовсе.

колонны по красотѣ своего оригинальнаго стиля и по изяществу рисунка изъ рельефныхъ кружевныхъ украшеній, залитыхъ лазорево-голубою поливой. Входы обѣихъ часовень замурованы, но, по словамъ настоятеля, ихъ внутренняя мозаичная отдѣлка великолѣпна. Куфическая надпись по бордюру второго мавзолея гласитъ: „Падишахъ эміръ Хусейнъ".

Что же до эмира Хусейна, то таковой дѣйствительно игралъ въ жизни Тимура немаловажную роль, только приходился ему не братомъ, а шуриномъ. Эмиръ Хусейнъ былъ внукомъ эмира Казгана и роднымъ братомъ принцессы Ольджи Турканъ-Хатунъ, первой по времени и любимѣйшей въ теченіе всей жизни жены Тимура. Вначалѣ великій другъ, союзникъ и сподвижникъ, а впослѣдствіи врагъ своего шурина, Хусейнъ былъ взятъ послѣднимъ въ плѣнъ при штурмѣ города Балха и казненъ по настоянію своихъ же партизановъ, перешедшихъ на сторону противника, въ Балхѣ въ 771 (1369) году. Мавзолей же Хусейна, какъ свидѣтельствуетъ его надпись, построенъ въ 788 (1386) году, когда Тимуръ воевалъ въ Персіи и Арабистанѣ. Титулъ „падишахъ-эмиръ", которымъ та же надпись надѣляетъ Хусейна, могъ быть принадлежностью только государя царствовавшаго, какимъ и былъ дѣйствительно Хусейнъ въ Балхѣ и Бадакшанѣ. Но какъ совмѣстить годъ его смерти съ годомъ сооруженія мавзолея, если только мавзолей этотъ не принадлежитъ какому либо другому эмиру Хусейну, намъ неизвѣстному? Остается думать, что можетъ быть Тимуръ, долго не соглашавшійся на казнь шурина, впослѣдствіи, около семнадцати лѣтъ спустя, самъ воздвигъ ему этотъ памятникъ, приказавъ перенести прахъ покойнаго изъ Балха въ Самаркандъ. Вообще, при отсутствіи въ Шахи-Зинда своихъ собственныхъ метрикъ или лѣтописи, крайне трудно, не будучи спеціалистомъ, добираться по однѣмъ лишь надгробнымъ надписямъ, нерѣдко полуразрушеннымъ, до историческаго значенія лицъ, имена коихъ значатся на этихъ надписяхъ. Тутъ по большой части приходится полагаться на слова хальфы и мутевалія компетентность которыхъ въ данномъ случаѣ можетъ еще подлежать большимъ сомнѣніямъ. Такъ, напримѣръ, здѣсь встрѣчаются отчасти въ надписяхъ, а отчасти въ устныхъ преданіяхъ имена эмировъ: Муссы (мусса—справедливый), Ассада, Абу-Тенги и Бурундука, о которыхъ у Вамбери вовсе не упоминается. Поэтому я далеко не могу взять на себя отвѣтственность за точность сообщенныхъ мнѣ свѣдѣній, и если помѣщаю ихъ, то лишь въ надеждѣ, что авось либо впослѣдствіи они дадутъ собою ученымъ спеціалистамъ какую нибудь нить къ возстановленію или отверженію ихъ, согласно исторической истинѣ.

„Основанъ въ 788 (1386) году, въ мѣсяцѣ рамазанъ“, а въ нишѣ, въ ея срединѣ, изображены слова корана: „Скажи: тотъ есть Богъ единъ, безгрѣшный, нерожденный отъ человѣка, неимѣющій равныхъ себѣ, единый“; въ верхней же и въ нижнихъ частяхъ ниши: „Аль-Мулькъ-Алла“, т. е. „все (существующее въ мірѣ) есть достояніе Божіе“. Всѣ эти надписи куфическія. На фронтонѣ же Гассана, кромѣ такихъ же изреченій, встрѣчается еще слѣдующее: „Сократъ сказалъ, что земной міръ созданъ для муки, міръ же небесный для блаженства“.

Затѣмъ слѣдуютъ два мавзолея, также расположенные одинъ противъ другого. Въ лѣвомъ покоятся сестра Тимура, Джужукъ-Бика, и ея дѣти, а въ правомъ другая сестра его, дѣвица, Ширинъ-Бика-Ака. (Ака по-узбекски—дѣвица). Фронтоны обѣихъ часовень покрыты мозаикой. Бордюръ, окаймляющій первый изъ нихъ (лѣвый), составленъ изъ вязи сульсскихъ письменъ, а въ срединѣ фронтона, надъ входомъ, красуется куфическая надпись, которая гласитъ: „Не думай о жизни настоящей, земной; помышляй о будущей, загробной“. По бордюру же сульсскія надписи представляютъ слѣдующія изреченія: лѣвая—„Часы и минуты настоящей жизни дарованы намъ Богомъ для того, чтобы молиться Ему“; правая—„Пророкъ сказалъ: настоящая (земная) жизнь не принесетъ пользы, принесетъ ее будущая“ [1]); верхняя: „Здѣсь покоится блаженная, высокочтимая Джужукъ-Бика, дочь эмира Тургаябогадура“; подъ нею: „Сооруженъ ею самою для себя въ 773 (1371) году“; еще ниже: „Работа мастеровъ Шамоеддина и Зейнеддина“. Внутренность часовни, ея куполообразный потолокъ, весь составленный изъ мозаики, ея стѣны, облицованныя рельефнорѣзными узорчатыми кафлями значительной

[1]) То есть, другими словами, не заботься о стяжаніяхъ земныхъ, старайся „о небесныхъ“. Всѣ приводимые мною тексты шахи-зинданскихъ надписей переведены, по моей просьбѣ, членомъ Самаркандской археологической комиссіи, поручикомъ султаномъ Баба-Галіевымъ, за что приношу ему мою сердечную благодарность.

величины, покрытыми разноцвѣтною эмалью; все это прекрасно сохранилось и поражаетъ васъ, какъ гармоничностію архитектурныхъ формъ, такъ и оригинальною прелестью общаго рисунка узорчатыхъ стѣнъ и купола.

На противоположномъ мавзолеѣ характеръ фронтонныхъ надписей нѣсколько отличенъ отъ предыдущаго, а именно: въ срединѣ его находится куфическая надпись: „Нѣтъ Бога кромѣ Бога, Магометъ пророкъ Его“, надъ нею сульсская: „Здѣсь покоится блаженная, высокочтимая Ширинъ-Бика-Ака, дочь эмира Тургая-богадура“; ниже: „Сооруженъ ею самою для себя въ 787 (1385) году“, а по бордюрамъ—куфическая: „Достояніе Божіе“, идетъ вокругъ всего фронтона, вязью, повторяясь множество разъ. Внутренность часовни расписана al fresco.

Третій мавзолей справа представляетъ шестигранную ротонду съ большими и широкими стрѣльчатыми окнами, что придаетъ ей видъ открытой сквозной бесѣдки, увѣнчанной плосковатымъ куполомъ, форма коего напоминаетъ тѣ расшитыя шелками шапочки, что носятъ въ Бухарѣ молодыя дѣвушки. Это могила одной изъ дочерей Тимура, умершей дѣвственницей, въ ранней юности. „А потому ей и мавзолей открытый и куполъ въ видѣ дѣвичьей шапочки“, прибавилъ хальфа въ поясненіе.

— Что до купола, то это я понимаю, замѣтилъ я моему путеводителю:—но что именно означаетъ аллегорія открытости мавзолея?

— О тюря! [1]) это значитъ, что внутренность покойной, то есть ея сердце, ея душа, ея помыслы, ея утроба такъ чисты, что насквозь свѣтятъ какъ эти окна, въ которыя ты, стоя здѣсь, видишь небо по ту сторону мавзолея.

Недурно и притомъ совершенно по-восточному.

Третій мавзолей слѣва воздвигнутъ однимъ изъ внуковъ Тимура въ 765 (1363) году, но неизвѣстно которымъ, потому

[1]) Тюря—князь, знатный господинъ. Такъ въ Средней Азіи всегда величаютъ тѣхъ, кому желаютъ оказать почетъ и любезность.

что мраморная доска, гдѣ было высѣчено имя покойнаго, растреснулась когда-то, и упавшая часть оной разбилась вдребезги; по преданію же мавзолей называется „Эмиръ-Абу-Тенги". Такъ по крайней мѣрѣ объясняютъ хальфа и мутевали. Мавзолей замѣчателенъ тѣмъ, что на мозаично-кафельномъ фронтонѣ его чрезвычайно изящные рисунки въ видѣ арабесокъ составлены не изъ фантастическихъ завитковъ и многоугольниковъ, а исключительно изъ куфическихъ надписей, сгруппированныхъ чрезвычайно искусно, такъ что изъ нихъ выходитъ цѣлый узоръ, и узоръ очень красивый. Особенно искусно сдѣланы двѣ боковыя круглыя розетки, въ видѣ плоско-свернутой спирали (rouleau), изъ которыхъ каждая въ своемъ узорѣ представляетъ слѣдующее изреченіе: „Нельзя сказать, гдѣ именно находится Богъ, но можно сказать только, что Онъ есть, безсмертный, бдящій, сотворившій небо и землю. Людей Ему угодившихъ Онъ приближаетъ къ себѣ. Ему извѣстно, что было и что будетъ. Доказательство силы Его то, что небо не падаетъ на землю" [1]). Надпись надъ входомъ: „Основанъ внукомъ эмира Тимура... для себя въ 765 году". На правой колоннѣ портала сохранилась въ узорѣ надпись: „Работа уста̀ (мастера) Али Мансура". Надпись эта составлена изъ такихъ же буквъ-арабесокъ.

Четвертый мавзолей слѣва построенъ въ видѣ открытой съ фронта широкой ниши. Сводъ его уже рухнулъ, но настѣнныя мозаики сохранились прекрасно, и среди ихъ находится надпись: „Туманъ-Ака, дочь эмира Муссы". Въ заднюю стѣну этого мавзолея-ниши вдѣланы стоймя двѣ продолговатыя плиты съ высѣченными на нихъ надписями слѣдующаго содержанія: на правомъ отъ зрителя камнѣ:

„Сеидъ-Хатымъ-ходжа, бенъ [2]) Сеидъ-богадуръ-ходжа.
Сеидъ-богадуръ-ходжа, бенъ Сеидъ-Абдурахимъ-ходжа.
Сеидъ-Абдурахимъ-ходжа, бенъ Абдуллъ-Кадыръ-ходжа.
1022 (1612) года".

[1]) То есть ему извѣстно прошлое и будущее и силою своею Онъ держитъ твердь небесную надъ землей.

[2]) Бенъ по-арабски и бинъ по-узбекски значитъ сынъ.

На лѣвомъ отъ зрителя камнѣ:

„Абдуллъ-Сафа, бенъ Абдулъ-Каюмъ.
Абдулъ-Каюмъ, бенъ Шерифъ-Эддинъ.
Омаръ-Эддинъ, бенъ Шерифъ-Эддинъ.
Османъ, бенъ Шемседдинъ,
Шемседдинъ, Эмиръ-Магометъ“.

Кто эти лица, сказать довольно затруднительно, такъ какъ этого не могли объяснить намъ и хальфа съ мутеваліемъ, которымъ, казалось бы, ближе всего можно было бы имѣть о нихъ какія либо свѣдѣнія. Судя по титуламъ „сеидъ“, видно, что тутъ погребены люди знатнаго происхожденія, ведшіе свой родъ отъ дочери пророка Магомета и его ближайшихъ родственниковъ, но чѣмъ они были достопримѣчательны и почему удостоились чести быть погребенными въ усыпальницѣ Тимуридовъ, этого я не знаю, равно какъ не знаю въ исторіи Трансоксаніи и эмира съ именемъ Шемседдинъ-Магомета. Что же до первыхъ трехъ именъ, начертанныхъ на второмъ камнѣ, то можно догадываться: не погребены ли тутъ внукъ и два сына Шерифъ-Эддина, извѣстнаго біографа Тимурленга.

Надъ этими двумя камнями, вверху, находится общая надпись въ стихахъ слѣдующаго содержанія: „Никто не сдѣлается великимъ, если своимъ долготерпѣніемъ въ скорбяхъ не заслужитъ себѣ благоволеніе Аллаха. Земная жизнь не принесетъ пользы—принесетъ ее жизнь будущая“.

Проходъ, идущій по плоской вершинѣ холма между рядами мавзолеевъ, приводитъ васъ, наконецъ, къ ротондѣ Чааръ-тагъ [1]), изъ которой входъ налѣво ведетъ въ месджиди-джума (соборную мечеть), очень древнюю, съ высокими и весьма оригинально расположенными сводами, а входъ направо—въ мечеть и усыпальницу Шахи-Зинда. Поднявшись на пять мраморныхъ ступеней, вы изъ-подъ ротонды выходите въ ея среднюю арку на верхній продолговатый дворикъ, сплошь обрам-

¹) Чааръ-тагъ — собственно: четыре лѣстницы; въ переносномъ же значеніи—бесѣдка. Не отсюда ли наше русское чердакъ?

ленный мозаичными мавзолеями, между которыми по лѣвой (западной) стѣнѣ въ особенности обращаетъ на себя вниманіе одинъ, воздвигнутый надъ прахомъ принцессы или государыни, имя которой, составленное изъ кусочковъ мозаики, выщербилось отъ времени, а сохранились только слова: „Ша падиша... годъ 808 (1404 нашей эры)". Первыя два слова подаютъ поводъ къ заключенію, что здѣсь покоится прахъ женщины; устное же преданіе говоритъ, что это мавзолей дочери Тимура, Ходжи Тоглу-Текинъ. Рядомъ съ нимъ указываютъ на памятники какой-то принцессы Нуріи и эмира Бурундука.

Всѣ надписи прекраснаго мавзолея Тоглу-Текинъ сдѣланы арабскими письменами, за исключеніемъ бордюра, орнаментирующаго вверху и внизу стройныя колонки по бокамъ входа, изъ которыхъ въ особенности хорошо сохранилась лѣвая. Въ этомъ бордюрѣ, въ видѣ узора, изображено имя Магомета письменами магалинскими, но такъ, что вы съ перваго взгляда и не подумаете будто это письмена, а не просто арабески. Верхняя надпись мавзолея подъ сталактитовымъ сводомъ ниши состоитъ изъ текста корана: „Всякому благочестивому открыты двери рая", а затѣмъ, въ видѣ главной надписи, идутъ вышеприведенныя слова, съ выщербившимся именемъ погребенной; вокругъ же нихъ читается по-арабски слѣдующее: „Магометъ рекъ: буде кто изъ правовѣрныхъ лишенъ возможности отправиться на поклоненіе его гробу, то достаточно если онъ поклонится гробу Хаттама, сына Аббаса [1]), и если бы послѣ меня положено было отъ Бога быть еще одному пророку, то это былъ бы Хаттамъ". Магометъ рекъ: „Всякъ да замолитъ грѣхи свои, пока живъ. Если при этомъ (то есть при замоленіи грѣховъ) дарована человѣку долгая жизнь на семъ свѣтѣ, то и въ будущей жизни блаженство его будетъ долгое".

[1]) Эти слова объясняютъ отчасти почетный титулъ хаджи (паломникъ или паломница), приданный имени Тоглу-Текинъ. Вѣроятно она совершила странствованіе ко гробу Магомета или ко гробу Хаттама.

Въ задней стѣнѣ, замыкающей дворикъ съ сѣверной стороны, устроена открытая ниша, въ которую вдѣлана мраморная доска съ рельефною арабскою надписью сульсскими литерами: „Аллахумма Алгаккуна-ль Гакуни уляу-кона-ль букагу би-кодри-саукиль агирате“, то есть: „Вознеси Господи душу мою въ обитель блаженства, сопричти къ твоимъ праведникамъ и сохрани на томъ свѣтѣ“. На бокахъ этой ниши, тоже рельефомъ въ видѣ узора, вырѣзаны по мрамору куфическія надписи, а самый памятникъ воздвигнутъ надъ какимъ-то Ходжа-Ахметомъ, о которомъ думаютъ, что это сынъ Мираншаха, сына Тимурова, извѣстный поэтъ, написавшій Книгу прелестей (Летафетъ-Намехъ).

Въ правой или восточной стѣнѣ дворика продѣлано въ нишѣ портала широкое окно, открывающее видъ на внутренность особаго мавзолея, сводъ и куполъ котораго уже давно обрушились. Въ сталактитовидныхъ наугольникахъ стѣнъ и въ верхнихъ частяхъ настѣнныхъ нишъ этого мавзолея прекрасно сохранились рельефныя надписи на лазурно-голубыхъ поливчатыхъ кафляхъ, да и самый рисунокъ этихъ кафелей, напоминающій своимъ глубоко врѣзаннымъ рельефомъ самое затѣйливое мелкоузорчатое кружево, просто очарователенъ по своей красотѣ и изяществу. Мавзолей этотъ носитъ названіе „Ша-арапъ“, вѣроятно вслѣдствіе мавританскаго стиля своихъ сталактитовидныхъ наугольниковъ [1]). Надпись надъ его окномъ, образующая надъ собою квадратный четыреугольникъ, равно какъ и всѣ прочія надписи этого мавзолея сдѣланы по

[1]) Ша-арапъ или ша-арафа и иракъ суть два стиля наиболѣе употребляемые даже и доселѣ при орнаментаціи настѣнныхъ панелей, цоколей, карнизовъ и наугольниковъ. Первый изъ нихъ мавританскаго происхожденія и представляетъ подобіе сталактитовъ, состоящихъ изъ выпуклыхъ, геометрически правильныхъ многогранниковъ: второй же происхожденія иранскаго и состоитъ изъ ряда углубленныхъ внутрь призмъ или многогранниковъ, расположенныхъ въ видѣ маленькихъ нишекъ, рядами, преимущественно въ шахматномъ порядкѣ. Такимъ образомъ первый стиль всегда горельефъ, а второй—барельефъ и оба чрезвычайно изящны.

сульсъ-рейхонской системѣ письма, одной изъ древнѣйшихъ на Востокѣ. Надоконная надпись заключаетъ въ себѣ тотъ же самый текстъ, который мы читаемъ въ срединѣ входной ниши мавзолея Хусейна: „Скажи тотъ есть Богъ единъ" и проч. По карнизу и бордюрамъ начертаны повторяющіяся имена величайшихъ подвижниковъ ислама въ такомъ порядкѣ: „Абубекръ, Омаръ, Османъ и Али", а вокругъ ниши: „Основанъ эмиромъ Тимуромъ въ 762 (1360) году, махрама (ноября) 13".

Это самый ранній годъ изо всѣхъ, какіе встрѣчаются на шахи-зинданскихъ надписяхъ, и я полагаю, что въ данномъ мавзолеѣ, вѣроятно, была первая царственная усыпальница при гробѣ Кусама, воздвигнутая одновременно съ мечетью и часовней надъ самымъ гробомъ святого. Вообще, по всему видно, что Хазряти Шахи-Зинда, постоянно сохраняя назначеніе усыпальницы Тимуридовъ и близкихъ къ нимъ людей, создавалась постепенно, въ теченіе по крайней мѣрѣ 76 лѣтъ, пока не завершилась въ 838 (1434) году стоящимъ у подошвы холма зданіемъ бывшей медрессе.

Послѣ осмотра всѣхъ мавзолеевъ, мои путеводители пригласили меня въ мечеть „Рауза", къ могилѣ Кусама. Я упомянулъ уже, что сюда ведетъ изъ-подъ ротонды входъ съ правой стороны. Этотъ входъ закрытъ двустворчатыми, средней высоты дверями изъ цѣльнаго орѣха, которыя представляютъ собою одинъ изъ драгоцѣннѣйшихъ въ художественномъ отношеніи и древнѣйшихъ въ Самаркандѣ памятниковъ искусной рѣзьбы по дереву. Рисунки рельефныхъ узоровъ и надписей на этихъ дверяхъ такъ оригинальны и такъ изящны, что даютъ высокое понятіе о вкусѣ древнихъ самаркандскихъ мастеровъ и заслуживаютъ самаго внимательнаго изученія, Хотя они уже срисованы В. В. Верещагинымъ на его извѣстной картинѣ „Предъ дверями мечети", тѣмъ не менѣе и на будущее время для художника и рѣзчика тутъ есть надъ чѣмъ поработать и чѣмъ позаимствоваться. Бордюры этихъ дверей украшены инкрустаціями изъ слоновой кости, а верх-

нія филенки—древними бронзовыми скобами, висящими въ видѣ сережекъ, тоже весьма красиваго рисунка.

Изъ ротонды (Чааръ-тагъ) къ часовнѣ Кусама ведетъ полутемный корридоръ, къ которому съ правой стороны примыкаетъ мечеть, куда подымаются по двумъ или тремъ ступенямъ, чрезъ широкую входную арку. Въ мечети настѣнныя панели, ниша мехраба [1]) и стѣна вокругъ его облицованы узорчатыми изразцами и испещрены мозаикой арабскихъ надписей, заключающихъ въ себѣ молитвы и тексты Корана. Это произведеніе старыхъ исфаганскихъ мастеровъ, замѣчательное не только по красотѣ рисунка, но и по чистотѣ колеровъ эмали.

Пройдя корридоръ, входишь въ аванъ-залу часовни, просто высокую сводчатую комнату, оштукатуренную алебастромъ, безъ всякихъ украшеній, изъ которой особая входная арка ведетъ также и въ мечеть, а въ правой стѣнѣ продѣланы двѣ низенькія одностворчатыя двери: правая отворяется для желающихъ спуститься въ чиля-хане—покаянное подземелье, а лѣвая всегда открыта для желающихъ подняться на одну или двѣ ступени въ часовню Кусама.

Часовня эта представляетъ собою небольшую квадратную залу, куда слабый свѣтъ проникаетъ сверху сквозь небольшія рѣшетчатыя окошки и тѣмъ придаетъ ей нѣсколько таинственный, мистическій характеръ. Потолокъ образуетъ куполъ, который русскіе, по занятіи Самарканда, нашли въ полуобвалившемся видѣ и вскорѣ затѣмъ реставрировали, придерживаясь его первоначальнаго характера. Основаніе купола покоится на четырехъ настѣнныхъ наугольникахъ, имѣющихъ форму полукруглыхъ полунишъ, какъ бы нависающихъ сверху внизъ кристаллическими призмами и сталактитами своихъ лѣпныхъ украшеній. Подъ куполомъ вокругъ цоколя идетъ рельефно узорчатый поясъ эмальированныхъ сульсскихъ надписей, а внизу стѣны облицованы мозаичными панелями

[1]) Возвышенное мѣсто, обращенное въ сторону Мекки.

исфаганскаго стиля. Но со всѣмъ этимъ, дѣйствительно изящнымъ произведеніемъ строительнаго искусства, вовсе уже не вяжутся намалеванныя на стѣнахъ розетки, цвѣты и букеты въ вазонахъ—грубое сартовское произведеніе позднѣйшаго времени. Русскіе убѣждали было мѣстныхъ муллъ соскоблить всю эту дрянь и возстановить стѣны въ ихъ первоначальной алебастровой облицовкѣ, но ничего съ ними не подѣлаешь: находятъ, что такъ красивѣе. Полъ также весьма неказисто устланъ простыми цѣновками и ситцевыми ватными одѣялами, но это по крайней мѣрѣ оправдывается хотя тѣмъ, что такъ удобнѣе для молящихся сидѣть на колѣняхъ. Вообще все, что внесено сюда мусульманствомъ новѣйшаго времени, до казанскихъ ксилографій съ изображеніемъ Каабы включительно, слишкомъ рѣзко дисгармонируетъ съ изяществомъ стиля древняго мусульманства, воочію свидѣтельствуя объ упадкѣ эстетическаго вкуса у новѣйшихъ поклонниковъ пророка.

Войдя въ часовню, вы видите предъ собой въ противоположной стѣнѣ три двери. Изъ нихъ средняя, нѣсколько выше и шире боковыхъ, никогда не открывается, но сквозь нее можно видѣть самый гробъ святого: она вся прорѣзная и представляетъ образецъ превосходной ажурной работы изъ стараго орѣха. Сочетанія ея геометрически правильныхъ угловъ и ломаныхъ линій образуютъ весьма затѣйливый, но красивый и стройный рисунокъ. Это тоже произведеніе временъ Тимура, исполненное по художественнымъ образцамъ первой средне-азіятской эпохи ислама.

Лѣвая дверка, около которой виситъ на высокомъ толстомъ древкѣ зеленое знамя святого съ конскимъ хвостомъ, ведетъ въ маленькую каморку, чрезъ которую правовѣрные проникаютъ, по обычаю, не иначе, какъ на колѣняхъ въ среднюю камору—„Ханака“, къ самому гробу Кусама. Дверка увѣшена разноцвѣтными лоскутками и тряпицами, которые обыкновенно оставляются на ея оковкѣ благочестивыми поклонниками, въ память полученнаго ими при гробѣ святого чудодѣйственнаго исцѣленія отъ какихъ либо—преимущественно

глазныхъ—болѣзней. Эта дверка открывается только изрѣдка и то лишь для мѣстныхъ муллъ, да для особливо почетныхъ, либо особливо щедрыхъ мусульманъ-поклонниковъ и жертвователей; простые же смертные взираютъ на гробъ только чрезъ дверную рѣшетку.

Подведя къ лѣвой дверкѣ новаго посѣтителя, хальфа или мутевали непремѣнно остановятъ его вниманіе на большомъ и весьма оригинальномъ замкѣ, привинченномъ къ ея верхней части. Желѣзная плоская скоба этого замка вырѣзана въ формѣ рыбы, чешуя которой разрисована золотомъ. У хвоста этой рыбы помѣщена другая, такая же рыбина, только маленькая и съ хвостомъ, загнутымъ нѣсколько кверху. Когда я спросилъ хальфу, почему придана замку такая странная форма, и выразилъ догадку, что, вѣроятно, съ нею соединено какое нибудь особое значеніе, то хальфа съ глубокомысленнымъ видомъ отвѣчалъ мнѣ на это:

— Такъ, тюря не ошибся. Замокъ этотъ запираетъ входъ въ могилу святого. Всемудрый Аллахъ лишилъ рыбу голоса и поселилъ ее въ глубинахъ водъ, гдѣ ея жизнь составляетъ непроницаемую тайну для живущихъ надъ водами, на сушѣ. Поэтому рыба есть символъ молчанія и тайны. Молчаніе и тайна запечатлѣваютъ покой усопшихъ, и вотъ почему явился этотъ символъ на двери гроба святого, тѣмъ болѣе,что святой нашъ хотя и умеръ, по видимости, но онъ живъ. Онъ живъ на землѣ, и въ этомъ сугубая тайна.

Я, что называется, положилъ въ ротъ палецъ изумленія.— Какъ, молъ, такъ? Умеръ и живъ въ одно и то же время?

— Такъ, тюря, умеръ, но живъ. Потому-то и мѣсто ему посвященное называется Шахи-Зинда (живой царь). Развѣ тюря сомнѣвается во всемогуществѣ Аллаха? Развѣ Аллаху чудеса невозможны?.. Кусамъ живъ и скрывается до времени отъ людскихъ взоровъ здѣсь, по близости, въ подземельяхъ Афросіаба, быть можетъ даже гдѣ нибудь подъ этимъ самымъ священнымъ мѣстомъ. Придетъ часъ воли Божіей —

и онъ проявится воочію всѣхъ: но по грѣхамъ нашимъ часъ этотъ, вѣроятно, не близокъ.

И затѣмъ хальфа пояснилъ мнѣ, что Кусамъ, сынъ Аббаса, двоюроднаго брата Пророка, да будетъ во вѣки благословенно его священное имя! — пришелъ съ правовѣрнымъ войскомъ водворять истинную вѣру въ Сугудъ, гдѣ тогда обитали гебры, нечестивые огнепоклонники, и войско его, претерпѣвая много всякихъ лишеній, возроптало, наконецъ, на Аллаха, и Аллахъ, въ наказаніе за это, допустилъ нечестивыхъ гебровъ разбить армію правовѣрныхъ, вслѣдствіе чего Кусамъ, покинутый своими воинами, долженъ былъ спасаться бѣгствомъ, и бѣжалъ онъ именно въ эти мѣста, на Афросіабъ. Достигнувъ же холма, на которомъ нынѣ красуется Хазряти-Шахи-Зинда, лошадь святого отъ изнеможенія пала. Тогда Кусамъ бросилъ отъ горя свою нагайку на землю, и изъ ея черенка вскорѣ выросло дерево „камчинъ", которое и по сей день благополучно растетъ во дворѣ около мечети, а самъ сокрылся въ пещеру, которую тюря сейчасъ тоже увидитъ, и въ этой пещерѣ скрывался долгое время отъ гебровъ, пока Аллахъ, чрезъ своего святого ангела, не указалъ ему другое, еще болѣе удобное и укрытое подземелье, гдѣ онъ и теперь проживаетъ въ постѣ и молитвѣ [1]).

[1]) А. П. Хорошхинъ (см. его Сборникъ статей, касающихся Туркестанскаго края, стр. 187) разсказываетъ эту легенду нѣсколько иначе, а именно: „Въ первыя времена мусульманства въ этомъ краѣ, говоритъ онъ, какому-то потомку Аббаса, одного изъ ближайшихъ родственниковъ Мухамеда, распространявшему здѣсь исламъ, невѣрные отрубили голову, но въ моментъ смерти праведникъ подхватилъ ее на-лету и скрылся въ какой-то колодецъ, да тамъ и остался, благо паукъ заткалъ отверстіе колодца паутиной, и никто не догадался туда заглянуть". По свидѣтельству же „Самаріи", сообщенному мнѣ Низамъ-Эддинъ-Ходжа-Абдулъ-Аффаръ-Ходжеевымъ, дѣло выходитъ нѣсколько проще, и такъ сказать историчнѣе. Въ „Самаріи" говорится, что мать Кусама, дочь Хариса, была свояченицей Магомета, а Кусамъ при халифѣ Али былъ градоначальникомъ Мекки. Послѣ того какъ Али былъ убитъ, халифъ Моавія, сынъ Абу-Суфіана, послалъ Кусама и Саида, сына Османова, въ

— Но тогда зачѣмъ же этотъ гробъ, если онъ не умеръ? спросилъ я.

— Гробъ, тюря, сооруженъ впослѣдствіи, много годовъ спустя послѣ того какъ правовѣрные окончательно покорили

Маверо-ун-негръ для обращенія невѣрныхъ въ магометанство. Прочно утвердясь въ Бухарѣ, Саидъ и Кусамъ напали на Сугудъ и заняли Самаркандъ безъ боя. Послѣ этого Сеидъ съ войскомъ отправился обратно въ Аравію, а Кусама оставилъ въ Самаркандѣ для наибольшаго укрѣпленія жителей онаго въ истинной вѣрѣ. Въ 54 (673) году самаркандцы возмутились противъ Кусама и поразили его стрѣлой, что случилось по однимъ преданіямъ въ Намазгѣ (предмѣстье Самарканда, за Байкабанскими воротами), а по другимъ въ кишлакѣ Ширинкентъ (въ Сугудскомъ тюменѣ). Кусамъ умеръ отъ раны и погребенъ на Шахи-Зинданскомъ холмѣ. Эмиръ Тимуръ, желая почтить память мученика, старался отыскать точную его могилу, для чего прибѣгъ къ помощи астрологіи. Извѣстное сочетаніе созвѣздій указало ему искомое мѣсто, и тогда Тимуръ построилъ на немъ мазаръ (нагробный мавзолей), который и понынѣ стоитъ надъ гробомъ Кусама.

Впослѣдствіи, познакомившись съ Сборникомъ статей Хорошхина, я понялъ, почему мой путеводитель хальфа выражалъ такую увѣренность, что Кусамъ рано ли, поздно ли проявится воочію всѣхъ, и сокрушался, что по грѣхамъ нынѣшнихъ мусульманъ часъ этотъ, вѣроятно, не близокъ. Дѣло въ томъ, что пятьсотъ лѣтъ тому назадъ другой святой, Ходжа-Ахмедъ-Ясави или Есеви въ городѣ Туркестанѣ предсказалъ очень вѣрно пришествіе въ эти страны русскихъ, преподавъ въ томъ же пророчествѣ и утѣшеніе добрымъ мусульманамъ, что Шахъ-Зинда выйдетъ изъ своего подземелья и не пуститъ русскихъ въ Самаркандъ, и что онъ, то есть самъ предсказатель, тоже и со своей стороны не преминетъ принять участіе въ изгнаніи кяфыровъ (невѣрныхъ). Вотъ это предсказаніе, писанное на старомъ узбекскомъ (чагатайскомъ) нарѣчіи стихами, въ русскомъ переводѣ А. П. Хорошхина:

Друзья, скажу вамъ будущее:
Мусульманамъ будетъ много горя:
Невѣрные убьютъ много мусульманъ.
Въ 1281 (1864) году придутъ невѣрные:
Они покорятъ окрестности Туркестана,
Они водворятъ свою власть,
Они принесутъ намъ много горечи.
Въ 1282 (1865) году они перейдутъ Дарью
И много городовъ возьмутъ въ рабство.

гебровъ, и когда гебры, познавъ, наконецъ, истиннаго Бога, благополучно приняли исламъ. По указанію свыше, гробъ сооруженъ Тимуромъ, самимъ эмиромъ Тимуромъ, тюря, надъ самою пещерой святого, въ память того, что на самомъ этомъ мѣстѣ Кусамъ въ послѣдній разъ видѣлъ надземный міръ и какъ бы разстался съ жизнію, то есть съ людскою жизнью, тюря, съ ея заботами, печалями и радостями, и, уйдя въ подземелье, весь предался Богу, запечатлѣвъ себя молчаніемъ и тайной.

Выслушавъ это объясненіе, я заглянулъ чрезъ рѣшетку средней двери въ помѣщеніе гроба. Это небольшая каморка, слабо освѣщенная сквозь маленькое оконце, продѣланное вверху, надъ изголовьемъ саркофага, который сложенъ изъ кирпича и, какъ говорятъ, облицованъ голубыми кафлями,

Только безумные будутъ имъ противиться.
Воскресшій султанъ Ахмедъ (авторъ пророчества)
Пройдетъ межъ людьми.
Въ 1283 (1866) году вы натерпитесь много страха:
Невѣрные подойдутъ къ Самарканду.
Шахъ-Зинда встанетъ изъ могилы и выйдетъ предъ невѣрныхъ.
Въ 1284 (1867) году невѣрнымъ придетъ конецъ:
Со всѣхъ сторонъ раздастся кликъ: „бей!"
Правовѣрные будутъ славить Бога за одолѣніе невѣрныхъ.
Въ 1285 (1868) году оживетъ султанъ Ахмедъ,
Святые соберутся вокругъ него,
Прочтутъ молитву и исчезнетъ и самый слѣдъ невѣрныхъ.

До 1867 года пророчество это совершенно вѣрно, если вы вспомните, что движеніе русскихъ къ Туркестану было предпринято въ 1864 году и что тогда же покорены города Аулія-ата, Туркестанъ и Чимкентъ, а въ слѣдующемъ 1865 году взятъ Ташкентъ, и состоялось движеніе за Сыръ-Дарью. Въ 1866 году взяты за Сыромъ Ходжентъ, Ура-Тюбе и Джизакъ, послѣ чего русскіе, укрѣпясь у Яныкургана, дѣйствительно стали въ виду Самарканда. Но дальнѣйшая часть пророчества не сбылась, и благочестивые мусульмане, по замѣчанію Хорошхина, говорятъ, что разнорѣчіе съ дѣйствительностью произошло будто бы оттого, что святые отступились отъ мусульманъ за нечестіе, и Богъ наказуетъ правовѣрныхъ рукой кяфыровъ.

но разглядѣть ихъ невозможно, такъ какъ весь саркофагъ сверху до полу покрытъ множествомъ драгоцѣнныхъ шелковыхъ, бархатныхъ и парчевыхъ тканей, давно уже утратившихъ отъ времени свои первоначальныя краски. Покровы эти составляютъ, по большей части, приношенія бухарскихъ эмировъ, которые никогда не въѣзжали въ Самаркандъ, не поклонившись предварительно гробу Кусума.

Съ правой стороны, рядомъ съ рѣшетчатою дверью, низенькій сводчатый проходъ ведетъ въ свѣтлую каморку, не имѣющую непосредственнаго сообщенія съ среднею. Здѣсь у стѣны стоитъ бунчукъ Кусама,—конскій хвостъ на древкѣ съ металлическою булавой,—обвѣшенный подобно рыбѣ-замку разноцвѣтными лоскутками и тряпочками, большая часть которыхъ оставляется здѣсь безплодными женщинами, разъ въ недѣлю молящими живаго царя о ниспосланіи имъ дѣтей. Чтобы проникнуть въ подземелье этого царя надо возвратиться въ аванъ-залу, гдѣ въ правомъ углу находится узкій и низенькій спускъ въ такъ называемую „чилля-хана", что собственно значитъ покаянная комната. Мутевали зажегъ свѣчу и подалъ мнѣ руку. Согнувшись насколько было возможно, я спустился вслѣдъ за нимъ по нѣсколькимъ крутымъ и высокимъ ступенькамъ. Затѣмъ мы повернули направо и столь же узкимъ корридоромъ спустились еще ниже по наклонной плоскости, но уже безъ ступеней. Деревянная дверка медленно захлопнулась за нами, издавъ протяжный хриплый скрипъ, точно стонъ умирающаго страдальца. Пройдя нѣсколько шаговъ мы очутились въ совершенно пустой комнатѣ съ низкимъ сводчатымъ потолкомъ. Въ ея противоположной стѣнѣ виднѣлся узкій сводчатый проходъ въ другое подземелье, закрытый сверху до полу бѣлою завѣсой. Мутевали приподнялъ ее, и я невольно отшатнулся нѣсколько назадъ.

Свѣтъ свѣчи сразу упалъ на мертвенно-блѣдное, изможденное лицо человѣка въ бѣломъ одѣяніи, неподвижно сидѣвшаго противъ входа на полу посрединѣ подземелья. Не

только ни малѣйшаго движенія не сдѣлалъ этотъ человѣкъ, но даже взглядомъ не провелъ при появленіи предъ нимъ нежданныхъ посѣтителей. Словно мертвый или скорѣе какъ кукла сидѣлъ онъ по-восточному, скрестивъ подъ себя ноги, въ то время какъ вытянутыя руки покоились на его колѣняхъ. Взоръ его былъ глубоко потупленъ, а общее выраженіе лица оставалось какимъ-то тупымъ, неопредѣленнымъ. На видъ ему можно было дать года двадцать четыре.

— Это подвижникъ, пояснилъ мутавели шопотомъ и не безъ нѣкоторой почтительности: — уже тринадцатыя сутки сидитъ въ постѣ и молитвѣ, а всего сидѣть ему сорокъ сутокъ [1]).

Я осмотрѣлся внимательнѣе. Первое подземелье представляло, какъ уже сказано, низкосводчатую, почти квадратную комнату съ оштукатуренными стѣнами и кирпичнымъ потомъ; второе же его отдѣленіе имѣло въ длину не болѣе трехъ, а въ ширину около двухъ шаговъ — ну совершенная могила!.. Ни въ томъ, ни въ другомъ не было ни окна, но даже продушины, такъ что здѣсь должна всегда царить полнѣйшая темнота. Подвижникъ, очевидно погруженный въ религіозно-созерцательное состояніе, сидѣлъ на намазджаѣ [2]) который и служилъ ему постелью; но для изголовья никакого приспособленья не было. Этотъ намазджай да кумганъ съ одной составляли тутъ единственныя обиходныя вещи.

Черезъ переводчика я замѣтилъ мутевали, что мы, кажись, нарушаемъ здѣсь покой молитвы, а потому де не уйти ли лучше.

— О, нѣтъ, нисколько, отрицательно покачалъ тотъ головой: — онъ теперь глухъ и слѣпъ ко всему постороннему: весь смотритъ внутрь себя, онъ весь тамъ (мутевали указалъ себѣ на то мѣсто, которое называется „подъ ложечкой“),

[1]) Кающіеся грѣшники и особенно ревностные къ религіи мусульмане обыкновенно подвергаютъ себя добровольному одиночному заключенію въ чилля-хана на срокъ отъ 10 до 14, 20 и 40 сутокъ.

[2]) Подстилка для совершенія молитвы, обыкновенно плетеная изъ камыша.

весь тамъ, въ самомъ себѣ, тюря, и еслибы предъ нимъ упала даже громовая стрѣла, то и тогда онъ остался бы точно также неподвиженъ.

Я полюбопытствовалъ узнать, чѣмъ онъ питается и много ли ѣстъ? Оказалось, что каждый день ему приносятъ кумганъ со свѣжею водой, и черезъ день даютъ по одной „нанъ", то есть прѣсной хлѣбной лепешкѣ,—такъ онъ самъ для себя назначилъ и такъ будетъ продолжаться до конца искуса. Двадцать небольшихъ лепешекъ на шесть недѣль — это менѣе чѣмъ немного!

— О, тюря! съ улыбкой замѣтилъ мутевали: — за то потомъ онъ съ избыткомъ вознаградитъ себя вкусными палау и кебабами.

Оставивъ молодаго подвижника продолжать свое созерцательное самоуглубленіе, мы поднялись наверхъ, въ аванъ-залу и оттуда прошли въ смежную съ ней мечеть, гдѣ моллы показываютъ единственную послѣ исфаганскихъ мозаикъ достопримѣчательность — коранъ, писанный на большихъ пергаментныхъ листахъ и представляющій собою тетрадь гигантскихъ размѣровъ, чуть не въ квадратную сажень. Это даръ Насръ-Уллы Бахадуръ-хана, отца нынѣшняго Бухарскаго эмира, но древность его не простирается далѣе пятидесяти лѣтъ. Увѣряютъ также, будто часть его писана въ молодости рукой самого Насръ-Уллы, но это ничего не прибавляетъ къ весьма посредственнымъ каллиграфическимъ достоинствамъ рукописи.

По выходѣ изъ мечети, хальфа обратилъ наше вниманіе на знаменитое дерево камчинъ, растущее около стѣны, приходящейся какъ разъ надъ подземельемъ чилля-хана. Мнѣ оно показалось не особенно старымъ, но хальфа находчиво замѣтилъ на это, что первоначальнаго дерева давно уже нѣтъ, а то, которое мы видимъ предъ собой, есть не болѣе какъ отпрыскъ древняго, вѣчно живаго корня, что на семъ мѣстѣ смѣнилось уже не одно поколѣніе такихъ отпрысковъ, такъ какъ, достигнувъ извѣстнаго предѣла старости, стволъ кам-

чина начинаетъ засыхать, но въ то же время новый отпрыскъ является какъ бы на смѣну отживающему, и такимъ образомъ камчинъ, чудодѣйственно возросшій изъ черенка нагайки Кусама, никогда не увядаетъ, корень его вѣчно живъ, какъ и самъ живой царь, его насадитель. Дерево это по-узбекски называется чилянъ-джида, а по-русски юба, латинское же его названіе, какъ мнѣ сказывали, zyzyphus sativa. Это одинъ изъ видовъ дикой маслины; мясистый плодъ его снабженъ внутри продолговатою, очень твердою косточкой, въ вяленомъ видѣ нѣсколько мучнистъ и на вкусъ горьковато-сладковатъ, но не особенно пріятенъ. Этимъ деревомъ закончился нашъ осмотръ достопримѣчательностей Хазряти Шахи-Зинда, и три рублевыя бумажки, въ знакъ благодарности врученныя мною на нижней площадкѣ хальфѣ, немедленно же, въ нашемъ присутствіи, послужили предметомъ распри и усобицы между нимъ и дуванами, бросившимися отнимать у него эти деньги.

Не останавливаюсь на описаніи колоссальныхъ развалинъ мечети Биби-Ханымъ [1]), построенной женою Тимура, китайскою принцессой, на обширной площади близь базара и носящей имя своей создательницы; скажу только одно, что арка ея главнаго портала, уцѣлѣвшая до нашихъ дней, поражаетъ своею высотой и смѣлыми гигантскими размѣрами. Стоя подъ нею и глядя вверхъ на ея стрѣльчатый мозаичный сводъ, невольно испытываешь какое-то жуткое чувство: эти грандіозные размѣры, ширина и высота какъ бы совсѣмъ подавляютъ тебя, и самъ себѣ вдругъ начинаешь казаться такимъ маленькимъ, такимъ ничтожнымъ въ сравненіи съ колоссальнымъ величіемъ храма, который кажется еще выше, чѣмъ онъ есть на самомъ дѣлѣ отъ контраста съ приземистыми домами и лавками сартовскаго города, отодвинувшимися отъ него въ стороны на почтительное разстояніе. Удивительнѣе всего

[1]) Биби — имя собственное, а ханумъ или ханымъ — знатная дама, госпожа.

то, что во всей этой постройкѣ, при всей ея обширности и высотѣ, вы нигдѣ не замѣчаете никакихъ желѣзныхъ связей, перемычекъ и скрѣпленій, такъ что Богъ ее знаетъ, на чемъ и какъ вся эта масса держится въ теченіе свыше пятисотъ лѣтъ, несмотря на частыя и довольно сильныя землетрясенія, и опять-таки невольно отдаешь справедливую дань уваженія высокому искусству и знаніямъ этихъ soi-disant „варваровъ-строителей“.

То же должно сказать и о двухъ круглыхъ мозаичныхъ манарахъ (башняхъ-минаретахъ), красующихся по бокамъ главнаго фасада медрессе Улугъ-бека на Регистанѣ. Оба они построены по той же остроумной системѣ, какъ и знаменитая Пизанская падающая башня. Хотя нѣкоторые изъ русскихъ объясняютъ ихъ наклонное положеніе дѣйствіемъ землетрясеній, но я съ этимъ не могу согласиться уже потому, что углы отклоненій праваго манара вправо и лѣваго влѣво отъ вертикальныхъ линій, представляемыхъ боками главнаго фасада медрессе, совершенно равны между собой, — обстоятельство, смѣю думать, достаточно убѣждающее въ томъ, что это никакъ не дѣло случая, а, напротивъ, результатъ строгаго математическаго разсчета и архитектурнаго искусства строителей, тѣмъ болѣе, что въ Самаркандѣ изъ числа его шести, семи манаровъ нѣтъ ни одного прямаго, а всѣ наклонные. Глядя на любой изъ нихъ, вамъ такъ и кажется, будто онъ валится на васъ и вотъ-вотъ упадетъ сію минуту. И опять-таки стоя подъ его наклономъ не можешь, хотя бы на мгновеніе, не испытать невольно жуткаго ощущенія. Но на такое-то впечатлѣніе, по словамъ свѣдущихъ туземцевъ, и разсчитывалъ строитель, тѣмъ паче, что на воображеніе азіятовъ, на ихъ эстетическое и нравственное чувство наиболѣе сильное дѣйствіе всегда производило и производитъ только то, что колоссально, что подавляетъ человѣческую душу величіемъ своихъ размѣровъ. Такъ, напримѣръ, по разсказу султана Бабера, на порталѣ Меджиди-Шахъ (царской мечети), построенной въ Самаркандѣ все тѣмъ же „варваромъ“

Тимуромъ, находилось мозаичное изреченіе изъ корана, начертанное столь громадными буквами, что его можно было свободно прочесть съ разстоянія около двухъ миль (керве), а такой оптическій фокусъ, согласитесь, былъ бы въ состояніи поразить и не одного простодушнаго средне-азіята. Вообще страсть къ величественнымъ и роскошнымъ постройкамъ въ Средней Азіи достигла высшаго своего развитія при Тимурѣ, который выписывалъ въ Самаркандъ лучшихъ и даровитѣйшихъ мастеровъ со всѣхъ концовъ своего обширнѣйшаго царства, простиравшагося отъ Иртыша до Ганга и отъ степи Гоби до Мраморнаго моря. Искусные каменотесы изъ Индіи, знаменитые зодчіе и мозаисты изъ Шираза, гончары изъ Кашана, лѣпщики и художники изъ Исфагани и Дамаска, щедро поощряемые Тимуромъ, обязаны были увѣковѣчивать въ архитектурныхъ памятникахъ каждый изъ его блистательныхъ военныхъ подвиговъ и каждое радостное или печальное событіе его семейной жизни. Эти мастера положили основаніе цѣлой школѣ художниковъ-строителей въ Самаркандѣ, откуда ихъ искусство и знаніе, ихъ художественныя идеи, завѣты и преданія распространились по всѣмъ культурнымъ раіонамъ Средней Азіи и долго еще потомъ, въ теченіе болѣе двухсотъ лѣтъ, до Абдуллахъ-хана включительно, жили и поддерживались все въ новыхъ и новыхъ блестящихъ образцахъ архитектурныхъ сооруженій, до сихъ поръ краснорѣчиво свидѣтельствующихъ о блескѣ и вкусѣ той великой и зиждительной въ художественномъ отношеніи эпохи. Путешествуя даже по мертвымъ степямъ Кизылъ-Кумовъ, между Сыромъ и Аму, и встрѣчая въ нихъ тамъ и сямъ разбросанные на дальнихъ разстояніяхъ надгробные глиняные мавзолеи киргизовъ, я замѣчалъ въ ихъ зодческомъ рисункѣ варіанты все того же самаркандскаго типа, завѣщаннаго позднѣйшимъ временамъ художниками Тимуровой эпохи.

Большой интересъ представляютъ собою тѣ куфическія, сульсскія и магалинскія надписи, что украшаютъ куполы, фронтоны и колонны самаркандскихъ медрессе и мечетей, а

равно и нѣкоторыя могилы. Неподалеку отъ Регистана мнѣ показывали одно изъ древнѣйшихъ здѣшнихъ кладбищъ, называемое Чиль-Духтарамъ, то есть царскимъ. Находится оно внутри развалинъ мавзолея-часовни и заключаетъ въ себѣ болѣе сорока царственныхъ могилъ, на коихъ надгробныя мраморныя плиты испещрены обширными надписями на арабскомъ и персидскомъ языкахъ, содержащими въ себѣ, какъ говорятъ, не только эпитафіи и священныя изреченія, но нерѣдко и біографическія данныя о погребенныхъ подъ ними властителяхъ еще до-Тимурова періода. Было бы крайне интересно разобрать и эти надписи: быть можетъ въ нихъ открылось бы не мало данныхъ, способныхъ пролить нѣкоторый свѣтъ на наиболѣе темные и сбивчивые періоды исторіи этого края, относящіеся къ VII, VIII и IX столѣтіямъ христіанской эры. Въ Самаркандѣ проживаетъ въ настоящее время одинъ почтенный человѣкъ, нѣкто Мирза-Баратъ, сынъ моллы Касима, каллиграфъ и художникъ, одинъ изъ немногихъ людей въ краѣ, которые еще умѣютъ свободно читать куфическія письмена, и пока онъ живъ его знаніями слѣдовало бы воспользоваться чисто въ интересахъ науки. Онъ составляетъ альбомъ куфическихъ, сульсскихъ и магалинскихъ надписей, украшающихъ фронтоны, куполы и манары самаркандскихъ храмовъ. У него уже срисованы съ точнымъ соблюденіемъ красокъ надписи на манарѣ и вокругъ купола медрессе Ширъ-даръ, на аркѣ и контрафорсахъ мечети Биби-ханымъ, на могильныхъ плитахъ Абу-Сеидъ-хана и Абдулъ-Азиса, сына Кечкюнджи-хана, 940 (1533) года надписи на стѣнахъ и на мавзолейныхъ входахъ въ Хазряти Шахи-Зинда, гдѣ, впрочемъ, остается еще богатое поприще для дальнѣйшей работы, надпись на мраморной плитѣ, непосредственно покрывающей гробъ Тимура [1]) въ склепѣ подъ

[1]) Прахъ Тимура покоится въ особомъ склепѣ, подъ мавзолеемъ Гуръ-эмиръ; въ самомъ же мавзолеѣ, надъ мѣстомъ могилы, лежитъ знаменитый памятникъ Тимура изъ цѣльнаго чернаго нефрита, имѣющій форму

Гуръ-эмиромъ, и наконецъ обѣ надписи на скалѣ Тамерлановыхъ воротъ въ Джизакскомъ ущельѣ. Но все это только еще начало почтеннаго труда, предпринятаго Мирзой-Баратомъ.

Вообще ближайшія окрестности Самарканда, да и самый городъ, существующій уже не первое тысячелѣтіе, представляютъ одно изъ богатѣйшихъ въ мірѣ поприщъ для археологическихъ изысканій. Повторяю, этотъ городъ стоитъ на цѣломъ рядѣ наслоившихся одно на другомъ кладбищъ, гдѣ въ теченіе тысячелѣтій погребались богатые остатки, воспринятыхъ и пережитыхъ имъ цивилизацій древне-иранской, индо-персидской, греко-бактрійской, китайской [1]), арабской и персидской. Всѣ эти изліянія прошли надъ нимъ не мимолетно: они здѣсь осаживались и укоренялись, пока, бывало, не похоронитъ ихъ подъ собой наплывъ какихъ либо новыхъ пришельцевъ-завоевателей, вносившихъ съ собою и плоды своей собственной культуры. И вотъ теперь чуть не каждый врѣзокъ заступа при рытьѣ фундамента подъ какую-либо постройку сопряженъ съ какою нибудь археологическою находкой, не имѣющею, впрочемъ, ни малѣйшей цѣны въ глазахъ невѣжественныхъ сартовъ, если только это не золотая или серебряная монета. Во время нашего пребыванія въ Самаркандѣ сол-

гроба. Этотъ памятникъ съ окружающею его прорѣзною бѣломраморною рѣшеткой изображенъ В. В. Верещагинымъ на его извѣстной картинѣ „Могила Тамерлана“.

[1]) Слѣды китайскаго вліянія явно сказываются на многихъ бронзовыхъ вещахъ, находимыхъ въ землѣ. Въ этомъ отношеніи въ особенности замѣчательна прекрасно сохранившаяся и весьма оригинальная по формѣ и орнаменту бронзовая ваза, случайно открытая на Афросіабѣ и украшающая нынѣ одну изъ комнатъ губернаторскаго дома въ Самаркандѣ. В. В. Григорьевъ (см. его Кабулистанъ и Кафиристанъ) говоритъ, что при династіи Тханъ, въ VII вѣкѣ по Р. Х., вся Средняя Азія до Каспійскаго моря и восточныхъ границъ Персіи считалась у китайцевъ подвластною имъ и потому въ этомъ качествѣ (независимо отъ восточнаго Туркестана, составлявшаго четыре особыя области) раздѣлена была на 16 большихъ губерній (фу), подраздѣлявшихся на 72 уѣзда (чжеу), которые всѣ носили китайскія названія

даты 3-го линейнаго баталіона, при какихъ-то домашнихъ землекопныхъ работахъ, за одинъ разъ нашли нѣсколько бронзовыхъ вещей, между которыми въ особенности были замѣчательны два двухрожковые свѣтильника совершенно греческаго типа. Одинъ изъ нихъ былъ украшенъ рѣзными украшеніями грифовъ и сфинксовъ, другой же не носилъ на себѣ никакого орнамента. Находятъ также утварь, выточенную изъ мрамора и другихъ каменныхъ породъ, одинъ изъ образцовъ которой, въ видѣ кумгана, былъ пріобрѣтенъ княземъ Витгенштейномъ и подаренъ М. Г. Черняеву; находятъ не мало и вещей изъ обожженной глины, орнаментированныхъ кирпичей и мраморныхъ плитъ съ куфическими письменами, но все это рѣдко и лишь случайно попадаетъ въ свѣдущія руки. Слѣдовало бы начать здѣсь правильныя раскопки и тогда, я не сомнѣваюсь, почва Самарканда представила бы археологическія сокровища, которыя значительно обогатили бы и науку и искусство, внеся въ нихъ образцы совершенно новые, невѣдомые доселѣ. Если такіе сравнительно маленькіе городки, какъ Геркуланумъ и Помпея, уже столько лѣтъ привлекая къ себѣ вниманіе образованнаго міра, все еще до сихъ поръ далеко не исчерпаны, то что же въ состояніи дать обширный Самаркандъ, непрерывно существующій на одномъ и томъ же мѣстѣ около трехъ тысячелѣтій и воспріявшій въ свои нѣдра столько разнообразныхъ и самостоятельныхъ цивилизацій! Честь этихъ открытій, повторяю, ближе всѣхъ должна принадлежать русскимъ ученымъ.

III.

Отъ Самарканда до Шахрисебса.

Выѣздъ изъ Самарканда. — Нѣчто о святомъ Ходжа-Ахрарѣ.—Даргамъ. — Древній лагерь.—Почетная встрѣча со стороны аксакаловъ.—Ночлегъ въ Сазанганѣ.—Достарханъ и обѣдъ изъ мѣстныхъ блюдъ.—Способъ отопленія въ юртахъ.—Путь до Джама.—Сухія русла.—Шарсабизскій горный кряжъ.—Видъ на бухарскія степи и на горы Акъ-тау. — Мѣстечко Джамъ и его мечеть. — Узбеки-сараевцы и ихъ нравы.—Бѣлый мраморъ.—За русскою границей.—Степные колодцы.—Обработка степныхъ полей.—Путь Александра Македонскаго.—Встрѣча съ посланцами эмира.—Экипажи его высокостепенства.—Посланцы чиракчинскаго бека.—Угощеніе и ночлегъ на урочищѣ Бишъ-Чешма.—Путь до города Чирякчи.—Русло Казганъ-бузаръ.—Роздыхъ у кишлака Кокъ-ташъ и новые посланцы-чиновники.—Долина Кашка-Дарьи и видъ на городъ Чиракчи. — Характеръ города.—Ночлегъ въ чиракчинскомъ за̀мкѣ.—Беки, почетные посланцы отъ эмира.—Пріемъ у тюря-джана, бека чиракчинскаго. — Обмѣнъ взаимныхъ подарковъ. — Путь отъ Чиракчи до Шаара.—Характеръ страны, курганы, селенія и жители.—Завтракъ въ Урта-курганѣ. — Знакомство съ первыми сановниками эмира, перваначи и топчи-баши.—Бухарская конная гвардія и ея музыка.—Что такое Шахрисебсъ. — Торжественный въѣздъ посольства въ Шааръ.—Посольскій домъ и его устройство.—Условія мѣстнаго этикета.—Смѣна русскаго часоваго бухарскимъ. — Казачья зоря и караульные сарбазы.

25 декабря.

Выѣхали мы изъ Самарканда въ самый день Рождества Христова, въ половинѣ одиннадцатаго часа утра. Князь Витгенштейнъ распорядился, чтобы поѣздъ нашъ постоянно слѣдовалъ въ извѣстномъ порядкѣ. Такъ, впереди скакали конные джигиты князя, за ними ѣхалъ самъ онъ вмѣстѣ съ докторомъ въ коляскѣ, сопровождаемый частью конвоя, затѣмъ

я въ тарантасѣ и два конвойные казака, за мной экипажъ маіора Байтокова, ѣхавшаго вмѣстѣ съ хорунжимъ Асланбекомъ Карамурзаевымъ и въ замкѣ—трое конвойныхъ. Остальная часть нашего казачьяго конвоя сопровождала посольскій обозъ, съ которымъ и слѣдовала особо, сходясь съ нами только на мѣстахъ ночлеговъ.

Долго ѣхали садами самаркандскихъ предмѣстій, любуясь на роскошные, хотя и обнаженные отъ листьевъ, контуры высокихъ древнихъ чинаровъ и карагачей. Проѣхали мимо мозаичной медрессе Ходжа-Ахраръ, возлѣ которой находится и могила ея святого строителя, въ память коего медрессе сохранила въ своемъ названіи его имя. Могилу эту не трудно признать по развѣвающемуся надъ нею знамени съ конскимъ хвостомъ (тугъ), на высокомъ древкѣ котораго простирается къ небу бронзовая пясть человѣческой руки,—знакъ, довольно часто встрѣчаемый на подобныхъ тугахъ.

Объ этомъ святомъ Ходжа-Ахрарѣ мѣстныя преданія, по обыкновенію начинающія каждое повѣствованіе чуть не отъ Адамовыхъ временъ, передаютъ, что нѣкогда появился въ Ташкентѣ выходецъ изъ Стамбула, шейхъ-Ауанди-Тауръ (чистый князь), умный, ученый, набожный, богатый и благотворительный, вслѣдствіе чего былъ вскорѣ признанъ за святого и умеръ святымъ, увѣковѣчивъ свою память очень прочно въ названіи одной изъ четырехъ частей города Ташкента, которая и до сихъ поръ называется Шайхантауръ. Одинъ изъ его потомковъ, Ходжа-Ахраръ, избравшій „путь добродѣтели“ своего знаменитаго предка, переселился на житье изъ Ташкента въ Самаркандъ и сдѣлался тамъ пиромъ, то есть духовнымъ наставникомъ отдѣльнаго кружка своихъ учениковъ, ради чего и построилъ особую медрессе, существующую и донынѣ. Ведя строгую жизнь и отправляя на свой счетъ толпы пилигримовъ въ Мекку, онъ тѣмъ самымъ распространилъ свою славу отъ Аравіи до Кашгара. Слава добродѣтелей Ахрара выросла, наконецъ, до того, что однажды мирюды (ученики) его, возвратившись изъ Мекки, разсказали

своему пиру, что были они гостями халифа (которымъ тогда былъ второй или третій преемникъ султана Баязида-Ильдерима), что халифъ видѣлъ во снѣ его, святого Ходжу-Ахрара, и въ память этого прислалъ ему коранъ, писанный „святою рукой“ третьяго халифа Османа и обагренный его святою кровью. Ходжа-Ахраръ принялъ подарокъ и оставилъ его въ наслѣдіе своей медрессе. Коранъ этотъ долгое время пользовался уваженіемъ, хотя читать его никто не могъ ни прежде, ни теперь, такъ какъ писанъ онъ (на пергаментѣ) куфическими письменами, безъ гласныхъ буквъ и точекъ. Въ настоящее время рукопись эта, пріобрѣтенная у муллъ медрессе Ахрара за 100 рублей, находится въ Петербургѣ, въ императорской Публичной библіотекѣ.

Въ числѣ преданій о богатствахъ Ходжа-Ахрара А. П. Хорошхинъ передаетъ, что всѣ земли на югъ отъ Самарканда до горъ Шарсабизскихъ будто бы принадлежали этому святому мужу и что садамъ и стадамъ его не было счету. Нѣкто Мушрабъ-Дувана̀, современникъ Ходжа-Ахрара, юродивый, обладатель одного лишь осла, странствовалъ въ ту пору между Бухарой и Ташкентомъ, благословляя народъ и собирая милостыню. Однажды, подъѣзжая къ Самарканду, онъ увидѣлъ огромный гуртъ барановъ.

— Чьи это бараны? послѣ обычныхъ привѣтствій спросилъ дувана у чупановъ.

— Хазрета Ходжа-Ахрара, отвѣчали тѣ.

Дувана поѣхалъ далѣе, но чрезъ нѣсколько сотъ саженъ въ садахъ ему попадается стадо рогатаго скота.

— Чьи коровы? спросилъ юродивый

— Хазрета Ходжа-Ахрара, отвѣчали падачи (пастухи).

Чрезъ нѣсколько времени дувана встрѣтилъ большое стадо верблюдовъ.

— Чьи верблюды?

— Хазрета Ходжа-Ахрара, отвѣчали тюячи (верблюжатники).

Дувана ѣдетъ далѣе и снова встрѣчаетъ нѣсколько стадъ

барановъ, рогатаго скота и верблюдовъ, и все это оказывалось собственностью все того же хазрета, Ходжа-Ахрара. Наконецъ гонятъ на встрѣчу дуванѣ огромный табунъ ословъ.

— Чьи ослы? спросилъ онъ.

— Хазрета Ходжа-Ахрара, отвѣчали ишакчи (ослятники).

— Великъ Богъ! закричалъ дувана, спрыгнувъ со своего осла:—про что́ ни спросишь, все хазрета Ходжа Ахрара!.. Такъ ступай же и ты въ его стадо! обратился онъ къ своему спутнику: только тебя и не доставало у хазрета Ходжа-Ахрара.

И дувана загналъ своего осла въ стадо.

Этотъ характерный анекдотъ невольно вспомнился мнѣ, когда мы проѣзжали мимо могилы сего популярнаго въ Средней Азіи святого.

Наконецъ, миновавъ развалины какихъ-то старыхъ верковъ, выѣхали мы въ чистое поле и здѣсь, въ шести верстахъ отъ города, перебрались черезъ мостъ, что́ виситъ надъ глубокимъ и широкимъ арыкомъ Даргамъ, текущимъ съ быстротой порядочнаго потока въ отвѣсно крутыхъ высокихъ берегахъ. Арыкъ этотъ прокопанъ слишкомъ четыреста лѣтъ тому назадъ, на средства все того же знаменитаго святого и богача Ходжа-Ахрара, по повелѣнію хана Абдулъ-Азиса, и съ теченіемъ времени самъ прорылъ себѣ столь глубокое русло Длина его до впаденія въ Кара-Дарью (рукавъ Зарявшана) слишкомъ семьдесятъ верстъ, а глубина воды въ узкихъ мѣстахъ до трехъ аршинъ. Въ прежнія времена городъ Самаркандъ получалъ изъ него свое орошеніе.

На дальнѣйшемъ пути мы послѣдовательно пересѣкли три широкія сухія русла, наполненныя галькой и довольно крупными валунами, а на двѣнадцатой верстѣ отъ города проѣхали въ виду урочища Ханъ-Чаарбахъ, которое представляетъ собою остатки стѣны, обрамлявшей нѣкогда станъ какого-то войска и имѣющей около версты протяженія по каждому изъ четырехъ фасовъ. Какому именно войску принадлежалъ этотъ лагерь, мнѣ не могъ объяснить сопровождавшій насъ кара-

ванъ-баши [1]) Массумъ-ходжа, сторожилъ самаркандскій, да сказывалъ, что изъ нынѣшнихъ самаркандцевъ едва ли кто и знаетъ, когда и какъ появились эти стѣны. Оно и не мудрено: Самаркандъ на своемъ вѣку подвергался безъ числа вражьимъ нашествіямъ и вторженіямъ.

Впереди виднѣлись покрытые снѣгомъ абрисы Шарсабизскихъ горъ (Зарявшанскій хребетъ), къ которымъ мы и направлялись. По пути встрѣчалось много обработанныхъ полей какъ на равнинѣ, такъ и на взгорьяхъ, а въ горныхъ лощинахъ видна была порядочная растительность въ садахъ и рощахъ, окружающихъ кишлаки, пріютившіеся на днѣ между склонами. Силуэтъ горъ, не превышавшихъ 7,000 футовъ высоты надъ уровнемъ моря, чѣмъ дальше къ западу, тѣмъ становился все положе и ниже. На степи попадалось не мало кургановъ, но уже не прежней характерной формы, такъ что скорѣе можно назвать ихъ просто буграми. Почва равнины, твердый суглинокъ, слегка покрытый крупнозернистымъ пескомъ, вполнѣ пригодна для земледѣлія и засѣвается частію подъ орошеніе, а больше подъ дождь (богара́), который, благодаря близости горъ, здѣсь не въ рѣдкость. На сихъ послѣднихъ поляхъ сѣется преимущественно пшеница (богдай), ячмень (арпа́), иногда кукуруза (джугара́).

Остановились мы на ночлегъ близь кишлака Сазаганъ, въ двадцати семи верстахъ отъ Самарканда, куда прибыли въ часъ дня, одновременно съ посольскимъ обозомъ. Мѣстный аминь или даха-аксакалъ (волостной старшина) съ сазаганскимъ кишлакъ-аксакаломъ (сельскимъ старостой) и нѣсколькими джигитами, въ своихъ форменныхъ почетныхъ халатахъ (сарпаи), съ жалованными медалями на груди, встрѣтили посольство на границѣ своего участка, и по обычаю, ради оказанія пущаго почета, дожидались на рубежѣ, слѣзши съ коней и сложивъ на животѣ скрещенныя руки. Когда коляска посла остановилась предъ ихъ группой, акса-

[1]) Начальникъ обоза.

калы, подойдя къ ней, отрекомендовались и первые съ простодушнымъ достоинствомъ протянули князю руки для пожатія, не дожидаясь съ его стороны почина. Таковъ обычай, потому что, вступая на ихъ землю, мы становились ихъ гостями, а они нашими хозяевами.

Ночлегъ былъ приготовленъ въ юртахъ, убранныхъ внутри коврами и ватными стегаными одѣялами, служившими какъ подстилки для сидѣнья и спанья. Но тамъ нашлись, впрочемъ, и сартовскія очень удобныя и эластичныя кровати, и столы, покрытые ярославскими цвѣтными салфетками, и даже нѣсколько гнутыхъ вѣнскихъ стульевъ. Въ зеленой, снаружи, бухарской палаткѣ, подстеганной внутри симметрично скроенными и правильно расположенными кусками разноцвѣтныхъ ситцевъ, кретона, адряса и шаина [1]) и расшитой по бордюрамъ и фестонамъ узорами изъ шелковаго снура, былъ приготовленъ достарханъ, то есть встрѣчное угощеніе [2]), состоявшее по обычаю изъ хлѣбныхъ лепешекъ, фруктовъ, каленыхъ фисташекъ, грецкихъ орѣховъ, кусковъ сахару, московскихъ леденцовъ въ махровыхъ цвѣтныхъ бумажныхъ обложкахъ со стишками на билетикахъ и т. п. Затѣмъ насъ угостили обѣдомъ, чисто въ мѣстномъ вкусѣ и мѣстнаго приготовленія, гдѣ фигурировали жареныя куры съ лукомъ, пельмени, каурдàкъ, кебàбъ, шурпа и палау, въ томъ порядкѣ, какъ они здѣсь перечислены. Послѣднее блюдо, составляющее финалъ каждаго порядочнаго азіятскаго обѣда, полагаю, достаточно извѣстно всѣмъ: это то, чтò у насъ въ Россіи называется пилавъ, только здѣсь оно приготовляется иначе, а именно рисъ варится не въ водѣ, а на растопленномъ бараньемъ жирѣ, въ плотно закрытомъ чугунномъ котлѣ, гдѣ онъ и доходитъ паромъ, послѣ чего приправляется кишмишемъ и разварною морковью, нарѣзан-

[1]) Адрясъ и шаинъ—бухарскія полушелковыя и шелковыя матеріи съ яркими и крупными разводами.

[2]) Достарханъ собственно значитъ скатерть, разостланная для угощенія, но въ переносномъ значеніи этимъ словомъ опредѣляется и все вообще угощеніе, на ней поставленное.

ною тонкими и длинными тесьмами, какъ вермишель, и обкладывается кусками баранины.

Названія остальныхъ блюдъ, за исключеніемъ куръ и пельменей, для большинства читателей, вѣроятно, звучатъ чѣмъ-то совсѣмъ незнакомымъ, а потому позволю себѣ вкратцѣ объяснить, что̀ это за снѣди, тѣмъ болѣе, что впослѣдствіи намъ еще предстоитъ не разъ съ ними встрѣчаться.

„Каурдакъ" или, по иному произношенію, „кавардакъ" (вотъ откуда происходитъ извѣстное словцо русскаго жаргона!..), это мелко нарѣзанные куски свѣжей баранины, которые жарятся въ котлѣ или на глубокой сковородѣ въ собственномъ соку, съ приправой соли, перцу и иногда луку, подвергаясь во время обжариванія процессу безпрерывнаго потряхиванія и мѣшанія ложкой или лучинкой. „Кеба̀бъ"—жаркое изъ воловьяго мяса, вырѣзаемаго изъ филейнаго куска отдѣльными пластинками, какъ бы ремешками; жарится оно на угляхъ и подается на столъ съ присыпкой изъ какого-то ароматическаго прянаго порошка, приготовляемаго изъ сѣмянъ растенія, которое по мѣстному называется „сарыкъ". Что же до „шурпы", то это—бульонъ изъ баранины и домашней птицы съ приправой изъ луку и кореньевъ, подаваемый въ фарфоровыхъ лоханочкахъ русской или китайской фабрикаціи, совершенно такихъ, какъ наши полоскательныя чашки. Всѣ эти кушанья, не смотря на свою, такъ сказать, примитивность, очень вкусны, а съ дороги показались намъ еще вкуснѣе. Роль напитковъ играли при этомъ чай и кумысъ. Въ ножахъ, вилкахъ и ложкахъ тоже не встрѣтилось недостатка: въ этомъ отношеніи мѣстные жители уже успѣли, если не всегда для собственнаго употребленія, то для своихъ русскихъ гостей, перенять европейскій обычай — ѣсть съ помощью столовыхъ приборовъ. Были даже и салфетки изъ нарочно раскроеннаго для этой цѣли коленкору.

Съ закатомъ солнца въ воздухѣ значительно похолодѣло; но и противъ этого неудобства нашлась своя защита. Сноровистые узбеки, джигиты мѣстныхъ аксакаловъ, съ помощью

небольшого топорика вырубили въ землѣ посрединѣ юрты небольшую круглую ямку и, наложивъ на нее сухой полыни, прутьевъ, сучьевъ да щепочекъ, зажгли костерокъ. Ямка служила тутъ поддуваломъ, благодаря чему топливо занялось весело и ярко и, спустя какія нибудь пять минутъ, дало уже столько тепла, что намъ пришлось раздѣться. Если лежать въ юртѣ не на кровати, а на постели, постланной на землѣ, или сидѣть на корточкахъ, то ѣдкій дымъ костерка, уходящій въ полуоткрытый вверху тюндюкъ [1]), нисколько васъ не безпокоитъ и не портитъ нижній слой воздуха. Можете совершенно свободно читать, курить, пить чай и вообще дѣлать, что̀ вамъ угодно, только не подымайтесь на ноги. Джигиты, смѣняясь по очереди, весь вечеръ и всю ночь сидѣли у костерка, поддерживая въ немъ, для ровности температуры равномѣрное горѣніе, и для нихъ это, кажись, дѣло не только привычное, но и одно изъ самыхъ любезныхъ занятій: сидитъ себѣ человѣкъ на корточкахъ, сосредоточенно смотритъ прищуренными глазами на перебѣгающій змѣйками огонь, время отъ времени помѣшивая въ немъ палкой да подкладывая новый пучекъ полыни, а у самого на скуластомъ лицѣ такъ и разливается широкая, лѣниво-тихая улыбка безмятежнаго довольства. Глядя на эту мирную картинку чисто мѣстнаго характера, подъ звуки казачьихъ пѣсенъ, раздававшихся въ обозѣ послѣ раздачи вечерней порціи водки, я тихо и хорошо заснулъ, испытывая, подобно истопнику-джигиту, такое же лѣнивое чувство безмятежнаго довольства.

26 декабря.

Изъ Сазагана выѣхали въ девять часовъ утра во вчерашнемъ порядкѣ; обозъ же отправился впередъ еще съ разсвѣтомъ.

[1]) Круглое отверстіе, образуемое верхнимъ обручемъ юртоваго каркаса, которое въ случаѣ надобности можетъ быть сполна или отчасти закрываемо кошмой.

Путь нашъ лежалъ вдоль сѣверныхъ предгорій Шарсабизскаго хребта, тянущагося съ востока на западъ, и во многихъ мѣстахъ пересѣкалъ довольно широкія сухія русла, наполненныя не только галькой, но и очень крупными каменьями, повидимому въ нѣсколько десятковъ и даже сотъ пудовъ вѣсомъ. Русла эти, называемыя „чашма“, берутъ свое начало въ каменистыхъ склонахъ Шарсабизскихъ горъ, и каждую весну, въ періодъ таянія снѣговъ, изобильно наполняются водой, которая устремляется на равнину съ такою силой, что, отмывая отъ кряжа эти громадные каменья, увлекаетъ и катитъ ихъ уже по равнинной части русла на довольно значительныя разстоянія. А если зима отличалась особеннымъ обиліемъ снѣговъ, то весенняя вода бываетъ столь высока, что, выступая изъ береговъ, заливаетъ сплошь окрестныя поля, и вотъ почему на послѣднихъ мѣстами встрѣчаются значительныя пространства, изобильно усѣянныя галькой и валунами.

Эти весенніе потоки, даже въ лонѣ своего русла, порою бываютъ вовсе непроходимы въ бродъ, и для того, чтобы переправиться на другую сторону, путникамъ приходится ожидать предразсвѣтнаго часа. Дѣло въ томъ, что въ ночное время, съ прекращеніемъ таянія горныхъ снѣговъ, потоки значительно мелѣютъ и наиболѣе низкая вода бываетъ въ нихъ именно предъ разсвѣтомъ и въ первые часы утра; но затѣмъ, едва поднявшееся на извѣстную высоту солнце отеплитъ воздухъ, русла начинаютъ быстро наполняться водой все выше и выше, и къ началу десятаго часа утра переправа уже становится невозможною. Съ окончаніемъ таянія снѣговъ кончаются и весенніе разливы, и едва схлынетъ и всосется въ землю вода, на что въ здѣшнемъ климатѣ ей нужно очень немного времени, какъ русла, еще вчера столь бурливыя, становятся совершенно сухими на всю остальную часть года, и лишь по немногимъ изъ нихъ слабо просачивается скудная струйка, выдѣляемая горными ключами.

Шарсабизскій кряжъ на протяженіи своемъ отъ Кара-Тюбинскаго ущелья до Джамскаго прохода остается подъ снѣ-

гомъ лишь въ зимніе мѣсяцы. Онъ имѣетъ характеръ сплошнаго массива, гдѣ залегаютъ породы разнообразныхъ песчаниковъ, пласты гипса и мрамора, кремнистые сланцы и граниты, а мѣстами обнаруживаются и каменноугольныя прослойки. Сѣверные и южные склоны хребта, все такъ же какъ и въ болѣе восточной его части, прорѣзываются многочисленными ущельями, гдѣ среди садовъ залегаетъ не мало кишлаковъ, большею частью не обозначенныхъ на нашей картѣ [1]. Изъ этихъ селеній наиболѣе значительное Аксай, лежащее въ лощинѣ на высотѣ 2,730 футовъ противъ горы того же имени въ 6,990 футовъ. Отъ этого пункта, чѣмъ ближе ко Джаму, тѣмъ все положе и ниже становится горный массивъ, переходя западнѣе Джама въ песчаниковые холмы, сливающіеся, наконецъ, съ открытою ровною степью. Взгорья и поля воздѣланы весьма тщательно „подъ дождь“, и между ними многіе земельные участки окопаны канавками и ограждены глинобитными стѣнками. Дорога, конечно, первобытная, грунтовая, но во многихъ мѣстахъ представляетъ собою прекрасное естественное шоссе. Камни, которыми кой-гдѣ усѣяны придорожныя поля, суть обломки розоваго гранита, кремни, шпатъ и кварцъ, известнякъ, бѣловатый и изсиня-сѣрый мраморъ (кокъ-ташъ); послѣдняго здѣсь въ особенности много.

Горизонтъ слѣва закрывался горнымъ кряжемъ; за то впереди, прямо передъ глазами, открывался широчайшій и необозримый въ своемъ просторѣ видъ на бухарскія степи, которыя изъ ближайшаго къ намъ желто-бураго оттѣнка постепенно переходили все болѣе и болѣе въ воздушно-синій колоритъ и, наконецъ, словно океанъ, незамѣтно сливались гдѣ-то въ очень большой дали съ окраиной безоблачно синяго неба. Относительно ихъ мы находились на высотѣ около 3,000 футовъ, и такъ какъ пологая мѣстность постепенно понижается въ направленіи къ западу, то горизонтальныя по-

[1]) Изданіе военно-топографическаго отдѣла Туркестанскаго военнаго округа въ сорокаверстномъ масштабѣ.

лосы этихъ степей казались намъ какъ бы нисходящими ступенями какой-то необозримой террасы.

Съ правой стороны открывался также очень красивый видъ на далекій, верстъ за 80 отъ насъ, отрогъ Нуратинскаго хребра, Акъ-тау. Эти изжелта-бѣловатыя известняковыя вершины очень мягкихъ и изящныхъ очертаній, сквозь легкій воздушный туманъ тепло озаренныя солнцемъ, въ общемъ очень напомнили мнѣ видъ на Сабинскія горы Римской Кампаньи, когда смотришь на нихъ съ площадки церкви Санъ-Піетро-инъ-Монторіо, что̀ на вершинѣ Яникула.

Селеніе Джамъ находится отъ Сазагана въ разстояніи 32 верстъ къ юго-западу. Здѣсь назначено было намъ мѣсто ночлега, но не въ самомъ селеніи, которое лежитъ верстахъ въ двухъ лѣвѣе къ востоку отъ большой проѣзжей дороги, у подошвы Шарсабизскихъ возвышенностей, а въ котловинѣ, около глинобитной мечети, гдѣ обыкновенно останавливался Бухарскій эмиръ при проѣздѣ въ Самаркандъ изъ Шахрисебса. Мечеть обыкновеннаго сельскаго типа, то есть квадратная комната, высотой аршинъ въ восемь, къ которой во всю ширину и высоту передняго фасада примыкаетъ айванъ, открытая веранда, устроенная на глинобитной террасѣ и покрытая плоскою кровлей, подпираемою посрединѣ своего передняго края деревянною колонной со скромными рѣзными украшеніями. Въ мечетяхъ этого типа обыкновенно рѣзныя двустворчатыя двери, числомъ отъ одной до трехъ подрядъ, выходятъ изъ молельной комнаты на веранду, а надъ ними продѣланы, по числу дверей, небольшія окошки, снабженныя либо деревянными рѣзными, либо узорчато-лѣпными гипсовыми рѣшетками. Внутри мечети, въ стѣнѣ, обращенной къ Меккѣ, обыкновенно находится ниша мехрабъ и затѣмъ никакихъ болѣе украшеній, если не считать нѣкоторыхъ изреченій изъ корана, начертанныхъ на штукатуркѣ внутреннихъ стѣнъ, что̀, впрочемъ, не безусловно обязательно. Полъ необходимо устланъ чіями, то есть цѣновками изъ камышевой драни,

а для вечерняго освѣщенія служатъ сальныя свѣчи, втыкаемыя въ нарочно сдѣланныя для этого гнѣзда въ стѣнахъ.

Дворъ Джамской мечети обнесенъ глинобитною стѣной, изъ-за которой виднѣются нѣсколько урюковыхъ деревцевъ, единственный садикъ во всей этой мѣстности. Съ южной стороны близь этого двора протекаетъ мутный и мелкій ручей, отдѣляя отъ мечети маленькій полуразвалившійся караванъ-сарайчикъ, построенный когда-то близь небольшого хауза (прудка), осѣненнаго тремя-четырьмя старыми ветлами. Подъ ихъ вѣтвями были теперь поставлены для насъ ночлежныя юрты. Не доѣзжая мечети, на склонѣ пологаго холма раскинулось довольно густо захороненное кладбище, рядомъ съ развалинами незначительнаго, давно покинутаго кишлака и укрѣпленія. До отхода къ Россіи, Джамъ служилъ мѣстомъ ссылки для опальныхъ сановниковъ эмира и тѣхъ изъ обыкновенныхъ преступниковъ, которые, по благоусмотрѣнію хазрета [1]), не удостоились смертной казни. Дѣйствительно, трудно подыскать мѣсто, болѣе подходящее для ссылки — до такой степени глядитъ оно бѣдно и безотрадно, не говоря уже о нездоровомъ климатѣ. Возвышенности, окружающія джамскую котловину, невысоки и безжизненно голы. Весной, впрочемъ, онѣ покрываются на короткое время хорошею травой и тогда служатъ пастбищемъ овечьимъ отарамъ. Поля, лежащія въ низинѣ между мечетью и селеніемъ, обнесены глинобитными стѣнками и служатъ для засѣва дженушки (луцерны), употребляемой въ кормъ для лошадей и домашней скотины. Бо̀льшую часть полей мы видѣли затопленными водой. Вѣроятно это дѣлается искусственно, для размягченія почвы, но чуть ли не въ этомъ самомъ и заключается причина вредоносности здѣшняго климата, благодаря коему въ 1878 году мы лишились значительнаго числа людей во временно стояв-

[1]) Одинъ изъ титуловъ эмира, по значенію равный титулу „его величество“, а въ буквальномъ смыслѣ значитъ святѣйшій.

шемъ тутъ отрядѣ въ ожиданіи предполагавшагося движенія на Индію.

Въ окрестностяхъ Джама кочуютъ узбеки родовъ каранайманъ и сарай, пріѣзжающіе въ селеніе на базаръ по понедѣльникамъ. По замѣчанію Хорошхина, они вполнѣ патріархальны и можно сказать даже дики настолько, что, напримѣръ, дѣвушка, опоздавшая выходомъ замужъ и не подыскавшая себѣ джигита, который похитилъ бы ее изъ отцовской юрты, подвергается не только насмѣшкамъ, но почти гоненію со стороны родителей и родственниковъ. Тѣмъ не менѣе постоянные предметы спора между узбеками это—похищенная женщина и лошадь, и тогда узбеку ничего не стоитъ убить даже роднаго брата. Вообще каранайманы, подобно родичамъ своимъ каракалпакамъ, пользуются репутаціей отъявленныхъ придорожныхъ разбойниковъ. Все богатство здѣшнихъ кочевыхъ узбековъ состоитъ исключительно въ скотоводствѣ, причемъ главныя статьи дохода у нихъ шерсть, войлокъ, выдѣлка подпругъ и куржумовъ (переметныхъ сумъ) и продажа скота живьемъ на убой. Впрочемъ, особенно зажиточныхъ между ними не встрѣчается, такъ что 2,000 барановъ являются уже предѣломъ наибольшаго богатства.

Для русскихъ Джамъ могъ бы имѣть нѣкоторое стратегическое значеніе, какъ пограничный узелъ путей, куда сходятся дороги изъ Самарканда, Катта-Кургана, Бухары, Карши, Гузара, Чиракчи и Шахрисебса. И дѣйствительно, въ 1878 году до берлинскаго конгресса, когда предположено было военное движеніе къ границамъ Афганистана, то отрядъ туркестанскихъ войскъ собранъ былъ въ Джамѣ; отсюда же направлялись въ 1868 году генералъ Абрамовъ на Карши, противъ Катты-Тюря, мятежнаго сына эмира, а въ 1870 году отрядъ, взявшій штурмомъ Китабъ. Джамская котловина лежитъ на высотѣ 2,050 футовъ, но климатъ ея, какъ уже сказано, нездоровъ, да и кромѣ того постоянная стоянка отряда была бы неудобна по скудости водоснабженія и отсутствію топлива.

Массумъ-ходжа, ѣздившій сегодня за рубежъ узнать насчетъ приготовленій со стороны бухарцевъ для встрѣчи посольства, возвратился къ вечеру и доложилъ князю, что лица, назначенныя для почетной встрѣчи, вмѣстѣ съ экипажами, высланными эмиромъ для посольства, уже ожидаютъ насъ въ пяти или шести верстахъ отъ границы.

Въ семь часовъ вечера протрубили зорю, и наши казаки хоромъ пропѣли при этомъ Царю Небесный, Отче нашъ и Спаси Господи люди Твоя. Тѣмъ часомъ, пользуясь яснымъ и теплымъ вечеромъ, пока еще не совсѣмъ стемнѣло, пошли мы съ докторомъ на прогулку къ ближайшей возвышенности и невольно обратили тамъ вниманіе на валявшіеся обломки мраморовъ, между которыми попадался и великолѣпный бѣлый, безъ малѣйшихъ прожилокъ. Вѣроятно гдѣ нибудь въ горахъ по близости есть его залежи, и остается лишь пожалѣть, что въ минералогическомъ отношеніи эта мѣстность и до сихъ поръ еще не изслѣдована какъ должно. Тутъ же встрѣчались намъ обломки розоваго гранита, сѣрый мраморъ и другія горныя породы.

27 декабря.

Выступили въ девять часовъ утра вмѣстѣ съ обозомъ.

Поднявшись изъ Джамской котловины, спустились въ слѣдующую, Кизылъ-Кутальскую, гдѣ на противоположномъ гребнѣ стоитъ пограничный столбъ, отдѣляющій русскія владѣнія отъ бухарскихъ. Этотъ послѣдній гребень на высотѣ 3,150 футовъ и есть собственно Джамскій перевалъ, носящій, впрочемъ, у туземцевъ названіе Кизылъ-Куталь.

Итакъ мы уже за границей.

Мѣстность пошла волнистая, мѣстами овражистая и повсюду прекрасно воздѣланная. Количество обработанныхъ полей значительно болѣе, чѣмъ на нашей сторонѣ, у жителей подгорныхъ кишлаковъ, мимо которыхъ мы третьяго дня и вчера проѣзжали. Всѣ обработанные участки тщательно ограждены глинобитными стѣнками покрытыми дерномъ, который рѣжется тутъ же. Величина каждаго такого поля до

десяти кунлюковъ, иногда и болѣе [1]). При самой дорогѣ, равно какъ и въ обѣ стороны отъ пути, встрѣчается множество шуръ-кудуковъ, степныхъ колодцевъ, обнесенныхъ иногда овальною, иногда четырехугольною глинобитною стѣнкой, въ которой съ одной изъ сторонъ возвышаются двѣ глинобитныя же стойки, со всаженною въ нихъ деревянною катушкой, замѣняющею блокъ.

Всѣ эти колодцы очень глубоки, отъ 10 до 20 и болѣе саженъ. Вода изъ нихъ вытаскивается въ кожаныхъ ведрахъ на волосяной веревкѣ (чумбуръ), пропущенной чрезъ катушку. Когда надо поить стада, пастухъ привязываетъ свободный конецъ чумбура къ лямкѣ, надѣтой на верблюда или лошадь, а чаще всего на ослика; затѣмъ, погрузивъ ведро въ глубину колодца, направляетъ животное по прямой линіи отъ вертящейся катушки, заставляя его такимъ образомъ вытаскивать ведро за ведромъ воду, которая сливается въ глиняный желобъ, окружающій колодезную стѣнку. По слѣдамъ животнаго съ теченіемъ нѣкотораго времени образуется торная тропинка, вдоль которой непремѣнно тянется и желобокъ, оставляемый волочащеюся по землѣ веревкой, по длинѣ коего всегда безошибочно можно опредѣлить и глубину колодца. Дотянувъ до конца тропинки, привычный осликъ или верблюдъ останавливается, чтобы дать время пастуху вылить ведро въ водоемъ, и затѣмъ самъ возвращается мѣрнымъ шажкомъ къ колодцу для продолженія своей работы. Но чтобы пользоваться водой этихъ колодцевъ, путешественникъ всегда долженъ запасаться собственнымъ ведромъ и чумбурами, такъ какъ пастухи никогда не оставляютъ этихъ вещей при колодцѣ на общую потребу. Почти каждое огороженное

[1]) Кунлюкъ—земельная мѣра, содержащая въ себѣ около двухъ танаповъ. Танапъ же равенъ 900 квадратнымъ саженямъ или $^3/_8$ казенной десятины. Танапомъ мѣряются только участки, отводимые подъ клеверъ, огороды, бахчи и сады; земли подъ прочими земледѣльческими произведеніями измѣряются кунлюкомъ.

поле имѣетъ свой особый шуръ-кудукъ, а на большихъ участкахъ бываетъ ихъ и по два, и по три—на противоположныхъ концахъ поля и по срединѣ онаго. Въ большинствѣ колодцевъ вода довольно сносная, иногда солоноватая, но безъ противнаго вкуса, и при употребленіи не оставляетъ вредныхъ послѣдствій.

Селеній въ окружности очень мало. На протяженіи около двадцати четырехъ верстъ пути мы видѣли въ сторонѣ отъ дороги всего лишь два небольшіе кишлака, но тѣмъ-то и поразительнѣе это обильное количество пахотныхъ участковъ: рѣшительно вся степь, насколько хватаетъ глазъ, представляется прекрасно обработанною. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ попадались пахари надъ плугомъ, влекомымъ парой воловъ. Плугъ самаго первобытнаго устройства: на одинъ конецъ деревяннаго лемеха насаженъ желѣзный рѣзакъ въ родѣ заступа съ ручкой, за которую держится пахарь, давая направленіе бороздѣ, а другой конецъ прикрѣпляется веревками къ ярму,— вотъ и все. Въ общемъ такой плугъ похожъ на большую мотыку.

Земля, по своей солонцеватости, прежде чѣмъ на ней сѣять, требуетъ здѣсь очень заботливой и неоднократной распашки. Обыкновенно проходятъ участокъ плугомъ по нѣскольку разъ и вдоль и поперегъ, пока почва не разрыхлится въ достаточной мѣрѣ; тогда на участокъ пускаютъ воду, и когда черезъ сутки почва совсѣмъ вберетъ въ себя влагу, то смотрятъ въ какихъ мѣстахъ на поверхности проступила соль. Такія мѣста срѣзываютъ лопатами и заполняютъ землей, взятой съ мѣстъ, гдѣ соли не оказалось, или же глиной изъ стѣнъ разрушенныхъ ветхихъ построекъ. Затѣмъ участокъ унаваживается весь равномѣрно и снова напояется водой. Послѣ этого почва считается уже совсѣмъ готовою подъ засѣвъ. Работы же въ столь позднее время года объясняются тѣмъ, что земледѣлы спѣшатъ разрыхлить степную почву въ ожиданіи зимнихъ снѣговъ, которые при весеннемъ таяніи сообщатъ ей большую влажность и тѣмъ облегчатъ послѣдующій трудъ пахаря. Земля эта готовится подъ яровое.

Дорога, по которой мы теперь ѣхали, составляетъ единственный колесный (арбяной) путь изъ Самарканда въ Шахрисебсъ и Карши, но она такъ избита глубокими колеями и рытвинами, что ѣхать по ней—своего рода пытка, а стоитъ свернуть съ колейной дороги нѣсколько шаговъ въ сторону, и ѣдешь прекрасно по твердому грунту, точно по шоссе. Между прочимъ, этотъ путь очень древенъ и даже имѣетъ историческое значеніе: по немъ шелъ Александръ Македонскій въ 329 году, по переправѣ чрезъ Оксусъ (Аму-Дарью), къ Самарканду. Хотя точныхъ указаній на то не имѣется ни у Арріана, ни у Квинта Курція, но по этимъ историкамъ извѣстно, что движеніе на Мараканду было предпринято изъ Наутаки, которую новѣйшіе историки Александра пріурочиваютъ—одни къ Карши (Дройзенъ), другіе (Герцбергъ) къ Кешу, то есть къ нынѣшнему Шахрисебсу. Въ обоихъ случаяхъ единственный колесный и возможный для движенія арміи путь къ Самарканду лежитъ на Джамъ, и что Александръ проходилъ именно этою дорогой, въ томъ, мнѣ кажется, убѣждаютъ сохранившіяся до нашихъ дней пріуроченныя къ его имени названія нѣкоторыхъ прилегающихъ къ ней мѣстностей. Такъ, здѣсь есть урочище Искандеръ, кочевье Искандеръ и холмъ (тюбе) Искандеръ [1]).

Верстахъ въ шести отъ границы, въ небольшой котловинѣ, встрѣтилъ насъ старый нашъ знакомецъ токсаба Рахметъ-Улла, высланный эмиромъ на встрѣчу посольству для передачи намъ первыхъ привѣтствій его высокостепенства. Токсаба, въ бѣлой чалмѣ и парчевомъ халатѣ, опоясанный широкимъ поясомъ, съ висѣвшею на немъ кривою хорасанскою саблей, сидѣлъ верхомъ на красивомъ аргамакѣ, впереди свиты

[1]) Что преданія объ Александрѣ Македонскомъ сохранились въ сихъ мѣстахъ довольно живо, видно, помимо названій различныхъ мѣстностей и пунктовъ, еще и изъ того, что многіе изъ владѣтельныхъ бековъ, особенно въ горахъ верховій Аму-Дарьи, считаютъ себя его потомками. Насколько это основательно—другой вопросъ.

изъ разныхъ бухарскихъ чиновниковъ и джигитовъ. Нѣсколько въ сторонѣ отъ этой красивой группы стояли двѣ коляски, присланныя эмиромъ для посольства. При нашемъ приближеніи, токсаба съ бухарцами слѣзли съ лошадей и сдѣлали нѣсколько шаговъ къ намъ на встрѣчу. Мы тоже вышли изъ экипажей и размѣнялись обоюдными привѣтствіями, которыя сопровождались освѣдомленіями о взаимномъ здоровьѣ и благополучномъ путешествіи, а также о здоровьѣ высокостепеннаго эмира и туркестанскаго генералъ-губернатора. Токсаба объяснилъ, что ему поручено состоять при посольствѣ и сопровождать его до города Шаара, гдѣ въ настоящее время изволитъ имѣть свое благополучное пребываніе его хазретъ-падишахъ (святѣйшій повелитель), и предложилъ намъ пересѣсть въ экипажи его высокостепенства. Нечего дѣлать, пришлось мнѣ разстаться со своимъ удобнымъ и уютнымъ тарантасомъ и садиться вмѣстѣ съ княземъ въ эмирскую коляску, сидѣнье гдѣ было пышно застлано пунсовымъ шелковымъ одѣяломъ на ватѣ; въ ногахъ лежалъ лисій мѣхъ, на спинкѣ большія бархатныя подушки-вальки (мутаки). Сѣли и провалились въ пуховую мякоть. Фу, батюшки, хоть бы воротникъ разстегнуть или ременный поясъ распустить что ли, а то просто мочи нѣтъ съ непривычки въ этихъ пуховикахъ!.. Но ничего не подѣлаешь, надо покоряться. Хотя въ воздухѣ было вовсе нехолодно, тѣмъ не менѣе бережно и тщательно укутали насъ и мѣхами, и одѣялами, какъ того требовали условія мѣстнаго этикета,—ибо не подобаетъ „важнымъ людямъ“ ѣздить иначе,—нѣсколько разъ при этомъ освѣдомлялись, хорошо ли, удобно ли сидѣть, покойно ли спинѣ и бокамъ, тепло ли ногамъ, не поддуваетъ ли куда и т. д. Намъ оставалось лишь кланяться, благодарить и увѣрять, что все очень хорошо и даже черезчуръ ужъ удобно. Наконецъ, убѣдясь, что насъ спеленали одѣялами, какъ младенцевъ, милѣйшій нашъ токсаба приказалъ поѣзду трогаться.

Въ коляски были запряжены въ каждую по четвернѣ, засѣдланныхъ лошадей: пара въ дышлѣ и пара впереди, на ар-

тиллерійскихъ уносахъ. На каждой лошади сидѣло по одному ѣздовому въ чалмѣ и халатѣ, съ нагайками (такъ точно возятъ здѣсь и артиллерійскія орудія). Ко́злы оставались незанятыми никѣмъ, ибо по мѣстному этикету считается въ высшей степени неприличнымъ, чтобы кто-либо могъ сидѣть въ одномъ экипажѣ спиной къ важнымъ людямъ. Но еслибы важные люди сами вздумали взобраться на козлы, то это, конечно, было бы для нихъ самое высокое въ почетномъ смыслѣ мѣсто. Везли насъ не рысью, а тѣмъ особенно скучнымъ аллюромъ, который называется маленькою трусцой, потому что ѣздить иначе важнымъ людямъ опять-таки неприлично,— на то есть джигиты, чтобы скакать сломя голову; важный же человѣкъ, не желающій ронять свое достоинство, долженъ всегда спѣшить медленно. Такимъ образомъ мелкая трусца есть уже крайняя степень уступки, какая можетъ быть допущена важнымъ человѣкомъ ради поспѣшности.

Верстахъ въ двѣнадцати отъ границы ожидала насъ новая встрѣча. Тюря-джанъ [1]), бекъ чиракчинскій, выслалъ привѣтствовать насъ одного изъ своихъ приближенныхъ чиновниковъ, Баубекъ-бія, почтеннаго бѣлобородаго старца со свитой мелкихъ чиновниковъ и джигитовъ. Опять взаимныя привѣтствія и разспросы о добромъ здоровьѣ генералъ-губернатора и тюря-джана чиракчинскаго, посольства и встрѣчающихъ оное лицъ,—все какъ слѣдуетъ по этикету. Отсюда токсаба поскакалъ впередъ, на мѣсто предстоявшаго намъ ночлега, чтобы лично распорядиться достодолжнымъ пріемомъ, а вмѣсто себя оставилъ намъ Баубекъ-бія. Снова спеленали насъ ватными одѣялами и повезли прежнею трусцой. Впереди и по сторонамъ поѣзда неслась верхами пестрая кавалькада бухарскихъ чиновниковъ и джигитовъ, вооруженныхъ кривыми саблями, а иные клычами [2]).

[1]) Тюря-джанъ въ буквальномъ смыслѣ — князь-душа, есть титулъ, присвоенный сыновьямъ эмира.

[2]) Клычъ — оружіе съ прямымъ клинкомъ, въ родѣ палаша или длиннаго ножа, которымъ можно и колоть и рѣзать.

Во вниманіе къ преклоннымъ лѣтамъ Баубекъ-бія князь предложилъ было ему сѣсть въ одинъ изъ нашихъ собственныхъ экипажей, но тотъ отказался, и надо было видѣть какимъ молодцомъ этотъ дряхлый по наружности старецъ управлялся со своимъ горячимъ карабагиромъ и бодро гарцовалъ все время пути, то выносясь впередъ, то проскакивая въ хвостъ растянувшагося поѣзда для какихъ нибудь распоряженій. Совсѣмъ другой человѣкъ на лошади,—вотъ что значитъ выработанная съ дѣтства привычка.

Къ мѣсту ночлега, на урочище Бишъ-Чешме (пять колодцевъ), прибыли въ часъ дня. Здѣсь были намъ приготовлены двѣ юрты, поставленныя шагахъ въ двадцати одна противъ другой и соединенныя между собой длинною цвѣтною палаткой, гдѣ на широкомъ и длинномъ коврѣ каршинской работы [1]) накрытъ былъ большой столъ съ разнымъ достарханомъ. Такимъ образомъ у насъ получилась какъ бы цѣлая квартира: столовая, она же и пріемная, и по бокамъ двѣ спальни или, если угодно, два кабинета. Юрты были убраны коврами и снабжены постелями и жаровнями. Вокругъ этого главнаго помѣщенія раскинулся цѣлый станъ изъ юртъ и палатокъ, гдѣ размѣстились остальные чины посольства, конвой, бухарскіе чиновники, прислуга, джигиты и погонщики.

Тотчасъ по прибытіи, едва мы сняли съ себя дорожное верхнее платье, любезный токсаба пригласилъ насъ къ завтраку, который начался съ чая и сластей, гдѣ фигурировали взбитые яичные бѣлки съ сахаромъ, морковь въ сиропѣ, очень вкусная халва изъ кунджутнаго сѣмени и фисташковое тѣсто въ конфектахъ. Затѣмъ подали въ китайскихъ чашкахъ шурпу, прекрасно отцѣженный бульонъ, затѣмъ жареную говядину съ лукомъ на гренкахъ, палау съ бараниной и палау съ куринымъ мясомъ, жареныхъ куръ, сладкую рисовую кашу на молокѣ и бараньемъ жирѣ и въ заключеніе снова чай. Ножи, вилки, ложки—все какъ слѣдуетъ, и даже коленкоровыя сал-

[1]) Городъ Карши славится выдѣлкой прекрасныхъ ковровъ.

фетки. Въ порядкѣ подаванія блюдъ замѣчалась извѣстная постепенность, ближе подходившая къ русскимъ привычкамъ, что нужно приписать распорядительности и смёткѣ токсабы, который неоднократно обѣдывалъ въ Ташкентѣ у начальника края и у разныхъ своихъ русскихъ знакомыхъ.

Послѣ завтрака, пожелавъ намъ пріятнаго отдыха, Рахметъ-Улла отправился въ свою кибитку писать донесеніе эмиру о прибытіи посольства въ бухарскіе предѣлы.

Ѣдемъ мы не на Китабъ, какъ предполагали было, а везутъ насъ сначала на Чиракчи, къ беку тюря-джану, сыну эмира, и оттуда уже препроводятъ въ городъ Шааръ, къ самому эмиру. Такъ, говорятъ, соизволилъ указать его высокостепенство.

28 декабря.

Выѣхали съ ночлега въ девять часовъ утра, по вчерашнему въ эмирскихъ экипажахъ.

Спустясь съ небольшой высоты, слѣдовали сначала по равнинѣ, которую подковообразно окружали съ востока, сѣвера и запада невысокія пологія гряды возвышенностей; южная же сторона оставалась открытою. Твердый суглинистый грунтъ этой равнины сплошь покрытъ густою мелкою травой, и потому здѣсь всегда пасутся огромныя стада барановъ. Мы пересѣкли западную вѣтвь подковообразной гряды, и отсюда пошла уже волнистая мѣстность, очень напоминающая характеръ мѣстности, что окружаетъ Плевну съ восточной стороны. Для довершенія сходства недостаетъ только деревьевъ, которыя изрѣдка были разсѣяны по полямъ Плевны. По объясненію Массумъ-ходжи, проходимыя нами мѣста слывутъ за „Голодную степь", но въ этомъ позволительно усомниться, потому что окрестъ мы встрѣчали не мало огороженныхъ и распаханныхъ полей, равно какъ и колодцевъ.

Отъѣхавъ около двѣнадцати верстъ отъ мѣста ночлега (Бишъ-Чешмé), пересѣкли по грудамъ валуновъ и мелкой гальки довольно углубленное, залегающее въ обрывистыхъ бе-

регахъ русло потока Казганъ-Бузаръ [1]). Въ это время года оно совершенно сухо, но въ періодъ таянія горныхъ снѣговъ изобильно наполняетъ на нѣкоторое время водой исходящіе изъ него степные арыки. Когда же вода начинаетъ сбывать, хозяева прилегающихъ къ руслу земельныхъ участковъ спѣшно приступаютъ къ забойкѣ арычныхъ истоковъ, съ тою цѣлью, чтобы подольше сохранить въ арыкахъ набѣжавшую туда воду и тѣмъ продлить возможность орошенія своихъ полей, пока это требуется условіями всхода зеленей. Въ нѣкоторые годы вода удерживается такимъ образомъ въ арыкахъ до іюля мѣсяца, а это даже болѣе, чѣмъ нужно, ибо пшеница снимается съ корня уже въ іюнѣ.

По сторонамъ пути болѣе, чѣмъ вчера, попадалось кишлаковъ и кочевокъ, надъ которыми вздымались бѣлые дымки отъ топокъ. Кое-гдѣ при жилищахъ виднѣлись и одиночныя урюковыя деревья. Среди этой волнистой мѣстности, близь кишлака Кокъ-ташъ (сѣрый камень), въ двадцати четырехъ верстахъ отъ ночлега, намъ былъ приготовленъ роздыхъ и завтракъ, состоявшій изъ такихъ же блюдъ какъ вчера. Ярко узорчатая зала-палатка и юрты, разукрашенныя внутри—все это было тоже по вчерашнему. Здѣсь встрѣтили насъ махрамъ-баши и эсаулъ-баши, посланные для привѣтствованія посольства отъ лица тюря-джана, бека чиракчинскаго [2]). Оба они

[1]) На картѣ не обозначено.

[2]) Махрамъ или мяхрамъ — одно изъ придворныхъ званій, дѣлящееся на восемь разрядовъ, изъ коихъ: 1) самый младшій есть автобачи. Лицо носящее этотъ чинъ обязано подавать эмиру воду во время омовеній. Затѣмъ слѣдуютъ въ возвышающемся значеніи: 2) букча-бярдаръ — завѣдующій бѣльемъ и платьемъ эмира; 3) сагатъ-бярдаръ — придворный часовщикъ; 4) китабъ-бярдаръ — придворный библіотекарь; 5) музябярдаръ — завѣдующій отдѣломъ обуви эмира; 6) шербетъ-бярдаръ то же что нашъ мундшенкъ; 7) махрамъ-дяхъ-баши, и 8) пянджъсадъ-баши — исполняющіе должность младшихъ адъютантовъ эмира, которыхъ онъ обыкновенно производитъ въ чинъ караулъ-беги, соотвѣтствующій нашему прапорщику. Эсаулъ-баши — чинъ равняющійся

были одѣты въ шелковые халаты, отороченные выдровымъ мѣхомъ; изъ-подъ халатовъ виднѣлись широкія, расшитыя шелками и блестками чембары[1]), тоже съ выдровою оторочкой. У махрамъ-баши за широкимъ бархатнымъ поясомъ съ большими серебряными бляхами, въ видѣ розетокъ, былъ засунутъ инкрустированный золотомъ чеканной работы топорикъ (балта или табарь) съ серебряною рукоятью — знакъ отличія его должности, а эсаулъ-баши держалъ въ рукахъ длинный посохъ (ассія) краснаго цвѣта, тоже знакъ присвоеннаго ему достоинства[2]). Между этими чиновниками и нами послѣдовалъ обычный церемонный обмѣнъ разспросовъ о здоровьѣ и

нашему поручику. Число этихъ придворныхъ чиновъ не опредѣлено: эмиръ въ знакъ награды или своей благосклонности можетъ возвести какого-либо чиновника или вообще кого бы то ни было въ придворное званіе махрама и затѣмъ оставить его при своей особѣ или же на прежнемъ мѣстѣ служенія.

[1]) Штаны изъ козловой кожи.

[2]) Эти посохи составляютъ второй знакъ отличія, установленный для чиновниковъ (первый заключается въ ярлыкѣ за печатью эмира, то есть въ жалованной грамотѣ или патентѣ на званіе чиновника) и бываютъ четырехъ родовъ: бѣлые, красные, разноцвѣтно-узорчатые и золотые. Третье отличіе — кардъ, большой ножъ въ серебряныхъ или золоченыхъ ножнахъ; четвертое — шамширь, почетная сабля въ серебряныхъ или золоченыхъ, а иногда и въ чистыхъ золотыхъ ножнахъ и табарь или балта — топорикъ съ серебряною или золотою рукоятью; пятое — саутъ, бармы, шестое валькань — латы, седьмое — тульча шлемъ, жалуемый обыкновенно вмѣстѣ съ латами; восьмое — байдакъ, знамя; девятое — тугъ, бунчукъ изъ конскаго хвоста и наконецъ десятое — небольшая литавра, прикрѣпляемая съ лѣвой стороны къ передней лукѣ сѣдла и называемая тябли-ризя. Всѣ эти знаки отличія, кромѣ ярлыковъ, жалуются лицамъ служащимъ либо въ войскѣ, либо при самомъ эмирѣ. Ярлыки же бываютъ трехъ разрядовъ: 1-й съ печатью эмира и его секретаря (мунши); первая прикладывается на лицевой сторонѣ, а вторая на оборотѣ ярлыка; 2-й съ печатью эмира и инака (порядокъ приложенія печатей такой же) и 3-й съ печатью одного эмира. Съ 1881 года учрежденъ еще и орденъ „Восходящей звѣзды Бухары“ въ честь Государя Императора Всероссійскаго.

благополучіи акъ-падишаха и хазретъ-эмира, ярымъ-падишаха и тюря-джана, нашемъ и ихъ, и затѣмъ обмѣнъ взаимныхъ комплиментовъ въ восточномъ вкусѣ, что̀ могло бы продолжаться пожалуй и безъ конца, если бы предупредительный другъ нашъ токсаба не поспѣшилъ къ намъ на выручку съ приглашеніемъ къ поданному завтраку.

Послѣ завтрака, отдохнувъ около часа, посольство тронулось далѣе.

Отъ Кокъ-таша до Чиракчи считается одинъ ташъ разстоянія, то есть восемь верстъ, по нашему; но намъ показалось больше, быть можетъ потому, что теперь, подъѣзжая къ городу, насъ для пущей важности везли уже не трусцой, а шагомъ. Проѣхавъ около двухъ верстъ, спустились въ широкую равнину, гдѣ протекаетъ рѣка Кашка̀ (Кашка̀-Дарья), при которой, на лѣвомъ берегу, стоитъ городъ Чиракчи, открывшійся предъ нами съ шестиверстнаго разстоянія. Раіонъ, занимаемый имъ и наглядно обозначенный непрерывною полосой садовъ, довольно обширенъ, верстъ до восьми въ длину, а можетъ и болѣе; въ точности сказать это трудно, такъ какъ городскіе сады сливаются съ прирѣчными кишлаками. Городъ этотъ получилъ свое названіе отъ могилы святого Чиракчи (Чиракчи-ата̀), ремесленника, занимавшагося выдѣлкой изъ глины свѣтильниковъ, плошекъ [1]), который считается покровителемъ всѣхъ людей этого ремесла. Говорятъ, что въ Чиракчи и теперь живетъ не мало плошечниковъ, преимущественно въ окрестностяхъ могилы ихъ патрона, занимающихся своимъ мастерствомъ, по преданію, наслѣдственно. Но главное значеніе города составляетъ торговля вовсе не чираками, а хлѣбомъ, благодаря выгодному положенію на Кашка-Дарьѣ между Карши, Шахрисебсомъ, Гузаромъ и хлѣбородными горными тюменями [2]). Поэтому, будучи важнымъ хлѣбнымъ ба-

[1]) Чиракъ — значитъ: свѣтильникъ, плошка; чиракчи — плошечникъ, мастеръ выдѣлывающій чираки.

[2]) Тюмень — округъ соотвѣтствующій нашему уѣзду.

заромъ, особенно въ смыслѣ посредника между оазисомъ и кочевниками прилежащихъ степей, Чиракчи имѣетъ для государства весьма важное экономическое значеніе.

Предъ городомъ разбросано по степи нѣсколько древнихъ кургановъ боеваго характера, фронтъ коихъ обращенъ къ востоку, либо къ юго-востоку, а Кашка-Дарья впереди ихъ служитъ какъ бы естественнымъ рвомъ. Когда подъѣхали къ правому рукаву этой рѣки, ограничивающему съ сѣверной стороны площадь ея разлива, то намъ открылся видъ на двухъэтажное глинобитное зданіе, стоящее на той сторонѣ, надъ довольно возвышеннымъ береговымъ обрывомъ. Это дворецъ тюря-джана; остальныя городскія строенія лишь изрѣдка проглядываютъ кое-гдѣ изъ-за садовыхъ деревьевъ. Сады и предмѣстья, расположенные по правую (сѣверную) сторону рѣки, въ общемъ очень напоминаютъ болгаро-турецкія селенія подъ Плевной, какъ Порадимъ, Пелишатъ и Сгалевице; даже прилегающая къ нимъ равнина покрыта точно такою же, какъ и тамъ, травянистою, низенькою колючкой.

Слѣдуя по руслу разлива, мы пересѣкли до семи рукавовъ Кашка-Дарьи, прежде чѣмъ взобрались на крутоватый подъемъ лѣваго берега, вводящій непосредственно въ самый городъ. На берегу стояла большая толпа народа и молча, солидно созерцала нашъ поѣздъ. Очевидно, что жители знали о предстоящемъ въѣздѣ посольства и вышли посмотрѣть на русскихъ гостей. Здѣсь вѣдь, при скудости развлеченій, каждый подобный случай составляетъ уже предлогъ къ томашѣ, то есть публичному зрѣлищу.

Городъ Чиракчи, разумѣется, весь глинобитный. Кривыя, грязныя улицы обрамлены, большею частью, только стѣнками заборовъ. Рѣдкіе изъ домовъ глядятъ прямо на улицу, и это преимущественно такіе, гдѣ помѣщается какое нибудь ремесленное заведеніе. Мѣстность неровная, такъ что приходится не разъ круто спускаться и еще круче подыматься съ бугра на бугоръ, переѣзжая по жердянымъ унавоженнымъ и очень непрочнымъ мостишкамъ черезъ ручьи и арыки, прежде чѣмъ

доберешься до урды, т. е. цитадели или замка, гдѣ живетъ бекъ чиракчинскій. Замокъ этотъ окруженъ четырехстороннею глинобитною стѣной, съ наугольными круглыми башнями такой же вышины какъ и самая стѣна, то есть около трехъ саженъ. Внутри этой ограды находится нѣсколько дворовъ, отдѣленныхъ одинъ отъ другого саклями и невысокими стѣнками, но имѣющихъ между собою сообщеніе посредствомъ калитокъ и узкихъ проходовъ. На одномъ изъ этихъ дворовъ, квадратной формы, гдѣ размѣстилось посольство, предъ отведенными для насъ саклями, была разбита большая цвѣтная палатка, и въ ней стоялъ столъ съ достарханомъ, среди котораго выдѣлялась новинка: груда крашеныхъ въ сандалѣ яицъ, точно у насъ на Святой недѣлѣ [1]). По лѣвую сторону двора, подъ навѣсомъ, покрывавшимъ широкую глинобитную террасу, стояли три палатки, соединенныя между собою и открытыя съ передней стороны. Снаружи онѣ были зеленыя, а внутри красныя, узорчатыя, и въ нихъ постоянно толпилась пестрохалатная прислуга бека, попивая чай, то и дѣло вскипавшій въ мѣдныхъ кумганахъ надъ жаровней, и затягиваясь во всю грудь изъ одного общаго чилима [2]). Среди этихъ челядинцевъ время отъ времени появлялись для отдачи какихъ-то приказаній и задаванія „распеканокъ“ все тѣ же махрамъ-баши и эсаулъ-баши, неизмѣнно вооруженные знаками своего достоинства. Остальныя двѣ стѣны нашего двора заняты были конюшенными навѣсами и помѣщеніями для прислуги, а по

[1]) Впослѣдствіи красныя яйца являлись уже постоянною принадлежностью достархановъ.

[2]) Средне-азіятскій кальянъ. Дѣлается обыкновенно изъ особаго вида тыквы — чилимъ-каду, форма коей напоминаетъ продлинноватый грушеобразный флаконъ. Такіе чилимы вставляются въ мѣдную оправу и носятъ на себѣ иногда очень изящныя украшенія изъ бирюзы, гранита сердолика и серебряныхъ инкрустацій. Въ Шаарѣ впрочемъ вмѣсто тыквы употребляютъ на выдѣлку чилимовъ котельную мѣдь, сохраняя имъ лишь грушевидную форму, и эти послѣднія издѣлія всегда украшены серебряными вкрапленными пластинками и узорами чеканной работы.

срединѣ его находился хаузъ, обсаженный старыми ветлами. Сакли наши устланы коврами, окна въ нихъ заклеены тонкою бумагой и снабжены красными кумачевыми занавѣсками; но провести въ этихъ помѣщеніяхъ нѣсколько сутокъ сряду едва ли было бы возможно, не наживъ себѣ ревматизма,—до того велика въ нихъ сырость.

Только что мы пріѣхали, какъ уже явилось къ намъ трое посланцевъ отъ самого эмира выразить посольству привѣтствіе отъ лица своего повелителя. То были бальджуанскій бекъ Рахметъ-Куль-датха, дарвазскій бекъ Магметъ-Мурадъ-бій и Шараулъ-Массумъ мирахуръ [1]). Всѣ трое были одѣты въ парадные форменные халаты изъ богато затканной золотомъ мелкотравчатой индійской парчи. Мы принимали ихъ въ палаткѣ, гдѣ стоялъ достарханъ и, послѣ обычно церемоніаль-

[1]) Дахта — военный чинъ, соотвѣтствующій генералъ-маіору, бій — родоправитель, титулъ, присвояемый старшему въ родѣ и составляющій принадлежность исключительно узбековъ; какъ чинъ, бій равняется бригадиру, но жаловать имъ стали лишь въ недавнее время. Мирахуръ или правильнѣе, мири-ахуръ — придворный чинъ 2-го разряда, въ вѣдѣніи коего состоитъ конюшенная часть эмира. Начиная съ мирахура, всѣ последующіе въ возвышающейся градаціи чины пользуются правомъ въѣзжать въ ограду дворца верхомъ; всѣ же чины ниже его стоящіе обязаны слѣзать съ лошадей на площади, за стѣной, и подыматься въ урду по лѣстницѣ пѣшкомъ. Званіе и должность бека соотвѣтствуетъ нашему губернатору, только съ несравненно большими полномочіями. Относительно администраціи эмиръ передаетъ бекамъ всѣ свои права, за исключеніемъ права жизни и смерти: въ случаяхъ, гдѣ смертная казнь является необходимой или же когда осужденный заслуживаетъ помилованія, бекъ испрашиваетъ на то и другое повелѣніе эмира. Кромѣ того, онъ долженъ особо извѣщать эмира о всѣхъ важныхъ происшествіяхъ, случающихся въ его бекствѣ, и посылать ему еженедѣльные отчеты о текущихъ дѣлахъ. Въ непосредственномъ подчиненіи беку состоятъ всѣ города и селенія его бекства, почему онъ завѣдываетъ въ своемъ районѣ какъ сборомъ хараджа (поземельная подать), такъ и сборомъ людей въ войско въ случаѣ военнаго времени, снабжая ихъ лошадьми и оружіемъ. Такимъ образомъ бекъ есть представитель не только гражданской, но и военно-административной власти въ своемъ бекствѣ.

ныхъ изъявленій и разспросовъ, роспили съ ними по стакану чаю.

Въ пять часовъ дня, по предложенію токсабы, посольство отправилось съ визитомъ къ тюря-джану. Пройдя какимъ-то узенькимъ закоулкомъ налѣво, очутились мы на смежномъ дворѣ, гдѣ предъ длинными крытыми воротами, образующими нѣчто въ родѣ корридора, стояло десятка три челядинцевъ, выстроенныхъ въ одну шеренгу, а въ воротахъ ожидалъ насъ эсаулъ-баши, наискось держа въ рукахъ свой красный посохъ, такъ, какъ, бывало, держала „на караулъ" въ пѣшемъ строю свои карабины кавалерія временъ императора Николая. Предшествуя намъ, этотъ чиновникъ вывелъ насъ изъ-подъ воротъ на третій дворъ, обрамленный кирпичною террасой. Тутъ-то и находится дворецъ бека, который мы видѣли еще съ того берега рѣки.

Двое челядинцевъ распахнули предъ посольствомъ обѣ половинки дверей, и мы вошли въ пріемную залу, гдѣ у самаго входа были встрѣчены тюря-джаномъ. Это худощавый молодой человѣкъ лѣтъ около двадцати, еще безусый и безбородый и очень похожій на своего младшаго брата Сеидъ-Миръ-Мансура, что̀ воспитывается въ Петербургѣ, въ Пажескомъ корпусѣ. Только тотъ здоровый мальчикъ, а у этого какой-то понурый болѣзненный видъ, вслѣдствіе того, что онъ, какъ говорятъ, давно уже страдаетъ перемежающеюся лихорадкой. Выраженіе лица его довольно симпатично и обличаетъ нѣкоторую привычку мыслить, а манера держать себя отличается простотой, безъ малѣйшаго желанія изобразить принца. Одѣтъ онъ былъ въ парчевый халатъ съ мѣховою оторочкой, затканный по бѣлому полю золотыми травами и цвѣтными букетами; пояса не было въ силу права, принадлежащаго принцамъ бухарскаго дома, которые обязаны быть подпоясанными только предъ лицомъ своего отца и государя; на головѣ пышно красовалась большая бѣлая чалма изъ индійской кисеи, затканной золотыми листьями.

На привѣтствіе князя Витгенштейна тюря-джанъ отвѣчалъ

быстро, скороговоркой и такимъ тономъ, словно бы читалъ по книжкѣ или выкладывалъ передъ учителемъ хорошо затверженный урокъ. Вообще и всѣ послѣдующія реплики его по тону своему были въ такомъ же родѣ.

Князь поочередно представилъ ему членовъ посольства, и тюря-джанъ при этомъ коротко и отрывисто, на англійскій манеръ, пожалъ каждому изъ насъ руку, а затѣмъ всѣхъ пригласилъ къ достархану, занявъ мѣсто во главѣ стола, приготовленнаго съ угощеніями въ этой же комнатѣ.

Зала въ два свѣта довольно высока для глинобитной постройки. Въ лѣвой (сѣверной) стѣнѣ находится нѣсколько дверей, служащихъ въ то же время и нижними окнами, и выходящихъ на наружную террасу, съ которой открывается довольно красивый видъ на Кашка-Дарью и зарѣчную сторону. Надъ дверями въ той же стѣнѣ идетъ рядъ верхнихъ оконъ нѣсколько меньшаго размѣра, украшенныхъ ажурными гипсовыми рѣшотками, но без внутреннихъ стекольчатыхъ рамъ. Полъ былъ застланъ сплошь, но не коврами, а палассами [1]); деревянный потолокъ обыкновеннаго средне-азіятскаго типа (рядъ балокъ съ положенными на нихъ поперечными и тѣсно одна къ другой примкнутыми жердочками) закрашенъ кубовою краской; стѣны же, начисто выбѣленныя, оставались безо всякихъ лѣпныхъ и живописныхъ украшеній. Вообще обстановка и внутренній видъ этой залы были очень далеки отъ понятія о такъ называемой „восточной роскоши“; напротивъ, на этой простотѣ, переходящей почти въ бѣдность, лежалъ какой то суровый оттѣнокъ.

Намъ предложили чай, который мы поспѣшили поскорѣе допить, такъ какъ бѣдный тюря-джанъ видимо отдавался все болѣе и болѣе чувству неодолимой застѣнчивости. Самъ онъ, за исключеніемъ заученныхъ и уже произнесенныхъ имъ привѣтственныхъ репликъ, не предложилъ во время этого угощенія ни одного, такъ сказать, частнаго или посторонняго

[1]) Родъ ковровъ болѣе дешеваго сорта и не бархатистыхъ.

вопроса, предоставляя заботу выдумать и предлагать ихъ на долю нашего князя, который, въ свою очередь, тоже не зналъ о чемъ говорить съ нимъ. Такимъ образомъ рѣдкіе и ничего не значащіе вопросы и замѣчанія, въ родѣ того, что Чиракчи, кажется, довольно большой городъ, а Кашка довольно быстрая рѣка, вызывали со стороны тюря-джана односложные утвердительные отвѣты, за которыми съ обѣихъ сторонъ слѣдовали довольно продолжительныя паузы. Наконецъ, допивъ стаканъ, князь заявилъ, что не смѣетъ долѣе отрывать тюря-джана отъ его важныхъ дѣлъ, чему тотъ кажется очень обрадовался,—по крайней мѣрѣ монотонно безразличное выраженіе его физіономіи при этомъ нѣсколько оживилось—и мы откланялись снова, пожавъ ему по очереди протянутую намъ руку.

Какъ только посольство возвратилось въ свои помѣщенія, на нашъ дворъ привели подарочныхъ лошадей подъ богатыми попонами, въ уздечкахъ, украшенныхъ серебромъ, сердоликами и бирюзой. Князю, какъ старшему послу, было подведено двѣ лошади, остальнымъ по одной и, кромѣ того, всѣмъ членамъ посольства по связкѣ халатовъ и множество всякаго достархана. Всѣ казаки, прислуга и посольскіе джигиты также получили въ подарокъ по адрясовому халату. Затѣмъ человѣкъ двадцать пять челядинцевъ, слѣдуя гуськомъ другъ за другомъ, церемоніально пронесли мимо посольской палатки большія блюда съ горячимъ палау для нашихъ казаковъ и прислуги.

Князь отвѣтилъ тюря-джану тоже подарками, въ числѣ коихъ находились: револьверъ, китайскій ящичекъ съ французскими духами, швейцарскіе часы съ кукушкой и коробка съ московскими конфектами отъ Сіу. Эти отвѣтные подарки были отправлены къ нему съ хорунжимъ Асланбекомъ Карамурзаевымъ въ сопровожденіи токсабы и эсаулъ-баши.

Затѣмъ намъ принесли обѣдъ, и церемоніи на сей день были кончены. Въ концѣ обѣда возвратился токсаба и заявилъ, что тюря-джанъ очень благодаритъ князя за подарки, которые ему очень понравились, и безпокоится лишь объ одномъ: довольно ли посольство его скромнымъ пріемомъ, что онъ ото

всей души радъ бы угодить намъ и больше, но, къ сожалѣнію, въ Чиракчи невозможно найти ничего лучшаго. Получивъ въ отвѣтъ заявленіе князя, что посольство довольно всѣмъ какъ нельзя болѣе, Рахметъ-Улла, переводя разговоръ на интимную почву, замѣтилъ, что въ такомъ разѣ князь, вѣроятно, не откажетъ при удобномъ случаѣ замолвить кстати объ этомъ высокостепенному эмиру, равно какъ и о благопріятномъ впечатлѣніи, какое произвелъ на него тюря-джанъ лично, такъ какъ отъ такого заявленія князя на много-де будетъ зависѣть степень дальнѣйшаго благоволенія эмира къ тюря-джану, который тогда авось-либо можетъ разсчитывать и на милостивое повышеніе въ должности, въ родѣ перевода на болѣе видное и выгодное бекство.

Надо замѣтить, что тюря-джанъ чиракчинскій не пользуется особенною любовью отца и причина тому, какъ кажется, заключается въ нѣкоторой излишней прямотѣ и рѣзкости его характера, благодаря которой онъ, минуя утонченно-вѣжливые пріемы и восточно дипломатическіе „подходцы“ рѣчи, не стѣсняется иногда съ нѣсколько грубою откровенностью высказывать своему отцу голую и не всегда пріятную для послѣдняго правду. Быть можетъ вслѣдствіе этого эмиръ показываетъ ему холодность и даже настолько, что проѣздомъ въ Шахрисебсъ никогда въ Чиракчи не заѣзжаетъ. Впослѣдствіи князь Витгенштейнъ исполнилъ свое обѣщаніе, и при подходящемъ случаѣ замолвилъ эмиру доброе слово о тюря-джанѣ, но поправило ли это отношенія послѣдняго къ отцу— не знаю.

29 декабря.

Выступили изъ Чиракчи въ десятомъ часу утра. Намъ предшествовали конники въ бараньихъ шапкахъ, съ длинными тонкими тростями, заткнутыми подъ халатомъ за поясъ и торчавшими высоко вверхъ изъ-за пазухи. Это были эсаулъ-баши, докладчики бековъ. Каждый бекъ имѣетъ таковыхъ по два человѣка и должность ихъ заключается въ исполненіи от-

части полицейскихъ, отчасти ординарческихъ обязанностей, въ докладѣ бекамъ поданныхъ прошеній и въ передачѣ ихъ приказаній.

Непосредственно за частью казачьяго конвоя, слѣдовавшею позади посольскаго экипажа, ѣхали въ моемъ тарантасѣ бекъ бальджуанскій, бекъ дарвазскій и Шарауль-Массумъ мирахуръ. Послѣднему, полагаю, было не особенно удобно, за отсутствіемъ въ тарантасѣ передняго сидѣнья, примащиваться кое-какъ на наскоро устроенномъ для него сидѣньи изъ лишняго платья и подушекъ. За тарантасомъ этихъ сановниковъ слѣдовали два казака въ почетномъ конвоѣ, затѣмъ въ коляскѣ князя ѣхали токсаба Рахметъ-Улла съ хорунжимъ Карамурзаевымъ, тоже сопровождаемые двумя казаками; далѣе — въ эмирскомъ экипажѣ маіоръ Байтоковъ съ докторомъ, и прочіе экипажи посольства, за коими въ замкѣ остальная часть казачьяго конвоя.

На выѣздѣ изъ города поѣздъ нашъ прослѣдовалъ мимо человѣкъ двадцати какихъ-то всадниковъ съ саблями, вѣроятно, мѣстныхъ городскихъ чиновниковъ, одѣтыхъ въ парчевые халаты и выстроенныхъ въ одну шеренгу. Всадники эти, стоя на мѣстѣ, отдавали посольству честь, приложивъ къ чалмѣ, якобы „подъ козырекъ", правую руку и затѣмъ, пропустивъ мимо себя весь поѣздъ, гурьбой повернули назадъ въ городъ.

Дорога отъ Чиракчи до Шаара идетъ по равнинѣ, гдѣ на разстояніи около версты слѣва виднѣются самыя ничтожныя возвышенности, тянущіяся въ родѣ какого-то вала. За то справа, верстахъ въ двадцати пяти, грандіозно высятся снѣжные хребты Ярчаклы и Хазретъ-Султанъ (послѣдній въ 15,000 футовъ высоты), съ особенно выдающимися вершинами Амма-Хронъ, Ташъ-Рабатъ, Ташъ-Курганъ и Хромъ-Тахти; а позади, за ихъ стѣной, въ дальней перспективѣ, хребетъ Ханъ-Тахта гордо и грозно вздымаетъ въ небеса свои отвѣсно-скалистыя, сверкающія льдомъ и снѣгомъ темно-сизыя кручи.

Вся долина Кашка-Дарьи усѣяна курганами, которые боль-

шею частью относятся къ числу могильныхъ, то есть имѣютъ въ основаніи своемъ либо круглую, либо элипсоидальную форму, при высотѣ отъ одной до трехъ саженъ. Но изрѣдка попадаются и боевые курганы, въ особенности ближе къ Шаару.

Въ нѣкоторомъ разстояніи отъ дороги виднѣлось нѣсколько разсѣянныхъ по равнинѣ кишлаковъ съ фруктовыми садами и чинаровыми рощами. То были селенія Карслуатъ, Маухине, Тизобкентъ и другіе. Аллеи тополей и рослаго тала осѣняли прилегающіе къ этимъ селеніямъ арыки. Мѣстность довольно оживленная. На встрѣчу намъ попадалось множество чалмоносныхъ всадниковъ, направлявшихся отъ окрестныхъ селеній къ Чиракчи. Ѣхали они большею частью группами отъ восьми до десяти человѣкъ и не безъ оружія. У иныхъ висѣли за плечомъ фитильные „мултуки“ [1]), у другихъ охотничьи двухстволки, видимо тульской работы, а одного встрѣтили мы даже съ берданкой. Сегодня въ Чиракчи базарный день, поэтому туда и направляется вся эта публика — одни ѣдутъ купить себѣ что либо, другіе просто ради „томаши“, на людей посмотрѣть и себя показать, а при подходящемъ случаѣ пожалуй промѣнять или продать свою лошадь.

Проѣхавъ большимъ шагомъ два таша (16 верстъ), мы пересѣкли въ бродъ два рукава рѣчки Тизобкентъ (иначе Чизобъ-Кинди), впадающей въ Кашка-Дарью и отдѣляющей территорію Шахрисебса отъ Чиракчинскаго бекства.

Не доѣзжая около полутора верстъ до предмѣстья Шаара, шагахъ въ восьмистахъ отъ дороги вправо виднѣются остатки земляныхъ окоповъ, гдѣ на выступающихъ углахъ выдаются впередъ круглые бугры, служившіе нѣкогда основаніемъ башенъ. По объясненію Рахметъ-Уллы, это остатки шаарскаго кремля временъ предшествовавшихъ Тимуру. Тамъ и понынѣ видны еще слѣды многихъ строеній.

Вскорѣ въѣхали мы въ Шаарское предмѣстье Кара-ходжа,

[1]) Средне-азіятское ружье на развилахъ, втыкаемыхъ въ землю для большей вѣрности прицѣливанія.

окруженное развалинами древней глинобитной стѣны и наполненное садами. Здѣсь, прослѣдовавъ по нѣсколькимъ узкимъ, закоулочнымъ улицамъ, въ одной изъ которыхъ на поперечномъ арыкѣ крякнулъ и сломался шкворневый кругъ въ нашей коляскѣ, мы взобрались по крутоватому подъему къ воротамъ одного изъ старыхъ шаарскихъ укрѣпленій, называемаго Уртà-курганомъ.

Тутъ, на высокомъ насыпномъ курганѣ, на мѣстѣ древней цитадели (урта или урда), нынѣшній эмиръ построилъ лѣтній домъ съ широкимъ крытымъ балкономъ, съ котораго открывается прекрасный видъ на сады предмѣстья, на равнину, усѣянную кишлаками и курганами, и на высокія снѣжныя горы. Въ этомъ домѣ постоянно живетъ амлякдаръ [1]), обязанный поддерживать въ немъ порядокъ, такъ какъ здѣсь обыкновенно останавливается на отдыхъ, а иногда и на ночлегъ самъ эмиръ, во время своихъ поѣздокъ изъ Бухары въ Шааръ и обратно. Въ виду такого назначенія этого дома, внутри его дворовъ находится достаточное число помѣщеній для семейства и свиты его высокостепенства.

Насъ ввели въ довольно просторную залу въ два свѣта [2]), съ высокимъ потолкомъ и парою дверей, выходящихъ на помянутый выше балконъ. Полъ этой залы сплошь былъ устланъ двумя богатыми длинными коврами каршинскаго производ-

[1]) Окружной сборщикъ поземельной подати хараджа и танапа.

[2]) Если и впредь будетъ встрѣчаться выраженіе „въ два свѣта“, то подъ нимъ всегда надо разумѣть нижнія окна (кои суть въ то же время и двери, выходящія на террасу съ сѣверной, сѣверо-восточной или же съ сѣверо-западной стороны) и соотвѣтственный имъ рядъ верхнихъ оконъ въ той же стѣнѣ. Эти послѣднія, почти всегда при одинаковой ширинѣ съ нижними, никогда не бываютъ равномѣрной съ ними длины, а всегда либо на половину, либо на двѣ трети ниже и иногда заканчиваются вверху стрѣльчатымъ сводомъ, будучи всегда снабжены либо рѣзною деревянною, либо узорчато-ажурною гипсовою рѣшеткою безъ стеколъ, которая на зиму въ иныхъ случаяхъ затягивается коленкоромъ или тонкою бумагой, въ родѣ китайской. Нижнія окна-двери всегда имѣютъ двустворчатыя деревянныя ставни, украшенныя рельефною рѣзьбой.

ства, а въ глубинѣ ея, между балконными дверями, стояла широкая софа, покрытая шелковыми одѣялами и бархатными мутаками [1]). Въ стѣнахъ, кромѣ той, что снабжена окнами, подѣлано много высокихъ нишъ стрѣльчатой формы. По срединѣ комнаты, предъ софой, по обыкновенію, накрытъ былъ столъ, уставленный разнообразнѣйшимъ достарханомъ, начиная отъ изысканнѣйшихъ лакомствъ мѣстнаго производства до московскихъ мармеладовъ, бисквитъ и сахарныхъ печеній; прекрасные свѣжіе и засахаренные фрукты, виноградъ, разнообразные орѣхи, шербеты, варенья, компоты, взбитыя сливки, взбитые бѣлки, и чего-чего тутъ только не было! Всего не перечесть и не вспомнить. Фарфоровая посуда и столовое серебро были исключительно русскихъ фабрикъ. Вокругъ стола стояли кресла, вѣнскіе стулья и обитые краснымъ кумачемъ зеленые табуреты.

Когда мы разсѣлись за этимъ столомъ, старшему послу доложили, что Остана-Куль перваначи [2]), одинъ изъ приближеннѣйшихъ царедворцевъ эмира, высланный его высокостепенствомъ на встрѣчу посольству, проситъ позволенія представиться. О томъ, что перваначи будетъ ожидать посольство въ Урта-курганѣ, посолъ уже былъ предувѣдомленъ Рахметъ-Уллою, къ которому съ этимъ извѣстіемъ, еще на пути сюда, прискакалъ нарочный.

Князь Витгенштейнъ поспѣшилъ изъявить готовность сейчасъ же принять почтеннѣйшаго перваначи,—и въ ту же минуту вошелъ къ намъ благообразный и дородный мужчина хорошаго средняго роста, лѣтъ за пятьдесятъ, въ богатомъ

[1]) Подушки-вальки.

[2]) Перваначи или пяруаначи въ военномъ смыслѣ равняется полному генералу. Обязанность его, между прочимъ, состоитъ въ объявленіи чина получившему оный и въ затыканіи эмирскаго ярлыка за чалму его. Въ чинъ перваначи могутъ быть повышаемы только лица принадлежащія къ сословію ругъ-даръ, то есть родовитыхъ узбековъ, предки коихъ ознаменовали себя постоянною службой и усердіемъ бухарскимъ эмирамъ.

халатѣ, расшитомъ золотою и серебряною битью по темно-малиновому бархату. Затканая золотомъ бѣлая чалма и красивая хорасанская сабля дополняли его роскошный нарядъ. Вошелъ онъ свободною походкой, съ привѣтливою улыбкой въ лицѣ,—и во всей фигурѣ, во всемъ характерѣ его наружности какъ-то сразу сказывалось, что человѣкъ этотъ не только уменъ, но и знаетъ себѣ цѣну.

Началъ онъ рѣчь съ изъясненія, что посланъ высокостепеннымъ своимъ повелителемъ привѣтствовать отъ его лица высокихъ представителей Россіи, такъ какъ его высокостепенство очень озабоченъ узнать поскорѣе, все ли мы въ добромъ здоровьѣ и хорошо ли довезли насъ и достаточно ли заботились о насъ во время путешествія по его владѣніямъ.

На всѣ эти вопросы, конечно, послѣдовалъ утвердительный отвѣтъ въ наилучшемъ смыслѣ, съ добавленіемъ, что мы очень рады познакомиться съ достопочтеннѣйшимъ перваначи и надѣемся, что наше съ нимъ закомство не ограничится лишь настоящимъ офиціальнымъ свиданіемъ.

При этомъ князь предложилъ ему садиться, и перваначи занялъ первое мѣсто, въ креслѣ по правую его руку.

Въ то же время на улицѣ раздались звуки баражановъ и кавалерійскихъ трубъ, игравшихъ нѣчто въ родѣ нашего „похода“.

Токсаба объяснилъ, что это почетный конвой, присланный высокостепеннымъ эмиромъ для сопровожденія посольства, отдаетъ должную по уставу воинскую почесть только что прибывшему Али-Мадату топчи-баши[1]), и музыканты играютъ ему „встрѣчу“.

Минуты двѣ спустя послѣдовалъ докладъ, что топчи-баши проситъ позволенія представиться главѣ русскаго посольства, и вслѣдъ затѣмъ въ залу вошемъ худощавый мужчина лѣтъ пятидесяти, съ лицомъ персидскаго типа, въ довольно высо-

[1]) Топчи-баши — начальникъ артиллеріи бухарской арміи.

кой бобровой шапкѣ и въ темно-фіолетовомъ бархатномъ сюртукѣ мундирнаго персидскаго покроя. Рукава, грудь и полы его были украшены серебрянымъ шитьемъ, изображавшимъ длинные листья лилій; вдоль груди шли два ряда (по шести) гладкихъ мѣдныхъ пуговицъ; на плечахъ—серебряные витые эполеты со штабъ-офицерскими кистями; на поясной серебряной портупеѣ висѣла богатая кривая сабля въ золотыхъ ножнахъ, украшенныхъ бирюзой и сердоликами. Отрекомендовавшись князю, топчи-баши заявилъ, что присланъ своимъ высокимъ повелителемъ сопровождать посольство при въѣздѣ въ Шааръ во главѣ почетнаго гвардейскаго конвоя.

Подали чай—членамъ посольства въ стаканахъ, вставленныхъ въ серебряные подстаканники русской чеканной работы, а бухарскимъ сановникамъ—въ китайкихъ фарфоровыхъ чашкахъ безъ ушковъ и блюдечекъ, по мѣстному обыкновенію.

Занявъ второе мѣсто (подлѣ перваначи), топчи-баши заявилъ, что высокостепенный эмиръ соизволилъ назначить намъ въ конвой сорокъ одного офицера изъ числа ротныхъ командировъ и двѣсти амальдоровъ, отборныхъ гвардейскихъ всадниковъ, въ чинѣ чора-баши (подпрапорщиковъ), а при нихъ военный хоръ изъ двадцати музыкантовъ. При этомъ топчи-баши со скромною улыбкой прибавилъ, что, конечно, это не то, что русская армія; что мы, безо всякаго сомнѣнія, привыкли къ виду далеко не такихъ войскъ, но... это-де все что̀ есть у насъ лучшаго.

Князь поспѣшилъ завѣрить его, что напротивъ, насколько онъ, князь, до сихъ поръ слышалъ о бухарскихъ войскахъ, всѣ и всегда отзывались о нихъ съ большими похваламъ, и что теперь, слыша звуки ихъ музыки, онъ выражаетъ полную свою увѣренность, что войска бухарскія всегда будутъ достойными соратниками войскъ русскихъ, если Богъ сведетъ ихъ противъ какого-либо общаго врага,—потому что враги у насъ могутъ быть только общіе,—но что никогда и ни въ какомъ случаѣ, конечно, русскія и бухарскія войска не встрѣтятся болѣе другъ противъ друга.

Этотъ отвѣтъ очень понравился всѣмъ присутствовавшимъ бухарцамъ, видимо произведя на нихъ наилучшее успокоительное впечатлѣніе, не говоря уже о томъ, что онъ пріятно щекоталъ ихъ самолюбіе.

Допивъ свой чай, бухарскіе сановники вѣжливо поднялись съ мѣстъ, и въ лицѣ перваначи заявили, что не смѣютъ насъ долѣе безпокоить, такъ какъ мы, безъ сомнѣнія, хотимъ съ дороги закусить и нѣсколько отдохнуть; но что потомъ, когда намъ пожелается продолжать путь, они въ полномъ своемъ составѣ будутъ къ нашимъ услугамъ.

И затѣмъ сановники очень любезно откланялись.

Воспользовавшись ихъ уходомъ, мы вышли на балконъ, чтобы взглянуть на амальдоровъ, и сверхъ всякаго ожиданія намъ представилось зрѣлище довольно красивое. У подошвы кургана, прямо предъ воротами старой цитадели, стояли выстроившись конные музыканты въ зеленыхъ мундирахъ и высокихъ барашковыхъ шапкахъ. Между ними уморительны были только торчавшіе впереди всѣхъ два турецкіе барабана, приспособленные какимъ-то образомъ поперегъ сѣдла, такъ что барабанщикамъ приходилось сидѣть уже не въ сѣдлѣ, а на крупахъ своихъ лошадей. Изъ-за массивныхъ барабановъ едва лишь выглядывали ихъ островерхія шапки, да растопыренныя руки. Позади музыкантовъ стояла конная толпа офицеровъ, одѣтыхъ въ форменные чекмени, съ галунами и газырями на груди, покроемъ въ родѣ нашихъ конно-иррегулярныхъ кавказскихъ. На всѣхъ красовались серебряные кованые эполеты русскаго образца со штабъ-офицерскими кистями. Въ цвѣтѣ этихъ мундировъ замѣчалась нѣкоторая пестрота: у однихъ черные, у другихъ темно-синіе, у тѣхъ красные, у этихъ бирюзовые, зеленые, гороховые, сѣрые, чему соотвѣтствовалъ и цвѣтъ тульи на высокихъ островерхихъ шапкахъ изъ черной мерлушки. Подъ всѣми были хорошія верховыя лошади, отличавшіяся богатствомъ уборовъ, гдѣ не было недостатка въ наборномъ серебрѣ, бирюзѣ, шелковыхъ кистяхъ и расшитыхъ блестками бархатныхъ попонахъ.

Позади, подъ прямымъ угломъ къ этой красивой группѣ, стояли два эскадрона амальдоровъ на легкихъ лошадяхъ, преимущественно изъ породы карабагировъ. Эскадроны двухъшереножнаго строя съ замыкающими унтеръ-офицерами, подобно нашему, были выстроены въ дивизіонную колонну справа, и равненіе ихъ отличалось полною безукоризненностью. Карабины свои они держали въ правой рукѣ „на изготовку", уперевъ пятку приклада въ бедро и наклонивъ конецъ дула впередъ, совершенно такъ же, какъ держали у насъ свои винтовки горцы императорскаго конвоя. На правомъ флангѣ колонны были выстроены въ двѣ шеренги восемь трубачей въ зеленыхъ чекменяхъ и желтыхъ чембарахъ. Въ рядахъ же люди были одѣты въ бѣлые чекмени съ алыми воротниками, погонами и нагрудными кармашками; на ногахъ алыя чембары, заправленныя въ голенища высокихъ сапоговъ нашего же военнаго образца; головной уборъ—баранья шапка такой же формы, какъ и у офицеровъ, съ алою тульей. Что̀ же до вооруженія, то увы!—оно далеко не блистало не только единообразіемъ, но и исправностію. При помощи бинокля я разглядѣлъ, что большинство, въ особенности въ переднихъ шеренгахъ и въ замкѣ, было вооружено пистонными карабинами но въ заднихъ шеренгахъ попадались и кремневые, даже чуть ли не было фитильныхъ: что-то ужь очень на нихъ смахивали мелькавшія кое-гдѣ огнестрѣльныя дубины, ярко выкрашенныя урикомъ. Одни изъ карабиновъ были длиннѣе, другіе короче; высовывались и просто длинныя семилинейныя ружья. Словомъ, тутъ былъ коллектированъ всякій арсенальный хламъ, случайно добытый съ разныхъ сторонъ и въ разное время. Замки на ружьяхъ тоже далеко не всѣ въ исправности: виднѣлись и такіе, что̀ держались на своемъ мѣстѣ лишь при помощи ремешка или бичевки. Не было единообразія и въ холодномъ оружіи (каждый амальдоръ, кромѣ карабина, вооруженъ еще и саблей), между коимъ на половину встрѣчались кривые афганскіе и хорасанскіе клинки, на половину клычи, да попадались у иныхъ и англійскія, и русскія пѣхот-

ныя, и кавалерійскія сабли, и казачьи шашки. Въ этомъ отношеніи всякъ молодецъ былъ на свой образецъ. Но единообразный нарядъ амальдоровъ, издали казавшійся очень красивымъ, ихъ прекрасныя легкія лошадки съ огонькомъ и эта стройность равненія производили на первый взглядъ очень благопріятное военное впечатлѣніе, и тѣмъ досаднѣе было глядѣть на такое безобразно сбродное вооруженіе отборной гвардіи бухарскаго владыки. Впрочемъ, какъ картинка, съ художественной точки зрѣнія, въ общемъ все это являлось весьма красивымъ. Жаль только, что такому зрѣлищу не соотвѣтствовала погода: мелкій непрерывный дождь, начавшійся незадолго до прибытія нашего въ Урта-курганъ, немилосердно мочилъ этихъ нарядныхъ всадниковъ.

Вернувшись съ балкона въ залу, видимъ мы, что бухарскіе джигиты одинъ за другимъ таскаютъ къ намъ всякаго достархана цѣлые вороха и горой наваленные подносы, которыми уже сплошь заставили цѣлый уголъ залы аршинъ въ семь длиной, да въ четыре шириной. Но увы, все это разныя сласти, печенья да фрукты, а существеннаго, то есть обѣщаннаго завтрака все нѣтъ какъ нѣтъ. А ѣсть между тѣмъ уже и очень-таки хочется.

— Когда же, наконецъ, завтракъ? Чего это они тамъ замѣшкались?

На это нашъ Асланбекъ заявляетъ, что завтракъ уже давнымъ-давно готовъ, еще съ тѣхъ поръ, какъ только что мы сюда пріѣхали.

— Такъ зачѣмъ же не подаютъ?

— Ожидаютъ, когда вашей свѣтлости угодно будетъ приказать. Дѣло только за вами.

— Да быть не можетъ! удивился князь.

— Могу васъ увѣрить; я самъ слышалъ распоряженіе токсабы.

Хорошо, что выяснилось въ чемъ дѣло, а то мы, по недоразумѣнію, и Богъ вѣсть сколько времени заставили бы ихъ

прождать, между тѣмъ какъ тѣ, бѣдняки, стоятъ подъ дождемъ да мокнутъ.

Чрезъ минуту джигиты внесли изобильный завтракъ: прекрасный бульонъ съ кореньями и мелкими говяжьими катышками (фрикадель); паровой пловъ по-персидски, гарнированный молодою ягнятиной, курами, горными куропатками и фазанами; говяжьи рубленыя котлеты по-персидски, на видъ въ родѣ польскихъ зразъ, изъ которыхъ каждая облѣпляетъ со всѣхъ сторонъ сваренное въ-крутую яйцо; каурдакъ, жареный барашекъ и еще, и еще, и еще что-то, чего ни съѣсть, ни перечислить! А въ заключеніе—зеленый чай. Наши почетные провожатые, сановники и всѣ офицеры эскорта въ это же время завтракали въ особомъ помѣщеніи.

Окончивъ эту черезчуръ уже изобильную трапезу, мы, согласно требованіямъ мѣстнаго этикета, выждали столько времени, сколько заранѣе было условлено съ Рахметъ-Уллой, то есть ровно часъ, и въ часъ пополудни стали облекаться въ свои дорожные костюмы. Въ это время трубачи на улицѣ заиграли „сборъ", и когда мы вышли изъ воротъ къ экипажамъ, то нашъ почетный эскортъ уже успѣлъ растянуться шпалерой въ одну шеренгу вдоль пути справа. На лѣвомъ, ближайшемъ къ намъ, флангѣ сталъ хоръ музыкантовъ, затѣмъ корпусъ офицеровъ и, наконецъ, амальдоры. При появленіи посольства раздалась команда топчи-баши, по которой трубачи заиграли „встрѣчу", а офицеры, бывшіе въ строю, отсалютовали саблями совершенно такъ же, какъ и у насъ; ротные же командиры, въ числѣ сорока одного человѣка, взяли, какъ говорится, „подъ козырекъ", хотя у нихъ козырковъ и не полагается. Проѣзжая мимо, князь, въ свою очередь, отвѣчалъ имъ отданіемъ чести, и тутъ мы замѣтили на нѣкоторыхъ изъ нихъ ордена: персидскій „Льва и Солнца" и еще какія-то мусульманскія звѣзды. Можетъ статься, то были знаки новаго ордена „Восходящей звѣзды Бухары".

Поѣзду нашему предшествовала цѣлая кавалькада пестрыхъ джигитовъ и десятка два эсаулъ-башей, въ бараньихъ шап-

кахъ и красныхъ чекменяхъ, съ высоко торчавшими изъ-за пояса тростями. То были ординарцы перваначи, топчи-баши и вчерашнихъ бековъ. Въ первомъ экипажѣ ѣхали оба посла, за ними часть казачьяго конвоя; затѣмъ въ коляскѣ князя сидѣлъ перваначи, а остальные слѣдовали верхами. Поѣздъ замыкался хоромъ музыкантовъ, кавалькадою ротныхъ командировъ и, наконецъ, дивизіономъ амальдоровъ въ колоннѣ справа по шести. Музыканты все время играли разныя восточныя мелодіи, изъ коихъ нѣкоторыя не лишены были своеобразной красоты и пріятности, хотя, конечно, все это игралось въ унисонъ, ибо азіятская музыка, какъ извѣстно, не знаетъ гармонизаціи. Между прочимъ, въ числѣ этихъ мелодій попалась намъ и старая знакомая, обработанная Іоганномъ Штраусомъ, въ его извѣстномъ „Персидскомъ маршѣ“; только здѣсь она явилась въ своемъ естественномъ видѣ, безъ прикрасъ европейской аранжировки, и нельзя сказать, чтобы отъ этого потеряла особенно много. Хоръ состоялъ изъ трубачей (кайнарчи), кларнетистовъ (сурнайчи), флейтистовъ (балабончи) и барабанщиковъ (нагорачи). У первыхъ были обыкновенныя сигнальныя трубы; инструментъ же вторыхъ — с у р н а̀, собственно говоря, есть не совсѣмъ кларнетъ въ европейскомъ родѣ, а скорѣе дудка съ переборами, издающая нѣсколько рѣзкіе, но яснаго тона звуки. У нея имѣется особаго устройства деревянный амбушюръ, выточенный въ видѣ челночка и насаженный на тростинку, которая вставляется въ дудку; челночекъ во время игры плотно приставляется къ губамъ музыканта, совсѣмъ покрывая ихъ собою, и чтобы извлечь посредствомъ его изъ инструмента музыкальный звукъ, надо дуть въ тростинку очень сильно, что есть мо̀чи, насколько можно судить о томъ на глазъ по крайней степени напряженія надутыхъ щекъ музыкантовъ. Третій инструментъ — б а л а б о н ъ, есть не что̀ иное какъ чеканъ съ переборами и клапанами, сдѣланный изъ латуни и какъ по конструкціи, такъ и по характеру звуковъ довольно близко подходящій къ своему европейскому собрату. Что же до бара-

бановъ — нагора́, то тутъ были всякіе: и турецкіе, и обыкновенные, длинные и короткіе, мѣдные и лубковые, и всѣ они составляли неизмѣнный, но черезчуръ уже громкій акомпаниментъ ко всякой піесѣ.

Музыканты чередовались между собою, какъ у насъ гарнисты и хоръ. Въ первой очереди играли трубачи, во второй — сурны и балабоны, но злосчастнымъ нагорачамъ приходилось работать на своихъ барабанахъ и съ тѣми, и съ другими, безъ передышки.

Шесть верстъ ѣхали мы медлительнымъ шагомъ садами предмѣстья, которое состоитъ изъ двухъ якобы городовъ — Урта-кургана и Шемотана, разграниченныхъ между собою только обыкновеннымъ арыкомъ. Но эти города хотя и имѣютъ каждый свою особую администрацію, въ сущности не болѣе какъ два участка одного и того же пригорода [1]). Точно такимъ же пригородомъ соединяется и городъ Шааръ съ городомъ Китабомъ, имѣющимъ свою особую городскую стѣну и цитадель, а все это вмѣстѣ, окруженное нѣкогда одною общею стѣной, остатки коей сохраняются и понынѣ, составляетъ то, что называется Шахрисебсомъ — „зеленымъ городомъ“, который съ прилежащими къ нему землями и кишлаками (всего приблизительно около 40 квадратныхъ миль) пользовался до нынѣшняго эмира правами особаго полунезависимаго владѣнія, часто бунтовался и велъ иногда даже войны съ Бухарой.

Въ исторіи Средней Азіи Шахрисебсъ знаменитъ, какъ родина и наслѣдственный удѣлъ Тимурленга.

[1]) Каждый городъ, по средне-азіятскимъ установленіямъ, сколько бы ни былъ онъ незначителенъ самъ по себѣ, обязательно долженъ имѣть цитадель (акръ, урда) и кромѣ того глинобитную стѣну. Все, что̀ соединено въ предѣлахъ этой стѣны называется городомъ, а что внѣ ея, то — предмѣстья. Сверхъ того въ городѣ обязательно должны быть три мечети, изъ коихъ одна, главная, должна вмѣщать въ себѣ все населеніе даннаго города и называется она джума или джамъ; въ ней обязательно совершается по пятницамъ чтеніе намазъ-джума.

Наконецъ приблизились мы къ высокой глинобитной стѣнѣ съ зубчатыми бойницами, окружающей городъ Шааръ, и въѣхали въ одни изъ ея воротъ, называемыя Чираксинскими (Дарвазяи Чиракчи). Ворота эти представляютъ собою двѣ круглыя, усѣченно-коническія башни, построенныя изъ жженаго кирпича и соединенныя между собою въ верхней своей части промежуточною надстройкой съ узкими окнами, приспособленными къ оборонѣ подворотнаго пролета. Непосредственно за стѣной начинаются лавки одного изъ городскихъ базаровъ, чайные дома (чайна-хане), опiйныя курильни (кукнаръ-хане) и съѣстныя заведенiя, гдѣ на воздухѣ и варятъ, и пекутъ, и жарятъ, отчего на весь околотокъ распространяется смрадный чадъ кунджутнаго масла.

Несмотря на дождь, по сторонамъ улицъ и въ лавкахъ толпились массы зрителей, но то были исключительно мужчины. Изрѣдка лишь показывались кое-гдѣ у дверей дѣвочки отъ семи до девятилѣтняго возраста, но не старше; женщинъ же взрослыхъ вовсе не было среди этой толпы. Ихъ можно было замѣтить лишь за рѣшетками рѣдкихъ оконъ или въ глубинѣ темныхъ сѣней, но иныя ухитрялись-таки украдкой выглянуть иногда въ полглаза изъ-за забора, да и то не иначе, какъ въ почтительномъ отдаленiи. Это, какъ видно, совсѣмъ не то, что наши ташкентскiя сартянки, уже попривыкшiя къ русскимъ: тѣ въ подобныхъ случаяхъ общественной томаши унизываютъ всѣ плоскiя кровли своихъ домовъ и толпятся въ дверяхъ и даже на улицахъ, а которая хорошенькая, такъ возьметъ еще да будто бы нечаянно, забывшись, и отведетъ съ лица свой „чиметъ“ и раздвинетъ полы „паранджи“ [1]) — „на молъ, кяфыръ, полюбуйся!“

Музыканты, чередуясь между собою, не переставали играть

[1]) Чиметъ — сѣтка изъ конскаго волоса, покрывающая лицо женщины, а паранджи — длинный, почти до земли, женскiй халатъ, преимущественно синяго цвѣта, накидываемый на голову, безъ котораго ни одна сартянка не выйдетъ на улицу.

все время, пока мы ѣхали по городскимъ улицамъ, и громкіе звуки ихъ инструментовъ видимо привлекали на путь нашего слѣдованія все новыхъ и новыхъ любопытныхъ зрителей. Поэтому двигаться впередъ съ каждою минутой становилось затруднительнѣе, тѣмъ болѣе, что толпы мальчишекъ, заглядывая намъ въ лицо и рискуя при этомъ попасть подъ лошадей или подъ колесо, гурьбами бѣжали въ припрыжку со всѣхъ сторонъ рядомъ съ нашимъ экипажемъ. Словомъ, вышла „балшой томашà", какъ говорятъ наши ташкентскіе сарты.

По такимъ улицамъ, гдѣ развороченные камни представляли собой яко бы мостовую, заставлявшую насъ въ экипажѣ испытывать жесточайшую тряску, привезли наконецъ наше посольство въ кварталъ Таки-Чинаръ, получившій свое названіе отъ древняго и очень красиваго платана, произрастающаго въ центрѣ квартала. Это дерево оказалось какъ разъ за глинобитнымъ заборомъ отведеннаго намъ дома, такъ что его могучія раскидистыя вѣтви осѣняли и часть нашего двора. Помѣстили насъ въ посольскомъ домѣ (михмàнъ-ханà), который обыкновенно отводится подъ русскихъ гостей и посольства, когда таковыя пріѣзжаютъ въ Шааръ.

Съ азіятской точки зрѣнія михмàнъ-ханà представляетъ достаточно комфорта и простора. Въ переднемъ или наружномъ дворѣ его (ташкери) помѣщается все, что относится къ мужскому хозяйству, какъ-то: конюшни, сараи, сѣновалы, амбары и мужская пріемная, то есть то, что на Кавказѣ называется „кунакская". Во второмъ смежномъ дворѣ слѣва — кухни и сакли для прислуги, а также голубятня, курятникъ, сушильни для винограда, погребъ для зимнихъ запасовъ дынь, арбузовъ и разныхъ фруктовъ, — словомъ, это дворъ домохозяйственный. Въ третьемъ или внутреннемъ дворѣ (ишкери) находятся чистыя помѣщенія, служащія обыкновенно для гарема, а въ заднемъ задворкѣ отведено мѣсто подъ складъ топлива и вообще для разнаго годнаго и негоднаго хозяйственнаго хлама. Ишкери со всѣхъ четырехъ сторонъ, кромѣ прохода ведущаго

въ наружный дворъ, обнесенъ широкими террасами, вышиною около аршина, гдѣ въ лѣтнее время разбиваются цвѣтныя палатки, а внутренняя часть его занята квадратнымъ прудкомъ (хаузъ), который, въ случаѣ надобности, наполняется водой изъ протекающаго черезъ дворъ арыка.

Наружныя ворота, ведущія съ улицы въ ташкери, образуютъ крытый проходъ, въ родѣ корридора, который съ половины своей длины заворачиваетъ во дворъ подъ прямымъ угломъ или, какъ говорится, „глаголемъ“ (Г) для того чтобы ничей посторонній нескромный глазъ не могъ, хотя бы даже случайно, подглядѣть съ улицы что̀ у васъ дѣлается въ домѣ [1]). По всей длинѣ подворотнаго прохода тянутся вдоль стѣнъ глинобитныя скамейки, надъ которыми продѣланы довольно углубленныя ниши, служащія мѣстомъ ночлега для караульныхъ сарбасовъ (солдатъ), такъ какъ здѣсь, подъ воротами, обыкновенно располагается почетный караулъ при офицерѣ, отбывающій свою очередь безсмѣнно, на все время пребыванія посольства въ Шаарѣ.

При въѣздѣ нашемъ во дворъ, этотъ караулъ былъ выстроенъ на улицѣ у воротъ и, признаюсь, насъ очень удивило, когда его начальникъ, персіянинъ, весьма отчетливо скомандовалъ по-русски: „Смирно! на пле-чо̀!.. Слушай, на кра-улъ!“ Но впослѣдствіи оказалось, что въ бухарскихъ войскахъ принято всѣ главнѣйшія командныя слова произносить по-русски.

[1]) Такой способъ постройки наружныхъ входовъ принятъ въ средне-азіятскихъ городахъ повсемѣстно, будучи освященъ стародавнимъ обычаемъ, именно ради неприкосновенности домашняго быта, которая уважается всѣми настолько, что ни одинъ обыватель никогда не позволитъ себѣ заглянуть черезъ заборъ или съ кровли своей сакли въ сосѣдскій дворъ, почитая это не только за верхъ неприличія, но и за дѣяніе прямо оскорбительное для сосѣда, за которое тотъ можетъ притянуть оскорбителя къ суду. Впрочемъ, правило это не касается женщинъ, которыя зачастую пользуются кровлями для разговора или перебранки съ сосѣдками, если во дворѣ на эту пору нѣтъ ни одного мужчины.

Комнаты, отведенныя для посольства, отличались нѣкоторыми приспособленіями, видимо имѣвшими цѣль приблизить ихъ къ условіямъ той жизни, къ какой мы привыкли у себя дома. Такъ, въ каждой изъ нихъ стояло по одной маленькой переносной печкѣ изъ листоваго желѣза; верхнія окна затянуты были коленкоромъ, а въ нижнія вставлены тоненькія стекольчатыя рамы, что̀, впрочемъ, нисколько не мѣшало холодному воздуху преисправно проникать къ намъ извнѣ сквозь ихъ незамазанныя щели; стѣны, вмѣсто обоевъ, были сплошь обиты ярко-цвѣтнымъ московскимъ ситцемъ съ такими оригинальными и красивыми рисунками, какихъ вы никогда не увидите въ Россіи, такъ какъ эти спеціальные сорты ситцевъ изготовляются нѣкоторыми нашими фабриками исключительно для средне-азіятскихъ рынковъ; глиняные полы были сплошь застланы коврами: словомъ сказать, на всемъ замѣчалась забота придать этому помѣщенію какъ можно болѣе удобства и уютности. Въ пріемной комнатѣ стоялъ изобильный достарханъ, перемѣнявшійся потомъ чуть не каждое утро, и такъ какъ въ ней пришлось помѣститься князю, то она, по его выраженію, обратилась въ кондитерскую лавку, которая привлекала къ своимъ сластямъ множество мухъ, пробужденныхъ отъ зимняго оцѣпенѣнія, благодаря исправной топкѣ желѣзной печи. Это являлось очень большимъ неудобствомъ, но... ради этикета невозможно было отказаться отъ ежедневно подновляемаго достархана или приказать вынести его куда либо въ другое мѣсто: онъ неукоснительно долженъ былъ оставаться въ комнатѣ главнаго посла во все время пребыванія посольства въ этомъ городѣ.

Сопровождавшіе насъ сановники, введя посольство въ домъ, ради этикета разсѣлись съ нами вокругъ достархана, но черезъ минуту поспѣшили откланяться, отговариваясь тѣмъ, что послѣ такого утомительнаго пути дорогимъ гостямъ ихъ повелителя прежде всего нужно полное отдохновеніе.

Но на дѣлѣ отдохновеніе настало для насъ еще не скоро: не успѣли сановники удалиться со внутренняго двора, какъ

процессія джигитовъ, по вчерашнему, гуськомъ, уже направилась съ кухоннаго двора въ нашу пріемную съ дымящимися блюдами, и двое приставовъ съ почтительною любезностью пригласили насъ откушать. Этикетъ на Востокѣ — прежде всего, и ради этикета сколько бы вы ни были сыты, но отказаться отъ ѣды не имѣете права, а иначе покажете себя большой руки невѣжей. Но ѣсть надо не скоро, не торопясь, а такъ сказать „съ чувствомъ, съ толкомъ, съ разстановкой“, потому что быстрая ѣда, все равно какъ и громкій разговоръ, опять-таки невѣжество, нарушеніе этикета. Здѣсь все надо дѣлать не торопясь, съ подобающею важностію и достоинствомъ. На этотъ разъ въ menu обѣда фигурировали главнѣйшимъ образомъ разнообразные супы и похлебки: супъ съ фрикаделью, супъ съ капустой, супъ съ кореньями, пельмени въ бульонѣ, лапша, бульонъ говяжій, бульонъ куриный, шурпа изъ баранины, разварная ягнятина съ соусомъ изъ сметаны съ чеснокомъ (бырлю) и пр. Все это было очень вкусно, но каково было все это ѣсть послѣ недавняго завтрака, который самъ по себѣ стоилъ добраго обѣда! А ничего не подѣлаешь.

Во время обѣда, случайно взглянувъ въ окно, я увидѣлъ во дворѣ у насъ прелюбопытную сценку: казачій „приказный“ съ обнаженною шашкой рядомъ съ бухарскимъ дяхъ-баши, [1]) за которымъ слѣдовалъ алямаиъ (рядовой), и тотъ и другой съ ружьями на-плечо, шли смѣнять съ поста казака-часоваго, выставленнаго предъ входомъ въ помѣщеніе князя. Смѣна казака аляманомъ произошла по пріемамъ нашего устава, который, какъ видно, довольно знакомъ бухарскимъ сарбазамъ. Съ этой минуты до дня нашего отъѣзда изъ Шаара караульный постъ на внутреннемъ дворѣ занимали исключительно сарбазы. Прочіе посты выставлялись отъ ихъ же караула: одинъ у внѣшнихъ воротъ при помѣщеніи караульнаго

[1]) Приказный у казаковъ и дяхъ-баши (десятникъ) у бухарскихъ сарбазовъ соотвѣтствуютъ чину ефрейтора.

взвода, другой на особомъ экипажномъ дворѣ и третій при кухнѣ.

Послѣ обѣда явился Рахметъ-Улла токсаба для переговоровъ насчетъ дня представленія посольства эмиру. Условились, что представимся завтра.

Вечеромъ, въ девятомъ часу, казаковъ вывели въ строй къ „зорѣ", которую протрубилъ имъ трубачъ, послѣ чего люди согласнымъ хоромъ пропѣли обычныя молитвы. Караульные сарбазы издали съ живымъ любопытствомъ смотрѣли на эту церемонію, перекидываясь между собой какими-то замѣчаніями; но чуть лишь раздалось пѣніе молитвъ, какъ они вдругъ замолкли и выслушали ихъ стоя, даже съ нѣкоторымъ чувствомъ если не благоговѣнія, то уваженія подобающаго молитвѣ, кто бы ни произносилъ ее. Черта вовсе не выдающая въ здѣшнихъ мусульманахъ особеннаго религіознаго фанатизма.

IV.

Въ Шаарѣ.

Вмѣсто аудіенціи въ баню.— Базарная публика.— Прелести восточныхъ бань.— Верхомъ или въ коляскѣ? — Торжественное слѣдованіе посольства на „селямъ“ къ эмиру.—Придворные чины.—Первая аудіенція у эмира.— Музаффаръ-Эддинъ Богадуръ-ханъ, эмиръ Бухарскій, и его наружность.—Его тронъ и пріемная зала.— Его разговоръ съ первымъ посломъ.— Особенности мѣстнаго придворнаго этикета.—Визитъ къ перванач.—Размѣнъ взаимныхъ подарковъ.— Нѣчто о жалованныхъ халатахъ и о царедворцахъ вообще.— Томаша при возвращеніи посольства изъ дворца.—Театръ маріонетокъ и пляски батчей.—Цѣлебныя свойства гранатнаго сока.— Казнь скорпіона.— Переговоры относительно телеграфной линіи.— Визитъ къ беку Бальджуанскому.— Шаарскій базаръ и нѣчто о нашей средне-азіятской торговлѣ.—Исчезновеніе токсабы.—Посѣщеніе бека Дарвазскаго.—Путешествующіе стулья.— Скупщики подарочныхъ вещей.— Историческія достопримѣчательности Шаара: могила Хазряти-Шейха и Акъ-Сарай Тимурленга.— Визитъ къ беку Кулябскому.— Во что обходятся населенію посѣщенія различныхъ бекствъ эмиромъ.— Глазная болѣзнь.—Оригинальный концертъ.— Депеша М. Г. Черняева.— Вторая аудіенція у эмира и его рѣчь.— Достарханъ и томаша въ зеркальной залѣ.—Придворные батчи и маскарабазы.— Муниципальная заря съ церемоніей въ Шаарѣ.— Третья аудіенція у эмира.— Въ чемъ заключается шаткость положенія бухарскаго владыки.— Отношеніе къ намъ горожанъ-бухарцевъ и евреевъ.— Бухарскіе евреи.— Лагерь бухарскихъ войскъ.— Ихъ одежда, вооруженіе, снаряженіе, продовольствіе, расквартированіе и способъ рекрутированія.— Визитъ къ топчи-баши.— Смотръ и ученье баталіона гвардейскихъ сарбазовъ.— Парадный выѣздъ эмира въ городскую мечеть.— Прощальная аудіенція у эмира.—Отъѣздъ посольства изъ Шаара.

30 декабря.

Утромъ, часовъ около девяти, пришелъ Рахметъ-Улла, которому князь предложилъ осмотрѣть подарки, привезенные для эмира. Полюбовавшись на роскошныя ткани и серебряныя вещи и оставшись доволенъ ими какъ въ отношеніи изя-

щества и массивности, такъ и количества вещей, которое, очевидно, превзошло его ожиданія, Рахметъ-Улла откланялся и, разумѣется, тотчасъ же побѣжалъ въ аркъ (дворецъ) доложить перваначи, что вотъ, молъ, какіе подарки и сколько ихъ.

Чрезъ полчаса, когда мы были почти уже готовы ѣхать на „селямъ" [1]), токсаба прибѣжалъ снова, съ очень озабоченнымъ видомъ, и заявилъ князю, что высокостепенный эмиръ проситъ посольство отложить, если возможно, представленіе ему до завтра.

— Но вѣдь завтра пятница, возразилъ князь: — высокостепенный эмиръ, безъ сомнѣнія, поѣдетъ въ мечеть совершать свой пятничный намазъ?

— О, это ничего не значитъ! ничего не значитъ! поспѣшилъ завѣрить токсаба: — къ намазу хазретъ поѣдетъ послѣ полудня, а посольство приметъ въ десять часовъ. А вамъ, прибавилъ онъ тономъ убѣждающей дружеской просьбы: — вамъ, дѣйствительно, надо отдохнуть съ дороги, и его высокостепенство предлагаетъ всѣмъ членамъ посольства, если угодно, познакомиться пока съ нашими банями. Мы велимъ тотчасъ же приготовить для васъ самую лучшую.

Познакомиться съ настоящими восточными банями, на мѣстѣ, въ глубинѣ Средней Азіи, въ резиденціи самого хазрета,—это казалось такъ любопытно, такъ заманчиво, что на предложеніе токсабы мы тотчасъ же отвѣчали полнымъ своимъ согласіемъ. А кстати сказать, потомъ дошелъ до насъ такой слухъ,—не знаю, впрочемъ, насколько основательный,—будто хазрету нельзя представляться не омывъ предварительно свое грѣшное тѣло, и что омовеніе это должно совершаться не иначе, какъ въ общественной банѣ, дабы вся правовѣрная базарная публика во-очію видѣла, что „урусъ-кяфыры" дѣйствительно омылись прежде, чѣмъ были допущены до лице-

[1]) Поклонъ, привѣтствіе, визитъ; относительно эмира — первая аудіенція.

зрѣнія хазрета. Такъ ли это, не такъ ли, но выѣздъ нашъ въ баню, въ три часа дня, совершился даже не безъ нѣкоторой торжественности.

Началось съ того, что явился къ намъ одинъ изъ посольскихъ приставовъ, и съ подобающею важностью любезно заявилъ, что баня млѣетъ въ нѣгѣ своихъ горячихъ паровъ въ ожиданіи нашего счастливаго посѣщенія (попросту сказать, что баня готова) и верховыя лошади уже бьютъ во дворѣ копытомъ нетерпѣнія, въ чаяніи нашего благополучнаго выхода. Затѣмъ не обошлось безъ отданія почести со стороны почетнаго караула при выѣздѣ изъ воротъ, а по улицамъ нашей кавалькадѣ предшествовали двое эсаулъ-башей, указывавшихъ дорогу и водворявшихъ мимоходомъ порядокъ въ базарной толпѣ, когда послѣдняя по своей тѣснотѣ и изъ любопытства порой мѣшала свободному проѣзду. Тутъ уже нагайки нашихъ почетныхъ блюстителей общественнаго порядка безъ всякой церемоніи гуляли по правовѣрнымъ спинамъ и плечамъ, не возбуждая, впрочемъ, ни малѣйшаго ропота и протеста, кромѣ обыкновеннаго почесыванья,—напротивъ, и огрѣтые, и не огрѣтые даже пріятно осклаблялись другъ на друга, дескать: что̀, братъ, здорово отвѣдалъ? словно бы такъ тому дѣлу и быть надлежитъ. Грязь на улицахъ стояла невообразимая, густая какъ каша и вонючая до того, что даже и лошадямъ, повидимому, противно было ступать по ней. Послѣднюю часть пути проѣхали мы вдоль крытаго сверху базара, гдѣ мѣстные купцы-евреи, при видѣ русскихъ людей, изъявляли намъ знаки своей живѣйшей радости, прикладывали руку къ шапкѣ, кланялись въ поясъ и кричали по-русски: „здравствуйте! здравствуйте!“ Мусульмане же держали себя болѣе сдержанно, степенно, и только нѣкоторые изъ нихъ, въ знакъ привѣтствія, слегка сгибаясь въ поясницѣ, складывали на животѣ скрещенныя ладони.

Тутъ же, въ крытомъ базарѣ, находится и баня. Противъ ея входа помѣстился цѣлый хоръ странствующихъ дервишей-дувана — въ своихъ островерхихъ колпакахъ и живописныхъ

лохмотьяхъ, съ тыквенными баклагами на поясѣ, точь-въ-точь такихъ, какъ на извѣстной картинѣ В. В. Верещагина „Предъ дверьми мечети“. Они громогласно привѣтствовали насъ довольно дикимъ гортаннымъ пѣніемъ, сопровождая его судорожными кривляніями и біеніемъ себя въ перси, причемъ около десятка деревянныхъ чашекъ протягивалось къ намъ за милостыней. Имъ подали горсть серебряной мелочи, и дервиши, въ знакъ живѣйшей благодарности, потряхивая головой и проводя по щекамъ и бородѣ руками, прокричали намъ „Алла разы булсынъ!“ „Рахметъ!“ и еще какіе-то комплименты.

По темному узкому корридору, гдѣ что ни шагъ, то рискуешь либо поскользнуться въ слякоти, либо оступиться на выбоинахъ кирпичнаго пола, привели насъ чуть не ощупью въ земной рай восточнаго человѣка, называемый баней. Мы очутились въ довольно просторной общей залѣ. Четыре высокія деревянныя колонны поддерживали ея переборчатый, закоптѣлый отъ времени, потолокъ, посрединѣ коего, между капителями колоннъ, служа единственнымъ здѣсь окномъ, находилась квадратная, около аршина, отдушина. Чрезъ нее падалъ сверху яркій столбъ солнечнаго свѣта, блестками дробившійся внизу на лужицахъ кирпичнаго, глубоко врытаго въ землю помоста, и мимолетомъ задѣвавшій часть разноцвѣтныхъ простынь, развѣшанныхъ для просушки между колоннами на протянутыхъ веревкахъ. На пространствѣ отъ цементированныхъ капитальныхъ стѣнъ со многочисленными стрѣльчатыми нишами до группы четырехъ срединныхъ колоннъ, зала обрамлена съ трехъ сторонъ возвышенною досчатою эстрадой съ рѣзными рѣшетчатыми перилами, отъ которыхъ спускаются внизъ къ кирпичному помосту деревянныя лѣсенки. А тамъ, внизу, зіяетъ въ стѣнѣ, какъ черная пасть, дымящійся паромъ, сводчатый входъ въ горячую баню, по бокамъ котораго, на длинныхъ рундукахъ, идущихъ въ простѣнкахъ эстрады между лѣсенками, молча и неподвижно полулежатъ и сидятъ въ разныхъ позахъ, а больше все под-

жавъ подъ себя ноги, разнообразныя группы бритоголовыхъ мусульманъ, завернутыхъ въ простыни и вкушающихъ блаженное состояніе послѣбаннаго кейфа. Такія же группы, но уже въ болѣе комфортабельномъ положеніи, возлежатъ и на эстрадѣ, на деревянныхъ диванахъ, застланныхъ пестрыми одѣялами и коврами. Одни изъ этихъ правовѣрныхъ еще находятся въ предвкушеніи кейфа, то есть готовятся къ банѣ, другіе, уже вышедшіе изъ нея, предаются ему въ полной мѣрѣ. „Чилимчи" [1]), почтительно сгибаясь, подходитъ къ каждому изъ этихъ послѣднихъ съ раскуреннымъ чилимомъ и поочередно всовываетъ въ ротъ желающимъ прямой деревянный чубукъ для одной или двухъ затяжекъ табачнымъ дымомъ, сопровождаемыхъ пресмѣшнымъ бурчаньемъ воды внутри чилима, послѣ чего, прежде чѣмъ подойти къ слѣдующему, чилимчи непремѣнно оботретъ обмусленный конецъ чубука голою ладонью. А „самоварчи" въ то же время то копошится около жаровни, на которой грѣются мѣдные кумганы и фарфоровые чайники, то подноситъ поочередно кейфующимъ сибаритамъ чашки съ зеленымъ чаемъ. Въ одномъ углу „сартарашъ" (цирюльникъ) брѣетъ правовѣрному голову, а его товарищъ совершаетъ надъ другимъ операцію подстриганія усовъ надъ губой, послѣ того какъ остригъ ему ногти и срѣзалъ мозоли. Въ третьемъ мѣстѣ, бродячій знахарь, съ окованнымъ сундучкомъ подъ мышкой, предлагаетъ желающимъ разныя масла, мази, настои и пластыри отъ всевозможныхъ недуговъ, а по секрету и возбудительныя средства, выхваляя цѣлебныя достоинства первыхъ и чудодѣйственныя свойства послѣднихъ. У него же, кстати, продаются и какія-то благовонія, вмѣстѣ съ казанскимъ мыломъ. Наконецъ, еще одна особенность: въ дальнемъ уголкѣ, среди кучки любопытныхъ слушателей, сидитъ на корточкахъ сказочникъ и декламаторъ и мѣрнымъ, эпическимъ тономъ повѣствуетъ

[1]) Слуга, завѣдующій чилимомъ (мѣстный кальянъ) и разносящій его для куренія посѣтителямъ.

имъ нѣчто, должно быть, скабрезно смѣшное,— судя по выраженію ихъ физіономій, потому что порой изъ этого кружка раздаются взрывы сдержаннаго смѣха. Вообще, для художника въ родѣ Верещагина или Бенжамена Констана эта предбанная зала, съ ея оригинальною обстановкой и характерными группами, дала бы очень благодарный сюжетъ для жанровой картины.

На порогѣ залы церемонно встрѣтилъ насъ тучный содержатель бани и съ почтительными поклонами проводилъ въ особый уголокъ, завѣшанный, ради скромности, ковромъ, къ заранѣе приготовленнымъ для насъ диванамъ. Тотчасъ же около каждаго изъ насъ, словно изъ земли, выросло по одному банщику, которые проворно помогли намъ раздѣться, затѣмъ немедленно обернули вокругъ каждаго такъ называемую „простыню скромности“ (лунги) и подсунули подъ ноги деревянныя сандаліи. Послѣ этого, осторожно взявъ подъ руки и сведя внизъ, они проводили насъ въ темную, какъ бы подземную залу, гдѣ въ первую минуту, за густыми волнами горячаго пара, не видать было даже огоньковъ, теплившихся въ двухъ или трехъ настѣнныхъ чиракахъ. Но потомъ, когда мой глазъ попривыкъ къ этой полутьмѣ, я разглядѣлъ, что въ стѣнахъ залы подѣланы достаточно широкія и углубленныя ниши, съ каменными скамьями, которыя нагрѣваются снизу извнутри, чрезъ паровыя трубы, и покрываются для большаго удобства посѣтителей кошмами и простынями. Въ этихъ нишахъ обыкновенно и моются. Кромѣ того, въ разныхъ мѣстахъ виднѣлись низенькіе входы, ведущіе въ отдѣльныя и совершенно темныя каморки, въ родѣ могильныхъ склеповъ, устроенныя для любителей наиболѣе сильнаго пара, гдѣ, однако, мнѣ показалось до того горячо и душно, что я не могъ выдержать тамъ и полуминуты, рискуя или задохнуться, или умереть отъ удара. Съ этимъ милымъ мѣстечкомъ, составляющимъ верхъ наслажденій сего бухарскаго эдема, едва ли и нашъ всероссійскій полокъ можетъ сравняться. Къ счастью моему, банщикъ понялъ смыслъ того

тона, какимъ я проговорилъ ему: „яманъ, яманъ!“ (не хорошо, скверно) и ощупью поспѣшилъ вывести меня въ залу, температура которой показалась мнѣ теперь весьма сносною. Здѣсь усадилъ онъ меня въ одну изъ нишъ, переставилъ поближе чиракъ и приступилъ къ своему дѣлу.

Не стану описывать вамъ въ подробности всѣхъ продѣланныхъ надо мною манипуляцій и тонкостей восточнаго массажа, но не могу воздержаться, чтобы не представить, такъ сказать, его общей программы. Начинается операція съ потѣнья, и когда банщикъ найдетъ, что тѣло ваше уже достаточно распарилось, онъ принимается разминать и похлопывать васъ и надавливать плечи, ребра, бедра; тянетъ и перебираетъ суставы, встряхивая вамъ руки и ноги, такъ что суставы взаправду, какъ говорится, трещатъ и похрустываютъ, но вамъ отъ этого не больно. Затѣмъ заставляетъ васъ нагнуться впередъ, чтобы подставить ему спину, и начинаетъ выколачивать по ней дробь, словно котлеты рубитъ ребрами вытянутыхъ ладоней, и тутъ же время отъ времени пощекотываетъ зачѣмъ-то подъ носомъ и за ушами, а наконецъ, въ довершеніе всѣхъ этихъ пыткообразныхъ удовольствій, внезапно вскакиваетъ вамъ на поясницу, упираясь колѣнами въ спину, затѣмъ садится на нее верхомъ и принимается по васъ ерзать и прыгать, уминая кулаками ваши бока и лопатки и напряженно проводя большими пальцами вдоль становаго хребта, въ переборку между позвонками. При этомъ еще отъ усердія онъ все время сопитъ и кряхтитъ, и стонетъ. Все это, однако, очень скоро мнѣ надоѣло — хорошенькаго понемножку — и потому я приказалъ ему мыть себя просто; но оказалось, что просто мыть онъ не умѣетъ, и видя, что искусство его не оцѣнено по достоинству невѣжественнымъ кяфыромъ, поспѣшилъ продѣлать надо мною заключительный актъ восточной бани, состоящій въ троекратномъ обдаваніи паціента теплою водой изъ большой лохани. Но послѣднее оказалось горше всего предшедшаго: первая вода, вылитая на мою голову, до такой степени при-

пахивала какою-то вонючею гнилью, что я рѣшительно воспротивился повторенію надъ собою послѣдней операціи, и съ брезгливымъ чувствомъ поспѣшилъ выбраться изъ этого противнаго склепа на свѣтъ и воздухъ предбанной залы, тѣмъ болѣе, что по стѣнамъ ниши, къ довершенію всѣхъ прелестей, ползали отвратительныя мокрицы.

Одаривъ тучнаго хозяина шелковымъ халатомъ, а мучителямъ нашимъ выдавъ „силяу", по серебряному рублю на брата мы разстались съ „лучшею" изъ шахрисебскихъ бань. Каковы же худшія!.. Не знаю, какъ на кого, но что до меня, то я въ бухарскія бани больше не ходокъ. Благодарю покорно!

— Нѣтъ, господа, справедливо замѣтилъ кто-то изъ нашихъ: — какъ хотите, но лучшія восточныя бани, какія я знаю, это Воронинскія въ Петербургѣ.

На возвратномъ пути эсаулъ-баши повели насъ уже другою, кратчайшею дорогой. По выѣздѣ изъ крытаго базара, въ сѣдельномъ ряду замѣтилъ я одну небольшую оружейную лавчонку, въ которой между разнымъ хламомъ, въ родѣ кремневыхъ и ударныхъ ружей и пистолетовъ, тульской работы, висѣло нѣсколько афганскихъ и хорасанскихъ весьма порядочныхъ клинковъ, двѣ металлическія литавры (тябли-ризя) и великолѣпный стальной щитъ старой хорасанской работы, украшенный вязевыми надписями въ медальонахъ и прекрасно-гравированнымъ узоромъ съ золотою насѣчкой по широкому бордюру. Эти три вещи съ четырьмя лучшими клинками были немедленно пріобрѣтены мною для моей оружейной коллекціи.

Послѣ обѣда опять явился токсаба якобы узнать, были ли мы въ банѣ, но въ сущности вовсе не за этимъ: все заговаривалъ онъ, что вотъ погода, слава Богу, кажись, поправляется, а потому завтра улицы непремѣнно будутъ еще чище чѣмъ сегодня, что и теперь они уже значительно чище, чѣмъ были утромъ, а завтра и совсѣмъ будутъ чисты, такъ какъ для очистки ихъ уже наряжено много „мардекеровъ" (черно-

рабочихъ). Это онъ стороной приговаривался все къ тому, чтобы мы ѣхали представляться эмиру не въ экипажѣ, а верхомъ. Ужасно какъ имъ хочется этого, и все для того, что если мы поѣдемъ верхомъ, то этимъ въ глазахъ простонародья выкажемъ какъ бы болѣе почтительности къ хазрету; а въ коляскѣ будетъ очень ужь важно и независимо: одинъ хазретъ ѣздитъ здѣсь въ коляскѣ, а всѣ прочіе, не исключая и первѣйшихъ сановниковъ, не иначе какъ верхомъ.

— Ну ихъ!.. Если погода будетъ хороша, пожалуй, поѣдемъ верхомъ, согласился князь по уходѣ токсабы: — но только сдѣлаемъ это совершенно неожиданнымъ для нихъ сюрпризомъ.

31 декабря.

Въ $9^1/_2$ часовъ утра къ намъ явились Рахметъ-Улла и адъютантъ эмира, въ званіи мирахура. Токсаба былъ одѣтъ богато, но просто, въ прекрасный кашмировый халатъ, а на мирахѣ красовался халатъ изъ русской парчи, затканной золотыми травами по малиновому полю. Оба должны были препровождать насъ во дворецъ (аркъ) на „селямъ" къ эмиру.

Ровно въ десять часовъ мы отправились процессіей въ слѣдующемъ порядкѣ:

Во главѣ шествія — нѣсколько конныхъ эсаулъ-башей съ тростями; за ними посольскіе джигиты верхомъ, по два въ рядъ; за джигитами арбы съ подарочными вещами; за арбами токсаба и мирахуръ рядомъ, верхомъ; за ними частный ординарецъ князя Асланбекъ Карамурзаевъ; за Асланбекомъ послы въ коляскѣ. По сторонамъ коляски маіоръ Байтоковъ и докторъ Эрнъ верхомъ, а позади казачій конвой съ обнаженными шашками. За конвоемъ — засѣдланныя лошади пословъ въ заводи у конныхъ джигитовъ и, наконецъ, личная прислуга членовъ посольства и джигиты, приставленные къ посольству отъ бухарскаго правительства.

По городу слѣдовали шагомъ, причемъ ради всенародной томаши везли насъ не прямымъ, а дальнѣйшимъ путемъ, че-

резъ болѣе людныя улицы, площади и базарные ряды. И дѣйствительно, томаша вышла большая: глазѣющаго народу было много; кучки мужчинъ толпились у воротъ и въ дверяхъ попутныхъ домовъ, и на перекресткахъ улицъ, а въ особенности на базарѣ. Грязь съ улицъ немного счистили, да и солнце ее подсушило, тѣмъ не менѣе желаніе нашихъ приставовъ, чтобы мы ѣхали на „селямъ" верхомъ, не могло быть исполнено: князь чувствовалъ себя недостаточно еще здоровымъ для этого.

Прямо съ базара выѣхали мы на „рагистанъ", площадь окружающую дворецъ эмира, гдѣ толпилось множество народу. Предъ воротами былъ выстроенъ почетный караулъ. Глинобитная зубчатая стѣна со всѣхъ четырехъ сторонъ замыкаетъ и скрываетъ отъ непосвященныхъ взоровъ жилище эмира, и лишь двѣ гигантскія глыбы развалинъ бывшаго дворца Тимура грандіозно высятся изъ-за нея, господствуя надъ всею окрестною страной. Это остатки знаменитаго нѣкогда Акъ-Сарая.

Предъ воротами, еще на площади, насъ очень любезно попросили выйти изъ экипажа, на что князь снисходительно согласился. Не то, чтобы ворота эти были уже такъ узки, что подъ ними невозможно бы было проѣхать—тамъ, пожалуй, свободно прошли бы и двѣ коляски рядомъ—и не то, чтобы въѣздъ экипажа во дворъ являлся нарушеніемъ придворнаго этикета,—этого тоже нельзя сказать, ибо въѣзжаютъ же туда верхомъ, по праву, даже простые мирахуры; но приставамъ нашимъ просто хотѣлось усилить впечатлѣніе томаши въ глазахъ базарной публики: дескать вотъ насколько нынѣ великъ и могучъ нашъ хазретъ, что даже русскіе послы, чего прежде никогда не бывало, не смѣютъ больше въѣзжать къ нему подъ ворота...

Въ длинномъ пролетѣ воротъ, съ обѣихъ сторонъ, за деревянными колонками, устроены въ нишахъ ночлежныя помѣщенія для дежурной части, закрытыя завѣсами изъ кошемъ и паласовъ; тамъ складываются на день пожитки карауль-

ныхъ сарбазовъ и висятъ на стѣнахъ ихъ ружья. Подъ воротами насъ попросили снять верхнее платье, что было не совсѣмъ-то удобно, такъ какъ въ этотъ день дулъ очень рѣзкій сѣверный вѣтеръ, но и это опять-таки предлагалось не въ силу какой-либо этикетной необходимости, ибо при слѣдующихъ аудіенціяхъ мы проходили туда уже въ шинеляхъ, а все для той же томаши, ради пущаго воздѣйствія въ извѣстномъ смыслѣ на базарную публику. Большіе штукмейстеры въ этомъ отношеніи „восточные человѣки", такъ что безъ особенной опытности сразу и не догадаешься, на что они тебя поддѣваютъ. Нечего дѣлать, пришлось въ однихъ мундирахъ идти чрезъ два обширные двора, изъ которыхъ каждый по величинѣ не уступитъ весьма порядочной площади. Первый или наружный дворъ (ташкери) отдѣляется отъ второго (ишкери) развалинами Акъ-Сарая. Промежутокъ обѣихъ стѣнъ этихъ развалинъ уже въ позднѣйшее время заполненъ соединительною постройкой изъ жженнаго кирпича, которая представляетъ собою обыкновенныя кирпичныя ворота съ продлинноватымъ пролетомъ и кажется очень мизерною въ сравненіи съ грандіозною громадой великолѣпныхъ развалинъ. Здѣсь стоялъ въ строю второй караулъ сарбазовъ, а подъ воротами были вытянуты въ шеренгу высшіе военные чины съ топчи-баши во главѣ, въ полной парадной формѣ, и чины придворные въ блестящихъ парадныхъ халатахъ. Нѣкоторые изъ нихъ держали айбалты (небольшіе топорики) съ красиво окованными ручками. Тутъ насъ пріостановили на минутку чтобы учредить порядокъ шествія. Отъ шеренги придворныхъ чиновъ отдѣлились четыре человѣка, изъ коихъ перваго токсаба отрекомендовалъ намъ Дурбинъ-инакомъ, въ должности шигаула, другого назвалъ дярбаномъ, а остальныхъ—удайчами [1]).

[1]) Дурбинъ — собственное имя, инакъ — чинъ, равный генералъ-маіору, шигаулъ — придворное званіе, съ коимъ сопряжена обязанность принимать посланниковъ и вообще иностранцевъ, представляющихся эмиру, и

Повели насъ чрезъ второй дворъ въ слѣдующемъ порядкѣ: впереди шли рядомъ оба удайчи, неся позлащенные посохи наискось предъ собою; за ними и тоже рядомъ—шигаулъ и дярбанъ, въ почтительномъ согбеніи, сложивъ на животѣ руки; затѣмъ—члены посольства, а позади ихъ токсаба съ мирахуромъ.

Второй дворъ (ишкери), сплошь вымощенный кирпичемъ, представляетъ собою обширный квадратъ, сомкнуто обрамленный со всѣхъ сторонъ глинобитными одноэтажными флигелями, коихъ окна-двери выходятъ на широкую кирпичную террасу вышиной въ полчеловѣческаго роста. Тронная зала помѣщается во флигелѣ противоположномъ акъ-сарайскимъ воротамъ. Поднявшись къ ней на террасу, сопровождавшія насъ лица тотчасъ же безшумными шагами отстранились вправо и влѣво, и лишь одинъ шигаулъ, въ знакъ величайшаго почтенія, согнувшись еще ниже, съ благоговѣйнымъ видомъ подошелъ на цыпочкахъ къ растворенной двери, чуть-чуть заглянулъ въ нее, сдѣлалъ предъ кѣмъ-то невидимымъ глубокій поклонъ и затѣмъ, отступивъ шага на два, пригласительнымъ жестомъ указалъ намъ на двери.

Одинъ за другимъ мы вошли въ обширную продлинноватую залу въ два свѣта, въ глубинѣ которой сидѣлъ на тронѣ Музаффаръ-Эддинъ Богадуръ-ханъ, эмиръ Бухарскій. Одѣтъ онъ былъ очень просто и совсѣмъ не пестро, въ обыкновенный шаиновый халатъ темныхъ красокъ, подбитый мѣхомъ; на головѣ бѣлая чалма изъ кашмирской шали. Орденскіе знаки, пожалованные ему покойнымъ государемъ, почему-то отсутствовали, хотя казалось бы первый пріемъ русскаго по-

вводить ихъ въ пріемную залу; дярбанъ—тоже придворная должность, состоящая въ охраненіи дверей, ведущихъ изъ „Арзяхане" (дворъ, гдѣ принимаются прошенія) во внутренніе покои эмира. Удайчи, коимъ, въ отличіе ихъ званія, присвояются длинные позолоченные посохи, обязаны предшествовать эмиру на его выходахъ и выѣздахъ, выкликая при этомъ слова молитвы: „да поможетъ Аллахъ хазрету эмиру при жизни изъ закона справедливости не выходить!"

сольства долженъ былъ носить безусловно офиціальный характеръ. Лицо эмира сохранило остатки прежней красоты (въ настоящее время ему 54 года отъ роду). У него небольшая черная борода, тонкія брови, тонкіе подстриженные надъ губой усы и большіе черные глаза, которые онъ, вѣроятно по привычкѣ болѣе, оставляетъ слегка прищуренными, и только изрѣдка, вскидывая на кого-либо взоръ, раскрываетъ ихъ въ полную величину. Въ общемъ выраженіе этого лица весьма привѣтливо и даже настолько благодушно, что, глядя на него, никакъ не подумаешь, что на совѣсти этого человѣка лежитъ столько крови, столько казней, совершенныхъ единственно лишь въ силу случайнаго, минутнаго каприза. Борода у эмира, по персидской модѣ, нѣсколько подкрашена, отливая на свѣтъ не то красноватымъ, не то какъ будто даже лиловато-бурымъ цвѣтомъ; щеки, какъ показалось мнѣ, были нѣсколько набѣлены и подрумянены, а брови и глаза какъ будто слегка подведены. Впрочемъ, можетъ статься, искусство тутъ и ни причемъ: можетъ, все это у него такъ отъ природы... Голова и руки повременамъ замѣтно трясутся, какъ у людей очень старыхъ или черезчуръ уже разслабленныхъ нервами.

Тронъ эмира представлялъ обыкновенный рундукъ съ низенькою спинкой и прямыми ручками, раскрашенный по золотому полю арабесками и травами; на сидѣньи—малиновая бархатная подушка. Стоялъ этотъ тронъ не у стѣны, а посрединѣ комнаты, въ правой половинѣ залы. Стѣны этой залы обиты золотисто-желтою тканью, на видъ какъ будто парчей, но безъ узора, а верхнія окна затянуты желтою тафтой, вслѣдствіе чего во всей залѣ господствуетъ золотистый полусвѣтъ очень мягкаго и пріятнаго тона. Нижняя половина стѣнъ, въ родѣ панели, обрамлена сплошнымъ рядомъ продолговатыхъ зеркалъ въ деревянныхъ рамахъ, расписанныхъ въ персидскомъ вкусѣ яичными красками по золотому полю, вслѣдствіе чего эта комната и носитъ названіе „айна̀-мимá-ханá“, то есть зеркальной пріемной залы. Ея переборчатый высокій потолокъ тоже расписанъ въ средне-азіятскомъ стилѣ и при-

томъ очень изящно, а полъ застланъ роскошными каршинскими и мервскими (туркменскими) коврами. У стѣны, противоположной входу, близь трона, поставлены были небольшой европейскій диванъ, европейское кресло и три табурета, покрытые мѣховыми халатами, мѣхомъ вверхъ.

При входѣ, по церемоніалу, предложенному намъ къ руководству первымъ посломъ, мы сдѣлали послѣдовательно три поклона, производя ихъ чрезъ каждые три шага, какъ принято при европейскихъ дворахъ, на что эмиръ отвѣчалъ однимъ общимъ полупоклономъ, слегка привставъ съ мѣста, и затѣмъ сейчасъ же сѣлъ опять и протянулъ князю руку.

Вообще люди свѣдущіе и бывалые въ Бухарѣ замѣчаютъ, что для усиленія въ глазахъ подданныхъ своего престижа, въ смыслѣ независимаго и сильнаго государя, — престижа сильно поколебленнаго политическими обстоятельствами съ 1868 года, — его высокостепенство въ послѣднее время пытается возвратить себѣ видъ самостоятельности хотя бы только въ манерѣ своего обращенія съ русскими. Такъ напримѣръ, еще недавно онъ считалъ нужнымъ вставать и лично идти къ дверямъ на встрѣчу генералъ-губернаторскимъ посланцамъ, хотя эти послѣдніе по большей части бывали весьма невысокаго, не всегда даже штабъ-офицерскаго чина. Отсюда же и всѣ эти попытки заставлять пословъ выходить изъ экипажа или слѣзать съ лошадей среди полной народомъ площади, проходить по дворамъ зимой въ однихъ мундирахъ и т. п. Но разумѣется, что подобнымъ аллюрамъ не слѣдуетъ давать потачки.

Послѣ пожатія руки, первый посолъ представилъ эмиру поочередно членовъ посольства, которымъ тотъ точно также слегка пожалъ руки и затѣмъ пригласилъ всѣхъ садиться, указавъ на стоящую близь трона мебель. Маіоръ Байтоковъ, какъ толмачъ, остался стоя противъ эмира и князя.

Разговоръ на первый разъ не выходилъ изъ рамокъ самой этикетной офиціальности. Князь объяснилъ его высокостепенству, что по Августѣйшей волѣ Его Императорскаго Ве-

личества, будучи назначенъ состоять въ распоряженіи туркестанскаго генералъ-губернатора, онъ удостоился чести быть посланнымъ во главѣ почетной миссіи къ его высокостепенству, чтобы передать ему отвѣтное письмо генералъ-губернатора и выразить отъ лица сего послѣдняго благодарность за любезное письмо и подарки, присланныя его высокостепенствомъ въ Ташкентъ, а равно и заявить тѣ чувства неизмѣнной дружбы, которыми одушевленъ генералъ Черняевъ къ высокостепенному эмиру, въ недеждѣ, что ихъ дальнѣйшія отношенія всецѣло послужатъ лишь къ наибольшему укрѣпленію этихъ добрыхъ чувствъ и взаимныхъ миролюбивыхъ интересовъ.

Эмиръ, глубоко потупивъ глаза, отвѣчалъ вполнѣ официальнымъ тономъ, что съ его стороны и не можетъ быть иныхъ чувствъ по отношенію къ представителю власти великаго Бѣлаго Царя и что онъ во всемъ, что лишь будетъ зависѣть отъ его доброй воли, всегда постарается поддержать на надлежащей высотѣ эти добрыя чувства и отношенія. Затѣмъ освѣдомился о здоровьѣ Государя Императора и, получивъ отвѣтъ, что, судя по послѣднимъ извѣстіямъ, Его Величество, благодаря Бога, находится въ совершенно добромъ здравіи, выразилъ упованіе, что Богъ на многіе и многіе еще годы сохранитъ его здравымъ и бодрымъ на счастье и радость не только его могущественной державы, но и для мирнаго процвѣтанія подъ его сѣнію преданныхъ ему сосѣдей.

Послѣ этого спросилъ онъ о здоровьѣ генералъ-губернатора, а затѣмъ и о томъ, хорошо ли мы доѣхали и всѣмъ ли остались довольны. Получивъ на все это утвердительные отвѣты, эмиръ сказалъ, что онъ уже распорядился, чтобы намъ были предоставлены всевозможныя въ Шаарѣ удобства и удовольствія, и чтобы всѣ наши желанія были предупреждаемы; если мы захотимъ осмотрѣть городъ, базары, войска — намъ будутъ предоставлены къ тому всѣ средства. Послѣ этого онъ выразилъ надежду, что мы, вѣроятно, не откажемся пожить у него въ гостяхъ подольше, дабы доставить ему прі-

ятную возможность видѣться съ нами еще нѣсколько разъ и переговорить о кое-какихъ дѣлахъ, а пока пожелалъ намъ поболѣе веселиться и съ этими словами поднялся съ мѣста, давая тѣмъ понять, что аудіенція кончена.

Одновременно съ нимъ поднялись и мы всѣ разомъ и отдали ему поклонъ, послѣ чего поочередно подошли къ нему для пожатія руки, а затѣмъ послѣдовали вторичный поклонъ и общее отступленіе или, вѣрнѣе сказать, пяченье затылкомъ къ дверямъ, гдѣ у самаго порога снова поклонъ, третій и послѣдній.

На террасѣ встрѣтили насъ съ радостно привѣтственными улыбками и безмолвными поздравленіями придворныя лица, оставшіяся при началѣ аудіенціи за дверями. Тутъ уже намъ не нужно было болѣе пятиться; но за то этотъ мудреный способъ отступленія (отъ котораго, замѣчу въ скобкахъ, русскіе послы, на основаніи прежнихъ примѣровъ, легко могли бы и освободить себя) сполна приняли на себя наши провожатые. И надо было видѣть съ какимъ неподражаемымъ искусствомъ и ловкостью всѣ эти удайчи, шигаулы и прочіе соскользнули, не оборачиваясь, съ довольно высокихъ ступеней террасы и какъ проворно, мелкими и быстрыми шажками, пятились они предъ нами чрезъ весь дворъ, сохраняя свои почтительно согбенныя позы со сложенными на животѣ руками, и время отъ времени сопровождая это отступленіе глубокими поклонами въ сторону пріемной залы, хотя ни на террасѣ, ни въ дверяхъ эмиръ вовсе не показывался. Но это все равно: по здѣшнему этикету достаточно уже его присутствія въ стѣнахъ дворца, чтобы подданные хазрета не смѣли удаляться съ „ишкери“ иначе, какъ „обративъ лицо и сердце туда, гдѣ находится незримое солнце“, то есть ихъ повелитель.

Подъ акъ-сарайскими воротами, пожимая намъ руки, они еще разъ и теперь уже словесно поздравили насъ съ „благополучнымъ“ окончаніемъ селяма и съ „милостію“ хазрета. При такомъ курьезномъ поздравленіи на моемъ лицѣ невольно

выразилось недоумѣніе, и я вопросительно взглянулъ на маіора Байтокова—правильно ли онъ переводитъ? Какое же тутъ могло бы быть для насъ „неблагополучіе"? Но оказалось, что это не болѣе какъ обычная, хотя въ данномъ положеніи и вовсе неумѣстная форма любезности, употребляемая бухарскими придворными въ подобныхъ случаяхъ. Шутники, ей-Богу!...

Выйдя на передній дворъ, мы, по приглашенію токсабы, повернули налѣво въ особый дворикъ, гдѣ живетъ Остана-Куль, перваначи, онъ же и бекъ шаарскій. Вышелъ онъ къ намъ на встрѣчу въ роскошнѣйшемъ халатѣ изъ очень дорогой индійской парчи, подпоясанный кашмирскою шалью, съ кашмирскою чалмой на головѣ, и пригласилъ насъ въ свою „михманъ-хане" (пріемную гостиную) къ достархану.

За завтракомъ разговоръ коснулся отчасти политики, а именно, перваначи высказалъ пожеланіе, чтобы дружба Россіи къ Бухарѣ оставалась неизмѣнною, такъ какъ маленькая Бухара очень нуждается въ покровительствѣ великой Россіи для спокойной жизни, и что никто, конечно, не осмѣлится занести на нее руку, если будетъ знать, что Россія всегда готова поддержать преданнаго ей маленькаго сосѣда. „И враги, и друзья у насъ могутъ быть только общіе", прибавилъ онъ въ заключеніе.

По окончаніи завтрака на дворъ привели верховыхъ лошадей въ бирюзовыхъ уздечкахъ и подъ богатыми бархатными попонами, и принесли нѣсколько связокъ съ халатами въ даръ отъ эмира членамъ посольства. Князю подвели двухъ лошадей, поднесли почетную саблю въ золоченыхъ ножнахъ и нѣсколько связокъ; остальнымъ — по одной лошади и по одной связкѣ. Послѣ этого перваначи предложилъ и отъ себя подарки, заключавшіеся также въ богато убранныхъ лошадяхъ и въ связкахъ съ халатами.

Въ числѣ подарочныхъ вещей эмира каждый изъ насъ нашелъ и по одному мѣховому халату, въ которыхъ мы узнали тѣ самые мѣха, на какихъ сидѣли во время аудіенціи.

Дѣло оказалось вотъ въ чемъ: на глаза хазрета никто не можетъ предстать иначе, какъ въ подобающемъ костюмѣ, то есть въ халатѣ, дабы непотребнымъ видомъ не оскорбить его священные взоры. Поэтому въ прежнія времена на представлявшихся ему пословъ приближенные его всегда накидывали жалованные почетные халаты, въ которыхъ послы и отбывали свою аудіенцію, и притомъ такой халатъ обыкновенно служилъ выраженіемъ или синонимомъ милости хазрета, безъ чего, конечно, никто не могъ сподобиться и его лицезрѣнія. Уже самое допущеніе иностранца къ такому лицезрѣнію считалось актомъ величайшей къ нему милости, а видимымъ изъявленіемъ оной служилъ халатъ. Этотъ стародавній обычай именно на томъ и основанъ, что не подобаетъ де повелителю правовѣрныхъ лицезрѣть кяфыра, одѣтаго въ неприличный костюмъ, а всякое одѣяніе, за исключеніемъ халата, почитается здѣсь неприличнымъ. Обрядъ накидыванія на плечи почетнаго халата, въ началѣ русско-бухарскихъ сношеній, послѣ покоренія Ташкента, пытались было здѣсь продѣлывать и съ нашими послами, пока высокостепенному эмиру не было выяснено, что на мундиръ и эполеты, пожалованные Императоромъ Всероссійскимъ не можетъ быть никѣмъ надѣто никакое постороннее украшеніе. Вслѣдствіе такого заявленія volens-nolens пришлось отказаться отъ продѣлыванія халатной церемоніи. Но какъ въ то же время отказаться эмиру отъ древняго обычая, установленнаго этикетомъ, не роняя передъ подданными своего достоинства? Вотъ и придумали нѣчто среднее, а именно, стали постилать почетные халаты на кресла и табуреты, на которыхъ должны сидѣть послы во время первой аудіенціи. При этомъ предполагается, что toutes les apparences sont sauvées, или какъ говорится, и овцы цѣлы, и волки сыты: жалованный халатъ не надѣвается на эполеты, но посолъ все же сидитъ на жалованномъ халатѣ, что и знаменуетъ, якобы халатъ надѣтъ на немъ. Вы скажете, что это совсѣмъ не одно и то же; но хитроумные персы, изъ коихъ состоитъ большинство придворнаго штата,

подведутъ вамъ такой рогатый силлогизмъ, что по ихнему выйдетъ будто послѣднее совершенно тождественно съ первымъ. Тутъ дѣйствуетъ у нихъ аргументъ вотъ какого рода: положимъ, говорятъ они, если бы на послѣ былъ надѣтъ халатъ, то сидѣлъ ли бы посолъ на нѣкоторой части этого халата, и именно на изнаночной, подбитой мѣхомъ? А если сидѣлъ бы, то въ данномъ случаѣ посолъ садится какъ разъ на то самое мѣсто мѣховой подкладки, которое пришлось бы подъ сидѣньемъ, если бы халатъ былъ надѣтъ на немъ. А если это такъ, то не все ли равно, будетъ ли халатъ дѣйствительно накинутъ ему на плечи, или же только положенъ надлежащимъ образомъ на кресло? Тутъ все дѣло въ томъ, лишь бы былъ налицо фактъ сидѣнья на жалованномъ халатѣ, чѣмъ, съ одной стороны, щадится самолюбіе посла, а съ другой — удовлетворяется самолюбіе эмира. А эмирскіе публичные глашатаи все равно возвѣстятъ потомъ народу на базарахъ, что хазретъ, волей Аллаха, тогда-то принялъ милостиво русскихъ пословъ и отпустилъ ихъ съ почетными халатами и другими дарами. Народъ и будетъ знать, что почетные халаты пожалованы, а это все, что̀ нужно.

По окончаніи визита къ Остана-кулю, нѣкто изъ нашего посольства, между прочимъ, сдѣлалъ очень мѣткую характеристику этого человѣка: — „Знаете ли, сказалъ онъ, — я замѣчаю, что всѣ царедворцы, гдѣ бы то ни было, въ сущности рѣшительно одинаковы. Посмотрите вы на этого перваначи: — важный, добродушно-простой, привѣтливый, но въ сущности равнодушный ко всему на свѣтѣ, кромѣ самого себя и своего государя, которому, очевидно, очень преданъ. У него даже такія же точно манеры, какъ и у нашихъ царедворцевъ: простыя, лѣнивыя, но изящныя и всегда исполненныя чувства собственнаго достоинства“.

Возвращались мы отъ перваначи уже не чрезъ ташкери, а чрезъ одинъ изъ боковыхъ дворовъ замка, такъ называемый „пушкарный“, гдѣ стоятъ шесть или восемь полевыхъ орудій старой конструкціи съ винградами и цампфами, на

неуклюжихъ деревянныхъ лафетахъ. Тѣла орудій покрыты ситцевыми чахлами, и вся батарея охраняется двумя часовыми изъ сарбазовъ.

Проводъ по улицамъ богато убранныхъ лошадей отъ дворца до посольскаго дома доставилъ новую „томашу“ для базарной и уличной публики, которая, въ ожиданіи ихъ появленія, стояла повсюду толпами. Но что замѣчательно, — толпы эти повсюду отличались своею, такъ сказать, солидностію, своимъ въ высшей степени степеннымъ поведеніемъ: не только давки, но и ни малѣйшей суеты, ни гама, ни крика, ни ругани между собою (не то, что европейская толпа!). Исключеніе составляли только мальчишки, бѣжавшіе рядомъ съ лошадьми; но мальчишки въ этомъ отношеніи повсюду и всегда совершенно одинаковы.

Вечеромъ у насъ дома тоже была томаша. Рахметъ-Улла распорядился устройствомъ во внутреннемъ нашемъ дворѣ театральной сцены, для чего терраса была устлана кошмами, а рядомъ съ нею раскинута цвѣтная палатка, отъ которой до домовой стѣны протянули завѣсу и весь дворикъ иллюминовали разноцвѣтными бумажными и стекольчатыми фонарями. Музыка состояла изъ трехъ бубновъ (дайра́), на которыхъ очень искусно дѣйствовали ладонями и пальцами три пѣвца, акомпанируя такимъ образомъ своему пѣнію. Народу на эту томашу, кромѣ своихъ, набралось пропасть и съ окрестныхъ дворовъ, такъ что сидѣть всей этой публикѣ приходилось на плечахъ другъ у друга. Но опять-таки замѣчательно, что даже и въ такой тѣснотѣ среди зрителей не происходило ни споровъ, ни суеты. Рѣшительно, солидность составляетъ самую характеристическую сторону азіятской толпы. Представленіе состояло изъ двухъ отдѣленій. Въ первомъ— разныя штуки клоуновъ, въ перемежку съ пѣніемъ и плясками „батчей“—мальчиковъ отъ десяти до четырнадцатилѣтняго возраста, изъ коихъ нѣкоторые были одѣты въ женскіе костюмы; а во второмъ — театръ маріонетокъ, въ родѣ нашихъ „петрушекъ“. Всѣ эти клоуны, по мѣстному „маска-

рабазы“ или „машкарабазы“, равно какъ и батчи, и пѣвцы-бубенщики (дайранчи и дангарачи), и маріонетчики принадлежатъ къ составу придворной увеселительной труппы, во главѣ которой, въ качествѣ главнаго обучателя и директора, состоитъ какой-то русскій заѣзжій акробатъ и канатный плясунъ, приглашенный на эту должность его высокостепенствомъ и обучающій теперь избранныхъ эміромъ мальчишекъ всѣмъ акробатическимъ фокусамъ, до хожденія по канату включительно. И говорятъ, что эмиръ не одинъ пользуется удовольствіемъ подобныхъ зрѣлищъ, но что нерѣдко, и въ особенности въ праздничные дни, онъ отправляетъ часть своей труппы на базарный чаръ-су [1]), подъ сводами коего батчи и маскарабазы даютъ въ послѣобѣденное время безплатныя представленія народу.

Собравшаяся у насъ публика много смѣялась остротамъ закулиснаго режисера, который, дергая за ниточки своихъ куколъ, подавалъ за нихъ и надлежащіе реплики съ соотвѣтственною перемѣною голоса, а подручнымъ ему въ этихъ разговорахъ, равно какъ и въ самомъ представленіи, служилъ одинъ изъ маскарабазовъ. Но, не зная языка, не могу сказать, въ чемъ именно заключалась главная соль этихъ діалоговъ, только, видимо, дѣло тутъ было далеко не безъ наивно-цинической скабрезности. Немало смѣху возбуждали также шутовскія и не менѣе наивно-циничныя ломанья, гримасы и разныя продѣлки двухъ клоуновъ. Но смотрѣть на все это мы могли только „понемножку“, урывками и какъ бы мимоходомъ, ибо, по здѣшнимъ понятіямъ, такимъ „важнымъ людямъ“ не подобаетъ показывать много вниманія къ „такимъ пустякамъ“, которыми могутъ увлекаться только базарные

[1]) Каменный павильонъ, въ видѣ ротонды, съ полусферическимъ куполомъ, имѣющій четыре выхода (отсюда и названіе чаръ-су, то есть четыре воды или четыре теченія) и всегда находящійся въ центрѣ базара. Безъ такого павильона не обходится ни одинъ базаръ хорошаго средне-азіятскаго города.

простолюдины да уличные „малайки". А потому болѣе подробное ознакомленіе съ развлеченіями и зрѣлищами этого рода, равно какъ и ихъ описаніе, пришлось отложить до другого, болѣе удобнаго случая.

1 января 1883 года.

Въ ночь я почувствовалъ себя дурно: проявились жаръ и простудная потягота во всемъ тѣлѣ, и хотя докторъ тотчасъ же далъ мнѣ пріемъ хины въ десять гранъ, тѣмъ не менѣе жаръ и обнаружившееся воспаленіе зѣва продолжались цѣлые сутки. Въ концѣ концовъ благодѣтельно подѣйствовало питье изъ гранатнаго сока: не прошло и двадцати минутъ послѣ первой выпитой чашки, какъ жаръ словно рукой сняло, а чрезъ часъ я почувствовалъ уже и аппетитъ, и позывъ на куренье табаку. По опытному замѣчанію бухарскихъ врачей-эмпириковъ, гранатный сокъ дѣйствуетъ наилучшимъ образомъ противъ всякаго внутренняго жара и вообще горячешнаго состоянія. Я имѣлъ случай испытать его дѣйствіе на собственномъ опытѣ, а потому и позволяю себѣ рекомендовать нашимъ врачамъ это благодѣтельное средство. Сокъ на половину разбавляютъ прокипяченою остывшею водой, подмѣшиваютъ немного сахару и даютъ больному въ размѣрѣ чайной чашки или обыкновеннаго стакана.

Въ два часа пополудни наше посольство со вчерашнею помпой отправилось съ визитомъ къ сыну эмира (имени не помню), временно находящемуся при особѣ своего родителя, но я, по болѣзни, не могъ принять участія въ этомъ посѣщеніи.

Вечеромъ, лежа въ постели лицомъ къ стѣнѣ, я замѣтилъ, что по ней какъ разъ противъ изголовья что-то ползетъ. Я взялъ съ табурета свѣчу и увидѣлъ препротивнаго большаго скорпіона грязно-желтаго цвѣта съ зеленоватымъ отливомъ подобно цвѣту гнойно-нарывчатаго пузыря. Случившійся тутъ же сожитель мой, докторъ Эрнъ, тотчасъ прижалъ его къ мѣсту, случайно попавшею подъ руку бритвенною точил-

ой, кв̌ъ которую тщетно пыталось гадкое животное нѣсколько разъ ударять своимъ хвостомъ, а я въ то же время произвелъ надъ нимъ при помощи перочиннаго ножа весьма существенную операцію отъятія ядоноснаго снаряда, находящагося въ послѣднемъ суставѣ хвоста, и затѣмъ „гуляйте гдѣ благоугодно!“

Нечего сказать, очень пріятно жить въ горницѣ, которая хотя и обита московскимъ ситцемъ, но все же мрачностію своей напоминаетъ скорѣе могильный склепъ или древнюю катакомбу, и гдѣ чрезъ каждые полчаса удушливый чадный жаръ, отъ плохо устроенной и быстро выгорающей переносной печки, смѣняется зимнимъ холодомъ, проникающимъ въ дверныя щели и узенькія маленькія окна, защищенныя вмѣсто стеколъ все тѣмъ же ситцемъ, и гдѣ, въ довершеніе всѣхъ этихъ удобствъ, гуляютъ по стѣнамъ скорпіоны.

2 января.

Утромъ князь Витгенштейнъ открылъ переговоры съ токсабою о томъ, какимъ бы образомъ склонить эмира къ устройству въ бухарскихъ предѣлахъ телеграфной линіи между Катты-Курганомъ [1]) и Бухарой, на бухарскія средства. Переговоры эти происходили „при закрытыхъ дверяхъ“ и безъ участія нашего присяжнаго переводчика маіора Байтокова, обязанность коего почему-то исполнялъ частный ординарецъ князя. Токсаба, какъ узнали мы потомъ, отвѣчалъ уклончиво, и, видимо не желая продолжать переговоры по этому дѣлу, заявилъ прямо, что если эмиру будетъ предъявлено насчетъ сего предмета формальное повелѣніе Русскаго Императора, то, конечно, ему не останется ничего, какъ только подчиниться безпрекословно Высочайшей волѣ.

Въ два часа дня посольство въ полномъ составѣ, по желанію эмира, сдѣлало визитъ Рахметъ-куль дахтѣ, беку Бальд-

[1]) Крайній пунктъ, до котораго доходитъ наша внутренняя телеграфная линія.

жуанскому, съ повтореніемъ вчерашней помпы относительно конвоя и порядка слѣдованія.

Рахметъ-куль, если взглянуть снаружи, то есть съ улицы, живетъ вовсе неказисто, такъ что домъ его ничѣмъ не отличается отъ массы обыкновенныхъ сартовскихъ построекъ; за то внутри его сейчасъ же сказываются довольство и порядокъ: дворъ тщательно усыпанъ пескомъ, и на немъ, по пути нашего слѣдованія отъ воротъ къ пріемной комнатѣ, настлана дорожка изъ аккуратно обрѣзаннаго камыша. Часть стѣнъ передняго двора убрана раскидными полами пестроузорчатыхъ палатокъ, словно обоями, а небольшая пріемная комната устлана роскошными коврами; ея стѣны и мавританскія ниши аккуратно и тщательно облицованы алебастровымъ цементомъ и потолокъ изящно расписанъ въ иранскомъ вкусѣ. Самъ Рахметъ-куль, мужчина лѣтъ за пятьдесятъ, отличается внушительно сановитою рослою фигурой, симпатично умнымъ выраженіемъ спокойнаго лица и такими же лѣниво плавными манерами, какъ у Остана-куля перваначи.

Видно по всему, и даже по тому какъ былъ сервированъ достарханъ въ пріемной комнатѣ, что Рахметъ-куль человѣкъ со вкусомъ, съ чувствомъ изящнаго въ душѣ и понимаетъ достоинство хорошаго стола. Вообще насколько было можно замѣтить, онъ, кажись, немножко то, что̀ называется gourmand. Такъ, напримѣръ, лакомства достархана были у него болѣе тонки и изысканы чѣмъ, подававшіяся намъ гдѣ-либо доселѣ, а за завтракомъ подали превосходно приготовленныя и на вкусъ очень нѣжныя мелкія пельмени, не болѣе какъ въ ноготь величиной каждая; затѣмъ для желающихъ лѣнивыя щи и чисто отцѣженный куриный бульонъ въ корниловскихъ фарфоровыхъ чашкахъ, потомъ паровой пловъ по-персидки и жаркое изъ горныхъ куропатокъ, о которыхъ бекъ заявилъ, что онѣ были привезены сюда изъ Бальджуана живыми, цѣлымъ птичникомъ, и частію поднесены имъ, въ видѣ лакомаго гостинца, эмиру, а частію оставлены для собственнаго

употребленія. Рахметъ-куль отвѣдывалъ отъ каждаго блюда понемножку, небольшой кусочекъ или маленькую щепотку, слѣдуя въ такой скромной умѣренности чисто восточнымъ требованіямъ хорошаго тона; но по тому, какъ смаковались имъ эти кусочки, видно было, что онъ доставляетъ себѣ ихъ тонкимъ вкусомъ истинное гастрономическое наслажденіе. Затѣмъ, наконецъ, и чай у него намъ подали какъ должно, въ мѣру крѣпкій, то есть крѣпкій по-русски, а не перестоянный и мутный, что̀ тоже величайшая здѣсь рѣдкость. Очевидно, что вода для чая была у него предварительно пропущена чрезъ фильтръ. Застольный разговоръ тоже впервые не вертѣлся здѣсь исключительно на разспросахъ о взаимномъ здоровьѣ да на увѣреніяхъ во взаимной дружбѣ Бухары и Россіи, хотя, конечно, нѣкоторая прилично умѣренная дань была отдана и этой, такъ сказать, казенно-этикетной темѣ. Но за то Рахметъ-куль разсказывалъ очень интересныя вещи о характерѣ высокихъ горъ, въ которыхъ залегаетъ его бекство, объ ихъ растительности, о способахъ зимняго по нимъ хожденія съ помощью особаго рода настежныхъ на обувь острошипныхъ подковъ, о горныхъ охотахъ на барсовъ, маraловъ и яковъ, вообще о породахъ мѣстныхъ горныхъ четвероногихъ и птицъ, между коими въ особенности замѣчательны куропатки, какихъ мы имѣли случай только что отвѣдать, и дикія горныя индѣйки, по отзыву бека, тоже превкусныя и прекрасивыя птицы. Наконецъ дошло дѣло до обмѣна подарковъ, и когда подвели намъ маленькихъ, но красивыхъ и крѣпкихъ лошадокъ, подъ богатыми попонами, то Рахметъ-куль заявилъ, что это тоже спеціально горныя лошади бальджуанской породы, нарочно имъ самимъ выбранныя и приведенныя изъ Бальджуана, по распоряженію высокостепеннаго эмира, въ даръ давно ожидавшемуся русскому посольству. И дѣйствительно, по ближайшемъ разсмотрѣніи и испытаніи, оказалось, что это все лошади превосходныхъ качествъ и что при движеніи по горнымъ кручамъ онѣ устойчивы, цѣпки и легки какъ козы.

Мы разстались съ Рахметъ-кулемъ, унося наилучшее впечатлѣніе о его симпатичной личности.

3 января.

Сегодня предстоялъ визитъ къ Мегметъ-Мурадъ-бію, беку Дарвазскому, но князь, чувствуя себя не совсѣмъ здоровымъ, отложилъ его до завтра.

Послѣ завтрака мы съ докторомъ и маіоромъ Байтоковымъ, въ предшествіи эсаулъ-баши и въ сопровожденіи двухъ казаковъ, отправились верхомъ, ради прогулки, на мѣстный базаръ. Торговая часть находится въ центрѣ города, начинаясь съ площади, на которой стоитъ главная городская мечеть, до площади окружающей дворецъ эмира. Ряды, прилегающіе къ послѣдней, всѣ крыты сплошь матами (чіи) и цѣновками (барданъ), наброшенными на жерди и балки, перекинутыя съ кровли на кровлю поперегъ улицы, Это своего рода пасажи въ восточномъ вкусѣ. Тѣ же ряды что̀ ближе къ городской площади, по бо̀льшей части открыты, то есть представляютъ не пассажъ, а просто обыкновенную улицу, наполненную непрерывнымъ рядомъ лавокъ и лавчонокъ. Здѣсь между чайными и съѣстными лавками, окружающими городскую площадь, въ изобиліи выставлены на продажу овощи, фрукты свѣжіе и сушеные, вяленая рыба, воловье и баранье мясо въ тушахъ и разная птица, преимущественно куры, пшеница, рисъ, джугара, кунжутное сѣмя и масло, пресованныя выжимки льнянаго сѣмени, употребляемыя въ кормъ верблюдамъ, хлѣбныя лепешки, всевозможныя восточныя сласти, баранье сало, сальныя свѣчи и мѣстныя гончарныя издѣлія съ лазоревою, зеленою и коричневою поливой: тутъ вы найдете разнообразные кувшины, миски, чашки, тарелки и большія корчаги. Тутъ же продается и мѣстный табакъ въ крошеномъ и тертомъ видѣ — первый для чилимовъ, второй для держанія во рту, что̀ здѣсь въ большомъ употребленіи. Затѣмъ, уже собственно въ рядахъ, выставлены кожи и сафьяны, ковры и паласы, яркія стеганныя на ватѣ одѣяла изъ ситцу

и адрясу и подушки, бухарскій хлопокъ въ тюкахъ, бухарскій шелкъ въ моткахъ, крашеный и сырецъ, бухарскія матеріи: шелковыя шаинъ, атласъ и канаусъ и полушелковыя адрясъ и бикасабъ, бумажная матà и московскіе ситцы, кумачи, коленкоры, кисея и бумазея, ковровые и головные платки, шарфы и шали съ пестрыми разводами, спеціально потрафленные на азіятскій вкусъ, русскія сукна, бархатъ, парчи, атласъ и тафта, русскій сахаръ въ маленькихъ головкахъ и въ леденцѣ, вяземскіе пряники и коврижки, ландринскія карамели и пастила въ жестянкахъ и лубкахъ, русскія стеариновыя свѣчи и мыло, оконныя стекла, зеркала, русское полосовое желѣзо, свинецъ и мѣдныя издѣлія, между которыми не послѣднюю роль играютъ разной величины самовары; большіе и малые русскіе сундуки и шкатулки съ металлическою оковкой, русскія пеньковыя веревки и бичевки, русскій фарфоръ и фаянсъ, преимущественно въ видѣ чайниковъ и полоскательныхъ чашекъ, и русское стекло въ видѣ графиновъ, стакановъ, банокъ и т. п.

Сравнительно съ ташкентскимъ шаарскій базаръ очень не великъ. Въ числѣ его лучшихъ туземныхъ произведеній надо отмѣтить, во-первыхъ, всѣ предметы верховаго конскаго снаряженія: узбекскія сѣдла, инкрустированныя костью и узорчато расписанныя лаковыми красками по золотому фону, а въ особенности крытые замшей и расшитые по ней разноцвѣтными шелками войлочные подсѣдельники, попонки и чепрачки; во-вторыхъ, сапожное дѣло: всѣ эти ичики (мягкіе сапоги), калоши и обыкновеннѣе сапоги съ длинными голенищами шьются здѣсь превосходно и очень красиво на бухарскій и на русскій образецъ; въ-третьихъ, мѣдно-чеканное дѣло: кумганы, умывальники, блюда и подносы, чилимы, чайники и тому подобныя издѣлія здѣшнихъ мастеровъ отличаются изяществомъ стиля и тонкостью чеканки.

Что̀ же касается англійскихъ издѣлій, то это преимущественно стальныя, въ видѣ ножей, топоровъ, серповъ, лопатъ, косъ и столярныхъ инструментовъ, отчасти суконный и бу-

мажно-мануфактурный товаръ, отчасти кисея. Сюда же можно отнести, пожалуй, парчу индѣйскаго производства и кашмирскія шали, съ которыми, впрочемъ, очень успѣшно конкуррируютъ шали русскаго издѣлія превосходной доброты и совершенно кашмирскаго рисунка, сравнительно очень дешевыя и изящныя, какихъ я, къ удивленію моему, никогда и нигдѣ не встрѣчалъ въ Россіи, а тутъ узналъ лишь по русскимъ фабричнымъ клеймамъ. Но въ массѣ рыночныхъ товаровъ англійскія издѣлія пока еще, можно сказать, тонутъ въ подавляющемъ количествѣ русскихъ произведеній. Русскіе товары идутъ сюда давно уже протореннымъ караваннымъ путемъ отъ Оренбурга на Казалу и отъ Казалы двумя вѣтвями, изъ коихъ главнѣйшая на Ташкентъ и Самаркандъ, а другая на Хиву, которая также снабжаетъ Бухару своимъ избыткомъ русскихъ произведеній, причемъ хивинскіе купцы относительно бухарскихъ играютъ роль посредниковъ, вслѣдствіе чего и товаръ, идущій изъ Хивы, нѣсколько дороже того, что̀ приходитъ по Казала-Самаркандскому пути непосредственно изъ Россіи. Первый находитъ себѣ сбытъ въ сѣверныхъ и отчасти западныхъ предѣлахъ бухарскаго ханства, а второй въ южныхъ и юго-восточныхъ, которые по густотѣ населенія, количеству городовъ и производительности почвы представляютъ несравненно болѣе широкое поприще для нашего сбыта чѣмъ степныя окраины сѣверныхъ и западныхъ предѣловъ. Англійскія же издѣлія проникаютъ сюда тремя болѣе или менѣе затруднительными путями, а именно: 1) изъ Индіи чрезъ Афганистанъ (самый трудный путь; 2) изъ Персіи чрезъ Гератъ и 3) изъ Закавказья чрезъ Персію же, благодаря нашему безпошлинному транзиту [1]). Но туземцы пока еще оказываютъ почему-то предпочтеніе русскому товару и вообще въ нихъ замѣчается какъ-то болѣе вѣры во все русское, да и на ихній вкусъ оно болѣе потрафляетъ. И это служитъ причиной, что русскіе товары, чрезъ посредство бухарскихъ и персидскихъ купцовъ,

[1]) Писано до отмѣны безпошлиннаго транзита. *Прим. ред.*

проникаютъ далеко южнѣе предполагаемыхъ нами границъ, на рынки Афганистана и въ сѣверо-западные предѣлы Индіи.

4 января.

Какъ отклонилъ токсаба третьяго дня разговоръ насчетъ телеграфа, такъ съ тѣхъ поръ больше и не появляется. Сегодня утромъ по-вчерашнему прибыли въ посольство двое мурзъ юзъ-баши [1]) съ извиненіемъ, что Рахметъ-кула токсаба опять де не можетъ быть у насъ по причинѣ очень важныхъ дѣлъ, требующихъ отъ него усиленныхъ занятій, а что вмѣсто него они двое останутся пока при насъ приставами. Если токсаба не отвиливаетъ такимъ способомъ отъ возобновленія дальнѣйшихъ разговоровъ относительно телеграфа, то можно предполагать, что надъ нимъ стряслась какая либо бѣда, въ родѣ ханской опалы. Но въ чемъ тутъ дѣло, отъ насъ, очевидно, скрываютъ.

Сегодня былъ сдѣланъ посольствомъ визитъ Мегмедъ-Мурадъ-бію, беку Дарвазскому. Говорить о характерѣ этого визита, значитъ буквально повторять то, что уже сказано по отношенію къ нашимъ прежнимъ визитамъ. Мегмедъ-Мурадъ человѣкъ еще молодой, на видъ лѣтъ тридцати двухъ-трехъ, не болѣе. Лицо умное и пріятное, манеры человѣка порядочнаго тона, по-азіятски разумѣется, то есть заключающія въ себѣ умѣнье соединять съ естественною простотой естественное чувство самоуваженія и нѣкоторую степенную сановитость. Его домашняя обстановка проще чѣмъ у бека Бальджунскаго, но это и немудрено; Мегмедъ-Муратъ здѣсь наѣзжій, временный гость, и потому нанялъ себѣ домъ какой попался, чтобы не выбирать долго; а такъ какъ онъ къ тому же и недавно еще назначенъ на бекство, то и не успѣлъ пока пріобрѣсти собственнаго дома въ Шаарѣ. Горные беки

*) Мурза или мирза — письменный человѣкъ, писарь, въ данномъ случаѣ секретарь, а юзъ-баши — сотникъ, чинъ, соотвѣтствующій капитану; значитъ прибывшіе къ намъ были секретари капитанскаго чина.

наѣзжаютъ сюда только разъ въ годъ, обыкновенно осенью, мѣсяца на два, пригоняя свои пріѣзды такъ, чтобы они совпадали со временемъ пребыванія въ Шахрисебсѣ эмира. Здѣсь они представляютъ его высокостепенству собранныя годовыя подати и годовые отчеты по управленію своими бекствами, равно какъ и записки о нуждахъ, потребностяхъ и общемъ состояніи ввѣреннаго имъ населенія.

При этомъ визитѣ нашемъ вмѣсто токсабы присутствовали оба мурзы юзъ-баши, наши приставы. Кушанья за завтракомъ были столь же изысканно хороши, какъ и у бека Бальджуанскаго, видно даже, что приготовляла ихъ одна и та же умѣлая рука и вѣроятно бекъ Дарвазскій позаимствовался на этотъ случай поваромъ у своего товарища, гастронома.

Одна не безъинтересная особенность: я замѣтилъ, что каждый разъ, какъ только посольство выѣзжаетъ куда либо съ оффиціальнымъ визитомъ, тотчасъ же нѣсколько мѣстныхъ, приставленныхъ къ намъ джигитовъ, забираютъ въ охапку всѣ находящіеся у насъ вѣнскіе стулья и табуреты и взапуски, перегоняя другъ друга, пѣше и конно спѣшатъ въ тотъ домъ, куда предстоитъ намъ ѣхать, чтобы предупредить тамъ наше прибытіе. И вотъ, когда мы входимъ, стулья и табуреты уже стоятъ въ надлежащемъ порядкѣ у достархана. При возвращеніи посольства домой повторяется та же исторія, такъ что, когда мы переступаемъ свой порогъ, стулья и табуреты опять, уже стоятъ на мѣстахъ, совершенно въ томъ же порядкѣ, какъ и до нашего выѣзда, словно бы ихъ и не трогали. И такимъ образомъ эта мебель путешествуетъ съ нами отъ самой русской границы, начиная съ перваго привала.

5 января.

Утромъ явились оба мурзы, и на вопросъ о токсабѣ отвѣчали, что все еще занятъ важными дѣлами, такъ какъ ему поручена де экстренная ревизія чего-то. Но, кажется, все это вздоръ, а дѣло въ томъ, если только вѣрны свѣдѣнія, доставленныя намъ негласнымъ путемъ, что токсаба, по поводу ка-

кихъ, то писемъ, подвергся гнѣву эмира, и ему повелѣно отнюдь не показываться болѣе ни при дворѣ, ни въ посольствѣ. Но можно подозрѣвать, что и это неправда, а вѣрнѣе всего, кажись, будетъ предположеніе, что ему просто не велѣно показываться къ намъ, пока совѣтники эмира не придумаютъ сообща чего нибудь подходящаго (въ увертливомъ, разумѣется, смыслѣ) въ отвѣтъ на предложеніе касательно телеграфа.

Сегодня, между прочимъ, наши мурзы юзъ-баши привели покупщиковъ на подарочныя вещи, въ которыхъ будто бы сильно нуждаются здѣшніе сановники и даже самъ эмиръ, по неимѣнію въ запасѣ на Шаарскомъ базарѣ подходящихъ вещей для подарковъ, а въ особенности халатовъ. Юзъ-баши еще вчера обратились къ частному ординарцу князя съ деликатнымъ подходцемъ, что для чего, молъ, это посольство медлитъ продажей полученныхъ подарковъ. И когда тотъ заявилъ имъ, что ни князь, ни вообще кто либо изъ посольства, сколько ему извѣстно, продавать дареныхъ вещей вовсе не предполагаютъ, то юзъ-баши высказали по поводу сего большое сожалѣніе, такъ какъ это-де ставитъ многихъ сановниковъ въ крайне затруднительное положеніе по невозможности достать въ Шаарѣ приличные подарки.

— Вы сами видѣли, добавили они въ подтвержденіе своихъ словъ:—для того, чтобъ имѣть возможность сегодня у бека Дарвазскаго подвести князю порядочную лошадь, мы должны были обратиться къ вамъ же и отъ васъ позаимствоваться уздечкой и попоной. Вообще, пояснили они:—у насъ принято, что лицо, получившее подарки отъ эмира, обыкновенно оставляетъ себѣ на память какую нибудь одну вещь, какая наиболѣе понравится, а всѣ остальныя сбываетъ немедленно.

Когда князю доложили объ этомъ, то, разумѣется, не желая ставить нашихъ гостепріимныхъ хозяевъ въ затруднительное положеніе, онъ поручилъ своему ординарцу и маіору Байтокову передать мурзамъ, что, не зная о существованіи у нихъ такого обычая, мы, напротивъ, полагали, что, пустивъ вещи въ продажу, показали бы тѣмъ какъ бы нѣкоторое пре-

небреженіе къ ихъ значенію въ смыслѣ подарковъ отъ такого высокостепеннаго лица, но что если это нужно, то пусть юзъбаши присылаютъ добросовѣстныхъ цѣновщиковъ и покупщиковъ. И вотъ сегодня тѣ и другіе явились вмѣстѣ съ мурзами. Асланъ-бекъ при Байтоковѣ сталъ имъ показывать для предварительной оцѣнки подарки, полученные княземъ. Но покупщики сразу стали предлагать за превосходнѣйшія вещи такія несообразно низкія цѣны, что надувательство сказалось тутъ слишкомъ ясно, а потому и продажа не могла состояться, тѣмъ болѣе, что покупщики эти, по свѣдѣніямъ нашего караванъ-баши, оказались просто базарными маклаками-перекупщиками. Подозрѣвая, что они хотятъ воспользоваться временнымъ затрудненіемъ казны для того, чтобы, купивъ за ничто, перепродать ей эти вещи въ три-дорога, и къ тому же сомнѣваясь, точно ли существуетъ такой «этикетъ», чтобы на мѣстѣ и сейчасъ же продавать эмирскіе подарки, и не есть ли это просто выдумка или уловка со стороны нашихъ приставовъ, возможныхъ участниковъ въ дѣлѣ гешефта, чтобы побудить насъ спустить поскорѣе наши вещи за что ни попало,—Асланъ-бекъ поблагодарилъ обоихъ мурзъ юзъ-башей за ихъ любезныя хлопоты, а перекупщикамъ отказалъ въ какой бы то ни было сдѣлкѣ, объяснивъ, что посольство не можетъ допустить, чтобы вещи, подаренныя эмиромъ, пошли гулять по рукамъ базарныхъ покупателей.

Нынѣшній день посвятилъ я осмотру историческихъ достопримѣчательностей города и началъ съ могилы Хазрята-Шейхъ, надъ которою еще уцѣлѣлъ тамбуръ упавшаго купола, опоясанный вязью куфическихъ надписей изъ поливчатыхъ изразцовъ. При гробѣ находится мечеть и медрессе въ память святого. Но во внутрь мавзолея меня почему-то не пустили, придумавъ наскоро отговорку, что настоятель ушелъ куда изъ дому и ключъ унесъ съ собою, а потому о внутреннемъ расположеніи и украшеніяхъ мавзолея и могилы святого сказать ничего не могу. Судя же по внѣшности полу-

развалившагося и запущеннаго зданія, думаю, что и внутренность его находится не въ лучшемъ состояніи.

Отъ Хазряти - Шейха проѣхалъ я съ караулъ - баши къ Акъ-Сараю, развалинамъ знаменитаго дворца Тимурленга. Вышиной эти развалины будутъ саженъ до двѣнадцати, и какъ снаружи, такъ и со внутренней стороны покрыты мозаичными узорами и куфическими надписями изъ разноцвѣтныхъ поливчатыхъ изразцовъ. Одна изъ этихъ надписей гласитъ, что «царь есть тѣнь Божія на землѣ», другія представляютъ изреченія въ подобномъ же родѣ.

Акъ-Сарай (бѣлый дворецъ) былъ начатъ постройкой въ 781 (1379) году геджры, по поводу слѣдующаго обстоятельства:

Предпринявъ четвертую войну противъ Харезма (нынѣшней Хивы), Тимуръ получилъ отъ харезмійскаго владѣтеля Юсуфъ-Суфи письмо, въ которомъ тотъ писалъ ему, что долго ли міръ будетъ терпѣть муку и бѣдствія изъ-за самолюбія двухъ человѣковъ и что ради блага страны и человѣчества, не лучше ли было бы этимъ двумъ просто выйти другъ противъ друга на поединокъ, и тѣмъ порѣшить споръ, чѣмъ подвергать обѣ арміи кровопролитной битвѣ. Тимуръ пришелъ въ восторгъ отъ такого предложенія и, не взирая на просьбы приближенныхъ не рисковать своею драгоцѣнною жизнью, первымъ явился на мѣсто поединка и громкимъ голосомъ вызывалъ на бой противника. Но Юсуфъ-Суфи струсилъ и не выѣхалъ къ нему, предпочтя въ послѣднюю минуту рѣшить дѣло общимъ сраженіемъ, въ которомъ, однако, былъ разбитъ и вскорѣ умеръ, въ 781 (1379) году въ крѣпости Харезмѣ, во время ея осады Тимуромъ. По взятіи Харезма, побѣдителю достались громадныя сокровища, которыя вмѣстѣ съ искусными ремесленниками и учеными онъ привезъ въ свой родной городъ Кешъ (нынѣ Шааръ), гдѣ и велѣлъ построить Акъ-Сарай въ память объ этой побѣдѣ. Вамбери говоритъ [1]), что въ началѣ своей завоевательной карь-

[1]) Исторія Бухары, т. I, 229.

еры Тимуръ былъ особенно расположенъ къ Кешу и сдѣлалъ его духовнымъ центромъ средне-азіятскаго міра, почему этотъ городъ и получилъ титулъ „куббетъ уль ильмъ в'эль эдебъ“, т. е. „куполъ науки и морали“. Профессора знаменитыхъ высшихъ школъ Харезма, Бухары и Ферганы должны были поселиться въ его стѣнахъ, и Тимуръ имѣлъ намѣреніе сдѣлать его своею резиденціей, что, по мнѣнію Вамбери, достаточно доказывается построеніемъ Акъ-Сарая. Этотъ дворецъ, строившійся болѣе двѣнадцати лѣтъ, былъ произведеніемъ исключительно персидскихъ архитекторовъ, которые остались вѣрны національному стилю до того, что на верху главнаго фронтона помѣстили гербъ „льва и солнца“, украсивъ такимъ образомъ жилище туранскаго завоевателя эмблемой князей иранскихъ [1]). Самую видную и великолѣпную часть этого дворца, какъ и всѣхъ прочихъ зданій того времени, составлялъ порталъ, или **пишъ-такъ** [2]), высоко подымавшійся надо всѣмъ остальнымъ зданіемъ и завершавшійся полукуполомъ, остатки коего видны и въ настоящее время. Пишъ-такъ

[1]) Въ настоящее время этого изображенія какъ и самаго фронтона уже не существуетъ, но подобное можно видѣть въ Самаркандѣ, на главномъ фронтонѣ медрессе Ширъ-Даръ, изображенномъ на одной изъ картинъ В. В. Верещагина. Что же касается герба Тимура, то онъ состоялъ изъ трехъ колецъ, расположенныхъ слѣдующимъ образомъ:

Девизъ его былъ „Русти-Расти“, то есть сила только въ справедливости. Вамбери объясняетъ, что по символическому значенію эти знаки указывали на господство Тимура въ трехъ поясахъ, именно: на югѣ, на сѣверѣ и на западѣ, но тутъ же прибавляетъ, что „кажется они позаимствованы изъ древне-иранской геральдики, потому что и на памятникахъ Сассанидовъ красуются кольца какъ символъ власти и единства“. Мнѣ тоже кажется, что послѣднее заключеніе вѣрнѣе, а къ тому же прибавлю, что и на степныхъ мавзолеяхъ разныхъ узбекскихъ родоправителей мнѣ случалось иногда встрѣчать подобныя кольца, очевидно въ какомъ-то символическомъ значеніи, которое, полагаю, ближе всего подходитъ если не къ древнѣйшей идеѣ **вѣчности**, то конечно къ идеѣ единства и власти.

[2]) Пишъ-такъ по-персидски значитъ передъ кровли.

былъ снабженъ фантастическими нишами и раздѣлялся внутри на нѣсколько этажей, имѣвшихъ отдѣльные высокіе покои, мозаично облицованные пестрыми изразцами, что отчасти сохранилось и понынѣ, а снаружи весь былъ покрытъ мозаичными цвѣтами и арабесками бирюзоваго, синяго, золотаго, желтаго и другихъ колеровъ. Такіе изразцы выдѣлывались въ Кашанѣ, почему и до сихъ поръ еще носятъ названіе „каши̂". По описанію Вамбери, не знаю, впрочемъ, откуда заимствованному, во дворцѣ находился цѣлый рядъ мозаичныхъ покоевъ, и женское отдѣленіе преизобиловало пышностью и великолѣпіемъ; а предъ обширною праздничною залою тянулся большой тѣнистый садъ и между цвѣточными его грядами струились, журча, „милые ручейки", т. е., попросту сказать, арыки. Садъ существуетъ и теперь, только не предъ, а позади большой праздничной залы (а й н а́ - м и - ма́ х а н а), которая, впрочемъ, построена уже въ позднѣйшее время, и между его карагачами хотя и существуютъ очень старые, но возрастъ ихъ во всякомъ случаѣ едва ли достигаетъ пяти столѣтій.

6 января.

Въ часъ дня визитъ къ Кулябскому беку [1]). Это молодой человѣкъ лѣтъ около двадцати пяти, высокаго роста и очень красивый собой: большіе тихіе глаза, матовый цвѣтъ лица и прекрасная, шелковисто-черная борода; одѣтъ очень просто: въ обыкновенный адрясовый халатъ, на головѣ бѣлая кисейная чалма; но отсутствіе роскоши восполняется безукоризненною свѣжестью и чистотой всего его костюма. Говоритъ онъ только по-таджикски, и потому разговоръ во время визита шелъ при посредствѣ одного изъ нашихъ приставовъ,

[1]) Кулябъ или по тахрисебскому произношенію Куябъ — одно изъ горныхъ восточныхъ бекствъ, въ сосѣдствѣ съ Каратегинскимъ хребтомъ, между рѣками Кчи-Сурхъ-Абъ и Пенджъ. На лѣвомъ берегу первой изъ нихъ стоитъ городъ Кулябъ.

который съ таджикскаго переводилъ маіору Байтокову на узбекскій языкъ, а Байтоковъ уже передавалъ князю по-русски. Но на вопросы князя, обращаемые къ беку, приставъ по большей части отвѣчалъ самостоятельно, а бекъ скромно отмалчивался да улыбался пріятно. Такъ, между прочимъ, на замѣчаніе въ видѣ комплимента, что пріятно, молъ, видѣть, какъ цѣнитъ высокостепенный эмиръ личныя достоинства и способности людей, если не затрудняется возводить на важный и отвѣтственный постъ бека человѣка столь молодыхъ лѣтъ, мурза юзъ-баши поспѣшилъ отъ себя разъяснить, что нашъ амфитріонъ попалъ въ беки вовсе не по личнымъ заслугамъ и способностямъ, а исключительно въ силу правъ своего происхожденія, такъ какъ званіе и должность бека въ Кулябѣ всегда остаются наслѣдственными въ его родѣ. Онъ же, на вопросъ о таджикскомъ языкѣ, сообщилъ, что это въ сущности тотъ же персидскій языкъ, только вульгарный, грубый и сохранившій въ себѣ болѣе древнія формы, давно уже вышедшія изъ употребленія въ нынѣшнемъ литературно-обработанномъ, изысканномъ языкѣ, какимъ объясняются при дворѣ эмира и въ ученыхъ кругахъ, но все же языкъ этотъ, или, вѣрнѣе сказать, куябское нарѣчіе, настолько близокъ къ персидскому, что, когда эмиру приходится объясниться съ бекомъ, то онъ обращается къ сему послѣднему по-персидски, а бекъ отвѣчаетъ на куябскомъ нарѣчіи, и оба превосходно понимаютъ другъ друга.

Чтобы не повторяться, не стану описывать нашего пріема, угощенія и обмѣна подарковъ; скажу только одно: бѣдные беки!.. Они принимаютъ насъ въ силу особаго приказанія эмира, не имѣя въ томъ, сами по себѣ, ни малѣйшей надобности, и для этихъ пріемовъ принуждены расходоваться на угощенія и подарки, что въ совокупности составляетъ сумму не маленькую. Воображаю, какими пріятными эпитетами награждаютъ они въ душѣ все наше посольство!.. И добро бы хоть наши отвѣтные подарки вознаграждали ихъ нѣсколько за расходы, такъ и этого нѣтъ: ни одинъ бекъ,

по положенію, не имѣетъ права оставить у себя полученные имъ отъ кого бы то ни было дары, а обязанъ полностію представить ихъ въ распоряженіе эмира, который иногда возвращаетъ ихъ беку, а иногда оставляетъ себѣ, и послѣднее считается даже знакомъ особенной милости. Вообще, посѣщеніе его высокостепенствомъ какого либо бекства и беку, и обывателямъ въ особенности далеко не дешево. Н. А. Маевъ [1]) разсказываетъ, что сумма, расходуемая бекомъ на пріемъ хазрета, достигаетъ 100,000 теньго̀въ, что равняется 20,000 серебряныхъ рублей. Въ день пріѣзда эмира въ городъ бекъ подноситъ ему подарокъ, состоящій изъ одной кровной лошади въ драгоцѣнномъ уборѣ и одного тюка (девятки) халатовъ; при отъѣздѣ—четырнадцать лошадей, четырнадцать тюковъ (по девяти штукъ въ каждомъ) халатовъ и кожаный кошель (тартукъ) съ теньгами отъ сорока до пятидесяти тысячъ, т. е. отъ восьми до десяти тысячъ серебряныхъ рублей. Кромѣ того, пока эмиръ гоститъ въ бекствѣ, ему ежедневно подается достарханъ изо ста пятидесяти блюдъ и лакомствъ, которыя онъ раздаетъ своимъ приближеннымъ, состоящимъ тоже на кормахъ у бека, а тѣ ежедневно перепродаютъ всѣ эти подачки мѣстнымъ торговцамъ, обязаннымъ volens nolens покупать ихъ у дворскихъ челядинцевъ по базарнымъ, справочнымъ цѣнамъ. Да надо замѣтить, что, кромѣ придворнаго штата, эмира всегда сопровождаетъ въ его путешествіяхъ и разъѣздахъ по краю еще почетный конвой, состоящій изъ сотни «кулъ-батчей» [2]) и нѣсколькихъ батальоновъ сарбазовъ, которые точно также кормятся на счетъ бека. А такъ какъ дневной маршрутъ «высокаго гостя» въ рѣдкихъ случаяхъ превышаетъ полтора или два таша (12—16 верстъ),

[1]) Матеріалы для статистики Туркестанскаго края, выпускъ V, стр. 94.

[2]) Кулъ-батчи, въ буквальномъ переводѣ значитъ: дѣти-рабы. Этотъ отрядъ рекрутируется изъ плѣнныхъ мальчиковъ-пранцевъ и изъ сыновей рабовъ, въ большинствѣ своемъ тоже иранскаго происхожденія.

то пребываніе его въ предѣлахъ того или другаго бекства, даже самое краткосрочное, все-таки выходитъ довольно продолжительнымъ. Посчитать всѣ эти расходы—въ общемъ итогѣ набѣжитъ весьма и весьма почтенная сумма, за которую, конечно, приходится расплачиваться не столько беку, ибо бекъ все-таки наверстаетъ свое потомъ не мытьемъ, такъ катаньемъ, сколько торговому и земледѣльческому классамъ мѣстнаго населенія. Вотъ почему просто совѣстно становится принимать отъ бековъ всѣ эти подарки; а не принять невозможно въ силу кореннаго, извѣчнаго обычая, ибо это значило бы нанести не только ихъ самолюбію, но и самому эмиру величайшее оскорбленіе.

Токсаба все еще не показывается.

Отъ спертаго воздуха, недостаточности свѣта и, наконецъ, отъ копоти и ѣдкаго дыма, выбиваемаго вѣтромъ изъ желѣзной печки въ нашей комнатѣ, докторъ и я начинаемъ страдать глазами: вѣки воспалены и слегка припухли, глаза слезятся и гноятся, ощущается въ нихъ рѣзь и зудъ, словомъ, всѣ признаки начинающагося воспаленія. На дворѣ уже скоро сутки какъ идетъ дождь, смѣшанный со снѣгомъ. Слякоть невообразимая.

Вечеромъ, гдѣ-то по сосѣдству, была томаша. Очень долго играли на сурнахъ и бубнахъ, а потомъ маскарабазы стали подражать собачьему лаю и реву ишаковъ (такой родъ комическихъ представленій здѣсь въ большой модѣ), и производили это столь долго и съ такимъ совершенствомъ, что переполошили, наконецъ, въ околоткѣ всѣхъ собакъ и ословъ, которые ревностно присоединились къ концерту клоуновъ и долго потомъ не могли успокоиться.

7 января.

Въ восемь часовъ утра термометръ Реомюра показывалъ —9°, а къ полудню морозъ полегчалъ, и ртуть поднялась до —7½°. Снѣгу навалило за ночь цѣлыя массы, такъ что на узкихъ улицахъ образовались непроходимые сугробы.

Наши юзъ-баши, обыкновенно являвшіеся къ девяти часамъ утра узнать отъ имени эмира о здоровьѣ и желаніяхъ посольства, сегодня не явились. Такой знакъ невниманія нѣсколько озадачилъ было князя, но вскорѣ оказалось, что нынче, по случаю пятницы [1]), происходилъ торжественный выѣздъ эмира въ городскую мечеть къ большому богослуженію (намазъ джума), гдѣ должны были будто бы обязательно присутствовать и наши приставы, которые поэтому явились къ намъ позднѣе и то лишь послѣ того, какъ за ними послали по дѣлу. Еще до ихъ прибытія, вернулся изъ Самарканда нашъ гонецъ и привезъ отвѣтную депешу главнаго начальника Туркестанскаго края относительно телеграфнаго дѣла, гдѣ говорится, что для окончательныхъ переговоровъ по сему дѣлу будетъ впослѣдствіи присланъ особо чиновникъ по дипломатической части, о чемъ-де своевременно было заявлено токсабѣ еще въ Ташкентѣ. „Обязанность посла, говорится далѣе въ депешѣ, только предупредить объ этомъ эмира и заручиться согласіемъ". Такимъ образомъ, эта депеша не только разъясняетъ, но отчасти и измѣняетъ сущность открытыхъ было переговоровъ.

8 января.

Еще вчера, пославъ за юзъ-башами, князь объявилъ имъ, что получилъ отъ генералъ-губернатора депешу, по которой ему надлежитъ въ скорѣйшемъ времени объясниться съ самимъ эмиромъ. Юзъ-баши доложили объ этомъ кому слѣдовало и сегодня утромъ явились сказать князю, что эмиръ готовъ принять посольство сегодня же, послѣ вечерняго намаза, для чего и поручено имъ, юзъ-башамъ, пригласить насъ пожаловать во дворецъ въ $4^1/_2$ часа пополудни.

Мы нарядились вмѣстѣ съ конвоемъ въ полную парадную форму (казаки, впрочемъ, были въ шинеляхъ) и къ четыремъ часамъ были уже въ полной готовности ѣхать. Въ это время

[1]) Еженедѣльный праздничный день въ мусульманствѣ.

явились юзъ-баши, сопровождая новое лицо, одѣтое въ форменный парадный халатъ изъ мелкотравчатой индійской парчи. Оказалось, что это тотъ самый Дурбинъ-инакъ, съ которымъ мы уже познакомились при первомъ представленіи эмиру. Онъ бывшій главный казначей эмира, остающійся и понынѣ не безъ вліянія на финансовыя дѣла ханства, а въ настоящее время въ качествѣ „шигаула" (оберъ-церемоніймейстера) пользуется положеніемъ одного изъ самыхъ приближенныхъ лицъ къ эмиру. Это уже пожилой человѣкъ лѣтъ за пятьдесятъ, но очень еще бодрый, средняго роста, нѣсколько худощавый, съ явно-выкрашенною въ темнокаштановый цвѣтъ окладистою бородой. Типъ лица иранскій; большіе умные, живые глаза; выраженіе физіономіи кроткое, но не безъ того, что̀ называется „себѣ на умѣ"; улыбка тихая, сладковатая; манеры, очень живыя отъ природы, онъ не безъ успѣха старается сдѣлать плавными и сдержанными. Вообще, мы замѣчаемъ, что многимъ „европейцамъ" стоило бы позаимствоваться манерами и умѣньемъ держать себя у этихъ soi-disant, „дикарей-азіятовъ".

Юзъ-баши объяснили, что его высокостепенство нарочно прислалъ самаго близкаго къ своей особѣ человѣка, чтобы съ почетомъ сопровождать насъ на сегодняшнюю аудіенцію. Мы, въ лицѣ князя, конечно, отвѣчали, что вполнѣ цѣнимъ столь высокое къ намъ вниманіе.

Ровно въ половинѣ пятаго часа посольство тронулось со двора своимъ обычно-церемоніальнымъ порядкомъ. День былъ ясный, солнечный, но морозъ доходилъ до —18° R. Хорошо еще, что не было вѣтра. На нынѣшній разъ мы замѣтили во встрѣчномъ церемоніалѣ нѣкоторые оттѣнки, какихъ въ прошлый не было. Такъ, у воротъ цитадели, противъ почетнаго караула, стояли два знаменосца, имѣя по бокамъ себя ассистентами двухъ пянджа-башей [1]) и двухъ офицеровъ съ обнаженными саблями, а на вышкѣ боковыхъ воротъ, ведущихъ

[1]) Пятидесятникъ—чинъ, соотвѣтствующій унтеръ-офицеру.

въ пушкарный дворъ, куда мы теперь свернули по указанію ѣхавшихъ впереди насъ бухарскихъ церемоніймейстеровъ, сидѣли придворные музыканты и играли намъ на сурнахъ, флейтахъ, торбанахъ и литаврахъ нѣчто очень чувствительное,— такъ по крайней мѣрѣ надо полагать по протяжнымъ заунывнымъ звукамъ.

Перваначи Остана-куль встрѣтилъ посольство за порогомъ своего внутренняго двора, у второго почетнаго караула, и проводилъ насъ къ себѣ въ пріемную комнату, гдѣ, по обыкновенію, сервированъ былъ достарханъ и стояли вокругъ вѣнскіе стулья и табуреты, въ карьеръ перевезенные изъ нашей квартиры. За угощеніемъ присутствовали: Остана-куль въ качествѣ хозяина дома, Дурбинъ-инакъ, дярбанъ и удайчи, съ которыми мы познакомились въ прошлый разъ, и оба наши пристава. Здѣсь, ради этикета, пришлось намъ снять наши теплыя шинели и остаться въ однихъ мундирахъ, и хотя подъ мундирами у насъ были надѣты двойныя фуфайки, однако восемнадцатиградусный морозъ сильно давалъ себя чувствовать, тѣмъ болѣе, что въ этихъ промерзлыхъ насквозь парадныхъ комнатахъ съ ничѣмъ не защищенными окнами лютый холодъ ощущался гораздо сильнѣе, чѣмъ на совершенно открытомъ воздухѣ. Благодѣтельный чай помогъ было нѣсколько согрѣться, но увы! ненадолго, и минутъ чрезъ десять послѣ выпитаго стакана сталъ пробирать насъ такой „цыганскій потъ", что буквально зубъ на зубъ не попадалъ отъ сильной дрожи. Замѣтивъ, что всѣ мы очень озябли, хозяинъ дома, вмѣстѣ съ Дурбинъ-инакомъ (имъ-то хорошо — они были въ мѣховыхъ халатахъ), предложили намъ надѣть шинели. Благодѣтельные люди!.. Безъ этого любезнаго предложенія мы рисковали бы схватить жесточайшую простуду.

Вскорѣ Дурбинъ-инакъ поднялся съ мѣста и сказалъ, что идетъ къ эмиру предупредить его высокостепенство о нашемъ прибытіи. Отсутствіе его продолжалось болѣе получасу и, наконецъ, уже въ сумерки, возвратился онъ съ торжественнымъ

заявленіемъ, что хазретъ окончилъ свой вечерній намазъ и ожидаетъ къ себѣ русское посольство.

Пришлось опять разстаться съ теплыми шинелями и идти чрезъ нѣсколько малыхъ дворовъ по заледенѣлымъ, но не посыпаннымъ пескомъ и потому страшно скользкимъ тропкамъ. Рискуя на каждомъ шагу сломать себѣ если не шею, то руку или ногу, мы, кое-какъ балансируя, благополучно минули наконецъ эти предательскія тропки и чрезъ низенькую комнатку вышли на обширный парадный дворъ „ишкери". Здѣсь наше шествіе продолжалось уже въ такомъ порядкѣ: впереди, попарно — удайчи съ жезлами, за ними — наши мурзы юзъ-баши, за мурзами—дярбанъ, за дярбаномъ—перваначи Остана-куль рядомъ съ Дурбинъ-инакомъ, затѣмъ князь и члены посольства и, наконецъ, позади—нѣсколько придворныхъ чиновъ болѣе мелкихъ разрядовъ и нѣсколько дворцовыхъ служителей. Вообще, мнѣ показалось, что на этотъ разъ насъ принимаютъ гораздо параднѣе, чѣмъ при первомъ представленіи—быть можетъ оттого, что князь вчера далъ почувствовать юзъ-башамъ нѣкоторое недовольство по поводу недостаточной внимательности двора къ посольству.

Нѣкоторые покои дворца были освѣщены, въ особенности зала „айна-мима-хана", гдѣ эмиръ принималъ насъ въ прошлый разъ, и гдѣ теперь мы замѣтили множество зажженныхъ свѣчъ, отражавшихся въ зеркалахъ настѣнныхъ панелей.

Поднявшись на террасу, предшествовавшіе намъ чины, какъ и въ тотъ разъ, сугубо согнувшись напередъ въ знакъ глубокаго почтенія, разступились на обѣ стороны предъ одною изъ растворенныхъ дверей,—и мы, по пригласительному жесту Дурбинъ-инака, вошли въ небольшую продолговатую комнату объ одномъ стекольчатомъ окнѣ, въ глубинѣ которой, въ правомъ углу, возсѣдалъ на тронѣ его высокостепенство. Какъ видно, тронъ этотъ, все равно, что и наши вѣнскіе стулья, свободно перетаскивается, когда и куда понадобится. Послѣдовали церемоніальныя рукопожатія въ порядкѣ постепенности нашихъ чиновъ и освѣдомленіе о здоровьѣ князя и

о моемъ, причемъ эмиръ сказалъ, что, услышавъ о моей болѣзни, онъ очень сожалѣлъ, а потому тѣмъ болѣе радъ, видя меня теперь на ногахъ, и спросилъ, хорошо ли я себя чувствую. Получивъ отъ меня удовлетворительный отвѣтъ съ выраженіемъ благодарности за его любезное вниманіе, онъ еще разъ выразилъ свое удовольствіе тому, что я здоровъ, и затѣмъ мы разсѣлись, по чинамъ, на креслахъ и скамьяхъ, поставленныхъ вдоль лѣвой отъ входа стѣны и покрытыхъ малиновымъ бархатомъ.

— Вы желали меня видѣть по поводу полученной вами вчера телеграммы генералъ-губернатора, я готовъ васъ выслушать, заявилъ эмиръ послѣ краткаго молчанія. Выраженія его лица почти невозможно было разглядѣть, такъ какъ комната слабо освѣщалась только двумя стеариновыми свѣчами, поставлеными на низенькихъ табуреткахъ (сандалъ) въ родѣ турецкихъ „софра", въ двухъ противоположныхъ углахъ — одна въ правомъ отъ входа, другая въ лѣвомъ въ глубинѣ комнаты. Да при томъ по комнатѣ этой клубами ходилъ паръ отъ дыханія шести человѣкъ, а въ раскрытую настежь дверь валилъ со двора морозный воздухъ, такъ что вокругъ насъ просто туманъ стоялъ.

Въ отвѣтъ на приглашеніе высказаться, князь изложилъ эмиру сущность своего порученія и распространился, въ мѣру необходимости, о взаимныхъ пользахъ и выгодахъ отъ телеграфа, какъ для торговыхъ, такъ и для дружественно-политическихъ сношеній Бухары съ Россіей.

Эмиръ выслушалъ все это не проронивъ ни одного слова, и пока князь говорилъ, а Байтоковъ переводилъ фразу за фразой, онъ сидѣлъ неподвижно склонивъ нѣсколько на бокъ потупленную голову и сложивъ на животѣ руки. Когда же князь кончилъ, то Музаффаръ-Эддинъ, какъ бы собравшись съ мыслями, весьма обстоятельно изложилъ намъ свой взглядъ на это дѣло приблизительно въ слѣдующихъ выраженіяхъ, причемъ маіоръ Байтоковъ точно также переводилъ намъ отдѣльно каждую его законченную фразу.

— Еще при покойномъ генералъ-губернаторѣ неоднократно подымался вопросъ объ этомъ же самомъ предметѣ, началъ намъ Музаффаръ-Эддинъ свою отповѣдь,—не только моимъ посланцамъ говорилось объ этомъ въ Ташкентѣ, но и ко мнѣ присылались нарочно съ этою цѣлью послы отъ русскаго правительства. Къ сожалѣнію, и нынѣ я могу повторить только то, что̀ уже высказывалъ раньше. Неужели вы полагаете, что я не понимаю всей пользы телеграфа, въ особенности для торговыхъ сношеній? Разница очевидная: сноситься ли другъ съ другомъ въ теченіе одного-двухъ часовъ, или въ продолженіе шести-семи сутокъ, какъ идетъ это нынѣ. И я лично, и мои приближенные—всѣ мы очень хорошо сознаемъ выгоды и удобства быстрыхъ сношеній, и не только даже въ политическомъ отношеніи, потому что покорить себѣ мое ханство, или оказать мнѣ помощь противъ враговъ вы всегда сможете и безъ телеграфа, какъ было и прежде. И такъ, не столько въ политическомъ, говорю я, сколько въ коммерческомъ отношеніи былъ бы телеграфъ намъ съ вами полезнымъ. Купцы мои тоже отлично понимаютъ эту выгоду. Но, къ сожалѣнію, мои подданные состоятъ не исключительно изъ однихъ купцовъ; напротивъ, купеческій классъ людей у насъ весьма не великъ, большинство у насъ вовсе не торговое, а земледѣльческое, и вы очень ошибаетесь, если будете думать, что мнѣ, какъ безусловному повелителю моего ханства, достаточно лишь приказать, чтобы все тотчасъ же и было исполнено по моему слову. Положимъ, оно будетъ исполнено, я не спорю, но даже и въ моемъ положеніи я все-таки необходимо долженъ сообразоваться со взглядами и убѣжденіями большинства. А на это большинство имѣютъ громадное вліяніе, во-первыхъ, сеиды и ходжи[1]), а потомъ всевозможные муллы;

[1]) Сеиды и ходжи составляютъ первыя два сословія въ государствѣ, какъ бы его аристократію. Сеидами называются потомки Хазряти-Османа и Хазряти-Али-Шири-Хода, происшедшіе отъ дочерей пророка Магомета. Ходжи же именуются всѣ потомки Абубекръ-Садыка и Омаръ-Ульфарука,

улемы и прочіе подобные люди, смотрящіе на каждое нововведеніе исключительно съ религіозной точки зрѣнія, и потому каждое нововведеніе, заимствованное у Европы, для нихъ уже глубоко противно: оно возмущаетъ ихъ религіозное чувство. Народъ вѣдь, вы знаете, въ массѣ своей всегда темный народъ, и надо очень много времени, пока онъ наконецъ сознаетъ пользу того или другаго нововведенія, пока воочію не убѣдится въ ней на опытѣ. По своей темнотѣ, народъ конечно будетъ болѣе вѣрить тому, что̀ ему станутъ говорить его ходжи и муллы, чѣмъ тому, что̀ скажу я моимъ повелѣніемъ вопреки убѣжденію этихъ ходжей. Поэтому вы поймите что въ моемъ положеніи, и именно ради сохраненія его высоты и достоинства въ глазахъ народа, я долженъ быть очень осторожен̂ъ.

Эмиръ замолкъ было на минуту и задумался, но затѣмъ, быстро поднявъ голову, заговорилъ вдругъ съ замѣтнымъ оживленіемъ:

— Не мысль сопротивленія вамъ руководитъ меня въ моемъ отказѣ, нѣтъ, не думайте такъ!.. Какое тутъ сопротивленіе!.. Да и можемъ ли мы сопротивляться, если вы и теперь владѣете изъ Самарканда водой наилучшей части моего ханства, моей столицы. Вамъ стòитъ запереть воду — и Бухара пропала. Если хотите, берите ее хоть сію минуту и тогда вводите все, что̀ вамъ угодно. Тогда во всемъ ваша полная воля. Забирайте Бухару, если вамъ это нужно, я даже и сопротивляться не стану, куда мнѣ!.. Я уже старъ и немощенъ, мнѣ недолго остается жить... Какъ нибудь дотяну до смерти...

Эмиръ опять пріостановился на минуту, послѣ того какъ

а равно и вышеназванныхъ Османа и Али, но не отъ дочерей Магомета, а отъ другихъ женъ. Принадлежащіе къ этимъ двумъ сословіямъ должны имѣть письменные родословные документы (шаджаря), которые доказывали бы подлинность ихъ происхожденія отъ какого-либо изъ четырехъ названныхъ лицъ.

Байтоковъ перевелъ намъ эти послѣднія слова, и затѣмъ заговорилъ нѣсколько медленнѣе, отчетливымъ тономъ, какъ бы взвѣшивая и оттѣняя значеніе каждаго своего слова:

— Но если вы, говорилъ онъ,—по своимъ политическимъ разсчетамъ находите нужнымъ удержать меня на моемъ мѣстѣ, то принимайте въ соображеніе и мои мнѣнія, тѣмъ болѣе, что они вовсе не слѣдствіе моей прихоти, а вытекаютъ изъ крайней необходимости, преступить которую я не могу, не пожертвовавъ достоинствомъ своего положенія въ глазахъ народа. Это такъ, прошу васъ вѣрить. Вы говорите, что для окончательнаго соглашенія по этому дѣлу будетъ присланъ особо дипломатическій чиновникъ. Это будетъ совершенно напрасно, потому что и ему я повторю то же самое, что̀ высказалъ вамъ. Мнѣ было бы очень пріятно доставить удовольствіе генералъ-губернатору, тѣмъ болѣе, что это, я понимаю, было бы угодно и моему высокому покровителю, Бѣлому Царю, но... къ несчастію, я не могу дать на это дѣло согласія не возмутивъ своего народа, и потому, сколь не непріятно, буду вынужденъ и впредь повторять все то же, что̀ говорю теперь и что неоднократно уже повторялъ и прежде.

Выраженія лица эмира во время этой рѣчи мы не могли разсмотрѣть, но за то, на сколько можно было судить по выраженію голоса, оно казалось дышащимъ полною искренностію и глубокимъ убѣжденіемъ. Музаффаръ-Эддинъ говорилъ не безъ внутренняго волненія и видно было, что ему очень тяжело высказать намъ свой отказъ; тѣмъ не менѣе сдѣлалъ онъ это съ твердостію и достоинствомъ, хотя и въ самой мягкой, деликатной формѣ.

Князь сказалъ ему на это, что его порученіе заключалось только въ томъ, чтобы предупредить высокостепеннаго эмира насчетъ желанія генералъ-губернатора, не входя въ подробности дѣла по существу; что онъ свое порученіе считаетъ теперь законченнымъ и о результатѣ его въ подробности сообщитъ генералъ-губернатору; что же касается предполагаемаго его высокостепенствомъ намѣренія Россіи „забрать Бу-

хару“, то онъ, князь, можетъ вполнѣ чистосердечно завѣрить его, что такого намѣренія ни у кого въ Россіи нѣтъ и что намъ забирать Бухару нѣтъ никакого разсчета и ни малѣйшей выгоды; напротивъ, въ видахъ нашей политики какъ можно больше и выше поддержать власть и значеніе эмира въ глазахъ мусульманства, доказательство чему онъ можетъ видѣть хотя бы въ милостивомъ принятіи Его Величествомъ ордена Восходящей Звѣзды Бухары и въ отвѣтномъ пожалованіи его высокостепенству ордена Св. Анны 1-й степени.

Эмиръ отвѣчалъ, что онъ очень чувствуетъ и высоко цѣнитъ милости и вниманіе къ нему великаго Бѣлаго Царя, которому онъ всегда преданнѣйшій другъ и союзникъ.

Но высказавъ это, Музаффаръ-Эддинъ какъ-то грустно поникъ головой и о чемъ-то глубоко раздумался. Мнѣ показалось, что въ душѣ едва ли онъ вѣритъ искренности всѣхъ разсыпанныхъ предъ нимъ увѣреній и что, не смотря ни на что, сила рока, тяготѣющая надъ Средней Азіей съ сѣвера, ясна предъ его внутренними очами...

Бѣдный старикъ! Мнѣ почему-то вдругъ стало жаль его, этого захудалаго потомка великаго Чингисхана, покорителя и владыки полувселенной [1]). И невольно подумалось при этомъ, что лѣтъ шестьсотъ назадъ, и даже менѣе, вѣроятно и наши московскіе великіе князья такъ же точно раздумчиво грустно понуривъ голову сидѣли предъ какими нибудь высокомѣрными посланцами предковъ этого самаго эмира, предъявлявшими и къ нимъ какія либо требованія и домогательства, не вполнѣ согласуемыя съ достоинствомъ этихъ князей въ глазахъ народа русскаго. Sic tempora mutantur!.. Съ теченіемъ вѣковъ политическія роли перемѣнились. И все-таки мнѣ жалко этого бѣднаго старика, такъ безпомощно поникшаго головой...

Выйдя, наконецъ, изъ своей глубокой задумчивости, Му-

[1]) Династія Мангытъ, сидящая нынѣ на престолѣ Бухары, составляетъ боковую вѣтвь потомковъ Чингисхана (отъ его сына Чагатая), по женской линіи, изъ фамиліи Джюджи.

заффаръ-Эддинъ вдругъ поднялъ голову и, какъ бы очнувшись, тономъ любезнаго хозяина предложилъ намъ перейти въ теплую комнату погрѣться и развлечься.

Лучше и желательнѣе этого предложенія въ данную минуту ничего и быть не могло. Представьте себѣ только то, что наша бесѣда, изложенная мною вкратцѣ, длилась по крайней мѣрѣ съ часъ, и что въ маленькой пріемной эмира было гораздо холоднѣе, чѣмъ у перваначи. Тамъ хоть сколько нибудь согрѣвали комнату поставленныя около насъ жаровни съ пылающими угольями (мангалы) и хотя отъ этого мы рисковали угорѣть (а нѣкоторые и угорѣли-таки), но за то сколько нибудь чувствовали тепло; здѣсь же не было никакихъ теплотворныхъ приспособленій, а между тѣмъ студеный вѣтерокъ, порой врывавшійся къ намъ въ раскрытую дверь, приносилъ такой жестокій холодъ, что пребываніе въ этой комнатѣ обратилось для насъ въ чистѣйшую пытку. Поэтому можете представить себѣ, какъ всѣ мы въ глубинѣ души обрадовались предложенію эмира, и конечно тотчасъ же поспѣшили имъ воспользоваться.

Откланявшись, едва переступили мы порогъ, какъ насъ встрѣтилъ Дурбинъ-инакъ и проводилъ въ большую зеркальную залу. Все время, пока длился нашъ разговоръ съ эмиромъ, этотъ царедворецъ, одинъ изо всей сопровождавшей насъ придворной компаніи, оставался съ наружной стороны у дверей пріемной, какъ бы охраняя входъ въ нее, и не измѣнялъ своей глубокопочтительной согбенной позы, подобающей въ близкомъ присутствіи хазрета. Онъ, разумѣется, слушалъ и слышалъ весь разговоръ, но дѣлалъ это такъ, какъ будто вовсе не слушаетъ, а только все больше и больше преисполняется внутреннимъ благоговѣніемъ къ своему владыкѣ.

Зеркальная зала показалась мнѣ теперь болѣе эффектною, чѣмъ при дневномъ освѣщеніи. Посрединѣ ея былъ накрытъ большой широкій столъ на низенькихъ ножкахъ, красиво уставленный множествомъ всевозможныхъ лакомствъ и

бронзовыхъ шандаловъ съ зажженными свѣчами, а по обѣ стороны отъ входа, вдоль боковыхъ стѣнъ, во всю длину ихъ, стояли трехъ-ярусныя горки, тѣсно уставленныя еще большимъ количествомъ всевозможныхъ канделябровъ и даже бра, простыхъ и парныхъ шандаловъ и разнообразнѣйшихъ подсвѣчниковъ, отъ старинныхъ бронзъ рококо и египетскаго стиля до новѣйшихъ произведеній Кумберга, Шталя и Шопена. Это была въ своемъ родѣ цѣлая выставка бронзъ, гдѣ высоко-изящныя художественныя произведенія мѣшались какъ попало съ рыночными издѣліями, въ которыхъ недостатокъ вкуса восполнялся избыткомъ блеска. Но въ общемъ все это, переполненное горящими свѣчами, производило очень блестящій эффектъ, въ особенности благодаря сплошному ряду стѣнныхъ зеркалъ, гдѣ вся эта иллюминація отражалась цѣлыми миріадами огненныхъ клубковъ и букетовъ, вереницами искристыхъ гирляндъ и мигающихъ звѣздочекъ, и такъ какъ зеркала обрамляли собою сплошь всѣ четыре стѣны, то отраженія огней продолжались въ безконечность. Около горокъ все похаживалъ какой-то бѣлобородый почтенный старикъ, держа въ рукахъ на жестяномъ лоточкѣ свѣчные щипцы, давно уже вышедшіе изъ употребленія въ Россіи съ распространеніемъ стеариновыхъ свѣчъ, но которые очень хорошо еще помнятъ наши бабушки и матери. Дѣло въ томъ, что иллюминація эта болѣе чѣмъ на половину состояла изъ сальныхъ свѣчей, которыя быстро нагорали и оплывали, заливая потоками сала великолѣпнѣйшія бронзы канделябровъ и шандаловъ, и обязанность почтеннаго чалмоноснаго старца состояла въ томъ, чтобы съ помощью щипцовъ снимать свѣчной нагаръ. Въ этой спеціальности и заключается вся его придворная штатная должность, функціи которой, однако, не распространяются, повидимому, на содержаніе въ чистотѣ и порядкѣ самыхъ подсвѣчниковъ, ибо многія изъ этихъ прекрасныхъ бронзъ отъ долговременнаго засаленія уже покрылись ярью.

Четыре большія металлическія жаровни стояли на полу

по сторонамъ достарханнаго стола, распространяя пріятное тепло и ароматъ отъ посыпаемаго на уголья древеснаго желтаго порошка «сумбуль», ароматъ очень своеобразный, но пріятный, хотя и дѣйствующій на нервы нѣсколько одуряющимъ образомъ. Впрочемъ, послѣднее быть можетъ скорѣе надо приписать углямъ, чѣмъ сумбулю.

За достарханомъ присутствовали Османа-куль перваначи, Дурбинъ-инакъ, дярбанъ, двое адъютантовъ эмира, двое удайчи съ жезлами, оба наши мурзы юзъ-баши и Джеллалъ-Эддинъ, толмачъ эмира, изъ русскихъ татаръ, служившій нѣкогда переводчикомъ у генерала Абрамова, а потомъ у самаркандскаго уѣзднаго начальника, маіора Арендаренко. Теперь, перейдя на службу къ эмиру, онъ носитъ чинъ мирахура и парчевый халатъ, надѣтый поверхъ русской поддевки. Лицо у этого парня смышленое, выразительное, но, Богъ его знаетъ почему—весь онъ со всѣми своими ухватками и ужимками ужасно напоминаетъ рутинный типъ всероссійскаго нигилиста трактирнаго пошиба, сколь это ни странно казалось бы. Съ разбитною развязностью, въ родѣ московскихъ половыхъ или маркеровъ, подошелъ онъ къ князю Витгенштейну и, первый протянувъ руку, отрекомендовался ему по-русски, но въ тонѣ и манерѣ его проглядывало желаніе дать почувствовать, что теперь ему самъ чортъ не братъ и въ сущности на все наплевать, потому что и самъ онъ нынче большая особа. Совершивъ развязное рукопожатіе послѣдовательно всѣмъ членамъ посольства, Джеллалъ-Эддинъ однако же вслѣдъ затѣмъ весьма скромно усѣлся, весь какъ-то съежась и сконфузясь, на самомъ краю стола, «на послѣднемъ мѣстѣ». Такая неожиданная метаморфоза произошла въ немъ сразу, вдругъ, послѣ того какъ перваначи, найдя вѣроятно его прыть совсѣмъ неумѣстною, строго посмотрѣлъ на него продолжительнымъ и пристальнымъ взглядомъ: дескать, «потише, любезный, потише! Знай свое мѣсто!»

Впрочемъ, и то сказать: какъ тутъ «знать свое мѣсто», когда при дворѣ эмира Бухарскаго, какъ нигдѣ уже кажись

въ настоящее время, слѣпая фортуна выкидываетъ иногда самыя неожиданныя, невѣроятныя штуки. Здѣсь все зависитъ отъ благосклонной или немилостивой прихоти, отъ минутнаго каприза его высокостепенства. Сегодня онъ можетъ приблизить къ себѣ перваго встрѣчнаго арбакеша[1]) съ улицы, безо всякихъ со стороны того заслугъ и правъ, а только въ силу своего личнаго каприза, и степень этой приближенности, понятно, даетъ попавшему въ милость арбакешу право «задирать носъ» предъ старѣйшими и достойнѣйшими, заслуженными лицами. Но, приблизивъ къ себѣ человѣка сегодня, хазрету ровно ничего не значитъ завтра же отправить его на висѣлицу или подъ ножъ палача, который сейчасъ же и зарѣжетъ его, какъ барана. И такой финалъ можетъ послѣдовать безо всякой вины, безъ малѣйшаго даже повода со стороны казнимаго, точно такъ же, какъ безо всякихъ правъ и заслугъ могло бы вчера состояться его возвышеніе. Есть, говорятъ, у хазрета одинъ условный косой взглядъ изподлобья, и горе тому человѣку, на котораго падетъ этотъ «скромный» взглядъ его высокостепенства!.. Ничего хазретъ не скажетъ, ни единымъ звукомъ не обмолвится, только посмотритъ, и однимъ этимъ взглядомъ судьба человѣка рѣшена безповоротно: завтра же утромъ (а коли не поздно, то и сейчасъ) палачъ поволочетъ его на веревкѣ, накинутой на шею, чрезъ весь городъ къ базарной площади, обыкновенно служащей мѣстомъ публичныхъ казней, и осужденный, во время этого шествія, обязательно долженъ будетъ громогласно, во всеуслышаніе, прославлять и превозносить высокую мудрость и неумытную справедливость хазрета, которая де такимъ убѣдительнымъ и наилучшимъ образомъ имѣетъ сейчасъ вотъ проявиться надо мной самимъ, еще столь милостиво осужденнымъ. Былъ, говорятъ, у эмира топчи-баши, по имени Османъ-тюря, или Османъ-урусъ, бѣглый фейерверкеръ западно-сибирской казачьей артиллеріи, Поповъ, который въ

[1]) Арбакешъ—ломовой извощикъ.

должности начальника артиллеріи былъ предмѣстникомъ нынѣшняго топчи-баши Али-Мадата. Самымъ близкимъ и довереннымъ человѣкомъ состоялъ этотъ казакъ Поповъ при его высокостепенствѣ двадцать три года, устраивалъ ему артиллерію и армію, вводилъ въ ней русскій строевой уставъ и команду по-русски, числился главнокомандующимъ всей этой бухарской арміи и былъ по своему вліянію и силѣ рѣшительно первымъ послѣ эмира лицомъ въ государствѣ. Хазретъ не стѣснялъ его даже въ дѣлѣ религіи, заявивъ ему однажды, что «дѣлай, молъ, какъ знаешь: по-мусульмански ли, по-христіански ли станешь молиться, или и совсѣмъ не станешь—я буду смотрѣть на это сквозь пальцы». Поэтому Османъ только брилъ голову да носилъ чалму, а прочую одежду богато строилъ себѣ на русскій ладъ. Эмиръ постоянно осыпалъ его своими щедротами, благодаря которымъ на конюшняхъ Османа стояло множество кровныхъ лошадей и на каждую лошадь имѣлся драгоцѣнный уборъ; чилимы его были украшены серебромъ и золотомъ съ бирюзой и драгоцѣнными каменьями; сабли и кинжалы—точно такъ же; гаремъ его былъ переполненъ красивыми женщинами, а прислуга состояла изъ множества богато нарядныхъ джигитовъ и мальчиковъ. Всѣхъ первыхъ сановниковъ ханства Османъ безнаказанно третировалъ «en canaille», въ особенности когда, бывало, напьется пьянъ; а вина онъ пилъ много,—словомъ, вся жизнь ему была не жизнь, а масляница, какъ вдругъ въ 1868 году дернуло его однажды отлучиться безъ спросу изъ Бухары. Эмиръ послалъ за Османомъ гонцовъ. Османъ возвратился, полагая, что его потребовали за какимъ нибудь дѣломъ и, ничто же сумняся, предсталъ предъ очи своего повелителя-друга. Но хазретъ вмѣсто привѣтствія пристально взглянулъ на него искоса—и Османъ-урусъ чрезъ нѣсколько минутъ всенародно былъ зарѣзанъ на базарной площади [1].

[1]) Предполагаютъ также, будто, видя дружбу эмира съ русскими и опасаясь, что послѣдніе потребуютъ его выдачи, а эмиръ не посмѣетъ

Еле-еле отогрѣлись мы въ зеркальной залѣ, благодаря жаровнямъ и горячему чаю. Во время изобильнаго угощенія подавали намъ разнообразныя шурпы и кебабы, пловы и сладкія блюда, отъ которыхъ, въ силу этикета, мы только отвѣдывали по маленькой горсточкѣ, и то не торопясь, потому что не отвѣдывать, а ѣсть, и тѣмъ болѣе ѣсть быстро, значило бы выказать незнаніе свѣтскихъ приличій и „тонкаго обращенія“. Разговоръ происходилъ тоже медлительно, со значительными паузами и почти вполголоса, что̀ составляетъ также одно изъ условій хорошаго тона.

Въ концѣ угощенія Останa-куль перваначи, вообще игравшій первую роль между остальными сановниками, предложилъ посольству „развлечься томашей“. По его знаку тотчасъ же явились откуда-то дангарачи (бубенщики), двое маскарабазовъ-клоуновъ и пятеро батчей, тѣ самые, которыхъ мы уже видѣли у себя во дворѣ, наканунѣ Новаго года. Мальчонки были одѣты въ легкіе ситцевые халатики краснаго цвѣта, а нѣкоторые въ бешметы и шальвары женскаго покроя, всѣ подпоясаны яркими шарфами и всѣ въ парчевыхъ „калляпушахъ“ [1]), изъ-подъ которыхъ у тѣхъ, что̀ были наряжены женщинами ниспадали длинныя, мелко-заплетенныя косицы изъ чернаго шелка, числомъ пять (по двѣ съ висковъ и одна сзади), на подобіе дѣвичьей прически, называемой „бишь-какуль“. Подъ аккомпаниментъ трехъ бубновъ, батчи, ставъ всѣ въ рядъ, усердно распѣвали величанія и пѣсни своими рѣзкими, а на сей разъ отъ чрезмѣрнаго усердія даже непріятно-крикливыми голосами и распѣвая подплясывали. Подпляска эта состояла въ томъ, что они семенили и слегка подпрыгивали босыми ножками (пляшутъ батчи всегда босикомъ),

имъ отказать, Поповъ задумалъ уйти изъ Бухары въ Карши къ мятежному сыну эмира Катты-Тюрѣ и будто хазретъ, подозрѣвая въ его отлучкѣ именно это намѣреніе, приказалъ его казнить на основаніи одного лишь своего подозрѣнія.

[1]) Ермолки такого же фасона, какъ у нашихъ казанскихъ татаръ.

да машинально побалтывали опущенными какъ плети руками, или спустя длинные рукава обмахивались ими, какъ бы отгоняя мухъ; порою пошмаргивали носомъ (но это не въ счетъ искусства), порою „дѣлали глазки“ и закатывали ихъ съ выраженіемъ блаженства („рахатъ“), причемъ встряхивали длинными кудрями, ниспадавшими на затылокъ и плечи съ выбритой наполовину головы, кокетливо расправляя и пропуская ихъ иногда между пальцами. Затѣмъ они начинали одинъ за другимъ, въ тактъ Allegro, ходить по кругу, слегка сгибая колѣна и выкидывая руками жесты въ родѣ посыланія воздушныхъ поцѣлуевъ; то вдругъ, подъ мелкую дробь бубновъ, принимались бѣшенно кружиться въ присядку, какъ пятеро спущенныхъ волчковъ, то кувыркались черезъ голову и затѣмъ, безъ малѣйшей передышки, снова начинали пѣть еще болѣе дикими и надсаженными голосами, медлительнымъ темпомъ ударяя въ ладони, да покачивая въ ладъ головой и вмѣстѣ съ тѣмъ поводя бедрами и перегибаясь станомъ. Будь это женщины—оно, пожалуй, было бы и ничего себѣ, порою даже красиво. Маскарабазы гораздо занимательнѣе. Въ то время, какъ батчи пѣли, они, при наиболѣе чувствительныхъ или патетическихъ мѣстахъ, желая обратить вниманіе зрителей на выраженіе физіономіи того или другого пѣвца, подносили близко къ его лицу толстыя сальныя свѣчи съ двойною свѣтильней, совершенно такъ же, какъ дѣлается это на сценахъ китайскихъ и японскихъ театровъ, или же самымъ серіознымъ образомъ строили преуморительныя гримасы, долженствовавшія усиленно выражать то впечатлѣніе, которое должны производить слова пѣсни. Комизмъ ихъ, конечно, грубъ, въ родѣ того, напримѣръ, что одинъ, строя глупѣйшую рожу, показываетъ видъ будто ловитъ мухъ и ѣстъ ихъ, а другой борется съ палкой, закутанной въ женскій халатъ[1]), и никакъ не можетъ побороть ее, а, напротивъ, палка борет

[1]) Такіе халаты (паранджи) женщины носятъ не иначе, какъ накинувъ на голову.

его самого; потомъ онъ мирится съ нею, начинаетъ ухаживать, ласкать и дѣлать ей комплименты, на что̀ палка сначала отвѣчаетъ взаимностью, но кончаетъ почему-то вдругъ побоями, причемъ скорчившійся въ три погибели и орущій благимъ матомъ клоунъ такъ ловко ухитряется изъ-подъ ноги дубасить самого себя по спинѣ, что кажется будто бы палка бьетъ его самостоятельно. Потомъ оба скомороха вмѣстѣ даютъ звукоподражательное представленіе, изображая, напримѣръ, знакомство собакъ между собою, кота влюбленнаго въ кошку и двухъ котовъ соперниковъ, пѣтушій бой, квакающихъ лягушекъ, упрямаго осла и его погонщика и т. п. Все это выходитъ довольно смѣшно, тѣмъ болѣе, что типичныя ухватки, мимика и звукоподражаніе голосамъ животныхъ схвачены весьма вѣрно. Потомъ отъ животнаго эпоса дѣло переходитъ къ людямъ и клоуны разыгрываютъ какую-то базарную сцену между деревенскимъ простофилей, пріѣхавшимъ въ городъ на рынокъ, и городскимъ пройдохой и плутомъ „даллаломъ“ [1]), который всячески дурачитъ и надуваетъ перваго. Но при всей своей, такъ сказать, примитивной грубости, комизмъ этотъ, въ сущности нисколько не ниже комизма европейскихъ цирковыхъ клоуновъ, — напротивъ, и тотъ и другой даже очень схожи, какъ бы сродни другъ другу, и когда здѣсь одинъ маскарабазъ даетъ, напримѣръ, другому оплеуху, то получающій ее, точно такъ же, какъ и европейскій клоунъ, очень ловко подставляетъ подъ ударъ свою ладонь, вмѣсто того, чтобы получить его по щекѣ. Впрочемъ, надо замѣтить, что изъ уваженія къ мѣсту представленія всѣ эти шутки маскарабазовъ и пляски батчей не очень выходили изъ границъ приличія, довольствуясь въ скабрезныхъ мѣстахъ лишь самыми легкими намеками, и наши бухарскіе сановники, глядя на нихъ, ни единымъ жестомъ, ни одною улыбкой не измѣнили солидной важности, подобающей ихъ положенію.

Представленіе длилось около получаса. Затѣмъ придворные

[1]) Даллалъ — базарный сводчикъ, маклеръ, фактотумъ и т. п.

служители внесли въ залу тюки съ подарочными халатами для посольства отъ высокостепеннаго эмира. Низшіе чиновники развернули, а наши юзъ-баши показали каждому члену предназначенныя для него вещи, и затѣмъ всѣ эти тюки были переданы съ рукъ на руки нашимъ джигитамъ.

Было уже болѣе восьми часовъ вечера, когда мы наконецъ распростились съ перваначи и прочими сановниками и вышли въ сопровожденіи ихъ на парадный дворцовый дворъ. Морозный воздухъ былъ необычайно чистъ и прозраченъ, и глубоко синее небо залито яркимъ, фосфорически зеленоватымъ свѣтомъ полной луны, которая дивно озаряла узорчатыя кафли на стѣнахъ двухъ великановъ — руинъ Акъ-Сарая, сообщая имъ призрачный характеръ чего-то волшебнаго, фантастическаго. Высоко возносясь надо всѣмъ остальнымъ изъ окружающаго ихъ города и неясно рисуясь на фонѣ ночнаго неба своими массивными очертаніями, эти глыбы казались теперь еще выше, чѣмъ днемъ, еще грандіознѣе.

Перваначи съ инакомъ проводили насъ до воротъ цитадели, а дярбанъ съ юзъ-башами до самой нашей квартиры, гдѣ и откланялись окончательно, предупредительно замѣтивъ, что послѣ дня, столь обильнаго впечатлѣніями, мы, конечно, хотимъ успокоиться.

9 января.

Каждый день, въ сумерки, мы постоянно слышали гдѣ-то военную музыку, которая играла каждый разъ около получаса, а затѣмъ часу въ девятомъ вечера подымался барабанный бой, продолжавшійся минутъ десять, и послѣ того мѣрные удары въ плоскій барабанъ ночныхъ сторожей возвѣщали городскимъ жителямъ прекращеніе всякой уличной дѣятельности. Любопытствуя знать, по какому поводу бываютъ ежедневно эта музыка и этотъ бой, я узналъ, что музыка играетъ въ урдѣ (цитадели) въ то время, какъ идетъ водопой въ сотнѣ кулъ-батчей, эмирскихъ тѣлохранителей, и дѣлается это по приказанію хазрета для развлеченія сарбазовъ, а барабанный

бой происходитъ на городской площади предъ разводомъ ночныхъ полицейскихъ патрулей и знаменуетъ собою, такъ сказать, муниципальную зорю съ церемоніей. Послѣднее очень меня заинтересовало, и потому сегодня, около восьми часовъ вечера, я отправился съ однимъ изъ приставленныхъ къ намъ эсаулъ-башей на городскую площадь и вотъ что̀ тамъ увидѣлъ:

Среди площади былъ разложенъ большой костеръ, въ который постоянно подкидывали то камышъ, то солому, чтобъ ярче горѣло. Къ этому костру, какъ къ извѣстному центру, сходились съ разныхъ сторонъ „курбаши"—полицейскіе стражники, избираемые изъ числа городскихъ обывателей и вооруженные кто батикомъ [1]), кто сѣкирой (ай-балта), кто саблей, а большинство особаго рода оружіемъ, которое представляетъ собою длинный, аршинъ около двухъ, четырехгранный штыкъ, насаженный на короткое древко, служащее ему рукоятью, длиною около аршина. Оружіе это называется „курбашемъ", то есть полицейскимъ. Къ костру собирались конные и пѣшіе стражники, между которыми виднѣлось не мало людей съ плоскими барабанами въ родѣ бубновъ, обтянутыхъ съ обѣихъ сторонъ шкурой. Одѣты всѣ они были нѣсколько на военный ладъ, то есть въ халатахъ, заправленныхъ въ кожаныя „чембары" [2]) съ широкимъ ременнымъ поясомъ и на головѣ вмѣсто чалмы барашковая шапка. Но вотъ съ окрестныхъ манарокъ [3]) раздался протяжный призывъ муэззиновъ къ „намази-хуфтянъ", вечерней молитвѣ, и едва замолкъ въ воздухѣ послѣдній отголосокъ высокой теноровой ноты ихъ, какъ съ плоской кровли полицейской сборной сакли (курбаши-хана) загудѣли глухіе удары двухъ громадныхъ турецкихъ барабановъ, перешедшіе

[1]) Мѣдный кистень съ бугристыми зубцами, надѣтый на деревянную палку.

[2]) Широкія шаровары желтаго или кармазиноваго цвѣта, расшитыя шелковыми узорами.

[3]) Вышки и башенки при мечетяхъ.

вскорѣ въ громоподобные раскаты мелкой дроби. Это усердствовали тамъ какіе-то два человѣка, одѣтые въ красныя чалмы и красные халаты. Кровли саклей, окружающихъ площадь, тотчасъ же унизались закутанными фигурами женщинъ и головками дѣтей, преимущественно дѣвочекъ, вышедшихъ посмотрѣть на разводъ курбашей. Съ тою же цѣлью повысыпали ко входамъ освѣщенныхъ свѣчами и фонарями лавочекъ и чайныхъ ихъ посѣтители, сидѣльцы и хозяева; набралась откуда-то и гурьба мальчишекъ, все тѣснившихся поближе къ курбашамъ, не смотря на то, что ихъ оттуда поминутно шугали и отгоняли. Костеръ запылалъ еще ярче, и вскорѣ на площадь выѣхали, въ сопровожденіи нѣсколькихъ конныхъ джигитовъ, двое чалмоносныхъ всадниковъ въ блестящихъ парадныхъ халатахъ, на лошадяхъ, покрытыхъ бархатными попонами въ блесткахъ. То были „реисъ" и „миршабъ", изъ коихъ первый въ этотъ моментъ кончалъ, а послѣдній начиналъ отправленіе своихъ служебныхъ обязанностей [1]). Тотчасъ же всѣ курбаши разбились на патрульныя команды и выстроились предъ костромъ съ трехъ сторонъ площади покоемъ. Отъ каждой команды выступило впередъ по одному барабанщику, которые разомъ сошлись къ костру и окружили его большимъ кольцомъ, расположась въ разстояніи двухъ ша-

[1]) Обязанность реиса состоитъ въ надзорѣ за нравственностію жителей города, равно какъ за чистотой и безопасностію онаго. Онъ обыкновенно два раза въ день, поутру и предъ вечеромъ, объѣзжаетъ городъ и базары и въ это время имѣетъ право остановить каждаго прохожаго мусульманина и проэкзаменовать его, заставивъ читать наизусть „фарзегаинъ" — извѣстную главу изъ Корана, и если экзаменуемый не знаетъ ея или даже отвѣтитъ не совсѣмъ удовлетворительно, то реисъ можетъ приказать своимъ джигитамъ тутъ же на мѣстѣ отдубасить его палками, но не свыше 39 ударовъ. Реисъ обыкновенно избирается изъ числа духовныхъ лицъ и имѣетъ двухъ помощниковъ. Ночью же полицейскую часть обязанностей реиса исполняетъ миршабъ или, правильнѣе, миршабъ, особый чиновникъ, въ вѣдѣніи коего состоятъ тюрьмы и городская стража. Онъ наблюдаетъ, чтобы послѣ намази-хуфтянъ никто не шатался по улицамъ и чтобы вообще все было тихо и безопасно въ городѣ.

говъ другъ отъ друга, а было ихъ всего человѣкъ двадцать слишкомъ. Тогда барабаны на кровлѣ курбаши-хана замолкли, и вмѣсто ихъ стали бить въ свои инструменты барабанщики, собравшіеся вокругъ костра. Исполняли они это очень своеобразно, а именно: держа лѣвою рукой барабанъ за ременную ручку, барабанщикъ начиналъ дѣлать имъ широкіе плавные размахи сзаду напередъ, и когда инструментъ, описавъ въ воздухѣ полукругъ, вздымался надъ его головой, то въ этотъ самый моментъ правая рука, вооруженная короткою палкой съ шаровиднымъ набалдашникомъ, ударяла въ него разъ, и такъ какъ производилось это одновременно всѣми двадцатью человѣками, строго соблюдавшими кадансъ размаха и тактъ ударовъ, то въ общемъ это выходило очень красиво. Послѣ извѣстнаго промежутка времени медлительные размахи начали все болѣе и болѣе учащаться и перешли наконецъ въ тактъ скораго марша. Между тѣмъ миршабъ въ это время повѣрялъ разсчетъ людей въ патруляхъ и когда исполнилъ это, то и барабанщики кончили свой болѣе гимнастическій, чѣмъ музыкальный концертъ, завершивъ его тремя быстрыми и короткими ударами, повторенными съ нѣкоторою паузой три раза, что̀ служило у нихъ сигналомъ „отбоя“. Послѣ этого они разошлись по своимъ мѣстамъ, и патрули съ барабаннымъ боемъ прошли церемоніальнымъ маршемъ предъ реисомъ и миршабомъ, расходясь въ разныя стороны по улицамъ и переулкамъ своихъ раіоновъ. Каждый патруль состоялъ изъ барабанщика и трехъ или четырехъ курбашей, въ числѣ коихъ одинъ несъ въ рукѣ зажженный фонарь, и изъ одного конника, слѣдовавшаго въ замкѣ [1]).

Вся эта площадь съ куполами, порталами и вышками ея медрессе и мечети, эти плоскія кровли, унизанныя дѣтскими и женскими головками, эти пестрыя группы вооруженныхъ

[1]) Такіе „разводы съ церемоніей“ происходятъ не въ однихъ лишь бухарскихъ городахъ, но и у насъ въ Ташкентѣ, въ центрѣ туземной части города.

курбашей, этотъ кругъ барабанщиковъ и потомъ церемоніальный маршъ расходящихся патрулей, все это зрѣлище ярко озаренное высоко взвивавшимся пламенемъ костра, подъ покровомъ залитаго луннымъ блескомъ неба, представляло очень характерную и до того эффектную картину, что прямо бери и цѣликомъ переноси ее въ любой балетъ или оперу изъ восточной жизни.

По окончаніи этой „муниципальной“ зари съ церемоніей огни лавокъ, харчевень и чайныхъ тотчасъ же были погашены, и правовѣрные зрители стали расходиться по домамъ. Вскорѣ вся площадь совершенно опустѣла, остатки потухавшаго костра дежурный курбаши залилъ водой, и воцарилась надъ городомъ ночная тишина,—только вдали съ доносившимся изъ разныхъ концовъ разливистымъ лаемъ собакъ глухо раздавались порою звуки патрульныхъ барабановъ, выбивавшихъ совершенно тотъ же бой, что не разъ приходилось мнѣ слышать въ буддійскихъ пагодахъ Китая и Японіи, это именно одинъ долгій и два короткіе удара въ каждомъ ритмѣ: разъ—разъ-два, разъ—разъ-два, и т. д.

Слѣдуя доброму примѣру мусульманъ, я тоже поворотилъ своего коня къ дому, весьма довольный всѣмъ, что сейчасъ довелось видѣть.

10 января.

Утромъ эмиръ прислалъ чрезъ юзъ-башей сказать князю, что онъ желалъ бы еще разъ переговорить кое о чемъ по поводу телеграфа. Вслѣдствіе этого въ полдень князь отправился въ аркъ одинъ, въ сопровожденіи своего личнаго ординарца Карамурзаева, который служилъ ему на сей разъ переводчикомъ. По возвращеніи же отъ эмира, около двухъ часовъ дня, князь сообщилъ намъ сущность своей сегодняшней бесѣды. Эмиръ заявилъ, что ему крайне грустно отвѣчать на предложеніе генералъ-губернатора безусловнымъ отказомъ, что, понимая пользу и выгоды этого дѣла и искренно желая имъ воспользоваться, онъ думалъ и самъ съ собою и

совѣтовался со своими приближенными насчетъ того, какимъ бы образомъ ввести у себя телеграфъ, не ошеломляя этимъ нововведеніемъ умы народа, и порѣшилъ, что по возвращеніи мнѣнія сеидовъ, ходжей и улемовъ въ пользу телеграфа, а затѣмъ, если не съ ихъ помощью, то по крайней мѣрѣ безъ ихъ сопротивленія, постарается подготовить къ тому же и умы народа. И когда народъ окажется уже достаточно подготовленнымъ, то онъ, Музаффаръ-Эддинъ, не преминетъ самъ увѣдомить о томъ генералъ-губернатора и будетъ просить его содѣйствія къ устройству этого дѣла.

На мой взглядъ, это все, безъ сомнѣнія, тотъ же отказъ, только въ болѣе уклончивой и мягкой формѣ. Намъ за эти дни удалось узнать отъ вѣрныхъ людей кое-что о дѣйствительномъ положеніи эмира, да онъ и самъ былъ сегодня настолько откровененъ, что не скрылъ въ своей бесѣдѣ съ княземъ, до какой степени народъ недоволенъ имъ уже и въ настоящее время. Причина этого неудовольствія и ропота, возбуждаемыхъ главнѣйшимъ образомъ ходжами и улемами, заключается въ томъ, что эмиръ будто бы сталъ черезчуръ уже „русскимъ“ и не въ мѣру угодливымъ и покладливымъ на всякое русское требованіе, чего де ему, по положенію верховнаго главы мусульманства, совсѣмъ не подобало бы. Сеиды и ходжи не хотятъ и знать того, что Бухара не въ силахъ сопротивляться русскимъ и что ея единственная выгода — это быть другомъ и безусловнымъ союзникомъ Россіи; религіозный фанатизмъ, славныя традиціи временъ давно прошедшихъ, мусульманская народная гордость и аристократическое чванство собственнымъ своимъ происхожденіемъ отъ „благородной крови пророка“ преобладаютъ въ ихъ узкихъ умахъ надъ соображеніями какой-то тамъ «высшей политики». И къ тому же они дѣйствуютъ такъ не безъ тайнаго вліянія со стороны враговъ эмира, которымъ очень хотѣлось бы видѣть его свергнутымъ и поруганнымъ [1]). Ходжи и улемы не соображаютъ

[1]) Къ числу такихъ враговъ принадлежитъ вся такъ называемая

того, что подобный переворотъ принесъ бы Бухарѣ много несчастій, стоилъ бы много крови и отягчилъ бы донельзя экономическое положеніе народа. Они, по выраженію эмира, суть орудія скрытой интриги, которая нерѣдко поддерживаетъ ихъ извнѣ и денежными средствами (очевидно новый намекъ на Катты-тюрю, хотя имя его эмиромъ и не произносилось); каждый шагъ, каждое сношеніе съ Ташкентомъ становится де эмиру въ строку, и то обстоятельство, что младшій сынъ его Сеидъ-Миръ-Мансуръ воспитывается въ Петербургѣ, въ Пажескомъ корпусѣ, служитъ для ходжей наиболѣе яркимъ доводомъ, что хазретъ де и самъ обрусѣлъ и дѣтей своихъ тянетъ на русскую сторону, да и всю будущность Бухары предаетъ въ русскія руки, что онъ де и теперь уже покорнѣйшій и безусловный слуга Россіи и, безъ сомнѣнія, тяжко отвѣтитъ предъ Богомъ за тотъ великій свой грѣхъ противъ мусульманства, что предалъ на обрусѣніе своего родного сына, изъ котораго конечно выйдетъ «кяфыръ», невѣрный. Такъ разсуждаютъ ходжи и всѣ враги эмира, и не со вчерашняго лишь дня: еще болѣе десяти лѣтъ назадъ, извѣстный Вамбери, котораго ужъ ни въ какомъ случаѣ не заподозришь въ благосклонности къ Россіи и къ русскимъ, писалъ, что Музаффаръ-Эддинъ послѣ ирджарской катастрофы [1]) долженъ былъ терпѣть самыя глубокія оскорбленія отъ своихъ подданныхъ, отъ своихъ сипагіевъ (чиновниковъ), даже отъ своихъ собственныхъ родственниковъ. На базарѣ и регистанѣ совершенно открыто и свободно упрекали его въ трусости предъ врагомъ, приписывая ирджарскую катастрофу лишь его поспѣшному бѣгству. Его обвиняли въ расхищеніи государственной казны, такъ какъ онъ, крайне нуждаясь въ день-

„каршинская партія", то есть партія (довольно многочисленная) сторонниковъ Катты-Тюри, старшаго сына Музаффаръ-Эддина, возмутившагося въ 1869 году противъ своего отца и нынѣ проживающаго на англійскій счетъ въ Индіи.

[1]) Дѣло подъ Ирджаромъ, гдѣ впервые бухарская армія была разбита русскими, происходило въ 1866 году.

гахъ, принужденъ былъ прибѣгнуть сперва къ валютѣ, а потомъ къ древнимъ имуществамъ духовенства (вакуфамъ), и наконецъ на него была взведена страшная клевета, будто бы онъ, прежній «князь правовѣрныхъ», находится даже въ тайномъ союзѣ съ невѣрными и уже получилъ плату за проданную имъ «благородную Бухару». Чтобъ избѣгнуть оскорбленій черни, возбужденной моллами, и проклятій женщинъ, онъ рѣшался только по ночамъ или переодѣтый оставлять свой дворецъ. «Кто не зналъ Бухары, до безумія много о себѣ думавшей, замѣчаетъ Вамбери, невѣжественной и фанатической Бухары, тотъ съ трудомъ пойметъ, какое смущеніе, какое неистовое бѣшенство вызвали на Заревшанѣ разбитыя русскимъ оружіемъ мечты о величіи».

Не вѣрить Вамбери въ данномъ случаѣ мы не имѣемъ никакихъ основаній, такъ какъ и наши собственныя оффиціальныя свѣдѣнія того времени, въ общихъ чертахъ, не расходятся съ нарисованною имъ картиной, и если дѣло стояло такъ шестнадцать лѣтъ назадъ, то съ тѣхъ поръ не особенно много нравственныхъ шансовъ прибавилось въ пользу Музаффаръ-Эддина въ глазахъ невѣжественнаго большинства его подданныхъ. Истинное положеніе Бухары относительно Россіи понимаютъ тамъ еще и теперь весьма немногіе, то есть только высшіе сановники, по необходимости знакомые на дѣлѣ съ сущностью этого положенія, да нѣкоторые купцы, ведущіе торговлю съ Россіей и въ ней бывавшіе; все же остальное продолжаетъ упрямо думать, что Бухара — «этотъ цвѣтъ и опора Ислама» — сама по себѣ могущественная и непобѣдима, и все было бы въ ней прекрасно, кабы не проклятая дружба хазрета съ кяфырами.

По нашимъ послѣднимъ свѣдѣніямъ оказывается, что эмиръ живетъ въ Шаарѣ вовсе не потому, что его вынуждало къ тому долговременное ожиданіе русскаго посольства. Ожиданіе это было не болѣе какъ предлогъ, которымъ всего удобнѣе объяснялось шаарское сидѣнье хазрета для базарныхъ толковъ. Но и на базарахъ врядъ ли кто сомнѣвается, что тутъ

вовсе не посольство, а иная болѣе вѣская причина заставляетъ его уже столько мѣсяцевъ безвыѣздно сидѣть въ этомъ городѣ. Дѣло въ томъ, что Музаффаръ-Эддинъ, благодаря усилившимся, какъ слышно, проискамъ Катты-Тюри и наускиваньямъ черни со стороны ходжей и улемовъ, просто не рѣшается ѣхать въ свою столицу, выжидая пока тамъ поуляжется поднятая противъ него, во время его отсутствія, агитація. А отсутствіе это продолжается уже болѣе года.

Есть основанія предполагать, что тамъ легко можетъ вспыхнуть возмущеніе, а войскъ въ цитадели Бухары всего лишь 1,400 человѣкъ, да и тѣхъ эмиръ не считаетъ вполнѣ надежными. Кромѣ того, какъ шепчутъ здѣсь на ухо, въ Шаарѣ живетъ хазретъ еще и потому, что отсюда всего лишь нѣсколько часовъ ѣзды до русской границы, за которую, въ случаѣ чего, быть можетъ онъ и переберется. Да надо еще принять во вниманіе и то, какъ онъ живетъ въ Шаарѣ, городишкѣ съ незначительнымъ населеніемъ: изъ цитадели, кромѣ какъ разъ въ недѣлю въ мечеть, никуда не показывается, и самая цитадель-то эта съ трехъ сторонъ окружена лагеремъ, гдѣ расположено семь тысячъ сарбазовъ, да семь тысячъ расквартированы въ самомъ городѣ по обывательскимъ дворамъ, и всѣ ворота цитадели охраняются сильными караулами. Такимъ образомъ въ Шаарѣ, вокругъ эмира, собрано 14,000 его собственныхъ войскъ, состоящихъ въ большинствѣ изъ персіянъ, афганцевъ, черкесовъ, курдовъ, хивинцевъ и нашихъ татаръ, но не изъ бухарско-подданныхъ узбековъ. И только опираясь на силу этого, чуждаго коренному населенію, войска, его высокостепенство можетъ съ относительнымъ спокойствіемъ за свою личную безопасность проживать даже въ ничтожномъ городишкѣ Шахрисебса. Такова-то сущность его положенія, и понятно, что введеніе у себя телеграфа, какъ новое, очевидное для всѣхъ и каждаго доказательство его угодничества русскимъ, легко можетъ стать для него тою послѣднею каплей, которая наконецъ переполнитъ сосудъ мусульманскаго фанатизма сеидовъ, ходжей,

духовенства и софтъ, учащихся въ медрессахъ, то есть всѣхъ тѣхъ элементовъ, кои составляютъ здѣсь, если возможно такъ выразиться, національную партію, на которую главнѣйшимъ образомъ и опирается въ своихъ проискахъ Катты-Тюря изъ-за границы.

Какъ неограниченный властитель, Музаффаръ-Эддинъ безпрепятственно можетъ рѣзать и вѣшать сколько ему угодно своихъ правовѣрныхъ подданныхъ: это въ порядкѣ вещей и ни у кого не вызоветъ ни малѣйшаго протеста, ни малѣйшей претензіи, ибо въ томъ его „священное право", но абсолютизмъ его необходимо долженъ всегда опираться на поддержку сильно вліятельнаго духовенства, безъ чего каждый мусульманскій деспотъ легко можетъ кончить свою жизненную карьеру чѣмъ нибудь въ родѣ пресловутыхъ ножницъ Абдулъ-Азиса. Исторія средне-азіятскихъ ханствъ, а Бухары въ особенности, испоконъ вѣковъ полна возмутительнѣйшими примѣрами захвата власти и сверженій съ престола, причемъ обыкновенно убиваютъ не только братъ брата, но нерѣдко и родной сынъ насильственно отправляетъ къ предкамъ своего дражайшаго родителя. Неудавшееся, благодаря русскимъ штыкамъ, каршинское возмущеніе Катты-Тюри было, уже на нашихъ глазахъ, послѣднею пока попыткой этого рода. Но временная неудача не уменьшила и не охладила ни его партіи, ни его намѣреній: они теперь выжидаютъ.

11 января.

Ѣздилъ опять на базаръ. Какъ пообжились мы тутъ да пообглядѣлись, такъ и замѣчаемъ, что при проѣздѣ по улицамъ и въ особенности при посѣщеніи базарныхъ рядовъ, привѣтствія, адресуемыя намъ въ видѣ поклоновъ и криковъ „здравствуй", приходится встрѣчать исключительно со стороны мѣстныхъ евреевъ, которые собственно и составляютъ въ Бухарѣ такъ называемую „русскую партію". Остальной же народъ — узбеки и таджики, вообще именуемые въ качествѣ городскихъ жителей сартами — не изъявляетъ намъ при встрѣчахъ

никакихъ знаковъ, выражающихъ привѣтствіе, а глядитъ на „урусовъ" съ самымъ равнодушнымъ любопытствомъ; но среди мусульманской толпы приходится иногда подмѣчать и взгляды явно враждебные, исполненные затаенной ненависти и нерѣдко сопровождаемые словомъ „кяфыръ" и тому подобною бранью, въ которой впрочемъ упражняются преимущественно уличные мальчишки. Хотя девять десятыхъ изъ тѣхъ, что смотрятъ на насъ враждебно, принадлежатъ къ сословію духовенства и вообще къ „ишанамъ" (книжникамъ, начетчикамъ), тѣмъ не менѣе изо всѣхъ нашихъ наблюденій можно пока сдѣлать одинъ безошибочный выводъ: что вообще никакого расположенія къ Россіи и русскимъ въ народѣ здѣшнемъ мы не замѣчаемъ. Да и съ чего бы, впрочемъ, быть ему къ намъ расположеннымъ? Что же до расположенія евреевъ, которое простирается даже до желанія, чтобы русскіе поскорѣе забрали себѣ всю Бухару, то оно вполнѣ понятно: такое присоединеніе значительно расширило бы ихъ торговыя и имущественныя права и избавило бы личность еврея отъ унизительнаго положенія, въ какое онъ поставленъ теперь, подъ мусульманскимъ режимомъ. Дѣйствительно, это положеніе во всѣхъ отношеніяхъ крайне тяжелое. Начать съ того, что евреи обязаны оплачивать громадною пошлиной свое право жить въ городахъ на бухарской территоріи, а внѣ городовъ имъ нечего дѣлать, такъ какъ всѣ они живутъ исключительно торговлей, преимущественно шелкомъ; во-вторыхъ, каждый „зякетчи" [1]) въ каждомъ евреѣ видитъ какъ бы свою законную дойную корову, взимая съ него за право торговли очень высокій и большею частію совершенно произвольный „зякетъ". Но и оплативъ право жизни и право торговли, еврей все-таки не можетъ жить и торговать въ средѣ правовѣрныхъ: лавки еврейскія обыкновенно выдѣляются въ особый рядъ, а еврейскіе дома — въ особый кварталъ, за предѣлами коего онъ уже не имѣетъ права на недвижимую собственность. Но это еще

[1]) Сборщикъ торговыхъ и таможенныхъ пошлинъ.

не все: евреи не смѣютъ носить чалму, имъ дозволена только черная шапка съ узенькою мерлушковою оторочкой; не смѣютъ носить иныхъ халатовъ, какъ только изъ черной или темно-коричневой алачи; не смѣютъ подпоясываться широкими платками, а тѣмъ болѣе шалями, такъ какъ единственно дозволенный имъ поясъ — это простая веревка, и для того, чтобы они не могли скрыть сего послѣдняго „знака отличія", имъ строго воспрещается носить неподпоясанный халатъ сверхъ подпоясаннаго нижняго. Затѣмъ не смѣютъ евреи ѣздить въ предѣлахъ города верхомъ не только на лошади, но и на ослѣ, что особенно чувствительно въ здѣшнихъ городахъ, при ихъ огромныхъ разстояніяхъ и при этихъ улицахъ, зачастую послѣ небольшаго дождя не только непроходимыхъ, но и непроѣздныхъ отъ ужаснѣйшей грязи. Кромѣ того, законъ не принимаетъ свидѣтельства еврея противъ мусульманина, и мусульманинъ не отвѣчаетъ предъ закономъ не только за какое бы то ни было оскорбленіе еврея, но даже и за убійство его, лишь бы оно было совершено внѣ черты города. Что же касается предоставленныхъ евреямъ льготъ, то онѣ, кромѣ окупаемыхъ правъ жизни и торговли, заключаются главнѣйшимъ образомъ въ томъ, что еврея, впервые попавшагося въ какомъ нибудь преступленіи, не казнятъ смертью, а заставляютъ выкупить себѣ жизнь свою перемѣной религіи, и если преступникъ согласится на это условіе (что̀ всегда бываетъ), то его тотчасъ же выдворяютъ изъ еврейскаго квартала, разводятъ съ женой, если онъ женатъ, и затѣмъ весьма долго и строго наблюдаютъ — точно ли исполняетъ онъ всѣ правила корана, и за малѣйшее отступленіе отъ нихъ наказываютъ смертью. Вообще евреевъ здѣсь и ненавидятъ, и презираютъ. Казалось бы за что̀? Какъ религія, мусульманство ближе къ еврейству, чѣмъ христіанство, и не имѣетъ съ нимъ тѣхъ старыхъ счетовъ, какіе могло бы имѣть послѣднее. Но тутъ, какъ и въ Европѣ, причины этихъ чувствъ къ евреямъ заключаются не въ религіозной, а въ экономической и соціальной сторонѣ ихъ жизни: еврей и здѣсь тотъ же

злостный ростовщикъ, тотъ же маклеръ, перекупщикъ и гешефтмахеръ, тотъ же содержатель тайныхъ притоновъ разврата и контрабандный продавецъ запрещенныхъ кораномъ вина и водки, хотя и торгуетъ, повидимому, однимъ только шелкомъ. Словомъ, и здѣсь мы узнаемъ всѣ тѣ же характерныя, искони вѣковъ присущія еврейству черты, которыя такъ знакомы намъ у себя, дома. Понятно, почему здѣшніе евреи ждутъ-не дождутся, когда-то наконецъ русскіе заберутъ Бухару. Приходъ русскихъ избавилъ бы ихъ отъ унизительныхъ условій существованія и развязалъ бы имъ руки для излюбленныхъ ими профессій, безъ страха смертной казни за ихъ практикованіе.

Съ базара проѣхали мы Урдинскою площадью въ Чиракчинскія ворота и, свернувъ мимо цитадельной стѣны направо, взяли путь вдоль лагеря бухарской пѣхоты. Лагерь этотъ, какъ уже сказано выше, окружаетъ цитадель съ трехъ сторонъ и занимаетъ пространство въ нѣсколько сотъ танаповъ, огражденное глинобитною стѣнкой, которая, въ случаѣ надобности, можетъ служить и для обороны, такъ какъ высота ея выведена въ полчеловѣческой груди. Поперечныя внутреннія стѣнки дѣлятъ лагерное мѣсто на три части, безразлично служащія для помѣщенія сарбазовъ. Это не есть лагерь въ европейскомъ смыслѣ, и напрасно было бы искать въ немъ правильнаго разбитія палатокъ, правильнаго расположенія обозовъ, кухонь и проч. Это не болѣе какъ таборъ, гдѣ палатки сарбазовъ, землянки пянджабашей (урядниковъ) и техниковъ, глинобитныя сакли офицеровъ и командировъ, кухни, коновязи и обозы перемѣшаны въ очень большомъ и, пожалуй, живописномъ безпорядкѣ; но все же это таборъ настолько организованный, что въ немъ каждая воинская часть съ ея хозяйствомъ расположена въ совокупности и обладаетъ возможностью быстраго сбора по тревогѣ. Для этой послѣдней цѣли, при наружной стѣнкѣ, у нѣсколькихъ воротъ выставлены особые караулы при баталіонныхъ значкахъ, къ которымъ люди и собираются (баталіонное знамя помѣщается

особо и всегда при саклѣ командира). Эти ворота или, вѣрнѣе, выходы, смотря по удобству мѣстности, устроены не только для баталіоновъ, но и для ротъ, такъ что въ случаѣ выступленія, каждая рота имѣетъ свое опредѣленное мѣсто сбора, а на случай обороны—опредѣленный участокъ защиты вдоль наружной стѣнки.

Одежда сарбазовъ состоитъ изъ краснаго суконнаго полукафтана съ отложнымъ воротникомъ желтаго, синяго, бѣлаго или зеленаго цвѣта, смотря по баталіону, и съ нагрудными кармашками для пистоновъ; швы полукафтана оторачиваются бѣлою тесьмой. Полы полукафтана выпускаются наружу только при полной парадной формѣ, во всѣхъ же остальныхъ случаяхъ остаются заправленными подъ чембары изъ желтой кожи, которыя заправляются въ голенища высокихъ, доходящихъ до колѣнъ, сапогъ русскаго покроя. Головной уборъ состоитъ изъ бараньей шапки вдвое выше, чѣмъ русская послѣдняго образца. Рубаха, исподнее бѣлье, портянки и суконный бурый армякъ, на случай непогоды, дополняютъ обмундированіе сарбаза. Аммуниція очень несложна: кожаная патронная сумка и кожаныя штыковыя ножны на ременномъ кушакѣ, да холщевой мѣшокъ для провіанта — вотъ и все. Вообще снаряженіе пѣхотинца является довольно практичнымъ. Урядники (амальдоры, пянджа-баши и чора-баши) носятъ вмѣсто красныхъ полукафтановъ бѣлые длиннополые чекмени съ красными воротниками, погонами и обшлагами, а вмѣсто ружья — саблю, и кромѣ того имѣютъ трость, какъ знакъ своего достоинства. Въ остальномъ снаряженіе ихъ сходно съ рядовыми. Офицерскіе чекмени обшиты серебряными галунами и, смотря по чинамъ, бываютъ синяго, гороховаго, коричневаго, голубаго, зеленаго и краснаго цвѣта. Шапка баранья и тоже съ отличіями: либо остроконечно высокая афганскаго образца, либо выдровая или кунья, въ родѣ русскихъ, съ цвѣтнымъ бархатнымъ верхомъ, который перекрещенъ серебрянымъ позументомъ. Вооруженіе офицеровъ — пистолетъ или револьверъ въ кабурѣ и сабля, всегда очень хорошаго

достоинства. Чембары, отороченныя выдровымъ мѣхомъ и узорчато расшитыя шелками, носятъ офицеры всегда на выпускъ.

Кормятся люди на счетъ бека, то есть въ сущности на счетъ мѣстнаго населенія, пока эмиръ находится въ предѣлахъ даннаго бекства, и—насколько могли мы видѣть въ лагерныхъ кухняхъ при совершенно случайномъ, никѣмъ неожиданномъ посѣщеніи—кормятся прекрасно: въ чугунныхъ казанахъ варилась шурпа съ бараниной и пловъ, а это все, чего лишь можетъ желать себѣ азіятъ. Имѣть каждый день шурпу и пловъ съ бараниной, морковью и кишмишемъ—это идеалъ житейскаго благополучія для каждаго азіята, и такой идеалъ, повидимому, достигнутъ въ обиходѣ шаарскаго отряда. Помѣщаются рядовые люди въ палаткахъ, изъ коихъ однѣ приближаются къ русскому, а другія къ турецкому образцамъ. Вмѣстимость каждой палатки разсчитана на десять человѣкъ, которые и дѣйствительно размѣщаются въ нихъ не свыше этого числа, и съ достаточнымъ просторомъ. Вокругъ серединнаго подпорочнаго шеста устроено приспособленіе для установки ружей пирамидой. За пирамидой вырыта небольшая плоская ямка для угольевъ, замѣняющая мангалъ, гдѣ люди кипятятъ свои чайники. Полъ каждой палатки устланъ паласами, сверхъ коихъ, на каждаго человѣка особо, имѣются бѣлыя кошмы для постельной подстилки.

Внутреннее пространство лагеря дренируется проточными канавками. Для лошадей устроены глинобитныя ясли, раздѣленныя иногда на два, на три, на четыре отдѣленія. Ясли эти имѣютъ видъ барабана съ небольшимъ углубленіемъ для всыпки ячменя и кладки клевера (дженушка). Иногда надъ ними устраивается, для предохраненія засыпаннаго фуража отъ дождя и снѣга, глинобитный навѣсъ въ видѣ нашей почтовой кибитки, куда лошадь свободно можетъ просунуть морду. Вообще все это устроено просто, безранжирно, но въ высшей степени практично. Въ этомъ лагерѣ часть шаарскаго отряда проводитъ и зимнее время, чередуясь въ извѣстные

сроки съ тѣми частями, что расположены въ городѣ, на обывательскихъ квартирахъ, и такимъ образомъ лагерь бываетъ занятъ постоянно. Поэтому во внутреннемъ его раіонѣ правительство допустило въ извѣстномъ количествѣ устройство необходимыхъ лавочекъ и чайныхъ домовъ, замѣняющихъ для сарбазовъ наши солдатскіе клубы. Урядники и техники въ родѣ оружейниковъ, сапожниковъ, портныхъ и т. п. помѣщаются особо отъ рядовыхъ, въ небольшихъ глинобитныхъ будочкахъ или, вѣрнѣе, крытыхъ гнѣздахъ (иного названія не придумаешь), вмѣстимостью на одного, иногда на двухъ человѣкъ, гдѣ на внутреннихъ стѣнкахъ да вкругъ угольной ямки ютится все ихъ неприхотливое хозяйство и боевое снаряженіе, да еще съ предметомъ развлеченія, которымъ обыкновенно служитъ какая нибудь птица въ самодѣльной клѣткѣ. То же самое и въ палаткахъ сарбазовъ, гдѣ мы встрѣчали въ клѣткахъ очень красивыхъ горныхъ рябчиковъ (по преимуществу излюбленная здѣсь птица), куропатокъ, дроздовъ и перепеловъ. Послѣднихъ обыкновенно стравливаютъ на бой между собою, причемъ всегда составляются пари между хозяевами бойцовъ и зрителями. Но кромѣ этихъ птицъ у нѣкоторыхъ ротныхъ артелей воспитываются галчата, вороны, ястреба и соколы, привязанные на шнурахъ къ шестамъ съ поперечинами. Не знаю для какихъ цѣлей служатъ галки съ воронами, но ястребовъ и соколовъ здѣсь дрессируютъ для охоты, и хорошо пріученная птица нерѣдко стòитъ до пятисотъ тенговъ, т. е. до ста рублей серебряныхъ. О собакахъ нечего и говорить,—ихъ тутъ съ удовольствіемъ прикармливаютъ, но вообще мы замѣтили особенную любовь сарбазовъ къ птицамъ.

Встрѣчали насъ люди въ этомъ лагерѣ весьма радушно—не то, что на городскомъ базарѣ, и это, вѣроятно, оттого, что большинство сарбазовъ, какъ уже сказано, персіяне и афганцы. Часовые очень исправно брали намъ ружья на караулъ, а люди, не занятые службой, прикладывали правую руку къ своимъ бараньимъ шапкамъ для отданія чести, причемъ

очень добродушно улыбались; многіе предлагали осмотрѣть ихъ помѣщенія и попробовать пищу, иные приносили на пробу хлѣбныя лепешки, кишмишъ и угощали зеленымъ чаемъ. Вообще, какъ кажется, эмирскимъ сарбазамъ живется недурно.

12 января.

Говорятъ, что на завтра назначенъ, ради насъ, большой смотръ бухарскимъ войскамъ. Посмотримъ. Это должно быть очень интересно. Сегодня ничего замѣчательнаго. Морозы со вчерашняго дня значительно уменьшились, и теперь Реомюръ показываетъ только — $1^1/_2°$.

13 января.

Въ $10^1/_2$ часовъ утра отправились мы верхомъ къ Али-Мадату топчи-баши, который, по приказанію эмира, долженъ былъ показать намъ бухарскія войска. Али-Мадатъ живетъ въ цитадели, и ѣхать къ нему надо въ тѣ же ворота, что̀ и къ перваначи, только къ послѣднему надо повернуть съ пушкарнаго двора въ особыя ворота налѣво, а къ этому — направо. Здѣсь предъ воротами былъ растянутъ узорчатый наметъ, подъ которымъ встрѣтилъ насъ самъ Али-Мадатъ со своими „махрамами“ (адъютантами). На площадкѣ пушкарнаго двора былъ выстроенъ баталіонъ сарбазовъ, со знаменемъ и музыкой на правомъ флангѣ, отдавшій посольству воинскую почесть, когда мы приблизились на нѣсколько десятковъ шаговъ къ его фронту.

Топчи-баши, приправляя свою рѣчь иранскими любезностями, выразилъ крайнее сожалѣніе, что по причинѣ глубокаго снѣга, покрывающаго военное поле, онъ лишенъ возможности и удовольствія представить намъ всѣ войска шаарскаго отряда, но что по экзерциціямъ этого баталіона мы легко можемъ составить себѣ понятіе и объ остальныхъ, такъ какъ вся бухарская пѣхота обучена совершенно одинаковымъ образомъ. Послѣ этого предисловія топчи-баши лично произвелъ ученіе собраннымъ сарбазамъ.

Въ строю находился баталіонъ № 1. Подборъ людей съ физической стороны сдѣланъ въ немъ очень обстоятельно: это все здоровый, рослый и плечистый народъ, одѣтый и вооруженный какъ описано выше. Форма одежды музыкантовъ — синіе чекмени съ желтою басонною тесьмой по швамъ, желтыя чембары и бараньи шапки. Хоръ находился подъ командой баталіоннаго адъютанта (орда-махрамъ) на которомъ красовались русскія оберъ-офицерскія эполеты какого-то изъ туркестанскихъ линейныхъ баталіоновъ. Въ составъ этого хора входили три турецкіе барабана, штукъ восемь барабановъ обыкновеннаго размѣра, два металлическіе треугольника, нѣсколько мѣдныхъ флейтъ-чекановъ и нѣсколько деревянныхъ азіятскихъ кларнетовъ (сурнай). Восемь ротныхъ горнистовъ находились также при хорѣ, на его правомъ флангѣ, но въ музыкальномъ исполненіи маршей участія не принимали, а лишь проиграли намъ вмѣстѣ съ остальными музыкантами „встрѣчу". Баталіонное знамя, при двухъ ассистентахъ, во время ученія находилось не въ рядахъ, а при хорѣ, и держалъ его чора-баши (подпрапорщикъ). Оно представляетъ собою просто кусокъ красной матеріи (чуть ли не ситцу), съ желтыми узорчатами разводами, прикрѣпленный къ зеленому копейному древку, украшенному подъ копьемъ двумя металлическими рогульками въ видѣ верхней половинки буквы Ж. Въ рядахъ же, на правомъ флангѣ 1-го взвода, находился значокъ баталіоннаго командира, просто квадратный кусокъ бѣлаго коленкора безо всякихъ украшеній, на зеленомъ же копейномъ древкѣ съ копьемъ, но безъ рогулекъ.

По словесной командѣ производились только ружейные пріемы; всѣ же движенія, повороты, ломка фронта и построенія исполнялись исключительно по сигналамъ, которые подавалъ штабъ-горнистъ, вызванный къ топчи-баши изъ фронта. Этотъ маленькій, немножко пузатенькій человѣчекъ вытрубливалъ звуки сигналовъ съ такимъ усердіемъ и увлеченіемъ, что въ этой работѣ принимали у него участіе не только губы и

легкія, но и плечи, и животъ, и поясница, и даже колѣнки. Всѣми сими частями и суставами своего тѣла добрякъ старался какъ бы дополнить смыслъ сигнала, придать ему наибольшую выразительность. Стремленіе конечно, похвальное, и что же дѣлать, если, благодаря его коротенькой фигуркѣ, оно выходило нѣсколько комично.

Всѣ командныя слова тѣ же, что и у насъ и произносятся исключительно по-русски, причемъ должно замѣтить, что произношеніе ихъ совершенно правильно, съ небольшимъ коегдѣ акцентомъ. Такъ, вмѣсто „слушай на краулъ", у нѣкоторыхъ командировъ выходитъ „слышай на крауль", но и только. Сигналы частію заимствованы тоже отъ насъ, а частію свои оригинальные, и подаются вполнѣ отчетливо. Что же до хоровой музыки, то о ней я упоминалъ уже прежде, и могу лишь повторить, что хотя она у нихъ немножко и варварская, въ томъ отношеніи, что любитъ много шуму, звону и треску, но не лишена мелодіи и даже нѣкоторой пріятности, и играютъ музыканты во все продолженіе ученья, за исключеніемъ тѣхъ только случаевъ, когда командующему потребуется подать какую нибудь словесную команду; тогда, по его знаку, хоръ на минуту замолкаетъ; но чуть лишь команда принята къ исполненію, сурны и флейты тотчасъ же заливаются снова.

Началось ученье съ ружейныхъ пріемовъ, въ число которыхъ входили уколы штыкомъ и отбивы противъ всадниковъ. Все это заимствовано прямо изъ нашего „устава" и видимо усвоено съ показу какихъ нибудь нашихъ дезертировъ, которые, надо полагать, внесли сюда и русскую команду, и нѣкоторые сигналы. Послѣ ружейныхъ пріемовъ люди продѣлали нѣсколько гимнастическихъ упражненій, въ полной аммуниціи и съ ружьями, и тоже недурно, а затѣмъ топчибаши подалъ сигналъ „къ церемоніальному маршу", по которому ротные командиры скомандовали „слушай на краулъ", что и было исполнено довольно отчетливо. Тогда батальонный командиръ, по типу лица изъ кавказскихъ горцевъ, далъ

одну за другою нѣсколько русскихъ командъ: „повзводно направо маршъ“, „прямо, равненіе налѣво“, „правое плечо впередъ“, „прямо, равненіе направо“,—и баталіонъ подъ звуки чего-то въ родѣ „персидскаго марша“, повзводно пропарадировалъ мимо насъ, продолжая на ходу держать ружья на караулъ, что̀ повидимому нисколько не стѣсняло людямъ свободу ихъ шага.

Послѣ церемоніальнаго марша начались ломка фронта и различныя построенія. Люди безъ замѣшательства мѣняли фронтъ на заднюю шеренгу для маневрированія и огня противъ непріятеля, по предположенію, показавшагося съ тылу, и затѣмъ послѣ нѣсколькихъ эволюцій опять быстро переходили въ нормальный порядокъ фронта на переднюю шеренгу. Быстрая перемѣна фронта на заднюю шеренгу и открытіе съ нея огня въ особенности удобно для нихъ потому, что въ бухарскомъ пѣхотномъ строю вовсе нѣтъ замыкающихъ унтеръ-офицеровъ. Не всѣ, конечно, формы построеній отличаются надлежащею быстротой и пригодностью къ дѣлу, такъ напримѣръ, построеніе баталіоннаго каре изъ колонны по отдѣленіямъ исполняется настолько сложно и медленно, что, безъ сомнѣнія, даже посредственная конница успѣетъ змять и уничтожить этотъ баталіонъ ранѣе, чѣмъ онъ успѣетъ принять для ея встрѣчи надлежащую форму строя, и надо думать, что сказанная эволюція составляетъ самобытный продуктъ измышленія бухарскихъ тактиковъ. Но въ числѣ самобытныхъ ихъ пріемовъ, по всей справедливости, должно отмѣтить и такіе, которые въ дѣлѣ могутъ имѣть свое, пожалуй, и не безполезное примѣнеіе. Такъ напримѣръ, хотя бы вотъ это: баталіонъ стоитъ развернутымъ фронтомъ; вдругъ на его правомъ флангѣ внезапно появляется атакующая конница. Ни перестраиваться въ каре, ни даже загнуть атакуемый флангъ уже нѣтъ времени: поздно. Что же дѣлаетъ бухарскій баталіонъ? Командиръ подаетъ быстрый сигналъ, по которому первая шеренга дѣлаетъ полуоборотъ направо, а садняя, повернувъ налѣво кругомъ, становится въ полоборота

налѣво, и обѣ немедленно же открываютъ огонь вѣеромъ противъ фронта атакующей конницы. При подобной же атакѣ лѣваго фланга употребляется пріемъ обратный. Кромѣ того, здѣсь практикуется и стрѣльба обѣихъ шеренгъ залпами изъ развернутаго фронта, съ предварительнымъ поворотомъ людей въ полуоборота въ ту или другую сторону. Баталіонный огонь сопровождается непрерывною мелкою дробью барабановъ, съ прекращеніемъ коей прекращается и огонь.

Какъ оригинальный же продуктъ бухарской тактики замѣчательно, но непрактично по своей сложности, наступленіе перекатнымъ разсыпнымъ строемъ прямо изъ баталіонной ротной колонны, хотя на показанномъ ученьи этотъ кунстштюкъ былъ продѣланъ людьми довольно отчетливо. Состоитъ онъ въ томъ, что по соотвѣтствующему сигналу, изъ передней шеренги 1-й роты выбѣгаютъ на извѣстное разстояніе впередъ нумера: 1, 4, 7 и 10-й и т. д. Затѣмъ, въ слѣдующей очереди идутъ той же шеренги нумера: 2, 5, 8 и 11-й и т. д., которые, пройдя мимо нумеровъ первой очереди, перебѣгаютъ далѣе впередъ, на такое же разстояніе, на какое отдѣлились отъ фронта колонны первоочередные. За ними слѣдуетъ все той же шеренги нумера: 3, 6, 9 и 12-й и т. д., перебѣгающіе далѣе нумеровъ второй очереди. Послѣ этого въ томъ же порядкѣ нумеровъ наступаетъ очередь второй шеренги, одновременно съ чѣмъ начинаютъ дальнѣйшее движеніе впередъ первоочередные нумера первой шеренги, очищая такимъ образомъ свои мѣста для первоочередныхъ нумеровъ второй шеренги, а сами проходя мимо стоящихъ выше нумеровъ второй и третьей очереди, снова занимаютъ первое мѣсто впереди разрѣженнаго строя. Когда же все это послѣдовательно будетъ продѣлано всѣми нумерами второй шеренги, наступаетъ очередь первой шеренги 2-й роты и т. д. А движеніе впередъ между тѣмъ продолжается все время непрерывнымъ образомъ, сопровождаясь пальбой нумеровъ находящихся впереди прочихъ. Я полагаю, что господинъ Маріусъ Петипа остался бы очень доволенъ, еслибы могъ внести въ какой ни-

будь изъ своихъ балетовъ подобную хореграфическую эволюцію. Что же до чисто-военной стороны дѣла, то показанное намъ ученье, повидимому, достаточно наглядно выяснило, что въ бухарскомъ пѣхотномъ уставѣ есть много сложнаго и безполезнаго въ практическомъ смыслѣ, но есть въ то же время вещи, которыя могутъ быть примѣнены къ дѣлу съ полнымъ удобствомъ и цѣлесообразностію. Къ числу таковыхъ, между прочимъ, относится все то, что заимствовано изъ русскаго устава и, право, въ этомъ отношеніи дезертировъ нашихъ можно назвать вовсе не дурными инструкторами.

14 января.

Сегодня пятница, Джумакынъ—день еженедѣльно посвящаемый у мусульманъ молитвѣ, или, какъ говорятъ въ Ташкентѣ наши солдаты, „сартовское воскресенье“. Поэтому эмиръ долженъ имѣть сегодня торжественный выѣздъ въ городскую мечеть для совершенія намаза.

Еще вчера возвратясь отъ топчи-баши, я заявилъ нашимъ приставамъ, что желалъ бы видѣть эту церемонію, но, къ удивленію, встрѣтилъ съ ихъ стороны довольно уклончивый отвѣтъ, что въ этомъ де нѣтъ ничего достойнаго любопытства, все де очень просто, обыкновенно, такъ что я напрасно только потеряю мое время.

Но я замѣтилъ, что оба они, прежде чѣмъ нашлись дать такой отвѣтъ, видимо замялись какъ-то, словно я моимъ заявленіемъ поставилъ ихъ въ несовсѣмъ ловкое положеніе. Не понимая, что могло бы это значить, но желая вывести и ихъ, и себя изъ взаимнаго недоразумѣнія, я объяснилъ имъ, что въ Константинополѣ мнѣ неоднократно доводилось видѣть пятничные выѣзды султана Абдулъ-Гамида въ ту или другую мечеть, и что тамъ эта церемонія, обставленная очень торжественно, вполнѣ доступна какъ зрѣлище не только для мусульманъ, но и для всѣхъ иновѣрцевъ безразлично, а потому изъ этого примѣра я де заключаю, что присутствіе иновѣрнаго зрителя при такой церемоніи не нарушаетъ никакихъ религіозныхъ мусульманскихъ постановленій.

Юзъ-баши поспѣшили завѣрить меня, что, конечно, никакого подобнаго нарушенія здѣсь нѣтъ и быть не можетъ, но что для удовлетворенія моего желанія надо бы, по ихъ мнѣнію, написать „арзъ", то есть ходатайствовать объ особомъ разрѣшеніи у эмира.

Я возразилъ имъ, что это слишкомъ длинная и сложная процедура и что не вижу надобности безпокоить его высокостепенство по такому пустяшному дѣлу, тѣмъ болѣе, что я, какъ и всякій другой, могъ бы видѣть эту церемонію случайнымъ образомъ.

— То есть какъ это? спросили они съ нѣсколько тревожнымъ недоумѣніемъ.

— Очень просто: я каждый день выѣзжаю верхомъ на прогулку по городу и, стало быть, могу совершенно нечаянно попасть на городскую площадь, какъ разъ въ то время, когда хазретъ будетъ проѣзжать по ней.

Успокоенные юзъ-баши согласились, что это конечно дѣло вполнѣ возможное, но прибавили, что мнѣ, какъ одному изъ представителей русскаго посольства, необходимо было бы предоставить особое почетное мѣсто для зрѣлища, потому что нельзя же смѣшаться съ простымъ народомъ, и что вотъ собственно поэтому и надо бы было доложить его высокостепенству.

Я со своей стороны поспѣшилъ увѣрить ихъ, что еслибъ и пришлось мнѣ попасть на площадь (хотя не знаю попаду ли, такъ какъ не знаю поѣду ли), то я попалъ бы туда никакъ не въ качествѣ одного изъ русскихъ пословъ, а просто частнымъ человѣкомъ, какъ попадаю туда каждый день, ѣдучи на базаръ или съ базара, и что въ такомъ случаѣ я нарочно постарался бы стать гдѣ нибудь за народомъ, такъ, чтобы совсѣмъ не обращать на себя ничьего вниманія.

Юзъ-баши повидимому совсѣмъ удовольствовались такимъ объясненіемъ и на томъ мы покончили.

Сегодня, въ одиннадцатомъ часу утра, по обыкновенію, я приказалъ осѣдлать себѣ лошадь и поѣхалъ за городъ, а къ

полудню возвращаясь домой разсчиталъ такъ, чтобы быть на базарѣ, у площади, къ тому времени, какъ по ней будетъ слѣдовать шествіе эмира. Мнѣ удалось это какъ нельзя лучше.

Городская площадь полнымъ-полна была и пѣшимъ, и коннымъ народомъ, столько же по причинѣ праздничнаго дня, сколько и по случаю предстоявшей церемоніи. Отъ урды (цитадели) до самой мечети, вдоль пути слѣдованія, разставлены были шпалерами войска Шаарскаго отряда съ оружіемъ и знаменами.

Въ три четверти двѣнадцатаго въ сторонѣ урды раздалась военная музыка — знакъ, что его высокостепенство уже выѣхалъ изъ дворца, а минутъ чрезъ десять процессія показалась и на базарной площади. Открывали шествіе двое удайчи въ парчевыхъ халатахъ со своими жезлами, ѣхавшіе рядомъ на красиво-убранныхъ горячихъ жеребцахъ. Чередуясь одинъ съ другимъ, они мѣрнымъ полураспѣвомъ провозглашали установленную для подобныхъ случаевъ молитву: „хазретъ эмирнинъ исанлик-ля-ригà хyдà туафикъ гадалятъ берсинъ“, то есть „да поможетъ Господь хазрету-эмиру во вся дни его не преступать закона справедливости“. И вся масса чалмоноснаго народа, низко склоняя головы и спины, благоговѣйно отвѣчала на это: „Оменъ! оменъ!“ (да сбудется!). За удайчами ѣхалъ, одѣтый въ столь же блестящій халатъ, придворный чинъ „селямъ-агасы“, непосредственно предшествовавшій эмиру. Кланяясь вмѣсто своего повелителя направо и налѣво народу, онъ повторялъ за хазрета при каждомъ поклонѣ привѣтствіе: „алейкумъ асселямъ“, въ чемъ и состоитъ вся его должность.

Самъ же эмиръ, въ бѣлоснѣжной чалмѣ и въ простомъ шаиновомъ халатѣ темныхъ красокъ, являя разительный контрастъ съ яркостью и блескомъ своихъ залитыхъ въ золотую парчу царедворцевъ, ѣхалъ на статномъ ворономъ аргамакѣ, опоясанный кривою саблей, но ѣхалъ молча, неподвижно, съ какимъ-то застывшимъ, какъ бы каменнымъ выраженіемъ лица и большею частью съ потупленными изъ-подъ сумрач-

ныхъ бровей глазами. Но порой какъ бы усталыя вѣки его медлительно подымались, и тогда безразличный взглядъ хазрета, мимо всѣхъ и вся, устремлялся куда-то въ даль, въ неопредѣленное пространство...

Я понимаю, что такое появленіе хазрета своему народу должно производить на его подданныхъ внушительное и жуткое впечатлѣніе страха, смѣшаннаго съ благоговѣніемъ, что̀ такъ наглядно выражалось въ этомъ всеобщемъ преклоненіи головъ и въ сдержанныхъ, глухо произносимыхъ всѣмъ народомъ откликахъ „оменъ! оменъ!“

Непосредственно за эміромъ слѣдовала въ строю конная сотня его тѣлохранителей кулъ-батчей, въ алыхъ чекменяхъ съ галунами, а за сотней, подъ предводительствомъ шигаула Дурбинъ-инака, валомъ валила блистающая золотомъ, лазурью и пурпуромъ пестрая кавалькада всякихъ царедворцевъ, сановниковъ, чиновниковъ, бековъ, біевъ, почетныхъ лицъ и, наконецъ, тутъ же скакали всѣ не находившіеся въ строю офицеры, разряженные въ свои разноцвѣтные форменные костюмы съ русскими коваными эполетами.

По мѣрѣ того какъ эмиръ проѣзжалъ мимо своихъ батальоновъ, музыка играла ему „встрѣчу“, знамена и значки преклонялись, строевые офицеры одною рукой салютовали саблями, а другою прикладывались къ шапкамъ и кланялись, сарбазы по командѣ брали ружья на „караулъ“, почтительно потупляя въ то же время свои головы, и народъ, какъ нива, колеблемая вѣтромъ, низко нагибался впередъ, проводя по бородамъ ладонями, и замиралъ въ своемъ глубоко-почтительномъ согбеніи. Одно только „оменъ! оменъ!“ какъ глухой рокотъ морскаго прибоя проносилось надъ его приникшими волнами.

Но вотъ приблизился хазретъ къ мечети, и вдругъ, предъ ея порталомъ, на встрѣчу ему грянулъ оглушающій ревъ громадныхъ жестяныхъ трубъ. Однѣ изъ нихъ, сажени въ полторы, коли не двѣ длиной, имѣли совершенно прямую форму съ конически-уширяющимся раструбомъ, въ родѣ пе-

тербургскихъ пастушьихъ рожковъ; другія такой же длины, сгибались посерединѣ двойнымъ прямоугольнымъ колѣномъ. Уставясь своими зѣвами прямо въ небеса, трубы эти изрыгали все одну и ту же ревущую ноту, насколько лишь хватало силы въ легкихъ у изнатужившихся до-нельзя дударей, и ихъ жестокій монотонный ревъ, съ которымъ трудно сравнить что либо, покрывалъ собой всѣ остальные звуки площади.

Я полагаю, что эти трубы если не тѣ же самыя, то навѣрное съ-родни тѣмъ, отъ звука которыхъ нѣкогда пали стѣны іерихонскія.

Хазретъ оставался въ мечети около получаса, и затѣмъ такимъ же порядкомъ возвратился въ аркъ. Войска съ музыкой разошлись по квартирамъ, нарядные офицеры, блестящіе чиновники, біи, казіи и почетныя лица, въ сопровожденіи своихъ джигитовъ, разъѣхались въ разныя стороны, а пѣшій и конный народъ, гутоя и двигаясь волнами, долго еще наполнялъ базарную площадь.

15 января.

Сегодня, въ четыре часа пополудни, состоялся съ обычными церемоніями нашъ прощальный „селямъ" у эмира. Музаффаръ-Эддинъ просилъ князя засвидѣтельствовать генералъ-губернатору его неизмѣнно дружественныя чувства и надежду на дальнѣйшее сохраненіе добрыхъ отношеній Россіи къ Бухарѣ. Затѣмъ, освѣдомясь, хорошо ли мы провели время въ Шаарѣ и всѣмъ ли довольны, онъ пожелалъ намъ счастливаго пути и сказалъ, что съ его стороны уже сдѣлано распоряженіе, чтобы на время пребыванія посольства въ бухарскихъ предѣлахъ, какъ въ пути, такъ и во время остановокъ по городамъ, намъ были предоставлены всѣ возможныя удобства. Откланявшись эмиру, мы по приглашенію Дурбинъинака, перешли въ помѣщеніе перваначи Останa-куля, гдѣ были приготовлены прощальный достарханъ и подарки отъ эмира всѣмъ членамъ посольства. Вернулись домой въ шестомъ часу вечера.

А Рахметъ-Улла-токсаба такъ и не показался намъ больше, словно въ воду сгинулъ.

16 января.

Выѣздъ нашъ изъ Шаара назначенъ былъ въ девять часовъ утра, но за раздачей прощальныхъ подарковъ едва управились къ началу одиннадцатаго. Одарены были отъ лица нашего оба пристава мурзы юзъ-баши и офицеръ, безсмѣнно державшій почетный караулъ при посольскомъ домѣ, и весь взводъ его сарбазовъ, и эсаулъ-баши со своими курбашами, и всѣ состоявшіе при насъ бухарскіе джигиты,— всѣмъ досталось по хорошему халату, соотвѣтственно ихъ чинамъ и общественному положенію, а чиновникамъ и офицеру, сверхъ халатовъ, еще и по серебряной вещи, въ родѣ часовъ, портсигаровъ и чарокъ — „на память". Не забыли и маленькаго сынишку эсаула-баши, общаго нашего любимца и пріятеля, которому достались картинки изъ объявленій объ изданіи иллюстрированныхъ журналовъ, а главное весь изобильный остатокъ достархана со всѣми его разнообразными сластями. Князь Витгенштейнъ, какъ старшій представитель посольства, все время лично присутствовалъ при этой раздачѣ и благодарилъ чиновниковъ за ихъ усердіе и предупредительное вниманіе ко всѣмъ надобностямъ посольства. Между прочимъ, когда хорунжій Карамурзаевъ хотѣлъ было, по принятому здѣсь обыкновенію, накинуть халатъ на плечи караульному офицеру, то послѣдній, вѣжливо уклоняясь отъ этой чести, со всею деликатностью свойственною персу, заявилъ князю, что онъ проситъ извинить его, но на эполеты, пожалованные его высокостепенствомъ надѣть халатъ никакъ не можетъ, а потому проситъ позволенія принять столь лестный для него даръ просто изъ рукъ въ руки. Это было до того прелестно и неожиданно, что намъ стоило большаго труда воздержаться отъ веселой улыбки. И въ самомъ дѣлѣ, подумайте только: въ Бухарѣ начинаютъ понимать значеніе эполетъ и пытаются платить намъ тою же монетой!

Въ Урта-Курганѣ, гдѣ, восемнадцать дней тому назадъ, мы впервые познакомились съ перваначи, топчи-баши и корпусомъ бухарскихъ офицеровъ, сопровождавшихъ насъ при въѣздѣ въ Шааръ въ почетномъ конвоѣ, былъ теперь приготовленъ для насъ первый путевой завтракъ. Здѣсь мы распростились съ нашими юзъ-башами, которые представили намъ новаго пристава, караулъ-беги-зякетчи [1]), долженствовавшаго, по приказанію эмира, сопровождать насъ въ дальнѣйшемъ пути до города Карши.

Часу въ четвертомъ дня проѣхали мимо города Чиракчи, гдѣ по случаю базарнаго дня собралось множество народу, и на встрѣчу намъ высыпала цѣлая толпа любопытныхъ всадниковъ. А везли насъ все съ прежней помпой, въ эмирскихъ коляскахъ, четверней на уносахъ, въ предшествіи и въ сопровожденіи конныхъ джигитовъ, но къ счастью уже менѣе черепашьимъ шагомъ, хотя и далеко не полною рысью.

Отъ Чиракчи до мѣста ночлега, сказывали намъ, будто всего только два таша (16 верстъ), но въ дѣйствительности оказалось около четырехъ, благодаря тому, что повезли насъ, Богъ вѣсть зачѣмъ, какимъ-то кружнымъ путемъ, такъ что на ночлегъ прибыли мы уже въ потьмахъ, часу въ девятомъ вечера. Высланные на дорогу люди встрѣчали насъ съ фонарями и свѣчами, указывая путь въ мѣстечко Кара-бахъ (черный садъ), гдѣ и помѣстились мы, наконецъ, продрогшіе и проголодавшіеся, въ путевомъ дворцѣ эмира.

[1]) Сборщикъ торговыхъ и караванныхъ пошлинъ.

V.

Отъ Шахрисебса до Карши.

О бухарскомъ климатѣ и морозахъ. — Землетрясеніе на ночлегѣ. — Еще нѣчто по поводу хорошихъ манеръ и гостепріимства азіятовъ.—Гнилая вода.—Роздыхъ въ Чимъ-курганѣ.—Степные хутора.—Степь и Кашкинскій оазисъ.—Наше неумѣнье путешествовать съ восточною важностью.—Неудачная переправа. — Каршинская степь.—Городъ Карши.—Его ковровыя фабрики, мѣдночеканныя и ткацкія издѣлія.—Посольскій домъ. — Политиканскія продѣлки мѣстныхъ чиновниковъ.—Нѣсколько словъ по поводу обычая дѣлать взаимные подарки.—Каршинскій бекъ и его визитъ въ посольство.—Характеръ города.—Мостъ на Кашка-Дарьѣ.—Каршинскія предмѣстья.—Мазаръ Ишанъ-Шаида и городское кладбище.—Какъ относятся нынѣшніе сарты къ своимъ могиламъ. — Похоронные обряды у сартовъ.

17 января.

Холодъ страшный. Еще вчера съ девяти часовъ вечера сталъ такой морозъ, какого мы здѣсь ни разу пока не испытывали. Н. Ханыковъ въ своемъ „Описаніи Бухарскаго ханства“ [1]) говоритъ, что оно по южному положенію своему должно бы пользоваться весьма жаркимъ климатомъ, но что многія обстоятельства стекаются здѣсь вмѣстѣ, дабы не только умѣрить его, но даже и охладить. Во-первыхъ, континентальное положеніе ханства въ центрѣ Азіи оказываетъ на него хладотворное вліяніе, тѣмъ болѣе, что въ окружающихъ его земляхъ отношеніе обработанной части къ необработанной такъ ничтожно, что нисколько не смягчаетъ суровости ихъ климата. Вовторыхъ, совершенно открытое положеніе ханства съ сѣ-

[1]) Изданіе 1843 года, С.-Петербургъ.

вера и, напротивъ, огражденіе его Гиндукушемъ съ юга производитъ то, что приливъ холодныхъ струй воздуха изъ сѣверныхъ странъ постояненъ, и такъ какъ Гиндукушъ представляетъ имъ неодолимую преграду для перемѣщенія на югъ, то онѣ, согрѣваясь, необходимо должны поглощать значительную часть теплоты, присущей этой странѣ по ея географическому положенію—между 37-ю и 43-ю параллелями сѣверной широты. Въ-третьихъ, сильная солонцеватость почвы также не мало способствуетъ суровости климата. Въ-четвертыхъ, богатые запасы льдовъ и снѣговъ, залегающіе въ горахъ Акъ-тау, Кара-тау и Заревшанскомъ хребтѣ постоянно и непрерывно охлаждаютъ воздухъ ханства, а наконецъ и самое возвышенное положеніе Бухары (1.200 футовъ по Борнсу) надъ уровнемъ океана должно быть принято въ соображеніе при объясненіи холодовъ посѣщающихъ здѣшнія страны. Не смотря на все это, говоритъ Ханыковъ, климатъ Бухарскаго ханства долженъ быть названъ жаркимъ, потому что съ половины марта и до конца ноября температура постоянно стоитъ очень высокая, а лѣтомъ дѣлается нестерпимою. И дѣйствительно, здѣшній зной, въ зависимости отъ раскаляемыхъ солнцемъ песковъ Кизиль-кума и туркменскихъ зааму-дарьинскихъ степей, несравненно хуже и невыносимѣе зноя тропическихъ странъ, гдѣ онъ нѣсколько умѣряется влажностью воздуха, приносимаго съ близкихъ къ нимъ морей и океана. Разница между наибольшею температурой лѣтомъ (+56° R.) и наименьшею зимой (—25° R.) достигаетъ здѣсь 81°, и это, по моему мнѣнію, такое обстоятельство, которое заставляетъ меня отнести климатъ Бухары прямо къ числу суровыхъ, потому что 56-ти градусный зной, при страшной сухости воздуха—какъ хотите—составляетъ не менѣе суровое условіе для существованія, чѣмъ 30-ти градусный холодъ. И, право, я затрудняюсь сказать, которая изъ этихъ двухъ крайностей хуже?

Въ 2¼ часа ночи было довольно сильное землетрясеніе, продолжавшееся около одной минуты. Колебанія почвы шли медленно и мѣрно, съ промежутками до двухъ секундъ на каждое, и

сила ихъ дѣйствія сказывалась тѣмъ, что въ нашей комнатѣ трещали потолочныя жерди; но къ исходу первой полминуты они постепенно становились все слабѣе и медленнѣе, пока не затихли вовсе. Однакоже послѣ семи, восьмисекунднаго затишья землетрясеніе возобновилось, только приняло совсѣмъ другой характеръ. Теперь это были уже быстрыя, волнообразныя колебанія съ дрожью почвы, въ направленіи съ юго-запада къ сѣверо-востоку. Явленіе, въ особенности въ своей первой половинѣ, сопровождалось глухимъ подземнымъ гуломъ, который напоминалъ собою мѣрный, густой звонъ большого колокола [1]). Колебанія почвы и трескъ потолка разбудили меня почти въ самомъ началѣ землетрясенія, и въ первыя двѣ, три секунды я даже не понималъ, не могъ сообразить въ чемъ дѣло; когда же все окончательно затихло, нарочно вышелъ на дворъ посмотрѣть что̀ дѣлается. Ночь, озаренная мѣсяцемъ, была ясна и жестоко морозная. Вѣтви деревъ, терраса, стѣны, все было запушено густымъ сверкающимъ инеемъ, и снѣгъ сильно хрустѣлъ подъ ногами. Термометра со мной не было, но на ощущеніе морозъ, мнѣ кажется, значительно превышалъ 20 градусовъ Реомюра, и въ тихомъ воздухѣ чувствовалась такая острота и сухость, что затруднялось даже дыханіе. Въ комнатѣ нашей, при ея весьма просторныхъ размѣрахъ, тоже было очень холодно, тѣмъ болѣе, что мы приказали унести изъ нея два мангала (жаровни), отъ которыхъ распространялся въ ней очень тонкій, но чувствительно дѣйствовавшій на голову угаръ, послѣдствія коего вскорѣ обнаружились на князѣ. Словомъ, холодъ даже въ

[1]) Въ Бухарѣ землетрясенія случаются преимущественно въ мартѣ и въ первой трети апрѣля, но иногда сильные жары и сильные морозы также сопровождаются этимъ явленіемъ. Здѣсь, между прочимъ, существуетъ старое повѣрье, что предъ каждымъ новымъ годомъ, который у бухарцевъ считается со дня весенняго равноденствія, непремѣнно должно быть землетрясеніе, и чтобы въ этомъ убѣдиться, они въ ночь наканунѣ новогодняго дня втыкаютъ въ землю ножикъ, и когда онъ упадетъ отъ сотрясенія почвы, то съ той минуты считается и начало новаго года.

комнатѣ былъ такой, что рано утромъ мы проснулись съ ледяными сосульками на усахъ.

Обозъ нашъ еще съ вечера сильно отсталъ, а потому, князь рѣшилъ дождаться его прибытія; но такъ какъ арбы пришли только сегодня во второмъ часу пополудни, и лошади оказались крайне измученными, то намъ поневолѣ пришлось продневать въ Карабахѣ.

Жить зимой въ туземныхъ домахъ безъ привычки невыносимо: глиняныя стѣны промерзаютъ насквозь, глиняный полъ тоже; окна безъ стеколъ и большею частію не защищены ровно ничѣмъ; наружныхъ дверей въ комнатѣ много, не менѣе трехъ, но створы ихъ никогда не запираются вплотную, и потому изо всѣхъ щелей тянетъ сквознякъ ужасный. Благодаря всему этому, зимой во время морозовъ внутри бухарскихъ саклей гораздо холоднѣе, чѣмъ на открытомъ воздухѣ, и мы не разъ бывало выходили на дворъ, чтобы согрѣться. По той же причинѣ порѣшили мы съ княземъ перебраться въ юрту, и не имѣли причинъ сожалѣть о такомъ перемѣщеніи: въ юртѣ, гдѣ весь день поддерживался огонь въ костеркѣ, положительно было удобнѣе и несравненно теплѣе, чѣмъ въ комнатѣ—надо только лежать, чтобы дымъ не ѣлъ глазъ—да и воздухъ по крайней мѣрѣ не былъ здѣсь отравленъ угаромъ.

Въ качествѣ походнаго метръ-д'отеля (достарханчи) сопровождалъ насъ, по назначенію бухарскаго правительства, одинъ эсаулъ-баши, всегда лично вносившій и ставившій предъ княземъ почетное блюдо плова и распоряжавшійся во время стола остальною прислугой. Джентльменскій видъ, манеры и вообще умѣнье держать себя просто, но изящно и всегда съ чувствомъ собственнаго достоинства, сказывались въ этомъ азіятѣ такъ рельефно, что не могли не обратить на себя наше вниманіе. По этому поводу произошелъ у насъ съ княземъ разговоръ, начавшійся съ высказаннаго мной удивленія, откуда эти азіяты, люди, которыхъ въ Европѣ считаютъ варварами, полудикарями, усваиваютъ себѣ такой тактъ и пол-

ныя благороднаго изящества манеры. Мысли, высказанныя въ отвѣтъ на это княземъ, очень понравились мнѣ своею оригинальностью, и мнѣ кажется, что его выводы вовсе не парадоксальны, напротивъ, въ нихъ чувствуется нѣчто основательное; сущность ихъ сводится вотъ къ чему:

Азія искони была и остается доселѣ истинною родиной хорошихъ манеръ, и европейцы вовсе не могутъ считаться ихъ самостоятельными изобрѣтателями: эти манеры, равно какъ и большую часть родовъ нашего спорта, Европа заимствовала у Востока еще съ эпохи Крестовыхъ походовъ. Нѣтъ надобности приводить примѣры необузданной грубости и даже дикости общественныхъ и семейныхъ нравовъ, какими отличалась феодальная Европа до этой знаменательной эпохи: примѣры эти достаточно извѣстны. Съ эпохи Крестовыхъ походовъ являются труверы, трубадуры, миннезингеры, воспѣвающіе не только бранные подвиги рыцарей, но и благородство, изящество и нѣжность чувствованій, въ чемъ они очень сходствуютъ съ поэтами Востока, въ особенности съ арабскими; является турниръ, точно также вынесенный съ Востока, турниръ съ его утонченными формами вѣжливости между противниками, что впослѣдствіи преемственно перешло и къ дуэлямъ [1]. Но заимствовавъ эти формы у Востока, Европа присоединила къ нимъ уже вполнѣ самостоятельно еще одинъ новый и невѣдомый на Востокѣ элементъ, какимъ явилась женщина,— женщина предметъ пѣснопѣній трубадуровъ и миннезингеровъ, женщина царица турнира, и ея присутствіе еще болѣе облагородило и какъ бы освятило формы вѣжливости и изящество манеръ, вынесенныя рыцарями изъ Азіи. Съ присутствіемъ женщины прежній безобразно разгульный пиръ превращается въ балъ, въ раутъ; участіе женщины въ обществен-

[1]) Годфридъ Прельи первый установилъ правила и законы турнира. Что же касается поединковъ, то правила „Pandectae triumphales" были изданы въ 1586 году. Послѣдній турниръ, достопамятный тѣмъ, что на немъ Монгомери смертельно ранилъ французскаго короля Генриха II, былъ въ 1559 году, и съ тѣхъ поръ турниры замѣнились каруселями.

ной жизни, смягчая нравы, внося въ эту сферу изящество, красоту и грацію, поддерживало на извѣстной высотѣ и изящество манеръ, и формы вѣжливости, не давая забывать ихъ, и такимъ образомъ эти формы мало-по-малу сдѣлались обычными формами общежитія, вошли въ плоть и кровь порядочнаго общества. Но ничто не вѣчно подъ луной... Истинно хорошія манеры погибли въ Европѣ со временъ первой французской революціи, когда, подъ видомъ спартанской простоты и презрѣнія къ аристократизму, водворилась утрированная грубость взаимныхъ отношеній, то же что̀ мы видимъ въ нынѣшнемъ нигилизмѣ. Теперь сохранились только клочки и обрывки прежняго, но и тѣ, подъ вліяніемъ разныхъ новѣйшихъ доктринъ и теченій, съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе утрачиваются, вмѣстѣ съ изяществомъ выраженій разговорнаго языка, даже и въ салонахъ „порядочнаго общества“, гдѣ бульварный и закулисный жаргонъ все шире захватываетъ себѣ права гражданства. И вотъ почему, когда здѣсь, въ глубинѣ Азіи, мы сталкиваемся съ истинными ея сынами, ихъ манеры, полныя изящества, простоты и благородства, вдругъ напоминаютъ намъ нѣчто, какъ будто свое старое, хорошо когда-то знакомое, но давно уже забытое, какъ забывается иногда какая-нибудь поэтическая баллада или старый мотивъ, знакомые намъ когда-то въ далекомъ дѣтствѣ, и мы начинаемъ недоумѣвать и удивляться: откуда все это. Да ни откуда; оно тутошное, искони тутъ было и есть, не позабытое, всецѣло сохранившееся. А это только мы позабыли. И потому-то, повторяю, многимъ „европейцамъ“ далеко не мѣшало бы поучиться хорошимъ манерамъ у азіятовъ [1]).

[1]) Не выключая изъ ихъ числа даже и киргизъ, въ подтвержденіе чего я разскажу слѣдующій фактъ: 18-го марта 1883 года выѣхали мы въ свитѣ М. Г. Черняева изъ Перовска въ Аму-Дарьинскій отдѣлъ. На лѣвомъ берегу Сыра, какъ разъ противъ Перовска, находится хуторъ, принадлежащій почтенной старухѣ Кунъ-Сары, вдовѣ почетнаго степнякакиргиза Уткуль-бая. По переправѣ чрезъ Сыръ, М. Г. Черняевъ, желая

Еще характерная черта.

Понадобилось намъ для вьюковъ кошмы и веревокъ. Послали на базаръ, гдѣ всего этого добра нашлось вдоволь. Отобрали наши посланцы сколько было нужно и спрашиваютъ, что̀ сто̀итъ.

— Ничего.

— Какъ такъ ничего?

— Ровно ничего не сто̀итъ. Вы наши гости, вы въ до-

почтить ее, заѣхалъ къ ней на хуторъ. Тамъ уже заранѣе все было готово къ пріему. На обширномъ дворѣ стояли большія юрты — лѣтнее помѣщеніе владѣлицы и ея семейства (зимой они живутъ въ сырцово-кирпичномъ домѣ, построенномъ по образцу русскихъ домовъ этого края). Сама старуха, въ богатомъ киргизскомъ нарядѣ темныхъ цвѣтовъ, встрѣтила гостя у воротъ и осыпала его по обычаю нѣсколькими горстями золотыхъ и серебряныхъ монетъ; позади ея стояли всѣ члены ея семейства Между послѣдними находились три или четыре женщины, изъ которыхъ дочь старухи, Райханъ, дѣвушка лѣтъ двадцати, и невѣстка ея, Чаръ-Гуль, были замѣчательно хороши собой въ своихъ парчевыхъ нарядахъ и собольихъ шапочкахъ, разительно напоминавшихъ костюмъ русскихъ боярынь XVI и XVII столѣтій. Въ юртѣ, гдѣ былъ накрытъ большой столъ для завтрака, уставленный великолѣпнымъ фарфоромъ, хрусталемъ и серебромъ, старуха представила Михаилу Григорьевичу всѣхъ женщинъ своего многочисленнаго семейства. Когда же былъ поданъ гостямъ завтракъ, то всѣ женщины, за исключеніемъ хозяйки дома, должны были удалиться изъ юрты въ силу киргизскаго этикета. Къ этому-то моменту и относится весь мой разсказъ. Надо было видѣть съ какою естественною граціей и достоинствомъ и какъ ловко отступали онѣ одна за другой, пятясь къ дверямъ и черезъ каждые три, четыре шага, дѣлая по одному плавному поклону. Мы чуть не ахнули отъ изумленія. Эта манера отступленія и характеръ поклона, повторяемаго въ силу этикета три раза, были всесовершеннѣйшимъ подобіемъ тѣхъ отступательныхъ реверансовъ придворныхъ дамъ, какіе приняты при всѣхъ европейскихъ дворахъ при откланиваніи высочайшимъ особамъ. А вѣдь этихъ самобытныхъ степнячекъ такому искусству никто не училъ; это уже у нихъ свое, врожденное, привитое обычаемъ, съ незапамятныхъ временъ существующимъ. Подобный же обычай искони существуетъ и у монголовъ. Кто-же отъ кого его заимствовалъ: Азія ли отъ Европы, или Европа отъ Азіи? Въ послѣднемъ, мнѣ кажется, не можетъ быть сомнѣнія.

рогѣ; вамъ въ пути понадобилась вещь, вы ее спрашиваете; мы вамъ даемъ ее потому, что вы наши гости. Мы ничего взять съ васъ за это не можемъ.

— Однако, все же...

— И не спорьте, все равно не возьмемъ.

Нечего дѣлать, пришлось принять необходимое намъ въ подарокъ и отплатить купцамъ халатами. Положимъ, получить халатъ гораздо выгоднѣе, чѣмъ базарную цѣну за такой нехитрый товаръ; но вѣдь купцы не могли же разсчитывать навѣрняка на то, что наша прислуга доведетъ до свѣдѣнія главнаго посла о нежеланіи ихъ получить за уступленный товаръ плату; естественнѣе съ ихъ стороны было бы предположеніе, что прислуга покажетъ товаръ купленнымъ, а деньги положитъ себѣ въ карманъ. Стало быть, тутъ уже прямо проявляется древній азіятскій обычай относительно правъ и обязанностей гостепріимства, обычай подтверждаемый Кораномъ.

Въ Карабахѣ, между прочимъ, впервые довелось мнѣ на опытѣ познакомиться съ отвратительными качествами стоячей воды, свойственными большинству средне-азіятскихъ „хаузовъ". Хаузъ, это небольшой прудокъ, выкапываемый посрединѣ двора и обыкновенно осѣняемый нѣсколькими старорослыми ветлами. Безъ подобныхъ хаузовъ не обходится здѣсь ни одна мечеть, равно какъ и бо̀льшая часть медрессе. Вода, проводимая въ нихъ изъ арыковъ, освѣжается рѣдко, а между тѣмъ служитъ къ удовлетворенію всѣхъ домашнихъ надобностей, отъ питья и варки до обязательныхъ омовеній. Утромъ я захотѣлъ было помыться, но чуть поднесъ къ лицу пригоршню воды, какъ меня ошибло ея отвратительнымъ запахомъ органической гнили, смѣшанной съ тухлыми яйцами. Пришлось оставить всякую дальнѣйшую попытку къ умыванью, тѣмъ болѣе, что на требованіе мое перемѣнить воду мнѣ отвѣчали, что другой воды нѣтъ во всемъ мѣстечкѣ и что эту самую мы употребляли и въ пищѣ, и въ чаѣ. Чай однако же былъ безъ всякаго запаха, равно какъ и шурпа. Оказалось, что въ прокипяченомъ видѣ эта вода утрачиваетъ свой запахъ; но признаюсь, чув-

ство брезгливости послѣ собственнаго опыта уже отбило у меня всякую охоту и къ карабахскому чаю.

18-го января.

Выступили съ ночлега въ семь часовъ утра, при сильномъ морозномъ туманѣ, который совершенно скрывалъ не только всю окрестную мѣстность, но и джигитовъ, скакавшихъ шагахъ въ тридцати впереди поѣзда. Путь въ молочно-бѣломъ туманѣ продолжался на разстояніи $2^1/_2$ ташей (20 верстъ), до селенія Чимъ-курганъ, гдѣ, по распоряженію сопровождавшаго насъ караулъ-беги, назначенъ былъ часовой роздыхъ и завтракъ въ домѣ, уступленномъ для этой цѣли какимъ-то очень зажиточнымъ обывателемъ, который встрѣтилъ насъ предъ своими воротами. Завѣса изъ разноцвѣтныхъ полъ большой палатки, протянутая вдоль айвана (террасы), гдѣ былъ накрытъ достарханъ, а во дворѣ согрѣтыя юрты и зеленыя палатки для нашихъ людей, и тамъ же цѣлый рядъ дымившихся котловъ съ различными снѣдями, все это указывало на богатую радушіемъ встрѣчу. Въ комнатѣ, устланной коврами, вокругъ накрытаго для завтрака стола, стояли даже стулья бухарскаго издѣлія, покрытые зеленою краской и обтянутые одни алымъ сукномъ, а другіе пестрымъ бухарскимъ бархатомъ. Эти стулья потомъ, по обычной манерѣ, надѣтые на руки верховыхъ джигитовъ, были мчимы въ карьеръ мимо нашего поѣзда, по дорогѣ къ слѣдующему пункту роздыха. За завтракомъ, въ качествѣ новыхъ блюдъ, обращали на себя вниманіе вкусная похлебка съ мелко крошенымъ мясомъ и сладкая каша или соломата коричневаго цвѣта, изъ пшеничной муки, заваренная, какъ клейстеръ или какъ молдаванская мамалыга, но не на водѣ, а на одномъ только бараньемъ жирѣ. Не дай Богъ, однако, человѣку страдающему сколько нибудь желудочнымъ катарромъ попробовать хотя чайную ложку этой снѣди: послѣдствіемъ будетъ жесточайшая изжога, не поддающаяся ни содѣ, ни Боткинской карлсбадской смѣси, ни пепсину. Тѣ изъ насъ, которые рѣшились отвѣдать этой кашки, проклинали потомъ цѣлый день ея жирно-сладкую память.

Въ $10^1/_2$ часовъ утра, по выѣздѣ изъ Чимъ-кургана, туманъ нѣсколько порѣдѣлъ, такъ что явилась возможность разглядѣть кое-что на разстояніи шаговъ трехсотъ. Тутъ мы замѣтили одну особенность въ устройствѣ владѣльческихъ хозяйствъ, или дворовъ, расположенныхъ на степи, нѣсколько въ сторонѣ отъ дороги. Они не составляютъ сплошнаго селенія, не ютятся хозяйство къ хозяйству, какъ тѣ, что̀ тянутся вдоль самой рѣки, а раскинуты по окрестности, каждый дворъ самъ по себѣ, отдѣльно отъ прочихъ, на извѣстномъ разстояніи, такъ что представляются чѣмъ-то въ родѣ нашихъ хуторовъ, почему и самое названіе ихъ „чарбахъ" соотвѣтствуетъ хутору. Каждый изъ такихъ дворовъ непремѣнно обнесенъ стѣной, и даже довольно высокою, нерѣдко съ зубцами, въ томъ же родѣ, какъ и караванъ-сараи, такъ что издали они имѣютъ видъ какъ бы отдѣльныхъ фортовъ, взаимно другъ друга обороняющихъ; но это не караванъ-сараи, а именно обширные, степные хозяйственные дворы, чарбахи.

Прирѣчная мѣстность заселена очень густо. Въ продолженіе всего пути, почти вплоть до Карши, справа виднѣются непрерывною лентой сады, среди которыхъ тянется непрерывный рядъ селеній вдоль по теченію Кашка-Дарьи, составляющихъ въ сущности одинъ безконечный кишлакъ, лишь подраздѣленный на различныя наименованія. Селенія эти, слѣдуя изгибамъ рѣки, теряются подъ конецъ пути изъ виду, но нѣсколько времени спустя, темная полоса ихъ садовъ снова выступаетъ на горизонтѣ, подходитъ все ближе и ближе и, наконецъ, сливается непосредственно съ самимъ городомъ. Дорога отъ самаго Шаара идетъ не сквозь прибрежные кишлаки, а пролегаетъ по возвышенной степной плоскости (чуль), за воздѣланною полосой, или, лучше сказать, по задамъ земельныхъ участковъ, огороженныхъ глинобитными стѣнками, а каждый изъ такихъ участковъ занимаетъ въ длину, считая отъ рѣки къ чулю, протяженіе версты въ три (такъ по крайней мѣрѣ казалось на глазъ). Въ лѣвую сторону отъ дороги идетъ уже голая степь, служащая пастбищемъ для овечьихъ отаръ,

кое-гдѣ прорѣзанная съ сѣвера на югъ большими арыками, которые пересѣкаютъ дорогу крайне неудобно для проѣзда, потому что окопаны съ обѣихъ сторонъ высокими земляными насыпями, образующимися постепенно при ежегодной чисткѣ арыковъ, когда весь илъ и наносный песокъ, выгребаемый со дна, сбрасывается тутъ же на насыпь, и такимъ образомъ по величинѣ этой послѣдней всегда можно приблизительно опредѣлить, какъ давно арыкъ существуетъ. Эти степные арыки несутъ воду къ дальнимъ кишлакамъ, что̀ виднѣются южнѣе, у подножія незначительной пологой гряды, составляющей послѣдній изъ отроговъ Ярчаклыйскаго хребта.

Чѣмъ ближе къ Карши, тѣмъ все болѣе степная мѣстность перерѣзывается подобными арыками, но тутъ уже они идутъ и вдоль и поперекъ степнаго пространства, и встрѣчаются между ними какъ большіе, такъ и малые, и глубокіе, и мелкіе; на нѣкоторыхъ настланы прочные, хорошо содержимые мостики, безъ перилъ, но достаточной ширины, такъ что широкоходная арба можетъ по нимъ пройти совершенно свободно.

Проѣхали еще 2½ таша и остановились на нѣсколько минутъ у селенія Каратегинъ, чтобы дать вздохнуть лошадямъ. Караулъ-беги тотчасъ же подъѣхалъ съ предложеніемъ остановиться и здѣсь для отдыха и достархана, но мы предпочли немедленно же ѣхать далѣе. Поѣхали; но поѣхали къ видимому удивленію и даже неудовольствію нашихъ провожатыхъ и мѣстнаго аксакала: „Какъ, такой длинный путь и вдругъ не желаютъ отдохнуть и подкрѣпиться! Совсѣмъ ни на что̀ не похоже!“

Но вотъ сдѣлали еще около двухъ ташей; подъѣзжаемъ къ селенію Чаукай, куда выѣхали двое какихъ-то чиновниковъ, высланныхъ изъ Карши для встрѣчи посольства. Здѣсь опять то же самое предложеніе остановиться, закусить и отдохнуть. Но когда и на этотъ разъ, не внявъ любезнымъ приглашеніямъ, мы велѣли везти себя дальше, то и караулъ-беги, и чиновники, и аксакалы окончательно уже „поверглись въ пу-

чину недоумѣнія“ и стали между собою переговариваться: „Да что-жъ молъ это наконецъ такое?!.. Какіе же это важные люди! Гдѣ такіе виданы?..“ Въ Бухарѣ важные люди путешествуютъ медленно, съ роздыхомъ, съ остановкой, и чѣмъ важнѣе лицо, тѣмъ медлительнѣе должно оно ѣхать. Да и куда спѣшить въ самомъ дѣлѣ? и зачѣмъ... Для спѣху существуютъ молъ джигиты, — ну ужь у тѣхъ и назначеніе такое, — а то вдругъ важные люди, и тоже по-джигитски! „Ай-ай, яманъ, яманъ! не хорошо!..“

Конечно, эти добрые люди мѣрятъ на свой аршинъ: такъ напримѣръ, эмиръ никогда не проѣзжаетъ въ сутки болѣе одного таша, но для насъ, въ виду экстренности поѣздки, а главное въ виду заранѣе заявленнаго нами желанія, количество ташей было болѣе, чѣмъ удвоено и именно накинуто на каждую станцію по полтора таша (12 верстъ), но когда и при этомъ мы отказались отъ предлагаемыхъ остановокъ и сопряженныхъ съ ними кормленій жирными и сладкими снѣдями, то понятно, что бухарцы наши должны были наконецъ „положить въ ротъ палецъ изумленія“. Шутка ли сказать, пропустить вдругъ цѣлыя двѣ остановки и двѣ кормежки! Но еслибы слѣдовать желанію этихъ добряковъ, то намъ отъ Шаара до Карши, вмѣсто двухъ перегоновъ, понадобилось бы пять, а если ѣхать по-эмирски, то разстояніе отъ Шаара до Бухары въ 31 ташъ (248 верстъ) пришлось бы проѣзжать цѣлый мѣсяцъ. Разумѣется, бухарскіе чиновники должны были наконецъ безнадежно махнуть на насъ рукой, какъ на людей окончательно не умѣющихъ путешествовать съ надлежащею важностію.

Послѣ каждаго отказа въ остановкѣ насъ, на дальнѣйшемъ пути, нагоняли и опережали джигиты, мчавшіеся бѣшенымъ карьеромъ съ надѣтыми на руки зелеными стульями, сидя безъ стремянъ на вьючныхъ кожаныхъ коробкахъ, наполненныхъ столовыми приборами и достарханомъ. А замѣчательно въ самомъ дѣлѣ, какъ ѣздятъ въ Средней Азіи верхомъ на вьюкахъ: чѣмъ тяжелѣе до извѣстной степени вьюкъ, тѣмъ

считается лучше; меньше будетъ ерзать и стало быть для лошади менѣе риску набить себѣ спину. Человѣкъ же садится между двумя коробами и кладетъ на нихъ ноги, вытянувъ ихъ горизонтально впередъ, причемъ нижняя часть ноги, начиная отъ колѣна, болтается у него безъ опоры на воздухѣ, около лошадиной шеи. Такая поза безъ привычки крайне неудобна, но говорятъ, что именно она-то тутъ и требуется, потому что человѣкъ будто бы становится отъ этого увѣсистѣе и тѣмъ дополняетъ усидчивость вьючной поклажи.

На пути отъ Чаукая къ Карши не обошлось-таки безъ приключенія. Протекаетъ тутъ какая-то рѣчонка, сама по себѣ вполнѣ ничтожная, особенно въ эту пору года; но течетъ она въ довольно глубокихъ и большею частію круто обрывистыхъ берегахъ. Рѣчка затянулась тонкимъ льдомъ, по которому двинулся было вьючный джигитъ съ цѣлью проложить дорогу поѣзду; но едва выѣхалъ на середину, какъ ледъ подъ нимъ рухнулъ и джигитъ провалился, растерявъ свою поклажу. Кое-какъ однако удалось ему выкарабкаться на ледъ и вытянуть свою лошадь; но подходя къ противоположному берегу бѣдняга провалился снова, и на этотъ разъ даже серьезнѣе перваго, потому что лошадь упала подъ нимъ на бокъ и окунула его съ головой. Впрочемъ, все обошлось благополучно, безъ ранъ и ушибовъ, а упавшій вьюкъ былъ пойманъ другими джигитами. Освободясь изъ-подъ лошади, узбекъ поднялъ ее на ноги и вытянулъ за поводъ на берегъ, гдѣ, раза два встряхнувшись, легъ на спину и задралъ кверху ноги, чтобы вылить изъ сапогъ воду, а затѣмъ вскочилъ въ сѣдло, влѣпилъ пару горячихъ нагаекъ своему скакуну и минуту спустя уже пропалъ изъ виду, умчавшись по направленію къ городу. По пути, проложенному, или вѣрнѣе проломленному джигитомъ перешла наша казачья команда справа по три, чтобъ еще болѣе разбить ледъ и уширить проѣздъ, а затѣмъ была пущена арба, которая впрочемъ такъ въ водѣ и застряла, ни впередъ, ни назадъ. Русло рѣченки было изборождено глубокими и крутыми рытвинами, благодаря кото-

рымъ переправа въ этомъ мѣстѣ оказалась окончательно невозможною. Нечего дѣлать, пришлось поворачивать оглобли и ѣхать назадъ, въ обходъ, къ какому-то другому броду, у котораго спускъ хотя и гораздо круче перваго, но за то русло мелкое и ровное. Здѣсь перебрались мы уже безъ всякихъ приключеній, и караулъ-беги объявилъ, что отъ этого мѣста до Карши остается всего одинъ ташъ.

Послѣдніе отроги Ярчаклыйскаго хребта, въ видѣ глинисто-песчаниковыхъ бугровъ, перерѣзанныхъ водомоинами, кончаются у селенія Чаукай, не доходя верстъ десяти до города. Но здѣсь это уже совсѣмъ ничтожныя возвышенности, отъ подошвы коихъ мѣстность переходитъ въ совершенную равнину, гдѣ лишь изрѣдка попадаются неглубокія пади и пологія котловинки.

Отъ Чиракчи до Чаукая степные курганы встрѣчались намъ довольно рѣдко, но начиная отъ этого послѣдняго пункта вся степь, прилегающая къ Карши, усѣяна ими. Это все курганы могильнаго характера, довольно высокіе, и на двухъ изъ нихъ видны были слѣды недавнихъ раскопокъ, но разумѣется не съ научною цѣлью. Въ здѣшнихъ курганахъ, какъ и вездѣ впрочемъ, копаются кладоискатели, а еще больше — просто сосѣдніе земледѣльцы, которые выбираютъ съ нихъ жирную, пропитанную органическимъ перегноемъ землю для своихъ огородовъ и плантацій.

Городъ Карши стоитъ на совершенно открытой равнинѣ и служитъ главнымъ этапнымъ пунктомъ для всѣхъ торговыхъ karavanовъ, идущихъ въ Бухару съ востока и юго-востока, и главнымъ рынкомъ для всей окружающей его степи, обитаемой кочевыми туркменами. Послѣ Бухары, Карши считается лучшимъ городомъ во владѣніяхъ эмира, и это, можно сказать, единственный внѣ русскихъ предѣловъ среднеазіятскій городъ, который не пребываетъ въ состояніи косности, а постоянно продолжаетъ расти и развиваться, благодаря своему торгово-промышленному значенію, въ особенности въ качествѣ первостепеннаго транзитнаго пункта. Число жите-

лей его опредѣлить трудно, такъ какъ оно ускользаетъ отъ вѣдѣнія даже и мѣстной администраціи, но извѣстно, что въ самомъ городѣ находится болѣе тысячи жилыхъ дворовъ, принадлежащихъ частнымъ владѣльцамъ, шестнадцать мечетей, три караванъ-сарая и двѣнадцать медрессе. Между послѣдними замѣчательны двѣ: медрессе Голи и медрессе Бикей; первая въ 65 комнатъ, построена въ царствованіе эмира Хайдара, въ началѣ XVI столѣтія, иждивеніемъ простой молочной торговки, а вторая, въ 50 комнатъ—простымъ узбекомъ Бикеемъ, котораго Абдуллахъ-ханъ[1]) возвелъ въ званіе бія за то, что Бикей, встрѣтивъ его, заблудившагося на охотѣ, вывелъ на настоящую дорогу и оказалъ ему гостепріимство, не зная съ кѣмъ имѣетъ дѣло. Какъ кто ни смотри, на какой европейскій аршинъ не мѣрь „полуварварскую цивилизацію" этихъ „туранцевъ", но тотъ фактъ, что въ средѣ ихъ являлись простыя торговки и простые по нашему мужики, на собственныя средства и по собственному побужденію воздвигавшіе университеты, гдѣ до сихъ поръ раздается слово мусульманской науки, такой фактъ самъ говоритъ за себя достаточно краснорѣчиво. Не все же, стало быть, господствовалъ здѣсь такъ называемый „мракъ невѣжества"; напротивъ, были времена, когда сильно проявлялось въ этомъ обществѣ и уваженіе къ знанію, и стремленіе къ распространенію науки и цивилизаціи. Остатки древнихъ арыковъ въ Голодной степи и въ другихъ, нынѣ совершенно мертвыхъ пустыняхъ, величественные степные рабаты и монументальныя сардобы, астрономическая обсерваторія Улукъ-бека, мозаичные дворцы, мавзолеи, медрессе и мечети, до нашихъ дней продолжаютъ свидѣтельствовать, что были свои „золотыя времена" и для Средней Азіи.

Судя на глазъ, городъ Карши со своими садами кажется будто раскинулся на значительное разстояніе по теченію

[1]) Родился въ 940 (1538), вступилъ на престолъ въ 963 (1555), умеръ въ 1006 (1597) году. Это былъ величайшій изъ государей династіи Шейбанидовъ.

Кашки, но въ сущности самый городъ, то есть часть окруженная стѣной, не особенно великъ. Въ подробности описывать его наружность было бы излишне: это все то же, что и въ Чимкентѣ, и въ Ташкентѣ, и въ Шаарѣ, словомъ, повсюду въ Средней Азіи, и если вы видѣли хоть одинъ средне-азіятскій городъ, то можно сказать, что вы видѣли ихъ всѣ; отличія между тѣмъ или другимъ изъ нихъ будутъ не особенно значительны и касаются болѣе географическаго, чѣмъ этнографическаго характера. Урда (цитадель), обыкновенно стоящая на возвышеніи и обнесенная глинобитною зубчатою стѣной съ башнями, то же, что наши древніе кремли, обыкновенно составляетъ центръ города; въ урдѣ, аркъ, то есть дворецъ эмира или бека, тоже обнесенный зубчатою стѣной и служащій для цитадели какъ бы редюитомъ; затѣмъ внѣ урды, противъ ея главныхъ воротъ, регистанъ, четырехсторонняя городская площадь, окруженная зданіями главныхъ медрессе и главной городской мечети „намазъ-джума"; къ регистану же съ трехъ сторонъ примыкаетъ базаръ со своими караванъ-сараями, крытыми рядами и ротондой чаръ-су, всегда составляющею центръ главнаго городскаго базара, а затѣмъ во всѣ стороны, какъ паутинная сѣть, расходятся кривые и косые узенькіе улицы и переулки, обрамленные глинобитными заборами, за которыми въ глинобитныхъ сакляхъ, среди закрытыхъ дворовъ и садовъ, копошится жизнь городскихъ обывателей. Здѣсь время отъ времени попадается какой нибудь хаузъ, осѣненный ветлами, и рядомъ небольшая мечеть или могила какого нибудь святаго съ развѣвающимся на высокомъ шестѣ бунчукомъ или знаменемъ. Тамъ и сямъ улица пересѣкается журчащимъ арыкомъ и нерѣдко упирается въ стѣну, гдѣ нѣтъ даже и калитки, или въ захороненное кладбище съ тѣсными рядами кирпичныхъ саркофаговъ, оштукатуренныхъ гипсомъ. Иногда такая улица въ одномъ изъ своихъ уголковъ оживится какимъ нибудь маленькимъ базарчикомъ съ тремя, четырьмя лавчонками, и непремѣнно съ чайна̀-хане и съѣстною, около которыхъ обыкно-

венно ютятся и нѣсколько ремесленныхъ заведеній, а тамъ опять пошли глиняные заборы да плоскія кровли, вплоть до самой городской стѣны такого же типа, какъ и стѣна урдинская, съ нѣсколькими воротами, выводящими на разныя дороги. За воротами, начиная отъ внѣшней окружности стѣны, идутъ уже сплошною полосой на нѣсколько верстъ вокругъ города его предмѣстья, наполненныя садами, плантаціями и кладбищами. И вотъ вамъ обыкновенный типъ всякаго средне-азіятскаго города. Одинъ будетъ меньше, другой больше, одинъ холмистѣе, другой равниннѣе, и въ этомъ почти вся разница. Таковъ же точно и Карши, такова и преславная „благородная Бухара“, „оплотъ вѣры и главный столпъ ислама“ съ ея 365 мечетями.

Впрочемъ, относительно Карши можно прибавить, что его улицы, по крайней мѣрѣ тѣ, по которымъ насъ провозили, значительно шире и чище содержаны, чѣмъ въ Шаарѣ; арыковъ достаточно, равно какъ и внутреннихъ садовъ въ городѣ; базаръ весьма значителенъ и давно уже выдвинулся частью своихъ рядовъ за предѣлы старой городской стѣны, бывшей еще во время Ханыкова (1840 годъ), но нынѣ не существующей. Славится Карши своими коврами, которые выдѣлываются въ подгородномъ кишлакѣ Камаши. Нанесли ихъ къ намъ во дворъ на продажу цѣлыми десятками тюковъ; но такіе ковры, каршинской же работы, всегда можно купить у насъ въ Ташкентѣ вдвое дешевле, чѣмъ здѣсь на мѣстѣ, гдѣ сразу заломили съ насъ ни съ чѣмъ несообразныя цѣны, быть можетъ въ разсчетѣ на то, что у посольства должно быть денегъ много и что, не зная цѣнъ, оно не станетъ торговаться. Оружейныхъ порядочныхъ лавокъ въ Карши вовсе нѣтъ (Шааръ въ этомъ отношеніи куда богаче!), красивыхъ сѣдельныхъ принадлежностей тоже не найдете; за то въ большомъ ходу выдѣлка вьючныхъ сѣделъ, и оно понятно: здѣсь такъ и быть тому надлежитъ, какъ въ центральномъ караванно-транзитномъ пунктѣ. По количеству тутовыхъ плантацій можно бы было разсчитывать, что въ Карши вы найдете богатое шел-

ковое производство. Между тѣмъ на дѣлѣ это вовсе не такъ, и шелковыя ткани встрѣчаются на базарѣ, въ лавкахъ, только привозныя изъ Бухары, Шахрисебса, Самарканда (въ особенности) и отчасти чрезъ Гиссаръ изъ горныхъ бекствъ; а мѣстный шелкъ продается только въ моткахъ у евреевъ. За то въ большомъ ходу сбытъ шерсти и шерстяныхъ издѣлій, въ видѣ ковровъ, паласовъ, куржумовъ, подпругъ, попонъ, большихъ мѣшковъ и т. п., что̀ находится въ прямой зависимости отъ производительности богатыхъ овечьими стадами туркменъ, жителей окрестныхъ степей, для которыхъ Карши, какъ уже сказано, служитъ главнымъ сбытовымъ рынкомъ. Кромѣ того, здѣсь выдѣлывается „алача“, сильно проклейная ткань, въ родѣ джутовой, идущая для лѣтнихъ костюмовъ; но она очень жестка и, какъ говорятъ, не безопасна въ отношеніи огня: чуть попадетъ на нее искра, алача быстро загорается, такъ что человѣку, имѣющему привычку курить, весьма рискованно носить ее, да притомъ и дорога она непомѣрно, если судить по тѣмъ цѣнамъ, какія съ насъ запрашивали. Затѣмъ Карши производитъ много табаку, который расходится отсюда по бухарскимъ владѣніямъ, какъ въ листахъ и въ крошевѣ для куренія, такъ и тертый въ видѣ порошка для жеванья [1]); вообще каршинскій табакъ считается въ Средней Азіи лучшимъ. Но болѣе всего, наравнѣ со своими коврами, славится Карши еще и мѣдночеканными издѣліями. Въ качествѣ образцовъ для своей средне-азіятской коллекціи я купилъ здѣсь два кувшина съ умывальными чашками современной работы. Въ своемъ родѣ эти вещи очень недурны, но въ сравненіи съ такими вещами стараго стиля и старой чеканки кажутся слишкомъ претенціозными, манерными, затѣйливыми, слишкомъ бьютъ на эффектъ серебряныхъ инкрустацій и украшеній изъ поддѣльной бирюзы и хрустальныхъ quasi-аметистовъ, рубиновъ, сапфировъ и проч. Въ нихъ уже нѣтъ того благо-

[1]) Большинство узбековъ любятъ табакъ жевать, закладывая его подъ языкъ, или между щекой и десной. Вмѣсто табакерокъ употребляются маленькіе флакончики изъ тыквы.

родно-художественнаго рисунка и строго изящныхъ въ своей простотѣ формъ, какія встрѣчаются въ старыхъ вещахъ этого рода ширазской, ташкентской и кашгарской работы. Два образца древнихъ кумгановъ, найденные мною на Шаарскомъ базарѣ, настолько лучше этихъ и по изяществу стиля и по чеканной работѣ, что послѣдніе не выдерживаютъ съ ними никакого сравненія, да при томъ же они ужасно дороги: за пару я заплатилъ двѣсти тенговъ, то есть сорокъ серебряныхъ рублей на наши деньги. Наконецъ, кромѣ всѣхъ вышеупомянутыхъ производствъ, судя по изобилію мастерскихъ и лавчонокъ, встрѣчавшихся намъ на попутныхъ улицахъ, здѣсь процвѣтаетъ столярное и плотничное дѣло, впрочемъ въ формахъ очень грубыхъ сравнительно съ рѣзными столярными издѣліями Ура-тюбе, Ходжента и Самарканда.

Пріѣхали мы въ Карши въ половинѣ четвертаго часа пополудни и остановились въ посольскомъ домѣ, который въ случаѣ надобности всегда нанимается бухарскимъ правительствомъ для посольствъ у какого-то мѣстнаго купца. Архитектурный стиль этого дома, въ выходящихъ на внутренній дворъ двухъэтажныхъ постройкахъ съ ажурными балюстрадами и мавританскими арками и колонками, поддерживающими два яруса галлерей, могъ бы назваться очень изящнымъ, еслибы сооруженіемъ этого дома руководила болѣе умѣлая архитектурно-художественная рука. Впрочемъ, широкій айванъ главнаго корпуса въ своемъ родѣ очень красивъ, благодаря расписному карнизу, лѣпной работѣ стѣнъ и рѣзнымъ колоннамъ средне-азіятскаго стиля. Внутреннія стѣны пріемной залы также украшены лѣпными узорами и вязевыми надписями изъ Корана и персидскихъ поэтовъ, а потолокъ расписанъ мелкими арабесками.

На должности бека сидитъ въ Карши Остана-Куль-бій, двадцатилѣтній юноша, внукъ кушъ-беги [1]). Этотъ юный бекъ

[1]) Кушъ-беги или визирь—званіе, соотвѣтствующее должности перваго министра и государственнаго канцлера.

не только не встрѣтилъ посольство въ домѣ, но даже не пріѣхалъ къ князю, когда ему уже было доложено о нашемъ прибытіи, хотя исполнить это онъ былъ бы обязанъ въ силу предварительнаго распоряженія эмира о пріемѣ русскаго посольства. Вмѣсто себя молодой человѣкъ прислалъ къ намъ двухъ своихъ совѣтниковъ, изъ коихъ одинъ, сѣдобородый, былъ необычайно важенъ, гораздо важнѣе самого перваначи и всѣхъ видѣнныхъ нами доселѣ сановниковъ, какъ и подобаетъ впрочемъ третьестепенному чиновнику, которые, какъ видно, повсюду одинаковы. Эти господа совѣтники, послѣ обычныхъ разспросовъ о здоровьѣ и о томъ, хорошо ли мы доѣхали до ихъ благополучнаго города, объявили, что бекъ будетъ у князя завтра утромъ, а сегодня де очень занятъ важными государственными дѣлами.

Князь замѣтилъ на это, что очень радъ видѣть бека пожалуй и завтра, хотя надѣялся встрѣтить его здѣсь сегодня; но принимая во вниманіе его занятія и прочее, а также и собственную свою усталость съ дороги, охотно готовъ отложить свиданіе до слѣдующаго утра.

Совѣтники послѣ этого, заявивъ, что одинъ изъ нихъ, а именно сѣдобородый, назначенъ сопровождать насъ отъ Карши до Бухары, удалились съ такою же важностію, какъ и пришли вначалѣ.

19 января.

Сегодня утромъ, въ восемь часовъ, явились двое новыхъ чиновниковъ отъ бека. Одинъ изъ нихъ тоже сѣдобородый и еще важнѣе, чѣмъ вчерашній, но должно быть не совсѣмъ-то строго блюдетъ законъ Магомета: носъ у него багровый и голосъ сильно хрипитъ, словно съ перепоя. Посланцы эти заявили маіору Байтокову, что они присланы передать посольству приглашеніе бека къ нему на достарханъ сегодня послѣ полуденнаго намаза, то есть въ часъ дня.

Это уже выходило что-то очень странное: вчерашніе заявили, что бекъ самъ будетъ у насъ сегодня, а эти о визитѣ бека уже ни гу-гу, а только насъ къ нему приглашаютъ.

Князь поручилъ Байтокову передать чиновникамъ, что сейчасъ онъ ихъ принять не можетъ, а проситъ нѣсколько обождать. Усѣлись чиновники, несмотря на свою важность, на дворѣ, на лѣсенкѣ айвана, и ждутъ, и долго ждутъ,—болѣе двухъ часовъ ждали. Наконецъ князь смиловался и приказалъ позвать ихъ въ пріемную, куда пригласилъ къ этому времени и всѣхъ членовъ посольства.

Чиновники вошли видимо недовольные тѣмъ, что ихъ заставили прождать столь долго и потому напустили на себя еще больше важности.

При взаимной рекомендаціи, напримѣръ, когда князь называлъ имъ каждаго изъ насъ поочередно, сѣдобородый хрипунъ даже не всѣмъ членамъ посольства протянулъ свою руку, да и тѣмъ, кого удостоилъ этой чести, подалъ ее полунѣхотя, какъ бы вскользь, и то лишь чуть-чуть прикоснувшись кончиками пальцевъ, а прочимъ и головой не кивнулъ. „Ого, думаемъ, какіе важные! Такихъ еще мы и не видали". Становилось любопытно, чѣмъ это все кончится.

Усѣлись. Крякнули, помолчали. Не сразу же начинать, надо прежде съ мыслями собраться, какъ того требуетъ важное ихъ положеніе. Вообще замѣтно было, что всѣмъ своимъ поведеніемъ чиновники желаютъ „внушить" намъ что-то, „дать почувствовать", но что̀ и ради чего все это, было пока непонятно. Наконецъ, сѣдобородый началъ съ обычнаго вопроса о здоровьѣ и о томъ, что бекъ, молъ, спрашиваетъ, всѣмъ ли мы довольны.

Князь отвѣчалъ, что какъ гости эмира, мы вполнѣ довольны тѣмъ вниманіемъ и любезностію, какія до сихъ поръ оказывалъ намъ его высокостепенство.

Снова помолчалъ сѣдобородый и снова крякнулъ, а затѣмъ, отчетливо формулуя каждое слово, заявилъ, что бекъ ожидаетъ къ себѣ князя и прочихъ его сопровождающихъ, и что будетъ принимать всѣхъ насъ вмѣстѣ, въ часъ дня, послѣ полуденнаго намаза, о чемъ де они, совѣтники, и посланы заявить намъ заранѣе.

Замѣтьте этотъ оттѣнокъ: не „проситъ“, а „ожидаетъ“, какъ будто посольство испрашивало у него аудіенцію. Вообще весь тонъ этого сообщенія былъ какой-то странный, совсѣмъ неподходящій.

Князь нарочно сдѣлалъ видъ, какъ будто даже не понялъ того, что ему сказано, и переспросилъ чрезъ переводчика въ чемъ дѣло.

Сѣдобородый повторилъ свое заявленіе въ той же формѣ, слово въ слово, какъ бы давая этимъ чувствовать, что онъ ни мало не ошибается ни въ смыслѣ, ни въ тонѣ своего порученія.

Тогда князь объявилъ вотъ что̀:

— Передайте беку, сказалъ онъ,— что я сегодня занятъ и потому не располагаю выходить изъ дому, а буду принимать бека завтра у себя въ восемь часовъ утра, такъ какъ въ половинѣ девятаго мы уѣзжаемъ.

Сказано это было совершенно спокойнымъ, серьезнымъ тономъ, какъ ультиматумъ, не допускающій никакихъ возраженій, ниже сомнѣнія въ томъ, что онъ можетъ быть не исполненъ,— и надо было видѣть, какъ мгновенно послѣ этихъ словъ вытянулись лица чиновниковъ, какія опѣшенныя физіономіи они себѣ устроили! Всю важность ихъ какъ рукой сняло; оторопѣлые, явно смѣшавшись и уже не дерзая не только вскользь, но и вовсе протягивать кому либо руку, они удалились съ очень низкими и почтительными поклонами, бормоча, что передадутъ слова князя своему беку.

Но черезъ часъ тѣ же лица появились снова у насъ на дворѣ и просили маіора Байтокова передать князю, что бекъ намѣренъ сдѣлать ему визитъ завтра, согласно заявленному княземъ желанію, но только не въ восемь часовъ, такъ какъ это слишкомъ рано, а немного попозже, часовъ въ десять напримѣръ, и потому нельзя ли, молъ, посольству повременить своимъ отъѣздомъ и даже остаться въ Карши еще на сутки.

Князь чрезъ своего ординарца выслалъ имъ сказать, что

его рѣшеніе имъ уже извѣстно, что въ $8^{1}/_{2}$ часовъ утра онъ выѣзжаетъ непремѣнно и проситъ къ этому времени прислать проводника, а если проводникъ не будетъ присланъ, то посольство уѣдетъ и безъ него.

— Хобъ! хобъ! (хорошо, слушаемъ) проговорили чиновники, поматывая головами и прикладывая руку къ сердцу.— Высокія слова посла передадимъ беку дословно. Аманъ-булъ!.. До свиданья!

А черезъ полчаса послѣ этого у насъ на дворѣ появилось уже четверо: двое сегодняшнихъ да двое вчерашнихъ посланцевъ бека. Пришли они объяснить Байтокову, для передачи князю, что бекъ де потому не встрѣтилъ посольства и не былъ у князя съ визитомъ, что не имѣлъ на этотъ счетъ никакихъ приказаній отъ эмира, но что вчера онъ нарочно отправилъ въ Шааръ гонца съ цѣлью спросить, какимъ образомъ будетъ ему приказано встрѣтить и принять проѣзжающихъ русскихъ гостей, и такъ какъ гонецъ ранѣе послѣ завтра возвратиться не можетъ, то не обождетъ ли посольство до его возвращенія.

Байтоковъ отвѣчалъ, что этого уже и передавать князю не станетъ, такъ какъ всему посольству изъ устъ самого хазрета было заявлено при прощальномъ селямѣ, что онъ, хазретъ, заранѣе послалъ беку насчетъ нашего пріема даже особое приказаніе, и что посольство во всякомъ случаѣ выѣдетъ въ дальнѣйшій путь въ назначенное княземъ время, а кромѣ того князь, весьма вѣроятно, обо всей этой исторіи сегодня же напишетъ самому эмиру.

Услышавъ такую отповѣдь, чиновники уже въ конецъ переполошились, словно тараканы, посыпанные бурой, и спѣшно поскакали къ беку.

Въ четыре часа дня пріѣзжаетъ верхомъ, въ полномъ парадѣ, самъ бекъ со свитой, въ составѣ которой находились и его сѣдобородые совѣтники. Подъѣхалъ къ воротамъ посольскаго дома и посылаетъ спросить князя, можетъ ли этотъ послѣдній принять его посѣщеніе.

Князь выслалъ ординарца сказать беку, что принять его сегодня не можетъ, а приметъ завтра, какъ уже сказано, и бекъ уѣхалъ, что называется, не солоно похлебавши.

По точнымъ свѣдѣніямъ, собраннымъ нашими людьми изъ ташкентскихъ и самаркандскихъ туземцевъ, подкладка всей этой странной исторіи заключается вотъ въ чемъ:

Науськали юнаго бека на такой образъ поведенія все тѣ же его сѣдобородые совѣтники: можно де принять и отпустить посольство, не роняя своего бекскаго достоинства, то есть не только не выѣзжать къ нему въ домъ для встрѣчи, но и вовсе не дѣлать визита. Русскіе де такихъ тонкостей не понимаютъ, а нужны имъ только подарки, за подарками они и ѣдутъ, въ подаркахъ-то и вся сила, а потому давай мы тебѣ оборудуемъ это дѣло, такъ что и русскіе будутъ довольны, и народъ увидитъ, какой ты въ самомъ дѣлѣ важный человѣкъ и какъ относишься къ русскимъ. Положись на насъ, мы все это устроимъ тебѣ наилучшимъ образомъ. Мальчишка поддался ихъ совѣтамъ, а теперь и струсилъ и не знаетъ, какъ быть ему, тѣмъ болѣе, что весь базаръ (а базаръ—это здѣсь н а р о д ъ) видѣлъ, какъ онъ, Остана-Кульбій, бекъ каршинскій, внукъ преславнаго кушъ-беги, перваго послѣ эмира человѣка во всемъ ханствѣ, „наѣлся грязи", повернувъ ни съ чѣмъ коня отъ воротъ посольскаго дома. Но отчаяніе сѣдобородыхъ совѣтниковъ и того еще болѣе.

Проводивъ бека въ урду, они возвратились къ посольскому дому и уныло сидятъ теперь вчетверомъ на завалинкѣ у воротъ, не зная, какими судьбами поправить бы всю эту глупость, затѣянную ими же самими, тѣмъ болѣе, что эмиръ какъ узнаетъ, шутить съ ними не будетъ...

Но во всей этой исторіи, даже въ томъ, что она оказалась возможною, есть и другая сторона, не лишенная поучительности уже для насъ самихъ: это именно увѣренность бухарскихъ чиновниковъ, что намъ, русскимъ, нужны де не тонкости пріема и не уваженіе, а только подарки, побольше подарковъ, за которыми насъ собственно въ Бухару и посы-

лаютъ. Почему у нихъ могло сложиться такое убѣжденіе? Нѣтъ ли тутъ доли нашей собственной вины? Не сами ли мы давно уже подали имъ первый поводъ думать о насъ такимъ образомъ?

Увы! мы въ этомъ отношеніи далеко не безупречны...

Для достоинства русскаго имени было бы очень хорошо, если не вовсе воспретить посламъ въ принципѣ всякій пріемъ какихъ бы то ни было подарковъ, то хотя бы ограничить или регулировать какимъ либо способомъ это щекотливое дѣло, установивъ положимъ, что подарки могутъ быть принимаемы только отъ одного эмира и ни отъ кого болѣе, и то лишь для того, чтобы не нарушать обычая, освященнаго вѣками. А то въ нынѣшнемъ положеніи этого дѣла выходитъ вотъ что: насъ теперь въ составѣ посольства пять человѣкъ, изъ коихъ четыре младшіе члена, при каждомъ явленіи на селямъ къ эмиру или при посѣщеніи кого либо изъ бековъ получаютъ отъ нихъ въ подарокъ по одной лошади съ парчевою попоной и наборною уздечкой и по одному тюку халатовъ, а старшій посолъ—по двѣ лошади подъ бархатными попонами, расшитыми серебромъ и шелками, и девять тюковъ халатовъ, итого каждый разъ шесть лошадей и тринадцать тюковъ, въ которыхъ въ общей сложности заключается 117 халатовъ, приблизительно на сумму до 2,000 рублей. Мы же въ лицѣ старшаго посла, въ состояніи отдарить бека только однимъ, правда, очень хорошимъ халатомъ изъ какой либо европейской матеріи, съ прибавкой какихъ нибудь пустячковъ, въ родѣ револьвера, золотыхъ карманныхъ часовъ или часовъ съ кукушкой, конфектъ да духовъ, что въ совокупности не превышаетъ какой нибудь сотни, много двухъ сотенъ рублей. Отдаривать же равноцѣнными вещами у насъ въ состояніи только одинъ туркестанскій генералъ-губернаторъ, которому для этого и отпускается отъ казны особая экстраординарная сумма, но ужъ никакъ не лица подначальныя. Эти послѣднія, при отправленіи ихъ въ Бухару къ качествѣ пословъ, хотя и снабжаются нѣкоторымъ количествомъ подарочныхъ

вещей, но далеко не въ такихъ размѣрахъ, чтобъ уравновѣсить ихъ съ массой и цѣнностію подарковъ, подносимыхъ имъ бухарскими сановниками. Да на такое уравновѣшеніе при нашей нынѣшней экономіи и въ особенности при частыхъ отправкахъ посольствъ къ эмиру пришлось бы казнѣ дѣлать слишкомъ большія непроизводительныя затраты. И выходитъ, что мы такъ или иначе принимаемъ отъ бухарцевъ подачки. И это получаетъ тѣмъ болѣе неблаговидный характеръ, что тѣ же бухарскіе чиновники не стѣсняются приставать къ намъ съ просьбами о распродажѣ полученныхъ вещей, чтобы получить возможность поднести ихъ намъ же вторично, то есть, другими словами, суютъ намъ подачки деньгами. Какъ ни верти, а сущность дѣла вѣдь такова и нисколько не становится красивѣе отъ того, что даютъ намъ эти деньги не прямо, а заставляютъ принимать ихъ чрезъ продажу подарковъ. Среди бухарцевъ разсказываютъ даже такія, казалось бы, невѣроятныя вещи, будто одинъ изъ нашихъ пословъ не особенно отдаленнаго времени, будучи лакомъ до сметаннаго соуса съ чеснокомъ, подаваемаго къ ягнятинѣ и молодой docнинѣ, приказывалъ бухарскимъ приставамъ ежедневно поставлять къ его столу по восемнадцати крынокъ свѣжей сметаны, изъ которыхъ на его собственныя надобности шла только одна крынка, а остальныя семнадцать онъ каждое утро чуть не лично продавалъ базарнымъ торговцамъ, призываемымъ для этого на посольскій дворъ, и это до такой степени возмутило наконецъ бухарскихъ властей, что онѣ, желая дать понять русскому послу все неприличіе его поведенія, однажды заставили крынками всю террасу предъ его окнами. Но того эта колкая шутка не проняла и онъ преспокойно въ тотъ же день всѣ эти крынки сбылъ на базаръ, да еще будто бы потребовалъ, чтобъ и на будущее время ему постоянно поставляли такое же количество крынокъ. Всему этому вѣрится съ крайнимъ трудомъ, даже и тогда, когда объ этомъ говорятъ вамъ русскіе свидѣтели столь недостойныхъ выходокъ. Су-

дите же сами, насколько такія отношенія сообразны съ честью русскаго имени и достоинствомъ его представителей.

А все-таки любопытно, чѣмъ-то вся эта сегодняшняя исторія окончится завтра?..

20 января.

Сѣдобородые совѣтники бека еще съ разсвѣтомъ были уже у нашихъ воротъ и не безъ внутренняго томленія ожидали момента, когда имъ будетъ можно доложить старшему послу, что бекъ непремѣнно прибудетъ въ назначенное время. Поэтому они чуть не каждую четверть часа обращались съ съ вопросами то къ Байтокову, то къ Асланбеку: проснулся ли князь, скоро ли проснется, приметъ ли ихъ и какъ скоро приметъ, когда встанетъ съ постели. Тѣ отвѣчали, что ничего опредѣлительнаго на этотъ счетъ сказать имъ не могутъ, что все де будетъ зависѣть отъ добраго желанія князя: захочетъ приметъ, не захочетъ — откажетъ, но что бека вѣроятно приметъ, если только тотъ не запоздаетъ своимъ пріѣздомъ.

Совѣтники грустно вздыхали, потряхивая чалмоносными головами, и каждый разъ послѣ подобнаго отвѣта снова усаживались на завалинку, съ покорностію сложивъ на животъ руки, пока усилившееся томленіе не подмоетъ опять котораго либо изъ нихъ на какой нибудь новый вопросъ такого же рода. Томленіе ихъ было понятно, потому что еслибы князь бека не принялъ, то гнѣвъ эмира разразился бы главнѣйшимъ образомъ надъ ихъ головами, какъ вѣроятно на ихъ же головы пролился бы и „елей благоволенія съ ароматомъ похвалы“ изъ устъ того же эмира въ томъ случаѣ, еслибы затѣянная ими продѣлка вполнѣ удалась. А гнѣвъ хазрета не шутка, ибо онъ сразу раздавливаетъ человѣка. По меньшей мѣрѣ, лишили бы этихъ совѣтниковъ не только ихъ должности и всѣхъ достоинствъ, пріобрѣтенныхъ службой, но и всего ихъ имущества, которое неизбѣжно подверглось бы конфискаціи въ пользу казны, за исключеніемъ одного лишь носильнаго адрясоваго халата, и пришлось бы

имъ либо идти къ кому нибудь въ джигиты, либо поступать сидѣльцами въ чью нибудь лавку, а то и просто побираться съ рукой, буде не окажется сострадательныхъ и состоятельныхъ родственниковъ, которые призрѣли бы ихъ въ несчастіи. Сидя на завалинкѣ, совѣтники дрожали отъ утренняго холода, и чѣмъ дальше, тѣмъ все больше страдали нравственно отъ неизвѣстности, каково-то будетъ рѣшеніе посла. Когда же наконецъ Байтоковъ, выйдя отъ проснувшагося князя, объявилъ имъ, что бекъ будетъ принятъ, какъ сказано, то люди эти просто ожили, воскресли; для нихъ это было проблескомъ надежды, что не все еще потеряно, что хотя со стороны высшаго правительства и ждетъ ихъ жестокая головомойка за глупые совѣты, но все же имущество, а можетъ и служебное положеніе, останется при нихъ безъ ущерба. Теперь все дѣло въ томъ, какъ бы бекъ не опоздалъ со своимъ визитомъ, и потому совѣтники поскакали въ урду торопить его.

И вотъ ровно въ восемь часовъ утра Остана-Куль-бій изволилъ къ намъ пожаловать въ сопровожденіи многочисленной конной и пѣшей свиты. На немъ былъ форменный халатъ изъ индійской мелкотравчатой парчи, и бѣлая кашмирская шаль въ видѣ чалмы пышно обвивала его голову. Это очень еще молодой человѣкъ, не только весьма красивой, но и пріятной наружности, съ небольшою темною бородкой, здоровымъ и матовымъ цвѣтомъ лица, открытою улыбкой и добрыми карими глазами. Въ типѣ лица—ничего тюркскаго, напротивъ, это чистѣйшій иранскій типъ, и нѣтъ сомнѣнія, что перенеси судьба этого юношу въ Европу, вотъ такъ, какъ онъ есть, въ этомъ самомъ костюмѣ, онъ пользовался бы громаднымъ успѣхомъ у женщинъ. Намъ же достаточно было взглянуть на это юное, чистосердечное лицо, чтобъ убѣдиться окончательно, что самъ Остана-Куль ровно ни причемъ въ происшедшемъ недоразумѣніи, что онъ тутъ не болѣе, какъ жертва политиканства своихъ совѣтниковъ, черезчуръ уже перетонившихъ дипломатическіе фокусы восточной политики.

Князь, протянувъ ему руку, очень любезно пригласилъ его

садиться, а совѣтники остались стоя у дверей, гдѣ и пребывали все время въ нѣсколько согбенныхъ позахъ, сложивъ на животъ руки, что по восточному этикету выражаетъ высокую степень почтительности.

Бекъ началъ прямо и просто съ извиненія въ своей ошибкѣ, за которую онъ принимаетъ всю вину исключительно на себя, и прибавилъ, что князь вѣроятно будетъ къ нему снисходителенъ, если приметъ во вниманіе, что онъ, Остана-Куль, не могъ еще усвоить себѣ надлежащей опытности въ дѣлахъ этого рода, потому что еще такъ недавно посаженъ на бекство и къ тому же ни разу доселѣ не имѣлъ дѣла съ представителями иностранныхъ государствъ, но что онъ всегда привыкъ чтить въ душѣ великую сосѣднюю державу и т. д., словомъ, проситъ простить ему сдѣланную неловкость.

Князь отвѣчалъ, что съ той минуты, какъ онъ видитъ Остана-Куль-бія у себя, въ его сердцѣ не остается къ нему ничего кромѣ искреннихъ чувствъ расположенія и пріязни.

Молодой человѣкъ поблагодарилъ, но намекнулъ при этомъ, что его тревожитъ одно обстоятельство, а именно: какъ посмотрятъ на все это дѣло хазретъ и кушъ-беги, когда оно дойдетъ до ихъ свѣдѣнія.

Князь утѣшилъ его и въ этомъ отношеніи, сказавъ, что если кушъ-беги спроситъ, то онъ ему заявитъ, что не считаетъ самого Остана-Куль-бія виновнымъ въ происшедшемъ недоразумѣніи, и что такое заявленіе въ сущности ни мало не будетъ противорѣчить его собственному внутреннему убѣжденію, а потому еслибы понадобилось, то готовъ въ этомъ же смыслѣ ходатайствовать за него особымъ письмомъ и предъ высокостепеннымъ эмиромъ.

Когда маіоръ Байтоковъ переводилъ эти слова, видно было какъ съ лица молодого человѣка слетаетъ послѣднее облако тревоги и сомнѣній. Но за то, Боже мой, какъ снова испуганно вытянулись и поблѣднѣли лица сѣдобородыхъ совѣтниковъ!.. Почтительное согбеніе ихъ дошло при этомъ до высшей степени своей выразительности, а въ глазахъ чита-

лась тоскливо тревожная мольба о пощадѣ. Замѣтивъ это, князь прибавилъ, снисходительно скользя по нимъ взглядомъ, что вообще если понадобится, то онъ попроситъ, чтобы все случившееся осталось для всѣхъ безъ особенно печальныхъ послѣдствій, такъ какъ не желаетъ быть причиной ничьего горя.

Физіономіи совѣтниковъ успокоились; у каждаго изъ нихъ вырвалось изъ души по одному вздоху облегченія, и лишь позы почтительнаго согбенія остались безъ перемѣны.

Послѣ этого со стороны бека послѣдовалъ вопросъ, всѣмъ ли мы довольны, хорошо ли намъ у него угождаютъ и проч.

Отвѣтъ на это былъ оттѣненъ княземъ въ томъ смыслѣ, что и сегодня, какъ позавчера, онъ можетъ лишь повторить одно: какъ гости эмира, мы повсюду встрѣчаемъ, въ силу распоряженія о томъ его высокостепенства, столько вниманія, предупредительности и радушія, что можемъ только быть ему чрезвычайно признательными за все это.

Тутъ бекъ обратился къ князю съ просьбой замедлить нѣсколько отъѣздъ посольства, чтобы сдѣлать ему честь своимъ посѣщеніемъ. Но князь ему отказалъ, со всею впрочемъ любезностію, какая лишь была возможна въ данномъ случаѣ. И хотя бекъ послѣ того еще дважды принимался повторять свою просьбу, такъ какъ для него послѣ вчерашняго „наѣданья грязью“ было бы въ глазахъ „базара“ чрезвычайно важно наше посѣщеніе, тѣмъ не менѣе князь остался при своемъ любезномъ, но твердомъ отказѣ и подалъ беку знакъ, что пора кончить аудіенцію.

При выходѣ изъ пріемной комнаты, Остана-Куль-бію были поднесены подарки и, между прочимъ, атласный халатъ зеленаго цвѣта, особо почитаемаго въ мусульманствѣ, какъ цвѣтъ Пророка, а чрезъ нѣсколько минутъ бекскіе джигиты привели во дворъ очень хорошихъ лошадей подъ богатыми попонами и отвѣтные подарки, заключавшіеся по обыкновенію въ тюкахъ съ халатами. И вдругъ — верхъ предупредительности и любезности! — тутъ же является одинъ изъ сѣдобо-

родыхъ совѣтниковъ и заявляетъ съ обычными жестами высокой почтительности, что его достойно уважаемый бекъ желалъ бы лично сопровождать посольство и ожидаетъ на этотъ предметъ приказаній князя. Но посолъ приказалъ поблагодарить бека за его любезное предложеніе, замѣтивъ, что не видитъ никакой надобности причинять ему лишнія хлопоты.

Ровно въ половинѣ девятаго часа утра, какъ и было назначено, посольство выѣхало со двора. Поѣзду нашему до самой границы городскихъ предмѣстій предшествовало верхами нѣсколько мѣстныхъ, городскихъ и бековскихъ чиновниковъ, изъ коихъ двое назначены были сопровождать насъ до Бухары, и одинъ изъ этихъ двухъ, сѣдобородый хрипунъ, именно и стоялъ во главѣ неудачныхъ совѣтниковъ юнаго бека.

Отъ посольскаго дома, находящагося въ нѣсколькихъ шагахъ отъ базара, то есть почти въ центрѣ города, мы сдѣлали не менѣе пяти верстъ, пока доѣхали до послѣднихъ городскихъ строеній. Улица, по которой слѣдовалъ нашъ поѣздъ, достаточно просторна и содержится довольно чисто. Попадалось на ней не мало двухъэтажныхъ домовъ съ балконами и, что̀ въ особенности оригинально, съ наружными каминами, расположенными у входовъ, на верандахъ нижнихъ этажей. Но такіе камины, впервые замѣченные нами только въ этомъ городѣ, являлись по большей части принадлежностью или чайныхъ домовъ и харчевень, или вообще какихъ нибудь ремесленныхъ заведеній. Отдѣльныя строенія нерѣдко перемежались участками садовъ и плантанцій, гдѣ воздѣлываются тутъ (шелковица), табакъ и хлопчатникъ, а между деревьями преобладаютъ фруктовыя, въ особенности урюкъ, но есть не мало и тополей, карагачей, чинаровъ и талу.

Собственно городъ, въ базарномъ смыслѣ, кончается у берега Кашка-Дарьи, до которой отъ посольскаго дома около двухъ верстъ. Въ рѣкѣ замѣтны два быстрыя теченія: одно направляется вдоль лѣваго, другое вдоль праваго берега; середина же рѣки мелководна, и теченіе тамъ значительно тише. Ширина рѣки, въ томъ мѣстѣ, гдѣ мы черезъ нее пе-

реѣхали по мосту, равняется приблизительно саженямъ пятидесяти. Мостъ этотъ, на деревянныхъ сваяхъ о девяти пролетахъ, напоромъ весеннихъ водъ сноситъ ежегодно; причемъ береговые жители обязательно ловятъ бревна и прочій строительный матеріалъ и сдаютъ его въ казну, а казна ежегодно на счетъ каршинскихъ жителей приступаетъ къ постройкѣ моста съ полнымъ убѣжденіемъ, что онъ весь, за исключеніемъ свай, непремѣнно будетъ снесенъ въ слѣдующую весну. Примѣръ замѣчательно упорной настойчивости, ибо въ сущности гораздо дешевле стоило бы построить разъ навсегда прочный каменный мостъ, на болѣе высокихъ устояхъ, чтобы вода не достигала настилки, чѣмъ ежегодно тратить на него и деньги, и обязательный трудъ населенія, причемъ городъ въ теченіе шести, восьми недѣль не имѣетъ сообщенія съ заречною стороной иначе, какъ въ бродъ, для чего нужно дѣлать очень дальніе объѣзды. За мостомъ городъ еще продолжается, но уже утрачиваетъ торговый характеръ. Здѣсь пошли главнѣйшимъ образомъ сады, среди которыхъ тамъ и сямъ виднѣются жилища. Это уже, собственно говоря, предмѣстіе, но заселенное довольно густо. Арыки въ достаточномъ количествѣ изрѣзываютъ весь районъ городской осѣдлости; нѣсколько изъ нихъ пересѣкало нашъ путь, а одинъ, обсаженный молодымъ таломъ, долго тянулся вдоль той улицы, по которой мы ѣхали. Мѣстами любопытный народъ собирался вдоль стѣнъ и заборовъ въ небольшія толпы и степенно глазѣлъ на нашъ поѣздъ; многіе въ знакъ почтенія прижимали къ животу сложенныя руки.

Оставивъ наконецъ позади себя городское предмѣстье, мы съ версту ѣхали рисовыми полями. Дорога вела мимо небольшаго бугра, на которомъ высился кирпичный мавзолей съ мавританскимъ фронтономъ и тюбетейкообразнымъ куполомъ, осѣненный тремя бунчужными знаменами и украшенный на верхнемъ карнизѣ фронтона цѣлою коллекціей мараловыхъ, турьихъ, бычьихъ, козьихъ и бараньихъ роговъ. На Востокѣ, совершенно противоположно европейскому Западу, рога слу-

жатъ эмблемой силы, достоинства и величія, такъ что здѣсь назвать кого-нибудь рогоносцемъ (зулькарнайнъ) значитъ оказать ему величайшую любезность. Подъ этимъ прозвищемъ до сихъ поръ извѣстенъ здѣсь Александръ Македонскій. Мавзолей, мимо котораго мы теперь проѣзжали, построенъ надъ могилой святаго Ишанъ-Шаида; за нимъ начинается городское кладбище, и надо замѣтить, что это только въ Карши оно вынесено достаточно далеко за предѣлы предмѣстій, а то обыкновенно кладбища въ средне-азіятскихъ городахъ помѣщаются въ чертѣ самаго города, среди наиболѣе скученнаго населенія. Но что̀ за жалкій видъ! Кромѣ мазара Ишанъ-Шаида, лишь на пяти, шести могилахъ вокругъ него замѣтили мы узенькія надгробныя плиты изъ сѣраго камня, кажется мраморныя; все же остальное, на пространствѣ нѣсколькихъ десятинъ по обѣимъ сторонамъ дороги, представляетъ поле, тѣсно и безпорядочно покрытое голыми земляными бугорками, безо всякихъ надъ ними знаковъ родственной или дружеской памяти и вниманія. Я не видалъ народа, который менѣе чтилъ бы своихъ покойниковъ, чѣмъ эта помѣсь узбеко-таджикскаго племени, населяющая подъ именемъ сартовъ города Средней Азіи. Здѣсь нигдѣ не встрѣтите вы чалмоносныхъ бѣломраморныхъ памятниковъ-столбовъ и стоячихъ узорчатыхъ плитъ, среди кустовъ розъ и вьющихся плющей и павоевъ, подъ темною зеленью вѣковыхъ кипарисовъ и карагачей, какъ на кладбищахъ турецкихъ, что̀ придаетъ этимъ послѣднимъ столько поэзіи, столько элегической прелести. Сарты, какъ видно, народъ совсѣмъ прозаическій. Но вотъ, напримѣръ, степные кочевники киргизы, несмотря на всю скудость и однообразіе окружающей ихъ природы, умѣютъ выбирать болѣе приглядныя мѣста степи и на нихъ воздвигаютъ изъ сырцоваго кирпича мазарки и муллушки надъ прахомъ своихъ почившихъ родичей, и эти ихъ мавзолеи нерѣдко весьма красивы; да и вообще обдѣлка самой бѣдной киргизской могилы, въ видѣ гробницы съ полукруглымъ или заостреннымъ продольнымъ сводомъ, явно указываетъ вамъ, что этотъ на-

родъ свято чтитъ память своихъ мертвыхъ. Сарты же торопливо выносятъ мертвеца на кладбище, бросаютъ его въ неглубокую яму, кое-какъ засыпаютъ землей и затѣмъ всѣ отношенія къ нему, всякое чествованіе его могилы, да кажись и самая память о немъ навсегда кончены [1]). Исключенія очень рѣдки и то большею частію въ пользу какого-нибудь богача или святаго мужа, а изъ обыкновенныхъ горожанъ рѣдкій сынъ обложитъ кирпичемъ могилу своихъ родителей. И это вовсе не изъ-за бѣдности или недостатка любви и уваженія къ почившимъ, а просто потому, что вышло изъ обычая. Глядя на старыя кладбища здѣшнихъ городовъ, видишь, что прежде это было иначе, что когда-то память мертвыхъ здѣсь уважалась, и это сказывается въ надгробныхъ мраморныхъ плитахъ съ рельефными надписями и узорами, и въ тѣхъ кир-

[1]) А. П. Хорошхинъ, описывая сартовскіе обычаи и обряды (ст. 125), говоритъ, что „обыкновенно въ день смерти увѣдомляются знакомые и родственники, которые и навѣщаютъ покойнаго. Осиротѣвшія женщины, засѣвъ гдѣ нибудь въ углу, царапаютъ себѣ лицо и причитаютъ на разные лады. Къ плачущимъ родственницамъ присоединяются сосѣдки, дѣти, и стонъ стоитъ надъ домомъ покойника. По обычаю всѣ женщины должны плакать: хоть насильно, а плачь. По большей части на другой день тѣло несутъ въ мечеть, читаютъ надъ нимъ Коранъ и хоронятъ на кладбищѣ. Покровъ дѣлятъ между собою родные и знакомые. Нищимъ и юродивымъ которые сбѣгаются со всѣхъ сторонъ, подаютъ милостыню. Послѣ похоронъ идутъ въ домъ покойника и слушаютъ тамъ Коранъ, причемъ получаютъ иногда по лепешкѣ. На утро снова сходятся въ домъ умершаго, снова бываетъ чтеніе и раздача лепешекъ. Послѣ утренняго намаза, въ слѣдующій затѣмъ день, прямо изъ мечети отправляются на поминки. Опять слушаютъ Коранъ и, поѣвъ, расходятся. Поминки повторяются черезъ 7 и черезъ 10 дней. Въ годовые праздники Руза-Аитъ и Курбанъ-Аитъ женщины на кладбищахъ поминаютъ умершихъ страшными воплями и милостыней“. Этотъ древній обычай дѣйствительно еще сохраняется; женщины сходятся на кладбище просто какъ на гулянье и голосятъ; но нельзя сказать, чтобы каждая группа плакальщицъ голосила именно на родной имъ могилѣ, по той простой причинѣ, что при отсутствіи какихъ-либо особыхъ отличительныхъ знаковъ, ее и не узнаешь чрезъ годъ въ безпорядочномъ лабиринтѣ бугорковъ, рѣшительно ничѣмъ не отличающихся одинъ отъ другаго.

пичныхъ гробницахъ съ полукруглымъ или мавританскимъ сводомъ, какими усѣяны древнія городскія кладбища. Но почему это такъ измѣнилось въ позднѣйшіе вѣка, я не съумѣю съ точностью отвѣтить. Можетъ быть и потому, что сарты слишкомъ уже усвоили себѣ меркантильный торгашескій характеръ и въ сущности индифферентны ко всему, даже къ самой религіи, не говоря уже о патріотизмѣ, которымъ никогда не отличались. Все, что̀ не касается прямымъ образомъ ихъ карманнаго интереса, не имѣетъ для нихъ ни малѣйшей важности. Но замѣтьте, я говорю это только о сартахъ, то есть о жителяхъ городовъ, представляющихъ собою помѣсь различныхъ племенъ и, несмотря на все ихъ презрѣніе къ евреямъ, имѣющихъ въ своемъ характерѣ много жидовскаго. Кочевые же и полуосѣдлые узбеки совсѣмъ не то: у тѣхъ вся жизнь слагается на крѣпкомъ родовомъ началѣ, и отсюда проистекаетъ и ихъ уваженіе къ памяти своихъ почившихъ родичей, сохраняемой какъ въ надгробныхъ степныхъ мавзолеяхъ, такъ и въ степныхъ пѣсняхъ и былинахъ о былыхъ батыряхъ. У сартовъ же и пѣсенъ-то, кажись, никакихъ нѣтъ, кромѣ батчебазныхъ.

VI.

Отъ Карши до Бухары.

Характеръ мѣстности за Карши, по дорогѣ въ Бухару. — Развалины древняго города Шулюкъ. — Опять курганы. — Кишлакъ Касанъ. — Лютый холодъ. — Въ лабиринтѣ арыковъ и въ бездорожной степи. — Кишлакъ Ходжа Мубаракъ. — Умирающій верблюдъ. — Овечьи стада и степные коши. — Урочище Куль-Магіанъ. — Ночлегъ въ степномъ дворцѣ на урочищѣ Какыръ-сардоба. — Волнистая степь. — Кошъ-сардоба и ея дворецъ. — Караулъ-рабатъ. — Къ чему иногда приводитъ „государственная экономія“. — Каменистая степь. — Перевалъ Мама-Джурчаты и видъ съ него на Заревшанскій оазисъ. — Кишлакъ Зироватъ. — Встрѣча съ бухарскими сановниками. — Магомедъ-Шерифъ инакъ и Абдулъ-Гаффаръ первачи. — Окрестности Бухары и Каганское предмѣстье.

Продолженіе 20-го января.

Нашъ сегодняшній путь длился 3½ таша (28 верстъ), и на всемъ его протяженіи, отступя на нѣсколько верстъ въ обѣ стороны отъ дороги, тянулись непрерывныя ленты садовъ и ряды селеній вдоль по теченію Кашка-Дарьи и на исходящихъ изъ нея арыкахъ.

Проѣхавъ около одного таша, миновали мы развалины древняго города Шулюкъ. Въ настоящее время городище это представляется въ видѣ двухъ концентрическихъ четырехстороннихъ поясовъ, образуемыхъ бугристыми валами, въ разстояніи около четырехсотъ шаговъ одинъ отъ другого. На углахъ валовъ бугры болѣе возвышены, вѣроятно здѣсь нѣ-

когда были башни, а самые валы, безъ сомнѣнія, суть остатки стѣнъ. Судя по расположенію валовъ, этотъ древній городъ былъ выстроенъ по обще-азіятскому типу, то есть внутренній поясъ составлялъ ограду цитадели, а внѣшній городскую стѣну; строенія же горожанъ и базаръ ютились въ тѣсномъ пространствѣ между тою и другою.

Невдалекѣ отъ этого городища, влѣво отъ нашей дороги, началось длинное селеніе Шулюкъ, которое сливается съ селеніемъ Нидру-Мудунъ, а это послѣднее со своими садами и огородами тянулось вдоль нашего пути непрерывно, на разстояніи по крайней мѣрѣ полутора таша (12 верстъ). Параллельно Нидру-Мудуну, съ обѣихъ сторонъ отступая на нѣкоторое разстояніе, тянулись подобные же кишлаки, а поля, разстилавшіяся въ промежуткѣ между ними и дорогой, были покрыты сѣтью малыхъ арыковъ и пересѣчены множествомъ глинобитныхъ стѣнокъ, отдѣлявшихъ одинъ владѣльческій участокъ отъ другого. Вся мѣстность имѣетъ степной равнинный характеръ, прекрасно культивирована и заселена очень густо. Лишь въ двухъ мѣстахъ встрѣчаются невысокіе и совершенно голые кряжи, протяженіе коихъ, судя приблизительно, на глазъ, отъ двухъ до пяти верстъ; ничтожные ами по себѣ, кряжи эти нанесены на нашу карту. По всей равнинѣ разсѣяно много различной величины кургановъ, изъ коихъ малые отличаются преимущественно кругло-коническою, а болѣе крупные элипсоидальною формой.

Ночлегъ нашъ былъ назначенъ въ селеніи Кассанъ, куда прибыли мы въ половинѣ перваго часа пополудни, при ясной и тихой погодѣ. Морозъ не превышалъ двухъ градусовъ Реомюра, и на солнцѣ было очень тепло, даже припекало.

21 января.

Изъ Кассана выѣхали въ восемь часовъ утра и долго ѣхали улицей этого мѣстечка. Очень много лавокъ и чайнахане, и видно, что торговля идетъ тутъ бойко. У большинства лавокъ, на наружной стѣнѣ, съ боку у входной двери,

придѣланы по двѣ алебастровыя полочки, одна надъ другою. Въ чайныхъ тутъ выставляется цѣлая коллекція блестящихъ мѣдныхъ кумгановъ и фаянсовыхъ чашекъ, а въ остальныхъ кладутся напоказъ тѣ или другіе товары. Въ мѣстечкѣ замѣтили мы двѣ или три мечети и много двухъэтажныхъ домовъ, такихъ же какъ и въ Карши, съ верхними и нижними айванами на рѣзныхъ колоннахъ. Въ обѣ стороны отъ главной улицы идутъ удобопроѣзжіе переулки; слѣва на большомъ курганѣ высятся стѣны замка (аркъ), гдѣ живетъ кассанскій амлякдаръ, собирающій съ жителей подати, отчисляемыя сполна „на достарханъ“ каршинскому беку. Крытый базаръ достаточно великъ. Вообще это скорѣе хорошій торговый городокъ, чѣмъ кишлакъ, хотя на нашихъ картахъ и обозначенъ кишлачнымъ кружкомъ. Кассанскіе сады долго еще, на цѣлые полташа (4 версты), тянутся вдоль дороги и затѣмъ отходятъ отъ нея въ сторону.

Утро было жестоко морозное. Судя по скрипучей музыкѣ снѣга подъ колесами и по тому, что отъ холоду просто духъ захватывало, надо думать, что этотъ морозъ достигалъ болѣе 20° Реомюра. Вокругъ солнца, при совершенно безоблачномъ небѣ, виденъ былъ большой радужный кругъ. Птицы, за исключеніемъ воронъ, всѣ исчезли куда-то, попрятались отъ стужи, да и вороны повидимому чувствовали себя не особенно благополучно: подвернувъ подъ себя лапки, многія изъ нихъ припадали къ землѣ, просто ложились на нее полубочкомъ и такимъ образомъ старались отогрѣвать на снѣгу свои коченѣющіе члены. Такого лютаго холода мы еще не испытывали за эту поѣздку, и хорошо еще что въ воздухѣ не было ни малѣйшаго вѣтерка, а то просто бы смерть!

Оставивъ за собою кассанскіе сады, выѣхали мы на открытую степь, изрѣзанную въ разныхъ направленіяхъ арыками. Вдали виднѣлись разбросанные кое-гдѣ небольшіе кишлаки, но ихъ было немного. Курганы за Кассаномъ на степи уже не попадаются. Очевидно, районъ ихъ распространенія не идетъ далѣе предѣловъ осѣдлой населенности страны.

Съ выѣздомъ на открытую степь, нашъ караулъ-беги, данный посольству въ провожатые бекомъ каршинскимъ, заблагоразсудилъ почему-то свернуть съ прямой проѣзжей дороги въ сторону, въ дальній объѣздъ; но на этомъ объѣздномъ пути, кромѣ вьющейся пѣшеходной тропки, не оказалось ровно никакой дороги, и вскорѣ мы попали въ цѣлый лабиринтъ пересѣкающихъ другъ друга арычныхъ рвовъ и насыпей, переѣздъ черезъ которыя былъ сопряженъ съ величайшими затрудненіями и рискомъ поломать всѣ экипажи. Наконецъ, предъ одною изъ насыпей, прикрывавшею глубокую канаву, лошади стали, такъ какъ здѣсь уже окончательно не оказалось возможности проѣхать. Стоимъ четверть часа, стоимъ полчаса, ни взадъ, ни впередъ. Караулъ-беги вертится, скачетъ и прыгаетъ вокругъ на своей верткой лошадкѣ, совсѣмъ задергалъ ее, затянулъ удила и, должно быть, съ досады то и дѣло хлещетъ ее нагайкой; то взберется онъ на насыпь и измѣритъ взглядомъ канаву, то нагнется посмотрѣть на оси и колеса, то въ морды лошадямъ заглянетъ, и галдитъ, галдитъ безъ конца съ окружившими насъ джигитами. Видно, что совѣтовъ подается много, да ни одинъ не оказывается пригоднымъ къ дѣлу. Наконецъ Богъ послалъ къ намъ на выручку какого-то добраго человѣка, гнавшаго чрезъ поле двѣ пары осликовъ, до-нельзя навьюченныхъ громадными связками бурьяну, изъ подъ которыхъ чуть виднѣлись только ихъ короткія мордочки. Караулъ-беги послалъ джигита перенять этого человѣка и привести его къ намъ на помощь. По его приказанію ослики были развьючены и канава закидана бурьяномъ, по связкамъ котораго мы и перебрались на ту сторону. Однако не прошло и минуты какъ предъ нами опять подобное же препятствіе. Но на сей разъ Провидѣніе уже не посылало намъ никакого добраго человѣка съ бурьяномъ. Пришлось спѣшиться всѣмъ конвойнымъ казакамъ, выпрячь лошадей и перетащить экипажи на рукахъ. Къ сему послѣднему способу прибѣгали казаки и на всѣхъ дальнѣйшихъ препятствіяхъ подобнаго рода, и та-

кимъ-то образомъ часа два, по крайней мѣрѣ, проплутали мы въ этомъ проклятомъ арычномъ лабиринтѣ, прежде чѣмъ выбрались на ровную, ничѣмъ не пересѣченную степь и поѣхали по дѣвственной цѣлинѣ. Но и тутъ немногимъ легче оказалось: дороги нѣтъ и признака, почва кочковатая, мелко барханистая, покрытая кустиками степныхъ растенiй, песокъ да камень. Можете себѣ представить, какiе тутъ пошли толчки, тычки и встряхиванья.

Прошло часа четыре, пока наконецъ удалось намъ выбраться на проѣзжую дорогу. На вопросъ, ради чего было съ нея свертывать, караулъ-беги, глупо оправдываясь, отвѣчалъ, что на прямомъ пути случился разливъ, вслѣдствiе прорыва какого-то арыка. Аллахъ его знаетъ, что это за изобилующiй водой арыкъ, и какой это разливъ могъ не замерзнуть до дна при такомъ адскомъ морозѣ! Арбакеши и караванъ-баши нашего обоза, слѣдовавшiе все время прямою дорогой, сказывали потомъ, что никакого разлива нигдѣ они не встрѣчали. Оказалось такимъ образомъ, что караулъ-беги не только плохой совѣтникъ, но и плохой проводникъ, и что разливъ присутствовалъ лишь въ одномъ его воображенiи, вѣроятно разгоряченномъ излишнею дозой запретной водки или мусселяса. Но такъ какъ нѣтъ на свѣтѣ человѣка безъ какихъ либо достоинствъ, то во имя справедливости должно сказать, что этотъ сѣдобородый хрипунъ хорошiй церемонiй-мейстеръ.

Ровная, хорошо убитая дорога идетъ прямо на сѣверо-западъ и по удобству ѣзды, по крайней мѣрѣ въ это время года, поспоритъ съ любымъ европейскимъ шоссе. Во второмъ часу дня прiѣхали въ степное мѣстечко Ходжа-Мубаракъ, лежащее отъ Кассана въ разстоянiи четырехъ ташей (32 версты), и благодаря нелѣпому объѣзду, не видали находящихся по прямому пути кишлаковъ Майманакъ и Кара-Кумъ и развалинъ древняго города Майманака.

Ходжа-Мубаракъ — маленькое, ничтожное мѣстечко, почти безо всякой растительности, что придаетъ ему грустный, без-

жизненный видъ. Торчатъ только тамъ и сямъ, около глиняныхъ стѣнокъ, пять или шесть тощенькихъ деревьевъ, кажись, юрюковыхъ, поливаемыхъ изъ колодца, и въ этомъ все его растительное богатство. Проточная вода почему-то проведена не въ самое мѣстечко, а направляется на сосѣднее поле, въ нѣкоторомъ отъ него разстояніи, особымъ арыкомъ изъ Кашка-Дарьи, которая въ окрестностяхъ Ходжа-Мубарака уже окончательно истощается, вся разойдясь по степнымъ канавамъ. Далѣе идетъ ея сухое русло, обводняемое только весной, въ періодъ таянія снѣговъ. Мѣстечко служитъ исключительно привальнымъ пунктомъ для каравановъ, и потому въ немъ находится нѣсколько караванъ-сараевъ и базаръ, спеціально приноровленный къ дорожнымъ потребностямъ и достаточно снабженный съѣстными и чайными лавчонками. Здѣсь однако есть хорошая кирпичная мечеть съ мавританскимъ куполомъ, въ надворныхъ флигеляхъ которой мы и помѣстились на кратковременный отдыхъ для завтрака.

Въ дальнѣйшій путь отправились въ половинѣ третьяго часа, и въ верстѣ разстоянія отъ мѣстечка пересѣкли сухое русло Кашка-Дарьи; оно неглубоко, неширoко и довольно полого. Отсюда пошла уже совсѣмъ голая, безводная пустыня, покрытая песчаными барханами съ рѣдкою и чахлою растительностью. До ночлега оставалось намъ еще четыре таша. Въ этой мертвой степи, не помню уже на которой верстѣ, еще издали завидѣли мы громадную стаю воронья, чернѣвшую цѣлымъ островомъ на самой дорогѣ. Подъѣзжаемъ ближе и видимъ, что все воронье собралось вокругъ издыхающаго верблюда, брошеннаго за болѣзнію въ степи, и жадно ожидало момента его смерти. Несчастное животное, завидя нашъ приближающійся поѣздъ, собрало послѣднія усилія и шатаясь поднялось на ноги. Это былъ страшный живой скелетъ обтянутый кожей, и чуть всталъ онъ во весь свой высокій ростъ, какъ полчища голодныхъ воронъ мгновенно отпрянули во всѣ стороны и разлетѣлись со зловѣщимъ карканьемъ; но, отлетѣвъ лишь на нѣсколько шаговъ, снова опустились

на землю и принялись не то чистить, не то острить свои клювы, жадно наблюдая за своей жертвой. И едва обезсиленный верблюдъ, рухнувъ на землю, повалился на бокъ, воронье въ ту же минуту опять слетѣлось къ нему и нагло разсѣлось на немъ, покрывъ и шею, и голову. Грустная картина. А каково же такъ-то вотъ умирать въ этой самой степи одинокому путнику и въ предсмертныя мгновенія видѣть какъ тебѣ смотрятъ въ глаза эти черныя птицы, нетерпѣливо ожидающія твоего послѣдняго вздоха!

На степи пасется много овечьихъ стадъ, для которыхъ здѣсь устроены многочисленные коши, или загонные дворы, виднѣющіеся тамъ и сямъ въ сторонѣ отъ дороги. Такъ какъ стада остаются на подножномъ кормѣ и всю зиму, добывая его изъ-подъ снѣга, то въ эти коши загоняютъ ихъ на ночь и во время бурановъ. Кошъ устраивается обыкновенно изъ глины, въ видѣ кольцеобразной стѣнки, вышиной нѣсколько болѣе человѣческаго роста, съ плетневыми или жердяными воротами. Со внутренней стороны по стѣнкѣ иногда идутъ навѣсы; но это уже роскошь, такъ какъ лѣсъ вообще здѣсь не дешевъ и надо везти его издалека. Тутъ же всегда имѣется либо юрта, либо небольшая саклюшка для пастуховъ и стойла для ихъ лошадей. На кровляхъ навѣсовъ и саклюшки высятся цѣлыя скирды бурьяну, употребляемаго пастухами на топливо, и сухой люцерны, которая идетъ въ кормъ овцамъ во время продолжительныхъ бурановъ или гололедицы, когда они не въ состояніи пробивать копытами ледяную кору, покрывающую степныя пространства. При каждомъ стадѣ необходимо имѣется своя собачья команда, отправляющая обязанности сторожевой службы. И это дѣйствительно сторожевая служба, потому что собаки держатъ вокругъ стада формальную цѣпь ведетовъ, выдвигаясь оными впередъ на разстояніе около полуверсты отъ стада. И никогда собака не выйдетъ въ цѣпь одна, а всегда попарно, звеньями, и сторожатъ онѣ обыкновенно такимъ образомъ, что одна лежитъ, отдыхаетъ, а другая, сидя рядомъ, смотритъ

впередъ или бродитъ гдѣ нибудь около, то и дѣло нюхая воздухъ. Отъ четырехъ до шести такихъ звеньевъ совершенно охраняютъ даже очень большое стадо. Рослыя, лохматыя собаки эти съ виду похожи на волковъ, но онѣ самые жестокіе, заклятые враги сего звѣря, и рѣдко какому хищнику удается безнаказанно проникнуть за цѣпь ихъ ведетовъ. Но кромѣ того, умные псы простираютъ свою заботливость и на то, чтобы ни одна овца не отбивалась отъ стада: чуть замѣтятъ гдѣ заблудившуюся или отсталую, сейчасъ же одинъ изъ сторожевыхъ бѣжитъ къ ней и съ лаемъ гонитъ въ отару; а если случится это съ совсѣмъ маленькимъ ягненкомъ, то собака бережно беретъ его зубами за загривокъ и доставляетъ по назначенію. Такъ по крайней мѣрѣ разсказываютъ бухарцы.

Встрѣтили на пути одну цистерну (сардоба) съ обвалившимся на половину порталомъ. Наружный видъ ея такой же, какъ и у нашихъ на Голодной степи, и строена она, равно какъ и всѣ прочія подобныя же сооруженія на Каршинско-Бухарской дорогѣ, все тѣмъ же знаменитымъ Абдуллахъ-ханомъ, этимъ истиннымъ благодѣтелемъ степей, память котораго еще много вѣковъ будутъ съ благодарностью вспоминать всѣ, кого судьба заброситъ путникомъ въ эти мертвыя пустыни. Жаль только, что нынѣшнее правительство не поддерживаетъ такихъ полезныхъ сооруженій. Они еще исполняютъ свое назначеніе, но безъ ремонта съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе разрушаются.

Въ разстояніи двухъ ташей отъ Ходжа-Мубарака мѣстность начинаетъ представлять ряды невысокихъ песчаныхъ бархановъ, изъ коихъ одни покрыты колючкой, гребенщикомъ (тамарискъ) и бурьяномъ, и слѣдуютъ грядой въ сѣверозападномъ направленіи, другіе совершенно голы. Почва—песчано-глинистая. Здѣсь видны какія-то давно разрушенныя сооруженія, въ видѣ невысокихъ прерывающихся стѣнокъ, близь которыхъ есть колодецъ и при немъ одинокая сакля. Мѣсто или урочище это носитъ названіе Куль-Магіанъ, а

по другому произношенію Куль-Маи, что значитъ Рыбное озеро, и тянется оно на разстояніи около таша, а затѣмъ опять идетъ ровная гладкая степь. Заинтересовавшись, почему это урочище носитъ такое странное, совсѣмъ уже не подходящее къ мѣсту названіе, я узналъ, что оно и въ дѣйствительности бываетъ иногда озеромъ, которому гряды бархановъ служатъ берегами: внутри ихъ цѣпи находится неглубокая котловина, до которой иногда доходятъ по сухому руслу воды Кашка-Дарьи во время весенняго половодья, если зима была особенно обильна снѣгами. Въ этомъ случаѣ котловина заполняется вся и, вмѣстѣ съ водой, въ нее набирается множество рыбы. Но такъ какъ почва котловины— мелкій сыпучій песокъ, то влага всасывается въ него очень скоро, и озеро быстро мелѣетъ и высыхаетъ, а рыба, которой еще въ началѣ обмелѣнія уже отрѣзанъ возвратъ въ рѣку, конечно, дохнетъ на днѣ, покрывая его сплошь своею массой, и тогда на все лѣто окрестность заражается такимъ ужаснымъ запахомъ, что караваны принуждены бываютъ дѣлать огромный обходъ, забирая далеко въ сторону, въ совершенно безводную пустыню. Здѣсь тогда великое раздолье воронамъ и грифамъ-стервятникамъ; но и эти единственные дезинфекторы степи мало помогаютъ, и вонь прекращается лишь въ рединѣ лѣта, когда нестерпимо жгучее солнце окончательно изсушитъ остатки рыбы.

За три версты до мѣста ночлега выѣхали къ намъ на встрѣчу двое чиновниковъ, посланныхъ отъ кушъ-беги и, слѣзши съ коней, поздравляли насъ съ благополучнымъ странствованіемъ.

Мѣсто сегодняшняго ночлега называется Какыръ-Сардоба [1])

[1]) Какыръ происходитъ отъ слова „какъ"—лужа, а называется какыромъ совершенно ровное, глянцевито-гладкое, какъ паркетъ, пространство глинистой почвы, образуемое вслѣдствіе высыханія обширныхъ лужъ, остающихся послѣ дождей или весенняго таянія снѣговъ. Глина какыра обыкновенно бываетъ чрезвычайно нѣжна, жирна и, высыхая отъ дѣйствія солнца, трескается на куски, которые коробятся въ полуцилиндръ, отдѣляясь отъ нижней почвы тонкими, равномѣрной толщины слоями.

и находится въ трехъ съ половиной ташагахъ (28 верстъ) отъ Ходжа-Мубарака. Прибыли мы туда уже по закатѣ солнца, въ седьмомъ часу вечера, и неожиданно нашли тамъ близь каменной цистерны прекрасное четырехстороннее зданіе изъ обожженнаго кирпича. Высокій мавританскій порталъ вводитъ въ просторныя стрѣльчато-сводныя галлереи, окружающія внутри все это зданіе; три или четыре выходные корридора ведутъ съ галлерей на внутренній мощенный плитами дворъ съ низенькими террасами, на которыя выходитъ много дверей изъ отдѣльныхъ комнатъ и кладовыхъ. Эти послѣднія наполнены запасами необходимой для ночлега рухляди: подушками-вальками (мутаки), толстыми ватными одѣялами и коврами. Отдѣльныя же комнаты служатъ спальнями, а въ закрытыхъ галлереяхъ находятся помѣщенія и для лошадей. Это прекрасное, прочно сохранившееся зданіе воздвигнуто Абдуллахъ-ханомъ среди совершенно пустынной степи и служитъ путевымъ дворцомъ на случай остановокъ эмира во время его „священныхъ шествованій“ изъ Бухары въ Шахрисебсъ и обратно. Но и внѣ этихъ экстраординарныхъ случаевъ оно радушно раскрываетъ свои широкія двери всякому путнику, кто бы онъ ни былъ, съ однимъ лишь обязательствомъ: при отъѣздѣ убирать прочь изъ занимаемыхъ комнатъ ненужные остатки своей ѣды и прочаго, а изъ конюшенныхъ корридоровъ—пометъ своихъ вьючныхъ животныхъ, и такимъ образомъ зданіе это постоянно поддерживается въ чистотѣ и порядкѣ. Когда мы подъѣхали къ Какыръ-Сардобѣ, то тамъ уже ожидала насъ цѣлая толпа народа, не знаю откуда набравшаяся. Предъ порталомъ были раскинуты большія зеленыя палатки на узорчатомъ подбоѣ, и ярко пылало нѣсколько большихъ костровъ. Роскошный достарханъ и ужинъ ожидалъ насъ въ высокосводной алебастровой залѣ, устланной сплошь большими коврами и убранной вдоль стѣнъ наложенными въ нѣсколько рядовъ одно на другое ватными одѣялами и бархатными мутаками, что̀ вполнѣ замѣняло турецкія оттоманки.

22 января.

Всю эту ночь мы съ княземъ мерзли и глазъ не сомкнули отъ морознаго холода, стоявшаго въ нашей комнатѣ. Но ужъ лучше мерзнуть, чѣмъ угорѣть до безчувствія отъ этихъ проклятыхъ мангаловъ[1]), которые тѣмъ опаснѣе, что вредный газъ ихъ почти неуловимъ для обонянія. Остальные члены нашего посольства въ эту ночь чуть было не отправились на тотъ свѣтъ отъ мангальнаго угара, и хорошо еще, что Асланбекъ сохранилъ сознаніе настолько, чтобы доползти до дверей и толчкомъ распахнуть ихъ настежъ, а безъ того едва ли обошлось бы у насъ безъ жертвъ бухарскаго гостепріимства. Но что за косный народъ, въ самомъ дѣлѣ! Какъ это изжить цѣлый рядъ вѣковъ и не додуматься до существенной необходимости строить въ домахъ хотя бы камины, тѣмъ болѣе, что климатъ здѣшній всегда отличался суровостью. Вамбери въ своей „Исторіи Бухары“ нерѣдко упоминаетъ годы замѣчательные своими жестокими зимами, вслѣдствіе которыхъ не только останавливались военныя или промышленныя предпріятія, но и гибли сады, посѣвы, стада, вьючныя животныя и даже цѣлыя арміи. Сошлются на недостатокъ лѣса, но вѣдь жгутъ же бухарцы ежегодно нѣсколько десятковъ милліоновъ пудовъ саксаула исключительно на уголь для мангаловъ; да и кромѣ того, здѣсь растетъ множество камыша, есть торфъ и каменный уголь; объ изобиліи кизяка уже и говорить нечего, и все-таки не додумались люди до каминовъ! Семь мѣсяцевъ въ году чуть не задыхаться отъ палящаго зноя и пять мѣсяцевъ ходить угорѣлыми отъ мангаловъ,—по истинѣ ужасное существованіе!..

Выступили съ ночлега ровно въ семь часовъ пополуночи. Сначала утро было сильно морозное, но тихое и ясное, а къ десяти часамъ, отъ дѣйствія солнечныхъ лучей, морозъ подегчалъ, и установилась даже очень пріятная температура,

[1]) Мѣдныя жаровни.

стало почти тепло. Степнымъ воздухомъ дышалось, по выраженію поэта, „свѣжо и емко“.

Вскорѣ гладко-равнинная мѣстность приняла полого-волнистый характеръ, при которомъ невысокія волны возвышенностей расходились отъ плоскихъ вершинъ своихъ широко и плавно. Такова бываетъ иногда въ океанѣ мертвая зыбь на третій день послѣ бури; но неподвижная волна степной мѣстности несравненно обширнѣе зыбкой волны океана, и ея подошвенную окружность надо брать версты въ три по крайней мѣрѣ. Чѣмъ дальше съ волны на волну къ сѣверо-западу, тѣмъ замѣтнѣе повышалась эта мѣстность, но въ общемъ подъемъ ея былъ довольно умѣренный и постепенный. Въ правой сторонѣ, въ очень большой дали, на востокѣ чуть-чуть синѣлись Зерабулакскія и Каттакурганскія высоты. Тамъ, за ихъ переваломъ, уже начинается Россія... Но до нихъ болѣе ста верстъ.

Въ разстояніи полутора таша отъ Какыръ-Сардобы, среди совершенно голой пустыни, высятся кирпичныя стѣны большаго караванъ-сарая и цистерна Кошъ-Сардоба, покрытая кирпичною шапкой. Кошъ-Сардобскій караванъ-сарай представляетъ обширное высокостѣнное зданіе изъ обожженаго кирпича, строенное редутомъ, на четыре угла, съ башенными выступами и высокимъ четырехъугольнымъ фронтономъ, въ которомъ пробиты, въ видѣ стрѣльчатосводной ниши, очень высокія ворота. Сквозныя башенки вѣнчаютъ собою купола наугольныхъ башенъ передняго фаса; каждый же изъ боковыхъ фасовъ украшенъ семью сферическими куполами, которые высятся надъ широкими просторными корридорами внутри караванъ-сарая, служащими пріютомъ для лошадей и вьючныхъ верблюдовъ. Въ концентрѣ этихъ корридоровъ находится внутренній мощеный дворъ, куда выходятъ окна двери большой залы и нѣсколькихъ комнатъ, гдѣ останавливается на отдыхъ эмиръ во время своихъ путешествій.

Остановка нашего поѣзда для завтрака и кормежки лошадей послѣдовала ровно въ девять часовъ утра, на урочищѣ

Караулъ-Базаръ, находящемся въ разстояніи двухъ ташей отъ Кошъ-Сардобскаго караванъ-сарая. На половинѣ разстоянія между этими пунктами есть еще одна каменная юртообразная цистерна, съ примыкающими къ ней съ двухъ боковъ кирпичными полуюртами, для укрытія караванщиковъ на ночлегѣ и во время бурановъ [1]), но она осталась нѣсколько въ сторонѣ, влѣво отъ нашего прямаго пути, и мы туда не заѣзжали.

Караулъ-Базаръ расположенъ среди голой мелкодонной котловины съ широко и полого расходящимися подъемами. Тутъ находится такой же путевой дворъ, какъ и на Какыръ- и Кошъ-Сардобахъ, только размѣры караванъ-сарая еще шире, выше и вообще грандіознѣе. Оно, впрочемъ, и не мудрено, такъ какъ зданіе это строено знаменитымъ Абдуллахъ-ханомъ, что и безъ поясненій со стороны туземцевъ вы сразу же угадываете по его широкимъ размѣрамъ, по общему величественному характеру постройки и по мозаичной облицовкѣ, кое-гдѣ еще уцѣлѣвшей на верхнихъ частяхъ стѣнъ, фронтонахъ и карнизахъ. Клочки и обрывки вязевыхъ арабскихъ надписей и разноцвѣтныхъ арабесокъ даютъ еще нѣкоторую возможность представить себѣ это изящное произведеніе строительнаго искусства въ томъ видѣ, въ какомъ оно красовалось тутъ лѣтъ за двѣсти до нашего времени. Но увы! его прелестные узоры, его дивная мозаика, сохранившая всю свѣжесть своихъ красокъ, съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе выщербливаются и отпадаютъ кафля за кафлей, и уже недалеко время, когда отъ нихъ не останется ничего, такъ какъ со временъ Абдуллахъ-хана уже никто и никогда больше не заботился о поддержаніи подобныхъ построекъ. А глядя на нихъ, даже и въ нынѣшнемъ полуразрушенномъ, жалкомъ ихъ состояніи, вы все-таки воочію видите, что значитъ зиждительный геній и вкусъ великаго человѣка. Но тѣмъ оскорбительнѣе кажется это пренебреженіе послѣдующихъ

[1]) На нашихъ картахъ цистерна эта не обозначена.

поколѣній къ великимъ памятникамъ прошлаго. Невольно раждается вопросъ: какъ и почему, вслѣдствіе какихъ причинъ было допущено такое пренебрежительное запущеніе зданій, которыя, казалось бы, должны составлять одинъ изъ предметовъ національной гордости? Отвѣтъ будетъ очень куріозенъ: допущено все это изъ-за „государственной экономіи“.

Дѣло въ томъ, что такіе великіе государи какъ Тимуръ, Улугъ-бекъ и въ особенности Абдуллахъ, понимали, что экономическое благосостояніе Трансоксаніи главнѣйшимъ образомъ заключается въ ея центральномъ положеніи между Китаемъ и Индіей, съ одной стороны, и между западною Азіей и Европой, съ другой, и что вся транзитная торговля между этими странами неминуемо должна была направляться чрез трансоксанскія степи. Поэтому названные государи старались болѣе всего о благосостояніи своихъ путей сообщенія. Съ этою цѣлію они разрабатывали дороги въ горахъ и ущельяхъ, строили прочные каменные мосты, въ орошенныхъ мѣстностяхъ обсаживали дороги тутовыми и иными широковѣтвистыми деревьями, чтобы доставить путнику въ знойную пору благодатную тѣнь, а въ безводныхъ мѣстахъ сооружали цистерны и караванъ-сараи. По свидѣтельству Тарихи-Мекимъхани, при Абдуллахѣ всѣ дороги въ Трансоксаніи были снабжены помильными столбами (т а ш ъ), и сообщеніе производилось въ широкихъ размѣрахъ посредствомъ правильно и хорошо устроенныхъ почтъ (я м ъ); степные пути оберегались воинскими командами, располагавшимися при сардобахъ и рабатахъ, и на обязанности этихъ отрядовъ лежало конвоированіе каравановъ и защита ихъ отъ туркменскихъ хищниковъ. Такимъ образомъ безопасная торговля и международныя сношенія распространили въ то время во всѣхъ слояхъ бухарскаго народонаселенія давно невиданное благосостояніе, не говоря уже о томъ, что правительство постоянно получало хорошій доходъ отъ сбора (з я к е т ъ) съ проходящихъ каравановъ за пользованіе цистернами и караванъ-сараями.

Къ сожалѣнію, послѣдующіе государи изъ дома Аштарханидовъ и первые изъ нынѣ властвующей въ Бухарѣ династіи Мангытъ не находили нужнымъ поддерживать „роскошь" построекъ „расточительнаго" Абдуллахъ-хана. Они искали себѣ популярности совсѣмъ другими путями и думали взять во мнѣніи народа только своимъ ханжествомъ да публичнымъ смиреніемъ предъ высокопоставленными муллами и юродствующими дервишами, паломничествомъ въ Мекку и стремленіемъ къ полной замкнутости государства и къ совершенной обособленности восточнаго мусульманства не только отъ кяфыровъ Китая и Индіи или шіитовъ Персіи, но даже и отъ западнаго мусульманства Турецкой имперіи. Въ главную доблесть всѣмъ и каждому вмѣнялись уже не занятія науками, искусствами, ремеслами и торговлей, а только ханжество и изувѣрство, основанное на чисто внѣшнемъ исполненіи религіозныхъ требованій. Это направленіе дошло наконецъ до своихъ геркулесовыхъ столбовъ въ лицѣ зелотствовавшаго эмира Маассума, перваго хана изъ дома Мангытъ [1]), который одѣвался въ рубище, ѣлъ только самую грубую пищу, ѣздилъ на худой клячѣ, сократилъ до-нельзя придворный штатъ и содержаніе военныхъ и административныхъ чиновъ, жилъ въ грязи и могъ проводить цѣлые дни въ убогой палаткѣ на дырявомъ коврикѣ, погрузясь въ религіозное созерцаніе. Замѣчательнѣе всего, что всѣ эти юродства продѣлывались „изъ принципа", ради государственной экономіи" и осмѣянія земнаго блеска, чему первый примѣръ Маассумъ возжелалъ показать на себѣ самомъ.

Но что же въ концѣ концовъ изо всего этого вышло?

Вышло то, что съ прекращеніемъ отпуска денегъ на поддержаніе полезныхъ общественныхъ учрежденій, а главное придорожныхъ сардобъ и рабатовъ, всѣ эти прекрасныя зданія пришли въ крайній упадокъ, колодцы засорялись, заносились песками и потому либо изсякали, либо вода ихъ ста-

[1]) Царствовалъ съ 1199 (1784) по 1217 (1802) годъ.

новилась негодною къ употребленію. По свидѣтельству Сеида Ракима, Самаркандъ и Бухара еще въ 1030 (1620) году были усѣяны великолѣпными зданіями, сооруженными въ послѣднихъ вѣкахъ, но вскорѣ затѣмъ, по нерадѣнію правительства о необходимыхъ починкахъ, зданія эти совершенно развалились и погибли. Такъ погибали медрессе, богадѣльни, мосты и даже многіе оросительные каналы. Воинскія конвоирныя команды, ради экономіи, были сняты со степныхъ постовъ—и движеніе по дорогамъ стало не только затруднительнымъ по отсутствію путевыхъ удобствъ, но и крайне опаснымъ отъ разбойничьихъ нападеній, въ которыхъ теперь отличались не одни уже туркмены, но и собственная бухарская сволочь. Вслѣдствіе всѣхъ этихъ причинъ торгово-караванное движеніе сократилось до minimum, попутные города и мѣстечки, жившіе торговлей съ проходящими караванами, пришли въ упадокъ, многія населенныя мѣстности превратились въ пустыри, и въ настоящее время только слѣды арыковъ да придорожныя развалины цѣлыхъ городовъ безмолвно свидѣтельствуютъ путешественнику о былыхъ временахъ процвѣтанія и богатства этого края. Въ концѣ концовъ, общее обнищаніе и даже уменьшеніе народонаселенія, общая косность, полный упадокъ искусствъ и ремеслъ, даже до окончательнаго забвенія нѣкоторыхъ изъ нихъ, были естественными слѣдствіями этой своеобразно понятой „государственной экономіи". Загоняя подобную экономію на грошахъ, не позволяя себѣ тратить на себя болѣе одной тенги (20 коп.) въ день и болѣе одного верблюжьяго халата въ годъ, эмиръ Маассумъ ничѣмъ инымъ, какъ только своими экономическими принципами вконецъ подрывалъ самые существенные источники народнаго и государственнаго благосостоянія. И что̀ же? Никогда административный развратъ, воровство, казнокрадство, взяточничество и вымогательство не достигали до такой наглой необузданности, несмотря на всѣ клоповники, канчуки и даже смертныя казни, какъ въ „благополучное" правленіе Маассума. Въ то время, какъ самъ онъ подъ дырявою палаткой

всенародно ѣлъ изъ грязной миски какое-нибудь плохое варево, его офицеры и придворные на сторонѣ щеголяли въ богатѣйшихъ шелковыхъ и парчевыхъ платьяхъ, носили разукрашенное оружіе, ѣли и пили изъ золотыхъ и серебряныхъ сосудовъ, осыпанныхъ драгоцѣнными камнями. И хотя рейсъ-и-шаріатъ (охранитель религіознаго закона, должность возстановленная Маассумомъ въ то именно время, когда во всемъ мусульманствѣ уже забыли о ней) отправлялъ свои обязанности со всею суровостью[1]), тѣмъ не менѣе пьянство, куреніе опіума и развратъ нравственный достигли своего апогея и въѣлись въ общественные нравы даже до такой степени, что наемъ батчи (juvenis imberbis) или споръ изъ-за него между двумя соперниками разрѣшался публично на судѣ казіевъ.

Таковы-то были разностороннія послѣдствія „государственной экономіи“ Аштарханидовъ и Мангытовъ, и хотя нынѣ властвующій эмиръ пытался сооружать общественныя зданія въ подражаніе древнимъ, но все это выходило не болѣе, какъ жалкою и неумѣлою пародіей на великія произведенія.

Желая осмотрѣть поближе караванъ-сарай на Караулъ-Базарѣ, я прошелъ на его внутренній дворъ и, Боже мой, въ какомъ отвратительно-запущенномъ состояніи пришлось

[1]) Въ правленіе Маассума, рейсъ-и-шаріатъ былъ обязанъ ежедневно обходить улицы въ сопровожденіи своихъ онбашей (десятниковъ), вооруженныхъ четырехвостными плетками, и подвергать встрѣчныхъ людей всенародному испытанію въ знаніи религіи. Кто не могъ сказать по-арабски нѣсколько обязательныхъ молитвъ или фарзегайнъ и прочесть наизусть извѣстные стихи Корана, того тутъ же на мѣстѣ жестоко драли плетками, либо сажали въ клоповникъ на болѣе или менѣе продолжительное время, смотря потому, какую сумму могли предложить въ подарокъ рейсу родственники потерпѣвшаго. За неисправное посѣщеніе мечети или же опущеніе обязательныхъ часовъ молитвы виновные на первый разъ подвергались тѣлесному наказанію, а на второй—смертной казни. Подобнымъ же образомъ поступали съ пьющими вино и курящими табакъ или опіумъ; прелюбодѣи же прямо передавались палачу, и лишь одно батчебазство не влекло за собой никакого наказанія.

его увидѣть!... Груды мусора и массы верблюжьяго и конскаго навоза наполняли какъ самый дворъ, такъ и стрѣльчато-сводные корридоры, еще сохранившіе кое-гдѣ остатки изящныхъ лѣпныхъ и изваянныхъ орнаментацій; но всѣ онѣ были черны какъ сажа отъ копоти разводимыхъ тутъ костровъ. Внутренній дворъ имѣетъ форму нѣсколько продолговатаго четырехъугольника со срѣзанными углами, такъ что начертаніе его въ планѣ является собственно неравностороннимъ оваловиднымъ осьмиугольникомъ. Стѣны его украшены тремя мозаичными фронтонами съ большими порталами въ видѣ стрѣльчатыхъ нишъ; но одинъ изъ нихъ уже рухнулъ, равно какъ обрушились и многіе куполы и своды. Кое-гдѣ, но уже въ очень немногихъ мѣстахъ еще уцѣлѣла мраморная облицовка настѣнныхъ панелей и нижнихъ карнизовъ, состоящая изъ тонкихъ плитъ съ рельефно высѣченными арабесками и вязевыми надписями. Все это такъ изящно, такъ красиво, такъ роскошно по своему матеріалу и грандіозно по размѣрамъ, и увы! все это стоитъ въ руинахъ, въ навозѣ, накопленномъ въ теченіе двухъ вѣковъ, запущенное, заброшенное... Вотъ ужъ гдѣ именно Авгіевы конюшни не въ переносномъ смыслѣ! Даже и глядѣть-то грустно и противно...

Дѣятельность путеваго привальнаго пункта сосредоточена теперь въ двухъ рядахъ глинобитныхъ саклей, образовавшихъ небольшую уличку предъ главнымъ наружнымъ фронтономъ каравань-сарая. Здѣсь есть колодецъ съ бассейномъ, сбитымъ изъ глины и камней; здѣсь же помѣщается „чайна-хане“ и лавчонка, гдѣ продаются сальныя свѣчи, кунжутное масло, баранье сало и мясо, спички, веревки, кошма, чай, сахаръ и тому подобные не хитрые, но часто необходимые въ дорогѣ продукты. Тутъ же ютится и семья надсмотрщика, подъ вѣдѣніемъ котораго состоитъ этотъ пунктъ. Должность его отъ правительства, такъ какъ на Караулъ-Базарѣ находится и путевой дворецъ эмира. Осмотрѣли мы и это послѣднее „зданіе“, которое, судя по окружающей его сомкнутымъ кольцомъ глинобитной стѣнѣ, я сначала принялъ-было за овечій

загонъ (кошъ), и только рѣзная входная дверка, да ведущія къ ней три высокія алебастровыя ступени заставили меня усомниться въ первоначальномъ предположеніи. Внутри этой загородки, противъ входа прислонилась къ стѣнѣ тѣсная, низенькая сакля, къ которой черезъ круглый дворикъ ведетъ кирпичная панель,—вотъ и все, и весь „дворецъ“ тутъ. А рядомъ—это дивное, три столѣтія разрушающееся величіе...

Подлѣ „дворца“ стоитъ обширная цистерна подъ высокимъ куполомъ, относимая еще ко временамъ Тимура. Большая и широкая каменная лѣстница изъ-подъ стрѣльчатаго портала цистерны ведетъ въ ея глубину, на самое дно. Круглый бассейнъ ея, саженъ около семи въ поперечникѣ и сажени въ три глубиной, стоитъ теперь безъ воды, и сѣрая, изсохшая почва дна дала по всѣмъ направленіямъ глубокія трещины. Надъ горизонтомъ водной черты, въ уровень съ наружнымъ основаніемъ цистерны пробито нѣсколько большихъ стрѣльчатыхъ оконъ, расположенныхъ симметрично. Время однако пощадило эту „сардобу“ болѣе караванъ-сарая: все въ ней еще такъ массивно и прочно, что по всей вѣроятности продержится она еще долго яркимъ свидѣтельствомъ того, какъ строили при Тимурѣ.

Съ весной на Караулъ-Базаръ обыкновенно командируются изъ Бухары нѣсколько ротъ сарбазовъ, которыя отъ себя посылаютъ по одной ротѣ на Какыръ-Сардобу и въ Ходжа-Муборакъ для охраны степи отъ туркменскихъ шаекъ. Такимъ образомъ нынѣшній эмиръ въ этомъ отношеніи возстановилъ древній порядокъ; но никому уже не удастся возстановить въ полномъ объемѣ и значеніи былой транзитъ, проложившій себѣ два вѣка назадъ новые пути,—вмѣсто Средней Азіи къ приморскимъ портамъ Индіи и Китая.

Давъ лошадямъ часъ на отдыхъ, мы послѣ изобильнаго завтрака тронулись далѣе.

Все та же волнистая мѣстность, только глинисто-песчаная почва сдѣлалась болѣе каменистою. Камень этотъ—песчаникъ, и его крупными осколками усѣяна вся дорога. Впе-

реди виднѣлся горный кряжъ, протяженіемъ около пяти верстъ, не высокій самъ по себѣ, но все же значительно превышавшій волнистыя возвышенности окружающей мѣстности. Коричневая лента дороги, слегка извиваясь, шла прямо на перевалъ этого кряжа, у подножія коего по сю сторону стоятъ вправо отъ дороги небольшія развалины караванъ-сарая Мама-Джюрчаты, до которыхъ отъ Караулъ-Базара считается два таша (16 верстъ).

У этихъ развалинъ встрѣтили насъ три чиновника, объявившіе послѣ обычныхъ привѣтствій, что они высланы сюда для встрѣчи посольства сыномъ досточтимаго кушъ-беги Магометъ-Шерифъ-инакомъ, который и самъ тоже выѣхалъ на встрѣчу высокимъ русскимъ гостямъ и ожидаетъ ихъ за переваломъ.

Темя Джюрчатынскаго перевала очень каменисто, благодаря чему переѣздъ черезъ него въ экипажѣ не особенно пріятенъ; но за то съ высоты кряжа открылся предъ нами широкій видъ на равнину города Бухары, усѣянную кишлаками, садами и арычными аллеями. Непрерывная полоса садовъ синѣлась вдали, распространяясь и вправо, и влѣво куда-то вдаль за черту горизонта, такъ что казалось и конца ей нѣтъ. Прямо предъ нами эта полоса была какъ будто и гуще, и темнѣе,—тамъ Бухара, то есть то, что можно назвать ядромъ этого обширнаго города, если считать въ его составѣ всѣ предмѣстья, состоящія изъ множества кишлаковъ, соединенныхъ между собой садами и тутовыми плантаціями. Обозначенныя на нашей картѣ окружныя селенія Митанъ, Мургабъ, Саманчикъ, Джандоръ, Гурбукъ и городокъ Баэддинъ, въ сущности говоря, составляютъ пригороды одного и того же большаго города на протяженіи болѣе двадцати верстъ въ поперечникѣ.

Противоположный скатъ перевала и не длиненъ, и очень отлогъ, такъ что спускаешься съ него въ равнину Бухары почти незамѣтно. Поэтому, судя конечно на глазъ, мнѣ кажется, что равнина Бухары лежитъ выше котловинъ Мама-

Джюрчаты, Караулъ-Базара и прочихъ прослѣдованныхъ нами степныхъ мѣстностей.

За переваломъ, глядимъ, на встрѣчу намъ ѣдутъ верхомъ еще три чиновника, которые по обычаю, не доѣзжая насъ, слѣзли съ лошадей. Когда князь приказалъ пріостановиться, чтобъ ихъ выслушать, то чиновники объявили, что они тоже посланы съ привѣтствіемъ отъ Магометъ-Шерифъ-инака, который де поджидаетъ насъ близь озера Кунджа, на Зироватскомъ путевомъ дворѣ его высокостепенства. Поблагодарили за вниманіе и тронулись далѣе, а отъ свиты чиновниковъ отдѣлились два джигита и что есть духу поскакали впередъ дать знать Магометъ-Шерифу, что ѣдутъ, молъ, ѣдутъ.

Отъ спуска съ перевала до кишлака Зироватъ, съ котораго уже начинается культивированная мѣстность, оставалось версты четыре, и разстояніе это проѣхали мы довольно быстро. Въ Зироватѣ, какъ уже сказано, находится послѣдній предъ Бухарой путевой дворъ, гдѣ останавливается эмиръ для ночлега. Предъ его воротами и близь сосѣдней чайнахане стояла толпа празднично разодѣтыхъ джигитовъ, а у коновязей было привязано до полусотни верховыхъ лошадей подъ парчевыми и бархатными попонами. Послѣднія были расшиты серебромъ, золотомъ, шелками и блестками. Лошади жевали подброшенную имъ люцерну (дженушка), причемъ многіе жеребцы горячились, злобно ржали и дрались между собой, а джигиты тѣмъ часомъ преспокойно покуривали изъ одного общаго чилима и попивали зеленый чай (акъ-чай) изъ уемистыхъ фаянсовыхъ чашекъ, разсѣвшись на корточкахъ вокругъ жаровень и большихъ сартовскихъ самоваровъ. При нашемъ приближеніи, вся ихъ пестро-нарядная толпа быстро вскочила на ноги и почтительно скрестила на животѣ руки, а изъ воротъ путеваго двора парадно выступили на встрѣчу намъ трое сановниковъ, въ парчевыхъ халатахъ и кашмирскихъ чалмахъ, съ кривыми саблями на замшевыхъ портупеяхъ, украшенныхъ бирюзовыми буклями и золотыми пряжками. Первый изъ нихъ, худощавый старикъ съ длинною,

сѣдоватою и щегольски расчесанною бородой, выступилъ впередъ, отрекомендовался намъ, назвалъ себя Абдулъ-Афаромъ, перваначи-командующимъ войсками въ округѣ Бухары и представилъ остальныхъ двухъ своихъ товарищей. То были: сынъ кушъ-беги, Магометъ-Шерифъ-инакъ, главный зякетчи и въ то же время губернаторъ города Бухары, а другой—датха, состоящій въ распоряженіи кушъ-беги, но имени его я не упомню.

Послѣ первыхъ взаимныхъ привѣтствій, они провели насъ дворомъ, гдѣ было раскинуто нѣсколько цвѣтныхъ палатокъ, въ путевой дворецъ, котораго пріемная комната была заставлена изобильнымъ достарханомъ. Здѣсь послѣдовали опять неизбѣжный чай и завтракъ, состоявшій изъ самыхъ изысканныхъ блюдъ бухаро-персидской кухни и поданный намъ на русскомъ и китайскомъ фарфорѣ.

Предъ завтракомъ, когда мы уже разсѣлись за столомъ, Магометъ-Шерифъ началъ объяснять князю, что отецъ его, Кушъ-беги, очень сожалѣетъ и извиняется, что не могъ лично выѣхать къ намъ навстрѣчу, такъ какъ по званію верховнаго коменданта эмирскаго дворца онъ въ отсутствіе эмира не имѣетъ по закону права выходить за черту дворцовой цитадели, но что взамѣнъ себя онъ выслалъ его, какъ своего сына и губернатора города, вмѣстѣ съ двумя высшими изъ чиновъ, находящихся въ округѣ Бухары.

Магометъ-Шерифъ, красивый мужчина лѣтъ уже за сорокъ, высокаго роста, съ большими, серіозными, но добрыми глазами и окладистою черною бородой. Въ немъ замѣтно большое фамильное сходство съ его сыномъ, молодымъ бекомъ Каршинскимъ. Что же до тахти, то это плотно-коренастый рыжебородый узбекъ, постоянно улыбающійся своими слегка прищуренными глазками и постоянно желающій сказать всѣмъ что нибудь пріятное. Надо прибавить, что дѣлаетъ онъ это довольно кстати и далеко не глупо. Видъ у него добродушный, но въ то же время и себѣ на умѣ — дескать, мы тоже не лыкомъ шиты и хотя, такъ-сказать, варвары, но виды ви-

дали всякіе, и насъ на кривой не объѣдешь. Такое выраженіе нерѣдко можно встрѣтить у русскихъ матерыхъ купцовъ и лабазниковъ знающихъ себѣ цѣну. Наконецъ, перваначи Абдулъ-Афаръ, наружность котораго уже описана выше, отличается плавными манерами и говоритъ мягкимъ тихимъ голосомъ, слегка закатывая иногда глаза — персидская особенность, служащая, между прочимъ, признакомъ хорошаго воспитанія,—а когда слушаетъ другаго, то время отъ времени медленно и благосклонно киваетъ головой, тогда какъ по лицу его блуждаетъ полуразсѣянная меланхолическая улыбка. Вообще все трое являются людьми въ высокой степени приличными и съ большимъ тактомъ.

Завтракъ продолжался недолго, да и сѣли-то мы за него совершенно сытые, ради одной лишь официіальной церемоніи, обойти которую невозможно не нарушая здѣшняго этикета, а потому тотчасъ же вслѣдъ за послѣднимъ блюдомъ наши временные хозяева всѣ втроемъ поднялись съ мѣстъ и удалились, объяснивъ, что идутъ сдѣлать распоряженія для дальнѣйшаго нашего слѣдованія.

Узнавъ, что они прибыли сюда верхомъ и что до городской стѣны еще остается два таша, князь предложилъ имъ свою коляску [1]). Бухарскіе сановники охотно приняли это предложеніе, но предупредили, что могутъ воспользоваться экипажемъ только до черты города, а далѣе должны, по обычаю, слѣдовать уже верхомъ.

Пять минутъ спустя, предшествуемый большою, празднично-пестрою кавалькадой чиновниковъ и джигитовъ, нашъ поѣздъ двинулся далѣе.

Начиная отъ Зировата, мѣстность и самая почва рѣзко мѣняютъ свой характеръ. Снѣгъ почти исчезъ, и тѣ незначительныя залежи его, которыя еще виднѣлись кое-гдѣ по канавамъ, были покрыты черною пылью [2]). Мертвая песчано-

[1]) Сами мы, съ минуты въѣзда въ бухарскія владѣнія, постоянно ѣздили въ экипажахъ эмира.

[2]) Эта пыль является слѣдствіемъ такъ называемыхъ сухихъ тума-

глинистая пустыня осталась позади, а предъ глазами потянулись теперь все сады да сады, обрамленные глинобитными стѣнками, канавы обсаженныя аллеями бородавчатыхъ тутовъ, поля разбитыя на правильные участки, причемъ на ихъ межахъ торчатъ ряды всѣ тѣхъ же тутовыхъ деревьевъ; на этихъ участкахъ виднѣются тамъ и сямъ разбросанные хутора, отдѣльныя сакли; то вдругъ потянется цѣлый кишлакъ, то опять сады да плантаціи. Вообще, сразу, какъ-то вдругъ сказалась культура, жизнь, и жизнь большая, плодоносная, хотя для того, чтобы быть плодоносною ей приходится серіозно бороться съ надвигающимися песками и развиваться на пепельно-сѣрой солончаковой почвѣ.

Опять пошли курганы, и между ними одинъ, высокій, былъ сплошь отъ подошвы до макушки усѣянъ сартовскими могилками. Такіе курганы-кладбища встрѣчаются подъ Бухарой довольно часто. Они въ теченіе многихъ вѣковъ росли постепенно и медленно, пока не достигли своей нынѣшней высоты, которая однако не останется для нихъ предѣльною: съ теченіемъ времени курганы эти, безъ сомнѣнія, станутъ на много выше, если только не перестанутъ служить кладбищами. Будучи и внутри своей толщи захоронены такъ же какъ снаружи, они образовывались по мѣрѣ наслоенія новыхъ могильныхъ пластовъ, на своей поверхности.

По движенію встрѣчнаго люда, пѣшаго и коннаго, а больше все верхомъ на ишакахъ и нерѣдко даже по два человѣка

новъ. Въ осенніе и зимніе мѣсяцы, преимущественно въ ноябрѣ и февралѣ, когда въ степяхъ господствуютъ бураны, силой вѣтра сметаетъ съ песчаныхъ бархановъ сначала сухой снѣгъ, а затѣмъ и песокъ, который подымается въ верхніе слои атмосферы и переносится воздушными теченіями на очень далекія разстоянія, осѣдая на землю только съ наступленіемъ тихой, безвѣтреной погоды, причемъ эта мельчайшая песчаная пыль опускается медленно какъ темный туманъ, заслоняя собой даже яркое солнце, сквозящее изъ-за нея въ видѣ тусклаго кроваво-багроваго диска. Налетъ этой пыли на снѣгу бываетъ иногда столь силенъ, въ особенности послѣ нѣсколькихъ съ небольшими промежутками повторявшихся бурановъ, что снѣгъ кажется почти совершенно чернымъ.

на одномъ ишакѣ, и по этимъ большимъ верблюжьимъ караванамъ, слѣдовавшимъ туда и обратно, въ разныхъ направленіяхъ и, наконецъ, по изобилію всѣхъ этихъ чайна-хане, харчевень и караванъ-сараевъ похожихъ снаружи скорѣе на военные форты, чѣмъ на постоялые дворы, вы чувствуете, что подъѣзжаете къ большому центру, къ столицѣ, къ сердцу своеобразнаго государства. Да, это, дѣйствительно, большой центръ, хотя вы и не встрѣчаете здѣсь ни высокихъ фабричныхъ трубъ, ни стука и грохота машинныхъ колесъ, ни изобилія кабаковъ и портерныхъ, ни бросающихся въ глаза отребьевъ нищеты и порока, ни вообще всего того, что составляетъ необходимѣйшія и самыя характерныя принадлежности форштатовъ въ большихъ городахъ европейскихъ. Тутъ, конечно, ничего подобнаго и тѣни нѣтъ, а между тѣмъ все-таки чувствуется, что втягиваешься въ центральный нервный узелъ весьма дѣятельной жизни. И замѣчательно еще вотъ что: вы видите движеніе большое, но нѣтъ въ немъ ни малѣйшей суетливости и той лихорадочности, какая свойственна опять-таки европейскимъ фабричнымъ предмѣстьямъ. Здѣсь весь трудъ человѣка въ землѣ-кормилицѣ, и оттого-то, думается мнѣ, и уличное движеніе этого народа идетъ степенно, неторопливо, увѣренно и какъ бы спокойно-дѣловымъ образомъ. Миновавъ кишлаки и плантаціи и одинъ изъ большихъ загородныхъ садовъ эмира, что долго тянулся за глинобитною стѣной съ правой стороны дороги, мы ѣдемъ наконецъ, повидимому, настоящимъ городомъ, по очень людной, широкой и торговой улицѣ, сплошь застроенной одно-и-двухъэтажными глинобитными домами и лавками. Но это еще не городъ, каковымъ почитается въ Азіи лишь мѣсто обнесенное зубчатою стѣной съ башнями и нѣсколькими воротами,—это пока еще все тянется Каганское предмѣстье, или кишлакъ Каганъ; пока мы ѣдемъ его длинною улицей, можно вдосталь наглядѣться на возвышающійся слѣва изъ-за садовыхъ раинъ лазоревый куполъ мавзолея Хазряти-Шейхъ-Алямъ, увѣнчанный на самой маковкѣ своей высокимъ вѣковымъ гнѣздомъ аиста.

Каганская улица наконецъ привела насъ къ Каршинскимъ воротамъ, извѣстнымъ болѣе подъ названіемъ Кауля-дарвази. Тутъ поѣздъ нашъ на минуту пріостановился, чтобы дать время сопровождавшимъ насъ сановникамъ пересѣсть изъ коляски въ сѣдла.

VII.

Въ Бухарѣ.

Ворота Каули и городская стѣна съ ея оборонительными приспособленіями.— Городскія улицы и характеръ уличной толпы.—Факиры и нищіе.—Бухарскія мужскія моды.—Евреи, парсы, индусы, киргизы, каракалпаки, цыгане, русскіе татары, афганцы, туркмены, узбеки и персіяне.—Бухарскія женщины, ихъ моды и косметическія средства.—Насколько средне-азіятцы дѣйствительно добрые мусульмане.—Ихъ обрядовый формализмъ.—Привилегія нищихъ женщинъ.— Посольскій дворъ и пожаръ въ посольскомъ домѣ.—Визитъ къ кушъ-беги. Значеніе и функціи его должности.—Путь ко дворцу эмира.—Регистанъ и его зданія.—Дворецъ эмира въ цитадели и его подворотный музей.—Кушъ-беги Мулла-Магометъ-бій.—Особенности его пріемной.—Разговоръ о политикѣ и о каршинскомъ бекѣ.—Обмѣнъ подарковъ и наше заключеніе о личности Мулла-Магометъ-бія.—Бухарскіе базары и предметы ихъ торговли.—Оружейныя лавочки и мѣдно-чеканная утварь.—Встрѣча съ батчею и нѣчто по этому поводу о здѣшнихъ общественныхъ правахъ.—Визитъ къ Магометъ-Шерифъ-инаку и разговоръ съ нимъ о торговлѣ Бухары съ Индіей.

Продолженіе 22 января.

Я тѣмъ временемъ разсматривалъ городскую стѣну и ворота Каули. Стѣна, по туземному чимъ, въ родѣ нашихъ кремлевскихъ, только глинобитная и съ зубцами скругленными въ своей вершинѣ: ворота же въ ней строены изъ жженаго кирпича и фланкируются по бокамъ двумя кирпичными круглыми башнями усѣченно-конической формы, изъ коихъ каждая снабжена узкими стрѣльницами и увѣнчана куполкомъ въ видѣ полушарія. Между башнями находится соеди-

нительная надстройка, висящая надъ проѣзднымъ пролетомъ и приспособленная къ оборонѣ воротъ съ фронтона. Самая же стѣна, какъ вправо, такъ и влѣво отъ воротъ, отойдя на нѣкоторое разстояніе, заходитъ впередъ подъ угломъ, въ родѣ бастіона, вѣроятно для того, чтобы доставить имъ съ фланговъ усиленную оборону перекрестнымъ огнемъ. Около воротъ справа, примыкая почти къ самой стѣнѣ, находится большое кладбище, тѣсно усѣянное памятниками, въ обычной формѣ двускатныхъ гробницъ, оштукатуренныхъ алебастромъ.

Первоначально стѣна, окружающая городъ, была построена въ 215 (830) году Геджры, при калифѣ Мегди, и поводомъ къ ея сооруженію послужили тогда безпрестанные набѣги и грабежи сосѣднихъ турокъ; при эмирѣ Измаилѣ (изъ дома Самаидовъ) она была значительно расширена и укрѣплена, а въ 1220 году нашей эры совершенно разрушена Чингисханомъ, и затѣмъ, уже при его преемникѣ Чагатаѣ, около 1234 года вновь возстановлена почти въ своемъ нынѣшнемъ видѣ. Имѣя въ вышину до четырехъ и въ толщину при основаніи до двухъ саженъ, она окружаетъ собою площадь въ 1,739 талановъ (1.564,875 кв. саж.) на протяженіи безъ малаго двѣнадцати верстъ [1]). Въ ней устроено одиннадцать воротъ, всѣ болѣе или менѣе въ вышеописанномъ родѣ, изъ коихъ двое находятся въ сѣверной, двое въ восточной, трое въ южной и четверо въ западной ея части. Кромѣ того, на всемъ своемъ протяженіи стѣна снабжена полукруглыми выступами, въ родѣ башенъ, извѣстными здѣсь подъ именемъ бурджей, которые впрочемъ не превышаютъ высоты самой стѣны и служатъ, въ количествѣ 131 бурджа, для фланговой обороны ея участковъ, заключающихся между сими выступами. Но длина такихъ промежуточныхъ участковъ не вездѣ одинакова (отъ $13^1/_3$ до $105^5/_9$ саж.) и зависитъ отъ степени протяженія того или другаго фронтона по прямой линіи, а главное отъ степени его важности въ оборонительномъ отно-

[1]) Собственно 11 верстъ 400 саженъ.

шенiи: чѣмъ фронтъ доступнѣе для атаки, тѣмъ больше и число его бурджей. Еще въ 1840 году нашъ ученый путешественникъ Н. Ханыковъ замѣтилъ, что вся стѣна Бухары хотя и кажется снаружи въ довольно хорошемъ состоянiи, но со внутренней стороны часто осыпается и ни въ какомъ случаѣ не можетъ служить надежною защитой городу. Если же таковою была она слишкомъ сорокъ лѣтъ назадъ, то при нынѣшнихъ средствахъ артиллерiйской техники и подавно не можетъ представить атакующему никакихъ серьезныхъ препятствiй. Таковы, впрочемъ, и всѣ средне-азiятскiя стѣны.

Наконецъ мы въѣхали въ дѣйствительный, то есть застѣнный городъ и двинулись вдоль узкой улицы, застроенной почти сплошными рядами домовъ, то кирпичныхъ, то глинобитныхъ, но большею частiю все двухъэтажныхъ. Намъ и здѣсь предшествовала все та же огромная, празднично пестрая кавалькада чиновниковъ и джигитовъ, во главѣ которой торжественно выступали на кровныхъ жеребцахъ, изукрашенныхъ блестящими уборами, трое нашихъ сановниковъ. Городскiе жители вѣроятно были предувѣдомлены о предстоящемъ въѣздѣ русскаго посольства, потому что, не смотря на пятницу, праздничный день, джумая, который мусульмане обыкновенно проводятъ дома, громадныя толпы молчаливыхъ зрителей степенно стояли на всемъ протяженiи нашего городскаго пути, а путь этотъ былъ далеко не изъ короткихъ. Везли насъ и по широкимъ и по узкимъ улицамъ, и переулкамъ, и мимо кладбищъ съ древними алебастровыми гробницами, и мимо старыхъ мечетей и мавзолеевъ съ могилами того или другого святаго мужа или праведника-ишана[1]), признакомъ коихъ и здѣсь, какъ въ Самаркандѣ и Ташкентѣ, обыкновенно служитъ длинная жердина, съ высоко болтающимся на ней конскимъ хвостомъ или тряпицей, увѣнчанная бронзовымъ изображенiемъ простертой въ небо человѣческой пясти, или узорчато-сквознымъ копьецомъ въ родѣ пиковаго туза. Ѣхали мы

[1]) Ишанъ—ученый, книжникъ, законовѣдъ.

и по разнымъ крытымъ базарамъ, и мимо открытыхъ разнообразныхъ мастерскихъ, лавокъ, съѣстныхъ, чайныхъ и караванъ-сараевъ, и мимо обширныхъ каменныхъ медрессе съ высокими порталами и минаретами, и по набережной канала Шахрирудъ, обсаженной раскидистыми талами и бородавчатыми тутами, и вездѣ, вездѣ встрѣчали насъ всѣ тѣ же молчаливыя толпы степенныхъ мужчинъ съ почтительно сложенными на животѣ руками. Одни только странствующіе каляндари [1]) да дуваǹа (юродствующіе) монашескаго ордена Накшбенди въ своихъ высокихъ, остроконечныхъ шапкахъ, туго подбитыхъ ватой, съ длинными посохами въ рукахъ и съ чупъ-каду [2]) съ боку на поясѣ, да разные скрюченные калѣки и уродцы, то сидящіе на пяткахъ, то ползущіе на четвереренькахъ, съ подаянною чашкой въ протянутой изсохшей или изъязвленной рукѣ, да нѣсколько женщинъ-сартянокъ съ совершенно открытыми лицами — привилегія, принадлежащая исключительно нищенкамъ—отчасти нарушали общую тишину всей остальной толпы,—первые своимъ нескладнымъ пѣніемъ, очень похожимъ на то, когда начнутъ горланить пѣсни наши пьяные мужики, а послѣднія своимъ поющимъ речитативомъ, который, кажись, совершенно одинаковъ у нищихъ всѣхъ странъ и народовъ. Иногда кое-какіе мальчишки порывались забѣгать впередъ, чтобы съ живѣйшимъ любопытствомъ заглянуть намъ въ лицо, или взапуски бѣжали наряду съ нашимъ экипажемъ, перегоняя и толкая другъ друга и тѣмъ рискуя попасть либо подъ колесо, либо подъ лошадей. Но

[1]) Каляндари—родъ монашескаго коммунистическаго братства. Вступающіе въ него отрицаются отъ рода и племени, отъ супружеской жизни и собственности; живутъ милостыней, которую дѣлятъ между собой поровну, также какъ и все прочее свое имущество. Эти люди—квинтъ-эсенція мѣстнаго мусульманскаго фанатизма.

[2]) Такъ называется тыква, имѣющая форму бутыли съ широкимъ основаніемъ, узкимъ горломъ и маленькою головкой, обыкновенно употребляемая какъ сосудъ для храненія воды и составляющая необходимую принадлежность всѣхъ странниковъ вообще, а дувана и каляндарей въ особенности.

бдительные курбаши тотчасъ же внушали имъ достодолжную степенность, для чего этимъ блюстителямъ уличнаго благочинія стоило только пригрозить своею нагайкой, и рѣзвые мальчонки сконфуженно останавливались или въ разсыпную наровили юркнуть изъ-подъ занесенной на нихъ руки куда нибудь въ сторону.

Толпа въ Бухарѣ очень пестрая, и хотя въ ней мѣшаются разные оттѣнки колеровъ синихъ, коричневыхъ и сѣрыхъ, но преобладаютъ все же цвѣта самые яркіе: желтый, алый, голубой, зеленый, фіолетовый, и нерѣдко вы встрѣчаете ихъ на одномъ и томъ же адрясовомъ или шаиновомъ халатѣ въ самыхъ оригинальныхъ, но всегда красивыхъ сочетаніяхъ. Вообще для палитры художника здѣсь найдется множество разнообразнѣйшихъ тоновъ и оттѣнковъ, которые однако въ общемъ нисколько не рѣжутъ вашъ глазъ, а только веселятъ его и развлекаютъ. На головахъ же правовѣрныхъ, надо всею этою пестротой одеждъ, царитъ почти исключительно цвѣтъ бѣлый, преобладающій въ головныхъ уборахъ. Рѣдко когда мелькнетъ между чалмами красная или синяя, и то большею частію у какихъ нибудь заѣзжихъ афганцевъ или деревенскихъ простолюдиновъ; горожане же бухарскіе отдаютъ предпочтеніе снѣжно-бѣлому цвѣту, какъ самому модному и элегантному.

Здѣсь тоже вѣдь есть свои моды и своя элегантность. Въ Бухарѣ даже бараньихъ шапокъ немного. Баранья шапка—это принадлежность захолустья и степи, а здѣсь столица, гдѣ въ силу моды и хорошаго тона всесословно господствуетъ снѣжно-бѣлая чалма весьма почтенныхъ размѣровъ, да еще какая!—тильпечъ, то есть сорокаоборотная,—значитъ, чтобъ окрутить ее сорокъ разъ вокругъ головы, полотнище должно имѣть въ длину 36 аршинъ по крайней мѣрѣ. Нерѣдко на головахъ зажиточныхъ горожанъ вы встрѣчаете настоящія тончайшія шали Кашмира. И какъ умѣютъ они ихъ носить, какія изящныя придаютъ имъ формы, съ какимъ искусствомъ свиваютъ изъ тильпеча толстый жгутъ и располагаютъ на немъ

красивыя складки! Хорошо повязать тильпечъ—это вѣдь цѣлая наука. Кромѣ того, по формѣ чалмы вы можете приблизительно узнать съ кѣмъ имѣете дѣло. Такъ, беки, духовные и судьи (муллы и казіи) повязываютъ чалму плоско, но широко, и чѣмъ шире ложится она вокругъ головы, тѣмъ значитъ важнѣе и сановнѣе особа; военные (сипайи) носятъ чалму болѣе высокую и нѣсколько съуженную кверху; купцы же (саудигеры) и разночинцы (фукара) придерживаются наиболѣе красивыхъ, то есть пропорціональныхъ размѣровъ, пуская въ ходъ свою фантазію только въ расположеніи узловъ, концовъ и складокъ. Носить же головной уборъ двухъ первыхъ формъ имъ воспрещается закономъ.

Совсѣмъ не смѣютъ носить чалму только евреи, для которыхъ, подъ страхомъ смертной казни, установленъ закономъ особаго покроя четырехъугольный колпакъ изъ люстрина или проклейнаго коленкора, и притомъ не иначе, какъ чернаго цвѣта, отороченный узкою мерлушкой и напоминающій своимъ видомъ отчасти іезуитской клобукъ, отчасти польскую конфедератку. Не носятъ чалмъ также парсы-огнепоклонники и буддисты-индусы, но эти уже не по принужденію, а по собственному нежеланію. Парсы ходятъ въ войлочныхъ или соломенныхъ плетеныхъ клобучкахъ, а Индусы въ суконныхъ съ мѣховою оторочкой шапкахъ, въ родѣ схимнической скуфьи, и всегда какого нибудь темнаго цвѣта. Даже степнякъ-киргизъ, привыкшій зимой къ своему подбитому волчьимъ мѣхомъ, высокому, островерхому малахаю съ назатыльникомъ, который закрываетъ ему не только уши и шею, но и щеки, и бороду, и тотъ, попавъ въ столичный городъ Бухару, въ этотъ „благоуханнѣйшій цвѣтникъ ислама и просвѣщенія", тотчасъ же норовитъ купить себѣ на базарѣ кусокъ московскаго миткалю или пянджи [1]) и спѣшитъ неумѣло обернуть имъ себѣ голову. Изъ мусульманъ, одни только каракалпаки

[1]) Пянджа—широкая бѣлая бумажная ткань, идущая на чалмы и халатныя подкладки.

остаются всегда и вездѣ, даже въ самой „благороднѣйшей Бухарѣ“, вѣрны своей высокой, расходящейся кверху, длинnorунной папахѣ, которая своею формой напоминаетъ нашу прежнюю медвѣжью шапку лейбъ-гусаровъ. Цыганы же, извѣстные здѣсь подъ прозвищами джуговъ, мазанговъ и люли, носятъ что̀ попало, заботясь не о модѣ, а лишь о томъ, гдѣ бы половчѣе стащить все, что̀ лежитъ плохо. Объ остальныхъ принадлежностяхъ костюма не говорю, такъ какъ у всего этого разноплеменнаго люда онѣ общія, то есть халатъ (тунъ, сарпай), надѣтый поверхъ ситцевой или миткалевой рубахи-халата (яхтакъ), съ тою лишь особенностью, что евреи не смѣютъ носить халаты яркихъ и пестрыхъ цвѣтовъ и подпоясывать ихъ платками или шалями, а обязаны подпоясываться веревкой, причемъ однакоже нѣкоторые изъ нихъ покупаютъ себѣ право замѣнять послѣднюю сыромятнымъ ремнемъ. Не носятъ халатовъ только наши поволжскіе татары, которыхъ насчитываютъ тутъ человѣкъ до двадцати, живущихъ въ качествѣ торговыхъ прикащиковъ или учащихся въ здѣшнихъ медрессе. Какъ въ Петербургѣ и Москвѣ, такъ и здѣсь они остаются вѣрны своему традиціонному косоворотому бешмету и высокимъ, русскимъ сапогамъ, равно какъ въ большинствѣ случаевъ продолжаютъ носить и свои низенькія, мерлушковыя шапочки. Слѣдуетъ замѣтить, между прочимъ, что всѣ эти татары бойкій и тертый народъ, хорошо говорятъ по-русски, а иные и пишутъ, не прочь подчасъ побахвалиться тѣмъ, что мы де „россійскіе“, „образованные“, а это де что̀? орда азіятская! Но относясь въ душѣ къ туземцамъ сверху внизъ, они въ то же время большой руки дипломаты и отлично знаютъ кому въ какую дудку подыгрывать. Вообще, званіе русскихъ подданныхъ ставитъ ихъ тутъ съ семидесятыхъ годовъ въ независимое и какъ бы привелигированное положеніе, чѣмъ они конечно и пользуются для своихъ коммерческихъ предпріятій.

Представителей всѣхъ этихъ народностей узнаете вы на улицахъ сразу, съ перваго взгляда. Еврей непремѣнно щего-

ляетъ своею „красой Израиля“, то есть длинными пейсами. Индусъ — ярко-желтою или красною трехъугольною мѣткой на лбу между бровями, и томно смотритъ на васъ нѣсколько изподлобья, какъ бы ушедшими куда-то въ глубь, большими, грустными глазами. Всегда самодовольный парсъ зачесываетъ виски за уши и ходитъ съ низко-лежащими на шеѣ и ровно подстриженными волосами. Цыганъ всклоченъ, вовсе не заботится ни о бородѣ, ни о костюмѣ. Скуластый киргизъ бойко смотритъ на васъ умными, зорко прищуренными глазками. У туркменъ — продолговатое лицо съ рѣзко очерченными и приподнятыми на наружныхъ краяхъ бровями, тонкія губы и клинообразная бородка. Афганцы глядятъ мужественно, умно и нѣсколько строго, а что касается сартовъ [1]) и персіянъ, то у этихъ почти всегда вы встрѣчаете умныя, открытыя лица, съ большими, хорошо поставленными глазами и добродушною улыбкой, въ которой однако нерѣдко мелькаетъ что-то плутоватое, что̀ называется „себѣ на умѣ“, готовое при малѣйшей надобности перейти въ подобострастную льстивость. Въ костюмѣ у здѣшняго сарта всегда замѣчается большая опрятность и даже щеголеватость; голова у него тщательно выбрита, усы надъ верхнею губой ровно подстрижены, борода расчесана и надушена, а иногда и подкрашена въ темный, буро-красноватый цвѣтъ съ какимъ-то даже лиловатымъ отсвѣтомъ; видъ вполнѣ приличный. А персіянина-купца или чиновника узнаете вы между ними по нѣкоторому изяществу не только манеръ, но и самаго выраженія физіономіи.

Что до женщинъ, то ихъ попадалось намъ очень мало, да и тѣ при встрѣчѣ заблаговременно отвертывались къ стѣнѣ, вовсе не любезно оборачиваясь къ намъ спиной. Такъ, впрочемъ, должна поступать каждая добропорядочная мусульманка при встрѣчѣ съ кяфыромъ; но предосторожность эта,

[1]) Сарты представляютъ помѣсь узбековъ съ таджиками, то есть туранскаго элемента съ иранскимъ; вообще же сартомъ называется осѣдлый и преимущественно городской житель.

въ сущности, совершенно излишняя, потому что вы все равно ничего не разглядите у нея изъ-подъ густой черной волосяной сѣтки (чиметъ), покрывающей все лицо, и подъ накинутымъ на голову сѣро-синимъ, пари-пашевымъ[1]) халатомъ со спущенными, длинными чуть не до земли рукавами. Эти рукава, очень широкіе въ плечѣ, постепенно все болѣе и болѣе суживаются къ запястью; обыкновенно ихъ сшиваютъ на-крестъ за спиной, на подолѣ паранджи. Концы рукавовъ нерѣдко расшиваются въ узоръ разноцвѣтными шелками. Этотъ халатъ — паранджи, или иначе фаранджа — окутывая съ макушки до пятокъ всю фигуру женщины, придаетъ ей такой некрасивый, неуклюжій видъ, что такъ и кажется, будто несчастная попала въ длинный мѣшокъ, да въ немъ и бродитъ чуть не ощупью.

И здѣсь, точно такъ же какъ при въѣздѣ нашемъ въ Шааръ, изъ дверей и оконъ (послѣднія, впрочемъ, въ частныхъ домахъ довольно рѣдко выходятъ на улицу) любопытно выглядывали на насъ однѣ быстроглазыя, чернявыя дѣвочки не старше девятилѣтняго возраста, въ расшитыхъ яркими шелками низенькихъ, плоскихъ шапочкахъ, съ длинными, узорчатыми назатыльниками, изъ-подъ которыхъ выбивались наружу черные волосы, заплетенные въ нѣсколько мелкихъ косичекъ[2]). За ними виднѣлись иногда и лица взрослыхъ женщинъ; но чуть кинешь на нихъ случайный взглядъ, онѣ моментально отпрянутъ въ глубину комнаты какъ ужаленныя. Впрочемъ, насколько можно было замѣтить, къ этому цѣломудренному маневру прибѣгаютъ только некрасивыя или старухи, а тѣ, которыя знаютъ, что Аллахъ не обдѣлилъ ихъ „благоуханіемъ красоты", преспокойно остаются себѣ въ глубинѣ оконъ у дверей, какъ бы по разсѣянности, через-

[1]) Пари-паша — полушелковая, а также и шелковая матерія, преимущественно сѣро-синяго цвѣта, съ узенькими продольными полосками, идущая исключительно на женскіе халаты (паранджа).

[2]) Спеціально дѣвичья прическа, называемая бишъ-какулъ, то есть пять косъ.

чуръ уже предавшись Еввинову любопытству при видѣ „урусъ-кяфыровъ“.

Складъ и характеръ лица у этихъ женщинъ тотъ же, что и у сартовъ-мужчинъ, но, какъ мнѣ кажется, значительно олѣе склоняется къ арійскому, чѣмъ къ туранскому типу. бЛобъ у нихъ прямой, широкій и нѣсколько низковатый, глаза большіе, открытые, преимущественно агатово-чернаго цвѣта, хотя встрѣчаются также и сѣрые, и поставъ ихъ совершенно правиленъ; носъ умѣренный, прямой или съ небольшою горбинкой и большею частію суховатый; скулы нѣсколько широки, но не на столько, чтобы можно было назвать этихъ женщинъ скуластыми; губы очерчены красиво, хотя и довольно крупно, съ оттѣнкомъ нѣкоторой чувственности, а въ общемъ — выраженіе физіономіи открытое и добродушное. Молодыя любятъ небольшую прядку волосъ съ надлобнаго мыска закручивать на лбу круглымъ завиткомъ, смочивъ ее предварительно какимъ-то клейкимъ составомъ, такъ что она, довольно плотно приставая къ кожѣ, не теряетъ разъ данной ей формы. Это тоже своего рода мода. Волосы онѣ чешутъ съ проборомъ посрединѣ, оставляя небольшіе виски, которые зачесываются напередъ, легкимъ полукругомъ, и заплетаютъ пряди волосъ — дѣвушки и молодыя вдовы въ пять, а замужнія въ двѣ косы, приплетая къ нимъ ленты, монеты и амулетки (тумаръ). Очень любятъ украшать себя серебряными браслетами, серьгами и ожерельями изъ монетъ, бусъ, стеклярусa, янтаря и коралла, вообще называемыми „марджанъ“. Въ большинствѣ сартовскія женщины отличаются хорошимъ среднимъ ростомъ, при совершенно нормальномъ развитіи торса и стана. Вообще же лицъ и фигуръ сухощавыхъ и сангвиническихъ между ними встрѣчается несравненно болѣе, чѣмъ полныхъ и лимфатическихъ. До двадцати пяти лѣтъ онѣ красивы, а съ тридцати, по большей части, начинаютъ блекнуть и стариться; но таковъ уже общій удѣлъ восточной женщины. Къ сожалѣнію, онѣ портятъ свою естественную красоту тѣмъ, что очень ужъ мажутся и раскрашиваютъ себя

разными косметическими снадобьями собственнаго домашняго издѣлія. Такъ, большинство изъ нихъ чернитъ себѣ зубы, и всѣ вообще красятъ на рукахъ и ногахъ ногти въ желто-красный цвѣтъ, „подводятъ" глаза и въ особенности любятъ разрисовывать себѣ брови, соединяя ихъ надъ переносьемъ темно-синею чертой, такъ что издали кажется будто надъ парой нерѣдко прелестныхъ, хотя и „подведенныхъ" глазъ протянулась одна большая толстая бровь, и отъ такого украшенія не избавлены у нихъ даже дѣвочки, едва начинающія ползать [1]). На европейскій взглядъ, это черненье, почитаемое

[1]) Ташкентскій аптекарь г. Краузе сдѣлалъ очень интересное изслѣдованіе тѣхъ матеріаловъ, изъ которыхъ приготовляются косметическія средства для туземныхъ женщинъ. Средства эти одни и тѣ же для всей Средней Азіи и заключаются въ слѣдующемъ:

1) Усмà (Ysatis tinctoria), разводимая въ садахъ и служащая для окрашиванія бровей въ черный цвѣтъ. Чтобы получить краску, берутъ свѣжіе листья усмы и выжимаютъ изъ нихъ сокъ на дно чайной чашки. Сокомъ этимъ, съ помощью тростинки, замѣняющей кисточку, мажутъ брови и междубровье. Сдѣланная такимъ образомъ черта имѣетъ сначала грязновато-зеленый цвѣтъ, который чрезъ нѣсколько минутъ переходитъ въ темно-синій (индиго). Краска держится на бровяхъ недолго и потому окрашиванье ихъ повторяется чуть ли не черезъ день.

2) Сурьма (Antimonium crudum), черный порошокъ, употребляемый женщинами и взрослыми дѣвушками для „подведенія" глазъ. Операція производится слѣдующимъ образомъ: въ порошокъ сурьмы погружаютъ до половины небольшую спичку и затѣмъ вкладываютъ ее въ глазъ, который, естественно, при этомъ закрывается, вслѣдствіе чего одновременно окрашиваются въ черный цвѣтъ обѣ вѣки. Операція происходитъ весьма быстро, и самое вкладываніе спички дѣлается такъ ловко, что нисколько не вредитъ глазу. Впрочемъ, сурмленіе глазъ въ Бухарѣ въ ходу и между мужчинами: главный церемоніймейстеръ (шигаулъ) его высокостепенства, Дурбинъ-инакъ, да и самъ эмиръ, насколько я замѣтилъ, не пренебрегаютъ этого рода кокетствомъ.

3) Упà—обыкновенныя свинцовыя бѣлила, употребляемыя какъ пудра для бѣлизны лица, но только лишь тѣми женщинами, у которыхъ кожа на лицѣ отличается значительною желтизной.

4) Эйликъ—красная вата, приготовляемая изъ корня одного растенія изъ семейства Boragineae (названіе самаго растенія еще неизвѣстно) слѣдующимъ образомъ: сначала настаиваютъ этимъ корнемъ воду, пока она

у туземцевъ за лучшее украшеніе женщины, очень некрасиво, но... такова уже всесильная мода, заимствованная, какъ и всѣ вообще здѣшнія моды, изъ Персіи, и знаменуетъ она собой якобы жгучую страстность темперамента, на томъ де основаніи, что естественно сросшіяся брови будто бы служатъ прямымъ признакомъ оной. Такъ, по крайней мѣрѣ, намъ объяснили.

Вообще, что касается модъ и свѣтскихъ приличій, то для Бухары законодательницей ихъ служитъ Персія, а Бухара,

не приметъ розовый цвѣтъ, и тогда опускаютъ въ нее для окраски вату, которая употребляется всѣми безъ исключенія туземными женщинами, не исключая и маленькихъ дѣвочекъ, для румяненья щекъ.

5) Тышъ-калы—сѣро-бурый порошокъ, состоящій, по разсказамъ сартовъ, изъ нароста на листьяхъ фисташника. Наростъ этотъ, называемый бызгунджъ, превращаютъ въ порошокъ, прибавляя къ нему окалины, которыя берутся въ кузницахъ изъ-подъ наковальни. Оба эти вещества смѣшиваются въ извѣстной пропорціи и составленный такимъ образомъ порошокъ служитъ для черненія зубовъ.

6) Хенна̀ (Impatiens balsamina). Изобильно разводимое въ садахъ ради украшенія, растеніе это употребляется для окраски ногтей, что̀ производится слѣдующимъ образомъ: истолокши листья и цвѣты хенна, прибавляютъ къ нимъ самую маленькую дозу квасцовъ, и полученную изъ этой смѣси массу прикладываютъ на тряпкахъ къ пальцамъ рукъ и ногъ, которые вслѣдъ затѣмъ забинтовываются на ночь. Спустя нѣсколько часовъ, ногти получаютъ желто-красный цвѣтъ.

Помады для волосъ туземныя женщины не употребляютъ вовсе; но для очистки, укрѣпленія и рощенія волосъ употребляется ими кислое молоко (катыкъ). Сначала онѣ намазываютъ волосы катыкомъ, а потомъ промываютъ ихъ горячею водой, и результаты этого средства удивительны: волосы у сартянокъ вообще чрезвычайно густы, длинны и мягки. Что̀ до косметическихъ мылъ сартовскаго издѣлія, въ видѣ маленькихъ плитокъ, то ихъ два сорта: черное и желтое. Приготовляются они изъ простаго мыла съ примѣсью, вмѣсто духовъ, измельченной въ порошокъ гвоздики. Духовъ у туземцевъ не дѣлается, а вмѣсто нихъ женщины и мужчины употребляютъ душистыя масла, преимущественно розовое, и еще какое-то подъ названіемъ атыръ, или же пропитываютъ свои уборы запахомъ душистыхъ травъ и цвѣтовъ, которые кладутъ въ сундуки между платьями. Въ наибольшемъ употребленіи рейханъ (Ocymium basilicum) и роза. Изъ рейхана также выдѣлывается ароматическое масло.

въ свой чередъ, распространяетъ все это далѣе къ востоку, до предѣловъ Кашгара, гдѣ начинается уже китайское вліяніе. Такимъ образомъ шіитская Персія для суннитской Бухары и Средней Азіи является почти тѣмъ же, чѣмъ Парижъ для Европы. При этомъ въ особенности замѣчательно, что, заимствуясь отъ Персіи культурой, модами и законами общежитія, узбеки, а по нимъ, разумѣется, и бухарскіе сарты, признаютъ за собою какое то превосходство надъ персіянами и презираютъ послѣднихъ даже настолько, что любой придворный или административный сановникъ, если только онъ изъ персовъ, непремѣнно старается скрывать свое происхожденіе и выдаетъ себя за узбека. Тутъ, мнѣ кажется, кромѣ религіозной антипатіи суннита къ шіиту, играетъ роль еще и то обстоятельство, что большинство здѣшнихъ рабовъ были все персіяне, захваченные въ плѣнъ туркменами и проданные на бухарскихъ рынкахъ, и что поэтому узбеки привыкли относиться къ нимъ сверху внизъ, какъ господа къ своимъ слугамъ. Для нихъ слова перс ъ и рабъ суть синонимы, узбекъ же, по самой этимологіи этого слова, значитъ — самъ себѣ господинъ, вольный, независимый человѣкъ.

Надо, впрочемъ, сказать, что средне-азіяты вообще довольно плохіе мусульмане, въ томъ смыслѣ, что по природѣ своей они вовсе не фанатики, а только религіозные формалисты, и далеко не прочь при случаѣ вкусить отъ плодовъ запрещенныхъ Кораномъ, хотя бы даже въ компаніи съ пріятельски-знакомыми „кяфырами“, разумѣется, потихоньку, негласно, а въ особенности любятъ здо́рово выпить[1]). Рели-

[1]) Насколько пьянство распространено между сартами, это мы видимъ въ каждый изъ большихъ мусульманскихъ праздниковъ въ Ташкентѣ, когда туземцы, натянувшись у себя хмѣльной бузы, цѣлыми компаніями отправляются въ русскую часть города спеціально съ цѣлью догуливать на «Пьяномъ базарѣ», и напиваются они какъ бузой, такъ и водкой не хуже нашихъ «православныхъ», но во хмѣлю не буйны и только любятъ иногда погорланить свои пѣсни. Впрочемъ, это явленіе въ сартовскомъ быту вовсе не новость, хотя иные и склонны приписывать его русскому

гіозный же фанатизмъ встрѣчается между ними только въ сословіи ходжей и сеидовъ, между каляндарами, муллами, да отчасти среди ишановъ. Но если слаба въ нихъ внутренняя или нравственная сторона суннитскаго мусульманства, за то тѣмъ строже и педантичнѣе простирается требовательность

вліянію. Дѣло въ томъ, что исторія Трансоксаніи полна слишкомъ частыми примѣрами самаго безобразнаго пьянства, которому были подвержены даже эмиры, эти святѣйшіе представители власти Пророка. Такъ, еще въ IV вѣкѣ Геджры (X вѣкъ по Р. Х.) Эбу-Али, по свидѣтельству Мирхонда, «разбилъ о стекло виннаго стакана зданіе воздержанія, казавшееся твердымъ какъ камень». Самъ великій Тимуръ не чуждался вина, и во дни мира на его пирахъ происходили обильныя попойки, какъ свидѣтельствуютъ о томъ его біографъ и апологетъ Шерифъ-Эддинъ и донъ Рюи-Гонзалесъ де-Клавихо, посланный къ Тимуру испанскимъ королемъ Генрихомъ III съ предложеніемъ дружбы. Въ Тимуровыхъ пирахъ участвовали даже и женщины, его родственницы и гаремныя дамы, и даже съ открытыми лицами, и пивали не хуже мужчинъ, въ особенности принцесса Ханзадѐ, супруга сына Тимурова Мираншаха. Сами принцессы задавали пиры и попойки, на которыя приглашались мужчины и даже христіанскій посланникъ. По словамъ Вамбери, „употребленіе спиртныхъ напитковъ, бывшее у магометанъ уже издавна въ ходу, достигло во время господства монголовъ высшей степени вредности. Уже при Харезмійцахъ предавались пьянству наиболѣе выдающіяся личности, а при Чингисидахъ и Тимуридахъ самою обыкновенною болѣзнью была delirium tremens potatorum“. Изъ записокъ султана Бабера также можно составить себѣ понятіе, до какой сильной степени распространенъ былъ въ его время порокъ пьянства во всей мусульманской Азіи. Благочестивѣйшій султанъ Ахмедъ-Мирза Аладша обыкновенно по двадцати и по тридцати дней предавался „благочестивому пьянству“, ибо и въ пьяномъ видѣ, среди оргій, не забывалъ каждый день творить пять разъ установленныя молитвы. Но за то братъ его, султанъ Махмудъ, наслѣдовавшій послѣ него престолъ Бухары, всю жизнь свою проводилъ среди безпрерывныхъ оргій, пренебрегая молитвами и не уважая вовсе религіи. Баберъ-Мирза, сынъ эмира Байсонкура, умеръ въ ранней молодости отъ чрезмѣрнаго употребленія спиртныхъ напитковъ. Изъ династіи Шейбанидовъ, Бурханъ-ханъ своею распутною жизнью и безпробуднымъ пьянствомъ успѣлъ даже возбудить къ себѣ всеобщее отвращеніе и презрѣніе. Изъ династіи Аштарханидовъ, Вели-Мегмедъ-ханъ тоже прославился какъ добродушный пьяница и распутникъ. Полагаю, что достаточно и этихъ примѣровъ (хотя ихъ можно бы было продолжить на многихъ страницахъ) для нагляднаго до-

бухарскаго правительства и духовныхъ властей на его внѣшнюю, обрядовую и, такъ сказать, улично-показную сторону. Поэтому ни одна взрослая женщина, кромѣ киргизокъ, которыя всегда и вездѣ ходятъ съ открытымъ лицомъ, словно бы и знать не хотятъ предписаній Корана, никогда и ни въ какомъ случаѣ не дерзнетъ показаться на улицѣ иначе, какъ съ густою черною сѣткой на лицѣ и въ строго условномъ костюмѣ. Здѣсь на этотъ счетъ куда строже Стамбула, гдѣ турецкія дамы очень кокетливо слегка прикрываютъ снизу свои лица прозрачною бѣлою вуалеткой.

Привилегіей или правомъ пребывать въ публичныхъ мѣстахъ съ открытымъ лицомъ, какъ уже сказано, пользуются наравнѣ съ киргизками и маленькими дѣвочками только нищенки, между которыми я замѣтилъ нѣсколько молодыхъ женщинъ. Мнѣ объяснили, что это бѣдныя вдовы, не имѣющія близкихъ родственниковъ и не нашедшія пока охотниковъ взять ихъ вторично замужъ. Поэтому, при незнаніи ремеслъ и нежеланіи идти въ чей-либо гаремъ въ качествѣ домашней прислуги, этимъ вдовамъ ничего болѣе не остается какъ сидѣть поджавъ подъ себя ноги гдѣ нибудь на перекресткѣ людныхъ улицъ, у моста или близь мечети и протягивать къ прохожимъ за подаяніемъ „чашку милости". Мало-мальски недурныя собой вдовушки обыкновенно не засиживаются подолгу въ такой неприглядной роли, такъ какъ, увидя на улицѣ ихъ красоту, вскорѣ находятся и охотники на нихъ жениться, и вотъ почему право не носить чимета является для молодой неимущей вдовы весьма существеннымъ преимуществомъ: это лучшее средство выйдти вторично замужъ. Но для этого необходимо быть профессіональною нищей.

Въ началѣ шестаго часа вечера, послѣ долгаго „шество-

казательства, что средне-азіаты никогда не были строгими мусульманами по духу; за то на почвѣ внѣшняго религіознаго формализма по части обрядностей и проч. они безупречны, и если можно назвать ихъ фанатиками, то только развѣ фанатиками внѣшняго формализма, да и то далеко не всесословно.

ванія“ по разнымъ улицамъ, прибыли мы наконецъ на посольскій дворъ, находящійся въ юго-западномъ концѣ города, между каракульскими и шаргерянскими воротами, въ сосѣдствѣ съ медрессе Накибъ и царскимъ кладбищемъ (Мазаръ Ишанъ-Имля), близъ базара Хіобанъ, проѣзжая коимъ мы замѣтили среди толпы туземцевъ нѣсколько русскихъ чуекъ и „спинжаковъ“, опривѣтствовавшихъ насъ поклонами. То были прикащики и артельщики мѣстной конторы транспортнаго товарищества братьевъ Каменскихъ. И такъ странно для глаза, но пріятно для сердца было увидѣть вдругъ эти россійскія православныя чуйки среди чуждой намъ массы разноцвѣтныхъ бухарскихъ халатовъ.

Посольскій дворъ состоитъ изъ трехъ соединенныхъ между собою отдѣленій, изъ коихъ первое, представляющее довольно обширный дворъ, обстроено конюшнями и навѣсами для экипажей; во второмъ, значительно меньшемъ отдѣленіи, помѣщаются сѣновалы и амбары для фуража, а третье состоитъ изъ квадратнаго, сплошь вымощеннаго кирпичемъ и плитой двора, по серединѣ коего находится выложенный плитой четырехъугольный бассейнъ. Этотъ послѣдній дворъ обрамленъ съ трехъ сторонъ широкою кирпичною террасой, въ вышину около аршина, на которую выходятъ окна и двери жилыхъ помѣщеній. Собственно домъ или дворецъ посольскій (михманъ-хане) стоитъ въ глубинѣ этого послѣдняго двора противъ входа, и фасадъ его представляетъ собою широкую крытую веранду на террасѣ (айванъ), простирающуюся во всю длину зданія и поддерживаемую спереди двумя деревянными колоннами на мраморныхъ пьедесталахъ. Эти высокія, стройныя колонны иранскаго стиля украшены рельефною рѣзьбой въ видѣ виноградныхъ листьевъ, изъ-подъ которыхъ видны мелкія арабески. Небольшая прихожая дѣлитъ домъ на двѣ равныя половины, представляющія собою двѣ залы, въ четырнадцать аршинъ длины и въ семь аршинъ ширины каждая. Гладко покрытыя бѣлымъ алебастровымъ цементомъ, стѣны этихъ залъ имѣютъ болѣе восьми аршинъ

вышины и снабжены рядами довольно глубокихъ стрѣльчато-сводныхъ нишъ, приспособленныхъ къ тому, чтобы ставить и класть въ нихъ разныя вещи. Потолки въ обѣихъ залахъ, выкрашенные въ крапово-красный цвѣтъ, составлены изъ плотно примкнутыхъ одна къ другой жердочекъ, которыя лежатъ на поперечныхъ толстыхъ балкахъ, отчасти украшенныхъ рѣзьбой и расписанныхъ пестрыми узорами. Обѣ залы въ два свѣта. Въ каждой изъ нихъ три стрѣльчатыя окна съ узорчатыми алебастровыми рѣшетками, которыя прорѣзаны въ верхней части фасадной стѣны надъ тремя нижними двустворчатыми окнами-дверями. Такимъ образомъ зданіе дворца имѣетъ по фасаду семь верхнихъ оконъ и семь выходящихъ на айванъ дверей, изъ коихъ середняя ведетъ въ прихожую. Ради зимняго времени, а главное изъ угожденія русскимъ привычкамъ, окна-двери въ обѣихъ залахъ были снабжены тонкими рамами съ большими стеклами, но эти послѣднія прикрѣплялись къ переплетамъ не замазкой, а проволочными штифтиками, и къ тому же бухарцы, по незнакомству съ дѣломъ, не съумѣли приладить какъ должно рамы къ косякамъ, вслѣдствіе чего изъ щелей дуло не хуже чѣмъ въ Шаарѣ. Пришлось пожертвовать чистотой и приказать плотно замазать всѣ щели алебастромъ. Но что̀ дѣйствительно являлось великолѣпіемъ, такъ это большіе длинные ковры богатой каршинской работы, которыми сплошь были затянуты полы въ обѣихъ залахъ. Кромѣ того, вдоль стѣнъ были постланы въ рядъ адрясовыя, толсто подбитыя ватой одѣяла. Сложенныя вдвое, они замѣняютъ бухарцамъ мебель для сидѣнья и лежанья. Во всей Бухарѣ это, кажется, единственный домъ, который снабженъ тремя печами русской системы, чему въ первую минуту мы было очень обрадовались, но увы!— ненадолго.

Посидѣвъ у князя за достарханнымъ столомъ, не успѣли наши сановники откланяться съ пожеланіемъ намъ пріятнаго съ дороги сна, какъ вслѣдъ за ихъ уходомъ потянуло изъ прихожей сильнымъ запахомъ тлѣвшаго дерева. Надо замѣ-

тить, что всѣ печи были очень жарко натоплены, что̀ однакоже не мѣшало температурѣ нашихъ залъ стоять чуть не на точкѣ замерзанія. Сначала на запахъ гари никто не обратилъ вниманія, но вскорѣ онъ такъ усилился, что явилось подозрѣніе—ужь не горитъ ли что̀ у насъ въ домѣ?

И дѣйствительно горѣло. По незнакомству съ практикой печнаго дѣла, мѣстные сарты устроили въ прихожей печь о-бокъ съ основными деревянными устоями и сложили ее не изъ жженаго кирпича, а просто изъ глины, которою и облѣпили устои, да вдобавокъ еще не достаточно толстымъ слоемъ. Печи ни разу не ремонтировались и, разумѣется, давнымъ-давно не топились и трубы не прочищались. Ссохшаяся глина еще лѣтомъ дала трещины, и вотъ, теперь, какъ затопили „во вся“, устои и затлѣлись, а затѣмъ загорѣлась и сажа. Пожары такое рѣдкое, исключительное явленіе въ Средней Азіи вообще, что сарты почти и понятія не имѣютъ, что̀ и какъ надо дѣлать въ такихъ случаяхъ. Поэтому мѣстная прислуга посольскаго дома переполошилась ужасно и принялась плескать въ печку водой, что̀, конечно, не препятствовало устоямъ горѣть себѣ да горѣть. Надоумили ихъ наконецъ, что надо ломать печку. Это дѣло они исполнили живо, и хотя за водой надо было бѣгать на сосѣдній арыкъ и носить ее оттуда въ турсукахъ [1]), что̀ составляло процедуру довольно мѣшкотную, тѣмъ не менѣе дальнѣйшій пожаръ кое-какъ удалось прекратить. Но послѣ этого рѣшено было русскихъ печей не топить уже вовсе, а поставить маленькія переносныя печки изъ листоваго желѣза, которыя, на наше счастье, нашлись гдѣ-то въ городѣ и на другой день были налажены въ обѣихъ залахъ. За то первую ночь въ Бухарѣ пришлось мнѣ провести среди такого ледника, что руки и ноги коченѣли до одеревенѣлости, и несмотря на три сартовскія одѣяла, я не могъ ни на минуту заснуть отъ холода. Оно, впрочемъ, будетъ понятно, если прибавить, что верхнія окна моей залы были затянуты

[1]) Кожаный мѣшокъ изъ цѣльной шкуры, снятой съ козла или барана.

даже не бумагой, а прозрачною кисеей (это ради большаго изящества и роскоши), тогда какъ ночной морозъ на дворѣ опять усилился до 20 градусовъ Реомюра. Хорошо еще, что натура у меня крѣпкая, такъ что дѣло и на сей разъ обошлось безъ простуды.

23 января.

Въ часъ дня посольство въ полномъ своемъ составѣ, предшествуемое бухарскими джигитами и чиновниками и въ сопровожденіи казачьяго конвоя, верхомъ отправилось въ аркъ къ кушъ-беги съ визитомъ.

Но сначала надо дать понятіе о томъ, что такое кушъ-беги. Это есть первый чинъ двора и первое послѣ эмира лицо въ государственной іерархіи, соотвѣтствующее великому визирю оттоманскихъ турковъ или государственному канцлеру европейскихъ державъ. Несмотря на столь высокое положеніе этого званія, въ кушъ-беги могутъ быть возводимы лица, принадлежащія къ сословію шакырдъ-пишà, и это, мнѣ кажется, одно уже доказываетъ, что древніе законодатели и организаторы государственной власти Бухары, предоставляя высшую послѣ самихъ себя власть людямъ достойнымъ ея не въ силу однихъ лишь преимуществъ своей родовитости, но прежде всего въ силу ума, способностей и личныхъ достоинствъ, обладали совершенно правильнымъ взглядомъ на государственное дѣло [1]). Понятно, что, стоя на такой высотѣ,

[1]) Послѣ сеидовъ и ходжей, которые въ качествѣ потомковъ Магомета составляютъ во всѣхъ мусульманскихъ государствахъ два первыя почетныя сословія, слѣдуютъ еще сословія ругъ-даръ и шакырдъ-пишà. Къ первому изъ нихъ относятся всѣ вообще узбеки, какъ люди родовитые, предки коихъ ознаменовали себя постоянною службою и усердіемъ бухарскимъ ханамъ; ко второму же—всѣ таджики, переселившіеся въ Бухару персіяне, освобожденные рабы и вообще люди низкаго происхожденія. Духовенство (муллы), къ которому въ силу полученнаго образованія могутъ принадлежать безразлично люди всѣхъ сословій, поставлено совершенно отдѣльно и самостоятельно. Евреи же и кяфыры всякихъ наименованій стоятъ внѣ сословій, они только терпимы, но правъ не имѣютъ, ибо права принадлежатъ только мусульманину. За исключе-

кушъ-беги по своему положенію является ближайшимъ совѣтникомъ и довѣреннѣйшимъ лицомъ эмира, и въ качествѣ таковаго, нынѣшній кушъ-беги, Мула-Магометъ-бій, по словамъ знающихъ людей, имѣетъ на Музаффаръ-Эддина почти неограниченное вліяніе. Обязанности его званія весьма многообразны: онъ хранитель личной печати эмира, которая въ Бухарѣ замѣняетъ печать государственную; онъ же вѣдаетъ сношенія съ иностранными землями, племенами и государствами, въ его же рукахъ находится высшее завѣдываніе финансовою частью, такъ какъ ему поручается собираніе всѣхъ таможенныхъ пошлинъ (зякетъ), какъ со внѣшней, такъ и со внутренней торговли, и для сбора этихъ пошлинъ онъ употребляетъ приставовъ-чиновниковъ, выборъ которыхъ зависитъ исключительно отъ него [1]). Раздача амля-

ніемъ духовенства, правовѣрные всѣхъ вышеназванныхъ сословій дѣлятся на сипайевъ и фукара̀, то есть служащихъ и неслужащихъ.

[1]) Въ Бухарѣ въ каждомъ караванъ-сараѣ находится по два пристава, въ прочихъ же мѣстахъ по одному въ каждомъ городѣ. Они обязаны доносить кушъ-беги о приходѣ каравановъ, сгрузившихъ свои товарные тюки въ подвѣдомственныхъ имъ караванъ-сараяхъ, равно какъ о количествѣ и содержаніи тюковъ, причемъ на ихъ же обязанности лежитъ строгое наблюденіе за тѣмъ, чтобы до таможеннаго осмотра ничто изъ сгруженныхъ тюковъ не было продано. Въ наиболѣе важныхъ случаяхъ осмотръ производится самимъ кушъ-беги, въ обыкновенныхъ же—старшимъ зякетчи, который тутъ же оцѣняетъ товары, изъ коихъ лучшіе отбираются для эмира либо въ счетъ пошлины, либо за условную, но не всегда выгодную для купца плату. Спустя нѣсколько дней послѣ осмотра, караванъ-сарайный приставъ объявляетъ купцу количество слѣдуемой съ него пошлины и, по полученіи таковой, выдаетъ ему квитанцію за печатью кушъ-беги. Для сбора же пошлинъ по внутренней торговлѣ находятся при каждомъ базарѣ особые пристава, также назначаемые приказомъ куш-беги. Эти послѣдніе чиновники обязаны взимать сороковину съ тѣхъ произведеній, которыя не подвергались караванному досмотру. Пошлины собираемыя какъ съ каравановъ, такъ и со внутреннихъ торговцевъ сдаются приставами диванъ-беги (казначею), который выдаетъ имъ росписки въ полученіи и ежедневно въ началѣ вечера докладываетъ кушъ-беги о количествѣ поступившихъ въ казну денегъ, а этотъ послѣдній какъ въ приходѣ, такъ и въ расходованіи пошлинныхъ суммъ даетъ отчетъ

ковъ [1]) зависитъ также отъ кушъ-беги, равно какъ и сборъ съ нихъ годоваго оклада (хираджъ), чрезъ посредство особыхъ чиновниковъ, амлякдаровъ, постоянно живущихъ во ввѣренныхъ имъ культурныхъ раіонахъ. Сверхъ того, ему же порученъ главный надзоръ за безопасностью эмирскаго дворца въ Бухарѣ, въ которомъ поэтому онъ и живетъ постоянно, и чуть лишь его высокостепенство выѣзжаетъ изъ дворца, кушъ-беги обязанъ тотчасъ же занять особо для него устроенное мѣсто въ воротахъ онаго и сидѣть тамъ, пока хазретъ не возвратится [2]). Къ нему же ежедневно приносятся на храненіе ключи ото всѣхъ воротъ (числомъ одиннадцать), которыя обыкновенно запираются на ночь послѣ вечерняго намаза, а поутру, предъ открытіемъ, привратные пристава (дарвазяйбаши) снова являются къ нему за ключами. Наконецъ, по отношенію къ городу и округу Бухары [3]) онъ пользуется правами бека, хотя по сложности своихъ занятій и передаетъ ближайшее управленіе городомъ своему помощнику, каковымъ въ настоящее время является его же сынъ, Магометъ-Шерифъ.

самому эмиру, но не постоянно, а каждый разъ по особому на то повелѣнію хазрета.

[1]) Амлякомъ называется земля, обложенная податью въ пользу казны.

[2]) Если же кушъ-беги по какимъ либо причинамъ не можетъ исполнить этой обязанности, то вмѣсто него садится въ воротахъ его помощникъ, топчи-баши, въ вѣдѣніи коего находится вся дворцовая артиллерія. Обыкновенно топчи-баши сидитъ и въ тѣхъ случаяхъ, когда эмиръ уѣзжаетъ изъ города въ другія бекства на болѣе или менѣе продолжительное время. Кушъ-беги, по званію бека Бухары, имѣетъ право ѣздить вездѣ въ предѣлахъ города, но не за чертой онаго.

[3]) Къ району города причисляются и его пригороды: Богуэддинъ, Каганъ, Митанъ, Шехри-Исламъ, Турканъ и Мири-Кулель, а къ округу или бекству Бухары, который простирается со стороны Каршинской степи до Караулъ-Базара, а со стороны Катта-Кургана до кишлака Куюкъ-Мазаръ, принадлежатъ мѣстечки Варданци (нынѣ все болѣе и болѣе засыпаемое песками), Вафкендъ, Ромишанъ (тоже полузасыпанный въ 1868 году), Вангази и Хайрабадъ, не считая многихъ кишлаковъ другихъ наименованій.

Такъ вотъ къ какой важной особѣ предстояло намъ ѣхать съ визитомъ.

По выѣздѣ изъ воротъ посольскаго дома, путь нашъ лежалъ мимо хауза (пруда) Миръ-Дустумъ, по улицѣ Кушъ-медрессаи, на которой, кромѣ сосѣдней съ нашимъ домомъ медрессе-Хіабанъ, находятся еще двѣ великолѣпныя медрессе: первая—Мадари Абдуллахъ-хани и вторая—Кушъ-медрессе-и-Абдуллахъ-ханъ, то есть матери Абдуллахъ-хана и высшая самого Абдуллахъ-хана, названныя такъ по именамъ своихъ создателей, а отъ послѣдней получила свое названіе и самая улица—въ переводѣ, стало быть, высшеучилищная. Украшенныя величественными порталами, медрессе эти находятся одна напротивъ другой и обѣ очень красиво облицованы мозаикой и разноцвѣтными кафлями. Миновавъ эти зданія, мы сейчасъ же переѣхали чрезъ каналъ Шахри-рудъ по древнему каменному мосту очень прочной постройки, который называется Сары-пули Ошиконъ, и слѣдовали далѣе по улицѣ Мирджанъ-Али къ регистану—главной городской площади. Протяженіе всего пути занимало съ небольшимъ двѣ версты.

Самаркандскій регистанъ, окруженный съ трехъ сторонъ своими величественными мозаичными зданіями медрессе Улугъ-бека, Тилля-кари и Ширь-дара, съ ихъ наклонными минаретами и лазоревыми куполами, въ цѣломъ представляетъ собою какъ бы художественное произведеніе, строго выдержанное въ извѣстномъ стилѣ, и настолько красивѣе бухарскаго регистана, что между ними не можетъ быть и сравненія. Но этотъ послѣдній гораздо обширнѣе самаркандскаго и оставляетъ кругозору больше простора, даетъ возможность сразу обнять взглядомъ общій видъ арка и нѣсколько мечетей и медрессе, окружающихъ площадь. Тутъ находятся съ южной стороны мечети: Устархи и Пайонда-аталыкъ и медрессе Шади-бика, а съ сѣверной медрессе: Гусфяндъ или иначе Сеидъ Абдуллъ-Азиса-хана и Даръ-уль-Шифа. Изъ нихъ нѣкоторыя украшены высокими и полусферическими куполами. Площадь же, вѣчно кишащая толпой, вся занята

Кушъ-беги Бухарскій Мулла-Магометъ-Бій.

Дозв. ценз. спб., 2 окт. 1886 г.

2

подвижными лавочками зеленщиковъ и фруктовыхъ торговцевъ, среди которыхъ остаются свободными только нѣсколько проѣздовъ для движенія всадниковъ и верблюжьихъ каравановъ.

Самый аркъ, окруженный зубчатыми стѣнами съ бурджами, высится на искусственно насыпанномъ четырехъугольномъ холмѣ сажень въ семь или восемь высоты. Надъ главными воротами, къ которымъ прямо съ регистана ведетъ широкій подъемъ съ каменными парапетами, между двумя круглыми башнями, фланкирующими высокій порталъ, въ верхней части фронтона красуется большой бѣлый циферблатъ съ часами европейскаго устройства. Эти часы, еще при покойномъ Насрулла-Багадуръ-ханѣ, отцѣ нынѣшняго эмира, были устроены на-диво всей Бухарѣ какимъ-то плѣннымъ русскимъ татариномъ, а Музаффаръ-Эддинъ, какъ мнѣ сказывали, нарочно для нихъ содержитъ на жалованьи особаго придворнаго часовщика изъ нѣмцевъ, который обязанъ заводить всѣ вообще часы во дворцѣ, до карманныхъ самого эмира включительно, но — главное — долженъ наблюдать, чтобы надворотные куранты неукоснительно исполняли свою обязанность, возвѣщая горожанамъ время боемъ колокола. А въ тѣхъ случаяхъ, когда куранты вдругъ заупрямятся, нѣмецъ обязанъ самъ садиться на вышку и отбивать въ колоколъ часы и четверти до тѣхъ поръ, пока не исправитъ что̀ нужно въ механизмѣ. Не знаю, правда ли.

Когда нашъ кортежъ вступилъ на регистанъ, площадь была залита народомъ, который высыпалъ сюда въ такомъ необычайномъ количествѣ очевидно для того, чтобы поглазѣть на парадное шествіе русскаго посольства.

Не доѣзжая нѣсколькихъ шаговъ до подъема ко дворцовымъ воротамъ, свѣтлѣйшій князь Витгенштейнъ еще на площади слѣзъ съ лошади, скинулъ съ себя пальто, и въ блестящемъ своемъ свитскомъ мундирѣ пѣшкомъ поднялся на гору. Остальные члены посольства, разумѣется, обязаны были послѣдовать примѣру главнаго посла, который оказалъ этимъ

достопочтенному кушъ-беги такую чрезвычайную любезность, какой до сего раза со стороны прежнихъ русскихъ пословъ никогда еще не случалось. Кушъ-беги, вѣроятно, долженъ былъ оцѣнить ее по достоинству, ибо хорошо знаетъ, что по законному праву не только къ нему, но и къ самому „святѣйшему" эмиру могутъ въѣзжать во дворцовыя ворота верхомъ не то что представители русскаго правительства, а даже простые мирахуры, то есть по-нашему — конюшенные офицеры маіорскаго ранга [1]). Онъ долженъ былъ оцѣнить такую безпримѣрную любезность тѣмъ болѣе, что все это оказательство было продѣлано нами на глазахъ у всей базарной публики, очень чуткой ко всякимъ подобнаго рода оттѣнкамъ и выводящей на основаніи ихъ свои собственныя заключенія.

Предъ воротами, на небольшихъ площадкахъ парапетовъ, сложены трофеи прежнихъ войнъ повелителей Бухары съ сосѣдними ханствами, заключающіеся въ чугунныхъ и бронзовыхъ пушкахъ разной величины и формы, а въ самомъ пролетѣ воротъ помѣщается на стѣнахъ единственная въ своемъ родѣ коллекція оригинальныхъ достопримѣчательностей, не безъ остроумія названная Н. А. Маевымъ [2]) національнымъ бухарскимъ музеемъ.

Тутъ на первомъ мѣстѣ виситъ чудовищная плеть, около сажени величиной, ременный хвостъ которой, словно хвостъ боа-констриктора, толщиной въ добрый кулакъ, при хорошемъ ударѣ, безъ сомнѣнія, можетъ сразу перешибить пополамъ человѣка. Мы было сочли его за внушительный символъ власти бухарскаго владыки, но оказалось, что это легендарная нагайка богатыря Рустема и что такихъ нагаекъ въ прежнія времена висѣло здѣсь цѣлыхъ семь штукъ, но благочестивый родитель нынѣшняго эмира приказалъ оста-

[1]) См. Н. Ханыкова Описаніе бухарскаго ханства, стр. 184, о правахъ и обязанностяхъ чина мири-ахура.

[2]) Ежегодникъ Туркестанскаго края, т. V, 119.

вить изъ нихъ на память только одну, а всѣ остальныя разрѣзать на части и раздать какъ святыню разнымъ монастырямъ (ханкахъ) и дервишамъ. Рядомъ съ нагайкой виситъ гигантская деревянная булава, вѣроятно тоже Рустемова, и змѣевидный посохъ какого-то святого, а на другой сторонѣ громадный бубенъ, разныя балтасы (сѣкиры) и мултуки (фитильныя ружья). Тутъ же находится узловатый корень съ частью ствола какого-то дерева, привезеннаго въ даръ эмиру изъ Мекки. Къ сожалѣнію, предметы этой коллекціи пришлось осматривать мелькомъ, на ходу, и потому, вѣроятно, я многое еще пропустилъ безъ вниманія.

Миновавъ ворота, мы были встрѣчены на довольно узкомъ проходномъ дворѣ караульнымъ взводомъ гвардейскихъ сарбазовъ въ барашковыхъ шапочкахъ, красныхъ суконныхъ чекменяхъ съ отложными синими воротниками и въ бѣлыхъ миткалевыхъ шароварахъ, заправленныхъ въ голенища высокихъ сапоговъ. Выстроясь въ видѣ шеренги, взводъ, по командѣ красиваго, рослаго офицера, взялъ ружья на караулъ, но безъ музыки и барабаннаго боя, а самъ этотъ офицеръ, разряженный въ фіолетовый бархатный кафтанъ съ богатымъ золотымъ шитьемъ, отсалютовавъ саблей, пошелъ навстрѣчу князю, но вмѣсто строеваго рапорта неожиданно и предобродушно протянулъ ему для пожатія свою руку.

Слѣдуя далѣе, мы проходили мимо двора аудіенцій (арзяхане), гдѣ разъ въ недѣлю эмиръ, сидя на рундукѣ подъ деревяннымъ балдахиномъ, самолично принимаетъ прошенія и выслушиваетъ устныя жалобы своихъ подданныхъ, а также творитъ судъ и расправу надъ приводимыми изъ тюрьмы преступниками, рѣшая, кого изъ нихъ отдать палачамъ на match прирѣзъ, кого посѣчь нагайками, кого запрятать въ яму, а кого и помиловать. Проходили мы также мимо стѣнъ двухъ дѣйствительно замѣчательныхъ зданій: налѣво была стѣна Абъ-ханѐ, а направо Канà-ханѐ. Въ первомъ изъ нихъ, въ совершенно темныхъ камерахъ сохраняется въ лѣтніе жары вода для питья эмира и сюда же обыкновенно сажаетъ онъ

подъ арестъ высшихъ своихъ сановниковъ, а во второмъ помѣщается знаменитая подземная темница, наполненная множествомъ искусственно разведенныхъ клещей и клоповъ, отъ которыхъ она получила и свое названіе. Когда въ ней не оказывается заключенныхъ, то клещамъ заботливо бросаютъ туда каждый день по нѣскольку фунтовъ сыраго мяса и требуху, чтобы эти милыя животныя не переводились. Кромѣ этихъ зданій, въ цитадели помѣщаются три мечети, дворецъ и гаремъ эмира, домъ кушъ-беги и квартиры топчи-баши, шигаула, дяфтярдара и многочисленной дворской прислуги.

Наконецъ мы повернули налѣво по небольшому проходу и очутились на маленькомъ закрытомъ дворикѣ дома кушъ-беги, куда вышелъ навстрѣчу къ намъ самъ радушный хозяинъ вмѣстѣ со своимъ сыномъ Магометъ-Шерифомъ. Это коренастый, довольно плотный и очень еще бодрый старикъ, на видъ лѣтъ около шестидесяти, съ длинно-широкою сѣдою бородой, мясистымъ носомъ и небольшими, старчески выцвѣтшими, табачно-каряго цвѣта глазками, въ которыхъ свѣтятся умъ и добродушіе. Лицо вполнѣ арійскаго типа и свидѣтельствуетъ объ иранскомъ происхожденіи Мулла-Магометъ-бія, хотя онъ и выдаетъ себя за узбека [1]). Одѣтъ онъ былъ въ темнозеленый бархатный халатъ съ рельефно-вышитыми золотыми узорами, причемъ, въ знакъ его высокаго положенія, халатъ оставался не подпоясаннымъ, а на головѣ его пышно красовалась чалма изъ бѣлой индійской кисеи, затканной золотыми полумѣсяцами.

Взаимное представленіе наше послѣдовало тутъ же, среди дворика, вымощеннаго квадратными кирпичными плитками и окруженнаго съ трехъ сторонъ невысокою террасой, послѣ

[1]) Мулла-Магометъ-бій родомъ персіянинъ, изъ бывшихъ рабовъ. Возвышеніемъ своимъ, кромѣ личныхъ способностей, обязанъ онъ еще и тому обстоятельству, что по волѣ своего повелителя долженъ былъ жениться на одной изъ отставныхъ женъ самого эмира. Сынъ его Магометъ-Шерифъ женатъ точно такимъ же образомъ.

чего Мулла-Магометъ-бій пригласилъ насъ войти подъ свою кровлю.

Домикъ у него маленькій, одноэтажный, со стекольчатыми окнами и дверями, выходящими на террасу, и въ общемъ кажется очень уютнымъ. Небольшая пріемная, гдѣ накрытъ былъ достарханный столъ, отличается тѣмъ, что надъ ея внутреннею дверью, ведущею въ другіе покои, находится на нѣкоторой высотѣ темное окно, какого до сего раза нигдѣ еще мы не встрѣчали. Впослѣдствіи мнѣ объяснили по секрету, что благодушный кушъ-беги, по слабости къ своимъ гаремнымъ дамамъ, соглашаясь иногда доставить имъ лишнее невинное развлеченіе въ ихъ монотонной, замкнутой жизни, разрѣшаетъ имъ незримо присутствовать при нѣкоторыхъ своихъ торжественныхъ пріемахъ иностранныхъ пословъ и вообще знатныхъ иностранцевъ, — пускай де посмотрятъ, какихъ курьезныхъ людей терпитъ Аллахъ на свѣтѣ. Для этой-то цѣли и велѣлъ онъ пробить на темной антресоли окошко, чрезъ которое дамы удобно могутъ видѣть все, что̀ происходитъ въ пріемной, оставаясь сами незамѣтными. Другая особенность этой пріемной заключается въ цѣлой коллекціи столовыхъ часовъ, поставленныхъ рядомъ въ одной изъ нишъ, словно въ магазинѣ. Говорятъ, что старикъ очень любитъ слушать разнозвучный бой ихъ, и ужъ не знаю, по этой ли причинѣ собралъ онъ самъ себѣ такую коллекцію или же составилась она случайно изъ разновременныхъ подарковъ ему отъ разныхъ пословъ, только несомнѣнно то, что нѣмцу возня съ ними не малая, потому что Мулла-Магометъ-бій, услаждаясь боемъ, требуетъ, чтобы часы били не всѣ разомъ, а съ извѣстною систематичностью и именно такъ, что чуть кончатъ одни, сейчасъ же начинали бы другіе.

Усѣлись мы за достарханный столъ, и тутъ во время угощенія пошелъ разговоръ съ обычныхъ разспросовъ о здоровьѣ Акъ-падшаха, Ярымъ-падшаха и нашемъ. Когда же князь освѣдомился о собственномъ здоровьѣ Мулла-Магометъ-бія,

то старикъ отвѣчалъ, что благодаря милости Аллаха для своихъ лѣтъ чувствуетъ себя недурно.

— А лѣта мои не малыя, прибавилъ онъ даже съ нѣкоторою бодрящеюся похвалой:—семьдесятъ одинъ годъ уже прожилъ на свѣтѣ, внукъ уже бекомъ сидитъ, но работаю еще безъ очковъ, стрѣлять могу мѣтко изъ лука да и горячаго жеребца взмылю подъ собою.

Затѣмъ разговоръ перешелъ на политику, вращаясь около знакомой уже намъ темы о томъ, какъ счастлива Бухара, что великій Бѣлый Царь даритъ ее своимъ высокимъ покровительствомъ и насколько для маленькой Бухары необходима дружба великой Россіи.

— Намъ, пояснилъ онъ,—надо держаться за Россію снизу, какъ держится малый и слабый за полу платья большаго и сильнаго человѣка. Мы это всѣ хорошо теперь понимаемъ, и даже еще предъ послѣднею войной вашею съ турками, когда изъ Стамбула было прислано къ моему святѣйшему повелителю письмо съ предложеніемъ союза для взаимныхъ дѣйствій противъ Россіи, то хазретъ въ отвѣтѣ своемъ преподалъ султану Абдулъ-Гамиду благой совѣтъ не ссориться съ великимъ Акъ-падшахомъ, а искренно искать его союза, удовлетворивъ для этого всѣ его справедливыя требованія и что тогда ему нечего было бы страшиться ни явныхъ, ни тайныхъ враговъ своихъ, а главное избавился бы онъ отъ своихъ фальшивыхъ друзей съ Запада. Къ сожалѣнію, султанъ пренебрегъ тогда этимъ совѣтомъ—ну, а послѣдствія сами вы знаете. Мы люди маленькіе, мы какъ кустикъ, въ сторонѣ ото всѣхъ живемъ и пьемъ свою росу рядомъ съ большимъ раскидистымъ карагачемъ, тѣнь котораго прикрываетъ и насъ, а затѣмъ и знать себѣ никого не хотимъ, кромѣ этого большаго дерева! прибавилъ онъ въ заключеніе съ добродушнымъ старческимъ смѣхомъ.

Послѣ этого Мулла-Магометъ-бій перевелъ бесѣду съ политики на своего внука, каршинскаго бека, сразу придавъ своему тону оттѣнокъ дружеской откровенности. Магометъ-

Шерифъ, отецъ юноши-бека, уже трижды пытался было наводить разговоръ на эту тему, но кушъ-бегъ, какъ бы не замѣчая его попытокъ, все перебивалъ его разными посторонними сему дѣлу вопросами, обращая ихъ то къ князю, то къ кому-либо изъ прочихъ членовъ посольства. Видимо, старый дипломатъ находилъ, что удобная минута для такого разговора еще не наступила и внутренно, кажись, даже досадовалъ на нетерпѣніе своего сына; когда же призналъ ее подходящею, то самъ первый заговорилъ о внукѣ и о томъ непріятномъ недоразумѣніи, что̀ вышло между нимъ и старшимъ посломъ изъ-за визита. Кушъ-беги искренно и тепло просилъ извинить молодаго человѣка, объясняя его поступокъ неопытностью и нѣкоторымъ заносчивымъ самолюбіемъ, свойственнымъ юношамъ, неожиданно попадающимъ на такой видный постъ не ради своихъ собственныхъ заслугъ, а въ уваженіе къ заслугамъ ихъ старшихъ родственниковъ.

— Когда хазретъ соблаговолилъ назначить его на это мѣсто, я тогда же почтительно заявилъ, что нахожу его слишкомъ еще молодымъ для такой должности и вижу, что былъ правъ. Могу увѣрить васъ, прибавилъ старикъ,—что извѣстіе объ этомъ непріятномъ случаѣ крайне огорчило и меня и его отца, и мы просимъ васъ еще разъ извинить его.

Князь отвѣчалъ, что какъ только увидѣлъ молодаго бека, то сейчасъ же понялъ, что этотъ добрый и милый юноша тутъ ровно ниприченъ, а все дѣло вышло изъ-за усердія не по разуму его неловкихъ совѣтниковъ и что, напротивъ, съ первой же встрѣчи съ нимъ князь почувствовалъ къ нему полное благорасположеніе и въ настоящее время, не питая въ душѣ своей ни малѣйшаго неудовольствія противъ кого бы то ни было, проситъ въ свой чередъ и кушъ-беги, и Магометъ-Шерифа просто предать все это дѣло забвенію.

Услышавъ такой отвѣтъ, дѣдушка благодушно, съ большимъ чувствомъ пожалъ князю руку, а отецъ просто просіялъ отъ удовольствія. Видно, что оба они очень любятъ своего юношу.

Въ концѣ угощенія князь подалъ знакъ, по которому наши джигиты, съ хорунжимъ Карамурзаевымъ во главѣ, внесли въ комнату подарки, предназначенные для кушъ-беги отъ генералъ-губернатора и состоявшіе изъ массивныхъ серебряныхъ вещей въ видѣ кубковъ и кувшиновъ работы Овчинникова, большихъ золотыхъ карманныхъ часовъ съ эмалевымъ государственнымъ нашимъ гербомъ на верхней крышкѣ и съ массивною золотою цѣпочкой, хрустальной плоской вазы въ серебряной оправѣ и нѣсколько кусковъ дорогихъ матерій на халаты.

Любуясь на всѣ эти вещи и прося князя передать его благодарность генералу Черняеву, старикъ замѣтилъ, что до сихъ поръ туркестанскіе генералъ-губернаторы ни разу еще не присылали ему такихъ щедрыхъ и богатыхъ подарковъ. Онъ видимо всѣмъ этимъ былъ очень польщенъ и доволенъ. Минуту спустя, его собственные джигиты внесли въ пріемную отвѣтные подарки, состоявшіе изъ тюковъ съ халатами и положили у ногъ каждаго изъ насъ по тюку, а затѣмъ Мулла-Магометъ-бій пригласилъ посольство выйти на дворъ полюбоваться на выводку верховыхъ лошадей подъ богатыми попонами, предназначенныхъ въ подарокъ для насъ же. Самъ онъ при этомъ избралъ для себя кратчайшій путь и согнувшись вышелъ на террасу прямо чрезъ окошко. Лошади были очень недурны, а бирюзовыя уздечки и бархатныя попоны, расшитыя золотомъ, серебромъ, блестками и шелками, весьма эффектны и даже изящно красивы. Словомъ, одарилъ насъ кушъ-беги такъ, что хотя бы и самому эмиру впору.

Здѣсь же, во дворикѣ, мы съ нимъ простились, причемъ онъ лично проводилъ посольство до главнаго прохода, гдѣ стоялъ почетный караулъ. Общее впечатлѣніе, вынесенное нами изъ знакомства съ кушъ-беги, было вполнѣ въ его пользу. Это очень пріятный, сердечно веселый старикъ, видимо спокойнаго, незлобиваго нрава и притомъ умѣетъ держать себя просто, но съ достоинствомъ, говоритъ съ тактомъ и

чувствомъ мѣры, крѣпко жметъ руку, но не притворнымъ, а честнымъ пожатіемъ.

По возвращеніи домой отъ кушъ-беги я переодѣлся и верхомъ отправился съ маіоромъ Байтоковымъ знакомиться съ наиболѣе замѣчательными изъ городскихъ базаровъ. Большинство ихъ группируется въ восточной части городскаго центра, близъ набережной Шахри-руда. Весь вообще торговый рынокъ Бухары подраздѣляется на караванъ-сараи, тимы, чаръ-су и собственно базары. Первые изъ нихъ служатъ для склада исключительно привозныхъ заграничныхъ товаровъ и строятся обыкновенно четырехъугольнымъ, а еще чаще квадратнымъ корпусомъ со внутреннимъ дворомъ, въ томъ же родѣ, какъ и медрессе: нижній этажъ занимаютъ лавки и кладовыя, а въ верхнихъ отдаются внаймы помѣщенія для пріѣзжихъ купцовъ. Въ городѣ всего насчитываютъ тридцать восемь караванъ-сараевъ, изъ коихъ двадцать четыре каменные и четырнадцать деревянныхъ. Девять каменныхъ принадлежатъ казнѣ, которая сдаетъ ихъ на откупъ, причемъ размѣръ годовой платы отъ 100 до 300 тиллей [1]) находится въ зависимости отъ величины и вмѣстимости зданія, равно какъ и отъ мѣста его нахожденія. Остальные караванъ-сараи принадлежатъ частнымъ лицамъ и благотворительнымъ и образовательнымъ учрежденіямъ въ качествѣ вакуфовъ, то есть неотчуждаемой собственности, доходы съ коей поступаютъ въ пользу учрежденія. Общее же число караванъ-сараевъ, какъ спеціально торговыхъ, такъ и служащихъ въ качествѣ заѣзжихъ постоялыхъ дворовъ и гостинницъ, въ городѣ и его пригородахъ доходитъ до полутораста.

Тимй или тимъ — это продолговатые, деревянные или каменные сараи, гдѣ торговля мѣстными и заграничными мануфактурными издѣліями производится съ открытыхъ прилавковъ, которые въ видѣ общихъ непрерывныхъ наръ тянутся

[1]) Золотая монета цѣнностью въ 4 руб. 20 коп. (бухарская) и въ 3 руб. 80 коп. (кокандская).

посрединѣ и вдоль внутреннихъ стѣнъ тима; надъ прилавками устроены деревянныя полки, наполненныя сверху до низу матерчатыми товарами. Иногда въ центрѣ каменнаго тима, какъ напримѣръ, въ тимахъ Абдуллахъ-хана, находится просторная ротонда съ высокимъ куполомъ, гдѣ обыкновенно группируются напоказъ лучшіе товары и идетъ самая бойкая торговля. Тимовъ здѣсь девять, изъ коихъ пять каменныхъ.

Чаръ-су, какъ я уже описывалъ раньше, представляетъ собою отдѣльно стоящій каменный павильонъ въ видѣ ротонды, съ полусферическимъ куполомъ и четырьмя противоположными выходными арками, отъ чего происходитъ и самое названіе чаръ-су, то есть четыре воды или теченія, подразумѣвая тутъ, по свойственной Востоку склонности къ метафорѣ, движеніе базарной толпы. Каждый добропорядочный средне-азіятскій городъ непремѣнно имѣетъ свое чаръ-су, обыкновенно составляющее центръ базара; въ Бухарѣ же ихъ нѣсколько и наиболѣе изъ нихъ замѣчательно Заргерянн-чаръ-су, построенное болѣе трехсотъ лѣтъ назадъ Абдулъ-Азисъ-ханомъ [1]).

Наконецъ, собственно базары представляютъ собою или ряды, крытые сверху цѣновками, нѣчто въ родѣ восточныхъ пассажей, или же просто площадной торгъ подъ открытымъ небомъ. Такихъ базаровъ въ Бухарѣ до 50, считая тутъ же и конскій, находящійся за городскою стѣной, въ полутора верстахъ къ сѣверу отъ Самаркандскихъ воротъ, да 22 базара въ пригородныхъ и ближайшихъ окрестностяхъ, гдѣ торгъ происходитъ въ извѣстные дни недѣли [2]).

[1]) Изъ династіи Шейбанидовъ, царствовалъ съ 948 (1541) по 958 (1551) годъ.

[2]) Въ самомъ городѣ находятся: 3 базара хлѣбные, 1 мучной (онъ же для ячменя и джугары), 1 базаръ отрубей, 2 мясные, 1 рыбный, 1 соляной, 1 дровяной, 3 свѣчные, 3 угольные, 2 главные базара для продажи сушеныхъ фруктовъ, не считая множества мелкихъ базарчиковъ и отдѣльныхъ лавокъ съ тѣми же продуктами, 2 свѣжефруктовые (гранаты, груши, яблоки, сливы, фиги, виноградъ, фисташки, миндаль, грецкіе

Изъ этого краткаго перечня не трудно усмотрѣть, что Бухара представляетъ собою одинъ изъ важнѣйшихъ торговыхъ центровъ Средней Азіи. Но главное мѣсто въ ея торговой дѣятельности остается все же за привозными и транзитными товарами, въ чемъ и заключается торговое значеніе Бухары, основанное на ея географически центральномъ положеніи, какъ главнаго узла путей между Индіей чрезъ сѣверный Афганистанъ съ одной стороны, восточными провинціями Персіи съ другой, и Россіей съ третьей. Вообще, это главный центръ между рынками Нижегородскимъ и Пешаверскимъ. Торговля же на мѣстѣ собственными произведеніями далеко не такъ значительна какъ можно бы думать, судя по изобилію лавокъ и лавченокъ. Обороты внѣшней торговли Бухарскаго ханства, по словамъ главнаго закетчи, Магометъ-Шерифъ-инака, простираются отъ 35 до 40 милліоновъ рублей металлическихъ въ годъ. Что же до внутреннихъ оборотовъ, то мнѣ не удалось узнать ихъ точную цифру.

Относительно базаровъ города Бухары и предметовъ ихъ торговли пришлось бы повторять то, что̀ уже было сказано мною при описаніи базара въ Шаарѣ, съ тою лишь разницей, что здѣсь все это сосредоточено въ гораздо большихъ размѣрахъ. Какъ тамъ, такъ и тутъ преобладаютъ русскіе товары. Мы проѣхались почти по всѣмъ базарамъ и встрѣчали множество русскихъ ситцевъ, шерстяныхъ матерій, парчей и бархатовъ, русскій сахаръ и стеариновыя свѣчи, русское стекло,

орѣхи и проч.), 2 арбузные и дынные, 2 яичные, 6 молочныхъ, 2 масляные, 1 лѣкарственный и москательный, 5 сапожныхъ, изъ коихъ на трехъ продаются исключительно мягкіе козловые сапоги, такъ называемые ичиги, 1 юфтяный, 1 бязевый (мѣстной бумажной ткани), 2 хлопковые, 1 ковровый, халатный и мѣховой (преимущественно мерлушка), 1 мѣдный и вообще металлическихъ издѣлій, 2 ножевые, 1 канатный и веревочный, 1 куржумный (переметныхъ сумокъ), попонный и конскихъ уборовъ, 1 конскій и 1 невольничій, нынѣ уже уничтоженный по договору съ русскими. Кромѣ того, здѣсь не упоминаются глиняно-посудные и съѣстные базарчики и лавки, разбросанные по всѣмъ частямъ города, точно такъ же, какъ свѣже- и сушено-фруктовые.

фаянсъ и фарфоръ, русскую юфть, желѣзо и чугунъ (въ котельныхъ издѣліяхъ), русскіе окованные сундуки съ музыкально-звонкими замками и мѣдные самовары, даже русскія „кашмирскія шали“ превосходной тонкой работы, по 40 и 50 тенговъ штука [1]), что является просто баснословною дешевизной!

На съѣстномъ базарѣ, гдѣ скучено множество харчевень и чайныхъ, среди неисходнаго чада отъ жаренаго кунджутнаго масла, мы съ трудомъ пробирались между продавцами жареныхъ пирожковъ, кебабовъ, хлѣбныхъ лепешекъ (кульчананъ), кунджутной халвы и всевозможныхъ лакомствъ. Здѣсь всякъ молодецъ на свой образецъ громогласнымъ крикомъ выхваливаетъ прелести и вкусъ своего съѣстнаго товара. На базарѣ Саррафанъ [2]), напротивъ, господствуетъ возможно полная тишина: тамъ задумчивые индусы изъ Ширкапура, иначе называемые мультанами [3]), рядомъ съ мѣстными евреями сидятъ на собственныхъ пяткахъ или на корточкахъ за низенькими мѣняльными столиками и прилавками, на которыхъ разсыпаны кучки мѣдныхъ пулъ [4]) и серебряныхъ тенговъ, и отъ нечего-дѣлать, въ ожиданіи спроса на размѣнъ, перекладываютъ эти кучки съ мѣста на мѣсто, словно карты въ пасьянсѣ, или между собою играютъ въ четъ и нечетъ. Всѣ эти индусы жесточайшіе ростовщики, даже гораздо хуже евреевъ, и хотя смотрятъ такими покорными тихонями, что, кажись, даже малый ребенокъ ихъ обидѣть можетъ, а сами они и воды не замутятъ, но не дай Богъ никому попасть въ когти къ этимъ смиреннымъ вампирамъ! Заргерянскій чаръ-су переполненъ всевозможными каляпушами (тюбетейками) и шапками, ко-

[1]) Тенга или коканъ равняется 20 металлическимъ копѣйкамъ; въ серебряномъ рублѣ пять тенговъ.

[2]) Отъ слова саррафъ, что значитъ мѣняло.

[3]) По имени города Мультана, который здѣсь почитается метрополіей всего Индустана.

[4]) Пула — мелкая, но довольно вѣская мѣдная монетка. Въ одной тенгѣ (20 коп.) считается 64 пулы.

торыя тѣсно и ярко-пестро висятъ на деревянныхъ колышкахъ по его внутреннимъ стѣнамъ снизу до верху; здѣсь же продаются разныя бусы, четки и ожерелья, ленты и шелковыя кисти, шелковые и бархатные пояса (бильбау), унизанные металлическими бляхами и снаряженные замшевыми кошельками для денегъ (халамданъ), да парой кривыхъ ножей (пчакъ) въ красивыхъ ножнахъ, нерѣдко сплошь покрытыхъ бирюзовою инкрустаціей[1]).

Къ одному изъ выходовъ этого чаръ-су примыкаетъ сѣдельный рядъ со всѣми принадлежностями конскаго снаряженія, а его продолженіемъ является рядъ желѣзный, гдѣ я накупилъ для своей оружейной коллекціи нѣсколько старинныхъ ай-балтовъ (сѣкирокъ) съ гравюрами и серебряною насѣчкой, нѣсколько бронзовыхъ батиковъ (кистеней) и курбашей[2]). Затѣмъ мы посѣтили оба тима Абдуллахъ-хана. Подъ высокою ротондой перваго, построеннаго въ 990 (1582) году, продаютъ шелковыя матеріи, адрясы, шаины, бикасабы, канаусы, бархатъ, парчу, сукна и шали, а во второмъ—коленкоръ, кисею, алачу и вообще бумажныя и шерстяныя ткани. Въ обоихъ тимахъ сталкиваются произведенія фабрикъ русскихъ, самаркандскихъ, кокандскихъ, бухарскихъ и индійскихъ. Издѣлія послѣднихъ носятъ общее названіе кабули, то есть кабульскихъ, хотя нерѣдко онѣ Кабула, какъ говорится, и въ глаза не видали, а попали сюда чрезъ Гератъ изъ англійскихъ складовъ.

Въ трехъ тимахъ Танинга̀ идетъ торговля шелкомъ въ моткахъ, сырцовымъ и крашенымъ. Колера отличаются своею чистотой и яркостью и притомъ они довольно разнообразны.

[1]) Кромѣ кошельковъ и пары ножей, къ такимъ поясамъ съ лѣвой стороны нерѣдко прикрѣпляются еще точильный брусокъ (кайракъ), шило (бигисъ), небольшія ножницы (дукерпъ) для подстриганія ногтей, усовъ и бороды, огниво (чакмакъ) и роговой или деревянный гребень (таракъ).

[2]) Такъ называется пика съ короткимъ толстымъ древкомъ и длиннымъ штыкообразнымъ копьемъ.

Эта послѣдняя торговля сосредоточена преимущественно въ рукахъ мѣстныхъ евреевъ.

Въ тимѣ Дараи продаются мужскіе и женскіе ичиги — иначе называемые масы, предпочтительно зеленаго цвѣта, изъ мягкаго шагреневаго сафьяна, съ тисненными узорами, безъ каблуковъ и на мягкой подошвѣ. Тутъ же можно найти и калоши (кауши) и высокіе сапоги, тоже зеленые и тоже изъ шагреневой, но только толстой и грубой конской кожи, извѣстной подъ названіемъ сауръ; послѣдніе бываютъ съ загнутыми вверхъ острыми носками, на концѣ которыхъ болтается небольшой ремешекъ, и нерѣдко съ остроконечными рогообразными каблуками почти двухвершковой длины, имѣющими легкій загибъ внутрь, къ подошвѣ. Въ этой оригинальной обуви безъ особенной снаровки не только ходить, но и долго стоять на мѣстѣ невозможно, не рискуя каждую секунду потерять равновѣсіе и шлепнуться на землю. Тѣмъ не менѣе она въ большой модѣ въ особенности между кочевыми узбеками, которые находятъ, что для верховой ѣзды ничего лучше не придумать.

Спеціально оружейнаго базара, къ которому я такъ стремился, здѣсь не оказалось. Существуетъ только не болѣе трехъ-четырехъ лавочекъ, разбросанныхъ по разнымъ мѣстамъ, гдѣ можно найти кое-какой оружейный хламъ, между которымъ иногда случайно попадается вещь достойная вниманія. Все, что̀ можно было прикупить тамъ для пополненія моей азіятской оружейной коллекціи, я конечно купилъ, но этого всего оказалось очень немного: три бунчука, два фитильные карабина, одна кольчуга со стальнымъ шишакомъ, старый щитъ съ серебряными буклями, сдѣланный изъ твердой толстой кожи, и древнія стальныя досчатыя латы, орнаментированныя по бордюрамъ арабесками очень тонкой работы, пройденными гравюрой и золотою насѣчкой, — да вотъ и все. Лучшія вещи находятся не въ лавкахъ, а въ частныхъ рукахъ, и нѣкоторыя изъ нихъ, какъ напримѣръ нѣсколько хорасанскихъ и гиссарскихъ клинковъ да два древніе шлема

были потомъ принесены ко мнѣ на домъ при посредствѣ мѣстныхъ комиссіонеровъ, и послѣ продолжительнаго торга наконецъ куплены мною. Но они вообще не дешевы, въ особенности старые хорасаны, и бухарцы знаютъ имъ цѣну.

Въ заключеніе нашей прогулки проѣхались мы на базаръ мѣдно-чеканныхъ издѣлій. Два противулежащіе ряда лавочекъ, примкнувшихъ одна къ другой стѣна объ стѣну и совершенно открытыхъ спереди, образовали собою улицу шаговъ въ двѣнадцать ширины, прикрытую сверху барданами и чіями. Въ этихъ лавочкахъ, тутъ же, гдѣ выставлены на продажу ихъ издѣлія, находятся и самыя мастерскія, такъ что вы съ улицы можете видѣть весь постепенный ходъ работы, подъ акомпаниментъ непрерывнаго стука сотенъ молотковъ и визга пилокъ и терпуговъ, съ помощью которыхъ листовая желтая и красная мѣдь превращается въ очень красивыя чашки, блюда, миски и кумганы. Искусные чеканщики и граверы снабжаютъ изготовленныя вещи очень изящною орнаментаціей, состоящею изъ фантастическихъ узорчатыхъ сочетаній завитковъ, линій, листиковъ, звѣздочекъ, крестиковъ, точекъ и т. п. Какъ рисунки, такъ и самыя формы этихъ произведеній очень изящны и разнообразны. Тутъ же можно достать и старинныя вещи этого рода, и не только мѣстной, но и персидской, и афганской, и индійской работы, съ гравированными изображеніями людей и животныхъ въ красивыхъ медальонахъ и со священными изреченіями или стихами Гафиза и Саади въ чеканныхъ бордюрахъ, среди которыхъ, кромѣ того, нерѣдко можно встрѣтить вырѣзанное имя мастера, годъ производства и имя владѣльца вещи, по заказу коего она была сдѣлана.

Замѣтивъ, что я обращаю вниманіе преимущественно на старинныя вещи этого рода, ко мнѣ сбѣжались съ ними продавцы со всего базара, и каждый, тискаясь впередъ, на перебой предъ другими старался показать мнѣ свою и какъ можно громче выхвалить ея достоинства. Увидавъ себя въ тѣсной блокадѣ и чуть не угрожаемый штурмомъ, я объя-

вилъ имъ чрезъ переводчика, что кто хочетъ продать, пускай приходитъ ко мнѣ въ посольскій домъ, тамъ я разсмотрю все въ подробности и сторгуюсь. Вслѣдъ за такимъ рѣшеніемъ, вся эта орава тотчасъ же отхлынула и, давъ намъ возможность тронуться съ мѣста, немедленно направилась вмѣстѣ съ нами къ посольскому дому.

Въ лабиринтѣ всѣхъ этихъ базаровъ новому человѣку до крайности трудно, почти невозможно оріентироваться—до такой степени все это перепутано разными полутемными и узкими улками, переулками и закоулками, и все кишитъ самою пестрою пѣшею и конною толпой, среди которой тѣснота зачастую доходитъ чуть не до давки, особенно когда въ какомъ нибудь узкомъ проходѣ застрянутъ двѣ встрѣчныя арбы или два встрѣчные каравана нагруженныхъ верблюдовъ. Да впрочемъ, чего тамъ верблюды!—достаточно, чтобы какой нибудь мулъ или ишачокъ, заупрямясь, сталъ поперегъ переулка, глубокомысленно уставясь въ одну точку лбомъ, чтобы прекратить на нѣсколько минутъ по этому переулку всякое движеніе. Тутъ уже на бѣднаго ишака сыплятся тычки, пинки и удары со стороны ближайшихъ къ нему прохожихъ, а онъ ни съ мѣста, пока не возьмутся за него—одни за поводъ, другіе съ заду—и не пропихнутъ его насильно на нѣсколько шаговъ впередъ. Но непріятнѣе всего бываетъ, когда въ такой давкѣ остановленные и скученные верблюды начинаютъ злиться. Тутъ, и безъ того уже недобрые глаза этого животнаго очень выразительно загораются гнѣвомъ, а въ глоткѣ у него начинаетъ при этомъ глухо клокотать слюна, смѣшанная съ отрыгнутою жвачкой, которая все больше и больше скопляется на его мягкихъ отвислыхъ губахъ клубками грязной, вонючей пѣны, пока наконецъ не плюнетъ онъ ею въ какого нибудь прохожаго. Хуже такого сюрприза на азіятскомъ базарѣ ничего уже и быть не можетъ. Запахъ этой густой липкой слюны такъ противенъ, что лучше сразу бросить облитое ею платье, чѣмъ дожидаться, пока онъ выйдетъ. Подобный плевокъ достался одному изъ нашихъ провожатыхъ

казаковъ; бѣдняга не зналъ куда дѣваться и всю дорогу только чертыхался да отплевывался.

Тысячеголосый гомонъ и говоръ снующей взадъ и впередъ толпы, разнообразные возгласы и причитанія разносныхъ торговцевъ, рѣзкіе звуки увеселительной зурны какого нибудь странствующаго артиста, ноющій речитативъ нищихъ и безобразное пѣніе каляндарей и дуванà, глупый до смѣшнаго, истерически рыдающій вопль ишаковъ, визгъ и вой шпыняемыхъ ногами бездомныхъ собакъ, капризный ревъ и вздыхающіе стоны усталыхъ верблюдовъ, вся эта масса нестройныхъ, дикихъ звуковъ шумно стоитъ подъ навѣсами крытыхъ базарныхъ рядовъ, гдѣ спертый воздухъ пропитанъ то чадомъ кунджутнаго масла и разныхъ снѣдей, то прянымъ запахомъ москателей, испареніями сыраго свѣжеубойнаго мяса, сухой рыбы и вяленыхъ дынь и фруктовъ, то верблюдами и кожами, то наконецъ навозомъ и вонью никогда не просыхающей солонцовой грязи, которую снаружи лишь пробираетъ ночной морозъ, а къ полудню она уже оттаиваетъ. Чтò дѣлать! со всѣмъ этимъ приходится мириться ради своеобразной красоты восточнаго базара, его пестрыхъ лохмотьевъ и оригинальныхъ яркихъ красокъ, какія только на Востокѣ и можете вы встрѣтить.

Во время этой прогулки чуть не вышло у насъ комичное, но не совсѣмъ пріятное qui pro quo. Выйдя изъ ротонды Абдуллахъ-хана, мы сѣли на своихъ верховыхъ лошадей и только что тронулись далѣе, какъ видимъ, навстрѣчу намъ ѣдетъ на богато убранномъ жеребцѣ какой-то женственно красивый мальчикъ лѣтъ четырнадцати, въ бѣлой кисейной чалмѣ и лазоревомъ парчевомъ халатѣ, подпоясанный богатымъ поясомъ съ бирюзовымъ наборомъ. Его окружала конная свита взрослыхъ и болѣе скромно одѣтыхъ людей, большею частію уже почтеннаго, а иные даже старческаго возраста, и было ихъ человѣкъ восемь. Двое изъ нихъ очищали предъ мальчикомъ путь, разгоняя толпящихся зѣвакъ, а остальные съ подобострастно выжидающимъ вниманіемъ ви-

димо старались ловить каждое слово, каждый взглядъ его, какъ бы для того, чтобы спѣшно предупреждать малѣйшій его капризъ, малѣйшее желаніе. Многіе изъ базарной публики, широко осклабляясь, дружески кивали ему головой и дѣлали рукой привѣтственное движеніе, какъ бы посылая воздушные поцѣлуи.

— Должно быть принцъ какой ихній, ваше высокоблагородіе, замѣтилъ мой слуга Сайфуддинъ Фаткулинъ, бывшій гвардейскій кирасиръ изъ казанскихъ татаръ, который въ случаѣ надобности всегда служитъ мнѣ довольно хорошимъ переводчикомъ въ моихъ частныхъ сношеніяхъ съ туземцами.

Я и самъ въ первую минуту подумалъ, что принцъ, даже совсѣмъ было изъ головы вонъ, что у эмира въ настоящее время въ самой Бухарѣ нѣтъ ни одного сына. Всѣ мы уже приготовились было къ тому, чтобы посторониться и взять ему подъ козырекъ, какъ тотъ же Сайфуддинъ, перекинувшись двумя-тремя словами съ сопровождавшимъ насъ эсаулъ-баши, поспѣшилъ предупредить насъ.

— Не извольте безпокоиться, ваше высокоблагородіе! Это совсѣмъ не принцъ, а такъ себѣ, сказалъ онъ съ какою-то странною усмѣшкой.

И дѣйствительно, оказалось, что это не принцъ, а просто батча, окруженный своими поклонниками, изволилъ выѣхать на прогулку. Чортъ знаетъ что̀ такое. И вотъ поклонники и вздыхатели повезли его на базаръ, чтобы побаловать разными подарками и тѣмъ заслужить его благосклонность. Чего бы ни пожелалъ онъ, все тотчасъ же является къ его услугамъ. Приглянулся ему богатый халатъ, чрезъ минуту кто-нибудь изъ свиты уже заплатилъ за него деньги и почтительно преподноситъ завернутый въ бумагу тючекъ; понравилась кашмирская чалма, сейчасъ чуть не вся свита наперебой другъ предъ другомъ стремится пріобрѣсти ее своему любимцу. Одинъ предлагаетъ ему халву, другой кишмишъ, третій московскія конфекты отъ Сіу и всевозможныя лакомства, тотъ дорогія матеріи, этотъ золоченое ожерелье и разныя

бездѣлушки, московскіе духи, помаду, мыло, всякіе косметики; словомъ, всѣ эти почтенные съ виду люди, безо всякаго зазрѣнія совѣсти, зря швыряютъ бѣшеныя деньги и всенародно тратятся на смазливаго мальченку, какъ тратятся въ Европѣ на извѣстныхъ кокотокъ. Оказывается, что этотъ батча, въ своемъ родѣ, тоже мѣстная знаменитость, какъ пѣвецъ и танцовщикъ, и что въ источникѣ такого баловства его главную роль играетъ нестолько страсть, сколько личное тщеславіе его поклонниковъ: желаютъ, чтобъ о нихъ поговорили на базарѣ, а здѣшній базарный толкъ, это все равно, что наша ежедневная „печать". Но замѣчательнѣе всего тотъ наивный, даже несознающій себя цинизмъ, съ какимъ публично продѣлываются здѣсь подобныя оказательства, а продѣлываются они постоянно: это заурядное явленіе, которымъ, очевидно, никто не стѣсняется и никто не находитъ въ немъ ничего зазорнаго. Замѣчательно еще то, что все это происходитъ въ тѣ самые часы и на томъ же самомъ базарѣ, гдѣ правительственный реисъ-и-шаріатъ, сей присяжный блюститель неукоснительнаго отправленія религіозныхъ требъ и цензоръ общественной нравственности, лупитъ канчуками какого нибудь перваго встрѣчнаго арбакеша, который не съумѣлъ сказать ему наизустъ „фарзегаинъ" со всею точностью [1]). Знающіе люди увѣряютъ, будто тотъ же реисъ-и-шаріатъ, при встрѣчѣ на базарѣ съ тѣмъ же батчей, и не подумаетъ спросить у него, какъ, молъ, читается первая сура̀ Корана, а очень любезно пошлетъ ему воздушное привѣтствіе рукой [2]).

Здѣсь батчи составляютъ какъ бы особое, избранное и

[1]) По-арабски фазръ-уль-айнъ значитъ главная обязанность, которая для каждаго мусульманина заключается въ точномъ знаніи нѣсколькихъ обязательныхъ молитвъ и изреченій Корана. Бухарское фазрегаинъ есть то же самое фазръ-уль-айнъ, искаженное мѣстнымъ произношеніемъ.

[2]) Какъ курьезъ, и притомъ весьма характерный, можно вспомнить, что при покореніи русскими города Чимкента, батча тамошняго казія (судьи) самъ отправлялъ должность реисъ-и-шаріата.

привилегированное общество. Они тратятъ большія деньги, причемъ нерѣдко третируютъ en canaille своихъ вздыхателей, тогда какъ эти послѣдніе, словно особенной чести, добиваются знакомства съ ними и возможности проѣхаться публично съ такимъ батчей по базару. Изъ-за нихъ нерѣдко происходятъ цѣлыя драмы, разстраивается семейное счастіе, люди состоятельные впадаютъ въ нищету... Кончается нерѣдко и трагедіей, когда въ порывѣ ревности соперники пырнутъ одинъ другаго ножами. Муллы-проповѣдники въ мечетяхъ, конечно, гремятъ противъ батчебазства громами своего краснорѣчія, но поэты и пѣвцы посвящаютъ и поютъ батчамъ сладкіе мадригалы, которые потомъ списываются, переписываются, заучиваются наизусть и далеко распространяются въ народѣ. Не всѣ, конечно, но избранные, то есть особенно удачливые или особенно популярные батчи роскошно живутъ и щеголяютъ на счетъ своихъ поклонниковъ въ парчахъ и бархатахъ, держатъ кровныхъ лошадей, посѣщаютъ другъ друга и принимаютъ гостей у себя. Ихъ обществомъ, иногда втихомолку, не брезгаютъ даже высшіе сановники Бухары, причемъ эти мальчишки нерѣдко оказываютъ тому или другому чиновнику даже покровительство по службѣ и берутъ съ нихъ за это хорошія взятки. Когда мы ѣхали кортежемъ къ кушъбеги, намъ показали на одномъ изъ балконовъ въ улицѣ Кушъмедрессяи трехъ такихъ вліятельныхъ батчей, залитыхъ золотомъ и пурпуромъ парчи, когда они развлекали себя зрѣлищемъ нашего шествія. Говорятъ, что не мало ихъ есть и въ придворномъ штатѣ. Вообще быть замѣчательнымъ батчей, по здѣшнему, значитъ сдѣлать себѣ хорошую жизненную карьеру. Самые неудачливые изъ нихъ становятся впослѣдствіи клоунами, маскарабазами, обучателями батчей или дангарачами, а кто успѣлъ составить себѣ нѣкоторый капиталъ, тотъ къ двадцати или двадцати-двухлѣтнему возрасту женится, открываетъ какую либо торговлю и становится купцомъ; иные же проскакиваютъ въ чиновники, въ офицеры, даже въ сановники, а впослѣдствіи доходятъ иногда и до высшихъ степеней го-

сударственной іерархіи. Имѣя какихъ нибудь двадцать лѣтъ отъ роду, они получаютъ, въ награду за свою „службу“, какое нибудь придворное званіе, а вмѣстѣ съ тѣмъ принимаютъ въ завѣдываніе и какую-либо часть дворцоваго управленія или хозяйства, или же назначаются въ провинціальные города беками и какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ получаютъ благоволенія, чины, награды и вообще преуспѣваютъ, быстро двигаясь впередъ по лѣстницѣ карьеры и отличій.

По возвращеніи съ прогулки домой, мы нашли у себя во дворѣ цѣлый базаръ. Сюда собрались барышники и маклаки-сводчики (даллалы) и привели съ собою верховыхъ лошадей съ цѣлію продать или промѣнять ихъ на нашихъ дареныхъ; другіе притащили каршинскіе и туркменскіе ковры и узорныя вышивки разноцвѣтными шелками по черной замшѣ для туфлей и подушекъ, третьи разложили свертки шелковыхъ матерій, канаусы, адрясы и бикасабы. Явились и мѣнялы съ русскими полуимперіалами, хотя и не знакомые съ берлинскою биржей, но отлично знающіе курсъ русскихъ бумажекъ. Явились и продавцы древнихъ монетъ съ изображеніями Искандейрна-Зулькарнайнъ[1]) и разныхъ греко-бактрійскихъ царей; продавцы необдѣланной бирюзы и драгоцѣнныхъ камней, довольно впрочемъ подозрительныхъ; продавцы оружія, перстней, печатокъ, ожерелій и разныхъ мелкихъ серебряныхъ вещицъ филигранной работы. Не обошлось и безъ „рѣдкостей и древностей“, въ числѣ коихъ фигурировали: китайскій и русскій фарфоръ, инкрустированныя индійскія шкатулки и бронзовый пастушокъ изъ-подъ канделябра. Къ довершенію этого базара привалила и толпа нашихъ кумганщиковъ изъ мѣдно-чеканнаго ряда. У этихъ послѣднихъ я выбралъ себѣ нѣсколько дѣйствительно замѣчательныхъ вещей, какъ по ихъ старинѣ, такъ и по красотѣ формы и по изяществу гравюры и чекана.

[1]) Зулькарнайнъ значитъ двурогій. Рогъ — выраженіе высшей степени силы и могущества. Этотъ эпитетъ обыкновенно придается въ Средней Азіи Александру Македонскому.

Сравнительно съ оружіемъ, эти вещи стоятъ здѣсь не особенно дорого, но все-таки мой замшевый тартукъ (кошель) наполненный серебряными тенгами значительно пооблегчился. Вообще купцы запрашиваютъ и торгуются довольно долго и скучно, и все увѣряютъ при этомъ, что не смѣютъ запросить ни единой лишней копѣйки, такъ какъ за такой запросъ имъ по закону будутъ „голову рѣзать". При этомъ они, закрывая глаза, очень выразительно чиркаютъ себя указательнымъ пальцемъ по горлу. Однако же нашъ эсаулъ-баши, еще ѣдучи на базаръ, предупредилъ насъ насчетъ этого обычнаго маневра здѣшнихъ торгашей и объяснилъ, что божась и увѣряя будто имъ за запросъ рѣжутъ головы, они тутъ-то именно и запрашиваютъ въ-три-дорога, но до сихъ поръ никто еще не рѣзалъ ихъ за это, хотя, по увѣренію все того же эсаулъ-баши, иные изъ нихъ и стоили бы такой операціи.

— Все это, говорилъ онъ, — одна только пустая уловка, въ томъ разсчетѣ, что, думаетъ себѣ, коли, молъ, скажу про голову, то иностранный покупатель сейчасъ и повѣритъ и не станетъ больше торговаться. „Ложь полезна при спорѣ, но вредна для души", философски заключилъ онъ моралью извѣстной узбекской пословицы.

24 января.

Мягкая погода. Легкій морозецъ умѣряется теплотворными лучами яркаго солнца.

Въ часъ дня посольство со вчерашнею помпой отправилось съ визитомъ къ сыну кушъ-беги, Магометъ-Шерифъинаку, который занимаетъ видный постъ главнаго зякетчи и казначи самого эмира, то есть въ его рукахъ сосредоточивается главное управленіе по государственному сбору торговыхъ и караванныхъ пошлинъ, и числится онъ помощникомъ кушъ-беги по финансовой части и по административному управленію городомъ, да кромѣ того онъ же и личный казначей его высокостепенства, вѣдающій всякія экстраординарные расходы.

Наши пристава на сей разъ провели посольскій кортежъ

кружными путями, по базарамъ и наиболѣе люднымъ улицамъ, и даже заблаговременно предварили насъ, что намъ предстоитъ довольно длинная прогулка. Хотя гораздо проще было бы проѣхать кратчайшею дорогой, но цѣль приставовъ заключалась въ томъ, чтобы побольше народу видѣло и толковало потомъ, что вотъ, молъ, русское посольство ѣдетъ на селямъ и къ нашему Магометъ-Шерифъ-инаку, вотъ, молъ, какой онъ у насъ важный! Приставамъ очевидно хотѣлось угодить инаку такою „тонкою политикой" въ томъ разсчетѣ, что это вѣроятно пощекочетъ пріятнымъ образомъ его тщеславіе — черта чисто персидская, и такъ какъ желаніе ихъ было довольно невиннаго свойства, то и не было причины отказать въ немъ.

Живетъ инакъ близь урды [1]), въ улицѣ Арке-Баста, по той причинѣ, какъ объяснилъ онъ, что ему часто, иногда даже по нѣскольку разъ въ день приходится ходить туда съ докладомъ. Арке-Баста пролегаетъ какъ разъ подъ стѣнами урды и здѣсь очень удобно можно воочію убѣдиться въ искусственномъ происхожденіи холма, на которомъ она построена: въ его обсыпяхъ обнаруживается мѣстами цѣлая система деревянныхъ скрѣпленій и бревенчатыхъ подпорокъ съ лежащими на нихъ продольными и поперечными балками, концы которыхъ торчатъ наружу изъ-подъ толщи кургана. Извѣстно, что еще въ глубочайшей древности дворцы и за̀мки восточныхъ властителей какъ бы обязательно воздвигались, по выраженію Библіи, „на высокихъ", то есть на естественныхъ или искусственныхъ возвышеніяхъ, и въ тѣхъ случаяхъ, когда природная мѣстность представляла собою гладкую равнину, какъ напримѣръ въ Вавилонѣ, строители прибѣгали къ искусственному возведенію холма, что̀ и видимъ мы досел ѣ не только въ урдинскомъ холмѣ Бухары, но и въ большинствѣ равнинныхъ за̀мковъ этого ханства. Значитъ, не только идея, но вѣроятно и самый способъ постройки оста-

[1]) Урда — цитадель, окружающая дворцовый замокъ, аркъ.

лись здѣсь и донынѣ, по нерушимому преданію старины, все тѣ же, что̀ и въ отдаленнѣйшіе вѣка.

Инакъ принялъ насъ въ высшей степени радушно. Столъ у него очень изысканный — по восточному, разумѣется — и разнообразный; кушанья приготовлены были преимущественно по рецептамъ персидской кухни; самъ же хозяинъ большой говорунъ и любитъ побесѣдовать. Разговоръ нашъ за завтракомъ вращался почти исключительно на внѣшней торговлѣ Бухарскаго ханства, причемъ Магомемъ-Шерифъ сообщилъ намъ нѣсколько не безъинтересныхъ свѣдѣній.

Болѣе всего заинтересовали насъ торговыя сношенія Бухары съ Индіей, и по этой части мы узнали, что страны эти сносятся между собою главнѣйшимъ образомъ чрезъ Афганистанъ, откуда, по спускѣ съ горъ Баміанскимъ проходомъ, караваны слѣдуютъ на Мазари-Шерифъ и Балхъ къ Келифу, гдѣ караванный путь переходитъ на правый берегъ Аму-Дарьи, а отъ Келифа чрезъ Карши въ Бухару. Главнымъ предметомъ ввоза изъ Индіи служитъ, такъ называемый, акъ-чай, то есть бѣлый, извѣстный впрочемъ у насъ подъ названіемъ зеленаго чая, который въ большомъ употребленіи не только между бухарцами, но и во всемъ туземномъ населеніи Средней Азіи. Затѣмъ предметами ввоза являются: кубовая краска, идущая чрезъ Бухару въ Россію, и вообще красильныя вещества, лекарственныя растенія и москательный товаръ, а изъ мануфактурныхъ произведеній, носящихъ общее названіе „кабули", хотя бы они вовсе и не относились къ произведеніямъ самаго Кабула, идутъ: кисея, кинкабъ, парча, кашмирскія шали для халатовъ, чалмъ и поясовъ и нѣкоторыя издѣлія англійскихъ фабрикъ, преимущественно стальныя. Вывозятъ же изъ Бухары въ Афганистанъ и Индію шелкъ-сырецъ и овечьи шкуры, въ особенности мерлушку, а также и русскіе товары, между коими видную роль играетъ фарфоръ въ видѣ чайниковъ особой формы [1]) и большихъ чашекъ,

[1]) Чайники эти имѣютъ продолговатую, яйцеобразную форму и разрисовываются букетами по темно-голубому или темно-малиновому фону. Во-

какія у насъ называются полоскательными; затѣмъ самовары, сундуки съ оковкой, прутовое и полосовое желѣзо, чугунные котлы, папиросы и спички—послѣднія преимущественно двухъ фабрикъ: Ворожцовой въ Ирбитѣ и Гезена и Митчинсона въ Москвѣ. Вывозятся также, хотя и въ меньшемъ сравнительно съ названными товарами количествѣ, наши мануфактурныя издѣлія, въ особенности клѣтчатыя шерстяныя и пеньковыя чалмы, а также чалмы кисейныя, вышитыя по концамъ золотою битью. Тѣ и другія какъ здѣсь, такъ и въ Афганистанѣ очень нравятся и раскупаются предпочтительно предъ прочими привозными издѣліями сего рода, не исключая и англійскихъ. Причина, какъ уже говорилъ я и раньше, заключается въ томъ, что наши фабриканты до сихъ поръ еще умѣютъ болѣе европейскихъ угождать азіятскому вкусу и соображаться съ потребностями тамошняго мусульманина. Насколько это важно, примѣромъ служитъ, между прочимъ, одинъ фактъ, замѣченный еще въ 1840 году Н. Ханыковымъ и не забытый въ Бухарѣ даже до настоящаго времени. Въ то время навезли туда изъ Пешавера чрезъ Месхедъ много шалевыхъ чалмъ и поясовъ англійскаго издѣлія, и именно глазговскихъ фабрикъ, но всѣ эти издѣлія рѣшительно не пошли въ продажу, не смотря на всю свою добротность и красоту, тогда какъ наши клѣтчатыя чалмы раскупались отлично. Въ чемъ же дѣло? А въ томъ, что на глазговскихъ шаляхъ были вышиты птицы; мусульманинъ же, по закону, не можетъ во время молитвы имѣть на себѣ никакихъ изображеній изъ міра животнаго. Съ тѣхъ поръ за нашими клѣтчатыми шалями установилась въ Бухарѣ такая прочная репутація, что въ теченіе слишкомъ сорока лѣтъ ничьи усилія не могли

обще какъ по формѣ, такъ и по исполненію рисунка они довольно изящны и проникаютъ далеко въ глубину Индіи. Можетъ быть случайно, но одинъ изъ подобныхъ экземпляровъ мнѣ довелось встрѣтить въ 1880 году даже въ Сингапурѣ. Помню, тогда я обратилъ на него вниманіе за этотъ прекрасный темно-голубой цвѣтъ, но только въ то время никакъ не думалъ, что предо мной русское произведеніе.

пошатнуть ее. Другой примѣръ, замѣченный тѣмъ же Ханыковымъ, представляетъ нашъ сахаръ въ маленькихъ головкахъ, какія въ самой Россіи вы рѣдко гдѣ встрѣтите, тогда какъ здѣсь ихъ сколько угодно. Дѣло въ томъ, что при достарханѣ подарить почетнаго гостя сахаромъ считается у азіятовъ выраженіемъ, такъ сказать, du haut genre; но дарить кусками отрубленными отъ головы—это уже неприлично; надо дарить цѣлую голову, а это убыточно, въ особенности при здѣшней дороговизнѣ сахара. Наши заводчики смекнули въ чемъ тутъ суть и стали отливать спеціально для Средней Азіи маленькія головки отъ двухъ до пяти фунтовъ — и съ тѣхъ поръ дѣло ихъ даже до сего дня процвѣтаетъ здѣсь отлично. Вся штука въ томъ, чтобы во-время умѣть приноровиться не только къ потребителямъ, но и къ самымъ прихотямъ потребителя.

Афганистанъ по внѣшней торговлѣ отчасти является экономическимъ данникомъ Бухары, такъ какъ ему приходится значительно приплачивать ей за вывозъ. Это обыкновенно въ томъ случаѣ, если верблюдъ, привезшій изъ Кабула въ Бухару акъ-чай или москатели, въ среднемъ количествѣ до 16 пудовъ [1]), нагружается для обратнаго слѣдованія въ Кабулъ такимъ же количествомъ пудовъ шелка, который составляетъ главнѣйшій предметъ вывоза изъ Бухары въ Индію. Для нагляднаго сравненія — вотъ цѣны:

Пудъ привозной кубовой краски обыкновенно стоитъ $6^1/_2$ тиллей (27 р. 30 к. металл.), пудъ акъ-чаю, въ четырехъ 10-ти-фунтовыхъ ящикахъ, 20 тиллей (84 р. металл.). Пудъ бухарскаго сырцоваго шелку отъ 28 до 32 тиллей (117 руб. 60 к. — 134 р. 40 к. металл.), пудъ бухарскаго обработаннаго шелку отъ 40 до 48 тиллей (168 руб.—201 руб. 60 к. металл.).

Стало быть разница въ пользу Бухары на каждомъ пудѣ

[1]) Хорошіе, сильные верблюды, какъ напримѣръ бухарскій нары, подымаютъ отъ 18 до 20 пудовъ клади.

названныхъ товаровъ будетъ: минимальная въ $41^1/_2$ тиллей (174 руб. 30 коп. металл.), а максимальная въ $53^1/_2$ тиллей (222 р. 60 к. металл.). Годовой же грузъ акъ-чая, ввозимаго въ Бухару, подымается на 5,000 верблюдахъ, что̀ составляетъ 80,000 пудовъ, на сумму 6.720,000 р. металл. Для Бухары, изъ которой этотъ продуктъ расходится уже по всей Средней Азіи, не исключая и нашихъ степей, оно конечно выгодно; но нельзя не замѣтить, что англичане, благодаря этому ввозу своего зеленаго чая, съ которымъ вмѣстѣ проникаютъ сюда въ извѣстномъ количествѣ и китайскіе черные чаи, совершенно вытѣснили со средне-азіятскихъ рынковъ русскую чайную торговлю, которая въ старые годы была здѣсь весьма значительна, а теперь если и держится еще кое-какъ въ нашихъ собственныхъ средне-азіятскихъ владѣніяхъ, то только для потребностей мѣстнаго русскаго населенія.

Съ прочими предметами отпускной торговли бухарскіе купцы въ Индію сами не ѣздятъ, а доѣзжаютъ только до Балха или до Мазари-Шерифа, гдѣ ихъ товары принимаютъ уже купцы кабульскіе (преимущественно) и индійскіе.

Индусы (Мультани), живущіе въ Бухарѣ, кромѣ ростовщичества, занимаются еще торговымъ комиссіонерствомъ и оптовою скупкой шелка, хлопка, риса, пшеницы и ячменя, каковые продукты и держатъ въ своихъ складахъ въ ожиданіи неурожайнаго года въ Бухарѣ ли, въ Афганистанѣ или Индіи, и тогда сбываютъ свои запасы по сильно возвышенной цѣнѣ туда, гдѣ въ нихъ оказывается наиболѣе настоятельная потребность. Въ обыкновенное же время, чтобы товаръ излишне не залеживался, они спускаютъ его по нормальной цѣнѣ, освѣжая по мѣрѣ надобности свои склады новыми запасами.

Въ настоящее время, по словамъ Магометъ-Шерифа, особенно много каравановъ идетъ изъ Россіи: каждый день прибываютъ въ Бухару все новыя и новыя ихъ партіи, но привозъ этотъ въ громадномъ большинствѣ случаевъ совершается не русскими, а бухарскими купцами, которые для этого нарочно сами ежегодно ѣздятъ въ Хиву, Оренбургъ, Нижній и

Москву, и съ нихъ, какъ съ мусульманъ, взимается только $2^1/_2$% пошлины, тогда какъ съ немусульманъ 5%.

По возвращеніи отъ Магометъ-Шерифа, мы застали у себя на айванѣ нѣсколько покупщиковъ, желавшихъ пріобрѣсти вещи, полученныя нами въ даръ отъ эмира и его бековъ. Такъ какъ съ заявленіемъ о желаніи сбыть ихъ частный ординарецъ князя обращался къ нашимъ приставамъ еще вчера, то по ихъ докладу Магометъ-Шерифъ прислалъ сегодня къ намъ присяжнаго цѣновщика, по имени Маассума, и съ нимъ нѣсколько чиновниковъ для контроля, а Маассумъ оповѣстилъ подъ рукой о предстоящемъ торгѣ нѣсколькихъ своихъ пріятелей, которые и явились теперь въ роли покупщиковъ. Но всѣ эти господа, не исключая и контролеровъ, настолько оказались въ стачкѣ между собою, что явно гнали со двора всякаго не принадлежащаго къ ихъ компаніи конкуррента изъ базарныхъ купцовъ, узнавшаго стороной о предстоящемъ торгѣ и явившагося сюда безъ приглашенія, помимо Маассума. А такихъ набралось съ десятокъ, и хотя курбаши отгоняли ихъ прочь, но съ помощью всесильнаго селяу (подачки), сунутаго тайкомъ въ руку того или другаго полицейскаго, инымъ изъ нихъ все-таки удавалось проскальзывать къ айвану, гдѣ съ чиновничьею важностью неторопливо шла оцѣнка. Съ одной стороны на подостланныхъ коврикахъ усѣлись полукругомъ покупщики, а напротивъ ихъ частный ординарецъ князя, хорунжій Асланбекъ Карамурзаевъ, съ помощью двухъ княжескихъ джигитовъ, раскладывалъ предъ ними блестящія попоны, бирюзовыя уздечки, кашмирскія шали, свертки дорогихъ матерій, богатые ковры, и сортировалъ по категоріямъ вороха и тюки халатовъ, начиная съ роскошныхъ бархатныхъ рельефно расшитыхъ чистымъ серебромъ и золотомъ и продолжая дивными кашмирскими, затѣмъ просто бархатными, атласными, парчевыми, шаиновыми и наконецъ адрясовыми. Нѣсколько въ сторонѣ, между нимъ и покупщиками сидѣли на корточкахъ цѣновщикъ Маассумъ и чиновники-контролеры,

которые все что-то записывали на листахъ бумаги, положенныхъ къ себѣ на колѣни. Этотъ Маассумъ, длинный и тонкій какъ жердь, съ угловатыми плечами и локтями, съ уклончивымъ, никогда не глядящимъ прямо и жесткимъ взглядомъ маленькихъ глазъ невольно производилъ своею наружностью впечатлѣніе самой продувной бестіи. Каждую развернутую предъ нимъ вещь онъ подозрительно оглядывалъ со всѣхъ сторонъ, перевертывалъ на изнанку, разсматривалъ на свѣтъ, словно въ числѣ этихъ подарковъ могла быть какая нибудь ветошь, и затѣмъ со скромною, почти іезуитскою манерой, тихо и кротко, безапелляціоннымъ тономъ изрекалъ ей оцѣнку, и контролеры тотчасъ же спѣшили записать произнесенный имъ приговоръ. Покупщики же въ это время молчаливо сидѣли, не перемѣняя своихъ позъ да попивая изъ полоскательныхъ чашекъ зеленый чай, выставленный для нихъ нашими приставами, и тихо какъ гипсовые котики поматывали головами, когда Маассумъ объявлялъ цѣну той или другой вещи. Для художника-жанриста это была бы очень характерная и яркая по своимъ краскамъ картинка изъ восточнаго быта. Вся эта комедія тянулась довольно долго, а монотонное теченіе ея на минуту нарушалось оживленнымъ споромъ лишь въ тѣхъ случахъ, когда Асланбекъ, озадаченный черезчуръ уже низкою оцѣнкой какой либо вещи, явно несообразною съ ея достоинствомъ, заявлялъ свой протестъ Маассуму. Въ этихъ случаяхъ покупщики, прикладывая руку къ сердцу, всѣ въ одинъ голосъ начинали божиться и увѣрять, что, напротивъ, оцѣнка эта самая добросовѣстная, даже щедрая, даже гораздо выше рыночной цѣны, да иною и быть не можетъ, потому что въ противномъ случаѣ всѣмъ имъ головы будутъ рѣзать. Къ спору присоединялись наконецъ и сами контролеры, заявляя, что въ ихъ присутствіи не можетъ выйти никакой фальши, такъ какъ они нарочно затѣмъ и сидятъ здѣсь, чтобы записывать цѣны и повѣрять какъ цѣновщика, такъ и покупщиковъ, и что всѣ ихъ записи обязательно должны быть представлены потомъ на просмотръ самому эмиру, который

за малѣйшую неисправность всѣхъ ихъ будетъ казнить безпощадно, всѣмъ головы рѣзать. Одинъ только Маассумъ даже и въ эти минуты оставался невозмутимо спокоенъ, и деревяннымъ своимъ тономъ отчеканивалъ разъ уже сказанную цѣну. Но что всѣ они лгали самымъ безсовѣстнымъ образомъ, въ силу правила, по которому рука руку моетъ, чтобъ обѣ чисты были, въ томъ можно было убѣдиться тутъ же, не уходя съ посольскаго двора, такъ какъ въ это же самое время другіе, такъ сказать, посторонніе покупщики, недопускаемые на айванъ, но успѣвшіе пробраться на конюшій дворъ, предлагали за тѣ же вещи болѣе выгодную цѣну. Такъ напримѣръ, за адрясовые халаты они давали нашимъ казакамъ и джигитамъ по 30 тенговъ за каждый, тогда какъ Маассумъ назначалъ за нихъ только по 24 тенги. Равнымъ образомъ, въ его же оцѣнкѣ, парчевые халаты пошли у Асланбека по двѣнадцати рублей, тогда какъ на базарѣ аршинъ русской парчи стòитъ $2^1/_2$ р. металлическихъ, а идетъ ее на халатъ 12 аршинъ;— значитъ одинъ матеріалъ стòитъ 30 р., не считая адрясовой подкладки, аграманту и проч. Вслѣдствіе этого они оцѣнили Асланбеку вещи всего лишь въ 7,000 руб., тогда какъ дѣйствительную стоимость ихъ надо класть по крайней мѣрѣ въ 15 тысячъ. Понятно, что контролеры могли писать въ своихъ отчетахъ какія имъ угодно цифры, если только отчеты эти дѣйствительно представляются эмиру, какъ понятно и то, что покупщики, получивъ товаръ за столь выгодную цѣну, не оставили, конечно, безъ хорошаго вознагражденія труды Маассума и контролеровъ.

Предлагали было эти господа и мнѣ продать имъ свои вещи, но я поблагодарилъ ихъ, объяснивъ, что моихъ вещей вовсе не такъ много, чтобъ онѣ могли представить собою для покупщиковъ какой либо существенный интересъ. Да и кромѣ того, все что̀ было у меня лучшаго, я еще раньше рѣшилъ оставить у себя, для обстановки своего азіятскаго кабинета, а все излишнее мой Сайфуддинъ продалъ впослѣдствіи, при

подходящемъ случаѣ, частнымъ покупщикамъ, сравнительно за гораздо бо̀льшую цѣну.

Думали мы, что кушъ-беги сегодня отплатитъ намъ визитъ, однако же этого почему-то не случилось.

Вечеромъ приходили къ князю съ заявленіемъ своихъ нуждъ проживающіе въ Бухарѣ русскіе комиссіонеры и прикащики нашихъ купцовъ, но въ чемъ эти нужды—пока еще не знаю.

25 января.

Сегодня утромъ князь сказалъ мнѣ, что ему надо еще переговорить на счетъ телеграфа съ Магометъ-Шерифомъ, но что при этомъ онъ желалъ бы на сей разъ устранить нашего официіальнаго переводчика маіора Байтокова отъ необходимости присутствовать въ своей роли при этомъ свиданіи, долженствующемъ носить совершенно интимный конфиденціальный характеръ, и думаетъ обойтись для экспликацій съ однимъ своимъ частнымъ ординарцемъ. Поэтому князь предложилъ мнѣ ѣхать осматривать достопримѣчательности города и взять съ собою маіора Байтокова, который, кстати, предваренъ уже о томъ, что не поѣдетъ съ княземъ, а отправится со мной. Такъ какъ телеграфный вопросъ, въ особенности послѣ столь категорическаго рѣшенія его самимъ эмиромъ еще въ Шаарѣ, уже не представлялъ (по крайней мѣрѣ для меня) никакого больше интереса, да и не былъ спеціально порученъ мнѣ генералъ-губернаторомъ, то я съ величайшимъ удовольствіемъ воспользовался столь любезно и такъ кстати предоставленною мнѣ возможностью осмотрѣть столицу Бухарскаго ханства.

Выѣхали мы съ маіоромъ въ десять часовъ утра. Сопровождали насъ два эсаулъ-баши, въ качествѣ проводниковъ, да нѣсколько конвойныхъ казаковъ и джигитовъ.

Но прежде, чѣмъ приступлю къ описанію осмотрѣнныхъ нами достопримѣчательностей, мнѣ хотѣлось бы отчасти познакомить читателя съ нѣкоторыми, далеко не безъинтересными свѣдѣніями о судьбахъ этого города. Тутъ будетъ немножко географіи, немножко статистики и кое-что изъ исторіи.

Городъ Бухара лежитъ подъ 39°46′ сѣверной широты, то есть почти на одной параллели съ Неаполемъ, сѣверной Испаніей, Синсинати, Филадельфіей и Пекиномъ. Въ немъ считается 360 улицъ и переулковъ, шириной отъ полутора аршина до трехъ саженъ, и столько же мечетей — по одной на каждую улицу, — такъ по крайней мѣрѣ увѣряютъ бухарцы. Число городскихъ жителей опредѣляется приблизительно въ 70,000 человѣкъ; но судя на-глазъ, по уличному и площадному движенію, надо думать, что ихъ гораздо больше. Я полагаю, что цифра около 100,000 будетъ наиболѣе близкою къ истинѣ [1]). Городъ лежитъ въ сторонѣ отъ Зеравшана, на искусственно проведенномъ изъ этой рѣки каналѣ Шахри-рудъ, который втекаетъ въ его застѣнную часть съ восточной стороны, между Каршинскими и Мазарскими воротами, а вытекаетъ изъ оной у воротъ Талипачъ, на западномъ фасѣ стѣны, раздѣляя городъ на двѣ почти равныя между собою части, сѣверную и южную. Въ чертѣ города ширина Шахри-руда не вездѣ одинакова: гдѣ пять, гдѣ семь саженъ; но за предѣлами стѣнъ онъ уширяется вскорѣ до десяти, а мѣстами до двѣнадцати саженъ, глубина же его вообще не превышаетъ семи футовъ. Не считая питаемыхъ имъ загородныхъ арыковъ, орошающихъ множество окрестныхъ садовъ и плантацій, изъ него въ чертѣ самаго города истекаетъ въ разныхъ направленіяхъ много побочныхъ канавъ и канавокъ, проводящихъ воду въ городскіе пруды (хаузы), которые въ числѣ 83 разсѣяны по разнымъ частямъ и кварталамъ Бухары, преимущественно же въ ближайшемъ сосѣдствѣ нѣкоторыхъ медрессе и мечетей. Но вода впускается въ Шахри-рудъ изъ Зеравшана не постоянно, а лишь по мѣрѣ надобности — зимой не болѣе двухъ, а лѣтомъ четырехъ разъ въ мѣсяцъ для освѣженія хаузовъ и побочныхъ арыковъ [2]). Поэтому вода въ городѣ не только неблагопріятна,

[1]) Относительно собственно застѣннаго города. Пригороды и подгородные кишлаки въ этотъ разсчетъ не входятъ.

[2]) При истокѣ Шахри-руда устроена плотина, отдѣляющая его отъ Зеравшана. Всякій разъ, что надо впустить свѣжую воду, плотину эту про-

но даже прямо вредна для здоровья и служитъ спеціальною причиной ришты, особенной болѣзни, которою страдаютъ мѣстные жители и о которой будетъ сказано ниже. Но, кромѣ плохой воды, на гигіеническія условія городской жизни, вѣроятно, не остается безъ вліянія и то обстоятельство, что здѣсь внутри самаго города находится семнадцать болѣе или менѣе значительныхъ кладбищъ, не считая тѣхъ, что̀ примыкаютъ къ его стѣнамъ съ наружной стороны, и тѣхъ, что̀ разсѣяны въ ближайшихъ окрестностяхъ. Изъ городскихъ кладбищъ наиболѣе замѣчательны Хазряти-Ишани-Имля или царское, находящееся въ ближайшемъ сосѣдствѣ съ нашимъ посольскимъ домомъ, и Аспъ-Гарданъ, неподалеку отъ урды, въ сѣверо-западномъ концѣ города. Послѣднее славится въ особенности тѣмъ, что имѣетъ будто бы свойство исцѣлять больныхъ лошадей; поэтому около него всегда можно встрѣтить нѣсколько убогихъ и хромыхъ клячъ, понуро стоящихъ или водимыхъ за поводъ около могилокъ.

О количествѣ городскихъ базаровъ и караванъ-сараевъ говорилось уже выше, а теперь, чтобы покончить съ городскою статистикой, скажу вкратцѣ, что главныхъ мечетей или такъ называемыхъ месджиди-джумая здѣсь находится 8, медрессе 103, изъ коихъ 60 считаются главными, а начальныхъ школъ или мехтебовъ, говорятъ, будто бы столько же, сколько и мечетей, то есть 360. Наконецъ, общественныхъ бань, которыя считаются лучшими — 16; но съ насъ довольно уже было знакомства и съ шаарскою „лучшею" баней, чтобы не продолжать его съ бухарскими. Вотъ и все, что̀ пока извѣстно намъ о статистикѣ города, а потому перейдемъ къ его исторіи.

У бухарцевъ до сихъ поръ сохранились не только устныя,

капываютъ и затѣмъ, напустивъ воды сколько нужно, тотчасъ же снова забиваютъ хворостомъ и землей. Для присмотра за этими работами и регуляціи орошенія существуетъ особый чиновникъ, мирабъ, въ вѣдѣніи коего находятся нѣсколько помощниковъ и рабочіе люди, содержимые на счетъ правительства.

но и письменныя преданія о томъ, что на мѣстѣ, гдѣ нынѣ стоитъ городъ Бухара, въ древности было большое озеро, широко поросшее вкругъ береговъ камышами. Наршахи въ своей Книгѣ новостей бухарскихъ (Китабъ-и-Абхаръ-и-Бухара), ссылаясь на Хезаинъ Ульгулюмъ (Сокровища Мудрости), сочиненіе Абдуррахмана Нишабури, разсказываетъ, что „площадь, занимаемая нынѣ городомъ Бухарой, была водоемомъ и покрывалась частію камышами, частію лѣсомъ и кустарниками, а въ иныхъ мѣстахъ и верблюдъ не могъ перейти въ бродъ“. Происхожденіе этого водоема Абдуррахманъ Нишабури объясняетъ тѣмъ, что „въ сторонѣ Самарканда (то есть въ восточной) тающіе горные снѣга образовали большую рѣку, которая и находится близъ Самарканда, и ее называли Мазафъ. Воды въ ней было много, и вода эта увлекала съ собою много глины, которая и наполняла котловину названнаго выше водоема, скопляясь въ ней все болѣе и болѣе съ каждымъ наплывомъ весеннихъ водъ, пока наконецъ не заполнила ее всю доверху. Тогда земля выровнялась, и вода высохла, а мѣсто это назвалось Бухарой; рѣка же получила названіе Согда“ (нынѣшній Зеравшанъ). Далѣе Наршахи разсказываетъ, что первые обитатели сихъ мѣстъ были пришедшіе съ запада таджики, которые нашли здѣсь болото, покрытое густыми камышами и служившее логовищемъ для разныхъ дикихъ звѣрей. Эти таджики впервые начали обрабатывать берега названнаго болота, которое въ тѣ времена еще настолько было богато водой, что въ избыткѣ давало ее для орошенія ихъ полей и садовъ. Естественно, что чѣмъ больше проводилось оросительныхъ каналовъ, тѣмъ меньше становился въ котловинѣ запасъ воды, пока наконецъ не осушилось такимъ образомъ все болото, и очень возможно, что озеро Кунджà (Кунджа-куль), еще и донынѣ сохранившееся въ юго-восточныхъ окрестностяхъ Бухары, близъ Каршинской дороги, равно какъ и тѣ камышевые заросли, чтò встрѣчаются тамъ и сямъ въ городскихъ предмѣстьяхъ, въ особенности въ ихъ южной части, суть не иное чтò, какъ остатки того первобытнаго озера, о

которомъ повѣствуютъ Абдуррахманъ Нишабури и Наршахи. Да и самая глинисто-солонцеватая почва города и его окрестностей отнюдь не отвергаетъ, а скорѣе подтверждаетъ справедливость древняго преданія.

Организовавшись въ осѣдлое общество, жители сего мѣста вскорѣ выбрали себѣ изъ своей же среды старѣйшину-правителя (бія), по имени Аберци, который жилъ въ городѣ Бійкендѣ [1]), такъ какъ Бухара въ то время еще не существовала. Построилъ же ее, по преданію, разсказанному у Наршахи, Сіаушъ, сынъ Иранскаго царя Кайкоуса, который, бѣжавъ отъ гнѣва своего отца изъ Ирана за рѣку Джигхунъ (Аму-Дарью), явился къ царю туранскому Афросіабу. Этотъ послѣдній оказалъ ему большой почетъ и даже женилъ его на своей дочери, за которой далъ въ приданое удѣлъ. Желая оставить по себѣ память, Сіаушъ построилъ на территоріи этого удѣла зȁмокъ и городъ, назвавъ его Бухарой. Что касается этимологіи этого слова, то у кара-киргизовъ Бухарой называется простой народъ, чернь; по-монгольски же Бухара значитъ городъ храмовъ [2]).

Древній иранскій религіозный культъ впослѣдствіи уступилъ здѣсь мѣсто зороастризму, который прекрасно уживался въ Средней Азіи съ буддизмомъ, проникшимъ сюда гораздо ранѣе Зороастрова ученія, какъ ужился впослѣдствіи и съ христіанствомъ Несторіанскаго толка. Буддизмъ оказывалъ свое вліяніе на Туранъ еще въ очень раннія эпохи, чтȍ находилось въ прямой зависимости отъ всегдашнихъ сношеній Турана съ Тибетомъ и Китаемъ [3]). Весьма значительная часть

[1]) Бій или бей значитъ старшина, родоправитель, князь, а кендъ — поселеніе, городъ.

[2]) По-монгольски словомъ бухаръ называется всякій буддійскій храмъ и монастырь.

[3]) Эти сношенія, о которыхъ свидѣтельствуетъ Шахнаме (Книга Царей), фактически подтвердились нашими самаркандскими раскопками 1883 года на древнемъ городищѣ Афросіаба: китайскія монеты были находимы нами въ глубокихъ слояхъ первобытныхъ человѣческихъ поселеній этого мѣста.

туранскаго населенія послѣ смерти Кай-Хосру (Кира) уже исповѣдывала буддизмъ [1]). Поэтому очень возможно, что названіе „Бухара“ имѣетъ монголо-буддійское происхожденіе. Весьма вѣроятно, что въ ней было нѣсколько буддійскихъ храмовъ и монастырей (бухаровъ), какъ впослѣдствіи были и христіанскія церкви [2]).

[1]) См. Eranische Alterthumskunde, профессора Фр. Шпигеля, стр. 663.

[2]) Что касается христіанства, то надо сказать, что до покоренія Средней Азіи въ VI вѣкѣ арабами оно дѣлало здѣсь значительные успѣхи. Гонимые изъ Византіи несторіане уходили все далѣе и далѣе на востокъ, проникая до береговъ Окса и Яксарта (Сыръ-Дарьи) и повсюду пріобрѣтая себѣ новыхъ послѣдователей. Въ 334 году по Р. Х. уже существовала архіепископская каѳедра въ Тусѣ и Мервѣ, а съ 420 года Мервъ сдѣлался мѣстомъ постояннаго пребыванія митрополитовъ среднеазійскихъ. Въ Трансоксаніи же центромъ христіанства былъ Самаркандъ, гдѣ, по свидѣтельству сирійскихъ источниковъ, епископія существовала съ 411 года. Есть также свидѣтельства (Косма и Наршахи) о христіанахъ на берегахъ Окса въ VI вѣкѣ нашей эры, и Наршахи между прочимъ разсказываетъ, что арабы, покоривъ городъ Бухару, нашли въ немъ кешкуановъ (кешкуанъ значитъ странникъ) и что люди тѣ были не изъ туземцевъ, равно и не арабскаго происхожденія, а по религіи не принадлежали ни къ магометанству, ни къ огнепоклонству; пришли же они нѣкогда изъ западныхъ странъ и поселились въ Бухарѣ, гдѣ занимались торговлей и пользовались всеобщимъ уваженіемъ. Когда арабскій военачальникъ Кутейбе-бенъ-Муслимъ, по взятіи Бухары, приказалъ мѣстнымъ жителямъ уступить его воинамъ половину своихъ домовъ, то у кешкуанъ велѣлъ онъ отобрать все ихъ городское имущество. Вслѣдствіе этого они выселились за городъ, въ ближайшія его окрестности, и вскорѣ развели тамъ прекрасные сады, настроили себѣ домовъ и кіосковъ, но впослѣдствіи, при окончательномъ изгнаніи ихъ арабами, у нихъ и это имущество было отнято и продано за дорогую цѣну. Въ III вѣкѣ Геджры значительная христіанская община удержалась только близъ Самарканда, въ мало доступныхъ горныхъ гнѣздахъ, среди скалистыхъ ущелій и трущобъ Зардегирда. Но въ восточныхъ частяхъ Туркестана христіане держались еще до конца XIII столѣтія и жили спокойно, не подвергаясь преслѣдованіямъ при владычествѣ буддистовъ-монголовъ. По разсказу Наршахи, въ 279 (892—93) году эмиръ Измаилъ, изъ династіи Саманидовъ, по вступленіи на престолъ, въ знакъ благодарности халифу Багдадскому за утвержденіе его въ санѣ эмира, предпринялъ священную войну противъ христіанскаго Таваза, ко-

Въ самый раннiй перiодъ исторической жизни Бухары мы уже встрѣчаемъ тамъ женщину на политическомъ поприщѣ, въ роли правительницы. По словамъ Наршахи, то была вдова владѣтельнаго князя бухарскаго Бендуна, по имени Хатунъ, правившая сначала за малолѣтствомъ своего сына, а потомъ и послѣ его совершеннолѣтiя. Наршахи разсказываетъ о ея необыкновенной красотѣ, мудрости, правосудiи и великолѣпiи ея двора. Правленiе ея продолжалось болѣе пятидесяти лѣтъ и было ознаменовано первымъ появленiемъ въ ея государствѣ завоевателей-арабовъ, съ которыми она вела продолжительную войну, пока наконецъ эти пришельцы не сломили упорное сопротивленiе бухарцевъ. Этою женщиной оканчивается фактическое господство первыхъ династiй Бухары: слѣдовавшiе за нею князья получали отъ магометанскихъ завоевателей только титулъ, но не власть правителей. Насильственно обращенные въ исламъ, они придерживались его только наружно, а втайнѣ продолжали исповѣдывать прежнюю свою зороастрическую религiю. Долго не прививался насильственно внѣдряемый исламъ къ Центральной Азiи и вначалѣ повсюду былъ встрѣченъ въ ней крайнею непрiязнью. Долго не поддавалась и Бухара религiозной пропагандѣ арабовъ. Четыре раза склоняясь предъ силой вторгавшихся въ нее завоевателей,

торый лежалъ на сѣверной границѣ его царства, гдѣ находится городъ Хазряти-Туркестанъ — нынѣ нашъ уѣздный городъ. Покоривъ его, Измаилъ обратилъ въ мечеть его большую церковь, существующую и понынѣ. Послѣ того, еще въ X — XI вѣкѣ между югурами (тюркское племя), жившими въ окрестностяхъ города Туркестана, было много христiанъ. Тюркскiя племена найманъ и канглы также исповѣдывали христiанство, о чемъ находятся положительныя свидѣтельства у Джувейни въ его сочиненiи Джиганкушъ, и были они христiанами еще въ 1338 году; но рядъ религiозныхъ войнъ повелъ къ насильственному обращенiю ихъ въ мусульманство и съ теченiемъ времени истребилъ всѣ корни христiанства въ Средней Азiи. Въ Ташкентскомъ музеѣ находится нѣсколько предметовъ, и въ томъ числѣ одна мечеть, съ христiанскими изображенiями, крестами и т. п., найденныхъ близъ Самарканда, Исыкъ-Куля и въ другихъ мѣстностяхъ.

она каждый разъ по внѣшности подчинялась ихъ религіи, но затѣмъ при первой малѣйшей возможности отпадала отъ нея и возвращалась къ древнему огнепоклонству. Даже и послѣ четвертаго разгрома войсками Кутейбе-бенъ-Муслима въ 91 г. Геджры (709 по Р. Х.) населеніе Бухары, опять насильственно обращенное въ исламъ, тѣмъ съ бо̀льшимъ усердіемъ продолжало собираться для служенія древнему своему культу по ночамъ, въ глухихъ мѣстахъ, въ тайникахъ и подземельяхъ. Въ Бухарѣ даже и по сей день существуетъ подземный храмъ, сохранившій еще отъ тѣхъ временъ названіе мечети огнепоклонниковъ — месджиди Моганъ. Борьба двухъ культовъ была упорна и продолжительна. Въ теченіе нѣсколькихъ десятилѣтій поселившіеся въ Бухарѣ арабы не могли показываться на улицахъ и въ мечетяхъ иначе, какъ въ полномъ вооруженіи, въ полной готовности къ бою, не смотря на то, что туземцы съ самаго начала были поголовно обезоружены побѣдителями и долго еще послѣ своего обращенія въ магометанство не смѣли ни носить, ни хранить у себя дома никакого оружія. Тѣмъ не менѣе между арабами и новообращенными бухарцами безпрестанно происходили кровавыя уличныя драки и жаркія схватки, пока наконецъ завоеватели не отняли у туземцевъ всю ихъ недвижимую собственность и не подѣлили весь городъ съ его окрестностями между собою. Тогда-то были обращены въ мечети и подземный храмъ огнепоклонниковъ, и христіанская церковь въ загородной части Бухары. Такъ же было поступлено и съ Самаркандомъ.

Послѣ четвертаго разгрома Бухары, политическія и религіозныя замѣшательства въ ней во время господства арабовъ длились еще болѣе полутора столѣтія. Но наконецъ исламъ одолѣлъ, и вотъ, при эмирѣ Измаилѣ, человѣкѣ иранскаго происхожденія, изъ династіи Саманидовъ [1]), мы уже видимъ Бухару „благороднѣйшею опорой ислама", хотя и не въ араб-

[1]) Умеръ въ 295 (907) году, на 61 году жизни, послѣ 34-хъ-лѣтняго правленія.

скомъ, а въ иранскомъ духѣ, все-таки сохранившемъ въ себѣ живую струю зороастрическаго міросозерцанія. Въ эпоху Измаила Бухара сдѣлалась центромъ духовныхъ стремленій и дѣйствій, одушевлявшихъ тогда восточную часть магометанскаго міра. Древнюю свою репутацію „столицы наукъ" она сохранила за собою и въ это время, но дѣятельность ея ученыхъ была теперь направлена преимущественно въ теософическую сторону, въ силу чего городъ не только прославился своими религіозными знаменитостями, но и сдѣлался предметомъ зависти для прочихъ центровъ ислама, какъ въ центральной, такъ и въ западной Азіи, а гробницы этихъ знаменитостей еще и теперь составляютъ въ Бухарѣ предметъ всеобщаго почитанія[1]). Эмиръ Измаилъ предпочелъ Бухару Самарканду и сдѣлалъ ее своею столицей именно за ея „святость". По свидѣтельству его историковъ, онъ привлекалъ къ себѣ ученыхъ даже изъ отдаленнѣйшихъ мусульманскихъ странъ и щедро оплачивалъ ихъ труды, предоставляя имъ полныя удобства къ занятіямъ въ роскошно построенныхъ медрессе и кира-хане (читальныхъ залахъ). Иранскій языкъ, подвергавшійся въ теченіе болѣе двухсотъ лѣтъ преслѣдованіямъ со стороны арабовъ, при Измаилѣ сталъ опять развиваться, очищаясь отъ примѣси арабскихъ словъ и оборотовъ рѣчи, и наконецъ достигъ полнаго блеска въ произведеніяхъ Фирдуси. Количество медрессе въ городѣ Бухарѣ при эмирѣ Измаилѣ было больше, чѣмъ во всѣхъ остальныхъ городахъ Средней Азіи, а изъ числа его сооруженій въ томъ же городѣ его историки называютъ дворецъ на регистанѣ, который хотя и существовалъ на томъ же мѣстѣ и въ домагометанскій періодъ, но Измаилъ значительно его расширилъ и украсилъ. Затѣмъ онъ же построилъ Сараи-Моліанъ, роскошный дворецъ съ садами, цвѣтниками и фонтанами, на берегу канала того же имени. Кромѣ того, онъ много забо-

[1]) Въ Бухарѣ и ея окрестностяхъ покоятся нѣсколько сотъ святыхъ, исчисленныхъ въ книгѣ Цихри-Улема-и-Бухара, изъ коихъ большая часть жила во время правленія Саманидовъ.

тился о водопроводахъ, и въ его время Шахри-рудъ былъ выложенъ камнемъ, но нынѣ отъ этой каменной облицовки уже и слѣдовъ не осталось.

Въ 615 (1218) году монгольскія полчища Чингисъ-хана изъ глубины Гобійской степи наводнили собою многія мусульманскія страны Средней Азіи, а годъ и нѣсколько мѣсяцевъ спустя дошла очередь и до Бухары. Причиной этого нашествія было то, что Султанъ-Магометъ, властитель Бухары, спьяну велѣлъ казнить 490 монгольскихъ купцовъ, заподозривъ въ нихъ соглядатаевъ Чингисъ-хана, а затѣмъ казнилъ и посла, отправленнаго къ нему Чингисомъ спеціально для разъясненія этого дѣла.

Чингисъ подошелъ къ городу въ первые три дня могаррема [1]) 617 (1220) года и расположился станомъ подъ его стѣнами. Бухара, располагавшая всего лишь 20,000 воиновъ, рѣшилась защищаться, но вылазка бухарскаго гарнизона окончилась такимъ пораженіемъ, что лишь немногимъ удалось вернуться въ городъ. Тогда устрашенные обыватели отправили къ Чингису почетныхъ лицъ молить его о пощадѣ, и монгольскій джигангиръ [2]) въ сопровожденіи ихъ торжественно вступилъ въ городъ. Здѣсь прежде всего обратилъ онъ вниманіе на великолѣпное зданіе большой соборной мечети, построенной еще эмиромъ Измаиломъ, и спросилъ, не дворецъ ли это хана. Ему отвѣчали, что это „домъ Божій“. Тогда Чингисъ сошелъ съ лошади, поднялся на паперть и возгласилъ оттуда сопровождавшимъ его монгольскимъ полкамъ: „Лугъ скошенъ, кормите вашихъ коней!“ Эти слова были какъ бы сигналомъ къ неистовой рѣзнѣ и грабежу всего, что̀ нашлось въ городѣ. Историки этого погрома, Джувейни, Ибнъ-уль-Атгиръ и другіе изображаютъ его яркими и ужасными красками. „Не только всѣ дома и всѣ сундуки были разбиты и похищены изъ нихъ всѣ сокровища, говоритъ Джувейни, но

[1]) Мѣсяцъ Могарремъ, съ котораго начинается новый годъ мусульманъ.

[2]) Джигангиръ — всемірный завоеватель, міропотрясатель.

не были пощажены даже священные предметы, ни по виду, ни по достоинству своему не представлявшіе рѣшительно никакой цѣнности въ глазахъ грабителей. Такъ, кораны были изорваны и разбросаны подъ ноги вьючнымъ животнымъ вмѣсто подстилки, а лари, въ коихъ хранились священныя книги, обращены въ ясли для корма лошадей. Самые почтенные шейхи и муллы, свѣтила мудрости и учености, должны были прислуживать бражничавшимъ ратникамъ въ качествѣ шербетъ-бярдаровъ [1]) и убирать за ихъ ишаками, какъ конюхи". Пробывъ въ городѣ нѣсколько часовъ, Чингисъ выѣхалъ на Мосаллу, открытую загородную площадь, служившую для общественныхъ молитвъ, куда уже заранѣе было согнано все городское населеніе, и велѣлъ представить себѣ самыхъ знатныхъ и богатыхъ обывателей, которыхъ набралось здѣсь 280 человѣкъ и въ томъ числѣ 90 иноземныхъ купцовъ. Обратясь къ нимъ, онъ сказалъ: „Знайте, люди, что вы совершили тяжкіе грѣхи, въ которыхъ болѣе всѣхъ виноваты ваши правители" (намекъ на Султанъ-Магомета). „Вы недоумѣваете, кто это такъ говоритъ съ вами? Такъ знайте же, что я — бичъ Божій. Не согрѣши вы, Богъ не послалъ бы меня для своей кары надъ вами". Приставивъ къ выборнымъ города охранную стражу, Чингисъ занялся при ихъ посредствѣ приведеніемъ въ извѣстность земельныхъ участковъ и количества получаемыхъ съ нихъ доходовъ. А тѣмъ временемъ остатки войскъ Султанъ-Магомета, скрывавшіеся въ урдѣ, еще не взятой приступомъ, не переставали тревожить его станъ мелкими ночными нападеніями. Чингисъ потребовалъ ихъ выдачи, чего выборные, конечно, не могли исполнить, тѣмъ болѣе, что населеніе оказывало своимъ войскамъ тайную поддержку. Тогда Чингисъ велѣлъ сжечь городъ и разрушить до основанія его стѣны. Нѣсколько дней горѣла Бухара, пока вся не обратилась въ груду мусора, а гарнизонъ въ урдѣ все еще не сдавался. Монголы нѣсколько разъ пытались было

[1]) Шербетъ-бярдаръ — мундшенкъ, виночерпій.

брать ее приступомъ и заставляли горожанъ-бухарцевъ лѣзть впереди себя на штурмовыя лѣстницы, но гарнизонъ продолжалъ держаться. Наконецъ цитадель была взята только тогда, когда трупы людей и животныхъ, заполнивъ ровъ, образовали собою какъ бы гору, примкнутую къ стѣнѣ, и по этой-то горѣ поднялись на верхъ стѣны безчисленныя толпы монгольскихъ ратниковъ. Гарнизонъ весь былъ вырѣзанъ, и вмѣстѣ съ нимъ та же участь постигла и 30,000 горожанъ, казненныхъ чрезъ палача на площади, а остальные, безъ различія званія, кромѣ стариковъ и слабосильныхъ, были уведены въ неволю и разсѣяны въ разныя стороны. Ибнъ-уль-Атгиръ повѣствуетъ, что „въ тотъ ужасный день только и слышались стоны и вопли мужей, женъ и дѣтей, разлучаемыхъ навѣки. Монголы насиловали женщинъ и дѣвицъ предъ глазами ихъ мужей, отцовъ и братьевъ, которымъ въ ихъ безсиліи оставались оружіемъ однѣ слезы, и многіе изъ такихъ, предпочитая смерть столь возмутительному зрѣлищу, бросались на оскорбителей и погибали въ неравной борьбѣ“.

Послѣ Бухары та же участь постигла и Самаркандъ, который, такъ же какъ и цитадель его, былъ сравненъ съ землей а жители, лишенные всего имущества, уведены въ рабство. Словомъ, всѣ цвѣтущіе города Средней Азіи были обезлюжены и обращены въ груды развалинъ. Трансоксанія обращена въ одну изъ провинцій громадной Монгольской имперіи подъ именемъ Чагатайскаго ханата, и властвовать въ ней остался родъ Чагатая, втораго сына Чингисова, династія котораго продержалась съ небольшимъ перерывомъ на бухарскомъ престолѣ до самаго появленія на политическомъ поприщѣ Тимурленка.

Чагатай всячески старался возстановить благосостояніе разгромленной страны и строго правилъ въ духѣ справедливости и равноправія всѣхъ религій и народностей своего государства. Онъ ввелъ умѣренную поголовную подать отъ одной до семи тенговъ, смотря по состоянію плательщика, за исключеніемъ духовенства всѣхъ религій, которое было

освобождено отъ всякой подати. Вслѣдствіе такого направленія внутренней политики, жизнь въ Бухарѣ вскорѣ вошла въ свою прежнюю колею, и на пожарищахъ воздвигались новыя постройки, а въ 632 (1234) году, спустя четырнадцать лѣтъ послѣ разгрома, уже до тысячи человѣкъ шагирдовъ (студентовъ) учились въ медрессе, учрежденныхъ Мессудъ-бекомъ и Серкути-бекомъ. „Но, замѣчаетъ Вамбери, уже не существовало въ нихъ прежнихъ свѣтилъ науки, профессоровъ, либо разогнанныхъ, либо перебитыхъ во время общихъ избіеній, либо угнанныхъ на чужбину, да и книгохранилища прежнія были уничтожены. Вмѣсто живой науки воскресъ ея призракъ въ видѣ казуистики“.

Такъ какъ восточная часть тюркскихъ племенъ явилась союзницей монголовъ въ ихъ нашествіи на культурныя страны Средней Азіи, то съ тѣхъ поръ вообще туранскій элементъ въ этихъ странахъ начинаетъ преобладать надъ иранскимъ. Пока потомки Чингисъ-хана обладали дѣйствительною силой, тюрки или узбеки были ихъ покорнѣйшими слугами; но какъ только началось паденіе Чингисидовъ, они вездѣ старались занять мѣсто своихъ прежнихъ господъ. Такимъ образомъ, когда монархія Чагатая распалась на части, то на югѣ ея, а именно въ Кешѣ и Нахшебѣ (Шахрисебсъ и Карши), возникло независимое владѣніе подъ властью узбекскаго дома Бырласъ, отъ одной изъ вѣтвей котораго произошелъ въ 736 (1333) году Тимуръ-бекъ, впослѣдствіи названный Тимурленкомъ, знаменитый джигангиръ (завоеватель міра), равнаго коему, кромѣ Чингисъ-хана, не знаетъ исторія Средней Азіи.

При Тимурѣ городъ Бухара не игралъ никакой выдающейся политической роли, такъ какъ любимѣйшимъ мѣстопребываніемъ джигангира сдѣлался поэтическій Самаркандъ, украшенный имъ дивными произведеніями зодчества; но блескъ его щедрости и великолѣпія тѣмъ не менѣе падалъ и на оставленную столицу. Извѣстно, что самою дорогою частью добычи въ каждой покоренной странѣ Тимуръ считалъ ея

зодчихъ, художниковъ, ученыхъ и искусныхъ ремесленниковъ, которыхъ переселялъ къ себѣ въ Самаркандъ и поощрялъ ихъ дѣятельность царски щедрою рукой. Поэтому, въ блестящій періодъ его царствованія развилась такая роскошь въ сооруженіи религіозныхъ, благотворительныхъ и ученыхъ учрежденій, что ея слѣды и понынѣ останавливаютъ на себѣ вниманіе, какъ въ Самаркандѣ, такъ и въ Бухарѣ. Тимуръ самъ подавалъ тому первый примѣръ, а отдѣльные члены его семейства, равно какъ визири и прочіе богачи, соперничали между собою въ устройствѣ и обезпеченіи цѣнными вакуфами своихъ медрессе, читальныхъ домовъ, больницъ и мечетей. Изъ наслѣдниковъ Тимура болѣе другихъ замѣчателенъ былъ въ этомъ отношеніи его внукъ Улугъ-бекъ, сынъ Шахрухъ-Мирзы, который въ благородномъ стремленіи къ просвѣщенію превзошелъ своего отца и дѣда. Это онъ создалъ въ Самаркандѣ знаменитую въ свое время обсерваторію и составилъ въ 841 (1437) году Кюрекенскія астрономическія таблицы, исправившія времясчисленіе Птоломея, а самаркандская и бухарская медрессе, носящія его имя, до сихъ поръ остаются великолѣпными памятниками его щедрости и эстетическаго вкуса. Время его довольно продолжительнаго правленія считается въ Средней Азіи золотымъ вѣкомъ Тимуридовъ и сравнивается только съ эпохой великаго Саманида Измаила. Вообще, потомки Тимура унаслѣдовали отъ него не военный талантъ, а его вкусъ и склонность къ изящному, вслѣдствіе чего при Тимуридахъ вновь процвѣли мусульманское искусство и наука. Цѣлый рядъ грамматиковъ той эпохи установилъ грамматическія и синтаксическія правила узбекскаго языка, изложенныя въ учебникахъ, по которымъ и нынѣ учатся въ школахъ многихъ мусульманскихъ странъ. Законовѣды и богословы того времени установили не только многія изъ обрядовыхъ и догматическихъ особенностей средне-азіятскаго ислама, но своими толкованіями привели въ ясность и законченный видъ многіе юридическіе тезисы Шаріата. Исторія, астрономія, математика и поэзія этой эпохи пред-

ставляютъ цѣлый рядъ именъ, пользующихся и теперь знаменитостью не только въ мусульманскомъ, но и въ европейскомъ ученомъ мірѣ [1]). Изъ искусствъ, кромѣ зодчества, въ особенности процвѣтали каллиграфія и рисованіе. Лучшія композиціи настѣнныхъ мозаикъ и изваяній, равно какъ лучшіе иниціалы, заголовки и виньетки, встрѣчаемые въ мусульманскихъ книгахъ, относятся къ этому періоду. Тимуриды хотя и были ревностными суннитами, но не стѣснялись снабжать свои книги цвѣтными иллюстраціями и украшали многія изъ своихъ зданій картинами альфреско, на которыхъ были изображены не только арабески и неодушевленные предметы, но и портреты знаменитыхъ правителей, полководцевъ и даже святыхъ [2]). И если Бухара, какъ уже сказано, не

[1]) Таковы, между прочими, улема Тефцани — знаменитый какъ богословъ, правовѣдъ, грамматикъ и экзегетъ; Ахметъ Кермани — авторъ „Тимуръ-намеха“ (исторіи Тимура); Джезери — составитель самаго полнаго арабскаго лексикона; Мевлана Муайинъ изъ Ферраха — біографъ Магомета и „главный столпъ Ислама“; Шерифъ-эддинъ — біографъ Тимура и Абдуръ-Ресзакъ — историкъ династіи Тимуридовъ; Джами и Васифъ — географы и этнографы, въ особенности Индіи и Китая; Гелали — авторъ поэмы „Шахъ у Дервишъ“ (Царь и Нищій), Миръ-Али-Ширъ — авторъ „Меджалисъ энъ Нефаисъ“ (изящныя собранія), поэтъ Ходжа Исметъ-Бухари и мн. др. Кромѣ того, въ самой фамиліи Тимуридовъ было немало писателей, каковы, напримѣръ, поэтъ Шахрухъ-Мирза, Халиль-Мирза, султанъ Искандеръ Ширази, Сиди-Ахметъ-Мирза, сынъ Мираншаха, авторъ „Дивана“ (собранія) стихотвореній и поэмъ подъ заглавіемъ „Летафетъ-намехъ“ (книга прелестей), и наконецъ Баберъ-Мирза, основатель династіи Могола въ Индіи и авторъ знаменитыхъ Записокъ о своемъ времени.

[2]) Султанъ Баберъ-Мирза въ своихъ Запискахъ („Баберъ-намехъ“) разсказываетъ, что султанъ Эбусаидъ велѣлъ украсить дворецъ Баберъ-Мирзы скульптурами, а стѣны его росписать изображеніями разныхъ сраженій. Героическая поэма Мегмедъ-Салиха „Шейбани-намехъ“ была покрыта прекрасными цвѣтными изображеніями сраженій, осадъ и пиршествъ. Въ числѣ самаркандскихъ построекъ Улугъ-бека Султанъ-Баберъ называетъ павильонъ тронной залы, Керенюшъ-ханà, построенный изъ большихъ мраморныхъ плитъ. Въ саду этого зданія находилась картинная галлерея, Чини-хане, стѣны которой были покрыты живописью альфреско, произведеніями художниковъ нарочно выписанныхъ изъ Китая.

играла при Тимурѣ политической роли какъ столица, за то въ его же эпоху она славилась на Востокѣ какъ знаменитѣйшая школа живописи, и эта слава удержалась за нею и при его преемникахъ. Исторія того времени сохранила намъ имена знаменитыхъ живописцевъ Бехзаде и Шахъ-Музаффара, каллиграфа Султанъ-Али, архитекторовъ Мегмедъ Себса и Кавамъ-Эддина. Музыканты и композиторы того времени тоже были въ немаломъ почетѣ, такъ какъ придворныя пиршества не обходились безъ музыки, пѣнія и танцевъ. По свидѣтельству Султанъ-Бабера, въ особенности пользовались извѣстностью Ходжа-Абдуллахъ-Мурваридъ, Куль-Магометъ-Уди, Хуссейнъ-Уди и Шейхъ-Нейи, изъ коихъ одни отличались игрой на арфѣ, другіе на гусляхъ, третьи на гитарѣ, а Миръ-Шади, Миръ-Газу и Гуламъ были извѣстны какъ композиторы. Въ качествѣ же танцовщика и балетмейстера отличался Сеидъ-Бедръ, сочинившій много новыхъ танцевъ, изъ которыхъ „герати" остается въ Бухарѣ и до нашего времени однимъ изъ самыхъ любимыхъ.

Произведеніями зодчества послѣ Тимура въ особенности были богаты правленія Шахрухъ-Мирзы, Улугъ-бека, Эбусаида и Мирзы Хуссейна, которые и въ Бухарѣ оставили по себѣ память нѣсколькими капитальными зданіями. Но—увы!—безпрерывныя междуусобныя войны, эта вѣчная исторія захвата власти побочными родичами у законныхъ наслѣдниковъ, вѣчная борьба изъ-за власти, сопряженная съ преступленіями, казнями, рѣзней и разрушеніемъ, и въ то же время безпрестанные набѣги дикихъ узбекскихъ ордъ и непремѣнно сопровождавшіе ихъ разгромы цѣлыхъ областей мало-по-малу снесли съ лица земли бо́льшую часть этихъ величественныхъ

Къ сожалѣнію, она безслѣдно погибла во время одного изъ набѣговъ на Самаркандъ дикихъ узбекскихъ ордъ, когда, какъ разсказываетъ Абдуръ-Ресзакъ, „мозаичныя картины, выписанныя изъ Китая, были вдребезги раздроблены дубинами узбековъ и сбиты со стѣнъ Чини-хане; богатая позолота ея залъ была сцарапана и произведенія искусства многихъ лѣтъ уничтожены въ нѣсколько часовъ".

и изящныхъ зданій, такъ что теперь лишь по ихъ рисункамъ да по немногимъ кое-гдѣ уцѣлѣвшимъ образцамъ еще можемъ мы судить о величіи и изящномъ вкусѣ той зиждительной въ культурномъ смыслѣ эпохи. Въ концѣ концовъ эти братоубійственныя войны повели къ тому, что ханъ Шейбани-Мегметъ, чингисидъ изъ рода Джюджи, нахлынулъ съ ордой своихъ отважныхъ узбекскихъ наѣздниковъ на раздробленную и обезсиленную страну, овладѣлъ въ 905 (1499) году Самаркандомъ и положилъ конецъ господству Тимуридовъ, истребивъ за одно ужъ и всѣхъ приверженцевъ ихъ династіи. Такимъ образомъ власть перешла къ династіи Шейбанидовъ, которые для того, чтобъ истребить въ народной памяти всѣ преданія эпохи Тимура и его преемниковъ, снова перенесли столицу государства въ Бухару и отвергли обрядъ возсѣданія при вступленіи на престолъ на самаркандскомъ кокъташѣ [1]).

Изъ династіи Шейбанидовъ самымъ замѣчательнымъ и даже великимъ государемъ былъ знаменитый Абдуллахъ-ханъ благодѣтель своего народа [2]). Несмотря на частыя войны, которыя онъ вынужденъ былъ вести, у него находилось достаточно времени, чтобы заниматься и внутренними дѣлами страны, ея благоустройствомъ. Имя сего государя уже неоднократно приходилось мнѣ упоминать, такъ какъ о немъ и доселѣ свидѣтельствуютъ повсюду разбросанныя его постройки — мосты, цистерны, великолѣпные рабаты, базары, караванъ-сараи, медрессе, горныя дороги и прочія сооруженія для общаго блага и пользы. Вамбери приводитъ о немъ слѣдующее, весьма характеристическое преданіе: однажды спросили у архитектора этого государя, какъ велико число зданій, которыя онъ построилъ по повелѣнію Абдуллаха. Тотъ отвѣ-

[1]) Обрядъ этотъ въ прежнемъ своемъ значеніи при церемоніи вступленія на царство былъ возстановленъ только при Аштарханидахъ (1597—1680). Нынѣшній эмиръ былъ послѣднимъ изъ хановъ Бухарскихъ, которому довелось исполнить эту церемонію.

[2]) Родился въ 940 (1538), скончался въ 1006 (1597) году.

чалъ, что число медрессе, мечетей, хаузовъ, бань, больницъ, караванъ-сараевъ, цистернъ и мостовъ простирается до 1,001, хотя въ то время протекла еще только половина его царствованія. Эти многочисленныя постройки мулла Мушфики снабжалъ подобающими надписями въ стихахъ, которыя кое-гдѣ и доселѣ еще красуются на карнизахъ и фронтонахъ. Изъ построекъ его времени собственно въ Бухарѣ сохранилась, во-первыхъ, медрессе его имени, потомъ большая мечеть Миръ-Арабъ, медрессе Кукольташъ, базары и тимы его же имени, и при немъ же реставрированъ бывшій подземный храмъ огнепоклонниковъ.

Сто-сорокалѣтній періодъ правленія Аштарханидовъ [1]) былъ уже временемъ упадка. При нихъ погасъ и послѣдній лучъ того блеска и политическаго величія, въ какомъ являлась Трансоксанія при Тимуридахъ, и того народнаго благосостоянія, какимъ отличалась она въ правленіе Абдуллахъ-хана. Архитектурнымъ памятникомъ той эпохи являются мечеть и медрессе, построенныя въ Бухарѣ въ 1020 (1611) году богачемъ Насромъ Диванъ-беги на берегу Шахри-руда; но эти постройки уже не отличаются изяществомъ прежняго стиля.

Что до династіи Мангытъ, то о ней я говорилъ уже раньше по поводу „государственной экономіи", своеобразно понятой эмиромъ Маассумомъ, и потому нѣтъ надобности возвращаться къ ней снова.

[1]) Съ 1597 по 1737 годъ.

VIII.

Въ Бухарѣ.

Осмотръ городскихъ достопримѣчательностей.—Царское кладбище.—Медрессе Заргерянъ и Иръ-Назаръ (императрицы Екатерины II).—Начальная школа (мехтебъ).—Мечети: Баляндъ, Миръ-Арабъ и Калянъ.—Столбъ Манари-Калянъ.—Кварталъ прокаженныхъ и болѣзни, свойственныя Бухарѣ.—Чего намъ показать не хотѣли.—Отношенія къ русскимъ бухарскихъ чиновниковъ и завѣтное желаніе проживающихъ тутъ русско-подданныхъ.—Прощальный визитъ.

Итакъ, на осмотръ города выѣхали мы съ маіоромъ Байтоковымъ въ десять часовъ утра.

Въ сосѣдствѣ съ посольскимъ дворомъ находится Хазрятя-Ишани-Имля, царское кладбище [1]. Въ противность самаркандскому Шахи-Зинда, оно вовсе не блещетъ своими мавзолеями, а представляетъ лишь тѣсные ряды двускатныхъ гробницъ обыкновенной узбекской формы, оштукатуренныхъ алебастромъ. Камень, вдѣланный въ головную часть гробницы, гласитъ объ имени и годѣ кончины погребеннаго подъ нимъ человѣка, съ прибавленіемъ какого нибудь стиха изъ Корана или, иногда, стихотворной эпитафіи. А у многихъ даже и этого нѣтъ. У нѣкоторыхъ могилъ сложены въ изголовьи рога мараловъ, туровъ и сайгаковъ, а то и просто бараньи; кое-гдѣ торчатъ высокіе шесты съ тряпицами или конскими хвостами надъ

[1]) По плану приложенному къ сочиненію Н. Ханыкова Описаніе Бухарскаго ханства (Спб. изд. 1843), въ данной мѣстности показано кладбище Гуристани Джубаръ; но наши пристава утверждаютъ, что это не Джубаръ, а Ишани-Имля.

гробницами особенно прославившихся благочестивыхъ мужей, да вотъ и все. По правдѣ сказать, мы ожидали отъ царскаго кладбища гораздо больше изящества и поэтичности. Хоть бы развѣсистые платаны и вязы осѣняли мѣстами эти могилы, такъ и того нѣтъ: просто площадка, обнесенная кое-гдѣ полуразрушенною стѣнкой и довольно скудно обсаженная вдоль этой стѣнки ветлами и тутами.

Наши пристава предложили намъ осмотрѣть медрессе Заргерянъ и Иръ-Назаръ, послѣднюю потому, что она была основана на деньги, пожертвованныя императрицею Екатериной II; Заргерянъ же могъ дать намъ съ наивыгоднѣйшей стороны понятіе о лучшихъ медрессе Бухары, такъ какъ многія изъ нихъ построены по его образцу. Начали съ Заргеряна. Это дѣйствительно величественное двухъэтажное зданіе съ высокимъ порталомъ (пишъ-такъ) и двумя минаретами по угламъ передняго фасада. Въ глубинѣ портальной арки, подъ ея стрѣльчатымъ сводомъ красуются нѣсколько стрѣльчатыхъ нишъ-балконовъ съ узорчатыми балюстрадами. По переднему фасаду—шесть широкихъ нишеобразныхъ стрѣльчатыхъ оконъ, по три съ каждой стороны, вправо и влѣво отъ портала. Все это роскошно покрыто узорчатыми изразцами, мозаикой и вязевыми надписями. Узкая площадка, на которую выходитъ передній фасъ этого зданія, тѣсно заставлена верблюдами и ишаками, навьюченными топливомъ, въ видѣ хвороста, вязанокъ степнаго бурьяна и колючки, тонкихъ таловыхъ и урюковыхъ полѣшекъ. Здѣсь главный изъ дровяныхъ базаровъ города, и пробраться сквозь всю эту вьючную силу было не легко: прилегшіе на землю верблюды, понукаемые своими тюячами, которыхъ, въ свою очередь, понукали наши пристава, весьма неохотно подымались на ноги, и неудовольствіе свое выражали то жалобными стонами, то озлобленнымъ ревомъ, а для ишаковъ не было иного средства кромѣ пинковъ и тычковъ, разсыпаемыхъ направо и налѣво нашими усердными путеводителями. Но вотъ мы поднялись на паперть и здѣсь неожиданно встрѣтились съ новымъ препятствіемъ:

порталъ во всю ширину свою былъ загороженъ высокимъ барьеромъ, въ видѣ толстаго бревна, утвержденнаго на двухъ стойкахъ, а по сю сторону его тѣснились на паперти ишаки, нагруженные колючкой. Пришлось опять протискиваться между ослами и затѣмъ подлѣзать подъ барьеръ, такъ какъ по своей высотѣ онъ не представлялъ иного способа перелаза. Тяжелъ, какъ видно, доступъ во святилище мусульманской науки и исполненъ живыхъ и мертвыхъ препятствій, но мы самоотверженно преодолѣли ихъ и очутились наконецъ во внутренней галереѣ зданія, предъ большимъ окномъ, находящимся противъ входной двери и открывающимъ видъ на внутренній дворъ медрессе. Окно это снабжено чугунною рѣшеткой очень красиваго восточнаго рисунка, которую въ лѣтнее время обвиваютъ побѣги винограда.

Внутренній дворъ представляетъ собою мощеную квадратную площадку съ выложеннымъ плитой мелкимъ бассейномъ посрединѣ, который теперь былъ сухъ, но по веснѣ, съ наступленіемъ жаровъ, вѣроятно наполняется проточною водой. По краямъ бассейна и кое-гдѣ около стѣнъ площадка была обсажена нѣсколькими деревьями и виноградомъ, побѣги коего мѣстами поднимались на стѣны и свѣшивались съ балконовъ. Дворъ со всѣхъ сторонъ замыкается высокими стѣнами каменнаго зданія, которыя ограждены двумя этажами высокихъ и глубокихъ нишъ, огражденныхъ въ видѣ балкончиковъ сквозными деревянными и желѣзными рѣшетками. На стѣнахъ и въ нишахъ кое-гдѣ сохранились еще слѣды и остатки красивой мозаичной облицовки. Двухъэтажное снаружи, зданіе это со двора представляется четырехъэтажнымъ вслѣдствіе того, что въ каждой изъ нишъ прорѣзано одно надъ другимъ по два окошка съ деревянными рѣзными створками, открывающими выходъ на балкончики. Верхніе ряды этихъ оконъ принадлежатъ антресолямъ, и всѣ четыре этажа раздѣлены на особыя комнаты или келіи (худжра), служащія квартирами для учащихся. Изъ нѣкоторыхъ оконъ любопытно выглядывали на насъ чалмоносныя головы шагир-

довъ[1]), а съ рѣшетокъ нѣкоторыхъ балконовъ свѣшивались пестрые ковры и халаты, вынесенные на воздухъ для провѣтриванья.

Насъ пригласили войти въ одну изъ такихъ квартирокъ, чтобы посмотрѣть какъ живутъ бухарскіе студенты. Это была полутемная комната шаговъ въ восемь длиной и въ шесть шириной, снабженная на три четверти своей длины кирпичнымъ помостомъ вершковъ въ десять вышины, который былъ застланъ кошмой и коврикомъ. Свѣтъ проникалъ въ окошко, служившее въ то же время и дверью, такъ что зимой работать здѣсь не портя зрѣнія можно только при огнѣ. На помостѣ стоялъ продолговатый низенькій столикъ въ родѣ китайскаго; на немъ—нѣсколько книгъ, погашенный чиракъ и мѣдный приборъ для чернильницы (калямданъ) съ письменными принадлежностями. Въ одномъ углу прислонился къ стѣнѣ тыквенный кальянъ (чилимъ) и небольшой котелокъ (казанъ), въ другомъ стоялъ глиняный кувшинъ съ водой и жаровня (мангалъ). Въ стѣнахъ находятся три небольшія ниши (чахчи). Въ одной изъ нихъ устроена печурка съ таганцемъ для кипяченія чайника и варки пищи, въ другой сложенъ запасъ овощей и дынь, а въ третьей помѣщается маленькая библіотечка въ видѣ горки разнокалиберныхъ фоліантовъ и книгъ, переплетенныхъ въ старинные кожаные переплеты. Тутъ же, около книгъ, стояли мѣдно-чеканный кумганъ, фарфоровый чайникъ и двѣ чайныя чашки, а на стѣнѣ красовалась раскрашенная сурикомъ, охрой и синькой печатная картинка казанскаго изданія, изображающая храмъ въ Меккѣ со священною Каабой. Въ каждой такой келейкѣ помѣщаются по два шагирда, которые кромѣ квартиры получаютъ отъ медрессе еще и стипендіи изъ вакуфнаго капи-

[1]) Шагирдъ—то же что софта, учащійся высшимъ наукамъ студентъ. Это ихъ обыкновенное названіе; на ученомъ же офиціальномъ языкѣ вмѣсто „шагирдъ“ употребляется „талибуль-ильмъ“, что значитъ домогающійся знаній.

тала [1]). Въ Заргерянѣ всѣхъ келій 93, изъ нихъ 90 заняты шагирдами въ количествѣ 180 человѣкъ, а остальныя три профессорами и мударисъ-мутеваліемъ, главнымъ наставникомъ и начальникомъ заведенія; эти послѣднія помѣщенія нисколько не отличаются отъ студенческихъ, развѣ только книгъ да ковровъ въ нихъ побольше, и такая суровая обстановка введена въ бухарскихъ медрессе еще издревле, для того чтобы наставники своею жизнью являли ученикамъ примѣръ стоическаго довольства лишь самымъ необходимымъ, дабы тѣмъ болѣе и цѣльнѣе посвящать себя богоугоднымъ цѣлямъ мусульманской науки.

Зато какой разительный контрастъ съ бѣдностію келій представляютъ роскошныя залы аудиторій, такъ называемыя дарха́ или огло̀! Это дѣйствительно храмы науки, и не въ метафорическомъ смыслѣ, а настоящіе храмы, то расписанные al fresco, то инкрустированные по стѣнамъ и карнизамъ мозаикой, то облицованные сверху до низу бѣломраморными плитами, по которымъ, словно мелкое кружево, фантастически раскинулись изваянные узоры арабесокъ.

Въ каждой такой залѣ, а ихъ обыкновенно бываетъ отъ двухъ до четырехъ, вмѣсто потолка непремѣнно высокій и

[1]) Обыкновенно вновь поступающіе шагирды покупаютъ себѣ право на келію у своихъ окончившихъ курсъ и выбывающихъ предшественниковъ, платя имъ отъ 2 до 35 тиллей, смотря по размѣру получаемой ими стипендіи, которая не вездѣ одинакова и зависитъ отъ степени богатства вакуфовъ, находящихся въ пользованіи той или другой медрессе. Такъ, шагирды Заргеряна получаютъ стипендію по $5^1/_2$ тиллей, а шагирды Ходжа-Джуйбари-Каляна по 20-ти тиллей въ годъ. Равно и жалованье муллъ (преподавателей), мударисовъ (профессоровъ) и мударисъ-мутеваліа (ректора) опредѣляется также степенью богатства вакуфа, отъ 150 до 700 тиллей въ годъ. Кромѣ того, надо замѣтить, что шагирдъ, купившій себѣ право на келью, можетъ оставаться въ ней хоть весь вѣкъ, если онъ рѣшается посвятить себя наукѣ и отказаться отъ брачной жизни, такъ какъ совмѣстная жизнь съ женами въ медрессе не допускается. Кромѣ пансіонеровъ, въ каждой медрессе могутъ быть еще и приходящіе, вольнослушатели, которые проживаютъ въ городѣ на собственныхъ квартирахъ.

глубокій куполъ, въ которомъ, словно нависшіе сталактитовые кристаллы, въ геометрически правильныхъ, но граціозно красивыхъ сочетаніяхъ призмъ и многогранниковъ, группируются глубоко-рельефныя украшенія, выточенныя изъ мрамора въ стилѣ ша-арапъ. Свѣтъ падаетъ въ залу сверху изъ-подъ купола сквозь кружево прорѣзныхъ рѣшетокъ мавританскихъ оконъ и, пронизывая воздухъ косыми полосами солнечныхъ лучей, дробится мелкою сѣткой на стѣнахъ и шашкахъ мраморнаго пола. Все это, вмѣстѣ взятое, такъ цѣльно выдержано въ одномъ характерѣ, полно такого эстетическаго вкуса и въ сочетаніи своихъ архитектурныхъ линій съ детальными украшеніями являетъ такую чарующую глазъ гармонію красоты и силы строгаго величія, что вы, не ожидая ничего подобнаго, невольно остановитесь и ахнете въ изумленіи и восторгѣ предъ дивнымъ произведеніемъ „варварскаго“ искусства, которое словно вдругъ перенесло васъ въ какой-то волшебный чертогъ изъ „Тысячи и одной ночи»...

Конечно, вся эта прелесть не блещетъ свѣжестью и яркостью красокъ вчерашняго дня; напротивъ, время въ лицѣ нѣсколькихъ столѣтій положило на нее тусклый, матовый тонъ почтенной древности, но она отъ этого нисколько не теряетъ, а еще выигрываетъ въ силѣ впечатлѣнія своей красоты и идеи. А идея дѣйствительно грандіозная: создать для науки храмъ вполнѣ ея достойный. И что это все создавалось именно ради науки, изъ чувства религіознаго благоговѣнія къ ней, въ томъ наглядно убѣждаетъ васъ самый контрастъ между студенческими келіями, съ одной стороны, и аудиторіями, съ другой стороны. Тамъ—все приспособлено для суроваго подвига на трудномъ поприщѣ науки, здѣсь—все для торжества ея проповѣди. Въ сравненіи съ этими аудиторіями всѣ дворцы эмира просто никуда не годятся, и если можно сравнивать съ ними что либо, то развѣ самаркандскій мавзолей надъ гробомъ Тимура.

Когда мы вошли въ одну изъ такихъ аудиторій Заргеряна, тамъ шла лекція. Шестеро слушателей, поджавъ подъ себя ноги и сидя на собственныхъ пяткахъ, расположились

полукругомъ на коврѣ противъ профессора среднихъ лѣтъ, предъ которымъ на низенькомъ инкрустированномъ пюпитрѣ лежала раскрытая книга. При нашемъ входѣ всѣ они встали съ мѣстъ, принявъ слегка согбенныя позы и скрестивъ, въ знакъ почтенія, на животѣ свои руки, а профессоръ весьма любезно привѣтствовалъ нежданныхъ гостей и, на вопросъ Байтокова о предметѣ лекціи, сообщилъ, что онъ объясняетъ своимъ слушателямъ комментаріи Шейхи-Заде на „Тяфсиръ“, которая сама есть толкованіе точнаго смысла Корана.

Изъ Заргеряна препроводили насъ въ Иръ-Назаръ. Эта послѣдняя медрессе находится въ центрѣ города, почти рядомъ съ мечетью Шахсанемъ и въ ближайшемъ сосѣдствѣ съ одной стороны съ базаромъ Паястанъ, а съ другой—съ громадною медрессе Кукольташъ. Къ сожалѣнію, крытые цыновками ряды базара, примыкающіе къ самому зданію Иръ-назарской медрессе, не даютъ возможности разсмотрѣть какъ слѣдуетъ характеръ фасада и особенности его наружныхъ украшеній. Видно только, что сводъ ниши портика выточенъ въ стилѣ ша-арапъ изъ бѣлаго мрамора. Когда мы подъѣхали, изъ-подъ этого портика валила на улицу толпа шагирдовъ, между которыми я замѣтилъ немало слушателей весьма солиднаго возраста; впрочемъ, присутствіе такой многочисленной толпы объяснилось тѣмъ, что сегодня здѣсь происходилъ ученый диспутъ, привлекшій въ стѣны медрессе немало и постороннихъ любителей. Лекціи уже кончились, тѣмъ не менѣе насъ пригласили въ аудиторію. Тутъ встрѣтилъ насъ самъ мударисъ-мутевали, высокій, худощавый пожилой мужчина, съ мыслящимъ и, такъ сказать, вполнѣ интеллигентнымъ лицомъ, въ безукоризненно бѣлой, пышно и тщательно повязанной чалмѣ (особый шикъ ученаго сословія) и въ бѣломъ суконномъ халатѣ съ мѣховою оторочкой.

Просторная аудиторія, по изяществу своей отдѣлки, опять-таки является достойнымъ храмомъ науки. Она вся бѣлая, съ плосковатымъ куполомъ, и сплошь покрыта узорами очень тонкой лѣпной работы изъ алебастра.

Мударисъ-мутевали объяснилъ намъ, что въ его медрессе имѣется шестьдесятъ студенческихъ келій, и что каждый шагирдъ получаетъ стипендію въ $2^1/_2$ тилли.

Понятно, что насъ болѣе всего интересовало, какимъ образомъ и по какому случаю создательницей этой коллегіи явилась вдругъ наша императрица; но, къ сожалѣнію, относительно сего предмета мударисъ не могъ сообщить намъ никакихъ точныхъ свѣдѣній. Сказалъ только, что медрессе существуетъ уже 101 мусульманскій годъ — стало быть, съ 1784 года — и что насчетъ ея основанія есть двѣ легенды. По одной изъ нихъ, ишанъ Иръ-Назаръ, будучи самъ очень бѣденъ, задался мыслію построить хорошую медрессе и всю жизнь свою посвятилъ этой завѣтной цѣли. Переписывая книги, проповѣдуя и прося милостыню, онъ въ теченіе долгихъ лѣтъ успѣлъ наконецъ собрать нѣкоторую сумму и началъ постройку; но денегъ этихъ далеко не хватило на ея окончаніе. Тогда императрица Екатерина, случайно узнавъ отъ бухарскаго посла объ ишанѣ Иръ-Назарѣ и о благомъ стремленіи, которому была посвящена вся жизнь этого человѣка, но которое все же не могло вполнѣ осуществиться, рѣшила помочь бѣдному ученому и послала ему боченокъ золота. На эти-то деньги и была устроена медрессе. Другая же легенда говоритъ, что по вступленіи на престолъ Бухары эмира Маасума, въ шабанѣ мѣсяцѣ 1199 (1784) года, онъ, желая заручиться союзомъ Россіи противъ Персіи, отправилъ Иръ-Назара въ Петербургъ въ качествѣ своего посла, а императрица Екатерина, желая со своей стороны закрѣпить дружескія связи Россіи съ Бухарой и тѣмъ открыть большій просторъ русской торговлѣ, пожертвовала, между прочимъ, капиталъ на построеніе и содержаніе медрессе, зная, что это будетъ весьма пріятно набожному эмиру. Но которая изъ двухъ легендъ ближе къ истинѣ и, вообще, насколько обѣ онѣ справедливы, я не могу рѣшить, не имѣя подъ рукой вѣрныхъ источниковъ. Положительно извѣстно только, что императрица Екатерина принимала участіе въ сооруженіи этой медрессе, о чемъ

упоминаетъ и Н. Ханыковъ въ своемъ Описанiи Бухарскаго ханства (стр. 86), говоря прямо, что „Иръ-Назаръ построена императрицей Екатериной“. Вотъ все, что намъ извѣстно въ точности.

Благодаря любезности мудариса, мы узнали кое-что, разумѣется въ самыхъ общихъ чертахъ, о характерѣ и объемѣ преподаванiя наукъ въ бухарскихъ медрессе.

Медрессе для мусульманина-азiята то же, что университетъ для европейца, такъ какъ въ программу ея преподаванiя входятъ всѣ науки, допускаемыя магометанскимъ закономъ, причемъ свобода диспутовъ пользуется широкими правами и самымъ существеннымъ образомъ входитъ въ систему преподаванiя. Сфера допускаемыхъ наукъ дѣлится на три факультета: 1) Шарiе — богослово-юридическiй, 2) Арабiе — филологическiй по отношенiю къ арабскому языку и 3) Хикемiе — житейской мудрости.

На богослово-юридическомъ факультетѣ преподаютъ: 1) Тяфсиръ — толкованiе смысла Корана; 2) Хадись — собранiе рѣчей Магомета, слышанныхъ имъ отъ самого Аллаха; 3) Фикгъ — законоположенiя, относящiяся до физической природы человѣка и до содержанiя въ чистотѣ его тѣла, а равно о дозволенномъ и недозволенномъ изъ предметовъ, не упомянутыхъ въ Коранѣ (Кыясъ); 4) Усуль-и-Фикгы — изложенiе метода толкованiя Корана; 5) Ильми-Калемъ — догматическая метафизика; 6) Ильми-Фероизъ — наука о правахъ наслѣдства и 7) Ильми-Киро'атъ — декламаторская часть при чтенiи Корана, то есть изъясненiе, гдѣ нужно дѣлать ударенiя и повышенiя или пониженiя голоса, какiе слоги произносить протяжно, какiе кратко и т. п. Кромѣ того, конечно, изучается Шарiатъ — законовѣдѣнiе со множествомъ толкованiй на оный [1]).

[1]) Шарiатъ состоитъ изъ книгъ: Фикгы-Кидани, Мухтасаръ-Вакiя, Шурхи-Вакiя и Хидая, то есть законы нравственные и семейные, уставы благочинiя, полицейскiе и уголовные.

На факультетѣ Арабіѐ первую роль играетъ Лугатъ—полный лексиконъ арабскаго языка; 2) Ильми-Сарфъ—арабское словопроизводство и словосочиненіе; 3) Ильми-Нахвъ—правила произношенія окончаній арабскихъ словъ; 4) Ильми-Урузъ—стихосложеніе; 5) Ильми-Кофіѐ—наука о созвучіяхъ и риѳмахъ; 6) Фени ме'онъ—наука о благозвучіи словъ арабскаго языка, которая подраздѣляется на Фени бейонъ и Ильми-бедигъ; первое изъ этихъ подраздѣленій трактуетъ о благозвучіи окончаній словъ, а второе учитъ ораторскому искусству, то есть какъ соблюдать благозвучіе и красоту рѣчи приличнымъ расположеніемъ въ ней словъ и выраженій, и 7) Ильми-Теварихъ—науки историческія, по части всеобщей и бухаро-мусульманской исторіи; сюда же входитъ и географія.

На факультетѣ Хикеміѐ преподаются: 1) Мантыкъ—логика; 2) Табигійѐ—естествознаніе и въ томъ числѣ астрономія и медицина; 3) Ильми-Хисабъ—математика; 4) Илягійѐ—метафизика; 5) Ріазійѐ—философія или собственно наука объ отвлеченныхъ понятіяхъ и, наконецъ, 6) Ильми-Мупазерѐ—искусство поддерживать и правильно вести диспуты.

На всѣ вышеисчисленныя науки есть по нѣскольку классическихъ руководствъ и еще болѣе комментаріевъ на эти руководства, тоже не менѣе классическихъ, и толкованій на толкованія. Во всемъ этомъ царитъ, конечно, строго схоластическій методъ и чтобы поглотить всю суть мусульманской премудрости, пройти полный курсъ ея, надо употребить отъ пятнадцати до двадцати лѣтъ усидчиваго изученія въ нѣсколькихъ медрессе. Это уже, въ нѣкоторомъ родѣ, самоотверженіе, но такихъ любителей между шагирдами находится немало. Лекціи читаются каждый день, начиналсь по восходѣ солнца, послѣ утренней молитвы (намазъ баумдатъ) и могутъ продолжаться до заката солнца, но обыкновенно кончаются часа въ три дня, причемъ шагирды въ полдень пользуются часомъ отдыха для обѣда. По четвергамъ и пятни-

дамъ лекціи не читаются. Каждый курсъ оканчивается къ началу лѣта и открывается вновь лишь съ началомъ осени; лѣтомъ же, въ теченіе трехъ мѣсяцевъ, учащіеся пользуются каникулами (тегатиль).

Шагирды обыкновенно раздѣляются на три разряда или курса: пясть-кадамъ, міанà и пишъ-кадамъ, въ зависимости отъ проходимаго ими цикла факультетскихъ наукъ, съ чѣмъ соединяется иногда и возвышеніе стипендіи. Такъ, если первокурсники (пясть-кадамъ) получаютъ по $2^1/_2$ тилли, то второкурсные—три тилли, а пишъ-кадамамъ выдается и до пяти тиллей. Но такое распредѣленіе стипендій не обусловлено какимъ-либо точнымъ законоположеніемъ, а зависитъ отъ усмотрѣнія общаго совѣта муллъ-преподавателей и почетныхъ попечителей, жертвователей и благотворителей учрежденія, подъ предсѣдательствомъ мударисъ-мутеваля. При этомъ надо замѣтить, что въ одной только Бухарѣ, во 103 городскихъ медрессе числится до 10,000 шагирдовъ, которые, считая въ среднемъ выводѣ по пяти тиллей на человѣка [1]), получаютъ въ годъ въ видѣ стипендій 50,000 тиллей или 210,000 рублей металлическихъ. Да безъ малаго въ такую же сумму обходится содержаніе мударисъ-мутеваліевъ [2]), не говоря уже о жалованьи преподавателямъ. Но дѣло высшаго образованія въ ханствѣ далеко не ограничивается этими цифрами, такъ какъ не только столица, а и каждый городъ имѣетъ по нѣскольку своихъ собственныхъ медрессе. По одной медрессе

[1]) Есть медрессе, гдѣ шагирды получаютъ по 8, по 9, по 12, по 16 и по 20 тиллей въ годъ; таковы, напримѣръ, Галимъ-Джанъ, Гау-Кушанъ-Гали, Давлетъ, Калянъ и др.

[2]) Считая въ среднемъ по 400 тиллей на мудариса, ибо младшіе преподаватели получаютъ отъ 80 до 200, а старшіе отъ 200 до 700 тиллей жалованья. Должность мутеваліа (завѣдующаго хозяйственною частію) не всегда впрочемъ соединяется со званіемъ главнаго мудариса. Иногда она бываетъ наслѣдственною въ родѣ основателя медрессе, иногда же просто по назначенію со стороны высшихъ духовныхъ властей, и тогда мутевали получаетъ въ видѣ жалованья одну десятую часть вакуфныхъ доходовъ.

встрѣчается даже въ нѣкоторыхъ мѣстечкахъ. Все это содержится на проценты съ вакуфовъ, пожертвованныхъ когда-либо на содержаніе каждой медрессе особо, и на средства, доставляемыя время отъ времени разными жертвователями и благотворителями. Да кромѣ того эмиръ иногда жертвуетъ въ раздѣлъ между всѣми медрессе излишекъ зякета, остающійся отъ годоваго бюджета за покрытіемъ всѣхъ дворскихъ и государственныхъ надобностей.

Проѣзжая по улицамъ, въ особенности по тихимъ улицамъ, нѣсколько въ сторонѣ отъ базарной сутолоки, мы очень часто слышимъ шумъ и гомонъ многочисленныхъ дѣтскихъ голосовъ, громко и скоро, со всеусердіемъ выкрикивающихъ что-то нараспѣвъ, и притомъ каждый по своему и каждый самъ по себѣ отдѣльно, вслѣдствіе чего изъ этихъ разнообразныхъ, скрещивающихся между собою речитативныхъ звуковъ образуется самый нестройный концертъ, бьющій по уху своими дикими диссонансами, въ родѣ жидовскаго гама и гвалта. Торопливый потокъ какихъ-то словъ и изреченій, словно барабанная дробь, трещитъ и каскадомъ льется изъ нѣсколькихъ десятковъ дѣтскихъ устъ, старающихся перекричать другъ друга. Вы слышите этотъ шумъ еще издали, и онъ служитъ вѣрнѣйшимъ признакомъ, что тутъ гдѣ-нибудь по близости находится мехтебъ — начальная мусульманская школа. Желая ознакомиться и съ этими учрежденіями, мы остановились передъ однимъ изъ мехтебовъ и вошли туда.

Школа помѣщалась въ нижнемъ этажѣ небольшаго двухъэтажнаго дома, стоявшаго на углу двухъ улицъ. Входная дверь и пара открытыхъ, снабженныхъ желѣзными рѣшетками оконъ выходили прямо на улицу, а не внутрь двора, какъ принято здѣсь въ большинствѣ домовъ частныхъ обывателей. За порогомъ двери стояли на полу нѣсколько десятковъ паръ дѣтскихъ галошъ (кауши), обыкновенно снимаемыхъ при входѣ въ комнату. У стѣны, противоположной входу, на полу, покрытомъ кошмами и старенькимъ коври-

комъ, возсѣдалъ на собственныхъ пяткахъ пожилой, маленькаго роста учитель въ громадной бѣлой чалмѣ, съ круглыми китайскими очками на сухомъ крючковатомъ носу, и держалъ въ одной рукѣ раскрытую книгу, тогда какъ другая съ вытянутымъ указательнымъ перстомъ была поднята кверху. Эти монументальныя очки придавали добряку какое-то совиное выраженіе. Предъ нимъ стоялъ маленькій низенькій столикъ, на которомъ лежала розга — грозная эмблема его учительской власти; но въ самой фигурѣ почтеннаго педагога, въ этомъ его несообразно большомъ тюрбанѣ, несообразно большихъ очкахъ и въ поднятомъ узловатомъ перстѣ было нѣчто неудержимо комическое, нѣчто напоминающее отчасти огородное пугало, и я увѣренъ, что несмотря на розгу многіе изъ болѣе бойкихъ школьниковъ не отказываютъ себѣ порой въ удовольствіи подстраивать ему исподтишка какія нибудь штуки.

Тѣсная толпа мальчугановъ въ пестрыхъ тюбетейкахъ и халатикахъ, отъ пяти до двѣнадцатилѣтняго возраста, со всѣхъ сторонъ окружала своего наставника, и было натискано этой тутъ дѣтворы словно пчелъ въ ульѣ или сельдей въ боченкѣ. Всѣ они, сидя на пяткахъ и раскачиваясь всѣмъ корпусомъ сзаду напередъ, на разные голоса твердили наизусть заданные уроки, повторяя безъ конца одну и ту же фразу или даже одно какое нибудь слово, выхваченное изъ фразы, чтобы покрѣпче вдолбить его себѣ въ память. Иные продѣлывали это совершенно машинально, съ полнымъ отсутствіемъ какого либо смысла и пониманія того, что̀ они долбятъ; другіе, чтобы ничѣмъ не развлекаться, зажмуривали себѣ глаза и затыкали пальцами уши, а нѣкоторые даже мѣрно и не безъ ожесточенія колотили сами себя въ лобъ и въ темя костылькомъ указательнаго пальца, всецѣло отдаваясь своей долбнѣ съ выраженіемъ какой-то отчаянной безнадежности и скуки. На розовыхъ личикахъ мальчугановъ болѣе всего выражалось томительное нетерпѣніе — скоро ли кончится несносный урокъ и наступитъ тотъ счастливый мо-

ментъ, когда ихъ отпустятъ домой или хоть выпустятъ всею гурьбой побѣгать по двору. У иныхъ на рѣсницахъ сверкали слезы и лица куксились въ плаксивую гримасу, тогда какъ на другихъ физіономіяхъ въ заднихъ рядахъ расплывались веселыя плутовскія улыбки отъ какой нибудь удачно подстроенной продѣлки надъ розиней-сосѣдомъ, въ родѣ незамѣтно пришпиленной ему на спину бумажки. Наиболѣе прилежные, очевидно любимцы учителя, сидѣли около него ближе прочихъ и видимо старались напускать на себя степенность и послушливую скромность. Но какъ тѣ, такъ и эти до такой степени были погружены въ свои занятія, то въ первую минуту на нашъ приходъ никто не обратилъ даже вниманія, и благодаря этому мы нѣсколько мгновеній могли любоваться на очень милую и не лишенную комизма картинку бухарской школы. Но вслѣдъ затѣмъ всѣ головы съ живѣйшимъ любопытствомъ обернулись въ нашу сторону, и видно было по глазенкамъ, что всѣ эти мальчуганы очень обрадовались неожиданному перерыву своихъ монотонныхъ занятій.

Поднявшійся съ мѣста учитель, шагая прямо черезъ плечи твоихъ мальчугановъ и при этомъ, чтобы не потерять равновѣсія, опираясь пальцами на ихъ головы, подступилъ къ намъ съ вопросительною миной. Когда же нашъ приставъ объяснилъ ему кто мы такіе и зачѣмъ пришли, то онъ очень любезно, но преважно — вѣроятно для того, чтобы не уронить собственный престижъ въ глазахъ учениковъ — протянулъ намъ руку и сказалъ, что очень польщенъ любезнымъ вниманіемъ, оказаннымъ столь высокими гостями именно его скромной школѣ. Онъ оказался немножко кривобокимъ и горбатенькимъ, но предобрѣйшимъ человѣкомъ, и съ полною готовностью сообщилъ намъ нѣсколько свѣдѣній по интересовавшему насъ предмету. Отъ него узнали мы, что въ городѣ по крайней мѣрѣ вдесятеро болѣе мехтебовъ, чѣмъ медрессе, такъ какъ, кромѣ мечетей, каждый околодокъ и почти каждая улица имѣетъ свой собственный мехтебъ. Строятся и содер-

жатся эти школы по большей части въ складчину всѣми жителями улицы или околодка, а иногда на счетъ какого нибудь состоятельнаго ревнителя, и въ этомъ послѣднемъ случаѣ школа навсегда сохраняетъ его имя въ своемъ названіи. Каждый мехтебъ имѣетъ не болѣе одного учителя (муллà), который избирается и приглашается на должность самими обывателями околодка, а еще чаще желающій учительствовать самъ обходитъ обывателей, прося уступить ему школу на сходныхъ для обѣихъ сторонъ условіяхъ, которыя главнымъ образомъ заключаются въ томъ, что онъ обязуется брать не свыше извѣстной платы съ родителей за обученіе и безплатно обучать неимущихъ. Правительство въ школьныя дѣла обыкновенно не мѣшается и только въ томъ крайне рѣдкомъ случаѣ, когда на открывшуюся вакансію не находится выборнаго или нанятаго охотника, духовная власть сажаетъ на мѣсто своего собственнаго кандидата. Разъ, что учитель избранъ, зданіе школы отдается въ полное его распоряженіе на все время, пока онъ занимаетъ свою должность, и онъ пользуется всѣми правами домохозяина, за исключеніемъ лишь права продажи и вообще отчужденія какъ самаго зданія, такъ и принадлежащей оному земли.

Годовая плата за обученіе мальчика обыкновенно бываетъ не менѣе одной и не свыше трехъ тиллей, но при вступленіи новаго ученика въ школу родители его, въ силу кореннаго обычая, обязаны сдѣлать учителю „силяу“ — подарокъ, состоящій изъ одного почетнаго халата (сарпай) шелковаго, адрясоваго или бикасабоваго, смотря по ихъ средствамъ, канаусовой или ситцевой сорочки, панталонъ [1]) и ичиговъ съ

[1]) Сорочки, покроемъ какъ у русскихъ татаръ, съ гладкою грудью и завязками на плечахъ, носятъ здѣсь только муллы и казіи, и называются такія сорочки куйлюкъ или куйнекъ, въ отличіе отъ яхтакъ, рубахи въ видѣ халата, длиною ниже колѣнъ и съ завязкою на груди подъ ложечкой, какую носятъ люди всѣхъ остальныхъ сословій. Панталоны (штанъ) безъ прорѣхи, носятся вмѣсто нижняго бѣлья; служащіе и ѣздящіе верхомъ поверхъ ихъ надѣваютъ кожаные чембары. Бѣлье у сар-

каушами. Эти подарки непремѣнно сопровождаются достарханомъ, подносимымъ на большомъ подносѣ и состоящимъ, кромѣ обычныхъ лакомствъ, изъ девяти хлѣбныхъ лепешекъ (кульчананъ), фунта якъ-чаю и головки сахару, причемъ сахаръ иногда замѣняется сахарнымъ леденцемъ въ деревянной коробкѣ. Затѣмъ, тоже въ силу обычая, каждый ученикъ въ четвергъ[1]) приноситъ своему учителю гостинецъ, состоящій изъ одного кульча-нана, и этихъ четверговыхъ лепешекъ обыкновенно набирается столько, что мулла можетъ съ избыткомъ питаться ими цѣлую недѣлю; ему стоитъ лишь подержать лепешку нѣсколько минутъ надъ паромъ или горячими угольями, чтобы скушать ее въ совершенно мягкомъ и рыхломъ видѣ, какъ бы только что испеченную. Болѣе состоятельные родители прибавляютъ къ лепешкѣ еще и дыню, которая между продуктами питанія занимаетъ въ Бухарѣ весьма видное мѣсто. Когда ученикъ, благополучно кончивъ азбуку, переходитъ къ изученію Корана, родители его въ ознаменованіе столь счастливаго событія опять несутъ учителю силяу, состоящій изъ достархана и одного халата, и то же самое повторяется съ ихъ стороны послѣдовательно при переходахъ къ изученію Фарзегайна, Чааръ-Китаба[2]) и

товъ шьется изъ русскихъ или мѣстныхъ бумажныхъ тканей, а у богатыхъ и изъ шелковыхъ, преимущественно изъ канауса.

[1]) Четвергъ (пеншамбе) у мусульманъ по своему значенію соотвѣтствуетъ нашей субботѣ, какъ канунъ, джума, еженедѣльнаго праздника. Занятія въ четвергъ продолжаются только въ утренніе часы. Предъ полуднемъ, отпуская учениковъ по домамъ, учитель осматриваетъ предварительно, чисты ли у нихъ ногти и если нѣтъ, то бьетъ за это по кончикамъ пальцевъ линейкой, затѣмъ даетъ имъ наставленіе, какъ слѣдуетъ вести себя благонравному мальчику дома и на улицѣ и оканчиваетъ общею молитвой (фатиха). Ученики мехтеба, кромѣ четверговъ и пятницъ, освобождаются отъ ученія только въ праздники Рамазана, Курбанъ-байрама и на Новый Годъ; каникулъ же для нихъ не полагается.

[2]) Чааръ-Китабъ — четверокнижіе, заключающее въ себѣ объясненіе именъ Бога и правилъ религіи (Хакъ), познаніе вѣры (Биданъ), познаніе преданія (Каликъ-наби) и возвеличеніе Бога (Хамдехадъ); изложеніе на таджикскомъ языкѣ.

прочихъ книгъ, входящихъ послѣ Чааръ-Китаба, въ числѣ четырехъ сочиненій, въ курсъ начальной школы [1]), равно какъ при началѣ обученія письму и при благополучномъ окончаніи онаго, а богатые родители дарятъ по халату даже за каждую хорошо пройденную и выученную наизусть главу Корана (сурѐ). Такимъ образомъ труды учителя оплачиваются очень хорошо, даже роскошно, если взять въ соображеніе неприхотливыя условія мѣстной жизни, и можно сказать, что родители учениковъ, сверхъ дароваго крова и жалованья, еще и кормятъ его, и поятъ, и одѣваютъ, и обуваютъ, да и самое званіе учителя кромѣ того пользуется здѣсь большимъ почетомъ.

Каждый учитель имѣетъ у себя одного или двухъ помощниковъ (халифе) изъ старшихъ учениковъ, которые занимаются съ остальными во время его отсутствія, приглядываютъ за порядкомъ и репетируютъ съ маленькими заданные имъ уроки. Эти халифе избираются изъ лучшихъ, окончившихъ курсъ учениковъ, которые продолжаютъ свои занятія въ мехтебѣ только ради практики въ каллиграфіи, но репетиторами они служатъ, такъ сказать, изъ чести, не получая за это никакого вознагражденія.

Полный курсъ мехтеба продолжается семь лѣтъ, и въ теченіе этого срока всѣ книги, входящія въ составъ сего курса, должны быть твердо выучены учениками и не иначе, какъ наизусть, „слово въ слово и буква въ букву“. Пока это не достигнуто, мальчикъ не можетъ покинуть школу. Часто ученики не понимаютъ изъ заученнаго ни единаго слова, въ особенности Корана, который проходится по-арабски; но пониманія отъ нихъ и не добиваются, въ томъ соображеніи, что поймутъ-де и послѣ, когда подростутъ и станутъ умнѣе, а пока надо-де стараться только, чтобы то, что̀ входитъ въ главнѣйшія основы мусульманскаго вѣроученія, навѣки твердо

[1]) Въ числѣ этихъ книгъ находится и сборникъ стихотвореній Гафиза.

запечатлѣлось въ ихъ памяти. Обыкновенно поступаютъ въ школу дѣти съ пятилѣтняго возраста, причемъ наиболѣе одаренные памятью кончаютъ курсъ на тринадцатомъ или четырнадцатомъ году жизни, послѣ чего переходятъ въ медрессе. Учатся всѣ въ одной комнатѣ, не подраздѣляясь на классы. Да при такой системѣ преподаванія оно и ненужно, такъ какъ тутъ главная задача не въ послѣдовательномъ развитіи способностей ребенка, а въ томъ, чтобы заставить его выдолбить наизусть положенное число книгъ. Поэтому они и долбятъ всѣ вкупѣ, но каждый свое, самостоятельно.

Годы мехтеба, можно сказать, самые тяжелые въ жизни учащагося мусульманина, потому что проводя за книгой каждый день отъ баумдата до шамъ [1]), эти дѣти освобождаются отъ ученія только по пятницамъ и, какъ уже сказано, не пользуются даже каникулярнымъ временемъ. При такой тяжелой системѣ ученія можно только удивляться, какъ они ее выдерживаютъ!

Кромѣ мехтебовъ, здѣсь есть еще начальныя школы и для дѣвочекъ, называемыя биби-халифе или бивсатунъ, гдѣ обучаются преимущественно дочери состоятельныхъ родителей. Система обученія та же, что и въ мехтебахъ, но съ тою разницей что здѣсь главное вниманіе обращается на обученіе грамотѣ по-таджикски и по-узбекски, какъ на наиболѣе необходимое въ практической жизни, затѣмъ на изученіе Гафиза и другихъ поэтовъ; религіозная же сторона обученія ограничивается нѣсколькими необходимыми суре́ Корана, затѣмъ Фарзегайномъ и Чааръ-Китабомъ.

Начальныя школы очень распространены во всемъ Бухарскомъ ханствѣ. Не только города, но каждый кишлакъ, и даже

[1]) Намазъ-баумдатъ — утренняя молитва по восходѣ солнца, намазъ-шамъ — молитва предъ захожденіемъ солнца, часовъ въ пять пополудни. Мусульмане въ теченіе дня обязаны творить пять молитвъ. Кромѣ двухъ помянутыхъ остальныя суть: намазъ-пишенъ — полуденная, намазъ-дигеръ — въ два часа дня и намазъ-хуфтянъ — послѣ заката солнца.

самый бѣдный, непремѣнно имѣетъ свой особый мехтебъ, а чуть селеніе побогаче, то и два и три мехтеба, и такимъ образомъ въ среднемъ выводѣ приходится по десяти начальныхъ школъ на одну медрессе. Кромѣ того, каждый городъ имѣетъ не менѣе двухъ-трехъ школъ для дѣвочекъ.

Желая видѣть главную городскую мечеть, я предварительно справился о ней въ книгѣ Н. Ханыкова и на приложенномъ къ ней планѣ города. Тамъ, при перечисленіи мечетей-джумма, такъ сказать, соборныхъ, въ числѣ восьми, главною изъ нихъ, подъ нумеромъ первымъ, названа Баляндъ и при этомъ (стр. 84) сказано: „сіи послѣднія (то есть мечети-джумма) всѣ каменныя и кромѣ первой ни одна не можетъ исполнить того, что законъ требуетъ отъ такой мечети [1]) первая же можетъ помѣстить тысячъ до десяти человѣкъ, если не всѣхъ внутри, то по крайней мѣрѣ такъ, что имъ всѣмъ будутъ слышны слова намаза". Основываясь на этомъ свѣдѣніи, мы просили нашего пристава показать намъ месджиди Баляндъ, на что онъ отвѣтилъ полною готовностью.

Долго вели насъ разными улицами и переулками, тишину коихъ нарушалъ время отъ времени только дѣтскій шумъ въ мехтебахъ, но ни торговли, ни бойкаго движенія не замѣчалось. Это служило прямымъ указаніемъ, что мы все болѣе и болѣе удаляемся отъ городскаго центра. Но вотъ наконецъ провожатые наши остановились предъ каменнымъ заборомъ, въ которомъ находилась двустворчатая деревянная дверь, и объявили: „здѣсь!"

Мы слѣзли съ лошадей и, пройдя въ дверь, очутились предъ небольшою мечетью, двѣ стѣны коей охватывала широ-

[1]) Законъ требуетъ, чтобы главная мечеть города, мѣстечка или селенія могла вмѣстить въ своихъ стѣнахъ всѣхъ жителей онаго, дабы всѣ они одновременно могли совершать общій намазъ и слышать священныя слова Корана. Понятно, что для большихъ городовъ это дѣло физически невозможное, и потому въ нихъ допускается совмѣстное существованіе нѣсколькихъ главныхъ мечетей.

кая крытая веранда (айванъ) на рѣзныхъ деревянныхъ колоннахъ, окаймленная рѣшетчатою балюстрадой.

Мулла-мутевали, который жилъ на томъ же дворѣ въ отдѣльной мазанкѣ, отперъ намъ одну изъ тяжелыхъ узорчаторѣзныхъ дверей и мы вошли въ роскошно отдѣланную свѣтлую мечеть, гдѣ мехрабъ (горнее мѣсто), каѳедра, куполъ, потолки и стѣны были покрыты мелкими арабесками и надписями изъ отлично сохранившейся мозаики. Полъ и настѣнныя панели, составленныя въ шашку изъ осьмигранныхъ большихъ и четырехгранныхъ меньшихъ кафель синяго (ультрамариноваго оттѣнка) и темнозеленаго цвѣтовъ, блистали своею свѣжестью, словно бы только вчера вышли изъ-подъ руки мастера. А между тѣмъ вся эта прелесть существуетъ уже третье столѣтіе и, что всего удивительнѣе, не въ примѣръ прочимъ успѣла какими-то судьбами сполна сохраниться въ своемъ первоначальномъ видѣ, а это здѣсь величайшая рѣдкость. Подборъ мозаичныхъ колеровъ и сочетаніе узоровъ съ архитектурными линіями таковы, что ничто не рѣжетъ въ нихъ глазъ, ничто не выдается, не кричитъ, а между тѣмъ въ цѣломъ являетъ собою какой-то мягкій успокоительный колоритъ, назвать который въ точности я не умѣю: это нѣчто мечтательное, неопредѣленное, но необычайно пріятное для глаза. Таково по крайней мѣрѣ было мое первое впечатлѣніе, вынесенное изъ непродолжительнаго общаго осмотра. Чтобы въ точности опредѣлить краски и характеръ деталей, надо было бы разсматривать все это отдѣльно и подробно; мы же оставались въ мечети не болѣе десяти минутъ. Но я не жалѣю объ этомъ: я не знаю ея подробностей, за то цѣльнѣе сохранилось у меня ея общее впечатлѣніе, полное неуловимой гармоніи. Десяти тысячъ человѣкъ однакоже мечеть никоимъ образомъ не могла бы совмѣстить не только внутри, но и на всей прилегающей мѣстности. Я думаю, что едва ли бы помѣстилась въ ней и тысяча. Эта очевидная несообразность навела насъ на сомнѣніе, точно ли показали намъ Баляндъ, а не какую-либо другую месджиди. Но приставъ, да и всѣ присут-

ствовавшіе удостовѣряли, что это именно и есть месджиди Баляндъ и что другой такого же наименованія въ Бухарѣ не имѣется.

— Но гдѣ же тутъ умѣщается десять тысячъ народу?

— Нигдѣ, да и не можетъ столько умѣститься.

— Но вѣдь это ваша главная городская мечеть?

— Которая? эта?... Нѣтъ, главную мы давно уже проѣхали.

Оказалось, что та въ центрѣ города и называется месджиди Калянъ (великая), или иначе Кокъ-гумбезъ (голубой куполъ).

Тутъ только разъяснилось наше недоразумѣніе, и мы пустились въ обратный путь ко главной, или великой мечети. Пришлось возвращаться почти къ самому Заргеряну, въ сосѣдствѣ съ коимъ она находится.

Какъ разъ напротивъ главнаго портала месджиди Калянъ высится порталъ обширной медрессе Миръ-Арабъ. Оба зданія стоятъ на продлинноватой площади; но весьма широкая и высокая кирпичная терраса, что разстилается предъ порталомъ Миръ-Араба и тянется во всю длину площади, съуживаетъ эту послѣднюю до ширины обыкновенной улицы, и чтобъ удобнѣе окинуть взглядомъ главный фасадъ месджиди Калянъ, надо взобраться на террасу и отойти къ порталу Миръ-Араба, а еще лучше подняться на плоскую кровлю праваго крыла этой медрессе. Отсюда вполнѣ открывается высокій продлинноватый фронтонъ въ формѣ четырехъугольника, весь облицованный разноцвѣтными кафлями. Продольные бока его обрамляются двумя широкими плоскими пилястрами, раздѣленными поперекъ на пять равныхъ частей, обведенныхъ бордюрами, и въ каждой изъ нихъ обчерчено по одной фальшъ-нишѣ, слегка заостренной кверху. Площади этихъ фальшъ-нишъ продольно покрыты зигзаговидными узорами, контуры коихъ ближе всего можно бы сравнить съ цѣпью бубновыхъ троекъ, а внутри ихъ располагаются мелкія арабески. Въ общемъ вся эта кафельная мозаика походитъ на громадный пестрый коверъ, прорѣзанный по срединѣ высокою и тоже слегка заостренною нишей портала, въ глубинѣ которой темнѣетъ открытый портикъ такой же формы, но меньшихъ раз-

мѣровъ, ведущій въ притворъ мечети. Боковыя крылья зданія на три пятыхъ ниже фронтона и представляютъ собою галлерею нишъ такой же формы, отдѣленныхъ одна отъ другой плоскими пилястрами, вдоль которыхъ идутъ такіе же зигзаговидные узоры, какъ и на главныхъ пилястрахъ. Порталъ своею вышиной совершенно маскируетъ тамбуръ высокаго купола, находящійся позади его надъ центральною частью мечети, такъ что надъ верхнимъ его карнизомъ вы видите въ перспективѣ только голубую шапку этого купола въ формѣ азіятскаго шлема, какъ бы висящую въ воздухѣ. Внѣшній видъ месджиди Калянъ, благодаря ея куполу и продлинноватой вышинѣ портала, въ общемъ производитъ своеобразное и очень эффектное впечатлѣніе массивности, соединенной съ легкостью: это нѣчто монументальное, но въ то же время какъ бы несущееся вверхъ, въ небесныя выси.

Къ сожалѣнію, намъ не удалось проникнуть внутрь мечети. Когда мы изъявили на то желаніе, мнѣ показалось, что нашъ приставъ, какъ будто нѣсколько замялся, но затѣмъ, сейчасъ же сообразивъ что-то, сказалъ, что постарается устроить это дѣло и съ поспѣшностью самъ пошелъ куда-то разыскивать муллу-мутевалія. Минутъ пять спустя онъ возвратился и, съ видомъ притворнаго сожалѣнія, извиняясь объявилъ, что къ крайней его досадѣ мутевалія нѣтъ дома—ушелъ-де не то въ гости, не то на базаръ и ключи унесъ съ собою, и когда вернется домой—неизвѣстно. Очевидно, это была только наскоро придуманная отговорка, а сущность въ томъ, что приставъ стѣснялся ввести въ мечеть кяфыровъ на глазахъ у всей правовѣрной базарной публики, среди которой всегда шатается множество всевозможныхъ дувана и каляндарей, которые легче легкаго могли бы изъ-за этого поднять въ толпѣ ропотъ на правительство за допущеніе такого поруганія религіи.

При месджиди Калянъ, на той же площадкѣ, находится круглая столпообразная башня манари Калянъ—великій минаретъ. Она построена изъ жженыхъ кирпичей, оттѣнки ко-

ихъ подобраны такимъ образомъ, что изъ нихъ выходятъ разные узоры. Минаретъ стоитъ въ концѣ узенькой площадки, вымощенной ровными каменными плитами, и имѣетъ въ окружности при основанiи 35 шаговъ, а высоты 70 гязей, или $87^1/_2$ арш. [1]), но высота эта значительно скрадывается ближайшимъ сосѣдствомъ съ обѣихъ сторонъ такихъ высокихъ и громадныхъ зданiй, какъ месджиди Калянъ и Миръ-Арабъ. Надъ верхнимъ карнизомъ минарета устроена кирпичная вышка съ четырьмя продлинноватыми окнами, изъ которыхъ по пятницамъ четыре муэдзина въ одинъ голосъ кричатъ призывъ къ молитвѣ на всѣ четыре страны свѣта. Но въ то же время эта самая вышка служитъ еще и для другой, вовсе уже не божественной цѣли: съ нея по пятницамъ иногда свергаютъ внизъ головой преступниковъ, приговоренныхъ къ этому роду казни. Палачъ ставитъ осужденнаго на подоконникъ, скручиваетъ ему веревкой руки назадъ, туго связываетъ у щиколокъ ноги, затѣмъ даетъ хорошiй подзатыльникъ, и человѣкъ летитъ на мостовую. Послѣдняя изъ такихъ казней, говорятъ, была совершена въ 1871 году надъ двумя разбойниками.

Хотѣли мы было съ высоты Манари Каляна полюбоваться общимъ видомъ города à vol d'oiseau, но... оказалось, что ключи все у того же мутевалiя, который ушелъ не то на базаръ, не то въ гости, а дѣло въ томъ, что всходить на эту вышку, какъ узнали мы потомъ, имѣютъ право только муллы главной городской мечети да палачи его высокостепенства.

Отъ месджиди Калянъ препроводили насъ въ сѣверо-восточную часть города, гдѣ находится Гузари-Писянъ, или иначе Махала-Писъ—кварталъ прокаженныхъ, который намъ хотѣлось видѣть тоже какъ одну изъ мѣстныхъ достопримѣчательностей.

Расположенъ онъ между мазарскими и самаркандскими воротами, въ непосредственномъ сосѣдствѣ съ большимъ клад-

[1]) Бухарскiй гязь равняется $1^1/_4$ аршина.

бищемъ Ходжа-Нуръ-Абадъ, и не отдѣленъ отъ остальныхъ частей города ни валомъ, ни стѣной, такъ что не предупреди насъ приставъ, мы и не догадались бы, что находимся уже въ чертѣ запретнаго мѣста.

Особенность квартала сказывалась только въ полной тишинѣ его. Городской шумъ остался гдѣ-то позади насъ и вскорѣ совершенно замеръ. Тихая улица, по которой мы ѣхали, отличалась отсутствіемъ людскаго движенія, намъ не попалось навстрѣчу ни одного прохожаго, даже собакъ не было видно. Ведетъ она къ кладбищу и называется такъ же какъ и оно — Ходжа-Нуръ-Абадъ. Небольшія приземистыя мазанки ютились въ ней за низкими глиняными стѣнками, подъ сѣнью обнаженныхъ вѣтвей тутовыхъ и урюковыхъ деревьевъ, по которымъ перепархивали сороки. И около этихъ мазанокъ, точно такъ же какъ и среди улицы, не замѣчалось никакого людскаго движенія и домашней жизни. Коегдѣ только куры копались на сметьи, да тощая, бѣлая, длинношерстая кошка осторожно пробиралась по крышѣ [1]). Вообще по этой тишинѣ и отсутствію жизни можно было бы подумать, что мы вдругъ попали куда нибудь за городъ, въ опустѣлую деревню.

Вотъ въ сторонѣ надъ квадратнымъ прудкомъ выглядываетъ изъ-за деревьевъ маленькая мечеть съ айваномъ и болтающимся на шестѣ конскимъ хвостомъ, но и около нея все пусто, не видать ни уродливыхъ нищихъ, ни молящихся. Вотъ слѣва на нѣсколько десятковъ саженъ потянулось вдоль улицы кладбище, но и тамъ ни души. Это, впрочемъ, не удивительно, такъ какъ въ Бухарѣ, совсѣмъ въ противность Стамбулу, кладбища обыкновенно пусты: ни играющихъ дѣтей, ни группы закутанныхъ женщинъ ни разу здѣсь не встрѣтилъ я между могилами, тогда какъ въ Турціи посѣщеніе кладбищъ и мечтательный отдыхъ подъ кипарисами составляютъ даже своего рода удовольствіе, пріятную прогулку.

[1]) Въ Бухарѣ всѣ кошки бѣлыя.

Устроено это кладбище довольно своеобразно, аршина на четыре выше уровня улицы, какъ бы на террассѣ, такъ что ряды остросводчатыхъ гробницъ, торчащихъ на высотѣ кирпичной стѣнки, приходятся вровень съ кровлями жилыхъ строенiй, а то и выше. Въ городѣ встрѣчается нѣсколько подобнымъ же образомъ устроенныхъ кладбищъ, и ужъ не знаю, послужили ли для этого ровныя площадки естественныхъ возвышенiй почвы, коихъ бока были срѣзаны и для подпоры обведены потомъ кирпичною стѣной, или эта послѣдняя, какъ увѣряетъ нашъ приставъ, послужила какъ бы ящикомъ для нарочно натасканной и утрамбованной земли. Думаю, впрочемъ, что такъ какъ городъ стоитъ на плоскомъ днищѣ высохшаго озера, то и послѣднее предположенiе не совсѣмъ невѣроятно.

Но вотъ съ тихой улицы повернули мы въ не менѣе тихiй переулокъ, по имени Джаафаръ-Ходжа, и здѣсь у нѣкоторыхъ калитокъ впервые стали попадаться намъ сидящiя дѣти и согбенныя фигуры взрослыхъ, удрученныхъ своею ужасною болѣзнью. Тѣ и другiе тихо просили милостыню, но чуть лишь бросили мы имъ нѣсколько мелочи, какъ въ ту же минуту, словно по сигналу, изо всѣхъ калитокъ вдругъ нахлынула къ намъ толпа прокаженныхъ разныхъ половъ и возрастовъ, и съ молящими криками, указывая на свои отвратительныя язвы и протягивая руки за подаянiемъ, жадно бѣжала у нашего стремени. Новыя пригоршни выброшенной имъ мелочи, казалось, еще усилили ихъ жадность и стремленiе къ погонѣ за нами, такъ что намъ оставалось только поскорѣе выбраться отсюда за черту, далѣе которой не смѣютъ проходить прокаженные.

Въ самомъ дѣлѣ ужасная болѣзнь, и надо видѣть ее воочiю, чтобы постичь весь ея ужасъ. Эти изъязвленныя руки съ гнiющими и отпадающими суставами, эти пупырчатыя, волдырявыя и рубцоватыя лица и головы, нерѣдко превратившiяся въ одну сплошную язву, покрытую корой, на которой чуть видны гноящiеся глаза, а носъ и ротъ обозначаются

лишь провалившимися дырами, все это такъ ужасно и отвратительно, что не всякіе нервы выдержатъ безъ содроганія одинъ видъ такого больнаго. Называется здѣсь эта болѣзнь махао-пись, и начинается она обыкновенно съ того, что тѣло покрывается сыпью, а затѣмъ нѣкоторыя части, преимущественно конечности, пріобрѣтаютъ неестественно матовый, молочно-бѣлый цвѣтъ кожи, которая мѣстами иногда твердѣетъ въ родѣ ногтеваго рога, а иногда шелушится и при этомъ получаетъ чешуйчатый видъ, словно змѣиная шкура. Пятна эти, распространяясь все далѣе и далѣе, покрываютъ наконецъ все тѣло. Вмѣстѣ съ этимъ, голова и лицо покрываются уродливыми пупырями, рубцами и шишками, которыя трескаются и изъязвляются; лимфатическія железа припухаютъ, отдѣленія кожи прекращаются, мускулы атрофируются, ноги начинаютъ пухнуть отъ отека и утолщаться бугристыми желваками до того, что становятся слонообразными; чувство осязанія въ организмѣ притупляется, такъ что больной не ощущаетъ даже обжоговъ, ногти крошатся, слизистыя оболочки рта, носа и глазъ поражаются утолщеніями и изъязвленіями, вслѣдъ за которыми начинаютъ гнить гортань, кости нёба, носовые хрящи и суставы пальцевъ, въ ранахъ заводятся черви; затѣмъ носъ проваливается, а суставы постепенно отпадаютъ, дыханіе становится крайне зловоннымъ, и больной чувствуетъ, что ему все болѣе и болѣе не хватаетъ воздуха. Вмѣстѣ съ этимъ идетъ полное разстройство нервной системы и желудочныхъ отправленій, причемъ первое проявляется судорогами и корчами, а второе сильными запорами, и наконецъ болѣзнь эта всегда сопровождается лихорадкой и часто сведеніемъ конечностей и позвоночника. Но замѣчательнѣе всего то, что пораженные проказой, эти смердящіе ходячіе трупы, обреченные заживо на постепенное разложеніе, могутъ жить очень долго и нерѣдко дотягиваютъ до глубокой старости. Болѣзнь передается заразой отъ болѣе или менѣе продолжительной совмѣстной съ больнымъ жизни и поражаетъ безразлично какъ взрослыхъ, такъ и дѣтей, муж-

чинъ и женщинъ, и недаромъ зовутъ ее здѣсь страшнымъ наказаніемъ Божіимъ, потому что прокаженный тотчасъ же становится отверженцемъ, лишается въ обществѣ всѣхъ своихъ правъ, какъ бы умираетъ гражданскою смертью. Проѣзжая мимо прокаженнаго и бросая ему милостыню, мусульманинъ всегда произноситъ съ покаяннымъ вздохомъ: „тоба́, тоба́!“ — т. е. каюсь въ грѣхахъ своихъ — до такой степени сильное впечатлѣніе, какъ бы кары небесной, производитъ одинъ видъ несчастнаго. При первыхъ признакахъ болѣзни, прокаженнаго тотчасъ же изгоняютъ изъ города въ особый кварталъ, за черту котораго онъ уже никогда болѣе не смѣетъ переступить. За этимъ зорко и строго наблюдаетъ постоянная стража въ устьяхъ улицъ, впадающихъ въ Гузари-Пись, да и сами жители этого квартала весьма ревнивы къ своимъ собратамъ по несчастью. Чуть только прослышатъ они, что кто нибудь въ городѣ заболѣлъ проказой, избранная депутація прокаженныхъ тотчасъ же является на границу своей территоріи и требуетъ немедленной выдачи себѣ такого-то на водвореніе. Часто ближайшіе родственники больнаго, изъ чувства состраданія и семейной привязанности, стараются скрыть поразившее ихъ несчастіе и держатъ больнаго гдѣ нибудь у себя дома въ изолированномъ помѣщеніи, но это вообще строго преслѣдуется, и рѣдкія исключенія допускаются только въ пользу знатныхъ и богатыхъ. Въ семъ послѣднемъ случаѣ депутація прокаженныхъ требуетъ за больнаго въ свою пользу ежегодный выкупъ въ размѣрѣ отъ 250 до 500 тенговъ [1]).

У нихъ въ кварталѣ есть свой выборный акъ-сакалъ (старшина) и свой казій для разбора тяжебныхъ дѣлъ и споровъ, оба изъ числа прокаженныхъ, а также особыя мечети, мехтебы, бани и базаръ, гдѣ обязанности муллъ, учителей, банщиковъ и торговцевъ исполняютъ сами же прокаженные.

Торговое общеніе съ городомъ происходитъ у нихъ обык-

[1]) Отъ 50 до 100 руб. металлическихъ.

новенно такимъ образомъ, что на границѣ квартала въ извѣстное время сходятся базарные акъ-сакалы и торговые приказчики съ городскихъ базаровъ и съ базара прокаженныхъ, причемъ эти послѣднiе заявляютъ, что имъ нужно такихъ-то и такихъ-то продуктовъ и товаровъ въ такомъ-то количествѣ. Цѣна уже извѣстна, а если нѣтъ, то тутъ же сторговываются, и къ слѣдующей сходкѣ имъ доставляется все нужное изъ города. Кромѣ того, многiе родные и благотворители обыкновенно по четвергамъ приносятъ имъ туда подаянiе въ видѣ хлѣбныхъ лепешекъ, кебабовъ и палау, а также и старое носильное платье.

Прокаженные вообще очень заботятся о продолженiи своего потомства и потому охотно вступаютъ между собою въ бракъ. Дѣти, происходящiя отъ такихъ браковъ, разумѣется, еще въ утробѣ матери обречены на ту же болѣзнь и потому, подобно своимъ родителямъ, не пользуются за чертой квартала никакими гражданскими правами. Но замѣчательно, что чаще всего родятся они безо всякихъ внѣшнихъ признаковъ болѣзни, которая обнаруживается у нихъ только впослѣдствiи, нерѣдко уже на пятнадцатомъ и даже на восемнадцатомъ году жизни.

Впрочемъ, случаи заболѣванiя проказой, относительно общей цифры городскаго населенiя, можно назвать довольно рѣдкими. Несравненно болѣе терпитъ Бухара отъ другой, весьма распространенной здѣсь болѣзни, называемой р и ш т о й, и отъ я р я - а ф г а н и, то есть афганской язвы.

Ришта̀ является прямымъ послѣдствiемъ употребленiя въ питье сырой воды изъ здѣшнихъ арыковъ и хаузовъ въ особенности и развивается преимущественно лѣтомъ, отъ мая до августа. По наблюденiямъ покойнаго А. П. Федченко, зародыши ришты находятся въ циклопахъ, едва замѣтныхъ глазу водяныхъ рачкахъ, массами водящихся въ стоячей водѣ. Наблюденiя же доктора М. Клопотовскаго привели его къ заключенiю, что ришта проникаетъ въ тѣло чрезъ кожу. Съ дальнѣйшимъ развитiемъ уже въ тѣлѣ человѣка. ришта пре-

вращается въ длиннаго (свыше полутора аршина) тесемчатаго глиста, похожаго съ виду на отварную вермишелину, на ощупь довольно плотнаго и эластичнаго; головка у него овальная, а хвостикъ вертенообразный. Мѣстомъ своего пребыванія въ человѣческомъ организмѣ глистъ этотъ избираетъ преимущественно ноги, но попадается и въ другихъ частяхъ тѣла. Гнѣздится онъ въ подкожной или междумускульной клѣтчаткѣ, обыкновенно вытянувшись во всю свою длину или же свернувшись въ клубокъ; но въ послѣднемъ, болѣе рѣдкомъ случаѣ клубокъ состоитъ изъ нѣсколькихъ переплетшихся между собою особей. Нерѣдко въ человѣкѣ живетъ по нѣскольку особей въ различныхъ частяхъ тѣла, и Н. Ханыковъ приводитъ примѣръ одного хивинца, у котораго ихъ было сто двадцать. Присутствіе ришты обнаруживается общею опухолью пораженнаго члена, и если глисты свернулись въ клубокъ, то къ опухоли присоединяются узловатые волдыри, а надъ тѣмъ мѣстомъ, гдѣ лежатъ ихъ головки, образуется красный нарывчатый прыщъ. Явленіе это сопровождается сильнымъ зудомъ и дерганьемъ; человѣкъ испытываетъ постоянный внутренній жаръ, сухость во рту и жажду, и освободить его отъ такой напасти можно не иначе, какъ только извлекши глиста совсѣмъ вонъ изъ тѣла. Мѣстные врачи (тебибъ) и даже цирюльники производятъ эту операцію очень искусно: когда нарывъ назрѣваетъ, они осторожно вскрываютъ его бритвой или ножницами и, увидѣвъ головку ришты, подпускаютъ подъ нея маленькій крючечекъ, съ помощью коего и вытягиваютъ ее пальцами наружу. Тогда головка ущемляется между двумя деревянными спичками, которыя затѣмъ накрѣпко связываются между собою ниткой или шелковинкой. Если же головка не найдена, то можно ущемить между спичками и тѣло, просунувъ подъ него одну изъ таковыхъ, и разъ все это продѣлано, начинается самая трудная часть операціи, состоящая въ томъ, что тебибъ осторожно и постепенно вытягиваетъ глиста наружу, наматывая его на спички какъ на катушку, а его помощникъ медленно третъ,

нажимая ладонью, вдоль пораженнаго члена по направленiю къ ранкѣ, чтобы подгонять ришту къ выходу. Если глистъ наматывается легко, то все дѣло кончается въ нѣсколько минутъ, и тогда остается лишь заживить ранку. Но если онъ идетъ очень туго или вовсе не подается впередъ, тогда операцiю на нѣкоторое время прекращаютъ, оставляя вымотанную часть ришты на спичкахъ, которыя забинтовываются на пораженномъ членѣ до другаго раза. Операцiя наматыванiя требуетъ большой осторожности и сноровки, потому что при своей эластичности тесьма ришты легко можетъ оборваться, и тогда больному бѣда. Тутъ уже начинаются серьезныя страданiя на всю жизнь, иногда и со смертельнымъ исходомъ, вслѣдствiе того, что тѣло ришты разлагается и производитъ злокачественное нагноенiе въ занимаемомъ имъ каналѣ. Страданiя эти выражаются опухолями и сильною ломотой въ костяхъ, въ особенности въ тѣхъ случаяхъ, когда тѣло глиста проходило между сочлененiями или въ непосредственномъ сосѣдствѣ съ ними. Еще хуже бываетъ, когда головка остается въ человѣкѣ. Тогда, сохраняя въ себѣ достаточно жизненности, потерпѣвшiй паразитъ немедленно ищетъ себѣ другаго мѣста и забирается куда нибудь поглубже, внутрь организма, откуда его уже невозможно вытянуть. Тамъ онъ отростаетъ снова, поражая своимъ прикосновенiемъ жилы и нервы, вслѣдствiе чего у больнаго сводитъ руки и ноги, которыя послѣ того начинаютъ сохнуть, и человѣкъ либо остается на всю жизнь калѣкой, либо умираетъ отъ истощенiя. Бухарцы приписываютъ эту болѣзнь исключительно водѣ своихъ арыковъ и хаузовъ и потому стараются употреблять ее только прокипяченую; въ сыромъ же видѣ она опасна настолько, что фрукты, обмытыя ею, нерѣдко служатъ причиной заболѣванiя.

Въ той же хаузной водѣ кроется причина и другой общераспространенной въ Средней Азiи язвы, которую бухарцы называютъ афганскою, а русскiе сартовскою болѣзнью, и которая иначе еще называется пша-хурда, то есть злая или ѣдкая муха. Рѣдкiй человѣкъ въ Бухарѣ избѣжалъ этой не-

опрятной и продолжительной болѣзни, которая болѣе всего случается въ дѣтствѣ, поражая преимущественно лицо и руки. Дѣлается она, повидимому, безъ всякой замѣтной причины: просто образуется на лбу или на щекѣ розоватое пятно, постепенно принимающее болѣе сильную окраску до сине-багровой включительно. Пятно это оплотняется и становится узловатымъ, а затѣмъ на немъ открывается мокрая язва. Иногда простой царапины или нечаянно сорваннаго прыщика на лицѣ бываетъ достаточно, чтобы такая ничтожная ранка перешла вскорѣ въ яря-авгани. Болѣзнь, если ее предоставить самой себѣ, обыкновенно длится болѣе года, иногда даже до двухъ лѣтъ, и потомъ проходитъ сама собою, но, къ сожалѣнію, навсегда оставляетъ по себѣ довольно глубокій шрамъ, нерѣдко безобразящій очень красивыя лица. Сарты лечатъ ее вытравливаніемъ посредствомъ ѣдкой мази, составленной изъ мѣднаго купороса, уксуса и меда. М. А. Терентьевъ [1]) полагаетъ, что названія яря-авгани и пша-хурда указываютъ только на попытку объяснить происхожденіе болѣзни, но что во всякомъ случаѣ, гдѣ бы ни была ея родина, это есть одинъ изъ видовъ лепры (проказы), который распространяется по арыкамъ. „Вода, говоритъ онъ, проходя чрезъ весь городъ и омывая на каждомъ дворѣ всякіе секреты, несетъ ихъ далѣе и, чистая на видъ, заражаетъ употребляющихъ ее для умыванія“. И дѣйствительно, язва эта болѣе всего развивается на лицѣ и рукахъ, какъ на наиболѣе омываемыхъ частяхъ тѣла.

Въ заключеніе должно упомянуть еще объ одной мѣстной болѣзни, которая лѣтомъ особенно поражаетъ новопріѣзжихъ и состоитъ въ томъ, что больной, не чувствуя нигдѣ ни малѣйшей боли, впадаетъ въ общее разслабленіе, становится до крайности вялымъ, сонливымъ, самая легкая работа возбуждаетъ въ немъ величайшее отвращеніе, аппетитъ пропадаетъ, каждое движеніе становится въ тягость. При стараніи пересилить себя и не спать, съ больнымъ дѣлаются обмо-

[1]) Матеріалы для статистики Туркестанскаго края, т. II, 113.

роки; неодолимая спячка овладѣваетъ имъ все больше и больше, пока наконецъ не переходитъ въ смерть. Способъ леченія только одинъ: немедленное бѣгство изъ Бухары куда-нибудь подальше, въ горы, гдѣ воздухъ свѣжъ и не такъ жарко. Мѣстное названіе этой болѣзни представляетъ довольно любопытное тождество съ однимъ изъ нашихъ народныхъ кушаній: называется она лапшой.

Хотѣлось намъ осмотрѣть дворецъ, его внутреннее расположеніе, его залы и убранство, вообще видѣть обстановку, въ какой обыкновенно живетъ его высокостепенство, но пристава возразили, что безъ особаго разрѣшенія хазрета сдѣлать этого никакъ невозможно. Желали мы также видѣть Зинданъ (тюрьму) и Кана-хане—знаменитый клоповникъ, но пристава и отъ этого уклонились, сославшись на необходимость опять же особаго разрѣшенія, а эсаулъ-баши при этомъ простосердечно принялся даже увѣрять, что тамъ, ей-ей, нѣтъ ровно ничего хорошаго и смотрѣть совсѣмъ не на что, одна гнусность, преступники и мошенники, которые вполнѣ заслужили свою участь, и только! „И что, молъ, за охота порядочнымъ людямъ омрачать свои благородные мозги не то что зрѣлищемъ, а даже одною мыслью о такой мерзости!“

Замѣтили мы также, что сегодня пристава наши старательно объѣзжаютъ регистанъ и вообще мѣстность около урды, каждый разъ сворачивая на кружные пути, вмѣсто того, чтобы проѣхать иногда кратчайшимъ, прямо чрезъ площадь. И когда ихъ спрашивали, отчего-де не ѣдемъ прямою дорогой, то они либо отмалчивались, какъ бы не замѣтивъ вопроса, либо вскользь бросали отвѣтъ, что такъ лучше.

— А знаете причину? обратился ко мнѣ маіоръ Байтоковъ: тамъ у нихъ сегодня, я слышалъ, кому-то голову рѣзали, а по здѣшнему закону трупъ казненнаго долженъ пролежать на площади не менѣе какъ до заката солнца. Поэтому они и объѣзжаютъ регистанъ, не желая, вѣроятно, чтобы мы видѣли такое зрѣлище.

Предположеніе весьма возможное, и по-моему хорошо уже и то, что здѣсь начинають стыдиться показывать постороннимъ такія вещи, какъ трупы казненныхъ, и такія достопримѣчательности, какъ Зинданъ и клоповникъ. Лѣтъ десять тому назадъ не постѣснились бы.

А кушъ-беги, оказывается, и сегодня не былъ у насъ съ визитомъ.

26 января.

Свѣтлый, теплый день; морозъ не болѣе $^1/_2$ градуса по Реомюру.

Князь никого изъ насъ не посвятилъ въ сущность своихъ вчерашнихъ переговоровъ о телеграфѣ съ Магометъ-Шерифъ-инакомъ, но, кажется, остался доволенъ ихъ результатомъ. Такъ, по крайней мѣрѣ, сказывалъ Байтокову его ординарецъ Асланбекъ, служившій вчера за переводчика.

Вечеромъ посѣтилъ меня довѣренный фирмы братьевъ Каменскихъ, молодой человѣкъ, постоянно живущій здѣсь вмѣстѣ со своею женой. Жалуется, между прочимъ, что непріятно жить изъ-за мелочныхъ придирокъ здѣшнихъ властей. Крупной непріятности, какъ бывало въ прежніе годы, теперь, конечно, сдѣлать не смѣютъ, боятся; но зато на мелочахъ отводятъ себѣ душу, и все это подъ видомъ крайняго благожелательства; слѣдятъ за каждымъ шагомъ; безъ разрѣшенія, напримѣръ, нельзя отлучиться по дѣламъ въ какой нибудь другой городъ: надо напередъ сказаться, что ѣду, молъ, туда-то, за такимъ-то дѣломъ и настолько-то времени. Вообще, русскіе здѣсь окружены цѣлою системой шпіонства: куда ходилъ, гдѣ былъ, съ кѣмъ видѣлся, о чемъ говорилъ, что сдѣлалъ — все это выслѣживаютъ, высматриваютъ, выспрашиваютъ тайкомъ у конторской прислуги изъ туземцевъ и немедленно обо всемъ пишутъ арзы (донесенія) по принадлежности. Ужасно подозрительный и хитрый народъ эти чиновники, хотя и увѣряютъ безпрестанно въ своей дружбѣ.

Женился этотъ молодой человѣкъ назадъ тому около года, въ Россіи, куда нарочно затѣмъ и ѣздилъ. Вернулся обратно

съ молодою женой, и жили они тутъ сначала внутри города, въ томъ караванъ-сараѣ, гдѣ помѣщается контора, но теперь пришлось перебраться за городъ, по той причинѣ, что правовѣрные скандализовались присутствіемъ среди нихъ иноземной женщины, которая ходитъ съ открытымъ лицомъ. Претендовали даже на то, зачѣмъ она появляется безъ покрывала внутри своего двора и на внутреннемъ айванѣ собственной квартиры; требовали, чтобы соотечественница наша отказалась отъ европейскихъ костюмовъ, а приняла бы паранджу и чиметъ, но понятно, что безъ особенной привычки не только европейская женщина, а и степная киргизка не въ состояніи этого сдѣлать: при здѣшнемъ зноѣ, отъ духоты невозможно дышать подъ мелкою волосяною сѣткой, не говоря уже о томъ, что сѣтка жестка и колется. Съ своей точки зрѣнія они быть можетъ и правы, но во всякомъ случаѣ подобное существованіе очень стѣснительно, и такимъ образомъ, бѣдная женщина обречена какъ бы на заточеніе, не смѣя показаться за порогъ своего дома, и даже во дворъ-то можно ей выйти не иначе, какъ подъ густымъ вуалемъ. Жаловался также на безпрестанныя проявленія мелочнаго произвола здѣшнихъ чиновниковъ по поводу всякаго пустяка, какой иногда и въ голову не придетъ, на ихъ придирки, изобрѣтательное крючкотворство и прижимки, отъ которыхъ каждый разъ надо откупаться какимъ-либо силяу, то есть взяткой въ видѣ подарка, безъ чего тутъ шагу ступить невозможно, и выражалъ общее желаніе русско-подданныхъ, проживающихъ въ бухарскихъ предѣлахъ, что они-де ждутъ не ждутся когда-то, наконецъ, будетъ назначенъ сюда нашъ постоянный правительственный агентъ, который былъ бы ихъ естественнымъ защитникомъ и покровителемъ. Но этому желанію, кажись, не скоро еще суждено осуществиться...

А кушъ-беги все еще не отдаетъ намъ визита. Что могло бы это значить?...

27 января.

Въ три часа дня посольство въ полномъ своемъ составѣ

отправилось съ прощальнымъ визитомъ къ кушъ-беги. Это было повтореніе почти тѣхъ же церемоній, что и въ прошлый разъ, какъ съ бухарской, такъ и съ нашей стороны; такой же кортежъ по улицамъ, такой же подъемъ съ регистана въ урду по образу пѣшаго хожденія, такой же достарханъ и завтракъ, и варіанты все того же разговора насчетъ „большой" Россіи и „маленькой" Бухары; затѣмъ взаимныя увѣренія въ дружественныхъ чувствахъ и взаимные комплименты— и Бухара-то намъ очень понравилась, и весело-то намъ безконечно, и всѣмъ-то мы по горло довольны и благодаримъ ото всей души за радушное гостепріимство, а насъ благодарятъ за честь посѣщенія,—словомъ, все какъ и быть надлежитъ по обычному шаблону, а потому распространяться объ этомъ не стану. Закончилось, конечно, поднесеніемъ подарковъ, но не взаимнымъ, такъ какъ у насъ дарить было уже нечего, то есть въ распоряженіи старшаго посла не нашлось болѣе подарка, соотвѣтственнаго высокому положенію кушъ-беги; дарить же несоотвѣтственно сану и достоинству лица здѣсь почитается за верхъ неприличія и въ нѣкоторомъ родѣ даже за обиду. Правда, имѣлось еще въ запасѣ нѣсколько хорошихъ вещей, но тѣ еще въ Ташкентѣ были предназначены генералъ-губернаторомъ для сына и наслѣдника эмира, Сеидъ-Абдулъ-Агатъ-хана, бека Керминенскаго. Отправляясь съ прощальнымъ визитомъ къ кушъ-беги, мы надѣялись, что авось-либо сегодня обойдется дѣло безъ подарковъ и мы будемъ избавлены отъ неловкости принимать ихъ не отдаривая, но не тутъ-то было!...

Впрочемъ, кушъ-беги на сей разъ ограничился подарками довольно скромныхъ качествъ и размѣровъ, а именно: въ концѣ завтрака его слуги предъ каждымъ изъ насъ положили на полъ по маленькой связкѣ канауса и адряса, въ сложности по девяти кусковъ на человѣка, а князю сверхъ того прибавили нѣсколько кусковъ бухарскаго бархата. Мы, конечно, очень благодарили, но, говоря откровенно, нельзя не сознаться, что кушъ-беги гораздо бы лучше сдѣлалъ, еслибы нашелъ

возможнымъ не дѣлать намъ вовсе никакихъ подарковъ и тѣмъ избавилъ бы и себя и насъ отъ обоюдной неловкости. Таковъ, по крайней мѣрѣ, мой взглядъ.

Вообще, возвращаясь еще разъ къ весьма щекотливой темѣ о подаркахъ, нахожу не лишнимъ высказать на этотъ счетъ еще нѣсколько мыслей. Всѣ эти торги и переторжки, покупки и продажи подарочныхъ вещей на мѣстѣ просто неприличны, хотя это въ нѣкоторомъ родѣ и освящено уже здѣсь обычаемъ и практикуется съ тѣхъ поръ, какъ между Ташкентомъ и бухарскимъ правительствомъ завязались постоянныя оффиціальныя сношенія посредствомъ особыхъ посланцевъ. Мы, конечно, не виноваты, если къ намъ назойливо пристаютъ и понуждаютъ къ тому сами же бухарцы, да и въ самомъ дѣлѣ не везти же съ собой въ Ташкентъ цѣлый транспортъ ни къ чему ненужныхъ халатовъ, что во всякомъ случаѣ и грузно, и дорого, и затруднительно по условіямъ перевозки. Но если уже необходимо продавать подарки, то слѣдовало бы, мнѣ кажется, сдѣлать для русскихъ пословъ и членовъ посольства обязательнымъ: всѣ деньги, что будутъ выручены отъ распродажи подарочныхъ вещей (за исключеніемъ, разумѣется, тѣхъ вещей, которыя посолъ и члены пожелаютъ оставить себѣ на память) жертвовать въ самой же Бухарѣ на благотворительныя цѣли, о чемъ и заявлять при прощальной аудіенціи самому эмиру и непремѣнно ему самому, вручая тутъ же и деньги, потому что иначе, при передачѣ пожертвованія кому-либо изъ чиновниковъ безъ вѣдома хазрета, оно легко можетъ и не достичь своего предназначенія. Тогда авось-либо мы и отучили бы бухарцевъ отъ обычая дѣлать намъ подарки или, по крайней мѣрѣ, значительно сократили бы размѣры этихъ подарковъ. Тогда, можетъ быть, и бухарцы, въ родѣ совѣтниковъ Каршинскаго бека, отказались бы отъ усвоеннаго ими себѣ убѣжденія, будто русскимъ посламъ нужны не почести и вниманіе, а только подарки да деньги. А то вѣдь это давнымъ-давно уже дошло у насъ просто до скандала; инымъ словомъ я этого и опредѣлить не

могу. Прокутится, напримѣръ, въ Ташкентѣ какой нибудь господчикъ изъ „фазановъ“ и начинаетъ всяческими лазейками пронырствовать, какъ бы ему попасть въ посольство въ Бухару „на поправку“. Сама Бухара его нисколько не интересуетъ, онъ и знать ее не хочетъ, и видѣть въ ней ничего не желаетъ, а интересна ему только „поправка“ на продажѣ подарковъ. И бухарцы чрезъ своихъ негласныхъ ташкентскихъ агентовъ все это прекрасно знаютъ. Судите же сами, чѣмъ, въ сущности, должны казаться въ ихъ глазахъ подобные господа и какого уваженія къ русскимъ посламъ послѣ того мы въ правѣ отъ нихъ требовать! Мнѣ горько высказывать это, и я знаю, что слова мои не понравятся многимъ, но въ то же время убѣжденъ, что люди безпристрастные не найдутъ ихъ несправедливыми.

Остатокъ дня мы провели въ сборахъ къ отъѣзду, который назначенъ на завтра.

А кушъ-беги такъ и не отдалъ намъ визита. Впрочемъ не пріѣдетъ ли завтра на проводы?

IX.

Отъ Бухары до русской границы.

Отъѣздъ изъ Бухары.— Дорога предмѣстьями до Богуеддина и характеръ мѣстной культуры.— Бухарскіе ледники.— Мѣстечко Богуеддинъ и его обитатели.— Корпорація богуеддинскихъ нищихъ.— Мавзолей Даніаръ-аталыка и могила Абдуллахъ-хана.— Гробница Богуеддина.— Значеніе числа семь въ жизни сего святаго.— Казачьи грошики.— Особенности бухарскихъ угощеній и гостепріимства.— Сельское населеніе въ праздникъ.— Бои перепеловъ.— Молотильные курганы.— Мѣстечко Пангадъ.— Ночлегъ въ мѣстечкѣ Бустанъ.— Ваземъ въ Бустанѣ.— Образчики сартовской поэзіи, мадригалы и романсы.— Мервскій танецъ и другія пляски.— Единственное въ своемъ родѣ мѣрило общественной благосостоятельности.— Зеравшанъ и его значеніе для бухарскаго ханства.— Степь Дашты-Малекъ.— Степное марево.— Мѣстечко Малекъ и его древнія развалины.— Батчи въ почетномъ караулѣ.— Почетные посланцы отъ наслѣднаго принца Бухарскаго.— Городъ Кермине, его цитадель, мечеть и легендарное гнѣздо аистовъ.— Наше помѣщеніе.— Визитъ къ наслѣдному принцу.— Парадная встрѣча.— Дворецъ принца и его обстановка.— Принцъ Сеидъ-Абдулъ-Агатъ-ханъ, его наружность и характеръ.— Что его интересуетъ.— Смотръ нашимъ казакамъ.— „Керминенская“ политическая партія и ея планы.— Неожиданная любезность кавказскаго человѣка.— Комнатный холодъ.— Дорога отъ Кермине до Зіаеддина.— Послѣдствія каршинскаго урока.— Городъ Зіаеддинъ и его фальшивая крѣпость.— Обстановка дома зіаеддинскаго бека.— Неудобный почетный караулъ.— Обличительная надпись.— Отъѣздъ изъ Зіаеддина.— Характеръ мѣстности.— Мѣстечки Миръ и Касагаранъ.— Послѣднее бухарское угощеніе посольства.— Русская граница.— Памятникъ на мѣстѣ Зирабулакскаго боя.— Видъ на Зеравшанскую долину.— Русскіе полицейскіе джигиты.— Новая страсть домашняго хозяйства у русскихъ сартовъ.— Городъ Катта-Курганъ.— Мы дома.

28 января.

Выѣхали мы изъ Бухары безо всякой помпы и офиціальныхъ провожаній, въ восемь часовъ утра и направились —

князь со свитой верхомъ въ самаркандскія, а я съ Асланбекомъ въ коляскѣ въ мазарскія (кладбищенскія) ворота. Причина такого раздѣленія заключалась въ томъ, что я, въ качествѣ „любознательнаго путешественника“, хотѣлъ видѣть самое священное мѣсто Бухары, а Асланбекъ, въ качествѣ добраго мусульманина, не только видѣть, но и поклониться тамъ гробу святаго Богуеддина Накшбенди, который считается патрономъ города Бухары, какъ Кусамъ-Шахи-Зиндà и Ходжа-Ахаръ патронами Самарканда. Насъ сопровождали одинъ изъ приставовъ, эсаулъ-баши, двое полицейскихъ, четверо казаковъ посольскаго конвоя и мой Сайфуддинъ, котораго я взялъ для того, чтобъ онъ, въ случаѣ надобности, могъ послужить мнѣ за переводчика.

Къ мазарскимъ воротамъ непосредственно примыкаетъ обширное, густо захороненное кладбище съ полуразрушенными мавзолеями и гробницами. Оно относится къ тѣмъ древнимъ временамъ, когда бухарцы считали еще нужнымъ заботиться о прахѣ своихъ близкихъ и хранить о нихъ воспоминанія въ видѣ надгробныхъ памятниковъ. Съ тѣхъ поръ мавзолеи и гробницы давнымъ-давно уже успѣли завалиться, обрушиться и придти къ полное запущеніе, такъ какъ никто не заботится о поддержаніи ихъ въ приличномъ видѣ.

Мѣстечко Богуеддинъ лежитъ къ востоку отъ Бухары, въ девяти верстахъ разстоянія. Дорога ведетъ къ нему широкая, гладкая. По сторонамъ ея тянутся густо заселенные кишлаки и отдѣльные хутора или фермы (чербахи), утопая во фруктовыхъ садахъ и виноградникахъ, среди старорослыхъ тополей и платановъ. Тутовыя, хлопковыя, табачныя и иныя плантаціи идутъ въ перемежку съ селеніями. Часто къ самой дорогѣ вдругъ выбѣгаютъ веселыя лужайки и рощицы. Все это разбито правильными четырехъугольниками на отдѣльные участки, по одному, по два танапа и болѣе, обмежевано арыками и глиняными стѣнками и обсажено по межамъ рядами тутовыхъ, таловыхъ и тополевыхъ деревьевъ. Снѣгъ совсѣмъ уже стаялъ, и на сырой землѣ начинаетъ

кое-гдѣ пробиваться свѣжая травка. Около домовъ на улицѣ соръ подметенъ, арыки не загажены, стѣны во многихъ мѣстахъ подбѣлены, всюду замѣтна чистота и порядокъ, такъ что, повидимому, предмѣстья содержатся здѣсь гораздо чище города. Вообще, все пространство между городомъ и Богуеддиномъ представляетъ мѣстность сполна и хорошо культивированную, за исключеніемъ кое-гдѣ разбросанныхъ кургановъ, служащихъ кладбищами, и эта культурность производитъ отрадное впечатлѣніе, въ особенности когда вы знаете какого упорнаго и постояннаго труда, какой вѣчной борьбы съ природой стóитъ она здѣшнему земледѣльцу.

По дорогѣ я имѣлъ случай видѣть, какъ устраиваются въ Бухарѣ ледники. Способъ весьма оригинальный: расчищается гладкая площадка, ровно усыпается крупнымъ пескомъ и затѣмъ покрывается барданами и чіями [1]). На эту подстилку накладываются сплошными рядами большіе куски льда, привозимаго съ большихъ арыковъ, озеръ и хаузовъ, такъ что получается четырехъугольникъ, въ длину шаговъ тридцать, въ ширину пятнадцать и въ вышину до двухъ съ половиной аршинъ. Съ боковъ и сверху этотъ ледъ обкладывается опять же чіями и барданами въ нѣсколько рядовъ, которые снаружи покрываются плотнымъ слоемъ глины. Затѣмъ, отступя на пол-аршина, чтобъ оставить извѣстное пространство, какъ бы въ видѣ пазухи, для свободнаго тока воздуха, выводятся вкругъ ледника толстыя наружныя стѣнки изъ глины, смѣшанной съ саманомъ [2]) и покрываются плоскою глиняною кровлей по обыкновенному сартовскому способу, какъ для сараевъ и навѣсовъ. Говорятъ, что въ ледникѣ, устроенномъ подобнымъ образомъ, ледъ, не тая, можетъ сохраняться сколько угодно лѣтъ, не смотря на самые убійственные и продолжительные

[1]) Плетеныя драначатыя цѣновки и маты изъ длинныхъ, ровно обрѣзанныхъ и прошитыхъ суровою ниткой тростниковыхъ стеблей.

[2]) Саманъ — солома изъ-подъ обмолоченнаго хлѣба и соломенная рѣзка.

жары здѣшняго лѣта. Ледникъ, который мы видѣли, строился для эмира.

Чрезъ полчаса мы уже въѣзжали въ Богуеддинъ.

Это небольшое мѣстечко, съ двумя, тремя заѣзжими дворами, нѣсколькими чайна-ханѐ и небольшимъ базаромъ. Строенія эти съ западной и южной стороны окружаютъ стѣнку небольшаго кладбища, которое, въ свой чередъ, окружаетъ со всѣхъ сторонъ стѣны двора, гдѣ находится гробница святаго, составляющая какъ бы центральный пунктъ всего мѣста. При кладбищѣ, которое носитъ названіе „Священнаго" (Мазари-Шерифъ), находится монастырь (ханкахъ) съ нѣсколькими мечетями, большая медрессе, построенная родоначальникомъ нынѣшней династіи, Даніаръ-аталыкомъ [1]), и садъ Сайми-гули-сурхъ, гдѣ культивируются прекрасныя розы и бываетъ разъ въ годъ большое весеннее гулянье, когда розы только что распустятся. Вся Бухара и самъ эмиръ со всѣмъ своимъ дворомъ и сановниками съѣзжаются тогда въ Сайми-гули-сурхъ любоваться на пышные кусты разнообразныхъ розъ и наслаждаться ихъ ароматомъ.

Надо замѣтить, что населеніе мѣстечка состоитъ исключительно изъ потомковъ святаго Богуеддина, которые давно уже присвоили себѣ титулъ ходжей [3]) и право селиться около могилы своего знаменитаго предка. Кромѣ ихъ, никто и ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть поселенъ ни въ самомъ мѣстечкѣ, ни на земляхъ, ему принадлежащихъ.

Мы подъѣхали къ высокой аркѣ каменныхъ монастырскихъ

[1]) Аталыкъ былъ самый высокій чинъ въ государствѣ, выше котораго никто изъ подданныхъ не могъ уже возвыситься. Онъ былъ равнозначителенъ вице-королю и совмѣщалъ въ себѣ обязанности визиря, главнокомандующаго и мажордома.

[3]) Надо отличать часто у насъ смѣшиваемыя слова ходжа и хаджи. Первое принадлежитъ какъ родовой титулъ потомкамъ Абубекра-Садыка и Омаръ-Уль-Фарука, первыхъ послѣдователей Магомета, а второе составляетъ только почетное прозвище поклонниковъ, побывавшихъ въ Меккѣ и равносильно нашему „странникъ", „паломникъ".

воротъ, на которыхъ мирно высится большое гнѣздо аистовъ, гдѣ вывелось уже много поколѣній этой, въ нѣкоторомъ родѣ, тоже священной птицы. Но тутъ оказалось, что ворота эти совсѣмъ особенныя, и особенность заключается въ томъ, что въ нихъ невозможно пройти иначе, какъ только согнувшись, что̀ называется, въ три погибели. Дѣло въ томъ, что въ стѣны пролета, на высотѣ въ половину человѣческаго роста, наглухо вдѣлано поперечное бревно, въ родѣ мертваго барьера; перелѣзать черезъ — высоко, подлѣзать подъ него — низко; надо стать на колѣно, чтобы перебраться, и хорошо еще, что на сей разъ погода была сухая, а то въ грязь совсѣмъ бы плохо пришлось. Это, какъ намъ пояснили, устроено затѣмъ, „да не внидетъ никто въ святое мѣсто съ дерзновенно поднятою головой, но всякъ да преклонится до земли въ преддверіи гробницы святаго“. Нечего дѣлать, преклонились и вошли.

Отъ самыхъ воротъ начинается длинный, вымощенный булыжнымъ камнемъ проходъ, по бокамъ котораго идутъ сплошные ряды низенькихъ конурообразныхъ мазанокъ, каждая съ дырой, замѣняющею и дверь и окно. Все это сѣро, закопчено, грязно и либо голо, либо наполнено какимъ-то отребьемъ и лохмотьями, вообще неприглядно въ высшей степени. Весь проходъ по обѣ стороны усѣянъ тѣсными группами нищихъ — слѣпыхъ, калѣкъ, убогихъ и паршивыхъ. Тутъ вы встрѣчаете стариковъ и дѣтей разныхъ возрастовъ, и молодыхъ женщинъ, и безобразныхъ старухъ съ открытыми лицами. И тутъ же, къ удивленію, между дѣйствительно убогими, протягиваютъ къ вамъ руки за подаяніемъ здоровенные, мускулистые парни лѣтъ двадцати, тридцати, которымъ бы только работать да работать, а они милостыню клянчатъ. Вся эта орава разными голосами скороговоркой канючитъ, ноетъ и верещитъ вамъ въ уши на извѣстный нищенскій речитативъ и тянется за подаянной монеткой. Не подавая можно еще кое-какъ пройти; за вами только будетъ слѣдовать съ боковъ и сзади толпа попрошаекъ, которая, по мѣрѣ

дальнѣйшаго вашего движенія по проходу, будетъ все прибывать, иногда забѣгая впередъ и надоѣдая своимъ попрошайствомъ. Но Боже избави подать имъ что-либо! Чуть только увидятъ, что вы дали одному, на васъ тотчасъ же со всѣхъ сторонъ нахлынутъ цѣлыя шайки и, обступивъ вплотную, затолкаютъ, затискаютъ, чуть съ ногъ не сшибутъ, чуть не разорвутъ васъ на части, а руки ужъ навѣрное исцарапаютъ. Все это съ лютою жадностью напираетъ одинъ на другаго, отстраняетъ и давитъ другъ друга, продирается впередъ, тычется къ вашему лицу съ закорузлыми, грязными ладонями, выставляя напоказъ свои зіяющія раны и смердящія язвы, хватаетъ васъ за руку, чтобы разжать пальцы и вынуть изъ горсти мелкія монетки и при этомъ галдитъ, оретъ и вопіетъ немилосердно. Мы съ Асланбекомъ просто жизни не рады были, что вздумали подавать имъ, и ужъ не знаю чѣмъ бы все это кончилось, если бы не нагайки нашихъ полицейскихъ, которыя безо всякой церемоніи пошли гулять по спинамъ нападающихъ нищихъ. Первое было только противно, послѣднее же возмутительно до нравственной боли, такъ какъ и безъ того уже жалко было глядѣть на этихъ несчастныхъ, но, къ сожалѣнію, безъ этой крайней мѣры не было иной возможности выручить насъ изъ насѣвшей на обоихъ оравы. Это не люди, а какая-то стая голодныхъ псовъ, среди которой мы вдругъ появились съ костью. Здоровенные парни, какъ наиболѣе сильные, отталкивали калѣкъ, стараясь сами заступить ихъ мѣсто, и если какая копѣйка перепадала дѣйствительно убогому, лишенному возможности подняться съ земли, то здоровяки просто накидывались на такого и отнимали деньги грабежомъ, употребляя тотъ же пріемъ насильственнаго разжатія пальцевъ или душенія за горло. Одна старуха, подхвативъ на-лету мѣдную пулу, быстро отправила ее къ себѣ за щеку; но въ тотъ же мигъ какой-то, подмѣтившій это, дѣтина еще быстрѣе залѣзъ пальцемъ въ ротъ, и сколько ни сопротивлялась старуха, сколько ни мотала головой, какъ ни сжимала губы и какъ ни мычала при этомъ,—дѣтина все-таки вытащилъ у

нея монетку. Гамъ и ругательства, давка и драка, хриплые крики и пронзительные взвизги, дѣтскій ревъ и этотъ ноющій, назойливый речитативъ, и эти щелкающіе по чемъ ни попадя нагайки, все это являло одну изъ такихъ отвратительныхъ картинъ, которыя поневолѣ заставляютъ съ гадливымъ чувствомъ относиться къ человѣку. Тутъ уже утраченъ всякій образъ человѣческій и осталось одно лишь „подобіе звѣрино". Вся эта компанія составляетъ привилегированную корпорацію богуеддинскихъ нищихъ. Они живутъ на иждивеніи монастыря, который даетъ имъ ежедневную пищу и даровое помѣщеніе въ этихъ самыхъ конурахъ, что̀ тянутся вдоль прохода, и многіе, какъ особаго благополучія, домогаются попасть сюда на монастырскіе хлѣба. Но для этого необходимо нужна протекція со стороны какого либо изъ жителей сего мѣстечка. Если есть кому походатайствовать за желающаго у шейха-мутевалія, то бѣднякъ записывается въ кандидаты и ждетъ, пока не умретъ кто-либо изъ членовъ корпораціи, ибо только въ такомъ случаѣ можетъ онъ попасть на очистившееся мѣсто.

Влѣво отъ прохода высится четырехсторонній мавзолей съ мавританскимъ порталомъ и куполомъ, построенный изъ обожженаго кирпича, но не оштукатуренный. Внутри его погребенъ Даніаръ-бекъ, отецъ эмира Маассума, всевластный аталыкъ послѣдняго изъ Аштарханидовъ, Абдулъ-Гази-хана, котораго Даніаръ держалъ въ такомъ страхѣ предъ собою, что тотъ безъ его согласія не смѣлъ даже выйти изъ дому. Неподалеку отъ мавзолея, у самыхъ стѣнъ кладбища, находится и медрессе имени аталыка, новой, довольно красивой постройки.

Кладбище усѣяно намогильными плитами изъ сѣраго мрамора и кирпичными гробницами, облицованными алебастромъ. Здѣсь обращаетъ на себя вниманіе одинъ памятникъ, имѣющій форму квадратной ограды, саженъ около двухъ въ длину и столько же въ вышину, такъ что въ цѣломъ онъ походитъ на кубъ, увѣнчанный сквозною каменною балюстрадой. Какъ рѣшетка балюстрады, такъ и самая ограда сложены изъ боль-

шихъ, грубо обтесанныхъ кусковъ сѣраго мрамора и какого-то крупно зернистаго, съ блестящимъ изломомъ на поверхности, чернаго камня. Ограда доверху наполнена землей, гдѣ и погребенъ Абдуллахъ-ханъ, память о которомъ живетъ и до нашихъ дней во множествѣ его, еще уцѣлѣвшихъ, монументальныхъ построекъ, въ особенности степныхъ сардобъ и рабатовъ. Глядя на его скромную могилу, невольно приходитъ на мысль, что не грѣшно было бы бухарцамъ почтить достойнымъ мавзолеемъ прахъ того, кто былъ однимъ изъ лучшихъ ихъ государей и оказалъ своей странѣ столько благодѣяній.

Наконецъ подошли мы къ высокой бѣлой стѣнѣ, около которой росло нѣсколько раскидистыхъ деревьевъ. Изъ-подъ ихъ сѣни выглядывали большія ворота, коихъ массивныя деревянныя створы были украшены бронзовыми скобами и нѣсколькими висячими ручками, въ видѣ массивныхъ серегъ, старинной работы и очень красиваго рисунка. Глубоко рельефная узорчатая рѣзьба этихъ створъ также очень хороша, но, къ сожалѣнію, новѣйшее безвкусіе выкрасило ихъ зеленою и красною краской. Надъ воротами красуется цѣлая коллекція маральихъ, турьихъ и оленьихъ роговъ, какъ символъ величія и силы святаго. Это все приношенія поклонниковъ изъ горныхъ странъ, гдѣ водятся такія животныя.

На извѣщательный ударъ пристава серьгой о скобу, изнутри послышались старческіе шаги, и черезъ минуту одна изъ тяжелыхъ створъ медленно раскрылась предъ нами. Мы переступили порогъ и очутились въ закрытомъ со всѣхъ сторонъ дворикѣ или садикѣ, подъ раскидистою сѣнью нѣсколькихъ высокихъ древнихъ карагачей и чинаровъ. Лѣтомъ здѣсь должно быть прелестно. Дворикъ не великъ, въ длину шаговъ пятьдесятъ съ небольшимъ, имѣетъ форму четырехъугольника и довольно тщательно выложенъ въ шашку квадратными кирпичными плитками. Съ сѣверной и южной стороны замыкаютъ его боковые фасады двухъ мечетей, а съ западной и восточной — высокія стѣны ограды. Въ западной стѣнѣ находятся тѣ главныя ворота, въ которыя насъ сюда впустили.

Проходъ изъ-подъ нихъ пересѣкаетъ собою возвышенную широкую веранду съ навѣсомъ на рѣзныхъ колонкахъ, которая пристроена со внутренней стороны къ западной стѣнѣ и соединяетъ въ видѣ галлереи обѣ мечети, изъ коихъ выходятъ на нее двѣ боковыя двери. Правая или южная мечеть носитъ названіе Хакимъ-кушъ-беги, въ честь своего строителя. Она не велика, но очень изящно украшена лѣпною работой изъ алебастра и расписана по фризамъ и на потолкѣ al fresco. Сѣверная же обширная мечеть сооружена ханомъ Абдулъ-Азисомъ [1]), въ противоположность своей сосѣдкѣ, отличается характеромъ нѣсколько суровой простоты, безъ всякихъ украшеній. Часть ея глубокаго купола со внутренней стороны или осталась недостроенною, или обрушилась впослѣдствіи, обнаживъ переборки деревяннаго каркаса, да такъ и осталась безъ поправки, вѣроятно, въ ожиданіи дальнѣйшаго разрушенія.

Осмотрѣвъ обѣ мечети, мы вернулись на веранду внутренняго дворика и только тутъ обратили вниманіе на ея оригинальныя украшенія. Потолокъ и задняя стѣна ея расписаны пестрыми арабесками, среди коихъ на стѣнѣ выдѣляются большія черныя надписи изъ Корана, а съ потолка спускаются ряды люстръ, паникадилъ, лампадъ и затѣйливыхъ фонарей съ цвѣтными стеклами. Всѣ эти паникадила и люстры совершенно такія же, какія можно встрѣтить и теперь во многихъ нашихъ старинныхъ церквахъ, да они и были въ разное время вывезены изъ Россіи благочестивыми поклонниками изъ нашихъ богатыхъ татаръ и изъ здѣшнихъ купцовъ, что наѣзжаютъ къ намъ на Макарьевскую ярмарку.

Гробница святаго Богуеддина находится прямо противъ главныхъ воротъ въ юго-восточномъ углу дворика. Она представляетъ четырехсторонній массивный фундаментъ, сложенный изъ большихъ, грубо обтесанныхъ плитокъ мрамора и по внѣшнему виду походитъ на гробницу Абдуллахъ-хана. Вы-

[1]) Сынъ Обейдуллаха, изъ династіи Шейбанидовъ, царствовалъ въ 948 (1541) по 958 (1551) годъ.

сота ея два съ половиной аршина, а длина по двѣнадцати шаговъ съ каждаго бока. Въ головахъ гробницы находится выступъ изъ глыбы бѣлаго мрамора, покрытый узорчатыми изваяніями, а въ ногахъ, въ видѣ продолговатой доски, длиной около аршина съ четвертью, вдѣланъ черный камень, называемый бухарцами сянги-мурадъ. Точно такого же вида плитки чернаго камня вдѣланы въ мавзолей подъ верхнимъ карнизомъ и съ правой, и съ лѣвой руки. Съ этой послѣдней стороны, прислоненная къ карнизу, торчитъ цѣлая связка бунчуковъ, а въ головахъ, на высокомъ шестѣ, качается по вѣтру большой бунчукъ, подвѣшенный подъ металлическое яблоко, которое, будучи полымъ внутри, издаетъ при каждомъ колебаніи тихій звонъ, какъ бубенчикъ. Головная часть гробницы обращена къ сѣверу, и въ двухъ шагахъ отъ нея, рядомъ съ высокимъ шестомъ, находится священный ключъ прекрасной воды, а еще далѣе — бассейнъ, обложенный плитой, и около него, по ту сторону — небольшой кіоскъ, внутри котораго также есть водоемъ въ большомъ чанѣ.

Вдоль южной стѣны дворика, начиная отъ юго-западнаго угла гробницы, по направленію къ главнымъ воротамъ, идутъ въ рядъ еще семь другихъ гробницъ обыкновенной здѣшней формы, въ видѣ двускатныхъ, слегка округленныхъ саркофаговъ, облицованныхъ алебастромъ. Тутъ покоятся семь главнѣйшихъ учениковъ и послѣдователей Богуеддина, принявшихъ послѣдній вздохъ своего пира[1]), при его кончинѣ.

Вдоль изголовьевъ этихъ гробницъ постланъ на помостѣ большой паласовый коверъ, а надъ нимъ сверху, въ наклонномъ положеніи, протянутъ на шестахъ наметъ отъ большой палатки, сверху зеленый, а съ исподу пестрый, узорчато составленный изъ кусковъ различныхъ матерій. Подъ этимъ наметомъ преважно возсѣдаютъ на собственныхъ пяткахъ семь чалмоносныхъ шейховъ, представителей рода Накшбенди. Предъ каждымъ изъ нихъ лежитъ по небольшой кучкѣ мѣдныхъ,

[1]) Пиръ — духовный наставникъ.

серебряныхъ и золотыхъ монетъ, которыя съ утра, съ приходомъ сюда на дежурство, они выкладываютъ изъ собственныхъ кармановъ, въ видѣ приношенія, якобы собраннаго отъ доброхотныхъ дателей уже сегодня, и тѣмъ приглашаютъ новыхъ посѣтителей къ дальнѣйшимъ пожертвованіямъ.

Я уже сказалъ, что право селиться въ мѣстечкѣ около Мазари-Шерифа принадлежитъ исключительно потомкамъ Боуеддина, присвоившимъ себѣ титулъ ходжей. Община этихъ потомковъ сдаетъ могилу своего святаго предка въ аренду тридцати двумъ шейхамъ, представителямъ или старшинамъ своего рода, за 11,000 тенговъ (2,200 р. металл.) въ годъ. Деньги эти идутъ въ раздѣлъ между всѣми жителями мѣстечка, и за это шейхи обязаны содержать въ чистотѣ и порядкѣ не только гробницу съ дворикомъ и мечетями, но и весь Мазари-Шерифъ. Остальной доходъ отъ поклонниковъ поступаетъ уже сполна въ пользу шейховъ-откупщиковъ, которые изъ своей среды назначаютъ по очереди ежедневное дежурство въ числѣ семи человѣкъ при гробницѣ святаго. Доходы же ихъ бываютъ не малые, потому что хазряти-Богуеддинъ Накшбенди—одинъ изъ самыхъ популярнѣйшихъ святыхъ не только въ Бухарѣ, но и во всей Средней Азіи, и троекратное хожденіе на поклоненіе его гробу замѣняетъ для мусульманина странствіе къ далекой Каабѣ въ Мекку. Поэтому можете себѣ представить сколько сюда набирается пилигримовъ. Для Бухары душеспасительныя прогулки въ Богуеддинъ составляютъ одно изъ самыхъ любимыхъ развлеченій; и такъ какъ въ мѣстечкѣ каждую среду бываетъ базаръ (отъ котораго извѣстная часть торговой пошлины тоже поступаетъ въ пользу богуеддинцевъ), то сюда обыкновенно въ этотъ день съѣзжается изъ города и со всѣхъ окрестностей масса народа. Самъ эмиръ какъ бы въ обязательный долгъ поставляетъ себѣ посѣтить ханкахъ и сотворить намазъ предъ могилой святаго каждый разъ какъ выѣзжаетъ въ путешествіе по Каршинской дорогѣ, а равно и при возвращеніи изъ путешествія. А каждое такое посѣщеніе его высокосте-

пенства непремѣнно сопряжено со щедрымъ приношеніемъ. Равно и каждый поклонникъ обязательно долженъ положить что-либо по возможности, но никакъ не менѣе семи пулъ, за прикосновеніе къ сянги-мураду, да столько же за глотокъ воды изъ священнаго колодца. Этотъ колодецъ шейхи уже отъ себя сдаютъ на откупъ одному изъ своей среды, и откупщикъ тоже пользуется большими доходами, въ особенности лѣтомъ, въ жаркую пору, когда каждый отъ жажды не прочь и нѣсколько разъ напиться холодной, чистой и вкусной воды. Въ эту пору, по средамъ и пятницамъ, а также и въ праздничные дни, когда въ ханкахъ набираются массы гулящаго люда, откупщикъ взимаетъ плату и за воду изъ хауза, и за воду изъ чана, что̀ находится въ кіоскѣ, подъ тѣмъ предлогомъ, что она-де изъ одного и того же источника. Наконецъ и самое кладбище приноситъ очень хорошій доходъ за мѣста, уступаемыя подъ могилы. Люди благочестивые и въ то же время состоятельные часто еще при жизни выражаютъ желаніе быть погребенными въ сосѣдствѣ съ досточтимымъ ими праведникомъ и для этого покупаютъ себѣ на кладбищѣ мѣсто, или оставляютъ въ подобномъ смыслѣ завѣщанія своимъ наслѣдникамъ, и такъ какъ на монастырскую землю нѣтъ опредѣленной таксы, то это каждый разъ зависитъ отъ взаимнаго соглашенія, причемъ шейхи, разумѣется, не упускаютъ случая сорвать какъ можно больше въ свою пользу. Превыгодное дѣло быть родственникомъ такого святаго!

Но эксплуатируя память своего предка, эти шейхи знаютъ о немъ очень мало. Не только никто изъ нихъ не позаботился составить его „житіе“, но и устныя преданія о немъ весьма скудны и сбивчивы. Извѣстно только, что жилъ онъ и подвизался при ханѣ Тимурѣ, основалъ и донынѣ здравствующій монашескій орденъ Накшбенди и умеръ семнадцати лѣтъ отъ роду, оставивъ по себѣ нѣсколько послѣдователей, въ числѣ которыхъ былъ и ходжа Обейдуллахъ-Ахраръ, самый ревностный распространитель его ученія, пользовавшійся такимъ почетомъ, какъ ученый и писатель, что современные ему

ханы и члены царственныхъ домовъ наперерывъ другъ предъ другомъ заискивали его расположенія. Самъ же Богуеддинъ не оставилъ по себѣ никакого написаннаго имъ самимъ сочиненія, онъ училъ только устно, и ученіе его записано было уже ходжей Обейдуллахомъ. Шейхи увѣряютъ, что жилъ онъ 514 лѣтъ тому назадъ, стало быть въ 1369 году, но былъ ли то годъ его рожденія или кончины, неизвѣстно. Вообще, относительно года его смерти показанія не отличаются точностью. Такъ, Ханыковъ говоритъ, что умеръ онъ въ 1303 (703), а Вамбери относитъ время его смерти къ 1388 (791) году.

Каждый мусульманинъ, приблизясь къ южному фасу гробницы, непремѣнно останавливается, благоговѣйно прикладываетъ ладони къ сянги-мураду и третъ ихъ о камень, а затѣмъ обтираетъ ими себѣ лицо и бороду. Вслѣдствіе этихъ прикладываній, поверхность сянги-мурада лоснится какъ полированная. Мои спутники-мусульмане также исполнили этотъ обычай, въ результатѣ чего на ихъ физіономіяхъ остались черные слѣды, какъ отъ карандашной пыли. Муллы и шейхи увѣряютъ, что сянги-мурадъ совсѣмъ особенный камень, чуть ли не небеснаго происхожденія и чудодѣйственнаго свойства, и что поэтому одно уже прикосновеніе къ нему производитъ на душу и тѣло пріятное впечатлѣніе.

Зная, что по осмотрѣ гробницы придется сдѣлать приношеніе „въ пользу святаго“, я еще въ Бухарѣ отложилъ въ особый мѣшечекъ пятьдесятъ новенькихъ четвертаковъ, изъ числа отпущенныхъ мнѣ при отъѣздѣ изъ ташкентскаго казначейства. Теперь я положилъ этотъ мѣшечекъ предъ старшимъ шейхомъ, занимавшимъ первое, ближайшее ко гробницѣ мѣсто. Онъ неторопливо развязалъ его и принялся пересчитывать монеты. Остальные внимательно слѣдили за нимъ глазами, словно опасаясь, какъ бы онъ не скралъ чего либо въ свою пользу. Пересчиталъ шейхъ деньги и вдругъ не совсѣмъ-то довольнымъ тономъ обращается къ нашему эсаулъ-баши съ какими-то объясненіями, словно тутъ

недоразумѣніе какое вышло и онъ заявляетъ претензію на что-то. Спрашиваю у эсаулъ-баши черезъ переводчика въ чемъ дѣло.

— Да вотъ шейхъ заявляетъ, что надо еще шесть монетъ добавить.

— Почему это „надо“?

А для того, чтобы выходило число семь.

— Ровно ничего не понимаю. Какое число семь? И почему именно семь?

Потому что число семь угодное святому Богуеддину.

— Опять-таки ничего не понимаю. Что̀ значитъ „угодное святому“?

— Это значитъ, что Богуеддинъ любитъ число семь.

— Любитъ?.. Гм!.. Почему же это онъ его „любитъ“?

— А потому что оно всегда имѣло большое значеніе въ его жизни.

— То есть?

— То есть, онъ родился въ седьмомъ вѣкѣ Геджры, въ седьмомъ мѣсяцѣ года, въ седьмой день недѣли, въ семь часовъ дня; на седьмомъ году жизни изучилъ уже весь Коранъ, семь лѣтъ поучалъ какъ духовный наставникъ и семнадцати лѣтъ отъ роду скончался, оставивъ по себѣ семь главныхъ учениковъ, которые и погребены тутъ, съ нимъ рядомъ, въ семи могилахъ.

— Прекрасно. Но все-таки почему я долженъ добавить еще шесть монетъ? Такса есть у нихъ на это какая нибудь, что ли?

— Нѣтъ, таксы не имѣется, каждый жертвуетъ по возможности, но такъ, чтобы въ эту жертву непремѣнно входило число семь, то есть надо положить либо единожды семь монетъ, либо дважды—семь, либо трижды—семь, словомъ, чтобы все по семи выходило.

— Да тутъ, говорю, у меня не дважды и не трижды, а всѣ семь-семью выходятъ, да еще съ излишкомъ.

— Вотъ, вотъ оно и есть! обрадовался эсаулъ-баши, видя,

что я какъ будто начинаю нѣчто понимать.— Оно и есть, тюря! Въ этомъ-то излишкѣ и все дѣло. Еслибы тюря положилъ ровно семью-семь, то есть сорокъ девять монетъ, все было бы какъ слѣдуетъ; но тюря далъ пятьдесятъ,—одною монетой больше,—стало быть по ихнему выходитъ, что надо добавить еще шесть.

Эта наивная наглость показалась мнѣ довольно забавною, такъ что я не могъ не засмѣяться.

— Скажите ему, порѣшилъ я,— что если его стѣсняетъ лишняя монета, пусть отдастъ ее въ пользу бѣдныхъ.

— О, тюря! Я ужъ и то говорю ему, чтобъ онъ прочистилъ мозги свои, такъ какъ языкъ его болтаетъ вздоръ, а онъ все свое... Ну, да не стòитъ обращать на нихъ вниманія, они всѣ вообще большіе наглецы и къ тому же очень жадны.

Затѣмъ эсаулъ-баши перевелъ шейху мое предложеніе пожертвовать излишекъ въ пользу бѣдныхъ и уже протянулъ было руку чтобъ изъять изъ кучки лишній четвертакъ, какъ вдругъ шейхъ, испуганный возможностью такого исхода, забормотавъ что-то, отрицательно замоталъ головой и поспѣшилъ загородить и прикрыть деньги обѣими пятернями,— точно насѣдка, защищающая свои яйца.

— Ну, пріятель, сотри пыль жадности съ зеркала твоего сердца! махнувъ рукой, порѣшилъ со смѣхомъ эсаулъ-баши.— Будетъ съ тебя и того чтò дали. Будь благополученъ.

Я повернулся уже чтобъ идти, какъ вдругъ гляжу — наши конвойные казаки раскошелились и тоже пресеріозно кладутъ свои грошики къ изголовью гробницы.

— Вы чтò это, братцы?

— А мы тоже, ваше высокоблагородіе, жертвовать, значитъ, желаемъ; пущай и отъ насъ будетъ ихнему святому. Вѣдь онъ у нихъ Богу-то единъ выходитъ, такъ вотъ за это за самое...

И ничто же сумняся, отъ чистаго сердца казаки положили каждый по серебряной тенгѣ,— нужды нѣтъ что святой бусурманскій.

Покинувъ мѣстечко Бугуеддинъ, мы съѣхались съ остальными членами посольства уже за четыре таша (32 версты) отъ Бухары, въ кишлакѣ Куюкъ-Мазаръ, гдѣ былъ приготовленъ намъ завтракъ.

Ужасно много эти бухарцы готовятъ для насъ всякихъ кушаньевъ! Садимся мы за столъ только впятеромъ, а у нихъ настряпано каждый разъ человѣкъ на пятьдесятъ, по крайней мѣрѣ, не считая достархана и того, что̀ наготовлено для конвоя и прислуги. Подаютъ множество всякихъ снѣдей, — правда, очень вкусныхъ, — причемъ всѣ блюда и миски переполнены до невозможности. Всѣ эти кавардаки, кебабы и палау навалены на нихъ не иначе какъ грудами, цѣлою горой, и все это ужасно жирно, нарѣзано громадными кусками и плаваетъ въ растопленномъ курдючномъ салѣ. Каждый разъ идетъ цѣлая процессія слугъ и вноситъ всѣ блюда сразу, загромождаетъ ими сплошь весь столъ, такъ что одно приходится вкривь и вкось на другомъ; густой, топленый жиръ поэтому проливается чрезъ края блюдъ, течетъ по скатерти, каплетъ на дорогой коверъ и стынетъ, и вновь наплываетъ цѣлыми слоями и вновь стынетъ. Пока вы ѣдите что нибудь одно, остальное все уже застыло на морозѣ, обвѣтрилось, покрылось толстымъ слоемъ сала и, конечно, ѣсть его въ такомъ видѣ невозможно. Но таковъ уже законъ здѣшняго гостепріимства: непремѣнно, чтобы много, и непремѣнно все сразу. И это, вотъ уже цѣлый мѣсяцъ, изо дня въ день, постоянно, неукоснительно въ одни и тѣ же часы, по два раза въ сутки, и все одно и то же, одно и то же, безъ малѣйшей перемѣны. У князя взятъ съ собою свой поваръ, и мы пытались было — нельзя ли приспособить его, чтобы готовилъ намъ по-русски то, къ чему мы привыкли, но оказалось нельзя: обижаются, — „наши, молъ, повара не хуже готовятъ, притомъ мы де назначили вамъ лучшихъ поваровъ, знатоковъ своего дѣла, такъ ужъ кушайте пожалуйста и не мудрите, а то вы этимъ нарушите законы нашего гостепріимства и опечалите сердце хаз-

рета, который будетъ думать, что не угодилъ вамъ". Ну, и ничего не подѣлаешь!

Князь въ этотъ день продолжалъ путешествіе верхомъ, я же послѣ завтрака поѣхалъ впередъ одинъ въ коляскѣ. Страна, по которой ѣхалъ я, населена густо. Все время вдоль пути тянется въ садахъ рядъ кишлаковъ и хуторовъ, перемежающихся полосами огороженныхъ плантацій, клеверныхъ лужаекъ и пашень. У жилыхъ мѣстъ, на улицахъ вездѣ отмѣнная чистота, все прибрано, вычищено, подметено,—быть можетъ потому, что сегодня пятница. Вѣроятно по этой же причинѣ встрѣчалось на улицахъ и при дорогѣ много незанятаго народа, исключительно мужчинъ. Собираются они кучками человѣкъ въ двадцать, въ пятьдесятъ, и тихо прогуливаются по своему околодку, или сидятъ, разговаривая между собою, на какомъ нибудь придорожномъ бугоркѣ, либо на перекресткѣ, либо надъ арыкомъ подъ группой старорослыхъ деревьевъ. Не мало такихъ же кучекъ располагается и около лавочекъ съ сушенымъ урюкомъ и фисташками, гдѣ надъ входомъ подвѣшены оплетенныя лыкомъ большія, сладкія дыни и вяленый виноградъ, и около сельскихъ чайныхъ, гдѣ на первомъ планѣ непремѣнно представительствуетъ блестяще вычищенный, пузатый, русскій самоваръ. Многіе предаются при этомъ любимѣйшей здѣшней игрѣ—бою перепеловъ, причемъ зрители держатъ пари за того или другаго бойца. Этихъ птицъ такъ ужъ нарочно къ тому и воспитываютъ, и холятъ, и пріучаютъ, и рѣдкій мальчуганъ выходитъ въ праздникъ на улицу безъ собственнаго ручнаго перепела за пазухой. Тамъ, за пазухой, обыкновенное мѣсто ихъ пребыванія внѣ домашней клѣтки. Многіе взрослые любители, увлекаясь примѣромъ подростковъ, выносятъ и своихъ перепеловъ, и тогда игра начинается уже въ серіозное: въ ставку идутъ не пулы, а тенги и коканы [1]). Сельскій народъ одѣтъ безъ роскоши, но вообще

[1]) Кокандская серебряная монета, по вѣсу нѣсколько менѣе тенги, но принимаемая у насъ въ равной съ нею цѣнѣ. Бухарцы же считаютъ

очень чисто и отличается своимъ степеннымъ видомъ. Нерѣдко отцы, гуляя по улицѣ, исполняютъ обязанности нянекъ, держа на рукахъ маленькихъ закутанныхъ дѣтей, преимущественно дѣвочекъ, съ разрисованными бровями, а женщинъ почти совсѣмъ не видно. Встрѣтилось по дорогѣ нѣсколько верблюжьихъ каравановъ: позвякивая колокольцами и бубенцами, идутъ себѣ неторопливо, гуськомъ изъ Россіи въ Бухару, и предъ каждымъ непремѣнно ѣдетъ на маленькомъ добродушномъ осликѣ самъ караванъ-баши, чуть не касаясь до земли болтающимися ногами. Иногда, впрочемъ, вмѣсто ослика идетъ подъ нимъ лохматая киргизская лошадь.

Около селеній, время отъ времени, попадались намъ особаго рода курганы, которые можно назвать молотильными, такъ какъ служатъ они мѣстнымъ жителямъ для обмолачиванія пшеницы. Къ этому назначенію приспособляются обыкновенно древніе могильные курганы изъ наиболѣе высокихъ, находящіеся по возможности среди самыхъ пашень, чтобы недалеко было таскать снопы. Избирается же для молотьбы вершина кургана, какъ мѣсто болѣе возвышенное и потому болѣе доступное правильному току вѣтра, который легче относилъ бы отбиваемую отъ зерна шелуху и солому (саманъ). Для того, чтобы приготовить себѣ такой курганъ, жители того или другаго кишлака сообща сносятъ всѣ неровности на его вершинѣ, разравниваютъ ее въ совершенно горизонтальную площадку и для большей прочности хорошенько утрамбовываютъ, постепенно и ровно поливая водой, чтобы на ея глинистой почвѣ, подъ дѣйствіемъ солнечныхъ лючей, образовалась совершенно твердая и достаточно толстая корка, на которой удобнѣе молотить. Скаты кургана, обращенные къ югу и юго-западу, срѣзаются отъ подошвы и до края площадки, такъ что съ этой стороны образуется отвѣсный обрывъ, и

коканъ смотря по вѣсу и достоинству металла, отъ 15 до 20 копѣекъ. Надпись на монетѣ гласитъ что она чеканена „въ очаровательномъ Кокандѣ“ (Хоканди лятифъ), какъ надпись на тенгахъ свидѣтельствуетъ, что онѣ выпущены въ свѣтъ „въ Бухарѣ благороднѣйшей“ (Бухари шерифъ).

дѣлается это для того, чтобы при господствующихъ здѣсь сѣверныхъ и сѣверо-восточныхъ вѣтрахъ саманъ не разносился по полю, а падалъ на подвѣтреную сторону въ одну кучу [1]). Съ сѣверной же и восточной стороны иногда, смотря по надобности, разравниваются всходныя тропы, чтобъ ишакамъ, нагруженнымъ снопами, легче было взбираться на молотильную площадку. Сорныя растенія и кусты со всей поверхности кургана или начисто выжигаются, или выдергиваются, чтобы въ ихъ вѣткахъ и сучьяхъ не застрявала и такимъ образомъ не пропадала напрасно солома: здѣсь все имѣетъ свою цѣну въ хозяйствѣ и все пригодно для той или другой надобности. Въ центрѣ площадки вбивается колъ, къ которому во время молотьбы привязываются на чумбурахъ нѣсколько паръ воловъ (для обмолачиванія ихъ гоняютъ шагомъ по кругу; вѣютъ же лопатами). Послѣ такой разработки курганъ является уже совершенно приспособленнымъ къ своему спеціальному назначенію; глина же, вынутая изъ него, идетъ на кирпичи, на обмазку стѣнъ и на устройство полевыхъ оградъ, а если въ ней оказывается достаточно жирности и органическаго перегноя, то и на удобреніе своихъ огородовъ.

На пути проѣхали чрезъ большое мѣстечко Пангадъ [2]), съ весьма оживленнымъ крытымъ базаромъ. Немного въ сторонѣ отъ дороги, среди садовъ, возвышается въ томъ же мѣстечкѣ красная кирпичная мечеть, увѣнчанная большимъ куполомъ, а рядомъ съ ней стоитъ высокій минаретъ оригинальной формы, нѣсколько въ родѣ извѣстной башни Сераскиріата въ Стамбулѣ. По наружнымъ карнизамъ и поясамъ этой мечети и минарета идутъ крупные рельефные узоры „городками", составленные изъ красныхъ же кирпичныхъ плитокъ. Въ общемъ пейзажъ довольно красивъ и оригиналенъ.

[1]) Этотъ матеріалъ подбавляется здѣсь иногда въ пищу скоту, если зимой не хватитъ клеверу, но главнѣйшимъ образомъ, смѣшанный съ глиной, употребляется для выдѣлки сырцовыхъ кирпичей.

[2]) На нашей картѣ Тамахабъ.

На ночлегъ прибыли въ шестомъ часу вечера въ большое базарное мѣстечко Бустанъ, въ трехъ ташахъ пути отъ Куюкъ-Мазара. Въ этотъ день проѣхали мы съ небольшимъ семь ташей (49 верстъ) и все по густо и широко заселенной мѣстности. Дорога все время идетъ людными селеніями и большими садами, гдѣ нерѣдко очень съуживается и пересѣкается арыками, чрезъ которые, впрочемъ, большею частію устроены жердяные мостики, покрытые хворостомъ, камышемъ и землей. На завтра до города Керминѐ остается четыре таша.

Бустанъ славится у бухарцевъ своими искусными плясунами батчами; поэтому сопровождавшіе насъ пристава не упустили, конечно, удобнаго случая задать себѣ „база̀мъ", подъ благовиднымъ предлогомъ доставить развлеченіе посольству. Словомъ база̀мъ или бази̇мъ обозначается здѣсь либо вообще кутежъ, либо праздничное удовольствіе, развлеченіе, вечернее собраніе въ дружеской компаніи, сопровождаемое угощеніями, пѣніемъ и плясками батчей. Пристава, при содѣйствіи мѣстнаго начальства и почетныхъ лицъ, устроили это вечеромъ въ большой цвѣтной палаткѣ, растянутой на выходившей во дворъ террасѣ, для того, чтобы сдѣлать предстоящій праздникъ недоступнымъ толпѣ постороннихъ зрителей, такъ какъ иначе это былъ бы уже не база̀мъ, а томаша, публичное зрѣлище. Волей-неволей пришлось сидѣть и глядѣть, потому что пристава принялись увѣрять, будто мѣстные акъ-саяки [1]) устраиваютъ база̀мъ именно ради посольства, желая этимъ оказать намъ свое любезное вниманіе и гостепріимный почетъ, а потому-де еслибы мы отказались отъ зрѣлища, то этимъ

[1]) Акъ-саякъ въ буквальномъ смыслѣ значитъ бѣлая кость, то есть родовитый человѣкъ, почетное лицо. Такъ вообще называются сеиды, ходжи, люди чиновные и вліятельные, образованные и богатые въ отличіе отъ кара-саяковъ или черной кости, то есть простонародной черни. У киргизовъ акъ-саяками называются ихъ дворяне, члены султанскихъ родовъ, но какъ у нихъ, такъ и у сартовъ названіе это употребляется лишь въ просторѣчіи.

нанесли бы имъ большую обиду. Палатка внутри была освящена нѣсколькими фонарями, да кромѣ того пять-шесть челядинцевъ держали въ рукахъ пучки зажженныхъ сальныхъ свѣчъ, каждая по крайней мѣрѣ вершокъ въ діаметрѣ.

Когда мы вышли на террасу, тамъ собрались уже всѣ мѣстные акъ-саяки, въ числѣ около десяти или двѣнадцати человѣкъ, въ нарядныхъ мѣховыхъ халатахъ (пустунъ), крытыхъ либо тонкимъ сукномъ, либо яркоцвѣтными шелковыми матеріями. На болѣе важныхъ и зажиточныхъ было надѣто даже по нѣскольку халатовъ, а потомъ уже поверхъ всего— пустунъ. Въ дальнемъ углу семь батчей сидѣли отдѣльно отъ остальной публики, спиной къ зрителямъ, собравшись въ свой особый кружокъ, и занимались чаепитіемъ, ни на кого не обращая ни малѣйшаго вниманія.

Мѣстный амлякдаръ, реисъ, акъ-сакалы и акъ-саяки встали намъ навстрѣчу, и каждый, бормоча какое-то привѣтствіе, сначала протягивалъ намъ руку, а потомъ сейчасъ же съ поклономъ проводилъ обѣими ладонями по своимъ щекамъ и бородѣ въ знакъ почтенія. Пришлось совершить всѣмъ поочередно дружеское рукопожатіе, и затѣмъ насъ пригласили сѣсть на путешествующіе съ нами кресла и стулья, разставленные въ рядъ въ глубинѣ палатки.

Подали чай и достарханныя угощенія: яичные бѣлки, взбитые съ мелкимъ сахаромъ, халву изъ кунджутнаго сѣмени, мучнисто-хрупкія сахарныя колечки (парварда), обсахаренныя фисташки (руста) и фисташки каленыя, мелкіе шарики, называемые богарсакъ—нѣчто въ родѣ пышекъ величиной съ горошину, и россійскіе леденцы съ билетиками: „Мила ты мнѣ, мила вѣкъ будешь и была“ и т. п.

Вначалѣ все шло очень чинно и даже натянуто, какъ требуютъ того условія мѣстнаго этикета. Всѣ хранили самый серіозный видъ и больше все помалчивали или перекидывались сосѣдъ съ сосѣдомъ словомъ, другимъ, тише чѣмъ вполголоса. Наши амфитріоны съ важностью усѣлись на коврѣ vis-à-vis—одинъ по правую, другой по лѣвую руку отъ на-

шихъ стульевъ, а позади ихъ у стѣнъ стали челядинцы съ пучками горящихъ свѣчъ, отъ которыхъ, благодаря оплывающему салу, не мало страдали не только ковры, но и спины иныхъ нарядныхъ халатовъ. Впрочемъ, это такая мелочь, на которую порядочный человѣкъ не долженъ здѣсь обращать никакого вниманія, а то, пожалуй, другіе могутъ подумать, что ему какого нибудь халата жалко!

Но вотъ, съ низкими поклонами вошли одинъ за другимъ четыре бубенщика (дангарачи) и усѣлись на коврикѣ всѣ рядомъ, впереди кучки батчей. Предъ ними тотчасъ же поставили плоскую круглую жаровню съ раскаленными угольями, и дангарачи поочередно подержали и расправили надъ горячимъ паромъ свои бубны для большей звучности. Ихъ баши (старшій) медленными ударами пальцевъ о бубенъ далъ знать, что музыка готова къ дѣйствію. Но батчи, повидимому, пропустили это мимо ушей и продолжали заниматься своими собственными разговорами и угощеніями.

Тогда одинъ изъ нашихъ акъ-саяковъ, не вставая съ мѣста, обратился къ нимъ съ любезною просьбой—нельзя ли, молъ, приступить къ началу. Но тѣ только на минутку повернули къ нему головы и сейчасъ же смѣшливо отвернулись съ лукаво-капризными минами. Они видимо насчетъ акъ-саяка перекидывались между собою какими-то критическими замѣчаніями и подсмѣивались надъ нимъ. Тотъ еще деликатнѣе повторилъ свою просьбу, дескать, уши и глаза наши алчутъ насладиться прелестями вашего благороднаго искусства,—но на сей разъ со стороны батчей это не вызвало даже и мимолетнаго вниманія. Видя, что просьба одного не дѣйствуетъ, стали просить уже нѣсколько акъ-саяковъ, и просить усиленно, даже умиленно; но результатъ былъ столь же безуспѣшенъ. Дангарачи-баши между тѣмъ время отъ времени медлительно похлопывалъ пальцами о бубенъ. Тогда двое изъ нашихъ амфитріоновъ нарочно отправились въ уголъ къ батчамъ и очень почтительно открыли съ ними заискивающіе переговоры. Мальчишки очевидно ломались, желая, чтобы ихъ упрашивали

больше и усерднѣе, и наконецъ добились-таки своего. Вѣроятно оно такъ нужно, такъ слѣдуетъ по этикету. Здѣсь вѣдь на все этикетъ.

Батчи поднялись со своихъ мѣстъ и вышли на середину террасы, сопровождаемые взрывомъ радостно торжествующихъ кликовъ и возгласовъ, даже какимъ-то восторженнымъ рычаніемъ и мычаніемъ своихъ ретивыхъ поклонниковъ.

— Э-э-э!.. Якши!... бай-бай якши!.. Куллукъ!.. Рахметъ куллукъ, таксыри! [1]) неслись со всѣхъ сторонъ разнообразныя восклицанія и воздушные поцѣлуи.

Изъ сегодняшнихъ наблюденій надъ пріемами батчей, по сравненію ихъ съ прежде видѣнными, я вывелъ заключеніе, что они всегда руководятся болѣе или менѣе общими и единообразными правилами. Такъ, обыкновенно начинается съ того, что, выступивъ предъ зрителей, они всегда становятся въ рядъ нечетнымъ числомъ, то есть по три, по пяти или по семи. Болѣе искусный танцоръ или запѣвало всегда въ серединѣ. Ординарный костюмъ — легкій ситцевый халатикъ, непремѣнно краснаго цвѣта съ какими нибудь разводами и красный большой поясъ; на головѣ парчевая съ золотомъ или серебромъ тюбетейка, изъ-подъ которой падаютъ на плечи длинныя кудри; передняя же половина темени плотно выстрижена или выбрита. О женскихъ костюмахъ не говорю, такъ какъ тутъ уже нѣтъ извѣстной условности и допускается болѣе фантазіи, роскоши и разнообразія; но надо замѣтить, что бухарцы вообще предпочитаютъ и ставятъ гораздо выше пляску въ мужскомъ костюмѣ, чѣмъ въ женскомъ. Танцуютъ всегда босикомъ, подъ аккомпаниментъ бубенъ и собственнаго пѣнія. Начинается всегда съ хороваго величанія присутствующихъ, гдѣ каждому поется соотвѣтственный комплиментъ и похвала красотѣ или достоинствамъ. Затѣмъ идетъ обыкно-

[1]) То есть: хорошо! благодаримъ, усиленно благодаримъ повелителей нашихъ! Восклицаніе „э-э“ вообще служитъ для выраженія похвалы, удовольствія, торжества и удивленія.

венная пляска, то есть медленное движенiе гуськомъ по кругу съ откинутою нѣсколько назадъ и въ сторону головой, съ легкими пригибаньями колѣнъ и плавнымъ выносомъ рукъ, то правой, то лѣвой, что̀ похоже какъ бы на повелительные жесты. При этомъ всѣ зрители, сидя на пяткахъ, бьютъ тактъ въ ладоши и мѣрно поводятъ въ стороны головами. Танцоры нѣсколько разъ мѣняютъ свое направленiе по кругу, берутъ направо назадъ и налѣво назадъ, принимаютъ въ ту или другую сторону, отступаютъ отъ зрителей пятясь затылкомъ и снова наступаютъ на нихъ всею шеренгой. Затѣмъ тактъ учащается, движенiя плясуновъ становятся живѣе, рѣзче, порывистѣе и наконецъ переходятъ въ быстрое круженiе волчками, иногда въ присядку, подъ акомпаниментъ усиленной дроби на бубнахъ. Послѣ этого вновь начинается пѣнiе, иногда хоромъ, иногда соло, или дуэтомъ въ унисонъ и съ переклинками, въ которыхъ принимаютъ участiе и дангарачи. Потомъ опять плавныя движенiя руками, станомъ и бедрами, опять прогулка гуськомъ по кругу и такъ далѣе до новаго бѣшенаго аллегро и волчкообразнаго круженiя. Такъ повторяется нѣсколько разъ, вѣроятно до извѣстнаго условнаго количества однихъ и тѣхъ же прiемовъ, послѣ чего первое дѣйствiе или такъ-называемая „катта-уинъ“ кончается [1]). Тогда челядинцы простилаютъ предъ зрителями на коврѣ полотенца и ставятъ на нихъ блюда съ дымящимся палау и чашки съ кумысомъ и бузой [2]). Во время этого угощенiя батчи пользуются нѣкоторымъ отдыхомъ, но не всѣ, а поочередно, такъ какъ одинъ или двое задаютъ во время закуски концертъ и распѣваютъ разные нѣжные романсы и мадригалы. Мнѣ удалось добыть здѣсь нѣсколько такихъ, и чтобы дать читателю нѣкоторое понятiе о томъ, что̀ это такое, я предлагаю ихъ въ

[1]) Катта-уинъ значитъ сильная, большая или главная игра.

[2]) Буза—хмѣльной напитокъ, въ родѣ молодаго пива, замѣняющiй сартамъ вино, запрещенное Кораномъ. Приготовляется буза преимущественно изъ проса, которое заваривается и заквашивается, а затѣмъ, при броженiи, разбавляется водой. Дѣлаютъ ее также изъ риса и кукурузы.

переводѣ. Вотъ, напримѣръ, какъ вамъ понравится хотя бы этотъ:

Глаза твои какъ у газели,
А носъ какъ гордый Араратъ,
Уста твои лишь для улыбокъ
И поцѣлуевъ созданы,
А зубы, чтобъ вкушать кишмишъ,
Отборный, первый сортъ, кишмишъ,
Что̀ подаютъ къ столу у шаха.

А вотъ нѣсколько въ другомъ родѣ:

Когда я былъ маленькимъ,
Всему на свѣтѣ предпочиталъ я яблоки;
Когда я сталъ юношей,
Всему на свѣтѣ сталъ предпочитать женщину;
Теперь, когда я старъ и ни къ чему негоденъ,
Всему на свѣтѣ я опять предпочитаю яблоки.

Вотъ мадригалъ, обращенный къ мирзѣ [1]):

Еслибъ ты, мой мирза, превратился въ калямъ,
Я желала-бъ сдѣлаться твоею калямданъ [2]).

Въ томъ же родѣ, но въ болѣе поэтической формѣ:

Еслибъ ты былъ книгой (китабъ),
Я желала бы служить для нея рахилью [3]).
Я желала бы, чтобъ эта книга,
Раскрытая на свѣтлой страницѣ любви,
Всегда, всегда лежала на своей рахили.
Тогда всякій смыслящій цѣнитель,
Взглянувъ на нее, сказалъ бы:
„Какая славная поэма любви!
Какъ хороша эта книга

[1]) Мирза—секретарь, писецъ, вообще письменный человѣкъ.

[2]) Тростинка, замѣняющая на мусульманскомъ Востокѣ перо, называется калямъ, а пиналъ для письменныхъ принадлежностей и чернильница калямданъ.

[3]) Рахиль, это створчатая подставка на шарнирѣ, въ родѣ пюпитра или аналоя, на которую кладется книга. Въ вертикальномъ разрѣзѣ раскрытая рахиль имѣетъ видъ буквы Х. Верхнія щеки ея охватываютъ, какъ бы обнимаютъ, переплетъ развернутой для чтенія книги.

И какъ счастлива должна быть рахиль,
Которой въ удѣлъ досталась честь
Всегда держать въ своихъ объятьяхъ эту книгу!“

Вотъ романсъ, обращенный къ соловью:

О, соловей, любимецъ розы,
Соловей!
Душа моя омрачена печалью,
Соловей!
Какъ страстно любишь розу,
Соловей!
Такъ громко пой ты пѣсню,
Соловей!
Пой громче эту пѣсню,
Соловей!
Чтобъ ею разбудить сердце моего милаго,
Соловей!
Я жажду умереть въ его объятьяхъ,
Соловей!
И роза бы не сохла, кабы не ты,
О, соловей!
И человѣкъ не сохъ бы, кабы не любовь,
О, соловей!

Иногда весь романсъ вертится на разнообразныхъ и, такъ сказать, фугическихъ повтореніяхъ одного и того же слова или фразы, но такъ, чтобы въ общемъ все-таки выходилъ извѣстный смыслъ и являлось бы нѣчто цѣльное, законченное. Такъ, напримѣръ, пѣвецъ-дангарачи, тихо аккомпанируя себѣ на ситарѣ [1]) или на бубнѣ, обращается къ батчѣ и поетъ:

Одну улыбку и больше мнѣ не надо!
Всего лишь одну и больше не надо,
И ничего мнѣ больше не надо,
И совсѣмъ ничего, ничего мнѣ больше не надо,
И не думай, что мнѣ надо,—
Мнѣ не надо!
Не надо!

[1]) Ситара — струнный инструментъ; корпусъ его какъ у мандолины, но только съ длиннымъ грифомъ. Ситара всегда бываетъ о трехъ струнахъ, а дутара о двухъ. Корпусъ дутары треугольный, отчасти напоминаетъ нашу балалайку. Это преимущественно инструментъ киргизовъ.

Но батча не внемлетъ его мольбѣ и дѣлаетъ видъ, что надменно отъ него отворачивается. Пѣвецъ оскорбленъ такимъ презрительнымъ отношеніемъ къ его чувству и потому вдругъ съ азартомъ переходитъ въ высокій фальцетъ. На тоненькую нотку взвивается его гортанный, какъ бы сдавленный голосъ — и ужъ какихъ только трелей не выводитъ онъ на этой курьезной ноткѣ!—и поетъ съ укоромъ:

А-а-а! Ты злой мальчикъ! Ты думалъ, что мнѣ надо,
А мнѣ вотъ не надо, не надо!
И ничего мнѣ больше не надо,
И совсѣмъ ничего, ничего мнѣ больше не надо!
И не думай, что мнѣ надо,—
Мнѣ не надо!
Не надо!

Послѣ этой строфы батча становится благосклоннѣе и медлительно поворачивается къ пѣвцу съ лукаво-кокетливою улыбкой, но тотъ уже вошелъ въ полный азартъ и продолжаетъ теперь все больше и больше его поддразнивать:

Желалъ дарить тебѣ кишмишъ,
А теперь не надо, не надо!
И ничего тебѣ больше не надо!
И совсѣмъ ничего, ничего тебѣ больше не надо!
И не думай, что тебѣ надо,—
Тебѣ не надо!
Не надо!

Батча становится еще благосклоннѣе и начинаетъ уже слегка заискивать въ пѣвцѣ, который между тѣмъ продолжаетъ поддразнивать и высчитывать, что̀ и сколько желалъ ему дарить, но теперь ничего этого уже не надо. Такъ онъ высказываетъ, что думалъ было подарить ему всѣ сласти, всѣ лучшія лакомства міра, а теперь не надо; желалъ дарить коня въ бирюзовомъ уборѣ съ сердоликами и золотыми подвѣсками, желалъ дарить парчевый сарпай (почетный халатъ), унизанный жемчугомъ и самоцвѣтными камнями, желалъ отдать турсукъ, набитый золотыми тилями, и все это за одну

лишь улыбку, а теперь не надо, „и ничего тебѣ больше не надо, и не думай, что надо—тебѣ не надо!“ По мѣрѣ высчитыванія этихъ подарковъ въ возрастающей прогрессіи ихъ значенія и цѣнности, батча становится все благосклоннѣе, все искательнѣе и наконецъ самъ уже проситъ пѣвца вмѣсто всѣхъ сокровищъ подарить ему въ свой чередъ одну улыбку—улыбку примиренія, послѣ которой ему „совсѣмъ ничего, ничего уже больше не надо“.

Всласть накушавшись жирнаго палау, послѣ чего собственные пальцы, служившіе вмѣсто ложекъ, потребовалось облизать и обтереть о чембары, а затѣмъ принявшись за кумысъ и бузу или чай, смотря, что̀ кому больше нравилось, наши амфитріоны потребовали продолженія плясокъ. Теперь батчи уже не заставили упрашивать себя и по первому призыву выступили на сцену. Такъ какъ „главная игра“—каттауинъ, составляющая, такъ сказать, ядро, важнѣйшую и какъ бы офиціальную часть ихъ представленія, была уже кончена, то во второмъ отдѣленіи обычай допускаетъ болѣе варіантовъ игриваго характера и вообще болѣе фантазіи. Это все равно что легкій водевиль послѣ серьезной комедіи. Тутъ-то вотъ и развернулись наши угощатели.

Началось съ очень граціознаго легкаго танца, называемаго м о р и г и, то есть мервскимъ. Танцовали его впятеромъ, для чего танцоры расположились въ такомъ порядкѣ, какъ очки на пятеркѣ домино. У каждаго изъ нихъ было въ рукахъ по двѣ палочки длиной около аршина, которыя они держали предъ собой за нижніе концы. Танцоры, ставъ лицомъ каждый къ своему vis-à-vis и кружась какъ въ вальсѣ, двигались по кругу на встрѣчу другъ дружкѣ, и въ то же время, если можно такъ выразиться, крестъ на крестъ выписывали восьмерки вкругъ средняго батчи, который кружился на одной точкѣ. Тутъ, кромѣ трудности самыхъ фигуръ, главное искусство состоитъ въ томъ, чтобы въ очередь скрещивать удары палочки о палочку у себя и съ противникомъ, да кромѣ того еще и со среднимъ батчей, а этотъ

послѣднiй долженъ отбивать поочередно удары всѣхъ четырехъ танцоровъ; но удары должны быть наносимы и отбиваемы не иначе, какъ въ тактъ, который съ теченiемъ пляски все учащается, что̀ и было между прочимъ въ совершенствѣ продѣлано бустанскими батчами. Говорятъ, что по настоящему танецъ мориги должно танцовать съ обнаженными саблями, какъ и исполняется онъ у туркменъ, но бухарцы не употребляютъ сабель изъ опасенiя, чтобы батчи какъ-нибудь не поранились.

Затѣмъ пошли разныя другiя пляски съ пѣнiемъ и безъ пѣнiя, о которыхъ скажу лишь въ общихъ чертахъ, такъ какъ прiемы ихъ весьма мало разнятся между собой. Напримѣръ, трепетанiе приподнятыхъ и распростертыхъ рукъ, дрожь въ плечахъ, или то, когда батча „поводитъ" плечами и бедрами, или когда онъ схватываетъ себя за концы кудрей и пропускаетъ ихъ между пальцами, какъ бы приглашая — „полюбуйтесь, дескать, шелкъ, а не волосы!" Всѣ эти прiемы и повадки вполнѣ напоминаютъ характеръ цыганской пляски, какую вы можете видѣть въ любомъ хорѣ „московскихъ цыганъ". Это даже, можно сказать, совершенно то же самое. Затѣмъ слѣдуетъ уже нѣчто вполнѣ своеобразное, но не красивое, а именно кувырканье чрезъ голову и запрокидыванiе всѣмъ корпусомъ назадъ, причемъ верхъ искусства состоитъ въ томъ, чтобы, стоя въ такомъ изломанномъ положенiи на своихъ рукахъ и ногахъ, поцѣловать собственную пятку. Другая поза: скрестивъ подъ собою голени и сидя на нихъ что̀ называется „калачикомъ", запрокинуться назадъ въ такой мѣрѣ, чтобы привести корпусъ почти въ лежачее положенiе и начать имъ вращательное движенiе слѣва направо, а затѣмъ справа налѣво, смотря по тому, въ какую сторону „выплываютъ" гуськомъ остальные танцоры. Это требуетъ очень большой гибкости и въ особенности развитiя поясницы. Третья поза—почти то же самое, только стоя на одномъ колѣнѣ, что̀ нѣсколько напоминаетъ испанскую качучу, тѣмъ болѣе, что другой танцоръ, обхаживая въ припляску колѣнопреклонен-

наго батчу, звонко подщелкиваетъ въ это время надъ своею головой пальцами сведенныхъ вмѣстѣ какимъ-то мудренымъ образомъ рукъ. Въ остальномъ же всѣ эти пляски состоятъ изъ подрыгиванiй и мѣрнаго сѣмененья ногами на мѣстѣ съ прихлопываньемъ въ ладоши, что̀ уже мы видѣли еще въ Шаарѣ и чего никакъ не могу я назвать красивымъ. Лица пѣвцовъ и танцоровъ и здѣсь, какъ въ Шаарѣ, освѣщаютъ съ обѣихъ сторонъ пучками сальныхъ свѣчъ, чтобы дать возможность зрителямъ лучше видѣть ихъ выраженiе во время пѣнiя или танца. Впрочемъ, всѣ видѣнные нами до сихъ поръ батчи обыкновенно танцовали съ самыми безстрастными, ровно ничего не выражающими физiономiями, словно они вовсе не веселятся, а только по неволѣ отправляютъ скучную, давно имъ надоѣвшую обязанность; но здѣсь, у бустанскихъ батчей и въ особенности у одного изъ нихъ впервые замѣтили мы довольно выразительную мимику. Позы, движенiя, взглядъ, улыбка — все это порой выражало у нихъ истому и страданiя страсти, ея экзальтацiю, и видимо зажигательнымъ образомъ дѣйствовало на нашихъ акъ-саяковъ, даже на самыхъ старыхъ, бѣлобородыхъ, которые въ такiе моменты вдругъ приходили въ чисто-азiятскiй восторгъ. Лихорадочно оживленныя движенiя, порывистыя вскакиванiя съ мѣста, гогочущiе взрывы одобренiй, стенящiе вздохи и даже какое-то звѣриное рычанье, съ какимъ произносилось это ихнее э-э-э, все это служило проявленiями необузданнаго восторга. Въ обыкновенномъ положенiи всегда степенные, всегда серiозные и очень сдержанные, эти люди были просто неузнаваемы: электризующее присутствiе батчей совершенно ихъ переродило, и не только акъ-саяки, но сами дангарачи, люди, казалось бы, привычные, профессiональные, и тѣ не могутъ удержаться отъ увлеченiя: аккомпанируя на своихъ бубнахъ, съ развитiемъ страстныхъ перепитiй пляски они постепенно входятъ въ азартъ, въ какое-то изступленное неистовство и, стоя на колѣняхъ, всѣмъ своимъ корпусомъ съ вытянутыми впередъ руками, и всѣмъ лицомъ своимъ, и дико пылающими взорами,

и задыхающимися отрывистыми возгласами выражают порывисто-страстное стремленіе къ танцорамъ:

— Э-э-э!.. Тассадукъ!.. Ай-бай!.. Бай-бай! Пропадаемъ! Погибаемъ! Ай, горе! и тому подобные возгласы цѣлыми взрывами оглашали всѣ концы террасы.

Самые почтенные старцы изъ числа нашихъ амфитріоновъ время отъ времени съ подобострастнымъ видомъ собственноручно подносили тому или другому изъ батчей раскуренный чилимъ, чтобы „затянуться" табачнымъ дымомъ, или приставали къ нимъ съ чашкой чая, усиленно и нѣжно прося пригубить изъ нея для освѣженія. А батчи при этомъ кокетливо ломаются, отнѣкиваются, заставляютъ себя упрашивать и наконецъ пригубливаютъ съ гримаской, какъ бы нехотя, но ужъ такъ и быть! въ знакъ особаго снисхожденія къ угощателю. И что̀ за улыбка расплывается въ эту минуту по лицу старца, торжествующаго удовлетвореніе собственнаго самолюбія — дескать „таксыръ изволили уважить мою просьбу, они предо всѣми отличили меня своимъ благосклоннымъ вниманіемъ".

Видѣть все это конечно было любопытно, какъ характерныя черты нравовъ; но въ концѣ-концовъ все же выносишь изъ такого базема брезгливое впечатлѣніе чего-то противнаго, неестественнаго, и такъ какъ бухарцы не знаютъ ни мѣры, ни предѣла своимъ удовольствіямъ этого рода, то видя, что дѣло затягивается надолго, я поспѣшилъ улучить удобную минутку и незамѣтно ушелъ въ свою комнату.

По истинѣ надо удивляться, какъ могутъ эти плясуны въ теченіе трехъ-четырехъ часовъ выдерживать почти безъ малѣйшей передышки такія хореграфическія упражненія, соединенныя со столь порывистыми и технически трудными тѣлодвиженіями.

Кстати: я узналъ, что мѣстечко Бустанъ для собственнаго увеселенія содержитъ на общественный счетъ семь батчей съ обучателемъ и дангарачами. Не смотря на всю дешевизну жизни, надо быть очень зажиточными людьми, чтобы позволять себѣ подобныя прихоти. И дѣйствительно, говорятъ, что

количество и матеріальное положеніе батчей служитъ какъ бы мѣриломъ благосостоятельности того или другаго мѣстечка.

29 января.

Изъ Бустана выѣхали въ восемь часовъ утра. Ясное утро. Морозъ не великъ, но при сѣверо-восточномъ вѣтрѣ казалось очень холодно: стыли ноги, руки и плечи. Не мало-таки далъ себя знать холодъ и на бустанскомъ ночлегѣ: усы, волосы на вискахъ и край одѣяла были покрыты инеемъ отъ дыханія.

Проѣхавъ верстъ пять между прекрасно воздѣланными участками земли и кишлаками, выѣхали наконецъ на открытую, слегка волнистую степь (чуль). Впереди, южнѣе города Кермине виднѣлись скалистыя горы, не обозначенныя впрочемъ на нашей картѣ; туземцы же называютъ ихъ Карнапъ-тау. Тянутся онѣ хребтомъ отъ востока прямо на западъ, а срединная вершина ихъ обращаетъ на себя вниманіе своею оригинальною формой: она значительно возвышается надъ остальными вершинами хребта въ видѣ тонкаго, продольно заостреннаго кряжа, словно лезвіе сѣкиры. Съ выѣздомъ на чуль, долина Зеравшана осталась въ сторонѣ, верстахъ въ восьми лѣвѣе нашего пути, и такъ какъ темя широкой степной волны шло между рѣкой и дорогой, то намъ и не было видно садовъ, окаймляющихъ берега этой рѣки, о которой нѣсколько словъ не будутъ лишними въ виду ея важнаго, жизненнаго значенія для Бухарскаго ханства.

Ханство это, кромѣ юго-восточной своей половины, изрѣзанной хребтами высокихъ горъ, состоитъ изъ глинисто-солонцеватыхъ степей, а такая почва, какъ извѣстно, можетъ быть подвергаема успѣшной обработкѣ только въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ есть вода — все равно будетъ ли то вода рѣкъ, источниковъ или колодцевъ, лишь бы эти послѣдніе не были слишкомъ солоны [1]). Солнце, при помощи хорошаго орошенія,

[1]) Пространства степи, не орошенныя ручьями и потоками, нельзя принимать почти ни въ какое соображеніе при точномъ опредѣленіи экономически производительныхъ силъ этой страны, такъ какъ тамъ возможно

довершаетъ остальное, и бухарскія поля поэтому всегда приносятъ хорошіе урожаи. Самыми живоносными водными артеріями Бухары являются горные потоки, которые съ выходомъ на равнину обращаются въ рѣки, но не достигаютъ своихъ естественныхъ устьевъ въ Аму-Дарью, вслѣдствіе того, что вся масса ихъ воды уходитъ въ оросительные арыки. Самыми значительными изъ такихъ рѣкъ являются: Зеравшанъ, отводъ котораго, благодаря обладанію Самаркандомъ, всегда находится теперь въ нашихъ рукахъ, и рѣка Кашка, иначе называемая Шахрисебсскою рѣкой (Аби-Шахрисебсъ). Но протяженіе послѣдней по крайней мѣрѣ вчетверо короче Зеравшана, который протекаетъ болѣе шестисотъ верстъ, оплодотворяя слишкомъ $4.075{,}_4$ квадратныхъ верстъ или $83{,}_{17}$ квадр. геогр. миль прекрасно обработанной земли, коей наибольшая и наилучшая часть въ настоящее время принадлежитъ Россіи [1]). Въ силу послѣдняго обстоятельства, Кашка-Дарья, не смотря на незначительность ея протяженія, стала теперь для Бухары весьма важною жизненною артеріей, тѣмъ болѣе, что бухарцы владѣютъ не только главнымъ ея теченіемъ, но сполна и всѣми ея истоками. Въ руслѣ Зеравшана попадаются частицы золота, вымываемаго изъ конгломератовъ въ его верховьяхъ. Но не по этой только причинѣ обитатели страны назвали его златоноснымъ [2]), а главнѣйшимъ обра-

лишь номадное существованіе, легко ускользающее изъ-подъ всякаго правительственнаго контроля, какъ въ административномъ, такъ и податномъ отношеніи.

[1]) Въ нашихъ предѣлахъ рѣка протекаетъ 380 верстъ, причемъ ея среднее теченіе и въ особенности островъ Міанкаль (то есть „Срединная земля“, въ длину слишкомъ 100, въ ширину отъ 8 до 13 верстъ) представляютъ самую богатую часть долины, покрытую роскошными садами.

[2]) Зеръ-авшанъ по-таджикски значитъ раздаватель золота (см. Л. Ѳ. Костенко Туркестанскій край, т. I, 132). Золото попадается по всему теченію рѣки въ видѣ мелкихъ зеренъ и тонкихъ пластинокъ, но разработка его приноситъ ничтожныя выгоды. Такъ, напримѣръ, артель изъ четырехъ рабочихъ вымываетъ его въ день, среднимъ счетомъ, на 60 коп. Поэтому золотымъ промысломъ занимаются только безземельные бѣдняки.

зомъ потому, что онъ, благодаря избытку своихъ водъ и періодическимъ разливамъ, дѣлаетъ почву плодородною и тѣмъ вноситъ благосостояніе въ жизнь ея обитателей [1]). Берега Зеравшана представляютъ большія удобства для земледѣлія, въ особенности правый; лѣвый же лежитъ выше уровня водъ и орошается арыкомъ Нарынаемъ, который вытекаетъ изъ Кара-Дарьи, лѣваго рукава Зеравшана, въ нашемъ Катта-Курганскомъ округѣ, и вливается обратно въ Зеравшанъ близъ предмѣстья города Кермине, называемаго Касымъ-Шаиръ. И дѣйствительно, правый берегъ представляетъ непрерывный рядъ потонувшихъ въ садахъ селеній, такъ что все протяженіе рѣки съ выхода ея на равнину представляетъ одинъ сплошной садъ и даетъ понятіе о томъ видѣ, какой имѣла нѣкогда вся страна отъ Ташкента до Хивы и, какъ увѣряютъ здѣсь, даже до Каспія, когда Аму еще не поворачивала въ Аралъ и когда, по словамъ мѣстнаго преданія, котъ могъ дойти изъ Ташкента до моря, перепрыгивая только съ крыши на крышу, и соловей совершить то же путешествіе, перепархивая съ вѣтки на вѣтку. По маздейской легендѣ, Согдъ (впослѣдствіи Когикъ, нынѣ Зеравшанъ) есть „второе благословенное мѣсто, сотворенное зиждительнымъ словомъ Ормузда“, и не даромъ

[1]) Л. Ѳ. Костенко (т. I, 226) замѣчаетъ, что зеравшанская вода не только орошаетъ поля, но дѣйствуетъ такъ же и какъ удобреніе: быстрый токъ Зеравшана въ двухсотверстномъ теченіи (верхнемъ) увлекаетъ множество землистыхъ частицъ, отчего вода его дѣлается совершенно мутною. Наводняя поля, вода оставляетъ на нихъ этотъ илъ, повидимому, весьма плодородный. Въ этомъ отношеніи Зеравшанъ сравниваютъ съ Ниломъ, подобно которому онъ еще издревле привлекалъ къ себѣ жителей. Зеравшанъ въ теченіе года подвергается нѣсколькимъ разливамъ. Первый разливъ, зависящій отъ таянія снѣговъ на горахъ и въ ущельяхъ, а также и отъ дождей, начинается съ середины марта и кончается въ послѣднихъ числахъ апрѣля; второй начинается вскорѣ вслѣдъ за первымъ и кончается въ іюлѣ; это самый полный разливъ; онъ происходитъ отъ таянія вѣчныхъ снѣговъ на главныхъ хребтахъ. Третій разливъ, происходящій въ октябрѣ, незначителенъ и причину его слѣдуетъ искать въ таяніи вновь выпадающаго снѣга и отчасти въ осеннихъ дождяхъ.

по степени значенія для туземцевъ сравниваютъ его съ плодотворнымъ Ниломъ. Полоса полей, орошаемыхъ арычною системой Зеравшана, не вездѣ равномѣрна: мѣстами она суживается до восьми, даже до четырехъ верстъ (въ Хатырчинскомъ бекствѣ), а мѣстами ширится на тридцать, на сорокъ и болѣе верстъ.

Необычайно быстрый и многоводный въ началѣ, Зеравшанъ чѣмъ далѣе углубляется въ степь, тѣмъ становится все мельче и, оросивъ посредствомъ Шахри-руда городъ Бухару, течетъ еще верстъ на семьдесятъ въ юго-западномъ направленіи, за городъ Каракуль, а затѣмъ поворачиваетъ на юго-востокъ параллельно Аму-Дарьѣ и теряется въ озерѣ Сунгурѣ [1]), не дойдя до Аму всего какихъ нибудь сорока верстъ, у города Наразыма, гдѣ находится его естественное устье.

Владѣя Самаркандомъ и Катта-Курганомъ, мы теперь регулярнымъ образомъ снабжаемъ водой всю принадлежащую Бухарѣ часть Зеравшанскаго оазиса, и бухарцы понимаютъ, что „Урусъ" держитъ въ своихъ рукахъ „ключъ ихъ жизни", ибо стóитъ ему не дать имъ воды только двѣ недѣли и—Бухара погибла.

Песчаная степь, по которой мы теперь ѣхали, называется Дашты-Малекъ. Съ сѣвера она ограничена Зеравшаномъ, а къ югу простирается до подножія Карнапскаго кряжа. Пески однако въ ней, на мой взглядъ, вовсе не глубоки и нисколько не увеличиваютъ трудностей движенія. По крайней мѣрѣ $3^1/_2$ таша отъ Бустана до поселка Малекъ, гдѣ назначенъ былъ привалъ для завтрака, мы ѣхали не тише, чѣмъ всегда, и прибыли на пунктъ въ урочную пору, то есть въ началѣ двѣнадцатаго часа утра.

[1]) За озеромъ Сунгуромъ, въ разстояніи трехъ-четырехъ верстъ одно за другимъ, лежатъ еще два озера, Каранга и Денгизъ, которыя своимъ происхожденіемъ обязаны Зеравшану и служили нѣкогда его естественнымъ продолженіемъ. Въ большую полую воду они и теперь соединяются иногда между собою протоками. Отъ Денгиза до Аму-Дарьи всего только около 28 верстъ.

Не доѣзжая верстъ пяти до Малека представилась намъ довольно рѣдкая зимой возможность любоваться степнымъ миражемъ. Поселокъ Малекъ, состоящій не болѣе какъ изъ тридцати домовъ, скучился на совершенно открытой и плоской мѣстности, около развалинъ древняго караванъ-сарая и красивой сторожевой башни въ формѣ минарета. Съ того пункта, откуда поселокъ впервые открылся предъ нами, его деревья и развалины съ башней казались какъ бы висящими въ воздухѣ выше черты горизонта, которая между тѣмъ была видна совершенно ясно. Нѣсколько минутъ спустя стало казаться, что все это виситъ уже не въ воздухѣ, а надъ широкою полосой воднаго пространства, какъ бы надъ большимъ озеромъ, въ которомъ смутно и совершенно какъ въ водѣ отражались очертанія древесныхъ группъ, высокихъ развалинъ и низенькихъ саклей. Все это представлялось такъ ясно, такъ реально, что человѣкъ незнакомый съ данною мѣстностью могъ бы съ полною увѣренностью подержать какое угодно пари, что Малекъ стоитъ надъ очень большимъ и широкимъ степнымъ озеромъ, чрезъ которое путнику предстоитъ неизбѣжная переправа. Съ дальнѣйшимъ приближеніемъ однако марево постепенно тускнѣло, расплывалось и наконецъ, когда мы очутились верстахъ въ двухъ отъ Малека, мѣстность и предметы приняли свою дѣйствительную форму.

Подъ Малекомъ снова открылись для глаза сады населеннаго прирѣчнаго раіона, тянувшіеся полосою верстахъ въ пяти влѣво отъ поселка. Самый же поселокъ состоитъ преимущественно изъ заѣзжихъ дворовъ съ лавочками для проходящихъ каравановъ.

И здѣсь, такъ же какъ нѣсколько дней тому назадъ на Караулъ-базарѣ, опять пришлось намъ испытать грустное чувство при видѣ этихъ жалкихъ мазанокъ, обступившихъ великолѣпныя развалины двухъэтажнаго зданія съ порталомъ и боковыми вышками, построеннаго Абдуллахъ-ханомъ спеціально ради удобства путешественниковъ и каравановъ. Груды кир-

пичей, навоза и мусора среди его двора и вокругъ еще не развалившихся стѣнъ краснорѣчиво свидѣтельствуютъ о мудрой „государственной экономіи“ Аштарханидовъ и Мангытовъ, и въ то же время стѣны эти, построенныя изъ хорошо обожженаго кирпича и никогда не носившія на себѣ мозаичной облицовки, еще разъ служатъ живымъ доказательствомъ благороднаго вкуса Абдуллаха. Всѣ украшенія ихъ выведены изъ простыхъ кирпичей, а размѣры линій и контуровъ зданія полны изящной простоты и величія. Въ особенности хороша уцѣлѣвшая часть минарета, съ вышки котораго сторожевые сипаи нѣкогда наблюдали за безопасностью степи, а по ночамъ зажигали на ней огонь, служившій маякомъ для путниковъ, запоздавшихъ или заблудившихся въ степной пустынѣ.

При въѣздѣ въ поселокъ насъ неожиданно встрѣтилъ „почетный караулъ“ совсѣмъ особаго рода, составленный изъ вчерашнихъ батчей въ бѣлыхъ чалмахъ и нарядныхъ пестрыхъ халатахъ. Выстроившись въ шеренгу, они отдали честь по военному и прокричали намъ что-то. Оказалось, что это знакъ предупредительности со стороны нашихъ приставовъ, вызванный якобы тѣмъ, что князь, только впервые присутствовавшій вчера на базмѣ, похвалилъ пляску батчей, разумѣется, изъ вѣжливости, а пристава приняли это за наличную монету и, желая угодить посольству, распорядились отправить всю эту честную компанію впередъ, въ Кермине, гдѣ она будетъ задавать намъ представленія вмѣстѣ съ тамошними батчами. Я впрочемъ подозрѣваю, что желаніе „угодить“ было только удобнымъ предлогомъ, а въ сущности пристава-любители имѣли въ виду не столько посольство, сколько свое собственное, да вдобавокъ еще и даровое удовольствіе.

Еще до въѣзда въ Малекъ къ намъ выѣхали на встрѣчу двое придворныхъ чиновъ наслѣднаго принца Сеидъ-Абдулъ-Агата, сидящаго на Керминенскомъ бекствѣ. Одинъ изъ нихъ былъ михмандаръ-баши (старшій камергеръ), на обязанности коего лежитъ пріемъ почетныхъ гостей, а другой—адъютантъ

бека. Оба были одѣты въ форменные парчевые халаты при сабляхъ и сидѣли верхомъ на прекрасныхъ, легкихъ и богато убранныхъ карабаирахъ. Въ Малекѣ они угостили насъ завтракомъ, послѣ котораго въ полдень мы тронулись далѣе.

До Кермине оставалось еще два таша. Дорога шла гладкою степью, на которую порой выбѣгали на перерѣзъ нашему пути окраины зеравшанскихъ садовъ и селеній. Непрерывная полоса культурной мѣстности уже не скрывалась отъ взора, а напротивъ, подходила къ намъ все ближе и ближе. Мы проѣзжали мимо крайнихъ строеній и глиняныхъ оградъ этихъ кишлаковъ, затѣмъ снова выѣзжали на степь и проѣхавъ версту, другую, снова перерѣзывали заселенныя вѣтви оазиса на ихъ окраинахъ, и такъ до самаго Кермине, куда прибыли около двухъ часовъ пополудни.

Городъ расположенъ среди открытой плоскости, верстахъ въ трехъ отъ Зеравшана. Общая панорама его весьма картинно обставлена горами Акъ-тау и Нуратинскимъ хребтомъ, коихъ снѣжно-скалистыя вершины даютъ ему очень эффектную декорацію съ сѣверо-востока. Съ западной стороны, откуда мы въѣхали, не предшествуютъ городу ни сады, ни предмѣстья: въѣзжаешь сразу въ людную, торговую и довольно широкую улицу, въ перспективѣ которой вскорѣ открывается впереди уголъ цитадели.

Четырехсторонняя цитадель (урда) занимаетъ площадь въ $1^1/_2$ квадр. верстъ[1]). Ея подновленныя глинобитныя стѣны съ отчетливо нарѣзанными зубцами имѣютъ приблизительно до восьми аршинъ вышины и снабжены навѣсными бойницами, которыя сначала мы приняли было по сходству за водостоки. Бойницы эти расположены на одинаковой высотѣ, въ разстояніи около двухъ саженъ одна отъ другой, и глядятъ внизъ своими треугольными форточками, чрезъ которыя

[1]) По сѣверному и южному фасамъ по 500, а по восточному и западному по 300 конскихъ шаговъ, считая шагъ лошади въ $1^1/_4$ человѣческаго шага.

производится стрѣльба по „мертвому пространству“, а надъ ними, въ каждомъ промежуткѣ, по три обыкновенныя бойницы между зубцами. Кромѣ того, стѣны снабжены еще бурджами — на сѣверномъ и южномъ фасадахъ по семи, а на восточномъ и западномъ по пяти, считая въ томъ числѣ и приворотныя полубашни. Воротъ трое: сѣверныя, южныя и восточныя. Нѣкоторое подобіе рва имѣется только на восточномъ фасѣ, да и тотъ похожъ скорѣе на простую водомоину, изъ которой выбираютъ, между прочимъ, глину, чѣмъ на сколько нибудь правильный крѣпостной ровъ. Тѣмъ не менѣе цитадель видимо содержится въ большомъ порядкѣ, хотя стѣны ея и могутъ быть легче легкаго разнесены въ прахъ одною лишь артиллеріей. Вокругъ урды расположены лавки, а крытый базаръ помѣщается въ самой урдѣ, прорѣзывая ее отъ воротъ до воротъ съ сѣвера на югъ, но никакими мѣстными произведеніями базаръ этотъ не славится и, кромѣ обыкновенныхъ товаровъ для обиходнаго потребленія, не нашли мы на немъ ничего выдающагося ни по красотѣ, ни по богатству, ни по оригинальности — самый заурядный азіятскій базаришка.

Городъ не великъ. Въ самой урдѣ, которая застроена очень тѣсно, помѣщаются, кромѣ базара, 400 домовъ съ дворами, да около того же количества внѣ цитадели. Но здѣсь, внѣ стѣнъ, уже болѣе просторное расположеніе: дворы и сады обширнѣе, улицы шире и не столь кривы и закоулочны; хотя при этомъ должно замѣтить, что во внѣшней части города болѣе встрѣчается кладбищъ, чѣмъ жилыхъ строеній, и кладбища эти производятъ прежалкое впечатлѣніе: это безпорядочныя кучи могильныхъ бугорковъ безъ всякихъ знаковъ, которые свидѣтельствовали бы объ уваженіи къ праху усопшихъ и о томъ, что оставшіеся въ живыхъ друзья и родные еще сохраняютъ о нихъ какую нибудь память.

Кермине не блещетъ избыткомъ богатыхъ или красивыхъ мечетей и можетъ похвастаться только одною, которая дѣйствительно достойна названія храма. Это большое каменное зданіе, гдѣ могутъ помѣститься тысячи двѣ народу. Высокій

куполъ нѣкогда мозаично былъ облицованъ разноцвѣтными изразцами, отъ которыхъ теперь уцѣлѣли кое-гдѣ лишь ничтожные кусочки. Роща старорослыхъ тѣнистыхъ деревьевъ съ трехъ сторонъ окружаетъ стѣны зданія, а съ четвертой, сѣверо-восточной, примыкаетъ къ его паперти дворъ, мощеный плитой и обнесенный каменною оградой. Мечеть принадлежитъ къ числу построекъ Абдуллахъ-хана, но внутри не носитъ никакихъ украшеній, кромѣ готически скрещивающихся между собою граней и выпуклыхъ бороздокъ въ углахъ сводовъ и на карнизахъ. Внутренняя облицовка вся алебастровая. Это зданіе составляетъ единственную историческую достопримѣчательность города, но въ немъ едва ли не замѣчательнѣе всего является гнѣздо аистовъ, которое, по увѣреніямъ керминенскихъ жителей, считается ровесникомъ самой мечети. Мѣстное преданіе повѣствуетъ, что какъ только была отстроена и впервые открыта для всенародной молитвы эта мечеть, на макушкѣ ея купола вдругъ появилась пара аистовъ и стала строить себѣ гнѣздо. Съ тѣхъ подъ каждую весну въ немъ непремѣнно появляется пара этихъ птицъ, и каждое новое поколѣніе той же семьи непремѣнно дѣлаетъ себѣ новое гнѣздо, но не иначе какъ въ видѣ надстройки на старомъ, такъ что теперь оно имѣетъ уже около полуторы сажени вышины и торчитъ на куполѣ словно труба или башенка. Много и много послѣдовательныхъ поколѣній этой птицы вывелось уже на этомъ самомъ мѣстѣ, и керминенцы думаютъ, что пока завѣтное гнѣздо существуетъ и не покинуто на лѣто своими обитателями, не оскудѣетъ и милость Божія надъ городомъ.

Помѣщеніе посольству отведено въ самой цитадели, рядомъ съ дворцовымъ садомъ, въ домѣ, принадлежащемъ ко дворцовымъ же пристройкамъ. Каждому изъ насъ досталось по хорошей, просторной комнатѣ; но и холодъ же въ нихъ такой, что просто хоть волковъ морозить!.. Большія широкія окна-двери и наддверныя окошки, по три въ каждой комнатѣ, вмѣсто стекольчатыхъ рамъ затянуты бѣлою кисеей, что̀ было

бы прелестно для лѣтней ночи, когда отъ комаровъ и мошекъ нѣтъ иначе спасенія, но теперь, въ январѣ, провести ночь на „дачномъ положеніи“ не очень-то пріятно. Каминовъ и печей, разумѣется, нигдѣ нѣтъ и въ поминѣ, а отъ мангаловъ избави насъ Господи! Мы тотчасъ же приказываемъ вытаскивать вонъ это вѣрнѣйшее средство отравы угаромъ. Дворъ нашъ наполненъ чиновниками и челядинцами тюря-джана — все это къ нашимъ услугамъ, но для услугъ ихъ слишкомъ много. У воротъ выставленъ взводъ красныхъ сарбазовъ, въ видѣ безсмѣннаго почетнаго караула.

Въ три часа пополудни, одѣвшись въ полную парадную форму, отправились верхомъ съ визитомъ къ Сеидъ-Абдулъ-Агатъ-хану. Живетъ онъ почти рядомъ съ нами, но для пущаго парада, чтобы видѣлъ народъ, повели насъ дальнѣйшимъ путемъ чрезъ базаръ и другія улицы.

Самый дворецъ (аркъ) построенъ на насыпномъ курганѣ и составляетъ какъ бы редюитъ этой цитадели. Къ его воротамъ ведетъ подъемъ шаговъ въ семьдесятъ шириной. На площадкѣ предъ подъемомъ былъ выстроенъ въ одну шеренгу почетный караулъ со знаменемъ (красное съ бѣлою каймой и бахрамой) на правомъ флангѣ. Правѣе знаменоносца стояли, тоже въ одну шеренгу, музыканты: горнистъ, флейтистъ, сурнистъ и два барабанщика — одинъ съ обыкновеннымъ лубковымъ, а другой съ громаднымъ турецкимъ барабаномъ, который, ради пущей красоты, обтянутъ былъ пестрымъ ситцемъ. Командовалъ всею этою ратью какой-то кавказецъ — не то Шапсугъ, не то Абадзехъ — ражій дѣтина въ высокой выдровой шапкѣ съ цвѣтнымъ верхомъ, наряженный въ желтый мундирный кафтанъ съ серебряными позументами и русскими генеральскими эполетами. Командныя слова, какъ и повсюду въ бухарскихъ владѣніяхъ, произносились по-русски. При нашемъ приближеніи, по командѣ кавказскаго человѣка, посольству была отдана воинская почесть съ музыкой и даже съ нѣкоторымъ наклономъ знамени.

Вдоль подъема, у парапетовъ, съ обѣихъ сторонъ стояли

въ рядъ придворные челядинцы въ праздничныхъ халатахъ, удайчи съ посохами и чиновники съ айбалтами и прочими знаками своихъ отличій.

Отдавъ своихъ лошадей джигитамъ, мы по принятому нами обыкновенію, пѣшкомъ поднялись къ воротамъ, за которыми продолжается тотъ же подъемъ, но идетъ уже онъ широкимъ крытымъ корридоромъ, гдѣ въ стѣнныхъ нишахъ устроены особыя приспособленія въ видѣ дивановъ, для помѣщенія на ночь караульныхъ сарбазовъ. Въ каждомъ такомъ альковѣ надъ постелью виситъ на стѣнѣ фитильное ружье съ подпорочнымъ развилкомъ, а у самыхъ воротъ подвѣшена громадная деревянная булава; но плети, подобной знаменитой нагайкѣ Рустема, здѣсь мы не замѣтили. Изъ корридора вывели насъ на первый дворъ, пройдя который мы вступили во вторыя крытыя ворота, имѣющія внутри видъ квадратной комнаты, откуда выходъ находится не противъ входа, а въ лѣвой стѣнѣ. Комната эта, должно быть, служитъ чѣмъ-то въ родѣ кладовой или склада: въ ней стояло въ углахъ, одинъ на другомъ, десятка два или три большихъ русскихъ сундуковъ съ оковкой и было сложено вдоль стѣнъ до самаго потолка множество свернутыхъ зеленыхъ и цвѣтныхъ палатокъ. Въ проходѣ стояло около десятка какихъ-то чиновниковъ съ посохами и сѣкирками. Отсюда вступили мы во второй дворъ, уже значительно меньшихъ противъ перваго размѣровъ, замкнутый со всѣхъ четырехъ сторонъ стѣнами дворцовыхъ строеній. Здѣсь наши церемоніймейстеры, съ михмандаромъ-баши во главѣ, молча, но со всевозможными знаками благоговѣйнаго почтенія къ кому-то незримому, указали намъ въ правый уголъ, гдѣ находилась узкая алебастровая лѣсенка съ тремя-четырьмя высокими ступенями, а сами, согнувшись, отпятились къ воротамъ.

Поднявшись по этой лѣсенкѣ, мы очутились въ узкой, полутемной прихожей, гдѣ стояли въ рядъ трое дежурныхъ махрамовъ тюря-джана. Двое изъ нихъ молча и какъ-то автоматически растворили предъ нами обѣ половинки дверей, ве-

дущихъ слѣва въ небольшую пріемную. Это была начисто выбѣленная комната безъ всякихъ стѣнныхъ и потолочныхъ украшеній, какъ бы съ видимымъ намѣреніемъ устранить изъ нея всякій намекъ на малѣйшую роскошь, и даже глинобитный полъ ея, вмѣсто ковра, застланъ былъ самыми обыкновенными дешевыми паласами. Трое оконъ-дверей, раскрытыхъ настежь и даже ничѣмъ не затянутыхъ, выходили на внутренній дворикъ, предоставляя полный просторъ холодному сквозному вѣтру, такъ какъ дверь, въ которую мы вошли, осталась не затворенною. Вся мебель этой пріемной состояла изъ шести самодѣльныхъ, крытыхъ краснымъ кумачемъ, табуретовъ, въ родѣ извѣстныхъ дѣтскихъ стульевъ на очень высокихъ косыхъ ножкахъ, съ маленькимъ узкимъ сидѣньемъ и низенькою спинкой, устроенныхъ словно бы нарочно для того, чтобы сидѣть на нихъ было какъ можно неудобнѣе. Стояли они скученно и безъ всякаго порядка по срединѣ комнаты, а предъ ними стоялъ самъ тюря-джанъ, Сеидъ-Абдулъ-Агатъ-ханъ. Сдѣлавъ къ намъ два шага на встрѣчу, онъ каждому радушно протянулъ руку, затѣмъ молча указалъ на табуреты и самъ, не безъ труда отъ непривычки, усѣлся на одномъ изъ нихъ, предварительно передвинувъ его къ стѣнѣ между дверями; мы же на остальныхъ размѣстились около него полукругомъ.

На видъ это мужчина лѣтъ около двадцати пяти, росту выше средняго, крѣпко сложенный. Красивое смугловатое лицо его опушено черною, средней величины бородкой; небольшіе усы оттѣняютъ его тонкія, энергично поджатыя губы съ нѣсколько приподнятыми углами. Черные большіе глаза очень выразительны. Взоръ ихъ остеръ и пронзителенъ. Дуги бровей очень характерно слегка приподымаются со внутренней стороны надъ переносьемъ, примыкая къ двумъ небольшимъ продольнымъ морщинамъ. Въ общемъ все это сообщаетъ его лицу серьезное выраженіе пытливаго ума и сильнаго характера. Въ немъ какъ-то невольно сказывается большой запасъ энергіи, силы воли и настойчивости. Нельзя сказать, чтобы лицо

Эмиръ Бухарскій Сеидъ-Агадъ-Ханъ-Богадуръ.

Дозв. ценз. Спб., 2 окт. 1886 г.

это было изъ числа добрыхъ въ смыслѣ мягкосердечія, хотя въ немъ нѣтъ и ничего отталкивающаго — напротивъ, оно скорѣе даже симпатично; вы только сразу чувствуете, что имѣете дѣло съ человѣкомъ внутренно сильнымъ, который не призадумается ни предъ чѣмъ для достиженія поставленной себѣ цѣли, и мнѣ кажется, что еслибъ этому человѣку дано было извѣстное образовательное развитіе, которое расширило бы его умственный кругозоръ, изъ него могъ бы выйти далеко не дюжинный правитель. Но этого не случилось, такъ какъ онъ посаженъ на Керминенское бекство еще въ четырнадцатилѣтнемъ возрастѣ и тогда же снабженъ достодолжнымъ количествомъ гаремныхъ дамъ, причемъ, конечно, ему было уже не до заботъ о своемъ дальнѣйшемъ умственномъ развитіи и образованіи. Впрочемъ, говорятъ, онъ вовсе не склоненъ къ гаремной распущенности и у него только одна законная жена, а прочія дамы содержатся, такъ сказать, обязательно, въ силу условій высокаго положенія. Въ житейской своей обстановкѣ онъ предпочитаетъ простоту, даже съ нѣсколько суровымъ оттѣнкомъ, что̀ могли замѣтить и мы, хотя бы по обстановкѣ его пріемной. Говорятъ, что теперь онъ временно страдаетъ риштой въ ногѣ, но что до болѣзни любимѣйшимъ его занятіемъ было участіе въ кокъ-бури[1]), соколиная охота и укрощеніе полудикихъ, горячихъ

[1]) Кокъ-бури значитъ сѣрый волкъ. Такъ называется игра, извѣстная у русскихъ подъ названіемъ „козла драть". Это любимѣйшая игра у узбековъ и состоитъ она въ томъ, что собирается до ста и болѣе всадниковъ. Одинъ изъ нихъ беретъ въ стадѣ козла или барана и, перерѣзавъ ему горло, перекидываетъ его черезъ переднюю луку, крѣпко держа правою рукой за обѣ заднія ноги, и мчится съ нимъ въ степь. Остальные со всѣхъ сторонъ пускаются преслѣдовать „сѣраго волка", стараясь на лету выхватить у него изъ рукъ зарѣзанное животное. Эта лихая скачка, не смотря ни на какія мѣстныя препятствія, продолжается до тѣхъ поръ, пока кому нибудь не удастся выдрать хотя часть козла, и кончается она не всегда благополучно; но по адату, нельзя требовать возмездія съ убійцы, если погибшій нашелъ смерть въ кокъ-бури. Въ этой игрѣ нерѣдко, въ особенности у туркменъ, участвуютъ и дѣвушки-невѣсты: кто вырветъ у нея козла, тотъ можетъ взять ее себѣ въ жены.

и злыхъ жеребцовъ, которыхъ онъ самъ подъ себя объѣзжаетъ. Не мало также занимается онъ и муштровкой своего гарнизона. Равно его заботливости надо приписать исправный видъ и упорядоченное состоянiе Керминенской цитадели. Хотя навѣсныя бойницы конечно и вздоръ для серьезнаго противника, но уже самое существованiе ихъ здѣсь показываетъ направленiе мыслей и заботъ молодаго принца, который сообразно своимъ средствамъ самъ додумался до приспособленiй и способа обороны мертваго пространства подъ стѣнами своей крѣпости [1]).

При прiемѣ нашего посольства одѣтъ онъ былъ очень просто, въ обыкновенный адрясовый халатъ; на головѣ бѣлая кисейная чалма безъ всякихъ вышивокъ и украшенiй. Во время разговора сидѣлъ онъ нѣсколько наклонившись впередъ и засунувъ кисти сложенныхъ рукъ въ опушенные мѣхомъ просторные рукава халата. Говоритъ прiятнымъ теноромъ и тихимъ голосомъ, но быстро и отрывисто, слушаетъ очень вдумчиво, какъ бы стараясь уловить и запечатлѣть въ себѣ каждое слово, каждый малѣйшiй оттѣнокъ обращенной къ нему рѣчи. Разговоръ съ нимъ впервые за все время нашего пребыванiя въ бухарскихъ предѣлахъ обошелся безъ стереотипныхъ изъявленiй дружественныхъ чувствъ „маленькой" Бухары къ „великой" Россiи и соображенiй о томъ, насколько нужны для первой неизмѣнная дружба и покровительство послѣдней. Онъ просто заявилъ, что очень радъ видѣть насъ у себя, что отецъ уже заранѣе писалъ ему о предстоящемъ прибытiи русскаго посольства, поручая принять его членовъ какъ можно лучше; затѣмъ спросилъ, какъ мы нашли здоровье его отца, хорошо ли совершили нашъ путь и долго ли пробыли въ Бухарѣ, а въ заключенiе просилъ погостить у него дня три, если можно. Но когда князь заявилъ, что въ силу телеграммы генералъ-губернатора посольство должно торо-

[1]) До сихъ поръ ни въ одной изъ бухарскихъ крѣпостей мы такихъ бойницъ не встрѣчали.

питься въ Ташкентъ и долѣе однѣхъ сутокъ оставаться въ Кермине не можетъ, то тюря-джанъ не сталъ настаивать и поднялся съ мѣста, подавъ тѣмъ знакъ къ окончанію аудіенціи.

Послѣ поочереднаго рукопожатія мы уже выходили было изъ комнаты, какъ вдругъ, словно вспомнивъ что-то, онъ обратился къ маіору Байтокову:

— Ахъ, да, мнѣ сказывали, что съ вами есть команда казаковъ?

— Есть, ваше степенство.

— Могу я просить князя, чтобы мнѣ ее показали? Мнѣ очень бы хотѣлось ихъ видѣть.

Байтоковъ перевелъ это князю, который, конечно, изъявилъ полную готовность удовлетворить желаніе тюря-джана, а этотъ послѣдній отъ души поблагодарилъ его за это и на томъ мы разстались.

Наша конвойная команда немедленно представилась тюря-джану подъ начальствомъ браваго урядника Толстова, который ввелъ свой спѣшенный взводъ во внутренній дворикъ справа рядами и выстроилъ его во фронтъ противъ оконъ пріемной. Сеидъ-Абдулъ-Агатъ-ханъ, показавшись въ окнѣ, привѣтствовалъ казаковъ движеніемъ правой руки, приподнявъ ее къ чалмѣ. Тѣ дружно гаркнули ему на это „здравія желаемъ вашему степенству!“ и затѣмъ по командѣ вынули шашки, взяли „на плечо“, „на краулъ“, опять „на плечо“ и вложили ихъ въ ножны. Этимъ и кончилось представленіе конвоя, который въ заключеніе пропарадировалъ мимо оконъ справа рядами. Но замѣчательно, что изо всѣхъ бековъ и высшихъ военныхъ чиновъ бухарскихъ единственно Сеидъ-Абдулъ-Агатъ-ханъ поинтересовался нашими казаками.

У него есть тоже своя политическая партія; неизвѣстно лишь, насколько самъ онъ причастенъ ея планамъ и мечтаніямъ. Это все та же партія бухарскихъ такъ-сказать „націоналовъ“, о которой я упоминалъ уже раньше. Ея завѣтное стремленіе заключается въ возстановленіи полной независимости Бухары во всемъ ея прежнемъ величіи. Къ сожалѣ-

нію, при этомъ только упускается изъ виду взаимное отношеніе средствъ и силъ Бухары и Россіи, что впрочемъ и немудрено при совершенномъ невѣжествѣ ходжей и ишановъ, изъ коихъ и состоитъ партія „націоналовъ", живущихъ мыслію въ прошломъ и закрывающихъ глаза на настоящее. Имъ кажется, что эмиру стоило бы только захотѣть и съ помощію Аллаха возрожденіе могущественной Бухары совершилось бы какъ по щучьему велѣнію; но эмиръ-де не хочетъ, потому что продалъ Бухару русскимъ. Купцы, напримѣръ, особенно изъ тѣхъ, что ѣздятъ на Макарьевскую, никакихъ такихъ иллюзій не питаютъ и ни къ какимъ подобнымъ партіямъ не принадлежатъ, но это именно потому, что они практически, съ наглядки могутъ соразмѣрять и взвѣшивать силы и средства Бухары и Россіи. Впрочемъ, какое дѣло высокомудрымъ ишанамъ и ходжамъ до аршинниковъ-купцовъ, и станутъ они еще „преклонять свой благородный слухъ на нихъ низменныя рѣчи"!

Одна фракція „національной" партіи, извѣстная подъ названіемъ „Каршинской", придерживается (разумѣется втайнѣ) мятежнаго Катты-тюря, старшаго сына эмира; другая же, „Керминенская", упованія свои возлагаетъ на Абдулъ-Агата. Еще въ Бухарѣ было мнѣ доставлено секретное свѣдѣніе о надеждахъ и планахъ керминенскихъ націоналовъ, которые въ личномъ характерѣ Абдулъ-Агата усматриваютъ залогъ ихъ осуществимости. Не касаясь вопроса о томъ, насколько эти планы разумно цѣлесообразны и вообще осуществимы, я только ради курьеза раскажу ихъ сущность, какъ мнѣ самому ихъ передавали.

Исходная точка керминенскихъ плановъ, это кончина нынѣшняго эмира, когда, по извѣстному средне-азіятскому обыкновенію, неминуемо возникнетъ между его сыновьями и родственниками борьба и усобица за захватъ власти. Изгнанный Катты-тюря, какъ извѣстно, лишенъ отцомъ всѣхъ правъ не только на ханство, но и на какое бы то ни было наслѣдіе въ бухарскихъ предѣлахъ. Это однако не устраняетъ для него

возможности домогаться ихъ всѣми путями послѣ смерти эмира, при помощи своей партіи. Для этого потребуется свергнуть какимъ бы то ни было способомъ Абдулъ-Агата, когда послѣдній займетъ тронъ Бухары, къ чему нынѣшній эмиръ и прочитъ его уже заранѣе. Но вступая законнымъ путемъ въ Бухару, Абдулъ-Агатъ, для успѣшной борьбы со старшимъ братомъ, долженъ будетъ обратиться къ помощи Россіи, а это такой шагъ, который неминуемо возстановитъ противъ него всѣхъ „національовъ" безъ различія партій. Притомъ же „Керминенцы" знаютъ, что если возьметъ верхъ Катты-тюря, то всѣ вліятельныя, выгодныя мѣста и высшія должности въ ханствѣ сполна перейдутъ въ руки „Каршинцевъ", и тѣмъ самымъ ихъ собственная партія будетъ устранена отъ дѣлъ и обречена на ничтожество, если даже не на „прирѣзъ". Они полагаютъ, что для Россіи безразлично, кто бы ни сидѣлъ на Бухарскомъ ханствѣ, лишь бы сидящій былъ всегда и во всемъ ея покорнѣйшимъ слугой; они полагаютъ также, что если сядетъ даже Катты-тюря, то и онъ волей-неволей долженъ будетъ слѣдовать въ отношеніи къ русскимъ нынѣшней политикѣ своего отца, такъ какъ самостоятельно держаться противъ Россіи на равнинахъ, да еще при томъ условіи, что она владѣетъ водой Зеравшана, невозможно. Поэтому вся равнинная, степная часть Бухарскаго ханства для будущей борьбы за независимость ни въ какой разсчетъ не принимается. Планъ этой борьбы разсчитываетъ на хорошо населенныя, хлѣбородныя горныя бекства, то-есть на всю вообще юго-восточную часть ханства, которая представляетъ собою обширную страну, вдоль и поперекъ изрѣзанную горными узлами, высокими хребтами, отвѣсными скалами, глубокими пропастями, словомъ, такую мѣстность, гдѣ по выраженію нашихъ казаковъ, бывавшихъ тамъ съ учеными экспедиціями, „самъ чортъ глину мѣсилъ". Въ случаѣ смерти эмира, Сеидъ-Абдулъ-Агатъ, по плану „Керминенцевъ", долженъ ѣхать не въ Бухару, а какъ можно скорѣе пробираться въ горы, куда-нибудь въ родѣ Бальджуана или Дарваза, и тамъ, опираясь

свободнымъ тыломъ на пограничную съ Афганистаномъ рѣку Пянджъ, объявить „газаватъ“ — священную войну за вѣру противъ „Урусъ-кяфыровъ“, словомъ, устроить намъ новый Кавказъ, и тогда „Каршинцы“ потеряютъ свою raison d'être, такъ какъ вокругъ гази Сеидъ-Абдулъ-Агатъ хана, во имя его принципа, должны будутъ сплотиться всѣ правовѣрные безъ различія партій. Предполагается, что русскіе либо не захотятъ повторять свой опытъ съ новымъ Кавказомъ, и потому, войдя съ бухарцами въ добровольное соглашеніе, возвратятъ имъ Самаркандъ съ истоками Зеравшана; либо что они будутъ много лѣтъ истощаться безъ всякой для себя пользы на веденіе трудной горной войны, при невозможности обойти противника съ тыла, откуда, между тѣмъ, противникъ будетъ получать всѣ свои средства для веденія этой войны; въ концѣ концовъ, все это надоѣстъ русскимъ, они плюнутъ и уйдутъ изъ Туркестана, и тогда Бухара снова возсіяетъ всѣмъ блескомъ своего былаго величія.

Это, конечно, не болѣе какъ пылкія мечтанія, тѣмъ труднѣе осуществимыя, что самый характеръ горныхъ таджиковъ, наклонныхъ къ мирной культурѣ, совсѣмъ не представляетъ тѣхъ элементовъ, какіе составляли главную силу хищнически-воинственныхъ племенъ Кавказа въ ихъ долголѣтней борьбѣ съ русскимъ оружіемъ. Тѣмъ не менѣе, на всякій случай не мѣшаетъ принимать къ свѣдѣнію даже и нѣкоторыя мечтанія, если они характеризуютъ собою отношенія къ намъ той или другой изъ сосѣднихъ политическихъ партій [1]).

[1]) Это писано еще до поѣздки Сеинъ-Абдулъ-Агатъ-хана въ Москву на коронаціонныя торжества 1883 года. По возвращеніи изъ Москвы, онъ въ Ташкентѣ высказывалъ, между прочимъ, что эта поѣздка принесла ему большую пользу въ томъ отношеніи, что онъ имѣлъ хорошій случай воочію убѣдиться въ громадныхъ силахъ и средствахъ Россіи. Признаніе же Государемъ Императоромъ въ правахъ наслѣднаго принца совершенно разбиваетъ въ прахъ всѣ мечты „керминенской партіи“, такъ какъ теперь Абдулъ-Агату нечего больше заботиться объ увеличеніи своихъ силъ еще и „каршинскою партіей“: какъ законнаго наслѣдника, санкціонированнаго Бѣлымъ Царемъ, его всегда поддержатъ русскіе штыки не

Послѣ визита къ тюря-джану, при обратномъ слѣдованіи посольства чрезъ площадь, почетный караулъ опять отдалъ ему воинскую почесть, но на сей разъ уже безъ музыки. За то неожиданно распотѣшилъ насъ желтокафтанный командиръ-кавказецъ. Стоя предъ фронтомъ и держа въ правой рукѣ саблю, опущенную „на краулъ", а лѣвую всею растопыренною пятерней поднявъ къ шапкѣ для отданія чести, въ то время какъ князь проѣзжалъ мимо его, онъ вдругъ съ важностью и размѣреннымъ голосомъ, чтобы слышно было каждое слово, крикнулъ ему по-русски:

— И какъ ваши здоровья?... И здоровъ ли доѣхалъ, кинàзъ, ваши привастхадытелство?

Очевидно ему хотѣлось поддержать этимъ свое значеніе, въ глазахъ своей рати, — дескать вотъ какой я важный человѣкъ, и по-русски знаю, и какъ тонко всѣ приличія и долгъ любезности понимаю, и даже съ какимъ важнымъ лицомъ разговаривать могу, — поймите молъ это!

Обмѣнъ подарковъ послѣдовалъ уже по окончаніи визита: они были присланы къ намъ на домъ. Вечеромъ былъ база́мъ съ томашой, но я на немъ не присутствовалъ, такъ какъ надо было многое занести въ свой дневникъ, а когда легъ въ постель, то всѣ эти батчи и дангарачи своими пѣснями и гудѣньемъ долго спать не давали.

30 января.

Холодъ ночью въ моей комнатѣ былъ такой, что я нѣсколько разъ просыпался съ ледяными сосульками на усахъ. Принимаютъ насъ бухарцы, конечно, съ большимъ почетомъ, но нельзя сказать чтобъ особенно тепло. Чтò до меня, то я охотно

только противъ Катты-тюря, но и вообще противъ какихъ бы то ни было претендентовъ. Если вмѣстѣ съ тѣмъ отъ него отшатнутся бухарскіе „націоналы", то это уже ихъ домашнее дѣло, и намъ на то нечего обращать вниманіе. Признанный въ своихъ правахъ Императоромъ Всероссійскимъ, онъ не нуждается болѣе ни въ какихъ партіяхъ для достиженія власти и, безъ сомнѣнія, въ случаѣ надобности, съумѣетъ самъ справиться съ „недовольными".

предпочелъ бы теперь немножко менѣе почета, но за то хоть маленькую желѣзную печку въ моей комнатѣ.

Въ три часа пополудни состоялся нашъ прощальный визитъ къ тюря-джану. По обстановкѣ это было точное повтореніе вчерашняго, даже до крика желтокафтаннаго капитана „здоровъ ли доѣхалъ“ включительно.

Вечеромъ насъ опять угощали безконечнымъ база́момъ. Мальчишки и бубенщики неистово вопятъ во всю глотку давлеными голосами, ибо по здѣшнему чѣмъ громче и крикливѣе, тѣмъ значитъ голосъ лучше и достойнѣе восхищенія.

Но до чего все это надоѣло!...

31 января.

Выѣхали изъ Кермине въ восемь часовъ утра. Мѣстность хорошо населена и обработана. Въ полуташѣ отъ города проѣхали мимо развалинъ прекрасной медрессе, построенной Абдуллахъ-ханомъ. Сквозныя дыры вмѣсто оконъ уныло и словно съ укоромъ смотрятъ на путника, массивныя стѣны разрушаются все болѣе и болѣе... вокругъ бурьянъ, грязь, мусоръ... Просто смотрѣть досадно, когда чуть не на каждомъ шагу видишь, сколько прекрасныхъ и благодѣтельныхъ учрежденій прежнихъ временъ уже погибло и сколько другихъ, которыя можно бы еще поддержать, обречены на запустѣніе и съ каждымъ днемъ все больше рушатся и гибнутъ отъ невѣжественнаго небреженія и общей апатіи. Какъ посравнить, что̀ было здѣсь два-три столѣтія назадъ и что̀ сталось теперь, видишь, что жизнь этой страны, которая уже достигла было такихъ блестящихъ результатовъ, вдругъ остановилась и пошла назадъ, попятнымъ движеніемъ. Мусульманство отжило свое время и ничего не даетъ болѣе человѣчеству въ смыслѣ самостоятельнаго творчества. Его поэзія вся въ прошломъ, какъ и его поэты, его Гафизы, Фирдусси, Саади... Альгамбра въ Гренадѣ, джамія Селима въ Адріанополѣ и полуразрушенные дворцы и памятники въ Самаркандѣ—это альфа и омега мусульманскаго искусства: въ нихъ оно дало все, что̀ только могло дать и новаго ничего больше не скажетъ.

Вотъ въ сторонѣ еще какія-то развалины... Но мимо! Это все одна и та же картина запустѣнія и Авгіевыхъ конюшень.

Мѣстность ровная. Карнапскія горы, что̀ тянутся южнѣе верстахъ въ тридцати параллельно нашему пути, начинаютъ теперь все больше подходить къ Зеравшану. Наивысшая ихъ точка, лезвіеобразная вершина, находится какъ разъ противъ селенія Гурь-углы.

Переѣхали въ бродъ чрезъ большой арыкъ Нарыпай.

Разстояніе отъ Кермине до города Зіаеддина четыре съ небольшимъ таша, или собственно $33^1/_2$ версты. На половинѣ пути встрѣтилъ насъ молодой человѣкъ, сынъ зіаеддинскаго бека, высланный своимъ отцомъ со свитой изъ нѣсколькихъ человѣкъ на границу бекства для привѣтствованія посольства, а за полъ-таша отъ города встрѣтилъ и самъ бекъ съ чиновниками. На немъ былъ надѣтъ халатъ изъ лиловой парчи, затканной золотыми разводами и серебряными травами, а на головѣ чалма бѣлая съ золотомъ. Всѣ они выѣхали верхомъ и при нашемъ приближеніи слѣзли съ лошадей. Мы тоже вышли изъ экипажей и обмѣнялись привѣтствіями и разспросами о здоровьѣ и благополучіи. Значитъ урокъ, данный князямъ каршинскому беку, подѣйствовалъ и очевидно принятъ бухарцами къ свѣдѣнію.

Зіаеддинъ носитъ громкое названіе города, но на мой взглядъ это просто ничтожная деревня, избранная почему-то подъ административный пунктъ. Она гораздо меньше и невзрачнѣе многихъ сосѣднихъ кишлаковъ и отличается отъ нихъ только тѣмъ, что обладаетъ фальшивою крѣпостью безъ малѣйшей возможности ея обороны. Эта крѣпость, расположенная между Нарыпаемъ и обрывистымъ берегомъ Зеравшана, представляетъ, по обыкновенію, четырехстороннюю площадку, обнесенную глинобитною стѣнкой около двухъ саженъ вышины. Снаружи оно какъ-будто и крѣпость, даже зубчатыя бойницы наверху подѣланы, но только стрѣлять изъ-за нихъ нельзя, потому что со внутренней стороны стрѣлкамъ стоять не на чемъ: у этихъ стѣнъ нѣтъ валганга, и онѣ не

болѣе какъ высокій заборъ аршина въ полтора шириной. Ни рва, ни брустверовъ, ни даже бурджей; но ворота съ фальшивыми башенками есть, и предъ ними вдоль дороги былъ выставленъ почетный караулъ со знаменемъ; только люди были разставлены шпалерой въ одну шеренгу на значительно разомкнутыхъ дистанціяхъ, вѣроятно для того, чтобъ ихъ казалось больше чѣмъ въ наличности.

Домъ бека помѣщается въ крѣпости и обстановка его, быть можетъ въ зависимости отъ близости русской границы, отчасти смахиваетъ уже на русскій ладъ. Тутъ нашли мы и переносныя желѣзныя печи, и плотно затворящіяся двери, и рамы со стеклами въ окнахъ, и стекла эти были вставлены какъ слѣдуетъ, съ замазкой, а рамы прилажены къ филенкамъ вплотную, безъ щелей, въ которыя удобно можно просовывать пальцы, какъ было у насъ въ Шаарѣ и въ Бухарѣ. Нашлись тутъ и столы, устроенные на европейскій ладъ, на высокихъ ножкахъ, и нѣсколько буковыхъ стульевъ, и оттоманки съ шелковыми мутаками и подушками, устроенныя изъ эластическихъ сартовскихъ кроватей и покрытыя богатыми коврами. По всему замѣтно было, что хозяинъ любитъ жить чистоплотно и по возможности комфортабельно, а впослѣдствіи оказалось, что онъ и на счетъ тонкостей персидской кухни кое-что понимаетъ. По происхожденію онъ персіянинъ и приходится какимъ-то родственникомъ кушъбеги, чрезъ котораго получилъ и настоящее свое мѣсто; самъ же по себѣ это человѣкъ очень любезный, обходительный, радушный и даже съ нѣкоторымъ какъ бы европейскимъ лоскомъ, — вѣроятно понатерся около нашихъ, вслѣдствіе частыхъ сношеній съ пограничными властями.

Все это было прекрасно, и только одинъ почетный караулъ не переставалъ смущать насъ за все время пребыванія въ Зіаеддинѣ. Угораздило же ихъ выставить его на дворѣ, какъ разъ противъ нашихъ оконъ и выходной двери, гдѣ и пару открытыхъ палатокъ рядомъ поставили, одну для офицера, другую для сарбазовъ. Чуть только подойдешь къ окну,

сейчасъ, по вызову часоваго, весь караулъ выскакиваетъ вонъ и становится въ ружье для отданія чести. Машешь имъ рукой, уйдите молъ, не надо, а они все стоятъ и держатъ „на краулъ“, пока не отойдешь отъ окошка. То же самое, но только еще стѣснительнѣе и комичнѣе выходило, когда кто-либо изъ насъ проходилъ чрезъ дворъ за какою-либо надобностью. Чуть завидятъ это сарбазы, тотчасъ же выстраиваютъ фронтъ въ томъ направленіи, куда отлучился вышедшій и стоятъ такъ съ ружьями „на краулъ“ все время, пока тотъ не пройдетъ обратно въ комнаты.

— Уберите вы пожалуста этихъ сарбазовъ, совсѣмъ они тутъ ни къ чему не нужны, убѣждали мы приставовъ.

— О, нѣтъ, какъ это возможно! Мы вѣдь понимаемъ этикетъ и военную дисциплину. Это вы насъ нарочно испытать хотите? Нѣтъ, мы свое дѣло до тонкости знаемъ!

Вотъ поди тутъ и разговаривай съ ними!

Послѣ обѣда, оглядѣвшись въ своей комнатѣ, вижу на стѣнѣ нацарапана карандашемъ русская надпись. Что̀ такое? Читаю:

„1881 года апрѣля 29 были уральскіе казаки здѣсь № 1го, 50 человѣкъ спалковникомъ К—вымъ...“

А рядомъ приписка уже другою рукой:

„Тутъ мы получили троя одинъ халатъ, а то все самъ полъковникъ“.

Протестъ, значитъ, на память „будущимъ“. Охъ ужъ эти халаты!..

Вечеромъ опять былъ баземъ, но мы уже не ходили смотрѣть его.

1 февраля.

Размѣнялись съ бекомъ подарками и выѣхали въ дальнѣйшій путь въ семь часовъ утра. Бекъ лично провожалъ посольство до конца садовъ своего города. До Катта-Кургана остается только пятьдесятъ верстъ. Слава Богу!..

Дорога все время идетъ по густо заселенной мѣстности между кишлаками, орошаемыми изъ Нарыпая, но она гораздо

хуже степной: тычки, ухабы и глубокія колеи даютъ себя знать на каждомъ шагу, а въ особенности чувствительно приходится на переѣздахъ въ бродъ чрезъ канавы. Въ двадцати верстахъ отъ Зіаеддина лежитъ на пути торговое мѣстечко Миръ съ большимъ, незакрытымъ сверху базаромъ, населенное наполовину сартами, наполовину евреями, которые занимаются торговлей шелкомъ, то есть главнѣйшимъ образомъ его скупкой и перепродажей, а сарты торгуютъ преимущественно путевыми принадлежностями для проходящихъ каравановъ.

Въ селеніи Касагаранъ остановились для завтрака. Это было уже послѣднее „испытаніе“, какому подвергло насъ бухарское гостепріимство, ради чего собственно и повезли насъ не по хорошей степной, а по самой отвратительной кишлачной дорогѣ. Прощайте же всѣ достарханы, шрупы, кебабы и жирные палау! По доброй охотѣ вѣроятно не скоро мы теперь за васъ примемся, хотя, слова нѣтъ, вкусны вы очень.

По выѣздѣ изъ Касагарана, свернули вправо въ открытую степь, и степью же, въ виду кишлаковъ, остававшихся въ лѣвой рукѣ, въѣхали въ русскіе предѣлы. На высокомъ бугрѣ, носящемъ имя Рамаджанъ, стоялъ пограничный столбъ, окрашенный въ спираль тремя знакомыми „казенными“ цвѣтами, который и возвѣстилъ намъ съ полною точностью, что въ эту минуту мы уже въ Россіи. О, наконецъ-то!..

Чѣмъ ближе къ нашимъ границамъ, тѣмъ все болѣе приближается къ Зеравшану Карнапская гряда, постепенно все понижаясь, пока не переходитъ наконецъ въ незначительные холмы, которые сливаются съ нашими Зерабулакскими и Каттакурганскими высотами. На одномъ изъ такихъ холмовъ, въ виду дороги, высится каменный памятникъ съ крестомъ, поставленный надъ братскою могилой русскихъ воиновъ, павшихъ въ происходившемъ на этой мѣстности сраженіи 2 іюня 1868 года, гдѣ бухарскіе сарбазы на голову были разбиты отрядомъ генерала Головачева. Мѣстность

стала принимать всхолмленный характеръ еще не доѣзжая Мира, а теперь чѣмъ далѣе, тѣмъ все холмистѣе. Съ нѣкоторыхъ возвышенностей открывается порою широкая панорама на Міанкаль и зарѣчную часть Зеравшанской долины, замыкаемой въ дымкѣ легкаго тумана силуэтами скалистаго хребта Акъ-тау. Сады этой роскошной долины, точно сплошной громадный лѣсъ, простираются въ глубь и ширь за Акъ-Дарьею[1]) на нѣсколько десятковъ верстъ въ поперечникѣ, до самыхъ горъ, на нижнихъ склонахъ коихъ чернѣютъ свѣжія полосы пашень—богара[2]). Это одна изъ прелестныхъ картинъ, какія когда-либо я видѣлъ.

На границѣ ожидали насъ мѣстный волостной съ акъ-сакалами и нѣсколько полицейскихъ джигитовъ, высланныхъ къ намъ на встрѣчу начальникомъ Катта-Курганскаго отдѣла. Джигиты были одѣты въ форменные чекмени изъ желтаго верблюжьяго сукна, съ форменными шашками черезъ плечо и въ бѣлыхъ чалмахъ. На груди у нѣкоторыхъ красовались медали и знакъ военнаго ордена. На верткихъ, поджарыхъ лошадяхъ, они смотрѣли истинными молодцами и даже добровольно усвоили себѣ русскую военную выправку. Очевидно, ихъ самолюбію льстятъ и эти знаки отличія и то, что русское начальство удостоило ихъ довѣрія, избравъ на полицейскія должности.

Въ первомъ попутномъ кишлакѣ на нашей территоріи обратило на себя вниманіе значительное количество домашней птицы, именно индюшекъ и гусей, чего въ бухарскихъ предѣлахъ за все время мы нигдѣ ни разу не встрѣчали. Это нововведеніе въ домашнемъ хозяйствѣ заимствовано нашими сартами у русскихъ поселенцевъ. Оказывается, что уже нѣсколько лѣтъ какъ они поразводили у себя гусей да индю-

[1]) Акъ-Дарья или, по-таджикски, Дарья-Сафитъ (бѣлая рѣка) составляетъ правый или сѣверный рукавъ Зеравшана.

[2]) Богара—то же что ляльми. Такъ въ Зеравшанскомъ оазисѣ называются пашни засѣваемыя пшеницей подъ дождь, безъ искусственнаго орошенія.

шекъ и теперь отлично сбываютъ ихъ въ Бухару въ видѣ живности. У бухарцевъ же этихъ домашнихъ птицъ почему-то не разводятъ.

Вскорѣ поднялись мы на гребень послѣдней возвышенности, и съ этого пункта, предъ спускомъ, вдругъ открылся предъ нами внизу веселый, оживленный видъ: чистенькій русскій городъ совершенно тонулъ въ садахъ среди долины, по которой быстротечный Нарыпай сверкалъ на солнцѣ своими излучинами, то скрываясь въ чащѣ прибрежныхъ садовъ, то выбѣгая изъ луговины. Влѣво, верстахъ въ двухъ впереди, выглядывала макушка холма, на которомъ бѣлѣлась казарма. Тамъ расположено наше укрѣпленіе.

До сихъ поръ мнѣ не доводилось еще быть въ Катта-Курганѣ, и онъ на первый разъ произвелъ на меня самое пріятное впечатлѣніе: крестъ надъ православною церковью, чистенькіе одноэтажные домики европейской архитектуры, съ уютными крылечками, тесовыми воротами и свѣтлыми окнами, въ которыхъ виднѣются цвѣты и бѣлыя кисейныя занавѣски; широкія шоссированныя улицы и фонари на улицахъ, въ порядкѣ торчащіе „на узаконенныхъ дистанціяхъ“; кирпичные тротуары и бульварныя аллеи, исправные мостки чрезъ канавы, русскія лавки и магазины, русскія вывѣски и русскіе люди — извощики на парахъ въ пристяжку, приказчики въ картузахъ и сапогахъ съ „бураками“, бойкіе солдатики и румяныя молодицы, и чей-то песъ лягавый, какихъ нѣтъ въ Бухарѣ, и солнце,—солнце, которое сегодня впервые свѣтитъ и грѣетъ совсѣмъ по-весеннему. Капель съ крышъ, словно зерна алмазовъ сверкая на солнцѣ, падаетъ въ подоконныя лужицы съ какимъ-то звонкимъ шелестомъ; шумно и весело журчитъ вода въ арыкахъ, радостно трещатъ вертлявыя сороки и задорно чирикаютъ въ садахъ воробьи... Совсѣмъ весной пахнетъ.

У начальника Катта-Курганскаго отдѣла, подполковника Я. А. Войцеховича, нашли мы чистое, комфортабельное помѣщеніе, теплыя, просторныя, свѣтлыя комнаты, вкусный,

хорошо сервированный столъ. О, какъ мы все это теперь оцѣнили!..

Конечно, спасибо бухарцамъ,—они старались всячески угодить намъ и дѣлали для этого все, что̀ лишь было въ ихъ возможности; тѣмъ не менѣе я радъ, что все это кончилось.

Нѣтъ, право, въ гостяхъ хорошо, а дома все-таки лучше.

КОНЕЦЪ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ГЛАВЫ: СТРАН.

I. **Отъ Ташкента до Самарканда.** Посольство въ Бухару, причины его отправленія, его составъ и подарки эмиру Бухарскому.—Выѣздъ изъ Ташкента.—Дорога ташкентскими предмѣстьями.—Старый Ташкентъ и фортъ Чиназъ.—Переправа черезъ Сыръ-Дарью.—„Голодная степь“ и ея обитатели.—Степные курганы.—Станція Малекъ.—Орелъ-стервятникъ.—Цистерна Тамерлана.—Соленая вода и жизнь на степныхъ станціяхъ.—Ливень и морозъ.—Обмерзлые шакалы.—Городъ Джизакъ и укрѣпленіе Ключевое.—Джизакское ущелье и Тамерлановы ворота.—Яны-курганъ.—Теплый вѣтеръ и буря.—Перекати-поле.—Каменный мостъ.—Зарявшанская долина.—Абдуллаховы арки и переправа черезъ Зарявшанъ.—Общій видъ города Самарканда.—Афросіабъ и самаркандскія кладбища.—Легенды объ основаніи города и о происхожденіи имени Самаркандъ 1

II. **Въ Самаркандѣ.** Самаркандъ въ картинахъ Верещагина.—Хазряти Шахи-Зинда, усыпальница Тимуридовъ.—Братья-ревуны и дервиши-дувана.—Нижній порталъ Шахи-Зинда, ея лѣстница и мавзолеи.—Рѣзныя двери мечети Кусама.—Часовня и гробъ св. Кусама.—Замокъ-рыба и его эмблематическое значеніе.—Легенда о св. Кусамѣ и пророчество Хазряти-Езеви о пришествіи русскихъ.—Бунчукъ Кусама, какъ талисманъ противъ неплодія.—Покаянное подземелье и кающійся добровольный заточникъ.—Коранъ, писанный рукой отца нынѣшняго эмира бухарскаго.—Священное дерево Камчинъ.—Мечеть Биби-ханымъ и падающіе минареты Улугъ-бека.—Эстетическій вкусъ средне-азіятовъ, ихъ страсть къ грандіозному и ихъ художественныя традиціи.—Кладбище Чиль-Духтарамъ.—Куфическія, сульсскія и магалинскія надписи Самарканда.—Слои цивилизацій древняго и новаго міра, погребенныхъ на почвѣ Самарканда 44

III. **Отъ Самарканда до Шахрисебса.** Выѣздъ изъ Самарканда.—Нѣчто о святомъ Ходжа-Ахрарѣ.—Даргамъ.—Древній лагерь.—Почетная встрѣча со стороны акъ-сакаловъ.—Ночлегъ въ Сазанганѣ.—Достарханъ и обѣдъ изъ мѣстныхъ блюдъ.—Способъ отопленія въ юртахъ.—Путь до Джама.—Сухія русла.—Шарсабизскій горный кряжъ.—Видъ на бухарскія степи и на горы Акъ-тау.—Мѣстечко

ГЛАВЫ. СТРАН.

Джамъ и его мечеть.—Узбеки-сараевцы и ихъ нравы.—Бѣлый мраморъ.—За русскою границей.—Степные колодцы.—Обработка степныхъ полей.—Путь Александра Македонскаго.—Встрѣча съ посланцами эмира.—Экипажи его высокостепенства.—Посланцы чиракчинскаго бека.—Угощеніе и ночлегъ на урочищѣ Бишъ-Чешма.—Путь до города Чиракчи.—Русло Казганъ-бузаръ.—Роздыхъ у кишлака Кокъ-ташъ и новые посланцы-чиновники.—Долина Кашка-Дарьи и видъ на городъ Чиракчи.—Характеръ города.—Ночлегъ въ чиракчинскомъ замкѣ.—Беки, почетные посланцы отъ эмира.—Пріемъ у тюря-джана, бека чиракчинскаго.—Обмѣнъ взаимныхъ подарковъ.—Путь отъ Чиракчи до Шаара.—Характеръ страны, курганы, селенія и жители.—Завтракъ въ Урта-курганѣ.—Знакомство съ первыми сановниками эмира, перваначи и топчи-баши.—Бухарская конная гвардія и ея музыка.—Что такое Шахрисебсъ.—Торжественный въѣздъ посольства въ Шааръ.—Посольскій домъ и его устройство.—Условія мѣстнаго этикета.—Смѣна русскаго часоваго бухарскимъ.—Казачья зоря и караульные сарбазы 74

IV. **Въ Шаарѣ.** Вмѣсто аудіенціи въ баню.—Базарная публика.—Прелести восточныхъ бань.—Верхомъ или въ коляскѣ?—Торжественное слѣдованіе посольства на „селямъ“ къ эмиру.—Придворные чины.—Первая аудіенція у эмира.—Музаффаръ-Эддинъ Богадуръ-ханъ, эмиръ Бухарскій, и его наружность.—Его тронъ и пріемная зала.—Его разговоръ съ первымъ посломъ.—Особенности мѣстнаго придворнаго этикета.—Визитъ къ перваначи.—Размѣнъ взаимныхъ подарковъ.—Нѣчто о жалованныхъ халатахъ и о царедворцахъ вообще.—Томаша при возвращеніи посольства изъ дворца.—Театръ маріонетокъ и пляски батчей.—Цѣлебныя свойства гранатнаго сока.—Казнь скорпіона.—Переговоры относительно телеграфной линіи.—Визитъ къ беку Бальджуанскому.—Шаарскій базаръ и нѣчто о нашей средне-азіятской торговлѣ.—Исчезновеніе токсабы.—Посѣщеніе бека Дарвазскаго.—Путешествующіе стулья.—Скупщики подарочныхъ вещей.—Историческія достопримѣчательности Шаара: могила Хазряти-Шейха и Акъ-Сарай Тимурленга.—Визитъ къ беку Кулябскому.—Во что обходятся населенію посѣщенія различныхъ бекствъ эмиромъ.—Глазная болѣзнь.—Оригинальный концертъ.—Депеша М. Г. Черняева.—Вторая аудіенція у эмира и его рѣчь.—Достарханъ и томаша въ зеркальной залѣ.—Придворные батчи и маскарабазы.—Муниципальная зоря съ церемоніей въ Шаарѣ.—Третья аудіенція у эмира.—Въ чемъ заключается шаткость положенія бухарскаго владыки.—Отношеніе къ намъ горожанъ-бухарцевъ и евреевъ.—Лагерь бухарскихъ войскъ.—Ихъ одежда, вооруженіе, снаряженіе, продовольствіе, расквартированіе и способъ рекрутированія.—Визитъ къ топчи-баши.—Смотръ и ученье баталіона гвардейскихъ сарбазовъ.—Парадный выѣздъ эмира въ городскую мечеть.—Прощальная аудіенція у эмира.—Отъѣздъ посольства изъ Шаара 123

V. **Отъ Шахрисебса до Карши.** О бухарскомъ климатѣ и морозахъ.—Землетрясеніе на ночлегѣ.—Еще нѣчто по поводу хорошихъ манеръ и гостепріимства азіятовъ.—Гнилая вода.—Роздыхъ въ Чимъ-курганѣ.—Степные хутора.—Степь и Кашкинскій оазисъ.—Наше неумѣнье путе-

ГЛАВЫ. СТРАН.

шествовать съ восточною важностью.—Неудачная переправа.—Каршинская степь.—Городъ Карши.—Его ковровыя фабрики, мѣдночеканныя и ткацкія издѣлія.—Посольскій домъ.—Политиканскія продѣлки мѣстныхъ чиновниковъ.—Нѣсколько словъ по поводу обычая дѣлать взаимные подарки.—Каршинскій бекъ и его визитъ въ посольство.—Характеръ города.—Мостъ на Кашка-Дарьѣ.—Каршинскія предмѣстья.—Мазаръ Ишанъ-Шаида и городское кладбище.—Какъ относятся нынѣшніе сарты къ своимъ могиламъ.—Похоронные обряды у сартовъ . 191

VI. **Отъ Карши до Бухары.** Характеръ мѣстности за Карши, по дорогѣ въ Бухару.—Развалины древняго города Шулюкъ.—Опять курганы.—Кишлакъ Касанъ.—Лютый холодъ.—Въ лабиринтѣ арыковъ и въ бездорожной степи.—Кишлакъ Ходжа Мубораkъ.—Умирающій верблюдъ.—Овечьи стада и степные коши.—Урочище Куль-Магіанъ.—Ночлегъ въ степномъ дворцѣ на урочищѣ Какыръ-сардоба.—Волнистая степь.—Кошъ-сардоба и ея дворецъ.—Караулъ-рабатъ.—Къ чему иногда приводитъ „государственная экономія".—Каменистая степь.—Перевалъ Мама-Джурчаты и видъ съ него на Заревшанскій оазисъ.—Кишлакъ Зироватъ.—Встрѣча съ бухарскими сановниками.—Магомедъ-Шерифъ-инакъ и Абдулъ-Гаффаръ перваначи.—Окрестности Бухары и Каганское предмѣстье 241

VII. **Въ Бухарѣ.** Ворота Кауля и городская стѣна съ ея оборонительными приспособленіями.—Городскія улицы и характеръ уличной толпы.—Факиры и нищіе.—Бухарскія мужскія моды.—Евреи, парсы, индусы, киргизы, каракалпаки, цыгане, русскіе татары, афганцы, туркмены, узбеки и персіяне.—Бухарскія женщины, ихъ моды и косметическія средства.—Насколько средне-азіятцы дѣйствительно добрые мусульмане.—Ихъ обрядовый формализмъ.—Привилегія нищихъ женщинъ.—Посольскій дворъ и пожаръ въ посольскомъ домѣ.—Визитъ къ кушъ-беги.—Значеніе и функціи его должности.—Путь ко дворцу эмира.—Регистанъ и его зданія.—Дворецъ эмира въ цитадели и его подворотный музей.—Кушъ-беги Мулла-Магометъ-бей.—Особенности его пріемной.—Разговоръ о политикѣ и о каршинскомъ бекѣ.—Обмѣнъ подарковъ и наше заключеніе о личности Мулла-Магометъ-бія.—Бухарскіе базары и предметы ихъ торговли.—Оружейныя лавочки и мѣдно-чеканная утварь.—Встрѣча съ батчею и нѣчто по этому поводу о здѣшнихъ общественныхъ нравахъ.—Визитъ къ Магометъ-Шерифъ-инаку и разговоръ съ нимъ о торговлѣ Бухары съ Индіей.— 267

VIII. **Въ Бухарѣ.** Осмотръ городскихъ достопримѣчательностей.—Царское кладбище.—Медрессе-Заргерянь и Иръ-Назаръ (императрицы Екатерины II).—Начальная школа (мехтебъ).—Мечети: Баляндъ, Миръ-Арабъ и Калянъ.—Столбъ Манари-Калянъ.—Кварталъ прокаженныхъ и болѣзни, свойственныя Бухарѣ.—Чего намъ показать не хотѣли.—Отношенія къ Русскимъ бухарскихъ чиновниковъ и завѣтное желаніе проживающихъ тутъ русско-подданныхъ.—Прощальный визитъ . . 337

IX. **Отъ Бухары до русской границы.** Отъѣздъ изъ Бухары.—Дорога предмѣстьями до Богуеддина и характеръ мѣстной культуры.—Бухарскіе ледники.—Мѣстечко Богуеддинъ и его обитатели.—Корпо-

ГЛАВЫ. СТРАН.

рація богуеддинскихъ нищихъ. — Мавзолей Даніаръ-аталыка и могила Абдуллахъ-хана. — Гробница Богуеддина. — Значеніе числа семь въ жизни сего святаго. — Казачьи грошики. — Особенности бухарскихъ угощеній и гостепріимства. — Сельское населеніе въ праздникъ. — Бои перепеловъ. — Молотильные курганы. — Мѣстечко Пангадъ. — Ночлегъ въ мѣстечкѣ Бустанъ. — Ваземъ въ Бустанѣ. — Образчики сартовской поэзіи, мадригалы и романсы. — Мервскій танецъ и другія пляски. — Единственное въ своемъ родѣ мѣрило общественной благосостоятельности. — Зеравшанъ и его значеніе для бухарскаго ханства. — Степь Дашты-Малекъ. — Степное марево. — Мѣстечко Малекъ и его древнія развалины. — Батчи въ почетномъ караулѣ. — Почетные посланцы отъ наслѣднаго принца Бухарскаго. — Городъ Кермине, его цитадель, мечеть и легендарное гнѣздо аистовъ. — Наше помѣщеніе. — Визитъ къ наслѣдному принцу. — Парадная встрѣча. — Дворецъ принца и его обстановка. — Принцъ Сеидъ Абдулъ-Агатъ-ханъ, его наружность и характеръ. — Что его интересуетъ. — Смотръ нашимъ казакамъ. — „Керминенская“ политическая партія и ея планы. — Неожиданная любезность кавказскаго человѣка. — Комнатный холодъ. — Дорога отъ Кермине до Зіаеддина. — Послѣдствія каршинскаго урока. — Городъ Зіаеддинъ и его фальшивая крѣпость. — Обстановка дома зіаеддинскаго бека. — Неудобный почетный караулъ. — Обличительная надпись. — Отъѣздъ изъ Зіаеддина. — Характеръ мѣстности. — Мѣстечки Миръ и Касагаранъ. — Послѣднее бухарское угощеніе посольства. — Русская граница. — Памятникъ на мѣстѣ Зирабулакскаго боя. — Видъ на Зеравшанскую долину. — Русскіе полицейскіе джигиты. — Новая страсть домашняго хозяйства у русскихъ сартовъ. — Городъ Катта-Курганъ. — Мы дома . 374

ИЗДАНІЯ А. С. СУВОРИНА

въ книжныхъ магазинахъ „НОВАГО ВРЕМЕНИ" А. С. Суворина: въ Петербургѣ, Москвѣ, Харьковѣ, Одессѣ и на станціяхъ жел. дор. Главнаго Общества:

АВЕРКІЕВЪ. Д. В. Лихо. Историческая повѣсть. Спб. 1886 г. Ц. 1 р.

— Хмѣлевая ночь. Историческій романъ. Спб. 1886 г. Ц. 1 р.

АНДРЕЕВСКІЙ, С. А. Стихотворенія. 1878 — 1885. Спб. 1886. Ц. 2 р.

АРСЕНЬЕВЪ, А. В. Карта для нагляднаго обозрѣнія исторіи и хронологіи русской литературы, для класснаго употребленія. Къ картѣ прилагается особою книгою «Словарь писателей древняго періода русской литературы» (862—1700 г.). Изданъ подъ ред. О. Ѳ. Миллера, проф. Спб. унив. Ц. 2 р.

АХШАРУМОВЪ, Н. Д. Во что бы то ни стало. Романъ. Ц. 2 р. 25 к.

БАРАНЕЦКІЙ, П. В. Лѣсоохраненіе. Книга для лѣсовладѣльцевъ, лѣсничихъ и слушателей учебн. лѣсн. зав. Ц. 2 р. 50 к.

БИБЛІЯ въ картинахъ знаменитыхъ мастеровъ. Новый Завѣтъ. 50 снимковъ, посред. геліографіи, съ знаменитыхъ гравюръ, передающихъ картины величайшихъ художниковъ, и текстъ къ картинамъ. In-folio. Цѣна 25 р., въ роскош. пер. съ зол. обр. 30 р.

БИЛЬРОТЪ, ТЕОДОРЪ, д-ръ. Общая хирургическая патологія и терапія. Руководство для учащихся и врачей, обработанное А. Винивортеромъ, проф. хирургіи въ Лютгихѣ. Со множ. рисунк. Изд. 5-е. Ц. 4 р. 50 к.

БОГОСЛОВСКІЙ, Н. Аракчеевщина. Ц. 2 р.

БЛАГОВО, Д. Разсказы бабушки изъ воспоминаній пяти поколѣній. Съ портретомъ. Ц. 3 р.

БОРОЗДИНЪ, К. А. Закавказскія воспоминанія. Мингрелія и Сванетія съ 1854 по 1861 г. Съ 5 портрет. Ц. 2 р.

БОРОВИКОВСКІЙ, А. и ГЕРАРДЪ, Н. Системат. сборникъ рѣшеній Гражданскаго кассаціоннаго департ. правит. Сената за 1877 г. Т. I. Матеріальное право. Т. II. Судопроизводство. Ц. 6 р.

БОРОВИКОВСКІЙ, А. Л. Женская доля по малороссійскимъ пѣснямъ. Ц. 60 к.

— Законы гражданск. (Сводъ законовъ т. X, ч. I). Съ объясненіями по рѣшеніямъ Гражданскаго кассаціон. департ. прав. Сената. Изд. 3-е, исправл. и дополн. Ц. 6 р.

— Дополненія къ 1-му изданію «Законовъ гражданскихъ (Сводъ законовъ т. X ч. I)». Ц. 1 р. 50 к.

— Систематич. Сборн. рѣшеній Гражданск. кассаціоннаго департамента правительствующаго Сената за 1879 г. Матеріальное право. Ц. 3 р.

— Уставъ гражданскаго судопроизводства съ объясненіями по рѣшеніямъ Гражд. кас. деп. пр. Сената. Вып. 1-й. (Общія положенія). Ц. 1 р. 50 к.

— Тоже. Вып. 2-й (порядокъ производства въ мировыхъ судебн. установленіяхъ). Ц. 1 р. 50 к.

— Тоже. Вып. 3-й (порядокъ производства въ общихъ судебныхъ мѣстахъ. Кн. II, разд. I. Гл. I—IX). Ц. 2 р. 25 к.

— Тоже. Вып. 4-й (порядокъ производства въ общихъ судебныхъ мѣстахъ. Прод. (ст. 566—791). Ц. 1 р. 50 к.

БУЛГАКОВЪ, Ѳ. И. Художественная энциклопедія. Иллюстрированный словарь искусствъ и художествъ). Т. I. Спб. 1886 г. Ц. 3 р.

БУРЕНИНЪ, В. Литературн. дѣятельн. Тургенева. Съ портрет. И. С. Тургенева. Изд. 2-е. Ц. 1 р. 25 к.

— Критическіе очерки и памфлеты. Ц. 1 р. 25 к.

— Изъ соврем. жизни.— Фельетон. разсказы Маститаго Беллетриста. Ц. 1 р. 50 к.

— Былое. Стихотворенія. Ц. 1 р. 75 к.

— Стрѣлы. Стихотворенія. Ц. въ пер. 2 р.

— Пѣсни и Шаржи. Новыя стихотворенія. Ц. 1 р. 50 к.

— Мертвая нога. Таинственный процессъ.— Романъ въ Кисловодскѣ. Разсказъ. Ц. 1 р.

БѢЖЕЦКІЙ, А. Н. Путевые наброски. Въ странѣ мантильи и кастаньетъ. (За Пиринеями — Мадридъ — Севилья — Гренада — Біаррицъ — Парижъ). Ц. 1 р. 25 к.

— Военные на войнѣ.— Святочные разсказы. Ц. 1 р. 50 к.

БѢЛЯЕВЪ, А. П. Записки декабриста (1803—1850). Ц. 2 р.

БЭКЕРЪ, САМУЭЛЬ. Выброшен. моремъ. Романъ для юношества. Переводъ съ англ. Съ иллюстраціями. На велен. бумагѣ. Ц. 2 р.

ВАГНЕРЪ, Н. П. Сказки Кота-Мурлыки. Изданіе 4-е, пересмотрѣн. и дополнен. нѣсколькими новыми сказками. Съ семью рисунками художниковъ: Зичи, Клодта, Куинджи, Микѣшина, Савицкаго и Шишкина. Ц. 2 р.

ВАНЪ-ДЕНЪ-БЕРГЪ. Краткая исторія Востока (египтянъ, ассиріянъ, вавилонянъ, мидянъ, персовъ и финикіянъ). Съ 24 гравюрами и виньетками. Ц. 60 к.

ВЕРНЪ, ЖЮЛЬ. Путешествіе вокругъ свѣта въ 80 дней. Съ 55-ю рисунками. Ц. 1 р. 50 к. На велен. бум. 2 р. 50 к.

— Дѣти капитана Гранта. Путешествіе вокругъ свѣта. Въ 3-хъ частяхъ. Съ 167 рисунк. Изданіе 2-е. Ц. 3 р. На велен. бум. 5 р.

— Приключенія капитана Гаттераса. Съ 252 рисунками. Ц. 2 р. 50 к. На велен. бум. 4 р.

— Плавающій городъ. Съ 25 рисунк. 150 стр. Ц. 1 р. На велен. бум. 1 р. 50 к.

— Путешествіе вокругъ луны. Съ 43 рис. Ц. 1 р. 25 к. На велен. бум. 2 р.

— Восемьдесятъ тыс. верстъ подъ водой. Путешествіе подъ волнами океана. Въ 2 частяхъ, съ 107 рисунками. Ц. 3 р.

— Приключенія трехъ русскихъ и трехъ англичанъ. 51 рис. Ц. 1 р. 50 к.

VOLAPÜK. Всемірный языкъ Шлейера. Изложеніе вопроса. Грамматика и словарь. Сост. Ив. Холинъ. Ц 50 к.

ГЕЛЬВАЛЬДЪ, ФР. Въ области вѣчнаго льда. Исторія путешествій къ сѣверному полюсу съ древнѣйшихъ временъ до настоящаго времени. Пер. съ нѣмецк. Со множеств. рисунковъ и картъ. Изд. второе. Ц. 5 р.

— Естественная исторія племенъ и народовъ. Со множеств. иллюстрацій. Сочиненіе это, заключающее въ себѣ ис-

торію развитія культуры племенъ и народовъ земного шара, иллюстрировано художникомъ Келлеръ Лейцингеромъ: типы расъ, предметы ихъ домашняго быта, и пр. 2 большихъ тома, 1418 стр. Ц. 15 руб.

ГЕККЕЛЬ, Э. Царство протистовъ. Очеркъ низшихъ организмовъ. Съ 58 рис. Ц. 1 р. 20 к.

ГЕКСЛИ. Введеніе въ науку. Ц. 30 к.

ГИЛЬДЕРЪ, Уильямъ. Во льдахъ и снѣгахъ. Путешествіе въ Сибирь для поисковъ экспедиціи капитана Делонга. Съ 57-ю грав. Ц. 1 р. 50 к.

ГЛАЗЕРЪ, А. Савонарола. Культурно-историческій очеркъ. Съ 44 грав. Ц. 2 р.

ГОЛУБЕВЪ, А. и Н. С. Русская библіографія. Годъ первый (1878). Выпускъ I-й. Систематическій каталогъ книгъ, напечатанныхъ въ Россіи въ 1878 г., съ указаніемъ газетныхъ и журнальн. рецензій.—II. Систематическ. указатель журн. статей за 1878 г. — III. Очеркъ книгопечатн. дѣла въ Россіи. Ц. 2 р. 50 к.

ГОРБУНОВЪ, И. Ѳ. Сцены и разсказы. Шестое, значительно дополненное изданіе. Ц. 1 р. 75 к. Все изданіе распродано. Есть еще небольшое количество экз. особыхъ, напечатанныхъ въ числѣ 100, для любителей, на слоновой бумагѣ, каждый за нумеромъ (арабскими цифрами). Ц. такому экземпляру 5 р.

ГОМЕРЪ. Иліада. Переводъ Н. И. Гнѣдича. Ц. 75 к.

ГРИБОѢДОВЪ, А. С. Горе отъ ума. Комедія въ 4-хъ дѣйствіяхъ. Съ предисловіемъ «Горе отъ ума и его критики» А. С. Суворина, съ послѣсловіемъ и варіантами. Роскошн. изданіе на слоновой бумагѣ. Напечатано всего 400 экз. Всѣ экз. нумерованы. Повторенія этого изданія не будетъ. Ц. 4 р., въ роскошн пер. съ зол. обрѣзомъ 6 р. 50 к.

ГРЕЧЪ, Н. И. Записки о моей жизни. Съ портретомъ. Ц. 3 р. 50 к.

ГРИГОРОВИЧЪ, Д. В. Акробаты благотворит. Повѣсть. Ц. 1 р.

— Гуттаперчев. мальчикъ. — Карьеристъ. — Алексѣй Чемезовъ. Ц. 1 р.

ГРУНДВИГЪ, Свендъ. Датскія народныя сказки. Ц. 1 р.

ГЮГО, ВИКТОРЪ. Отверженные. (Les Misérables). Ц. 3 р. 50 к.

ДАНИЛЕВСКІЙ, Г. П. На Индію при Петрѣ I.—Потемкинъ на Дунаѣ. Историч. романы. Ц. 1 р. 50 к.

— Княжна Тараканова. Историч. романъ.—Уманская рѣзня (Послѣдн. Запорожцы). Историч. повѣсть. Ц. 1 р. 50 к.

— Мировичъ (1762 — 1764 г.) Историческій романъ. Ц. 2 р.

ДЕЗ-ЕШЕРОЛЬ. Судьба одной дворянск. семьи во время Террора. Записки. Ц. 2 р.

ДОДЭ, АЛЬФОНСЪ. Королева Фредерика. (Les rois en exil). Романъ. Ц. 1 р. 50 к.

— Жены артистовъ. Очерки нравовъ. Ц. 40 к.

ДРАМАТИЧЕСК. СЛОВАРЬ. Напечат. всего 200 экз. Точное воспроизведеніе изданія 1787 г., составляющаго въ настоящее время библіографич. рѣдкость. Ц. 2 р.; на велен. бумагѣ 5 р.

ДРУЖИНИНЪ А. Полинька Саксъ. Повѣсть. Ц. 50 к.

ЕСИПОВЪ, Г. В. Люди стараго вѣка. Разсказы изъ дѣлъ преображенскаго приказа и тайной канцел. Ц. 1 р. 50 к.

— Тяжелая память прошлаго. Разсказы изъ дѣлъ тайной канцеляріи и другихъ архивовъ. Ц. 1 р. 50 к.

ЖЕНЕНЪ. Маленькій герой. Переводъ Е. Н. Ахматовой. Съ рисунк. Ц. 1 р., въ папкѣ 1 р. 25 к.

ЖИТЕЛЬ. На отдыхѣ. Деревенскія письма. Ц. 1 р. 50 к.

— Сусальныя звѣзды.—Книга раздора. Ц. 1 р.

ЗАГУЛЯЕВЪ, М. А. Русск. Якобинецъ. Романъ изъ франц. революціи. Ц. 1 р.

ЗАХАРЬИНЪ, И. Н. (Якунинъ). Тѣни прошлаго. Разсказы о былыхъ дѣлахъ. Ц. 1 р. 50 к.

ИЛЛЮСТРИРОВАННАЯ ИСТОРІЯ ПЕТРА ВЕЛИКАГО. Текстъ А. Г. Брикнера, профессора Дерптскаго университета. Гравюры на деревѣ Паннемакера и Маттэ въ Парижѣ, Кезеберга и Эртеля въ Лейпцигѣ, Клосса и Хельма въ Штутгартѣ, Зубчанинова, Рашевскаго, Шлипера и Винклера въ Петербургѣ. Заглавный листъ, заглавныя буквы и украшенія художника Панова. Ц. 15 р.

ИЛЛЮСТРИРОВАННАЯ ИСТОРІЯ ЕКАТЕРИНЫ II. Издана по тому же плану, какъ изданная уже «Ил. Исторія Петра Вел.» и заключаетъ въ себѣ до 300 портретовъ, типовъ, бытовыхъ сценъ и проч., воспроизведенныхъ преимущественно съ рѣдкихъ подлинниковъ Екатерининскаго времени. Текстъ А. Г. Брикнера, профес. Дерптскаго универс. 3 тома. Ц. 18 р.

ИСТОРИЧЕСКАЯ портретная галлерея. Собраніе портретовъ знаменитѣйшихъ людей всѣхъ народовъ, начиная съ 1300 года, съ краткими ихъ біографіями. Фототипіи съ лучшихъ образцовъ. Изданіе выходитъ выпусками, по 8 портретовъ въ каждомъ. Цѣна каждому вып. 2 р.

ИСТОРИЧЕСКІЕ разсказы и анекдоты изъ жизни русскихъ государей и замѣчательныхъ людей XVIII и XIX столѣтій. Ц. 1 р. 50 к.

КАРАЗИНЪ, Н. Н. Въ пороховомъ дыму. Романъ въ трехъ частяхъ. Ц. 2 р.

КАРНОВИЧЪ, Е. П. Замѣчательныя и загадочныя личности XVIII и XIX столѣтій. Съ 13 гравюрами. Ц. 3 р.

—Историческіе разсказы и бытовые очерки. Съ 50 гравюрами и портретами. Ц. 3 р. 50 к.

—Замѣчательныя богатства частныхъ лицъ въ Россіи. 2-е исправлен. и допол. изданіе. Ц. 2 р.

— Родовыя прозванія и титулы въ Россіи и сліяніе иноземцевъ съ русскими. Ц. 1 р.

КАРТИНЫ ЖИЗНИ. Сборникъ очерковъ и разсказовъ: Г. Андерсена, А. Додэ, Э. Золя, Гюи де-Мопассана, Ж. Ришпена и Захеръ-Мазоха. Переводъ А. Н. Чудинова. Ц. 75 к.

КИНГСТОНЪ, У. Г. Д. Молодой раджа. Разсказы изъ жизни и приключеній въ Индіи. Съ 44 рисунками. Спб. Ц. 1 р. 50 к.

КОСТОМАРОВЪ, Н. И. Черниговка. Быль второй половины XVIII вѣка. Ц. 1 р. 50 к.

— Кудеяръ. Историческая хроника. Ц. 2 р.

КРАУЗЕ, Вл. Гомеровскій словарь (къ Иліадѣ и Одиссеѣ). Съ 130 рисунками въ текстѣ и картою Трои. Ц. 1 р. 50 коп.

КРЕНКЕ, В. Азбука для народныхъ школъ. Ц. 7 к.

КРЕСТОВСКІЙ, ВСЕВОЛОДЪ. Дѣды. Историческая повѣсть изъ временъ императора Павла I. Ц. 2 р.

КРЕСТОВСКІЙ, В. (Псевдонимъ). Первая борьба. (Изъ записокъ). Ц. 1 р.

— Баритонъ. Ром. Ц. 1 р. 50 к.

— Въ ожиданіи лучшаго. Ром. Ц. 2 р.

— Встрѣча. Ром. Ц. 1 р.

— Повѣсти: Томъ I. Старыя дѣвы. — Стоячая вода. — Пансіонерка. — Братецъ. Ц. 2 р.

— Повѣсти: Томъ II. Матери. — Домашнее дѣло.—Два памятные дня. — Свиданіе. Ц. 1 р. 50 к.

— Повѣсти: Томъ III. Семья. — Искушеніе. — Учительница. Ц. 1 р. 50 к.

— Повѣсти: Томъ IV. Идеалы и фразы.—Деревенская исторія. — Дневникъ сельскаго учителя. Ц. 1 р. 50 к.

— Очерки и отрывки. Книга первая: За стѣною. — Вѣра. — На вечерѣ. — Недописанная тетрадь.–Старый портретъ, новый оригиналъ. — Старое горе. Ц. 1 р. 50 к.

— Очерки и отрывки. Книга вторая: Нѣсколько лѣтнихъ дней. — Въ дорогѣ. — Разговоръ. — Доброе дѣло. Изъ связки писемъ, брошенной въ огонь. Сцены: I. Утренній визитъ. — II. У жениха и невѣсты.—III. Для дѣтскаго театра. Ц. 1 р. 50 к.

— Большая Медвѣдица. Романъ въ 5 частяхъ. Изданіе 3-е, вновь просмотрѣнное авторомъ. Ц. 3 р.

— Испытаніе. Романъ въ 2-хъ част. Ц. 1 р. 50 к.

— Провинція въ старые годы. I. Свободное время. Романъ. Ц. 1 р.

— Провинція въ старые годы. II. Кто-жъ остался доволенъ? Ром. Ц. 1 р. 25 к.

— Провинція въ старые годы. III. Послѣднее дѣйствіе комедіи. Ром. Ц. 1 р. 25 к.

— На память 1850—1884. (Анна Михайловна.—Послѣ потопа.—Здоровые. — Прощаніе). Ц. 1 р. 50 к.

КРОТКОВЪ. В. Пыркинъ и Чепуркинъ.—Послѣдняя жертва катастро-

фы.—Во время войны—дома. Ц. 1 р.
— Частный повѣренный.—Гладкія взятки.—Первобытное состояніе. Ц. 1 р.

КЛЮЧЪ къ русскимъ упражненіямъ учебника французскаго языка Д. Марго. Изд. 5-е, исправлен. Ц. 35 к.

КУЩЕВСКІЙ, И. А. Разсказы. Ц. 1 р. 50 к.

ЛАУБЕ, Графиня Шатобріанъ. Истор. романъ. Ц. 2 р.

ЛЕББОКЪ, Д. Ж. Муравьи, пчелы и осы. Наблюденіе надъ нравами общежительныхъ перепончатокрылыхъ. Переводъ съ 5-го англійскаго изданія Д. В. Аверкіева. Съ приложеніемъ статьи переводчика: «Муравьиные слѣды». Съ рисунками въ текстѣ и 5-ю хромо-лит. табл. Ц. 3 р.

ЛЕЙКСНЕРЪ, ОТТО. Нашъ вѣкъ. Общій обзоръ важнѣйшихъ явленій въ области исторіи, искусства, науки и промышленности въ теченіе послѣдняго столѣтія. Со множ. портретовъ государей, полководцевъ, госуд. людей, ученыхъ,поэтовъ, литераторовъ, путешественниковъ, изобрѣтателей, рисунковъ, снимковъ съ картинъ извѣстныхъ художниковъ, автографовъ и проч. Пер. съ нѣм. in-8. Два большихъ тома, 152 стр. текста и 104 стр. указателей. Ц. за 2 т. 18 р.

ЛЕРМОНТОВЪ, М. Ю. Юношескія драмы. Изд. подъ ред. Н. Ефремова. Ц. 1 р. 50 к.

ЛѢСКОВЪ Н. Сказъ о тульскомъ лѣвшѣ и о стальной блохѣ. (Цеховая легенда). Ц. 40 к.

ЛЮБКЕ. Иллюстрированная исторія искусствъ. Архитектура. — Скульптура.—Живопись. — Музыка. (Для школъ, самообученія и справокъ). Съ 134 рисунк. Ц. 2 р. 50 к.

МАГАФФИ. Древне-греческая жизнь. Переводъ съ англійск. Съ примѣч. М. Ц. 60 к.

МАСАЛЬСКІЙ, КОНС. Стрѣльцы. Истор. ром. Ц. 1 р. 50 к.

МАРКЕВИЧЪ, Б. М. Переломъ. Правдивая исторія. Ц. 6 р.

МАРКОВЪ, В. В. Илья Муромецъ. Поэма. Ц. 60 к.
— Трилистникъ. Ц. 30 к.

МЕРИМЕ, П. Варѳоломеевская ночь. Истор. хрон. Ц. 1 р.
— Карменъ. Романъ. Ц. 40 к.

МИЛЮКОВЪ А. П. Царская Свадьба. Историческая повѣсть изъ временъ Іоанна Грознаго. Ц. 1 р.
— Разсказы изъ обыденнаго быта (3-е испр. и доп. изданіе). Ц. 1 р.

МЛЕКОПИТАЮЩІЯ въ описаніяхъ КАРЛА ФОГТА и картинахъ ШПЕХТА. Переводъ съ нѣм. Большой томъ in-folio. 454 стр. Съ 448 рис. въ текстѣ и 40 отдѣльн. рис. Ц. въ роскош. тиснен. золот. и краск. перепл. 23 р. То-же,роскошн.изданіе на велен. бумагѣ. Ц. 30 р., въ роскош. тиснен. золот. и краск. перепл. 34 р., съ зол. обрѣзомъ 35 р.

МОЛЧАНОВЪ, А. Н. Путевыя письма,повѣсти, разсказы и набр. Ц. 60 к.
— Между миромъ и конгрессомъ. Письма въ «Новое Время» изъ Константинополя, Измида, съ Принцевыхъ острововъ, изъ Дарданеллъ, Галлиполи, Санъ-Стефано и Филиппополя. Ц. 2 р.

МОРДОВЦЕВЪ, Д. Л. Царь и гетманъ. Истор. ром. Изд. 2-е. Ц. 2 р. 50 к.
— Авантюристы. Истор. пов. Ц. 80 к.

МОРСКОЙ, Н. Аристократія гостинаго двора. Картины нравовъ. Ц. 1 р. 50 к.
— Содомъ. Ром. Ц. 1 р. 50 к.

НЕМИРОВИЧЪ - ДАНЧЕНКО, В. И. Святыя горы (Русскій Аѳонъ). Очерки и впеч. Ц. 80 к.
— Годъ войны. Дневникъ русс. корреспондента (1877—78 г.). 2 тома. Ц. 4 р.
— Быль. Новыя повѣсти, очерки и разсказы. Ц. 2 р.
— Стихотворен. Изящно изданный томъ. Ц. 2 р. 50 к.
— Цари биржи. (Каиново племя въ наши дни). Ром. Ц. 2 р.

НИКОЛЬСКІЙ, А. Паденіе Плевны. Чтеніе для народа. Съ портретами: Скобелева 2-го, Тотлебена, Ганецкаго и Османапаши. Ц. 15 к.

—?— О ЖЕНЩИНАХЪ мысли старыя и новыя. Издан. 5-е. Ц. 1 р. 50 к.

ОСТРОВСКІЙ, А. и СОЛОВЬЕВЪ. Драматическія сочиненія: Счастливый день.—Женитьба Бѣлугина. — На порогѣ къ дѣлу. — Дикарка. Ц. 3 р.

ОТКЛИКЪ. Литературный сборникъ, изданный студентами Спб. университета въ пользу нужд. студ. и слуш. выс. женск. курс. Ц. 1 р. 50 к.

ПАССЕКЪ, Т. П. Изъ дальнихъ лѣтъ. Воспоминанія. 2 тома, съ пятью портретами и видами храма Спасителя. Ц. 4 р.

ПАЛЬМЪ, А. Петербургская саранча. Ром. Ц. 1 р. 50 к.
— Старый баринъ. Ком. Ц. 65 к.
— Гражданка. Сцены. Ц. 65 к.

ПИСЬМА Графа П. Василія. Лондонское Общество.— Вѣнское Общество. Перев. съ франц. Ц. 1 р. 50 к.

ПЛЕЩЕЕВЪ, А. Н. Подснѣжникъ. Стихотворенія для дѣтей и юношества. Ц. 1 р.

ПОЛЕВОЙ, Н. Клятва при Гробѣ Господнемъ. Русская быль XV вѣка. Ц. 1 р. 50 к.

ПОНОМАРЕВЪ, С. И. Москва въ родной поэзіи. Сборникъ стихотвореній и характеристикъ русскихъ и славянскихъ писателей, относящихся къ Москвѣ. Перечень русскихъ писателей, родившихся и умершихъ въ Москвѣ и проч. Ц. 1 р. 25 к.

П—Ъ, С. Къ царскому юбилею (1855—1880). Собраніе прозаическихъ и стихотворныхъ отрывковъ, относящихся къ Государю Императору Александру II, со дня Его рожденія до 19-го февраля 1880 г. Ц. 40 к.

ПОЭ, ЭДГАРЪ. Необыкновенные разсказы. Переводъ съ англійск., кн. I и II. Ц. каждой 60 к., кн. III. Ц. 1 р.

ПУТЕВОДИТЕЛЬ ПО РОССІИ. Сѣверъ (Петербургъ. — С.-Петербургская губернія.—Эстляндская губ.—Финляндія.—Олонецкая губ.—Архангельская губ.). Съ 5-ю планами и 2-мя карт. Подъ ред. Р. С. ПОПОВА. Ц. въ пер. 3 р.

РИШЕ, Ш. Сомнамбулизмъ, демонизмъ и яды интеллекта. Ц. 1 р. 50 к.

РОДЕНБЕРГЪ, Ю. Кромвель. Истор. ром. Ц. 3 р.

РОЗЕНТАЛЬ. Общая мышечная и нервная физіологія. Пер. подъ ред. И. Р. Тарханова. Ц. 2 р.

РОМАНОВЪ, В. В. За Ураль! Разсказъ изъ воспоминаній о Сибири. Ц. 2 р.

РУММЕЛЬ В. и ГОЛУБЦОВЪ В. Родословный сборникъ русскихъ дворянскихъ фамилій. Т. I съ билетомъ на II-й Ц. 10 р.

РУССКАЯ ПОРТРЕТНАЯ ГАЛЛЕРЕЯ. Собраніе портретовъ замѣчательныхъ русскихъ людей, начиная съ XVIII столѣтія, съ краткими ихъ біографіями (фототипіи съ лучшихъ оригиналовъ). Галлерея эта выходитъ всего въ количествѣ 500 экз. по мѣрѣ изготовленія портретовъ, выпусками, каждый изъ 6-ти портретовъ большого формата, съ краткими біографіями. Цѣна каждому выпуску 2 р.

САЙМЪ, ДЖЕМСЪ. Краткая исторія нѣмецкой литературы. Ц. 60 к.

САЛІАСЪ, (Графъ). Петербургское дѣйство. Историч. ром. (1762 г.). Изд. 2-е. Ц. 4 р.
— Los Novios. Повѣсть изъ соврем. испанскихъ нравовъ. Ц. 1 р.
— На Москвѣ. Истор. ром. (изъ временъ чумы 1771 г.). Ц. за 2 т. 4 р.
— Атаманъ Устя. Поволжская быль. Ц. 2 р.
— Поэтъ-намѣстникъ. 1785—1788. Ц. 1 р.
— Свадебный бунтъ. Историческій ром. Ц. 2 р.

САМСОНОВЪ, Л. Н. Пережитое. Мечты и разсказы русскаго Актера (1860 — 1878). Изящное изданіе на цвѣтной бум. Ц. 2 р.

СОЛЛОГУБЪ, В. графъ. Тарантасъ. Путевыя впечатлѣнія. Ц. 1 р.

САХАРОВЪ, Н. П. Сказанія русскаго народа. Народный дневникъ. — Праздники и обычаи. Ц. 75 к.
— Сказанія русскаго народа. Русское народное чернокнижіе. — Русскія народн. игры, загадки, присловья и притчи. Ц. 75 к.

СЕНТСБЕРИ, Д. Краткая исторія французской литературы. Ц. 40 к.

СИМЕОНЪ ПОЛОЦКІЙ. Мѣсяцесловъ въ стихахъ (перепечатка изъ Псалтыря съ мѣсяцесловомъ), переложенный стихами іеромонахомъ Симеономъ Полоцкимъ.

сква, въ Верхней типографіи, 1680 г., въ листъ. Съ заставками (заглавныя въ нѣсколько красокъ) и друг. украшеніями. Печатано въ двѣ краски. Ц. 2 р.

СКАЛЬКОВСКІЙ, К. А. У скандинавовъ и фламандцевъ. Путевыя впечатлѣнія по Швеціи, Даніи и Бельгіи. Ц. 1 р.

СМИРНОВА, С. У пристани. Ром. Ц. 1 р. 50 к.

СОЛОВЬЕВЪ. Н. Я. На порогѣ къ дѣлу. Деревенскія сцены. Ц. 75 к.

СТОЮНИНЪ, В. Историческія сочиненія. Ч. I. Алек. Сем. Шишковъ. Ц. 1 р. 50 к. Часть II. А. С. Пушкинъ. Ц. 1 р. 50 к.

СУВОРИНЪ, А. и В. БУРЕНИНЪ, Медея. Драма въ четырехъ дѣйств. въ стихахъ и прозѣ. Изд. 2-е. Ц. 1 р.

— ? — ТАНЦЫ, балетъ, ихъ исторія и мѣсто въ ряду изящныхъ искусствъ. Изданіе 2-е. Ц. 2 р.

ТВЕНЪ, МАРКЪ (Самуэль Клеменсъ). Принцъ и нищій. Историч. ром. для юношества всѣхъ возрастовъ. Съ 150 рисун. Изд. 2-е. Ц. 2 р.

— Приключенія Тома. Перев. съ англ. съ 109 рис. Ц. 2 р.

ТРИРОГОВЪ, В. Община и подать. Собраніе изслѣдованій. Ц. 2 р.

УМАНЕЦЪ, Ѳ. Изъ моихъ наблюденій по крестьянскому дѣлу. Ц. 1 р. 50 к.

УЭЛЬКЕНСЪ. Древнеримская жизнь. Переводъ съ англ. (съ примѣчаніями М. Стратилатова). Съ 14-ю грав. Ц. 60 к.

ФРЕНЦЕЛЬ, К. Люциферъ. Ром. изъ врем. Наполеона I. Ц. 3 р.

— Въ золотомъ вѣкѣ. Истор. ром. Ц. 2 р.

ФРИМАНЪ, Э. А. Очеркъ исторіи Европы. Перев. Стратилатова. Съ 6-ю карт. Ц. 60 к.

ФУРМАНЪ, П. Р. Дочь шута. Ром. изъ временъ Императрицы Анны Іоанновны. Ц. 1 р. 50 к.

— Русскій граверъ. Истор. пов. 1725 и 1726 гг. Ц. 75 к.

ХМЫРОВЪ, И. Азбука икса. Задачникъ по алгебрѣ и геометріи, съ подр. рѣш. и отвѣтами. Ц. 2 р. 50 к.

ХРУЩОВЪ, И. П. Къ исторіи русскихъ почтъ. Очеркъ ямскихъ и почтовыхъ учрежденій отъ древнихъ временъ до царствованія Екатерины II. Съ портретами, снимками и картами. Ц. 2 р. 50 к.

ЧЕРКАСОВЪ, А. Записки охотника Восточной Сибири. Изд. 2-е, испр. и доп. Съ рисун. Ц. 4 р.

ШАШКОВЪ, С. С. Исторія русской женщины. Изданіе 2-е, испр. и доп. Ц. 1 р. 75 к.

ШОПЕНГАУЭРЪ, А. Свобода воли и основы морали. Двѣ основныя проблемы этики. Ц. 3 р.

— Житейская мудрость. Афоризмы и максимы. Ц. 2 р.

ШПАЖИНСКІЙ, И. В. Драматическія сочиненія. Томъ I (Маіорша.—Легкія средства.—Кручина.—Фофанъ.—Прахомъ пошло!). Ц. 1 р. 50 к.

ШТЕРНЪ, А. Всеобщая исторія литературы. Перев. съ нѣмец., допол. библіограф. указ. Ц. 2 р.

ЭБЕРСЪ, Дочь египетскаго царя. Истор. ром., разсказанный для юношества О. Шапиръ. Съ рис. Ц. 1 р. 25 к.

ѲЕДОТОВЪ, А. Ф. Про бѣлаго бычка. Комедія въ 4-хъ дѣйст. Ц. 1 р.

ДЕШЕВАЯ БИБЛІОТЕКА.

АНЕКДОТЫ и остроумныя изреченія, выбранныя изъ сочиненій лучшихъ древнихъ писателей. Ц. 10 к.

БОГДАНОВИЧЪ, И. Душенька. Древняя повѣсть въ вольныхъ стихахъ. Ц. 15 к.

ВЕНЕВИТИНОВЪ. Полное собраніе стихотвореній. Съ біографіей и портретомъ Д. В. Веневитинова. Ц 15 к.

ГРИБОѢДОВЪ, А. С. Горе отъ ума. Комедія въ 4-хъ дѣйствіяхъ въ стихахъ. Съ біографіей и портретомъ автора. Изд. 7-е. Ц. 10 к.

ДАНИЛЕВСКІЙ, Г. П. Историческіе разсказы. I. Царь Алексѣй съ соколомъ. — II. Вечеръ въ теремѣ царя Алексѣя. — III. Екатерина Великая на Днѣпрѣ. Ц. 20 к.

— Украинскія сказки. 6-е изданіе. Ц. 20 к.

ДИККЕНСЪ, Ч. Оливеръ Твистъ. Ром. въ 2-хъ частяхъ. Ц. 50 к.

КАПНИСТЪ, В. Ябеда. Комедія въ 5-ти дѣйствіяхъ. Съ портр. и біографіей автора. Ц. 15 к.

КАРАМЗИНЪ, Н. М. Повѣсти. Ц. 20 к.

— Письма русскаго путешественн. Со статьею Ѳ. И. Буслаева, съ портр. автора и рисун. 2 т. Ц. 1 р., на вел. бум. 2 р.

— Исторія государства россійскаго. Великій кн. Димитрій Іоанновичъ, прозваніемъ Донской. Ц. 10 к., на вел. бум. 20 к.

— Царствованіе Ѳеодора Іоанновича. (Правленіе Бориса Годунова.—Убіеніе царевича Димитрія.—Состояніе Россіи въ концѣ XVI вѣка). Ц. 15 к.

— Царствованія Бориса Ѳеодоровича и Лжедимитрія. Ц. 20 к.

— Царствованіе Василія Іоанновича Шуйскаго и междуцарствіе. Ц. 20 к.

— Царствованіе Іоанна IV Васильевича, Грознаго, кн. I. Ц. 20 к.

— Царствованіе Іоанна IV Васильевича, Грознаго, кн. II. Ц. 30 к.

КОХАНОВСКАЯ. Старина. Семейная память. Повѣсти. Ц. 20 к.

— Послѣ обѣда въ гостяхъ. Повѣсть. Ц. 15 к.

— Кирила Петровъ и Настасья Дмитрова. Повѣсть. Ц. 25 к.

КУКОЛЬНИКЪ, Н. В. Историческія повѣсти. Книга 1-я. (Авдотья Лихончиха.—Купецъ Капустинъ. — Прокуроръ). — Съ портретомъ Петра Великаго. Изд. 2-е. Ц. 15 к., на вел. бум. 30 к.

— Историческія повѣсти. Книга 2-я. (I. Сказаніе о синемъ и зеленомъ суknѣ. — II. Часовой). Съ портр. князя Я. Ѳ. Долгорукова. Ц. 15 к., на вел. бум. 30 к.

— Историческія повѣсти. Книга 3-я. (Позументы.—Новыйгодъ). Съ гравюрой: Солдаты петровскаго времени. Ц. 15 к., на вел. бум. 30 к.

— Историческія повѣсти. Книга 4-я. (Чернышевскій миръ.—Остапъ и Ульяна.—Старый хламъ). Ц. 15 к., на велен. бум. 30 к.

— Историческія повѣсти. Книга 5-я. Запорожцы. Истор. быль временъ Екатерины Великой. Ц. 10 к.

— Историческія повѣсти. Книга 6-я (Сержантъ Ивановъ, или всѣ заодно. — Вольный гетманъ Панъ Савва.—Староста Меланья). Ц. 15 к.

ЛОМОНОСОВЪ, М. В. Избранныя сочиненія въ стихахъ и прозѣ. Съ портретомъ и біографіей М. В. Ломоносова. Ц. 40 к., на вел. бум. 60 к.

МАРЛИНСКІЙ, А. (А. А. Бестужевъ). Аммалатъ-Бекъ. Кавказская быль. Съ портретомъ автора. Ц. 25 к.

— Страшное гаданіе.— Два вечера на бивуакѣ. Вечеръ на кавказскихъ водахъ въ 1824 г. Ц. 25 к.

— Мулла Нуръ. Быль. Ц. 25 к.

— Наѣзды. Повѣсть 1612 года. — Измѣнникъ. Ц. 25 к.

— Фрегатъ Надежда. Ц. 25 к.

— Мореходъ Никитинъ.—Романъ и Ольга.—Замокъ Эйзенъ. — Шахъ Гуссейнъ. Ц. 25 к.

КСАВЬЕ де-МЕСТРЪ. Параша Сибирячка. Разсказъ. Ц. 10 к.

МЕРЗЛЯКОВЪ и ЦЫГАНОВЪ. Русскія пѣсни. Съ очеркомъ жизни обоихъ поэтовъ. Изд. 3-е. Ц. 10 к., на велен. бум. 20 к.

НАРѢЖНЫЙ. Бурсакъ. Романъ. I т. Ц. 35 к., на вел. бум. 65 к.

ПОЛЕВОЙ, Н. А. Повѣсть о Суздальскомъ князѣ Симеонѣ. Историческая повѣсть. Ц. 15 к.

ПОГОРѢЛЬСКІЙ, А. Монастырка. Романъ въ 2-хъ частяхъ. Ц. 25 к.

СОЛОГУБЪ, В., графъ Повѣсти и разсказы. Книга I. Аптекарша. — Метель.—Неоконченныя повѣсти. Ц. 20 к., на вел. бум. 50 к. Книга II. Исторія двухъ колошъ. — Нечистая сила. — Воспитанница. Ц. 25 к., на вел. бум. 50 к. Книга III. Большой свѣтъ. — Медвѣдь. Ц. 25 к., на вел. бум. 50 к.

ФОНВИЗИНЪ, Д. И. Двѣ комедіи: I. Бригадиръ. Ком. въ 5-ти дѣйств.— II. Недоросль. Ком. въ 5-ти дѣйствіяхъ. Съ біографіей Фонвизина, его портретомъ и объяснительнымъ словаремъ къ его комедіямъ. Изд. 5-е.

ХЕМНИЦЕРЪ, И. Полное собраніе басенъ и сказокъ. Съ біографіей и портр автора. Ц. 15 к.

ШЕКСПИРЪ, В. Гамлетъ. Трагедія въ 5-ти дѣйств. Перев. съ англ. Н. А. Полевого. Съ допол., варіантами по другимъ переводамъ. Ц. 25 к. Ц. 15 к.

ИЗДАНІЯ А. С. СУВОРИНА

ВЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ „НОВАГО ВРЕМЕНИ" (А. С. СУВОРИНА) ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ, ВЪ МОСКВѢ, ВЪ ХАРЬКОВѢ И ВЪ ОДЕССѢ.

Карновичъ, Е. П. Историческіе разсказы и бытовые очерки. Съ 50 гравюрами и портретами. Ц. 3 р. 50 к.

— Замѣчательныя богатства частныхъ лицъ въ Россіи. 2-е исправлен. и дополн. изданіе. Ц. 2 р.

— Родовыя прозванія и титулы въ Россіи и сліяніе иноземцевъ съ русскими. Ц. 1 р.

Крестовскій, Всевол. Дѣды. Историческ. повѣсть изъ временъ императора Павла I. Ц. 2 р.

Лейкснеръ, Отто. Нашъ вѣкъ. Общій обзоръ важнѣйшихъ явленій въ области исторіи, искусства, науки и промышленности въ теченіе послѣдняго столѣтія. Со множ. портретовъ государей, полководцевъ, госуд. людей, ученыхъ, поэтовъ, литераторовъ, путешественниковъ, изобрѣтателей, рисунковъ, снимковъ съ картинъ извѣстныхъ художниковъ, автографовъ и проч. Пер. съ нѣм. in-8. Два большихъ тома; 152 стр. текста и 104 стр. указателей. Ц. за 2 т. 18 р.

Любке. Иллюстрированная исторія искусствъ. Архитектура.—Скульптура. — Живопись. — Музыка. (Для школъ, самообученія и справокъ). Съ 134 рисунк. Ц. 2 р. 50 к.

Милюковъ, А. Царская свадьба. Историческая повѣсть изъ временъ Іоанна Грознаго. Изд. 2. Ц. 1 р.

— Разсказы изъ обыденнаго быта. (На улицѣ и еще кое-гдѣ). 3-е испр. и дополн. изд. Ц. 1 р.

Млекопитающія въ описаніяхъ **Карла Фогта** и картинахъ **Шпехта.** Переводъ съ нѣм. Большой томъ in-folio. 454 стр. Съ 448 отдѣльными рис. Ц. въ роскошномъ тисненомъ золотомъ и краск. перепл. 23 р. Роскошные велен. экз. по 30 р., въ коленк. тиснен. зол. и краск. пер., съ зол. обрѣз. по 34 р.

Русская портрет. галлерея. Собраніе портретовъ замѣчательныхъ русскихъ людей, начиная съ XVIII столѣтія, съ краткими ихъ біографіями (фототипіи съ лучшихъ оригиналовъ). Галлерея эта выходитъ всего въ количествѣ 500 экз. по мѣрѣ изготовленія портретовъ, выпусками, каждый изъ 6-ти портретовъ большого формата, съ краткими біографіями. Цѣна каждому выпуску 2 р.

Симеонъ Полоцкій. Мѣсяцесловъ въ стихахъ (перепечатка изъ Псалтыря съ мѣсяцесловомъ), переложенный стихами іеромонахомъ Симеономъ Полоцкимъ. Москва, въ Верхней типографіи, 1860 г., въ листъ. Съ заставками (заглавныя въ нѣсколько красокъ) и друг. украшеніями. Печатано въ двѣ краски. Ц. 2 р.

Саймъ, Джемсъ. Краткая исторія нѣмецкой литературы. Пер. съ англ. Ц. 60 к., въ перепл. 80 к.

Саліасъ Графъ. Петербургское дѣйство. Историческій романъ. 3 т., изданіе 2-е. Ц. 4 р.

— Los Novios. Повѣсть изъ соврем. испанскихъ нравовъ. Ц. 1 р.

— На Москвѣ. Историческій ром. (Изъ временъ чумы 1771 г.) 2 т. Ц. 4 р.

— Атаманъ Устя. Поволжская быль. Ц. 2 р.

— Поэтъ-намѣстникъ 1755—1788 г. Ц. 1 р.

— Свадебный бунтъ. Историческій романъ (1705 г.) Ц. 2 р.

Сахаровъ, П. Сказанія русскаго народа. Народный дневникъ. — Праздники и обычаи. Ц. 75 коп.

— Сказанія русскаго народа. Русское народное чернокнижіе —Русскія народныя игры, загадки, присловья и притчи. Ц. 75 коп.

Хрущовъ, И. П. Къ исторіи русскихъ почтъ. Очеркъ ямскихъ и почтовыхъ учрежденій отъ древнихъ временъ до царствованія Екатерины II. Съ портретами, снимками и картами. Ц. 2 р. 50 к.

ИЗДАНІЯ А. С. СУВОРИНА

ВЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ „НОВАГО ВРЕМЕНИ" (А. С. СУВОРИНА) ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ, ВЪ МОСКВѢ, ВЪ ХАРЬКОВѢ И ВЪ ОДЕССѢ.

Аверкіевъ, Д. Лихо. Историч. повѣсть. Ц. 1 р.

— Хмѣлевая ночь. Ист. романъ. Ц. 1 р.

Библія въ картинахъ знаменитыхъ мастеровъ. Новый Завѣтъ. 50 снимковъ, посред. геліографіи, съ знаменитыхъ гравюръ, передающихъ картины величайшихъ художниковъ, и текстъ къ картинамъ. In-folio. Ц. 25 р., въ роскош. пер. съ зол. обр. 30 р.

Бороздинъ, К. А. Закавказскія воспоминанія. Мингрелія и Сванетія съ 1854 по 1861 г. Съ 5-ю портр. Ц. 2 р.

Благово, Д. Разсказы бабушки изъ воспоминаній пяти поколѣній. Съ портретомъ. Ц. 3 р.

Гельвальдъ, Фр. Въ области вѣчнаго льда. Исторія путешествій къ сѣверному полюсу съ древнѣйшихъ временъ до настоящаго времени. Пер. съ нѣмецк. Со множеств. рисунковъ и картъ. Изд. второе. Ц. 5 р.

— Естественная исторія племенъ и народовъ. Со множеств. иллюстрацій. Сочиненіе это, заключающее въ себѣ исторію развитія культуры племенъ и народовъ земного шара, иллюстрировано художникомъ Келлеръ Лейцингеромъ: типы расъ, предметы ихъ домашняго быта, и пр. 2 большихъ тома, 1418 стр. Ц. 15 руб.

Грибоѣдовъ, А. С. Горе отъ ума. Комедія въ 4-хъ дѣйствіяхъ. Съ предисловіемъ „Горе отъ ума и его критики" А. С. Суворина, съ послѣсловіемъ и варіантами. Роскошн. изданіе на слоновой бум. Напечатано всего 400 экз. Всѣ экз. нумерованы. Повторенія этого изданія не будетъ. Ц. 4 р., въ роскошн. пер. въ зол. обрѣзомъ 6 р. 50 к.

Гречъ, Н. И. Записки о моей жизни. Съ портретомъ. Ц. 3 р. 50 к.

Данилевскій, Г. П. На Индію при Петрѣ I.—Потемкинъ на Дунаѣ. Историч. романы. Ц. 1 р. 50 к.

— Княжна Тараканова. Истор. романъ.—Уманская рѣзня (Послѣдніе запорожцы). Истор. повѣсть. Ц. 1 р. 50 к.

— Мировичъ (1762 — 1764). Историч. романъ. Ц. 2 р.

Иллюстрированная исторія Петра Великаго. Текстъ А. Г. Брикнера, профессора Дерптскаго университета. Гравюры на деревѣ Панемакера и Маттэ въ Парижѣ, Кезеберга и Эртеля въ Лейпцигѣ, Клосса и Хельма въ Штутгартѣ, Зубчанинова, Рашевскаго, Шлипера и Винклера въ Петербургѣ. Заглавный листъ, заглавныя буквы и украшенія художника Панова. Ц. 15 р.

Иллюстрированная исторія Екатерины II издана по тому же плану, какъ изданная уже „Ил. Исторія Петра Вел.", и заключаетъ въ себѣ до 300 портретовъ, типовъ, бытовыхъ сценъ и проч., воспроизведенныхъ преимущественно съ рѣдкихъ подлинниковъ Екатерининскаго времени. Текстъ А. Г. Брикнера, профес. Дерптскаго универс. 3 тома Ц. 18 р.

Историческая портретная галлерея. Собраніе портретовъ знаменитѣйшихъ людей всѣхъ народовъ, начиная съ 1300 года, съ краткими ихъ біографіями. Фототипіи съ лучшихъ образцовъ. Изданіе выходитъ выпусками, до 8 портретовъ въ каждомъ. Цѣна каждому вып. 2 р.

Историческіе разсказы и анекдоты изъ жизни русскихъ государей и замѣчательныхъ людей XVIII и XIX столѣтій. Ц. 1 р. 50 к.

Карновичъ, Е. П. Замѣчательныя и загадочныя личности XVIII и XIX столѣтій. Съ 13 гравюрами. Ц. 3 р.

2007052526

175-